PERM UNIVERSITY ENDOWMENT FUND

LII УПАСК 20 Пермь 20

КАЭ ПГНИУ

LII УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ (УПАСК)

LII УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

LII УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ

(УПАСК, г. Пермь, 5-9 февраля 2020 г.)

Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
"Perm University Press"

Пермь 2020

УДК 902(063)
ББК 63.4я43
У685

У685 **LII Урало-Поволжская** археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – 472 с.

ISBN 978-5-7944-3428-6

Рецензенты: отдел истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (ПФИЦ УрО РАН) (зав. отделом, д-р ист. наук ***А. М. Белавин***);

кандидат исторических наук, начальник отдела государственной охраны Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края ***Д. А. Изосимов***.

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции «LII Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых (УПАСК)», проходившей в г. Перми 5-9 февраля 2020 г. в Пермском государственном национальном исследовательском университете. Конференция посвящена памяти известного пермского археолога А.Ф. Мельничука.

Издание предназначено для археологов, этнологов, историков, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, учителей средних школ и дополнительного образования и всех, кто интересуется археологией, этнологией и антропологией народов Евразии.

УДК 902(063)
ББК 63.4я43

Печатается по решению ученого совета
историко-политологического факультета
Пермского государственного национального исследовательского университета

Редакционная коллегия

А.В. Васильева
Г.П. Головчанский
Д.А. Майстренко
М.К. Мингалева (отв. секретарь)
М.Л. Перескоков (гл. редактор)
Л.В. Романова
Е.В. Чуйкина
Д.А. Якимова

ISBN 978-5-7944-3428-6 © ПГНИУ, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК) – это симпозиум начинающих исследователей, занимающихся археологией, из вузов Урала, Поволжья, а также соседних регионов и государств. Конференция ежегодно проводится с 1969 г. в разных городах Урала и Поволжья на базе крупнейших вузов.

Её ежегодное проведение является переходящей почетной миссией вузовских научных археологических центров региона. Для Перми это особенно знаковое событие, так как именно здесь в Пермском государственном университете в 1947 г. под руководством О.Н. Бадера были заложены традиции и основы той археологической школы, которые впоследствии были продолжены его учениками в других регионах Урала и Поволжья. УПАСК традиционно считается «кузницей» новых научных кадров в археологии и площадкой для смелых студенческих идей и экспериментов. Проведение конференции способствует межвузовской научной коммуникации, интеграции студентов в российское археологическое сообщество и повышению их академической мобильности.

Публикуемые в настоящем сборнике работы молодых ученых, представленные на LII УПАСК, отражают тренды современной российской археологии. Можно говорить о тенденции к междисциплинарному подходу в исследованиях, использованию методов естественных и смежных дисциплин, а также ГИС технологий. Наряду с классическими секциями по археологическим периодам, включающим как материалы новейших исследований, так и проблемные доклады, были сформированы более узкоспециализированные секции. Секция «Археология Золотой Орды» была сформирована на основании итоговой резолюции предыдущего LI УПАСКа. Формирование секции «Археология города» показывает увеличивающийся интерес исследователей к данной проблематике, вызванный накоплением значительного материала раскопок на территории исторических городов Урало-Поволжского региона. Городская археология сегодня становится всё более актуальной и имеет свою специфику, а материалы, полученные в результате таких работ, дополняют и материализуют городскую историю. Актуальность и значимость вопросов сохранения культурного наследия также делает необходимым выделение тематической секции «Охрана и сохранение объектов культурного наследия». В отдельную секцию «Этнология и культурная антропология» вошли доклады как собственно этнологические, так и доклады на стыке археологической и этнологической науки.

Редколлегия сборника материалов LII УПАСК

Андрей Фёдорович Мельничук
(3 января 1954 – 29 марта 2019)

LII Урало-поволжская археологическая конференция посвящена памяти известного пермского археолога Андрея Фёдоровича Мельничука (03.01.1954 – 29.03.2019).

Еще в детстве, прочитав первые книги по археологии, он увлекся этой наукой, и страстное желание заняться ей привело Андрея Федоровича на исторический факультет Пермского университета. Здесь он быстро нашел единомышленников, вступил в студенческий археологический кружок, которым руководил выдающийся археолог В.А. Оборин. Этот выбор определил всю дальнейшую жизнь Андрея Фёдоровича.

В студенческие годы А.Ф. Мельничук исследовал вопросы русской колонизации Урала, и здесь его учителем и наставником был В.А. Оборин. Затем он обратился к более ранним периодам. О.Н. Бадер, отметив талант молодого ученого, предложил ему заняться каменным веком Прикамья. В дальнейшем А.Ф. Мельничук будет изучать практически все периоды уральской истории, успешно совмещая научную и преподавательскую деятельность. Им будут исследованы выдающиеся памятники древней истории Среднего Приуралья – Огурдинская мезолитическая стоянка, стоянка Горная Талица, знаменитый Писаный камень на р. Вишера, Гремячанское святилище, Гляденовское костище, Мокинский могильник; вслед за своим учителем В.А. Обориным, он продолжит изучение археологических слоев русских поселений: г. Соликамск, г. Чердынь, г. Кунгур, г. Оса, строгановские городки и сёла… Андрей Фёдорович обладал неуемной энергией и энтузиазмом. Ни один полевой сезон не обходился без археологических разведок, с которыми он обследовал все уголки Пермского Прикамья. Им открыто более 50 новых памятников археологии.

С 1995 по 2001 гг. А.Ф. Мельничук руководил Камской археологической экспедицией Пермского государственного университета.

Материалы раскопок вошли в многочисленные статьи и книги Андрея Фёдоровича.

Его диссертация «Финальный палеолит Пермского Приуралья» стала важной вехой в изучении каменного века Урала.

Андрей Фёдорович был талантливым педагогом. Его ученики проявят себя в археологии и истории, будут заниматься популяризацией истории края, сами станут преподавателями и учителями.

Андрей Фёдорович ушёл, но его имя и труды навсегда останутся в истории Российской археологии.

ПРОГРАММА НАУЧНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
Всероссийская научно-практическая конференция
«LII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК)»

Посвящается памяти Андрея Федоровича Мельничука
археолога, учёного, преподавателя

Оргкомитет:
Председатель – А.Л. Ветров проректор по научной работе и инновациям ПГНИУ
К.И. Шнейдер д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории и археологии ПГНИУ
Г.П. Головчанский к.и.н., доцент кафедры истории и археологии, начальник КАЭ ПГНИУ
С.Н. Коренюк с.н.с. кафедры истории и археологии, зам. начальника КАЭ ПГНИУ
М.Л. Перескоков к.и.н., доцент кафедры истории и археологии, сотрудник КАЭ ПГНИУ
М.К. Мингалева м.н.с. кафедры истории и археологии, сотрудник КАЭ ПГНИУ
А.В. Усов лаборант кафедры истории и археологии, сотрудник КАЭ ПГНИУ
А.В. Васильева сотрудник КАЭ ПГНИУ
Д.А. Майстренко сотрудник КАЭ ПГНИУ
Л.В. Романова сотрудник КАЭ ПГНИУ
Е.В. Чуйкина сотрудник КАЭ ПГНИУ
Д.А. Якимова магистрант кафедры междисциплинарных исследований, сотрудник КАЭ ПГНИУ

5 февраля (среда)
Встреча участников
15.00 Открытие выставки «Пермская археологическая школа. Время и лица»

6 февраля (четверг)
10.00 Открытие конференции и пленарное заседание (корп. 1, ауд. 242 конференц-зал)

Открытие конференции:
Приветственное слово проректора по научной работе и инновациям ПГНИУ
Андрея Леонидовича Ветрова
Приветственное слово декана историко-политологического факультета ПГНИУ
Надежды Владимировны Борисовой
Приветственное слово начальника КАЭ ПГНИУ Григория Петровича Головчанского
Приветственное слово Натальи Владимировны Мельничук

Пленарное заседание:
Председатель – Григорий Петрович Головчанский к.и.н., доцент кафедры истории и археологии, начальник КАЭ ПГНИУ
Секретарь – Екатерина Владимировна Чуйкина сотрудник КАЭ ПГНИУ

Докладчики:
Мельникова Ольга Михайловна д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ, г.Ижевск
Для чего археологу знать историю своей науки
Непомнящий Александр Викторович; Непомнящая Оксана Викторовна
педагоги дополнительного образования, руководители Полевского археологического отряда школьников г. Полевской
Потенциал дополнительного образования в археологии
12.00 – 13.00 обед
13.30 – 16.30 работа секций
16.30 – 17.00 кофе-брейк
17.00- 18.30 Открытая лекция (корп. 1, ауд. 242 конференц-зал)
Напольских Владимир Владимирович д.и.н., член-корр. РАН
Этнические интерпретации в археологии как терминологический кунстштюк

7 февраля (пятница)

09.00 – 12.00 работа секций

12.00-12.45 обед

13.00 – 14.00 Открытая лекция (корп. 1, ауд. 242 конференц-зал)

Вязов Леонид Александрович к.и.н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии КФУ, г. Казань

Геоинформационные системы в современной археологии: основные тренды развития метода

17.00 – 18.30 мастер-классы:

«Основы минералогии»

ведущий специалист Сериков Юрий Борисович д.и.н., профессор НТГСПИ(ф) РГППУ, Нижний Тагил

«Полевая антропология»

ведущий специалист Брюхова Наталья Геннадьевна научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН, Пермь

«Археологический рисунок»

ведущий специалист Красноперов Александр Анатольевич к.и.н., н.с. УИИЯЛИ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск

«Вопросы реставратору»

ведущие специалисты: Чурилова Наталия Анатольевна зав. реставрационными мастерскими Пермского краеведческого музея; Чуйкина Екатерина Владимировна ведущий археолог КАЭ ПГНИУ, Пермь

«Матрица Харриса»

ведущий специалист Мингалев Виталий Викторович старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ, Пермь

«Почвоведение: ликбез для археологов»

ведущий специалист Шестаков Игорь Евгеньевич кандидат биологических наук, доцент ПГНИУ, Пермь

8 февраля (суббота)

09.00 – 12.00 работа секций

12.00-12.45 обед

13.00 – 15.00 Панельная дискуссия (корпус 2, ауд. 514)

«Палеоэкологические исследования в археологии: современность и перспективы»

ведущие специалисты: Перескоков Михаил Львович к.и.н., доцент кафедры истории и археологии ПГНИУ, г. Пермь; Санников Павел Юрьевич к.г.н., доцент кафедры биогеоценологии и охраны природы ПГНИУ; Вязов Леонид Александрович к.и.н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии КФУ, г. Казань.

Михаил Львович Перескоков

Презентация проекта **«Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде»**[1]

15.00 – 17.30 Итоговое пленарное заседание. Закрытие конференции (корп. 1, ауд. 242 конференц-зал)

9 февраля (воскресенье)

Культурная программа

Проводы участников

[1] Проект выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-78-10050).

УДК 902/903

ДЛЯ ЧЕГО АРХЕОЛОГУ ЗНАТЬ ИСТОРИЮ СВОЕЙ НАУКИ

О.М. Мельникова

Удмуртский государственный университет, Ижевск
superlvovich2012@yandex.ru
Доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии

В статье рассматривается значение историографических и историко-научных исследований в археологии. Определяются функции историографического и историко-научного исследования в археологических работах.

Ключевые слова: история археологии, историография археологии, функции историографии и истории науки в археологии.

Совсем недавно, анализируя опыт историко-научной и историографической деятельности археологов, омские историки науки В.П. Корзун и М.В. Мамонтова в своих размышлениях об историографических опусах археологов обозначали последних «стихийными историографами». Они определили их как ученых, «входящих в поле истории науки, возделывающих его отдельные сегменты, рефлектирующих над историей своей науки» [*Корзун, Мамонтова*, 2018, с. 151]. Попробуем понять, для чего археологу важно обращение к истории своей науки.

Археология как научная дисциплина обладает корпусом научного знания, теоретико-методологическими представлениями о природе изучаемых объектов, познавательными средствами их изучения. Значимым в характеристике научной дисциплины является доступный всем археологам массив археологических публикаций. Его содержание в каждый момент времени представляет собой корпус знаний научной дисциплины. В структуре социокультурных институтов научной дисциплины существенную роль играют каналы дисциплинарной коммуникации между коллегами; разного рода профессиональные объединения. Большое значение для развития археологии как научной дисциплины оказывают археологические съезды, регулярные научные конференции (например, Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция, Уральское археологическое совещание).

Безусловным критерием институциализации научной дисциплины выступает ее писаная история, включающая описание ее достижений и неудач. Осознание и знание прошлого своей науки позволяет научному сообществу адекватно оценивать предшествующий исследовательский опыт, формировать на его основе представления о перспективах будущего. Иными словами не может существовать наука и дисциплинарно организованное сообщество вне обращения к своей истории [*Попова*, 2019, с. 266].

Но именно этот раздел отечественной археологии на протяжении XX в. развивался крайне медленно, длительное время находился в маргинальном состоянии, чему способствовал целый ряд исторических обстоятельств. Это и процесс институциализации научной дисциплины в недрах как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного знания, и воздействие на науку целого ряда вненаучных факторов (особенности политического режима, история профессионального образования, изолированность от мировой науки). Отсюда нечеткость разграничения предметной сферы историографии и истории археологии.

Несмотря на то, что первые обобщения по истории археологических знаний и истории отечественной науки появились уже с первой четверти XX в. [*Жебелев*, 1923; *Худяков*, 1933], возможно, с монографии «История отечественной археологии» Г.С. Лебедева [*Лебедев*, 1992], историографический интерес стал постепенно обретать статус самостоятельного научного направления.

Этот процесс начался еще в рубежные 1980-е гг. в контексте осмысления марксистской методологии археологического исследования [*Генинг*, 1982; *Пряхин*, 1986 и др.].

© Мельникова О.М., 2020

Развернувшиеся общенаучные дискуссии (в первую очередь об объекте и предмете науки в археологии, о содержании понятия археологическая культура) обнажили необходимость их разрешения на прочной историографической и историко-научной основе. Это был объективный процесс развития науки, которая стремилась выработать представления о своем состоянии, перспективах развития, социальных функциях. Он позволил многим археологам по-новому понять круг решаемых ими научных проблем, исходя не только из специфики изучаемого объекта, но и в связи с историческим обстоятельствами развития археологической мысли.

Стихийный процесс одновременного появления в 1990-2000 гг. историко-научных исследований в различных регионах России свидетельствовал об интуитивно уловленном тренде пересмотра методологических и содержательно-предметных оснований истории и историографии археологии. Это понимание стало еще более явным в связи с возвращением российской археологии в лоно мировой науки, особенно в новых условиях методологического плюрализма. Сегодня эта работа принесла плоды не только в виде научных статей, монографий, защищенных диссертаций. Профессиональные научные периодические издания, включая, журнал «Российская археология», стали регулярно публиковать статьи на историко-научные темы. Ставшие уже регулярными археологические съезды, включают в свой состав историко-научные секции, состав участников которых регулярно обновляется и расширяется. Большие многопрофильные научные форумы так же считают возможным специально обсуждать историко-научную тематику. Проводятся, в частности Институтом археологии РАН, тематические научные конференции («Ученые и идеи: страницы истории археологического знания» (2015); «1917 год: российская археология на переломе эпох» (2017), «У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях» (2019)).

Таким образом, в предметном ландшафте современной российской археологии исследования по истории и историографии занимают достаточно значимое пространство. Они выполняют важную миссию в развитии науки. Так, каждый из археологов, в том числе и начинающих, в обязательном порядке в изучении своей темы осуществляет историографическое обоснование исследовательских задач. Эта проблемно-тематическая/хронологическая историография носит преимущественно инструментальный характер. Продуктивна ее роль для осмысления степени изученности и постановки научных проблем. Поэтому историко-научное знание выполняет **познавательную функцию**, позволяющую археологу зафиксировать значимые научные события в своей проблемной сфере, а так же определить необходимые ориентиры для развития историко-научных исследований. Правда, такой подход нередко обнаруживает упрощенное представление о процессе изменений в археологическом знании как линейном поступательном развитии, при котором каждая последующая стадия изучения проблемы находится на более высокой ступени, чем ей предшествующая. Он не всегда может учитывать разрыв в исследовательских традициях, изменения конфигурации пространства археологической науки, влияние вненаучных факторов.

Функция истории науки состоит так же в **профессиональной социализации** археологов путем приобщения неофитов к сложившимся профессиональным ценностям и практикам археологического сообщества в процессе их обучения в вузе.

История археологии как история ее открытий, заблуждений, методов, подходов, идей помогает сформулировать ценности и этические нормы научной деятельности и выполняет миссию **формирования профессиональных норм** как самого археологического исследования, так и археологического историко-научного описания.

Полагаю, что история археологии и ее историография внутри дисциплины выполняют **интегративную функцию**. Именно на платформе истории науки возможно осуществлять плотные научные коммуникации между исследователями различных археологических эпох в условиях возросшей специализации археологического труда. Это позволяет поддерживать дисциплинарный статус археологии. Полезно рассматривать дисциплинарную историю как «историю достижений человеческого интеллекта, то есть результатов интеллектуальной деятельности, историю самой этой деятельности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и их межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний» [*Репина*, 2011, с. 352].

При таком подходе уже сегодня мы можем ставить вслед за историками интеллектуальной истории различные историко-научные и историографические вопросы: «Как и почему те или иные идеи возникали? Как и почему менялся их смысл? Как, кем и в какой форме они и распространялись? Какое воздействие оказывали в череде сменяющих друг друга конкретно-исторических контекстов? Почему одни идеи распространялись быстрее, чем другие? Как и почему некоторые идеи становились «вечными», в то время как другие были обречены на скорое забвение? Почему одни публикации становились каноническими, а другие маргинализировались? Как устанавливались и менялись взаимосвязи между существовавшими и вновь возникающими идеями, концепциями, учениями, системами знания, ценностями и т.д.» [*Репина*, 2011, с. 365].

Ответы на них вместе с уже со сложившимися учеными, могут дать и молодые, начинающие исследователи.

Библиографический список

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Часть I. История археологического знания. Петроград, 1923. 195 с.

Корзун В.П., Мамонтова М.В. «Стихийные историографы» в региональном интеллектуальном ландшафте: В.И. Матющенко, Н.А. Томилов // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 151–159.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1917 гг. СПб, С.-Петербург. гос. ун-т, 1992. 463 с.

Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. 392 с.

Пряхин А.И. История советской археологии (1917-середина 30-х гг.). Воронеж, 1986. 284 с.

Репина Л.П. История исторической науки на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: Огиз-ГАИМК, 1933 . 160 с.

WHY SHOULD AN ARCHAEOLOGIST KNOW THE HISTORY OF ITS SCIENCE

O. Melnikova, professor

Udmurt state University, Izhevsk
superlvovich2012@yandex.ru

The article considers the importance of historiographical and historical-scientific research in archaeology. The functions of historiographical and historical-scientific research in archaeological works are determined.

Keywords: history of archaeology, historiography of archaeology, functions of historiography and history of science in archaeology.

УДК 37

ПОТЕНЦИАЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

А.В. Непомнящий, О.В. Непомнящая

Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования Полевского городского округа
Центр развития творчества им. Н.Е. Бобровой, Полевской
e-mail: pao-arh@yandex.ru

Педагоги дополнительного образования

Требования, предъявляемые к организации и ведению школьных объединений, достаточно высокие, возможно, по этой причине не многие выпускники вузов выбирают специальность, связанную со школьной археологией. Тем не менее возможность изучать древнюю историю края существует в учреждениях дополнительного образования посредством создания объединений «Юный археолог». В настоящее время на Урале существует сообщество юных археологов, педагогов и учёных, которое активно развивается, используя существующие возможности. Обучающиеся принимают участие в археологических экспедициях региона и России, в учебно – экспериментальных лагерях и полевых семинарах на опорных памятниках археологии Урала, защите исследований и проектов школьниками на конференциях от муниципального до всероссийского уровней, популяризации знаний о древней истории края через участие во всероссийских акциях, костюмированных реконструкциях. Сегодня существуют возможности реализации проектов объединений через грантовые конкурсы – и этим необходимо пользоваться.

Ключевые слова: педагогическая археология, дополнительное образование, экспедиции школьников, конференции школьников, исследование.

После окончания вуза многие участники УПАСКа будут определяться со специальностью в будущей жизни. Кто-то станет профессиональным археологом, кто – то будет работать в образовательном или ином учреждении. Интерес к археологии у многих студентов сохраняется на долгое время, в летний период они продолжают участвовать в экспедициях в качестве волонтёров. Интерес к выбранной науки можно реализовать и с помощью школьной археологии.

Первые школьный археологический кружок на Урале был организован в 1945 году в г. Нижний Тагил О.Н. Бадером. Затем в разное время подобные объединения возглавляли А.И. Россадович, Г.Н. Матюшин, Ю.Б. Сериков, Н.Б. Виноградов, Ю.П. Чемякин и др. [Историческое краеведение, 2005, с.103]. Кружки создавались как при вузах, так и при дворцах пионеров и школах. В 1989 году прошла первая на Урале археологическая конференция школьников в г. Нижний Тагил. В 2008 г. на УРАШКе в Челябинске были представители 15 школьных отрядов со всего Уральского региона. По различным причинам количество их на сегодняшний день сократилось в половину. Тем не менее, сохранить интерес к археологии и реализоваться как личность, возможно с помощью школьной археологии. Мы представляем свой опыт.

С чего начать? Конечно, с организации, которая готова и желает развивать данное направление - школа, учреждения дополнительного образования. Руководство образовательного учреждения попросит вас подготовить учебные программы, за основу можно взять документы из группы ВКонтакте «Педагогическая археология», доработать её по своему усмотрению. Далее набор ребят в объединение. Рекомендуем начинать с пятиклассников, хотя есть опыт работы и в начальной школе. Обычно это делается так. Договариваемся в начале учебного года с администрацией школ о наборе ребят в объединение «Юный археолог» и проходим по параллелям с пятиминутным объявлением о наборе, демонстрируя при этом интересный артефакт или его копию. Размещать информацию о приёме не возбраняется, но эффект от этого минимален. Большинство записанных в объединение ребят – романтики,

© Непомнящий А.В., Непомнящая О.В., 2020

которым интересно движение, путешествия, поэтому с 3–4 занятия желательно периодически проводить экскурсии, познавательные походы выходного дня, небольшие путешествия. На занятиях необходимо уходить от лекционной подачи материала. В помощь макетирование жилищ, лепка сосудов, рисование на плитняке, установка палатки и др. Со второй половины учебного года, проявившим интерес к археологии ребятам, можно предложить попробовать свои силы в исследовательских или проектных работах. Темы самые простые, главное повторить алгоритм научных работ, например «Определение культурной и хронологической принадлежности случайной находки – наконечника стрелы с верховьев р. Чусовой» или проект «Археологическая карта Полевского района». С готовыми работами можно выступать на конференциях от муниципального до Российского уровней, информацию о них не сложно найти в сети интернет. С самого начала образования объединения необходимо заручиться поддержкой и взять в союзники родителей, а именно довести до них программу своего отряда и перспективы, которые открываются перед их детьми, приглашать к совместному участию во всех мероприятиях отряда. Если выделено помещение под археологический кружок, то целесообразно на занятиях оформлять его тематическими стендами, макетами, которые послужат в дальнейшем основой экспозиции или даже музея. В работе объединения необходимо пользоваться мультимедийными презентациями по разным темам, сегодняшние дети в большинстве визуалы. Скачать презентации по разным темам занятий можно из группы в ВКонтакте «Педагогическая археология». С самого начала образования объединения необходимо заручиться поддержкой родителей, а именно довести до них программу своего отряда и перспективы, которые открываются перед их детьми. Ещё один козырь педагога археолога – это возможность в более тщательной подготовке к защите проекта в образовательном учреждении обучающегося (в школе) в связи с новыми требованиями ФГОСа. Возможности у педагога дополнительного образования в руководстве такими работами больше (в том числе временные) по сравнению с учителями. А в ответ вы получите костяк преданных отряду детей, которые на протяжении 5–6 лет буду с вами. Во время проведения Всероссийской акции «Ночь музея» желательно присоединиться к ней либо самостоятельно с проведением мастер – классов, экскурсий, реконструкций технологий или жизни древних людей, либо сообща с другими учреждениями культуры. То же самое можно провести в день города. Во время проведения Уральских региональных археологических школьных конференций, принимающая сторона обычно организовывала экскурсии по интересным местам территории, памятникам археологии, музеям. Вероятно, это послужило для многих толчком в создании туристско – экскурсионных маршрутов. Так наш отряд разработал и реализовал с помощью благотворительного фонда «Синара» две экскурсии «Легенды горы Азов» и «Малахитовая шкатулка». Такая созидательная деятельность объединения благоприятно сказывается на формируемом имидже отряда, обучающиеся реально оценивают пользу мероприятий для общества, выраженную в передаче полученных знаний о древней истории края.

До июня желательно выбрать место для полевого учебного лагеря, возможно как раз во время походов с отрядом по окрестностям. Основные критерии выбора: близость к населённому пункту (в 3–5 км.), наличие источника воды, топлива, ровных площадок для игр, автомобильной дороги для доставки оборудования и провианта. Документы, которые затрагивают образовательный процесс в природных условиях, выделяют несколько форм: палаточный лагерь, слёт, экспедиция, поход. Требования, которые предъявляются к палаточным лагерям трудно выполнимы, требуют больших организационных и финансовых затрат. Слёт или экспедиция – эти формы сопоставимы с походом и реальны к исполнению. Мы официально проводили свои лагеря в форме слёта юных археологов, вероятно, сейчас снова вернёмся к экспедиции. Требования, которые необходимы для них: положение о слёте, экспедиции, принятое учреждением, ограничения времени мероприятия до 7 суток, обработка территории от клещевого энцефалита и информирование МЧС территории о проведении такого лагеря. Рекомендуем в такой лагерь завозить бутилированную воду, при возможности использовать отходы с лесопилок в качестве топлива для костра. Важно от детей получить справку о здоровье и прививке от клещевого энцефалита, от родителей согласие на участие детей в слёте. Как минимум за месяц до выезда желательно сформировать программу экспедиции, слёта. Образцы таких документов опубликованы в группе В.К., «Педагогическая

археология». Проведение такого слёта позволит подготовить ребят к жизни в полевом лагере, сплотить коллектив, отработать методику работы на раскопе. Участие школьников в археологической экспедиции. Здесь есть несколько вариантов. Первый и наиболее оптимальный – участие отряда в экспедиции своего научного руководителя. Второй, поиск информации о потребностях в школьных отрядах через руководителей школьный археологических отрядов и в сети интернет. Последний вариант необходимо проверять, т.к. не всегда правдивая информация даётся о планируемых раскопках и условиях работы в них. Ещё одной формой мотивации школьников на изучение археологии – являются проводимые традиционно в конце августа полевые семинары на основных памятниках археологии Урала, например: Иртяшские городища, Аркаим, мегалиты острова Веры, геоглиф Зюраткуля, пещера Шульган – таш, Игнатьевская пещеры, Дыроватый камень, Горбуновский торфяник, Наскальные рисунки р. Нейва и др. На таких семинарах автор – исследователь памятника проводит экскурсию на объект, делится последней информацией, знакомит с топографией, отвечает на интересующие вопросы. На второй год обучения предлагается изучение археологии региона и формирование учебно – исследовательской группы, которая в основном занята работой над исследованиями, индивидуальными и коллективными проектами. Участие в конференциях, семинарах, грантовых конкурсах, социальных мероприятий, квестах, слётах, полевых экспедициях позволит сформировать актив отряда, который пройдёт путь школьной археологии до конца 11 класса, станет примером для следующих школьников, которые придут в объединение, сформирует традиции и сохранит их для новичков.

Таким образом, занятие школьной археологией открывает большие возможности перед педагогами, выбравшими этот путь, а именно совместить три вида деятельности: педагогическую, научную и творческую.

Библиографический список

Историческое краеведение. Учебное пособие. Под ред. Профессора Г.Е. Корнилова. Екатеринбург: УрГПУ, 2005.240 с.

POTENTIAL OF ADDITIONAL EDUCATION IN ARCHAEOLOGY

A. Nepomnyashchiy, O. Nepomnyashchaya teachers of additional education

Municipal Budgetary Institution of Additional Education of Polevskoy City "Center for the Development of Creativity named after N.E. Bobrova"
e-mail: pao-arh@yandex.ru

The requirements for organizing and managing school clubs are quite high, perhaps for this reason not many university graduates choose a specialty related to school archeology. Nevertheless, there is an opportunity to study the ancient regional history in additional education centers due to creating the associations "Young Archaeologist". Nowadays there is a community of young archaeologists, teachers and scientists in the Urals which is actively developing by using existing opportunities. Students take part in archaeological expeditions of the Ural region and Russia, educational and experimental camps and field seminars on main archeological monuments of the Urals. Also students make research works and projects for conferences from the municipal to federal level, popularizing ancient regional history knowledge by participation in all-Russian costume reconstructions. Today there are opportunities to implement association projects by grant competitions - and this must be used.

Keywords: pedagogical archeology, additional education, expeditions for schoolchildren, conferences for schoolchildren, research

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА»

УДК 902.01

КЕРАМИКА ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Р.Е. Астолопов
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
astolopov.roman@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

В представленной статье приводится общая характеристика керамических комплексов елшанской культуры. Обосновывается возможность ее разделения на два варианта (западный и восточный). Определяются этапы развития, происхождение и периодизация елшанской культуры на основе анализа керамических комплексов. Рассматривается абсолютная хронология бытования раннего неолита в лесостепном Поволжье.

Ключевые слова: керамика, елшанская культура, лесостепное Поволжье, хронология, периодизация.

Впервые посуда елшанского типа была выявлена в середине 70-х годов XX века на стоянке Старая Елшанка II, ставшей эпонимной для культуры. На протяжении последней четверти XX продолжилось исследование неолитических памятников в лесостепном Поволжье и расширение источниковой базы. В 1999 году А.Е. Мамоновым был обоснован самостоятельный культурный статус елшанских древностей [*Мамонов,* 1999]. Главным критерием при выделении культуры являлась своеобразная керамика, ее рассмотрению посвящена представленная работа.

Ранненеолитические комплексы елшанского типа можно разделить на два варианта: более ранний – восточный, и поздний – западный. Условной границей между ними выступает междуречье Суры и Мокши [*Андреев*, 2015]. Керамика восточного варианта представлена на таких стоянках, как Чекалино IV, Нижняя Орлянка II, Ильинка, Лебяжинка IV, Красный Городок, Большая Раковка II и др. Для данной посуды характерна относительная тонкостенность, заглаженная или залощенная внешняя поверхность, плотная фактура черепка. Преобладают прямостенные горшки, при этом около четверти сосудов имеют профилировку. Срезы венчиков округлые или приостренные, но имеются и уплощенные. Основу составляют плоские и приостренные днища, округлые встречены лишь единично. Форма сосудов – яйцевидная и баночная, но в ряде регионов представлены сосуды яйцевидной формы с ребром на тулове. Орнамент на всех сосудах приурочен к верхней трети, нанесен в основном на шейке или срезе венчика. Весьма характерно полное отсутствие орнаментации или украшение лишь ямками-жемчужинами по горлу, но имеются сосуды с прочерченными линиями, редко, наколами/насечками или наколами-тычками в качестве узора.

Западный вариант, представленный стоянками Городок I, Шапкино VI, Озименки II, Утюж I и др., близок по технологии изготовления и форме сосудов восточному. Для керамики также характерна тонкостенность, заглаженность или залощенность внешней и внутренней поверхности, плотная фактура черепка. Форма сосудов – яйцевидная с острым дном, закрытые и открытые пропорции, а также округлодонные чаши. Венчики прямые, профилированные и вогнутые. Срезы венчиков округлые, приостренные и плоские. Орнамент, как и у восточного варианта, приурочен к верхней трети. Ямочки-жемчужины под срезом венчика встречаются редко, однако, широко распространены треугольные наколы и наколы-тычки, также представлены прочерченные линии и насечки.

© Астолопов Р.Е., 2020

Керамика восточного варианта елшанской культуры изготовлена из илистой глины, с примесью песка и органики. Искусственным компонентом, применяющимся при ее изготовлении, является шамот. Обжиг осуществлялся при низких температурах [*Васильева,* 2011]. Посуда западного варианта схожа по технологии изготовления с восточным. В качестве отличительной черты можно выделить использование исходного пластического сырья в сухом дробленом виде и большее количество сосудов с примесью шамота [*Васильева, Выборнов,* 2014, с. 40].

Различия в орнаментации и технологии изготовления посуды западного и восточного вариантов имеют, по всей видимости, культурно-хронологический характер. Данное обстоятельство позволяет поставить вопрос о самостоятельном культурном статусе памятников западного варианта елшанской культуры, который, однако, далек от своего окончательного решения [*Андреев*, 2015].

Автор данной статьи склоняется к гипотезе о среднеазиатских истоках формирования раннего неолита лесостепного Поволжья [*Васильев, Выборнов,* 1988]. Для обоих регионов характерны: тонкостенность, плотный черепок, залощенность или заглаженность поверхностей. Сосуды имеют вертикально-вытянутые пропорции со слегка раздутым туловом и плавно отогнутым наружу верхним краем. Также характерна профилированность венчиков, округлый и утоньешный срез, остродонность или округлодонность. Типичной чертой является отсутствие орнамента, либо его приуроченность к верхней трети сосуда. При этом орнамент представляет собой прочерченные линии. Взаимодействию елшанского и среднеазиатского населения способствовала близость природно-климатической обстановки в регионах.

Посуда западного варианта имеет меньше сходства с материалами Приаралья и Восточного Прикаспия. Ряд исследователей утверждает о сходстве посуды елшанского типа с посудой ракушечноярской и сурской культур Приазовья и Северного Причерноморья. В.В. Ставицкий [*Ставицкий*, 2005], Н.С. Котова [*Котова,* 2002], В.А. Манько [*Манько,* 2007] и А.В. Вискалин [*Вискалин,* 2006] придерживаются гипотезы о малоазиатских истоках неолитизации лесостепного Поволжья. Для данных регионов характерна тонкостенная керамика с примесью песка и заглаженной или лощеной поверхностью. Сурская форма сосудов – яйцевидная и остродонная, близка елшанской, также, как и прямостенные и плоскодонные горшки с Ракушечного Яра. Приуроченность орнамента к верхней трети сосуда и орнамент в виде наколов разнообразной формы также является общей чертой.

Согласно радиоуглеродному анализу, начало распространения елшанского населения на запад может быть отнесено к концу VII – началу VI тыс. до н.э. [*Андреев и др.,* 2012; *Выборнов и др.,* 2013]. Движение носителей елшанской керамической традиции в северо-западные регионы могло быть спровоцировано постепенным ростом населения, а также усилившимся процессом аридизации в конце VII тыс. до н.э. [*Спиридонова, Алешинская,* 1999. с. 23-25]. На основании изучения технологии изготовления елшанской посуды И.Н. Васильева считает, что волн миграции было, как минимум, две [*Васильева,* 2011].

Таким образом, вероятно, елшанское население, проникавшее в западные регионы, вступало во взаимодействие с населением Северного Причерноморья, следствием которого явилось формирование западного варианта елшанской культуры, которая имеет аналогии как с материалами Среднего Поволжья, так и с Причерноморско-Приазовским регионом.

Наиболее приемлемой выглядит гипотеза о генезисе елшанской культуры на рубеже VIII и VII тыс. до н. э., которая находит подтверждение в значительной серии радиоуглеродных определений для ряда памятников, полученных по различным материалам. Согласно радиоуглеродной хронологии, елшанская культура существует в лесостепном Поволжье как минимум до середины, а возможно, и до третьей четверти VI тыс. до н. э. С началом VI тыс. до н. э. может быть связано возникновение и развитие второго типа керамики и начало освоения елшанским населением западных регионов – формирование западного варианта елшанской культуры [*Андреев, Выборнов,* 2017].

Библиографический список

Андреев К.М. О двух вариантах елшанской культуры // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб: ИИМК РАН, 2015. С. 29-33.

Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура): монография / К.М. Андреев, А.А. Выборнов. Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.
Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. Том 14. № 3. С. 193-199.
Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 2 (48). С. 70-81.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитическое гончарство Сурско-Мокшанского междуречья // Самарский научный вестник. Самара, 2014. № 3 (8). С.35-53.
Вискалин А.В. К вопросу о происхождении елшанской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2006. С. 90-93.
Выборнов А.А., Андреев К.М., Барацков А.В., Кулькова, М.А., Кольцов П.М., Юдин А.И., Джалл Т., Гослар Т., Ойнонен М., Посснерт Г., Филиппсен Б. Новые данные по радиоуглеродной хронологии неолита лесостепного и степного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Том 15, № 5. Самара. 2013. С. 254-260.
Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.
Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара: СГПУ, 1999. С. 15-43.
Манько В.О. Перспективи датування кераміки радіокарбонним методом // Кам'яна доба Украіни. Вып.10. Луганск: Шлях, 2007. С. 168-177.
Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1. М., 1999. С. 23-33.
Ставицкий В.В. Проблема неолитизации Волго-Донской лесостепи // Новые гуманитарные исследования. Известия СНЦ РАН. Самара: СНЦ РАН, 2005. С. 145-151.

CERAMICS OF ELSHAN CULTURE

R. Astolopov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
astolopov.roman@gmail.com

Academic supervisor - PhD K. Andreev

This article provides a general description of the ceramic complexes of Elshan culture. The possibility of its division into two options (western and eastern) is substantiated. The stages of development and periodization of Elshan culture are determined on the basis of the analysis of ceramic complexes. The absolute chronology of the existence of the early Neolithic in the forest-steppe Volga region is considered.

Keywords: ceramics, Elshan culture, forest-steppe Volga region, chronology, periodization.

УДК 902.903.21

КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ КРАСНЫЙ ГОРОДОК: ОДИН КОМПЛЕКС ИЛИ ДВА?

К.И. Бородулин

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
kborodulin@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

Статья посвящена анализу каменного комплекса стоянки Красный Городок. Выделяется две группы кремня имеющие определенные типологические различия. На наш взгляд обозначенные

© Бородулин К.И., 2020

различия имеют культурно-хронологический характер. Изделия из серого качественного кремня находят аналогии в позднемезолитических комплексах лесостепного Поволжья, а из цветного – в ранненеолитических.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, поздний мезолит, ранний неолит, кремневая индустрия.

Стоянка Красный Городок была впервые обнаружена в 20-е годы XX века В.В Гольмстен. Позже в 1985 году памятник был обследован А.А Ластовским. Стоянка расположена в Красноярском районе Самарской области в 100 м к юго-востоку от с. Красный Городок, на правом берегу реки Сок, находится на возвышенности, внизу которой затопляемый половодьем луг. В 1986 и 1988 годах под руководством А.А Ластовского и О.В. Кузьминой в юго-восточной части возвышенности было заложено два раскопа общей площадью 300 кв.м. Выявленная при изучении памятника, стратиграфия типична для дюнных стоянок. Поверхность раскопа была задернована, мощность дернового слоя составляет около 5 см. Далее идёт культурный слой – темно-серая гумусированная супесь, мощность которой на отдельных квадратах раскопа достигает 1 м. Материк представлен суглинком оранжевого цвета.

При публикации материалов авторы исследований комплекс каменного инвентаря и часть керамики отнесли к раннему неолиту – елшанский тип. При этом на основании высокой пластинчатости определяли наиболее раннее хронологическое положение в системе неолитических древностей региона коллекции каменного инвентаря памятника. В то же время А.А. Ластовский отмечал неоднородность сырья для изготовления кремневых орудий и указывал, что места его добычи различаются по своему местоположению. Он полагал, что такое различие может быть связано с культурной и хронологической неоднородностью комплекса, однако в заключении констатирует возможность одновременного использования двух групп сырья для производства орудий. Вторая группа посуды, выявленная на стоянке, относится к бронзовому веку – абашевская культура [*Кузьмина, Ластовский,* 1995].

В связи с ростом актуальности изучения каменного века в лесостепном Поволжье, было принято решение еще раз обратиться к рассмотрению кремневого комплекса стоянки Красный Городок.

При работе с коллекцией в 2019 году было обнаружено 616 экз. каменных артефактов. Данный комплекс был разделён на две группы на основании цветовых и качественных характеристик кремня. Первая группа представлена артефактами из серого и различных его оттенков высококачественного кремня. Вторая группа – артефакты из цветного, преимущественно коричневого и различных его оттенков, кремня, не имеющие устойчивой формы.

Первая группа насчитывает 485 единиц. Отходы производства представлены: кусками и осколками кремня (71 экз.), отщепами без ретуши (198 экз.), лишь один отщеп имеет мелкую краевую нерегулярную ретушь, продольными (64 экз.) и поперечными (3 экз.) сколами без ретуши.

Пластины (110 экз., 23 % от комплекса данной группы) представлены целыми (10 экз.), проксимальными (43 экз.), медиальными (36 экз.) и дистальными (21 экз.) частями. Анализ метрических показателей пластин показал, что ширина варьируется от 4 мм до 21 мм, а толщина от 1 мм до 6 мм, при этом основная масса пластин имеет ширину от 7 мм до 10 мм и толщину от 1 мм до 4 мм. Ретушь на пластинах в большинстве случаев наносилась по одной грани (5 экз.), с дорсальной (4 экз.) и вентральной (1 экз.) стороны, лишь в одном случае ретушь нанесена по двум граням с дорсальной стороны.

Нуклеусы представлены торцевыми (2 экз.) и аморфными (1 экз.) формами, также в коллекции выявлено несколько нуклевидных кусков кремня. Орудийный комплекс данной группы представлен 23 экземплярами (4,7%). Скребки изготовлены на пластинах (5 экз.) и относятся к концевому типу со скошенным (4 экз.) и округлым (1 экз.) рабочим краем и один скребок на продольном сколе с прямым рабочим краем. Резцы на углу пластины представлены 9 экз., также выявлен 1 скобель-резец на пластине. Также выявлены: скобели на отщепах (2 экз.), перфоратор и прямолезвийный нож на продольных сколах и заготовка под деревообрабатывающее орудие.

Вторая группа насчитывает 130 единиц. К отходам производства относятся отщепы (50 экз.), продольные сколы (19 экз.), а также куски и осколки кремня (20 экз.). Малочисленные пластины из цветного кремня (18 экз., 14 % от комплекса данной группы) имеют ширину от 7 мм до 16 мм, а толщина от 2 мм до 5 мм, в основном ширина от 10 мм до 11 мм, а толщина от 2 мм до 3 мм. Ретуши на пластинах не обнаружено. Нуклеусы представлены аморфными (2 экз.) и торцевыми (1 экз.) типами. Орудийный комплекс насчитывает всего 4 экз. (3 %), угловой резец и скобель, изготовленные на отщепах, перфоратор на продольном сколе, а также нож со скошенным лезвием.

Исходя из представленной краткой характеристики каждой из выделенных групп кремневых изделий памятника можно сделать определенные выводы. Для первой группы характерна большая ориентированность на получение правильных пластин и их относительно высокий удельный вес (23%). Также на сером кремне изготовлены все угловые резцы на пластинах, выявленные на памятнике и, в целом, большинство орудий изготовлено на пластинчатых заготовках. Коллекция изделий из цветного кремня менее выразительна, однако можно констатировать меньшую ориентированность на получение пластин из данного типа сырья и преимущественно их неправильную форму, немногочисленные орудия при этом изготовлены на отщепах и сколах.

Определенные аналогии коллекция изделий из серого кремня стоянки Красный Городок обнаруживает с памятниками позднего мезолита лесостепного Поволжья (Красный Яр I и Кочкари I). На позднемезолитических стоянках региона около трети всех изделий представлены пластинами. Основным сырьем для изготовления орудий являлся – серый или серый полосчатый качественный кремень. На пластинах изготовлено также подавляющее большинство орудий, в частности скребки концевого типа и угловые резцы, находящие определенные типологические параллели с комплексом стоянки Красный Городок. Также близки типы нуклеусов, ориентированные на получение правильных пластинчатых заготовок [*Ластовский,* 1999; *Андреев, Андреева (Ересько),* 2018; *Андреев и др.,* 2018; *Бурыгин,* 2018; *Бурыгин,* 2019]. В то же время присутствуют и некоторые отличия (отсутствие перфораторов, выраженных деревообрабатывающих орудий и др.), которые могут быть связаны с малой выборкой анализируемых изделий из кремня стоянки Красный Городок.

В то же время группа изделий из цветного кремня демонстрирует сходство с представительными коллекциями ранненеолитического кремня стоянок елшанской культуры – Нижняя Орлянка II и Чекалино IV. Для ранненеолитических комплексов региона, как и для рассматриваемой группы стоянки Красный Городок, характерен низкий показатель пластинчатости – около 10% и столь же низкий процент орудий, изготовленных на пластинах. Типичными являются формы нуклеусов и категории орудий, а также характер используемого сырья [*Андреев, Выборнов,* 2017].

Исходя из приведенных выше данных возможно вновь поставить вопрос о неоднородности кремневого комплекса стоянки Красный Городок. На наш взгляд обозначенные различия имеют культурно-хронологический характер. Первая группа кремня, по сырью, форме и технике изготовления орудий, нанесения на них ретуши, может быть отнесена к эпохе позднего мезолита лесостепного Поволжья. Вторая группа по характеру сырья и морфологии орудий относится к раннему неолиту. Малочисленность орудий в комплексе второй группы, свидетельствует о кратковременном пребывании неолитического населения на памятнике, чему не противоречит ограниченная коллекция ранненеолитической керамики стоянки Красный Городок (9 сосудов).

Библиографический список

Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.

Андреев К.М., Андреева (Ересько) О.В. Итоги исследований стоянки Кочкари I в 2017 году // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2018. Том 20. № 3. С. 195-202.

Андреев К.М., Андреева О.В., Бурыгин М.А. Некоторые итоги исследований стоянки Кочкари I в 2018 году // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2018. Том 20. № 3(2). С. 455-460.

Андреев К.М. Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2015. Том 17. № 17 (3). С. 198-211.
Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в Самарском Поволжье // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Самара: Самарский университет, 2018. С.14-16.
Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I - новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С.14-16.
Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красной Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 25-50.
Ластовский А.А. Каменный инвентарь красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры Самарской области. Вып. I. Самара, 1999. С. 4-24.

SILICON SITE EQUIPMENT KRASNYY GORODOK: ONE COMPLEX OR TWO?

K. Borodulin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
kborodulin@mail.ru

Academic supervisor - PhD K. Andreev

The article is devoted to the analysis of the stone complex of the parking lot Red Town. Two flint groups are distinguished having certain typological differences. In our opinion, the indicated differences have a cultural-chronological character. Products from high-quality gray flint find analogies in the late Mesolithic complexes of the forest-steppe Volga region, and from non-ferrous ones in the early Neolithic.

Keywords: forest-steppe Volga region, Late Mesolithic, Early Neolithic, flint industry.

УДК 902.903.21

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЛГАЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019 ГОДА)[1]

Ф.Ф. Гилязов, В.Р. Булычев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
filatgiljazov12@gmail.com
Vyacheslav@sgspu.ru

Научный руководитель – д.и.н. А.А. Выборнов

В работе представлены итоги исследования неолитической стоянки Алгай в Саратовской области степного Поволжья в 2019 году. Прослежено наличие трех уровней культурного слоя. Каменный инвентарь представлен скребками, остриями, геометрическими микролитами и пластинами.

Ключевые слова: неолит; орловская культура; степное Поволжье; культурный слой; радиоуглеродное датирование; кремневый инвентарь; геометрические микролиты.

Исследователи отводят памятникам раннего неолита Нижнего Поволжья, в силу их малочисленности, особую роль. Еще большее значение имеют стоянки с сохранившимся и

[1] Работа выполнена по проекту 33.1907 /ПЧ госзадания Министерства образования и науки РФ
© Гилязов Ф.Ф., Булычев В.Р., 2020

непотревоженным культурным слоем [*Юдин*, 2004; *Выборнов,* 2009]. Одной из таких является стоянка Алгай. Она расположена на правом берегу р. Большой Узень (Камыш-Самарский бессточный водный бассейн), на краю слабо выраженной террасы, в 150 м к югу от поселения Орошаемое и в 1,5 км к северу от районного центра Александров Гай Саратовской области [*Выборнов, Юдин,* 2016, с.3]

Раскоп 2019 года был заложен к раскопу 2 (2016 года) с северо-восточной стороны, вдоль берега бывшего пруда. Площадь раскопа составила 15 кв. м, а толщина культурного слоя достигала 2,4 м (вместе с балластным слоем – выкидом из котлована пруда).

Культурные слои включают напластования энеолитического и неолитического времени. Энеолитические находки, как и в раскопе Орошаемое, относятся к хвалынскому и прикаспийскому времени. Артефакты неолитического периода, аналогичны раскопу I стоянки Алгай и относятся к орловской культуре [*Выборнов, Юдин,* 2017]. Слой неолита начинался с 22 штыка после стерильной прослойки. Это исключает попадание изделий энеолитической поры в более ранний слой.

Коллекция каменного инвентаря неолитического культурного слоя наиболее представительна по сравнению с остальными слоями раскопа. Всего было обнаружено около 165 изделий из камня, из них 78% (129 экз.) составляют изделия из кремня. Материалом для изготовления орудий труда служил кремень светло-серого и темно-серого матового (синеватого) цвета. В слоях 31-33, по сравнению с верхними штыками, хорошо представлен кремень полосчатого и черного цвета. В коллекции представлены 40 отщепов без ретуши, из них 7 кварцитовых. Обнаружено 15 сколов с нуклеуса. Они небольшие, что говорит о нехватке кремня на стоянке. Два нуклеуса для снятия пластин сильно сработаны.

Большинство кремневых орудий изготавливалось на отщепах. Основную категорию составляют скребки различных типов: на отщепах (34), продольных сколах (2) и пластинах (13). По форме рабочего края скребки делятся на: округлые (34 %), прямые (18%), со скошенным лезвием (11%), с ретушью по 2 граням (17%) и 3 граням (20%). Обнаружен дублированный скребок. Кварцитовые орудия представлены четырьмя скребками на отщепах с округлым рабочим краем. Крупные скребла представлены четырьмя экземплярами. Они выполнены на крупных кремневых отщепах. На двух наблюдаются остатки желвачной корки. Также найдены два перфоратора из кремня и обломок кварцитовой проколки.

Встречаются сечения пластин и отщепы из серого кварцита. Ножевидные пластины и сечения микролитичны, ширина их не превышает 15 мм. Найдена одна целая и 11 обломков кварцитовых пластин, из них 8 медиальных и 3 проксимальные части. Кремневые пластины представлены в количестве 25 экз. Из них 3 целые, 9 проксимальных, 6 медиальных и 7 дистальных частей. Несколько сечений ножевидных пластин ретушированы со стороны спинки, часть имеет ретушь по длинным сторонам. Следует отметить, что кварцитовые пластины крупнее кремневых. И встречаются они вплоть до 28 слоя, а единичные до 32 слоя. Также есть комбинированное орудие на пластине.

Следует отметить наличие в этом слое более крупных кварцитовых пластин и скребков по сравнению с кремневыми. Но связывать их с прикаспийской культурой пока преждевременно. В прикаспийских комплексах эти изделия более массивные. То есть, сделаны техникой усиленного отжима [*Выборнов и др.,* 2016].

Геометрические микролиты представлены трапециями со струганной спинкой (5экз.), одна из них обломана. Они встречаются от 27 до 33 слоя. Есть один экземпляр без подстругивания. Обращает внимание тот факт, что в этом участке не найдено ни одного сегмента, хотя в раскопах прежних лет они не уступали в количестве трапециям. По всей видимости, это объясняется тем, что находки этого года относятся только к одному периоду развития, который соответствует слою 2А Варфоломеевской стоянки. Иначе говоря, в тот период, когда сегменты выходят из употребления.

Интерес вызывает, найденный в неолитическом слое обломок круглой булавы диаметром 7 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы. Аналогии известны в слое 2А Варфоломеевской стоянки [*Юдин,*2004] и стоянке Тентексор [*Васильев и др.,* 1986]. Данный неолитический слой соответствует аналогичному слою раскопа 1 стоянки Алгай. Для него по различным материалам были получены даты: уголь – 6605±32 ВР и 6490±40 ВР, кость –

6318±33 BP, что соответствует датам слоя 2 А Варфоломеевской стоянки и стоянки Тентексор [*Юдин и др.,* 2016.; *Выборнов и др.,* 2018]. Появление каменных наверший булав В.Н. Даниленко связывает именно с переходом к производящему хозяйству и началом господства патриархальных отношений [*Даниленко,*1974]. Однако возможно она связана с жертвенным комплексом, найденным в том же слое.

Таким образом, дальнейшее исследование стоянки позволит нам более точно ответить на вновь появившиеся вопросы.

Библиографический список

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986. С. 6-31.

Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. д- ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2016. С. 3-41.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье// Известия Самарского научного центра РАН. Т.18, №3. Самара: изд-во СНЦ РАН, 2016. С. 140-145.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2016 году// Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2017, С. 30-78.

Выборнов А.А., А.И. Юдин., А.В Барацков., Н.С. Дога., А.С. Попов., Л.А. Курбатова., Ф.Ф. Гилязов. Исследование в Александрово-гайском районе Саратовской области в 2017-2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края, Саратов, 2018. Вып. 6. С. 3-23.

Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев. 1974.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В., 2016. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник № 3(16). С.61-69.

THE STONE INVENTORY OF THE NEOLITHIC SITE ALGAY IN THE LOWER VOLGA REGION (MATERIALS OF EXCAVATIONS IN 2019)

F. Gilyazov, V. Bulychev

Samara State Social and Pedagogical University, Samara
filatgiljazov12@gmail.com, Vyacheslav@sgspu.ru

Academic supervisor – professor A. Vybornov

The article presents the results of the study of the Neolithic site Algai in the Saratov region of the steppe Volga region in 2019. The presence of three levels of cultural layer is traced. Stone tools are represented by plates, scrapers, points and geometric microlites.

Keywords: Neolithic; Orel culture; steppe Volga region; cultural layer; radiocarbon Dating; flint inventory; geometric microliths

УДК 902.01

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ЭПОХИ МЕЗОЛИТА СТОЯНКИ КОЧКАРИ I В 2019 ГОДУ[1]

М.А. Бурыгин
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
burigin.maxim@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

В данной статье будут представлены итоги исследования стоянки Кочкари I в 2019 году. Дана характеристика пластинчатого инвентаря и орудийного комплекса стоянки. Приведены данные радиоуглеродного датирования. Осуществлено сравнение с мезолитическими и ранненеолитическими (елшанскими) памятниками лесостепного Поволжья.

Ключевые слова: мезолит, лесостепное Поволжье, кремень, пластины, радиоуглеродное датирование.

В 2016 году в Самарской области в ходе разведочных работ в пойме реки Сок О.В. Ересько найдена мезолитическая стоянка Кочкари I [*Ересько, Андреев,* 2017, с. 24], ее исследование было начато в 2017 году и продолжается по настоящее время [*Андреев, Андреева (Ересько),* 2018; *Андреев и др.,* 2018; *Бурыгин,* 2018; *Бурыгин,* 2019]. Полученные артефакты пополнили весьма ограниченную источниковую базу по мезолиту региона и способствуют решению ряда вопросов, связанных с его изучением.

Стоянка Кочкари I находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Сок в 1,5 км к ЮВ от пос. Кочкари. Поселение расположено на небольшом дюнном всхолмлении с западной и южной стороны ограниченном достаточно резким понижением рельефа местности, старицей реки Сок. Имеет размеры около 80х70 м и вытянуто по линии СЗ-ЮВ, вдоль грунтовой дороги. В 2019 году археологической экспедицией СГСПУ, под руководством Андреева К.М. и Андреевой О.В., при непосредственном участии автора был заложен Раскоп № 4 площадью 160 кв.м. Исследование культурного слоя осуществлялось горизонтами по 5 см с просеиванием извлекаемого грунта.

Стратиграфия памятника относительно простая: дерн, старопахотный слой, серая и светло-серая супесь (культурный слой), желтая легкая супесь (материк). Культурный слой изрыт норами землероев, находки не имеют четкой привязки к литологическим слоям.

Общая коллекция артефактов, полученных в 2019 году, насчитывает 717 единиц, из них 71% (508 экз.) составляют изделия из кремня. В качестве сырья использовали кремень хорошего качества, различных оттенков серого цвета. В коллекции представлены 169 отщепов без ретуши, в единственном экземпляре обнаружен отщеп с нерегулярной краевой ретушью с дорсальной стороны, а также 53 осколка кремня без ретуши. Продольных сколов 38 экз., из них 1 скол с ныряющим окончанием и 8 поперечных сколов с нуклеусов без следов вторичной обработки. Также стоит отметить наличие 4 продольных сколов с регулярной и нерегулярной краевой ретушью по одной из граней как с дорсальной, так и с вентральной стороны.

Получена представительная серия пластин и их фрагментов – 200 экз., из них 177 без ретуши и 23 с нерегулярной краевой ретушью. Ретушь на пластинах нанесена в основном по одной грани (19 экз.) с дорсальной стороны (19 экз.). Толщина обработанных и необработанных пластин варьируется от 0,1 до 0,8 см, преобладают пластины толщиной 0,2-0,5 см (90%). Ширина пластин так же колеблется от 0,7 до 2,3 см, доминируют пластины шириной 0,8-1,2 см (около 60%). В тоже время, для изготовления орудий использовались пластины толщиной 0,2-0,7 см и шириной 0,9-2,3 см.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) «Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)»
© Бурыгин М.А., 2020

Выявлено 3 торцевых одноплощадочных нуклеуса. Морфологически выраженных орудий всего 39 экземпляров (около 8% от общего количества находок из кремня). Скребки (13 экз.) представлены изделиями концевого типа на пластинах с округлым (2 экз.) и прямым (3 экз.) рабочим краем, так же скребки изготавливались на продольных сколах с прямым (2 экз.), со скошенным (1 экз.) и с округлым (5 экз.) рабочим краем. Следует отдельно отметить комбинированное орудие проколку-скребок с прямым рабочим краем. Помимо скребков весьма выразительной категорией орудий являются угловые резцы на пластинах (16 экз.), также выявлен один двойной резец тоже на пластине. Обнаружены 2 проколки и обломок острия проколки на пластинах. Найдены 2 заготовки деревообрабатывающих орудий (возможно, долота). Так же в коллекции представлены 2 саблевидных ножа на плитках кремня и 2 отбойника.

Было проведено радиоуглеродное датирование по культурному слою памятника (почве): верхняя часть слоя светло-серой супеси получила дату 7277±100 ВР, ее средняя часть была датирована 7500±80 ВР, наконец, основание культурного слоя на контакте с материком было датировано – 8122±100 ВР. Полученные определения верифицированы датировкой по кости животного (крупное полорогое, тур или бизон), связанной с периодом обитания на площадке памятника мезолитического населения 7632±100 ВР. Таким образом, примерное время обитания мезолитического населения на стоянке может быть отнесено к середине VII тыс. до н.э. [*Бурыгин,* 2019, с. 14-16]

В целом комплекс памятника Кочкари I находит ближайшие аналогии в материалах стоянки Красный Яр I [*Ластовский,* 1999, с. 4-24] лесостепного Поволжья, что проявляется как в общем, относительно низком показателе пластинчатости обоих комплексов, так и в типологическом (весьма ограниченном) наборе орудий. Меньше сходства прослеживается с коллекциями стоянок Чекалино II [*Королев, Ластовский, Мамонов,* 1997, с. 3-13] и Старо-Токская [*Моргунова,* 1983, с. 28-40], что связано с высокими показателями пластинчатости индустрии обозначенных стоянок, в то же время типологический набор орудий весьма близок. Обозначенные черты сходства и различия могут быть обусловлены как хронологическими, так и культурными факторами. Однако ввиду ограниченности источниковой базы по мезолиту лесостепного Поволжья культурно-хронологическая позиция представленных памятников нуждается в уточнении и определена лишь в общих чертах.

В то же время с материалами раннего неолита региона стоянка Кочкари I не находит близких аналогий. Кремневые комплексы памятников елшанской культуры значительно отличаются от мезолитических. В раннем неолите преимущественно использовался кремень красных, желтых, коричневых и др. оттенков, плохого качества. На большинстве стоянок пластинчатость комплексов не превышает 7%, при этом процент орудий, изготовленных на пластинах, составляет около 10%. Большинство скребков, проколок, ножей и резцов изготовлено на отщеповых заготовках [*Андреев,* 2015, с. 202].

Библиографический список

Андреев К.М., Андреева (Ересько) О.В. Итоги исследований стоянки Кочкари I в 2017 году // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2018. Том 20. № 3. С. 195-202.

Андреев К.М., Андреева О.В., Бурыгин М.А. Некоторые итоги исследований стоянки Кочкари I в 2018 году // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2018. Том 20. № 3(2). С. 455-460.

Андреев К.М. Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2015. Том 17. № 17 (3). С. 198-211.

Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник эпохи мезолита в Самарском Поволжье // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Самара: Самарский университет, 2018. С.14-16.

Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I - новый памятник эпохи мезолита в лесостепном Поволжье // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С.14-16.

Ересько О.В., Андреев К.М. Разведки в Красноярском районе // Археологическое открытия в Самарской области 2016 года. Самара, 2017. С. 24.

Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. Вып. 2. Самара: СГПУ, 1997. С. 3-13.
Ластовский А.А. Каменный инвентарь красноярской мезолитической стоянки // Охрана и изучение памятников истории и культуры Самарской области. Вып. I. Самара, 1999. С. 4-24.
Моргунова Н.Л. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: ВГПИ, 1983. С. 28-40.

RESULTS OF RESEARCH OF THE COMPLEX OF THE ERA OF THE MESOLITHIC PARKING OF KOCHKARI I IN 2019

M. Burygin
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
Burigin.maxim@yandex.ru

Academic supervisor – PhD K. Andreev

The presented article is devoted to the results of excavations of the Kochkari site of the I Mesolithic period in 2019. The statistics of the plate inventory and the gun complex of the parking lot as a whole are presented, the data of radiocarbon dating are presented, as well as a comparison with other Mesolithic and Early Neolithic (Elshan) monuments of the forest-steppe Volga region.

Keywords: Mesolithic, forest-steppe Volga region, flint, plates, radiocarbon dating.

УДК 903-03

КОЛЛЕКЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ С ПАМЯТНИКОВ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА В ФОНДАХ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»

Т.С. Давыдова
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (Филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета), г. Нижний Тагил
tatianadavydova95@yandex.ru

Научный руководитель – д.и.н. Ю.Б. Сериков

В статье представлен типологический анализ керамики эпохи неолита с памятников Горбуновского торфяника. Всего на его площади выявлено 32 памятника. Автором рассмотрены комплексы Береговых II-ой, III-ей, стоянки Стрелка, местонахождения Филин остров и мезолитического поселения Серый Камень. В результате выявлено наличие неолитической керамики кошкинского, полуденковского и евстюнихского типов.

Ключевые слова: неолит, керамика, Горбуновский торфяник, кошкинский, евстюнихский, полуденковский, тип керамики.

Горбуновский торфяник расположен на территории Пригородного района Свердловской области в 6 км к югу от г. Нижний Тагил. К настоящему времени на его площади выявлено 31 памятник, которые содержат материалы от палеолита до раннего железного века.

Целью данной статьи является предоставление научному сообществу информации о керамических комплексах эпохи неолита, хранящихся в археологических фондах Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». Такие комплексы выявлены на памятниках: Стрелка, II-я и III-я Береговая, Филин остров, Серый Камень.

© Давыдова Т.С., 2020

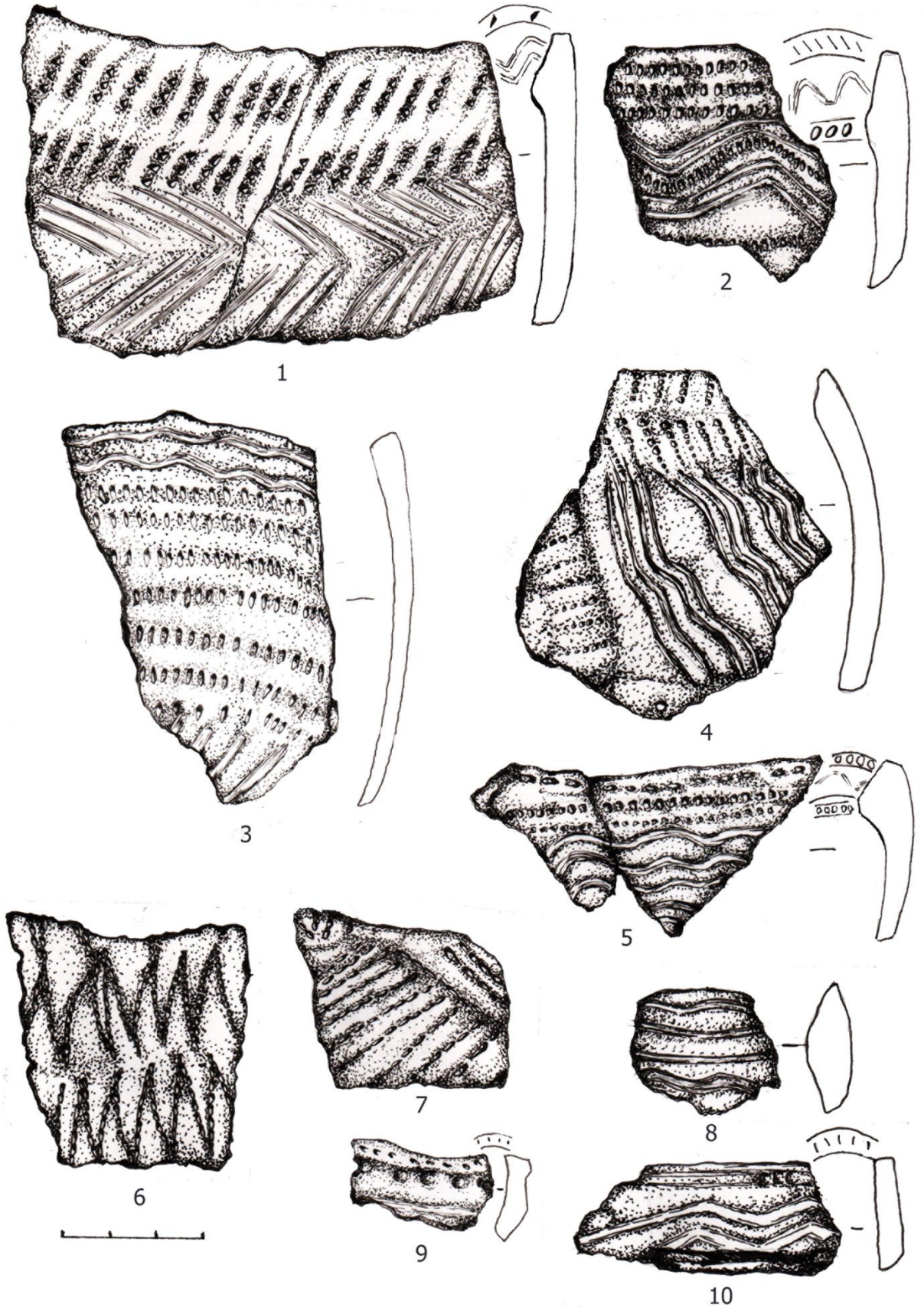


Рис.1 Неолитическая керамика с памятников Горбуновского торфяника (1, 2 – Серый Камень; 3, 4, 6 – Стрелка; 5, 7 – Береговая III; 8 – Филин остров; 9, 10 – Береговая II).

Стоянка Стрелка исследовалась А.Я. Брюсовым в 1948–1949 г. [*Брюсов,* 1951, с. 74]. Основная часть находок из его раскопок хранится в Государственном историческом музее. Но в Тагильском музее-заповеднике также имеется небольшая коллекция из раскопок А.Я. Брюсова, которая включает и 16 фрагментов неолитической керамики.

Она представлена тремя культурными типами.

Евстюнихский тип представлен фрагментами венчика и стенки от разных сосудов. В тесте фрагментов присутствует значительная примесь талька. Венчик имеет волнистый край и пологий выступ на внутренней стороне. Орнаментирован сочетаниями прочерченных широкой палочкой волнистых линий, идущих в горизонтальном или диагональном направлениях. Разделительный пояс оформлен горизонтальными рядами наколов, также выполненными палочкой (рис. 1, *3*).

Данный тип впервые был выделен на стоянке Евстюниха I, открытой тагильскими краеведами Е.А. Сокирко и И.А. Орловым в 1964 г. [*Старков,* 1980, с. 63].

Кошкинский тип представлен 6-ю фрагментами от 5 сосудов, из них 3 фрагмента венчика и 3 стенки. Венчики сосудов имеют рельефно выраженный налеп с внутренней стороны. Орнаментированы прочерченными волнистыми линиями и такими же линиями, выполненными в технике «отступающей палочки».

Полуденковский тип представлен 8-ю фрагментами от разных сосудов, из них 1 фрагмент венчика и 7 стенок. В тесте венчика присутствует тальк. Орнаментированы горизонтальным поясом из отпечатков гребенчатого штампа и прочерченными диагонально расположенными волнистыми линями. Один фрагмент стенки орнаментирован «шагающей гребенкой» (рис. 1, *4, 6*).

Стоянка Береговая II открыта О.Н. Бадером в 1944 г. Она расположена на мысу в северо-восточной части коренного берега торфяника. Позднее стоянку исследовали: в 1948–49 г. А.Я. Брюсов; в 1976 г. Ю.Б. Сериков, а в 1991 г. О.В. Рыжкова. Часть материалов хранится в Государственном историческом музее, часть в фондах музея-заповедника (1944, 1976, 1991 гг.) [*Бунькова, Рыжкова,* 2010].

Неолитическая керамика этого памятника относится к *кошкинскому типу,* содержащему фрагменты 24 сосудов и *евстюнихскому* (1 сосуд) (рис. 1, *10*) типам. Всего 76 фрагментов, из них 29 – венчики. Орнамент чаще всего покрывает поверхность фрагментов полностью, составлен либо из наколов, либо частых горизонтальных линий прочерченных закругленной или «отступающей палочкой». Фрагменты керамики заметно фрагментированы, длина большей их части не превышает 3–5 см).

III-я Береговая стоянка занимает высокий мыс коренного северо-восточного берега торфяника. Она отрыта в 1976 г. Нижнетагильским отрядом экспедиции УрГУ под руководством Ю.Б. Серикова. В 1979–1994 гг. (с перерывами) была исследована П.К. Халяевым. Раскопки вскрыли более 250 м^2). Коллекция фондов насчитывает более 5,5 тысяч находок [*Сериков,* 1984].

Неолитическая керамика в количестве около 700 фрагментов представлена *кошкинским* и *полуденковским* типами. 230 фрагментов относятся к кошкинскому типу, 79 из них – венчики. Точное определение принадлежности 440 фрагментов затруднительно, т.к. орнамент плохо различим или отсутствует. Но судя по присутствию в тесте сосудов значительной примеси талька, ее также можно отнести к неолиту. Сосуды кошкинского типа имеют невысокий, но рельефный налеп с внутренней стороны. Бордюрная зона орнаментирована горизонтальными рядами наколов. Ниже расположены горизонтальные линии, идущие как горизонтально, так и в диагональном направлении (рис. 1, *5, 7*).

Керамика полуденковского типа встречается реже (61 фр.). Фрагменты небольшого размера. Сосуды орнаментированы различными сочетаниями отпечатков гребенчатого штампа.

Мезолитическое поселение **Серый Камень** расположено на останце восточного берега высотой до 8 м. Исследовалось Ю.Б. Сериковым в 1976–1979 гг. **[***Сериков,* 1997**].** На памятнике присутствует небольшая примесь более поздних эпох, в том числе и неолитическая керамика.

Кошкинский тип представлен двумя фрагментами венчика и одним – днища. Налеп на внутренней стороне венчика украшен двумя прочерченными волнистыми линиями. Верхняя его часть орнаментирована двумя горизонтальными рядами, состоящими из наколов палочкой. Под

ними расположены три волнистые линии, прочерченные расщепленной палочкой (рис. 1, *2*). Днище сосуда имеет полуяйцевидную форму. Орнамент составлен из замкнутых кругов, выполненных палочкой и расположенных попарно. Между кругами прочерчены волнистые линии.

Видимо, с этим типом керамики связаны и 45 фрагментов длиной не более 3 см с плохо читаемым орнаментом, но содержащих в тесте примесь талька.

Полуденковский тип керамики представлен двумя фрагментами венчика. Венчик имеет налеп с внутренней стороны. Верхняя часть венчика украшена двумя горизонтальными поясами наклонно поставленного гребенчатого штампа. Ниже расположены диагональные пояса прочерченного гребенчатого штампа (рис 1, *1*).

Местонахождение Филин остров находится на одноименном острове, расположенном у границы северо-восточного берега торфяника. В фондах музея хранятся материалы разведки В.А. Арефьева 1989 г**.**

Кошкинская культура представлена 22 фрагментами стенок и венчиков сосудов. Орнаментированы они или прочерченной палочкой, либо волнистыми линиями из отпечатков «отступающей палочки».

Таким образом, незначительные комплексы неолитической керамики дают представление о различных этапах заселения Горбуновского палеоозера. Анализ литературы, дополненный неопубликованными материалами археологических фондов Нижнетагильского музея-заповедника, позволяет предположить, что базовым поселением эпохи неолита на берегах Горбуновского палеоозера являлась Стрелка. В то время как остальные памятники являются свидетельствами сезонных расселений неолитического населения.

Библиографический список

Брюсов А. Я. Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. Вып. XXXVII. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 69–78.

Бунькова А.А., Рыжкова О.В. Археологические памятники Горбуновского торфяника // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урала. Вып. 6. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. С. 31–66.

Сериков Ю.Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // Советская археология. 1984. № 2. С. 102–114.

Сериков Ю.Б. Серый Камень – древнейший памятник Горбуновского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 15–25.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит среднего Зауралья М.: Наука, 1980. 218 с.

COLLECTIONS OF NEOLITHIC CERAMICS FROM THE GORBUNOVSKY TURBARY ARHEOLOGICAL SITES IN THE FUNDS OF THE NIZHNY TAGIL MUSEUM-RESERVE «GORNOZAVODSKY URAL»

T. Davydova

State Social - Pedagogical Institute (branch of Russian State Professional Pedagogical University in Nizhny Tagil), Nizhny Tagil
tatianadavydova95@yandex.ru

Academic supervisor – professor Y. Serikov

The article presents a typological analysis of Neolithic ceramics from the Gorbunovsky turbary arheological sites. Altogether, in this area have been identified over 31 sites. The author considers the complexes of the Beregovaya II, III, Strelka site, the location of the Filin Island and the Mesolithic settlement of Gray Stone. As a result, was revealed Neolithic ceramics presence of the Koshkinsky, Poludenkovsky, and Eustunichsky types.

Keywords: Neolithic, ceramics, Gorbunovsky turbary, Koshkinsky, Evstyunihsky, Poludenkivsky, type of ceramics, ceramics.

УДК 903.01

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПАМЯТНИКОВ ХУТОРСКОГО ТИПА КАМСКОГО НЕОЛИТА НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ ХОМУТОВСКОЕ БОЛОТО II

М.О. Зимирев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
michaelpellochanal@gmail.com

Научный руководитель – Э.В. Чурилов

В настоящее время изучение неолитических памятников Пермского Прикамья, удалённых от левого берега реки Камы и её основного притока – реки Чусовой, находится в стадии накопления и анализа источников. Тем не менее, на материалах неолитических стоянок Верхнего Прикамья, в частности, стоянки Хомутовское болото II, находящейся на береге палеоводоема, явно прослеживается гетерогенность каменной индустрии для памятников хуторского этапа. По нашему мнению, причины вариативности индустрии следует искать в методах адаптации неолитического населения Верхнего Прикамья к иной сырьевой базе.

Ключевые слова: каменный век, неолит Пермского Прикамья, камская культура, стоянка Хомутово II.

Стоянки Хомутовское болото I и Хомутовское болото II были обнаружены отрядом КАЭ ПГНИУ в 2010 году [*Майстренко, Мельничук,* 2012, с. 105-106]. Расположение памятников приурочено к невысокой дюнообразной песчаной гряде (до 2 метров), огибающей с запада верховой болотный массив, располагающийся на поверхности левобережной первой надпойменной боровой террасы р. Вишеры. По данным геоморфологов, верховые болота Верхнего Прикамья являются остаточными плейстоценовыми озёрами, подвергнувшимися заболачиванию в период голоценового климатического оптимума – 7700-5500 л.н. [*Спирин, Шмыров,* 1984, с. 110].

Культурный слой памятников, залегающий под слоем подзола, представлен в виде светло-коричневого песка с вкраплениями угольков мощностью от 0,1 до 0,5 сантиметров. Особенностью памятника Хомутово II (в сравнении с Хомутово I), является более богатый каменный и керамический инвентарь, а так же наличие в северной части раскопа чашевидного очага с мощностью углистого слоя до 0,3 метров. Инвентарь памятника представлен 32 фрагментами керамической посуды, предположительно, не менее чем от 10 сосудов, а также 365 предметами из камня *[Майстренко, Мельничук,* 2012, с. 105-106].

В результате обработки коллекции, 30 фрагментов керамики были отнесены к хуторскому типу камской неолитической культуры. Стенки данных сосудов орнаментированы «шагающей гребенкой», плотными рядами гребенчатого штампа, ангобированы красной охрой. В двух отдельных фрагментах было прослежено влияние зауральской керамики типа стоянки Евстюниха и посуды висского типа Северного Приуралья [*Зимирев, 2018,* с. 36-40].

Каменный инвентарь памятника составил 319 предметов. Основную массу составили отходы производства: 236 (74%) чешуек, 64 (20%) скола и 10 (3%) отщепов.

К орудиям было отнесено 9 (3%) предметов из серого кремня, халцедона и сланца. Коллекция скребков, включая комбинированные орудия, составила 7 экземпляров. Из девяти предметов орудийного набора 4 являются комбинированными, к ним относятся три ножа-скребка и скобель-скребок на крупных удлиненных сколах. Обнаружен 1 резец на ребристом сколе. Выделены два наконечника: первый - листовидный на тонком сколе с плитки кремня, и второй – черешковый, оформленный на удлиненном сколе. В коллекции присутствует ретушер и фрагмент плоского абразива. Минимум на трех предметах со следами вторичной обработки присутствуют следы использования: к ним относятся два массивных ребристых сколах и медиальное сечение ребристого скола.

© Зимирев М.О., 2020

Принадлежность памятника Хомутово II к хуторскому этапу камского неолита позволяет выделить общее и особенное в развитии локальных вариантов данной культуры. Форма венчиков сосудов схожа с выделенными В.П. Денисовым типами сосудов по материалам первого жилища Хуторской стоянки [*Денисов,* 1960, с. 44], технология изготовления так же не претерпела радикальных изменений: в частности, основной примесью оставался шамот. Слаборазвита или не используется пластинчатая техника: 16 экземпляров ножевидных пластин найдено в первом Хуторском жилище, что составило около 1% от общего количества кремневых изделий, 20% во втором Хуторском жилище [*Денисов, Мельничук,* 1991, с. 29]. В коллекции Хомутово II пластины полностью отсутствуют. Общая традиция каменной индустрии на всех памятниках тяготеет к созданию заготовок на крупных и удлиненных пластинчатых отщепах или крупных сколах [*Денисов,* 1960, с. 54; *Денисов, Мельничук,* 1991, с. 29].

Отличительной особенностью кремневого инвентаря стоянки Хомутово II стало преобладание заготовок и орудий на удлинённых массивных сколах, а не на отщепах. В коллекции кремневых изделий первого жилища Хуторской стоянки самую массивную группу составляют продукты расщепления – 1064 экземпляра (46%), а орудия на отщепах резко доминируют над орудиями на пластинах и сколах (77%). Значительная часть изделий со вторичной бифасиальной и унифасиальной обработкой на Хуторских стоянках оформлены на плитках кремня, что является одной из особенностей памятников хуторского типа. На стоянке Хомутово II отщепы составляют лишь 3% от всей кремневой коллекции. Можно предположить, что на данном памятнике изменение направленности индустрии в сторону получения в качестве заготовок крупных удлиненных сколов связано с адаптацией населения под эксплуатацию более низкокачественного, и более малочисленного в данном регионе кремневого сырья, не позволяющего проводить качественную подготововку каменного сырья для получения отщепов, но позволяющего получать более крупные заготовки (сколы), которые в последствии использовались для дальнейшей унифасиальной, или бифасиальной обработке, по аналогии с обработкой плитчатого кремня на Хуторских стоянках. Стоит упомянуть и о том, что в отличие от населения стационарных Хуторских стоянок, мобильность обитателей Хомутовской стоянки обуславливала тот факт, что преимущество ими отдавалось не плитчатому кремню, позволяющему изготовить одно-два орудия с одной плитки, а кремневым галькам, каждая из которых позволяла получить большее количество необходимых заготовок, которые, к тому же, отличались большей вариативностью, нежели плитчатое сырье.

Все вышеперечисленное (направленность индустрии на создание крупных удлиненных сколов, по своим характеристикам сближающимся с конкрециями плитчатого кремня, умение использовать низкокачественное кремневое сырье, собранное, вероятно, близ бассейна реки Вишера, широкое применение комбинированных орудий) демонстрирует некоторые способы адаптации представителей камской неолитической культуры, выработанные в процессе сезонного освоения более северных и менее заселенных территорий, и позволяющие им передвигаться на значительные расстояния.

Библиографический список

Денисов В. П. Хуторская неолитическая стоянка // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1960. Выпуск 3. С. 34 – 71.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Второе жилище Хуторской стоянки // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 21 – 31.

Зимирев М.О. Комплекс неолитических памятников "Хомутовское болото" среднего течения р. Вишеры в Северном Прикамье // L Урало-поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара, 2018. С. 36–39.

Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В., Балыбердина П.А. Нео-энеолитические памятники Пермского Предуралья, удаленные от долины р. Камы // Труды КАЭЭ. Пермь, 2012. Вып. 8. С. 102–110.

Спирин Л.Н., Шмыров В.А. Основные черты голоценовой тектоники и палеографии Пермского приуралья // Физико-географические основы развития и размещения производительных сил Нечерноземного Урала. Пермь, 1984. С. 107–113.

REGIONAL VARIABILITY OF STONE INDUSTRY OF KHUTORSKAYA TYPE MONUMENTS OF THE KAMA NEOLITHIC ON THE EXAMPLE OF THE PARKING COMPLEX KHOMUTOVSKOYE SWAMP II

M. Zimirev

Perm state national research University, Perm
michaelpellochanal@gmail.com

Academic supervisor – Ed. Churilov

Currently, the study of Neolithic monuments of the Perm Kama region, remote from the left bank of the Kama river and its main tributary - the Chusovaya river, is in the stage of accumulation and analysis of sources. Nevertheless, the materials of the Neolithic sites of the Upper Kama region, in particular the site Khomutovskoye swamp II, located on the shore of the paleopond, clearly shows the heterogeneity of the stone industry on the monuments of the economic stage. In our opinion, the reasons for the variability of the industry should be sought in the ways of adaptation of the Neolithic population of the Upper Kama region to a different raw material base.

Keywords: stone age, Neolithic of Perm Kama region, Kama culture, Khomutovskoye II site.

УДК 903.(571.150)

УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗУБОВ ЖИВОТНЫХ В МАТЕРИАЛАХ ЯЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

А.А. Зограф

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск
alicezografaa@gmail.ru

Научный руководитель – Е.В. Барсуков

Использование зубов животных для создания различного рода украшений, орудий, приспособлений было распространённым явлением в эпоху неолита. В данной статье представлены находки зубов из материалов Яйского могильника, исследованного В.И. Матющенко в середине XX в. Образцы, характеризующиеся разной степенью обработки, локализовались в одном погребении, где выполняли функцию украшений, элементов декора одежды. Проведенные определения указывает, что они принадлежали, по большей части, бурому медведю и только несколько экземпляров являлись клыками волка. Изучения подобных украшений позволяет выявить некоторые особенности погребальной практики и культовой жизни неолитического населения Западной Сибири.

Ключевые слова: неолит, погребение, Яйский могильник, бусы из зубов животных, клыки медведя, погребальный костюм, культ медведя.

С древнейших времен человек начал изготавливать украшения. Для их создания он использовал разного рода материалы, каменное сырье, раковины моллюсков, кости животных, а также их зубы. Эти изделия создавались не только ради эстетического удовольствия, они имели и особое сакральное значение. По словам А.П. Окладникова, украшения из зубов животных порой были связаны с охотничьими представлениями древних людей, приносили им удачу в добыче зверя, а также выполняли функцию вместилища для добрых духов или защиты от враждебных сил [*Окладников,* 1950, с.272]. Такие амулеты или обереги могли быть представлены в виде разнообразных нашивок на одежду, подвесок и ожерелий.

© Зограф А.А., 2020

Технологический уровень обработки элементов украшения мог быть разным: от использования первоначальной естественной формы материала до абсолютного изменения изначального облика сырья посредствам обработки.

При изучении материалов неолитических памятников не возникнет сомнений, что в эту эпоху человек часто украшал себя подвесками и нашивками из зубов животных. Так в коллекции Яйского могильника мы можем встретить образцы подобных изделий.

Яйский могильник располагался в среднем течении реки Яя, недалеко от устья р. Золотой Китат, в черте поселка Яя (север современной Кемеровской области). Памятник занимал фрагмент мыса правобережной надпойменной террасы, высота которой на этом участке достигает приблизительно 10–12 м.

В результате раскопок 1955–1956 гг., проведенных Музеем истории материальной культуры при ТГУ (в настоящее время МАЭС ТГУ) под руководством В.И. Матющенко, было выявлено два уцелевших погребения, датированных III тыс. до н.э. [*Матющенко,* 1956]. Предложенная первооткрывателем хронология памятника вызывает сейчас некоторые сомнения, так как она не подтверждена результатами радиоуглеродного датирования. В настоящее время памятник отнесен к кузнецко-алтайской неолитической культуре [*Марочкин,* 2014, с. 147].

В 1963 г. В.И. Матющенко была опубликована статья, в которой давалось краткое описание материалов памятника, в том числе в ней были представлены украшения из зубов животных [*Матющенко,* 1963, с. 103]. К сожалению, публикация носит больше описательный характер, и не содержит развернутой характеристики и анализа материала. Тем не менее, памятник был введен в научный оборот и неоднократно фигурировал в исследованиях, посвященных неолиту Сибири.

Как упоминалось, на памятнике было вскрыто два погребения (в Отчете В.И. Матющенко они записаны как погребение № 1 и погребение № 2) [*Матющенко,* 1956]. Оба захоронения были совершены по обряду ингумации. Анатомический порядок костяка соблюден. Сохранность костных останков плохая.

Погребение № 2 характеризуется скудным инвентарем. Отличительной особенностью этого объекта является то, что костяк был обильно засыпан охрой. Погребение № 1 заслуживает более пристального внимания, что обусловлено разнообразием и многочисленностью инвентаря, который включал в себя образцы каменной индустрии, изделия из кости, предметы мобильного искусства, украшения из камня и створок речных раковин. Кроме прочего, в погребении №1 было обнаружено нескольких бус из зубов и клыков животных, а также образцы просверленных у корня зубов, которые, судя по их локализации в могиле, могли использоваться как подвески. Видовая принадлежность животных, которым принадлежали зубы из погребения № 1, до настоящего момента не определялась.

Находки зубов располагались преимущественно в области ног. В частности, в районе левой ноги присутствовало скопление раковин, вместе с которым были найдены два просверленных зуба и костяная бусина. К западу от скопления раковин обнаружено скопление зубов, имевших отверстия в коренной части. Образцы из скопления, были рассредоточены в области костей левой стопы. Кроме зубов, в этом месте локализовались каменные топоры, а также четырехугольные пластины, которыми, по-видимому, декорировалась обувь.

Фрагменты еще одного украшения располагались между ног, с небольшим смещением к левому коленному суставу. У правого бедра найдены шесть зубов, с большой долей вероятности, являвшихся частью еще одного украшения. Самое интересное ожерелье, было обнаружено в 10 см от левого бедра, у границы могилы. Оно состояло из костяных пластинок, зубов и двух костяных фигурок водоплавающих птиц.

Всего в погребении №1 зафиксировано порядка 70 зубов и клыков с разной сохранностью и степенью обработки: у большей части образцов имеются отверстия в коренной части, отмечены зубы с удаленной эмалью, но есть и те, форма которых не подвергалась никакой деформации. Проведенные определения зубов указывают, что подавляющее большинство принадлежали медведю (лат. Ursus arctos). Однако в составе украшения, располагавшегося у правого бедра, обнаружен клык волка, который был представлен в единственном числе (лат. Canis lupus).

Зубы широко представлены в материалах неолитических памятников сопредельных территорий. Еще первооткрыватель памятника В.И. Матющенко указывал на сходство предметного ряда Яйского могильника с неолитическими погребениями Прибайкалья и Томского могильника, выразившегося, в том числе, в наличии украшений из зубов диких животных [*Матющенко,* 1963, с. 103]. Многочисленны находки зубов и клыков в памятниках Верхнего Приобья, например, они встречены в материалах курганного могильника Ордынское-1е [*Молодин,* 1977, с. 23]. Известны они и в Прииртышье. В погребении № 329 могильника Сопка 2/1 для декорирования погребального костюма женщины использовали нашивки из раковин и резцов мелких животных, а среди костей скелета обнаружен медвежий зуб. [*Молодин,* 2001]. В Верхнем Приобье находки зубов были зафиксированы в могильниках Усть-Иша, Васьково, Усть-Алеус IV, Ливадия, Могильники III, Фирсово-XI и в материалах Кузнецкого могильника.

Таким образом, использование зубов животных в погребальной практике неолитического населения было распространённым явлением в Сибири. Материалы Яйского могильника указывают, что зубы и клыки разной степени обработки использовались местным населением в качестве отдельных подвесок, в наборе «сложносоставных» украшений, для декора одежды и обуви. Особое значение для местного населения, по-видимому, имели медведь и волк. Если зубы медведя встречаются в материалах неолитических памятников достаточно часто, что может быть связано с культом, распространенным у народов Сибири с глубокой древности [*Матющенко,* 1960], то клыки волка для этого района находка исключительная. В настоящее время волк считается здесь редким обитателем, возможно в неолите ситуация была иной, тем не менее, роль и значение этого вида для жизнедеятельности древнего населения еще предстоит изучить. Не подлежит сомнению, что анализ подобных украшений будет способствовать реконструкции культурных и религиозных особенностей древнего населения.

Библиографический список

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.

Матющенко В.И. Неолит и бронзовый век р. Томи автореф. дис. … канд. ист. наук /Ин-т археологии АН СССР. Ленингр. отд-ние. Томск, 1960. 15 с.

Матющенко В.И. Отчет о полевых работах МИМК при ТГУ летом 1955 года // Архив МАЭС ТГУ, Д. 134.

Матющенко В.И. Отчет о полевых работах МИМК при ТГУ летом 1956 года // Архив МАЭС ТГУ, Д. 136.

Матющенко В.И. Яйский неолитический могильник // Труды ТГУ. Томск, 1963. Т. 165. С. 97-103.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реки Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск, 2001. Т.1. 128 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. Т.1. 128 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. 1950. 412 с.

ADORNMENTS MADE OF ANIMALS' TEETH IN COLLECTION OF YAYSKY BURIAL GROUND

A. Zograf

The National Research Tomsk State University, Tomsk
alicezografaa@gmail.ru

Academic supervisor – E. Barsukov

The usage of animals' teeth for the creation of different adornments, tools, devices was a widespread phenomenon in the Neolithic Age. The article presents findings of teeth from the collection of Yaysky burial ground, which was researched by V.I. Matyushenko in the middle of the XX century. Samples characterized by different degrees of processing were used in one funeral and they served as adornments and ornamentations for clothes. The identification of teeth indicates that most of them belonged to brown

bear and only some of the specimens were fangs of the wolf. Research of such adornments reveals some features of funerary custom and cult life of the Neolithic population of Western Siberia.

Keywords: Neolithic, burial, Yaysky burial ground, beads made of animals' teeth, bear teeth, interment costume, cult of bear.

УДК 903.01(571.53)

НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИКРОРАСЩЕПЛЕНИЯ ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА ЧЕРЕМУШНИК I (БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКАЯ СИБИРЬ)[1]

Д.П. Золотарев

Иркутский государственный университет, Иркутск
dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Научный руководитель – Н.Б. Бердникова

Представлены результаты техноморфологического анализа микропризматических и терминальных (клиновидных) нуклеусов геоархеологического объекта Черемушник I, датирующихся в интервале 15,5-13 кал. тыс. л. н. Зафиксирован особый вариант подготовки ударных площадок комбинацией продольно и поперечно ориентированных сколов. Поиск аналогий и сходств позволил сопоставить их с финальнопалеолитическими комплексами Южного Приангарья.

Ключевые слова: Байкало-Енисейская Сибирь, МИС-2, микропластинчатая техника, клиновидные нуклеусы, терминальные нуклеусы

Традиции микрорасщепления, выраженные в различных техниках, являются одними из характерных особенностей комплексов заключительной (финальной) стадии позднего палеолита Байкало-Енисейской Сибири (МИС-2). Их выделение позволит построить хронометрическую последовательность возникновения и развития видового разнообразия внутри микропластинчатого расщепления [*Медведев*, 1975, с. 36–37]. Применительно к изучению технологии микрорасщепления, использован атрибутивный подход, который является способом изучения «операционной цепочки» (chaîne opératoire) [*Monigal,* 2002].

Геоархеологический объект (ГАО) Черемушник I расположен на левом берегу р. Белой в 2,3 км выше ее впадения в р. Ангару на слабо наклонной поверхности с относительными отметками 20 м от уреза Белой, на левом мысу небольшой пади. Он открыт в 1929 г. М. М. Герасимовым, в 1936-1937 гг. им же осуществлены раскопочные работы на нем [*Герасимов,* 1940]. В 1957 г. сборы подъемного материала производил археологический отряд Иркутского университета под руководством П. П. Хороших. В 1959, 1960, 1962, 1966 гг. раскопки проводились М. П. Аксеновым, Г. И. Медведевым. Было вскрыто 33 м^2 и заложена серия шурфов на 25-28 метровых отметках. В результате раскопок выявлен один уровень залегания находок. Археологический материал залегал в кровле буроватой супеси на глубине 15-20 см. Исследователями возраст Черемушника I был определен около 10-11 тыс. л. н. [*Аксенов,* 1966, 1967; Археологические памятники…, 1991, с. 58; *Мезолит*…, 1971, с. 41-42].

В 1972 г., одновременно с работами на ГАО Черемушник II, здесь работает палеолитический отряд КАЭ ИГУ под руководством И. Л. Лежненко [*Лежненко,* 1974]. Заложен раскоп площадью 12 м^2, примыкающий к раскопу 1966 г. Выделено два культурных горизонта (к. г.) маркированных соответственно, как I и II [*Археологические памятники…*, 1991, с. 58]. На основании стратиграфической ситуации хронология культурных комплексов

[1] Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 "Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров"

© Золотарев Д.П., 2020

ГАО Черемушник I пересмотрена и соотнесена с поздним сартаном (sr^4) в интервале 15,5-13 кал. тыс. л. н. [*Бердникова,* 2012].

Общее количество археологического материала (раскопки 1959, 1960, 1962, 1966, 1972 гг.) составляет более 4 тыс. ед. Коллекции изделий из камня включают в себя сколы различной морфологии, пластины и микропластины, нуклевидные формы, скребки, скребла, резцы, тесловидные изделия и т. д. Фауна представлена костями лошади, косули и зайца [*Археологические памятники*…, 1991, с. 58]. В ансамбле каменного инвентаря насчитывается один микропризматический, 10 терминальных (клиновидных) нуклеусов и один обломок. Все они изготовлены из местного нижнекембрийского кремня различных оттенков.

Микропризматический конический нуклеус (раскопки 1966 г.) изготовлен из зеленоватой кремневой породы. Фронт замкнутый. Ударная площадка обработана центростремительными периметральными сколами. Дистальная часть приострена двумя сколами.

Терминальные (клиновидные) нуклеусы имеют различия в морфологии некоторых элементов, а также в технологии производства. Проблема интерпретации и определения изначальных заготовок терминальных (клиновидных) нуклеусов вызывает особое затруднение, в связи со сработанностью ряда изделий. Заготовками для них выступали мелкие желваки, истощенные плоскофронтальные нуклеусы и бифасы.

Оформление латеральных поверхностей производилось бифасиальными или унифасиальными подправками с киля и гребня, иногда с ударной площадки. В двух случаях латерали, киль и гребень не обработаны и почти полностью покрыты желвачной коркой. В основном, киле-гребневая часть оформлялась разнофасеточными бифасиальными или унифасиальными сколами, отчего она имеет сильное заужение относительно ширины фронта.

Основной целью оформления ударной площадки нуклеуса является подготовка оптимального угла скалывания, который в процессе редукции приближался к прямому [*Нехорошев*, 1999, с. 58]. Ориентация ударной площадки, а также характер ее обработки являются важнейшими технологическими и культуроразличительными признаками [*Медведев,* 1975, с. 36-37]. Ударные площадки оформлялись серией разнофасеточных снятий с латералей или фронта. Площадки некоторых нуклеусов обрабатывались специфическим приемом, когда латеральное оформление дополнялось коротким либо длинным фронтальным подживляющим сколом, от чего образовывался характерный «уступ» [*Золотарев*, 2019, с. 30; *Медведев и др*., 1974, с. 70]. При этом, ударные площадки трех нуклеусов, обработанных в такой манере, скошены относительно контрфронта. Эта технология подготовки ударной площадки сходна с техникой «кампус» (Campus) [*Gomez Coutouly*, 2011, с. 115–118]. Сходные технологические приемы оформления и изготовления клиновидных нуклеусов имеют аналогии в финальнопалеолитических комплексах Южного Приангарья (Черемушник II (I и II к. г.), Усть-Белая (XIV-е к. г.)) [*Бердникова, Воробьева, Бердников*, 2012; *Лежненко*, 1974].

Результаты техноморфологического анализа свидетельствуют о вариативности использования технических приемов в производстве и оформлении терминальных (клиновидных) нуклеусов в рамках культурных комплексов Черемушника I. Радиоуглеродное датирование позволит более уверенно утверждать о хронологической принадлежности микропластинчатых комплексов ГАО Черемушник I. На основании проведенного исследования можно заключить, что полученные результаты, позволили расширить технологические характеристики микрорасщепления в сартанское время на территории Байкало-Енисейской Сибири.

Библиографический список

Аксенов М.П. Археологические исследования раннемезолитической стоянки Черемушник // Изв. / ВСОГО СССР. Т. 65, 1967. С. 127-132.

Аксенов М.П. Стоянка Черемушник: (К вопросу о месте бадайской культуры в каменном веке Приангарья) // Древняя Сибирь. Вып. 2: Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966. С. 23-37.

Археологические памятники Усольского района: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Иркутск, 1991. 110 с.

Бердникова Н.Е. Заключительная стадия позднего палеолита юга Байкальской Сибири: геоархеологические сюжеты // Первобытные древности Евразии: к 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М. : ИА РАН, 2012. С. 103-122.
Бердникова Н.Е., Воробьева Г. А., Бердников И. М. Новый этап исследований местонахождения Усть-Белая (Прибайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2012. Т. 18. С. 9–12.
Герасимов М.М. Поздние палеолитические стоянки р. Белой // БКИЧП. № 6-7, 1940. С. 122-124.
Золотарев Д.П. Особенности подготовки ударных площадок терминальных нуклеусов в комплексах среднего сартана Байкало-Енисейской Сибири // Материалы LIX Рос. археолого-этнографич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Благовещенск, 2019. С. 29-31.
Лежненко И.Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1974. Вып. 2. С. 65-115.
Медведев Г.И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий: (номенклатура деталей наглядных моделей) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников: Тез. докл. к Вост.-Сиб. регион. совещ. Иркутск : Иркут. ун-т, 1975. С. 21-42.
Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут.ун-та, 1974. Вып. 1. С. 60-90.
Мезолит Верхнего Приангарья / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Иркут. ун-т, 1971. Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. 242 с.
Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб. : Европейский Дом, 1999. 172 с.
Gomez Coutouly Y.A. Lithic Industries with Pressure Microblade Components of the North Pacific Region in the Terminal Pleistocene and Early Holocene: from the Diffusion of a Technique in the Asian Far East to the Initial Peopling of the New World. Prehistory and Technology Laboratory. Paris West University Nanterre La Défense, Paris, 2011. 631 p. (Ph.D. dissertation).
Monigal K. The Levantine leptolithic: blade production from the Lower Paleolithic to the down of the Upper Paleolithic. Southern Methodist University, Dallas, 2002. 613 p. (Ph.D. dissertation).

SOME TECHNOLOGICAL ASPECTS TO MICROPERCUSSION OF THE FINAL PALEOLITHIC SITE CHEREMYSHNIC 1 (BAIK AL-YENISEI SIBERIA)[1]

D. Zolotarev

Irkutsk State University, Irkutsk
dmitryzolotarev2012@yandex.ru

Academic supervisor – N. Berdnikova

In this paper, an technomorphological analysis of the microprismatic and terminal-edge (wedge-shaped) cores of the geoarchaeosite Cheremyshnic 1, with age of 15,5-13 cal. BP. The special variants of the preparation of pressure platform by a combination of longitudinally and transversely oriented flakes was recorded. The search for analogies and similarities made it possible to compare them with the final Paleolithic complexes of the Southern Angara (Cheremyshnic 2 (I, II cultural layer), Ust-Belaya (XIV cultural layers)).

Keywords: Baikal-Yenisei Siberia, MIS-2, microblade technique, terminal-edge cores, wedge-shaped cores

УДК.903.2.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ И СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Ю.И. Игнатьев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
ignatev.yura.97@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. А.А. Выборнов

В статье представлен сравнительный анализ каменного инвентаря стоянок степного Поволжья: Алгай, Орошаемое, Кумыска со стоянками Северного Прикаспия: Кара-Худук, Каирш-Шак VI.

Ключевые слова: энеолит, хвалынская культура, каменный инвентарь.

Территория степного Поволжья является одной из важнейших проблем изучения южного энеолита. Она представляет собой южную часть степного Поволжья и включает в себя полупустынную зону Северного Прикаспия. Особую роль в изучение данной эпохи играет хвалынская культура, благодаря которой можно проследить культурно-хронологические связи на основе каменной индустрии.

В 2014 году начались исследования стоянок Алгай и Орошаемое, находящиеся в Александрово-Гайском районе Саратовской области. [*Выборнов и др.,* 2016, с. 3-41]. Стоит отметить, что раскопки продолжаются и по сей день. В верхних штыках раскопа 2 на стоянке Алгай в 2016 году были обнаружены орудия труда из кварцита и несколько фрагментов хвалынской культуры [*Выборнов и др.,* 2017, с.189]. Каменные изделия представлены в виде сколов и отщепов кремня и кварцита, сечения пластин, в т.ч. с краевой ретушью из кварцита (2 экз.) и кремня (1 экз.), а также скребок на отщепе с ретушью на 3/4 периметра из молочно-белого кремня. [*Выборнов, Юдин*, 2017., с. 30-78].

На данной территории в 100 метрах от Алгая находится ещё один памятник - Орошаемое. В его верхних слоях обнаружены находки прикаспийской и хвалынской культуры [*Выборнов и др.,* 2017, с.189].

Каменный инвентарь верхнего культурного слоя, за исключением трех кремневых отщепов, представлен кварцитовыми орудиями, пластинами и отщепами. Абсолютное большинство орудий составляют крупные скребки на пластинчатых отщепах и продольных сколах с нуклеусов, на отщепах и на пластине. Часть скребков имеет ретушь на 3\4 периметра. Также найдено сечение ножевидной пластины из кварцита [*Выборнов и др.,* 2018].

Что касается хронологической позиции данных материалов, то к настоящему времени получена серия радиоуглеродных дат. Для верхних слоев раскопа 2014 года стоянки Алгай были получены следующие даты по кости - 5720±120 и 5680±80 ВР, по коллагену 5875±60 ВР. Аналогичные даты были получены из материалов прикаспийской культуры. На стоянке Орошаемое по органике в керамике были сделаны следующие даты - 5890±120 ВР и по коллагену – 5934±100 ВР. Кроме того, на УМС непосредственно по кости домашней овцы получена дата – 5806±26 ВР [*Юдин и др.,* 2016, С. 67; *Выборнов и др.,* 2017, с.189]. Иначе говоря, время хвалынской культуры на данных памятниках можно определить второй четвертью V тыс. до н.э.

Многослойное поселение Кумыска – единственный памятник в Заволжье, на котором представлены находки нескольких энеолитических культур. По данным артефактам можно проследить культурное развитие населения степного Поволжья на значительном отрезке энеолитической эпохи [*Юдин,* 2012, с. 8].

© Игнатьев Ю.И., 2020

Комплекс каменных находок включает 4486 экз. По составу сырья каменные изделия распределяются следующим образом: из кварцита – 3180 экз. (70,8%); из кремня – 1255 экз. (28,0%); из песчаника и мелкозернистых пород камня – 26 экз. (0,6%); из яшмы – 21 экз. (0,5%) и окаменевшего дерева – 5экз. (0,1%). Из кремня изготовлены по большей части орудия на пластинах, орудия на отщепах преимущественно кварцитовые. Причем, чем крупнее размеры орудия, тем больше вероятность, что оно изготовлено из кварцита (изредка встречаются крупные орудия из кремня, но почти всегда с остатками кремневой корки). Объяснение этому следует искать в качестве исходного сырья – кварцит в Заволжье известен в виде выходов на поверхность мощных (толщиной более метра) пластов, а кремень изредка встречается в виде небольших галек. [*Юдин*, 2012, с. 12-13].

Наиболее исследованный памятник хвалынской энеолитической культуры в нижнем течении Волги, является стоянка Кара- Худук [*Барынкин, Васильев,* 1988, с. 123-141]. На данной стоянки было обнаружено 485 предметов из камня, большая часть которых происходит из кремня различных цветов. 12, 5% предметов изготовлены из серого и коричневатого кварцита. 70 % коллекции составляли изделия без вторичной обработки и ножевидные пластины. Пластины по ширине варьируют от 0,6 см до 2,2 см, преобладают шириной от 1,4 см до 1,7 см. [*Барынкин, Васильев,* 1988, с. 123-141]. На стоянки также присутствует белый кремень, который характерен для энеолитической хвалынской культуры. Размеры белого кремня довольно крупные от 0,8 до 8см в длину, а в ширину 2,5. Размеры кварцита колеблются в длину от 0,8 до 4,5, а в ширину достигают 4 см.

Были получены три радиоуглеродные даты по керамике по данному памятнику: 5980±90 BP, 5820±80 BP, 5950±80 BP, а также по костям животных [*Выборнов., и др.,* 2019, с. 359-368]. Исходя из полученных дат, можно предположить, что они совпадают с датами хвалынских памятников, которые аналогичны значениям хвалынских могильников и укладываются в первую половину V тыс. до н.э. [*Юдин,* 2004, С. 130-131].

Также в Красноярском районе Астраханской области находится еще одна стоянка- Каир-Шак VI [*Барынкин,* 1989, с. 106-118]. На данной стоянки были найдены обнаружены керамические материалы и каменные. Коллекция каменных изделий включает более 400 предметов, три четверти которых – изделия без вторичной обработки. В качестве сырья использовались кремень и кварцит различных цветов. Среди изделий без вторичной обработки преобладали кварцитовые (ок. 61%), а среди орудий со вторичной обработкой – кремневые (ок. 67%) [*Барынкин,* 1989, с. 106-118]. Длина и ширина материалов из кремня варьируется от 1см до 7, 5см, длина белых скребков от 1,5 до 2,5 см, а ширина от 1,5 до 3. Также представлен крупный кварцит, которые имеет следующие размеры- от 0,6 до 3,5 см в ширину. Как керамический, так и орудийный комплексы, а также характер залегания находок в культурном слое показывают одновременность находок стоянки. Исходя из этого можно сделать вывод, что, размеры каменного инвентаря на Алгае различаются, пластины из кварцита колеблются от 1 до 2,9 см, то есть они почти идентичны размерам пластин стоянки Каир-Шак VI от 0,6 до 3,5 см по ширине.

Таким образом, изучив каменный инвентарь стоянок Алгай, Орошаемое можно сделать вывод, что данные артефакты имеют сходства с такими памятниками хвалынской энеолитической культуры как, Кумыска, Кара-Худук, Каир-Шак VI: наличие кварцита, молочно-белого кремня, схожие размеры, массивные заготовки для изготовления орудий труда. Это сходство подтверждается, судя, по радиоуглеродным датам, и их близким временем существования.

Библиографический список

Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1985. С. 59–75.

Барынкин П. П., Васильев. И.Б. Стоянка хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1988. С. 123–141.

Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2016. Вып. 14. С. 3-41.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия СНЦ РАН. 2017. Т. 19. № 3-1. С. 185-190.
Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Попов А.С., Платонов В.И., Рослякова Н.В. Новые результаты исследований поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье// Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН. Т.20, № 3. 2018. С.215-222.
Выборнов А.А., А.И. Юдин., А.В Барацков., Н.С. Дога., А.С. Попов., Л.А. Курбатова., Ф.Ф. Гилязов. Исследование в Александрово-гайском районе Саратовской области в 2017-2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края, Саратов, 2018. Вып. 6, С. 3-23.
Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Платонов В.И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Археология и культурная антропология, Stratum 2019. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, № 2 С. 359- 368.
Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200с.
Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов, Изд-во Научная книга, 2012. 212 С.

COMPARATIVE ANALYSIS OF STONE INVENTORY OF THE KHVALINSKY CULTURE OF THE STEPPE VOLGA REGION AND THE NORTHERN CASPIAN

Y. Ignatiev
Samara State Social and Pedagogical University, Samara
ignatev.yura.97@mail.ru

Academic supervisor - professor A. Vybornov

The article presents a comparative analysis of the stone inventory of the sites of the Volga steppe: Algay, Irrigated, Kumysk with sites of the Northern Caspian: Kara-Khuduk, Kairsh-Shak VI

Keywords: Eneolithic, Khvalyn culture, stone inventory

УДК 902, 902.2

КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ У С. ДОБРОЕ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ[1]

А.В. Кокоткина (Акулова)[*], Е.С. Юркина[**], А.А. Куличков[*]
[*]Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», Липецк
[**]Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк
annaakulova@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. Р.В. Смольянинов

В окрестностях с. Доброго обнаружено скопление неолитических памятников, из которых на трёх выявлена керамика льяловской культуры. На материалах памятников Доброе 7, 8 и 9 также проявляется процесс гибридизации керамических традиций носителей накольчатой среднедонской неолитической культуры и гребенчато-ямочной керамики раннего этапа льяловской культуры, а также накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики поздних этапов льяловской культуры.

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ №18-49-480004 «Поселение Доброе 9 в системе ранненеолитических древностей лесостепного Подонья» и гранта Фонда президентских грантов "По следам древнего человека" №19-2-018793.
© Кокоткина (Акулова) А.В., Юркина Е.С., Куличков А.А., 2020

Ключевые слова: неолит, среднедонская неолитическая культура, льяловская культура, ямочно-гребенчатая керамика, гребенчато-ямочная керамика, накольчато-ямочная керамика.

Окрестности с. Доброе в Добровском районе Липецкой области обследовалась неоднократно. В 1959 году В.П. Левенком были выявлены три памятника: один эпохи бронзы (п. 81), один РЖВ (п.85) и один XVI-XVII вв. (п. 83). В 1982 году данный участок обследовался А.Ю. Клоковым повторно. Им были открыты три памятника (п.381, п. 382, п. 385) [*Куличков,* 2018]. В 2014 году И.Е. Бирюковым было переобследовано поселение Доброе 4 (п. 385) и открыт новый памятник Доброе 7 [*Бирюков*, 2014]. В 2014 г. разведочные исследования здесь проводил А.А. Клюкойть, которым было обнаружено 10 новых древних поселений [*Клюкойть*, 2015]. Из них два А.А. Куличков переобследовал в ходе разведки 2017 года: поселение Доброе 8 и поселение Доброе 9 [*Куличков*, 2018].

Поселение Доброе 7.

Открыто в 2014 г. И.Е. Бирюковым [*Бирюков*, 2014]. Расположено в Добровском районе Липецкой области на землях Добровской сельской администрации (рис. 1).

На поверхности памятника было собрано семь фрагментов стенок сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией раннего этапа льяловской культуры. В шурфе размером 6 кв.м. было найдено 24 фрагмента, из них три венчика и 21 стенка. Вся поверхность сосудов орнаментирована. Мотивы орнамента представлены в виде чередования ямочных и гребенчатых элементов, один фрагмент украшен сочетанием ямочных вдавлений и диагональных рядов строчечного прямоугольного накола (рис. 2: 3-4).

Появление наколов в орнаментации данных сосудов говорит о контактах с населением автохтонной среднедонской культуры [*Смольянинов*, 2009, с. 218].

Также обнаружена ямочно-гребенчатая керамика позднего этапа льяловской культуры. На поверхности памятника было собрано 40 фрагментов сосудов с ямочно-гребенчатой орнаментацией, из них десять венчиков и 30 стенок. В шурфе было найдено 98 фрагментов этой же керамики, из них десять венчиков и 88 стенок (рис. 2: 1-2).

Доминирующим элементом орнамента являются ямочные вдавления овальной и круглой формы с коническим или цилиндрическим дном, расположенные в одну или более горизонтальные линии.

Поселение Доброе 8.

Открыто А.А. Клюкойтем в 2014 году [*Клюкойть*, 2015], обследовано А.А. Куличковым в 2017 году [*Куличков*, 2018]. Расположено в Добровском районе Липецкой области (рис. 1).

Гребенчато-ямочная керамика раннего этапа льяловской культуры. В шурфе было найдено шесть фрагментов керамических стенок этой культуры. Толщина стенок – 5-7 мм. Мотивы орнамента представлены в виде чередования ямочных и гребенчатых элементов, составленных в горизонтальные линии (рис. 2: 5-6)

В шурфе также было найдено 33 фрагмента от ямочно-гребенчатых сосудов позднего этапа льяловской культуры, из них два венчика и 31 стенка. Стенки толщиной 5-6 мм. Тесто плотное, цвет от темно - серого до красновато-коричневого. Вся керамика хорошо заглажена, с внутренней стороны имеются глубокие расчесы. Наиболее часто используемым элементом орнамента являются ямочные вдавления. Вторыми по доле использования в орнаментации являются оттиски гребенчатого штампа, выполненные в основном прямым пяти или шестизубым штампом (рис. 2: 5-14).

Поселение Доброе 9.

Данное поселение открыто А.А. Клюкойтем в 2014 году. Им была заложена зачистка на берегу р. Воронеж шириной 2 м у южной окраины с. Доброе Липецкой области [*Клюкойть*, 2015] (рис. 1: 3). В 2017-2018 годах А.А. Куличковым был заложен раскоп [*Куличков*, 2018].

В раскопе было найдено 107 фрагментов от семи керамических сосудов раннего этапа льяловской культуры. Венчики диаметром 24-32 см, толщина стенок – 4-8 мм. Четыре горшка открытой формы, один со слегка стянутыми внутрь краями. Два были сильно профилированы. Единственное найденное днище и придонная часть от округлодонных горшков. Вся поверхность сосудов орнаментирована. Мотивы орнамента представлены в виде чередования ямочных и гребенчатых элементов, один фрагмент украшен сочетанием ямочных вдавлений и диагональных рядов строчечного скобковидного накола (рис. 2: 17-19).

Рис. 1. Карта памятников льяловской культуры у с. Доброе на Верхнем Дону.
1-Доброе 7; 2-Доброе 8; 3-Доброе 9.

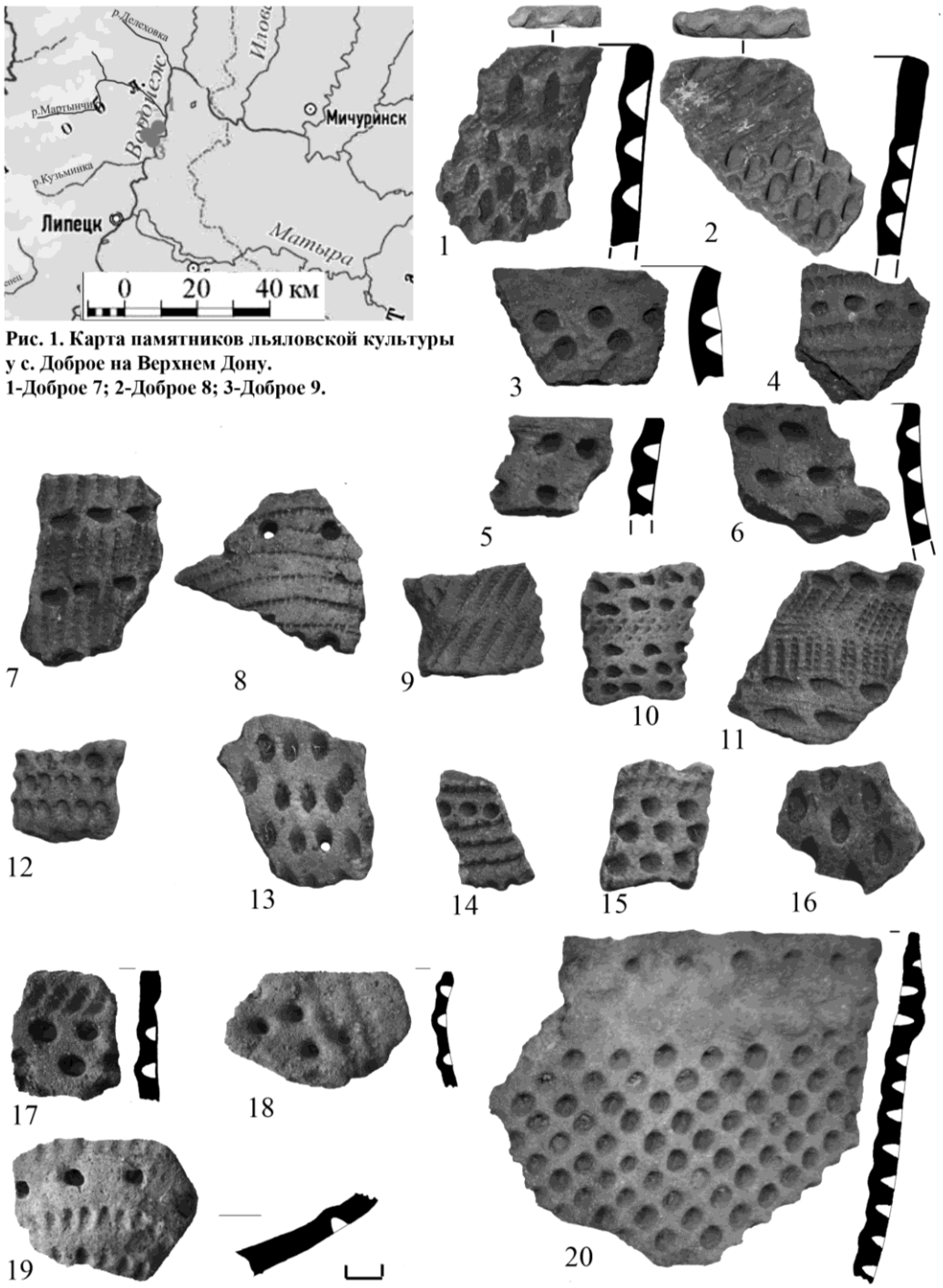


Рис. 2. Керамические материалы льяловской культуры у с. Доброе на Верхнем Дону. 1-2 - поздний этап льяловской культуры с поселения Доброе 7; 3-4 - ранний этап льяловской культуры с поселения Доброе 7; 15-16- ранний этап льяловской культуры поселения Доброе 8; 5-14 поздний этап льяловской культуры с поселения Доброе 8; 17-19 - ранний этап льяловкой культуры поселения с поселения Доброе 9; 20 - поздний этап льяловской культуры с поселения Доброе 9.

Ямочно-гребенчатая керамика позднего этапа льяловской культуры представлена 111 фрагментами не менее чем от трех лепных сосудов. Единственное найденное днище округлое, утолщенное (рис. 2: 20).

Доминирующим элементом орнамента являются ямочные вдавления овальной и круглой формы с коническим или цилиндрическим дном, расположенные в шахматном порядке.

Итак, в датировке раннельяловских материалов памятников округи с. Доброе помогает серия радиоуглеродных дат полученных на стоянках с гребенчато-ямочной керамикой раннего

этапа льяловской культуры Верхнего Дона: Ивница - 5840±90 BP(4932–4494 BC) Ki-16638, Ксизово 6 - 5820±130 BP (4995–4371 BC) Ki-13307, Курино 1 - 5400±120 BP (4458–3975 BC) Ki-13308 [*Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov,* 2017]. Видимо, два вытянутых на спине погребения со стоянки Ксизово 6, также относятся к раннельяловскому населению 6000±50 BP (5200–4800 BC) ГИН-13544, 6000±50 BP (5200–4800 BC) ГИН-13546 [*Васильев, Смольянинов, Бессуднов,* 2018].

Керамику позднего этапа льяловской культуры исследуемых памятников по аналогии с подобной посудой Волго-Окского междуречья в калиброванных значениях можно датировать первой половиной IV тыс. до н.э. Для слоя позднего этапа поселения Воймежное 1 получена дата 5100±70 (4000-3710 BC) ГИН-6867, а для аналогичных материалов с Ивановского 3 – 5100±70 BP (4000-3710 BC) ЛЕ-1976 [*Энговатова*, 1998]. На Верхнем Дону подобная посуда датируется этим же временем. Получена серия радиоуглеродных дат по материалам стоянок Университетская 3 - 5080±125 BP (4250–3600 BC) Ле-1013, Ямное - 4850±90 BP (3950–3350 BC) Ki-16634, 4790±80 BP (3710–3360 BC) Ki-16636 [*Сурков, Скоробогатов,* 2012. С. 67], Подзорово - 4770±60 BP (3660–3370 BC) Ле-725, Курино 1 - 5225±90 BP (4319–3802 BC) Ki-13313 [*Smolyaninov, Skorobogatov, Surkov,* 2017].

Библиографический список

Бирюков И.Е. Отчёт о разведочных работах на территории Липецкой области в 2014 году. / Архив ИА РАН. Р-1.

Васильев С.В., Смольянинов Р.В., Боруцкая С.Б., Бессуднов А.Н., Население неолита-энеолита Верхнего Подонья и его погребальная обрядность (по материалам грунтового могильника Ксизово 6) // Поздняя преистория Евразии: социальные модели и культовая практика. Stratum plus. №2. Кишинёв, 2018. С. 167–195.

Клюкойть А.А. Отчёт о проведении разведочных работ в среднем течении р. Воронеж на территории Добровского, Грязинского и Липецкого районов Липецкой области в 2014 году / Архив ИА РАН. Р-1.

Куличков А.А. Отчет к открытому листу № 1927 об археологических исследованиях на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Доброе 9» в Добровском районе Липецкой области в 2018 году / Архив ИА РАН. Р-1.

Куличков А.А. Отчёт о разведочных исследованиях в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой области, Мичуринского района Тамбовской области в 2017 году / Архив ИА РАН. Р-1.

Куличков А.А., Юркина Е.С., Смольянинов Р.В. Раскопки стоянки Доброе 9 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. Воронеж, Новый взгляд, 2018. С. 116–119.

Смольянинов Р.В. Памятники эпохи неолита с накольчато-ямочной керамикой на территории лесостепного Подонья // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 199–219.

Энговатова А.В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 238–246.

Smolyaninov R., Skorobogatov A., Surkov A. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica. XLIV. Ljubljana, Slovenia, 2017. P. 192–202.

CERAMIC MATERIALS OF LYALOVSKY CULTURE OF THE SITES NEAR THE VILLAGE DOBROYE THE UPPER DON

A. Kokotkina (Akulova)[*], E.Yurkina[**], A. Kulichkov [*]

[*]Lipetsk regional scientific public organization "Archaeological research", Lipetsk
[**]Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shanskiy University, Lipetsk
annaakulova@yandex.ru

Academic supervisor - PhD R. Smolyaninov

Not far from the town Dobroe was found the concentration of the Neolithic settlements. Three of them consist ceramic of the Lyalovo culture. The materials of the Lyalovo culture ofthe site Dobroe 7, 8 and 9 reflect the two stages the process mixing the ceramic traditions – of carriers of the stroke-ornamented pottery the Srednedonskaya culture and comb-patching pottery of the Lyalovo culture and of carriers of the stroke and pit-comb ornamented pottery of the later stages of Lyalovskaya.

Keywords: Neolithic, the Srednedonskaya neolithic culture, Lyalovo culture, combpatching pottery, stroke-pit pottery.

УДК 902.01

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А.С. Косенкова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
nastyakosenkova89@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

В статье дана характеристика двум типам керамики раннего неолита лесного Среднего Поволжья: неорнаментированной и накольчатой. Определяется абсолютная хронология бытования ранненеолитической керамики Марийского Поволжья. Приводятся различные точки зрения и концепции исследователей о проблемах культурной принадлежности и происхождения материалов региона. А также, проводится краткое сравнение с материалами верхнего, лесостепного и степного Поволжья.

Ключевые слова: ранний неолит, накольчатая керамика, неорнаментированная керамика, лесное Среднее Поволжье, радиоуглеродное датирование, культурная принадлежность, происхождение.

Эпоха неолита – это время достаточно быстрого прогресса человека в независимости от среды обитания. Развитие неолита на территории лесного Среднего Поволжья представляет собой сложный процесс. С 1947 по 2019 год было выявлено более 50 памятников ранненеолитического времени.

Керамика периода раннего неолита в лесном Среднем Поволжье представлена двумя типами: неорнаментированная и накольчатая. Наиболее представительные комплексы обозначенной посуды были выявлены на стоянках Дубовская III, Отарское VI, Дубовская VIII, Сутырская V и ряде других.

Начало изучения стоянок с керамикой накольчатого типа в Среднем Поволжье было положено в 1956 году А.Х. Халиковым, им были выявлены и исследованы стоянки Старомазиковская II и III, а также поставлены вопросы о происхождении и датировке памятников данного типа [*Никитин,* 1996]. В дальнейшем изучение ранненеолитических поселений в данном регионе продолжил В.В. Никитин исследовавший куст памятников близ деревень Дубовская и Отары и ряд других [*Никитин,* 2011].

Ранненеолитическая керамика лесного Среднего Поволжья характеризуется следующими признаками. Посуда относительно тонкостенна 0,5-0,7 см, хотя часто встречается с толщиной стенок 0,3-0,5 см. Внешняя поверхность заглажена, часто подлощена, внутренняя – заглажена. В качестве исходного пластического сырья для изготовления сосудов использовали «тощую» илистую глину, в которой отмечается присутствие песка, в формовочной массе керамики без орнамента также наблюдается примесь мелкого шамота. Формирование горшков осуществлялось с помощью лоскутного налепливания. Основная форма сосудов – прямостенные или округлобокие банки. Днища – плоские или плосковогнутые. Венчики прямые или прикрытые, редко профилированные. Часто под срезом венчика фиксируются сквозные отверстия или ямочные вдавления [*Васильева, Выборнов* 2015; *Никитин,* 1996].

Большая часть ранненеолитической керамики не имеет орнамента. В остальных случаях в качестве элемента орнамента чаще всего используется треугольный накол, в то же время овальные, округлые, подквадратные наколы, а также насечки встречаются реже. Преобладает традиция нанесения орнамента в разреженной манере, однако значительное количество сосудов украшено отступающими наколами. Доминируют простые мотивы орнамента: горизонтальные и диагональные линии образованные наколами, но также встречаются и более сложные: зигзаг, пересекающиеся линии, отходящие от горизонтальных рядов диагональные линии, короткие

© Косенкова А.С., 2020

диагональные разнонаправленные линии наколов. Орнамент расположен, в основном в верхней или нижней части сосуда, реже орнаментирована вся поверхность.

Со времени открытия первых стоянок раннего неолита в лесном Среднем Поволжье до 2007 года практически не было известно радиоуглеродных дат. Первые данные были получены по образцам угля на стоянке Отарская VI, что позволило отнести комплексы накольчатой керамики к раннему неолиту и датировать их серединой VI тыс. до н.э. С 2007 года началось целенаправленное датирование ранненеолитических комплексов региона по органике в посуде, что позволило получить 12 радиоуглеродных дат. Самая ранняя дата, для накольчатой посуды была определена на стоянке Дубовская III – 6152±150 BP, а поздняя на поселении Сутырское V – 5540±90 BP. Для неорнаментированной – 7000±150 BP и 6130±100 BP, соответственно, на стоянке Дубовская III. Представленные радиоуглеродные определения позволяются сделать вывод о том, что ранненеолитическая керамика существовала в лесном Среднем Поволжье с начала VI тыс. до н.э. по середину V тыс. до н.э. [*Выборнов, Никитин,* 2016].

Проблема культурного статуса марийского раннего неолита долгое время не являлась предметом специального рассмотрения. В 1988 году Васильев И.Б. и Выборнов А.А. предположили материалы региона рассматривать в рамках средневолжской культуры [*Васильев, Выборнов,* 1988]. Данная точка зрения в дальнейшем была развита Выборновым А.А. [*Выборнов,* 2008]. В 2013 году Никитин В.В. обратился к проблеме культурной принадлежности ранненеолитической керамики Марийского Поволжья. Автором предложена точка зрения о возможности выделения марийских памятников в отдельную культуру – дубовско-отарскую. В качестве основания отмечались: ограниченная территория бытования памятников, топография стоянок, планиграфия поселков, типы построек и специфические черты керамики и кремневого инвентаря. По мнению автора, представленная культура занимает территорию от побережья р. Суры до пойменных долин левобережья р. Волги и от устья р. Камы до р. Оки [*Никитин,* 2013].

Проблема происхождения раннего неолита лесного Среднего Поволжья довольно сложный вопрос. По одной из версий Никитина В.В. ранненеолитические материалы Марийского Поволжья находят ближайшие аналогии с памятниками Верхнего и Среднего Дона. Близость проявляется по таким параметрам как: плоскодонность, примесь в тесте растительных остатков или шамота, разреженные наколы (чаще всего треугольные), а также наличие ямок под срезом венчика [Никитин, 1996]. В дальнейшем точка зрения исследователя претерпела определенные изменения, наиболее близкое сходство было обнаружено с ранненеолитическими комплексами Верхнего Поволжья, по таким признакам как: использование сырья из илистой глины, форма сосудов (плоскодонные или полосковогнутые банки), накольчатая техника нанесения узоров, простота мотивов (в основном горизонтальные ряды) [*Никитин,* 2009]. Наконец, в последних работах Никитин В.В. прослеживает близость между Марийским Поволжьем и комплексами степного Поволжья. Путь движения носителей ранненеолитической керамики из степного Поволжья проходил через Сурской бассейн. Близость фиксируется по следующим критериям: технология производства и форма сосудов, превалирование треугольного накола, разреженный орнамент, простота мотивов, наличие производящего хозяйства (скотоводство) [*Никитин,* 2011]. Также, к проблеме происхождения обращались Васильев И.Б. и Выборнов А.А. Их точка зрения заключается в близости материалов Марийского Поволжья с лесостепным, а именно елшанской и средневолжской культурами. Для посуды этих регионов выделяют общие признаки, такие как: форма – плоскодонная банка, технология производства, простые мотивы (горизонтальные и диагональные ряды, загзаги и т.д.) нанесенные в разреженной манере, преобладание треугольного накола, а также плоские днища [*Васильев, Выборнов,* 1988; *Выборнов,* 2008].

Библиографический список

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Вып. 31. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 68-98

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные даты по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII-III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток, 2016. 456 с.
Никитин В.В. К вопросу о культурной атрибуции Верхневолжской и Волго-Камской ранненеолитических культур // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2000. С. 179-186.
Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Труды МАЭ. Том IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.
Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

EARLY NEOLITHIC CERAMICS OF THE FOREST OF THE MIDDLE VOLGA REGION

A. Kosenkova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
nastyakosenkova89@gmail.com

Academic supervisor - PhD K. Andreev

The article gives a description of two types of ceramics of the early Neolithic forest Middle Volga: unoriented and nakolchaty. The absolute chronology of the life of the early Neolithic ceramics of the Mari Volga region is determined. Various points of view and concepts of researchers on the problems of cultural affiliation and the origin of materials in the region are presented. And also, a brief comparison is made with the materials of the upper, forest-steppe and steppe Volga.

Keywords: Early Neolithic, Amalgamous ceramics, unoriented ceramics, forest Middle Volga, radiocarbon dating, cultural affiliation, origin.

УДК 902.01

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ОРНАМЕНТОМ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОГОСТИЩЕ 14-15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

А.В. Кузьмина

Череповецкий государственный университет, Череповец
a_substitution@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Н.В. Косорукова

В статье рассматриваются костяные орнаментированные изделия со стоянок Погостище 14-15, которые находятся в бассейне озера Воже. Аналогии этим изделиям представлены во многих памятниках лесной зоны, однако наибольшая близость прослеживается с материалами культуры веретье.

Ключевые слова: мезолит, бассейн озера Воже, орнамент, костяные изделия.

Комплекс памятников Погостище находится в Кирилловском районе Вологодской области, на берегу реки Модлоны (бассейн озера Воже), в районе одноименной деревни, в настоящее время не существующей. Первый памятник здесь был открыт в 1938-39 гг. А.Я. Брюсовым. Дальнейшие исследования в разное время проводились С.В. Ошибкиной, Н.А. Макаровым, С.Д. Захаровым и объединенной археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения и Череповецкого государственного университета под руководством Н. В. Косоруковой.

До 2005 г. в этом районе было известно 12 памятников, которые преимущественно являются суходольными (за исключением стоянки Погостище 1) и датируются от эпохи

© Кузьмина А.В., 2020

мезолита до Средневековья. В 2005 г. экспедицией под руководством Н.В. Косоруковой были открыты 2 торфянниковых памятника Погостище 13 и 14, наибольший интерес из которых представляет стоянка Погостище 14. Она расположена примерно в 100-200 м от бывшей деревни. Раскопки стоянки Погостище 14 проводились в 2008–2010 гг. В 2010 г. к северу от бывшей деревни была открыта торфяниковая стоянка Погостище 15, исследование которой ведется до сих пор. На обоих памятниках мезолитический слой залегает ниже уровня воды, что способствует высокой сохранности органических материалов.

Всего за период исследования памятников Погостище 14 и 15 было найдено 5 костяных орнаментированных изделий. Орнаментальные композиции и элементы украшают орудия труда и оружие. На Погостище 14 это фрагмент вкладышевого костяного орудия. На Погостище 15 зубчатое острие, игловидный наконечник, обломок ножа из лопаточной кости и фрагмент рукоятки.

Фрагмент вкладышевого орудия был найден в 2010 г. Он представлен небольшим, длиной около 3 см, обломанным с двух концов фрагментом ножа или кинжала с двумя пазами, который украшен с одной стороны несложным орнаментом. Узор состоит из двух длинных вертикальных черт, вероятно проходивших по всей длине изделия и нескольких косых насечек, составляющий елочный узор на каждой черте.

Зубчатое острие, найденное в 2012 г., представляет собой целое орудие длиной 13,5 см с тремя едва намеченными зубцами, сечение уплощенное, конец заострен; на насаде прослежены следы обмотки; в центральной части орудия нанесен еле заметный орнамент из косых насечек.

Игловидный наконечник 2013 г. длиной около 17 см имеет рельефный ободок над насадом; орудие украшено орнаментом из коротких горизонтальных насечек и крестиков, напоминающих римские цифры «Х».

Фрагмент изделия с орнаментом был найден в 2018 г. в виде двух сходящихся обломков. Вероятно, это рукоятка изделия или орудия, имеет удлиненно-овальную форму, уплощенное сечение, подшлифованную поверхность с обеих сторон, с одной стороны изделия орнамент состоит из заштрихованных прямыми линиями треугольников и незаштрихованных треугольников или ромбов, с другой стороны – елочный узор из трех почти одинаковых элементов, каждый элемент состоит из двух прямых линий, расположенных под углом друг к другу (чтобы образовался елочный узор), а от них отходят короткие прямые линии-штрихи; последний третий элемент – или не закончен, или одна часть узора стерлась, т.к. прослеживается только одна прямая линия с отходящими от нее штрихами; размеры изделия – 6,9 х 0,8-1,7 х 0,15 см.

Обломок ножа из лопаточной кости, также найденный в 2018 г., имеет длину 14,1 см, это нижний обушковый конец ножа; он украшен орнаментом из горизонтальных прерывистых линий, расположенных как бы тремя вертикальными рядами: один ряд слева от выступа лопаточной кости, и два ряда справа.

Орнамент этих изделий состоит из повторяющихся элементов, преимущественно геометрических. При изучении этого орнамента выделяются следующие простые элементы: насечки или нарезки, кресты и прямые линии.

Насечки или нарезки представляют собой короткие штрихи, которые располагаются поперечно насаду наконечника или острия и граням (ребрам) костяного ножа. Такой орнамент, встреченный на трех предметах, имеет широкие аналогии в различных памятниках, например, подобным образом орнаментированные наконечники имеются в коллекции Камня Дыроватого [Сериков, 2014, с. 105]. Оформление насечками наглядно представлено и в культуре веретье, открытой С.В. Ошибкиной, ими украшались зубчатые острия и гарпуны, а также различный охотничий инвентарь. Ближайшие аналогии костяному ножу из лопаточной кости прослеживаются на памятнике Веретье 1. Среди них также представлены предметы с геометрическим узором, состоящим из рядов тонких резных линий разного наклона [*Ошибкина,* 2017, с. 19].

В культуре веретье достаточно популярен своеобразный орнамент из хаотичных, на первый взгляд, тонких прочерченных линий. Такой орнамент украшает поверхность многих широких ножей и кинжалов [*Ошибкина,* 2017, с. 25]. Подобный узор прослеживается на ноже

из лопаточной кости с Погостища 15. На памятниках этой культуры встречается также и крестовидный узор, интерпретируемый С.В. Ошибкиной как метки [*Ошибкина,* 2017, с. 44].

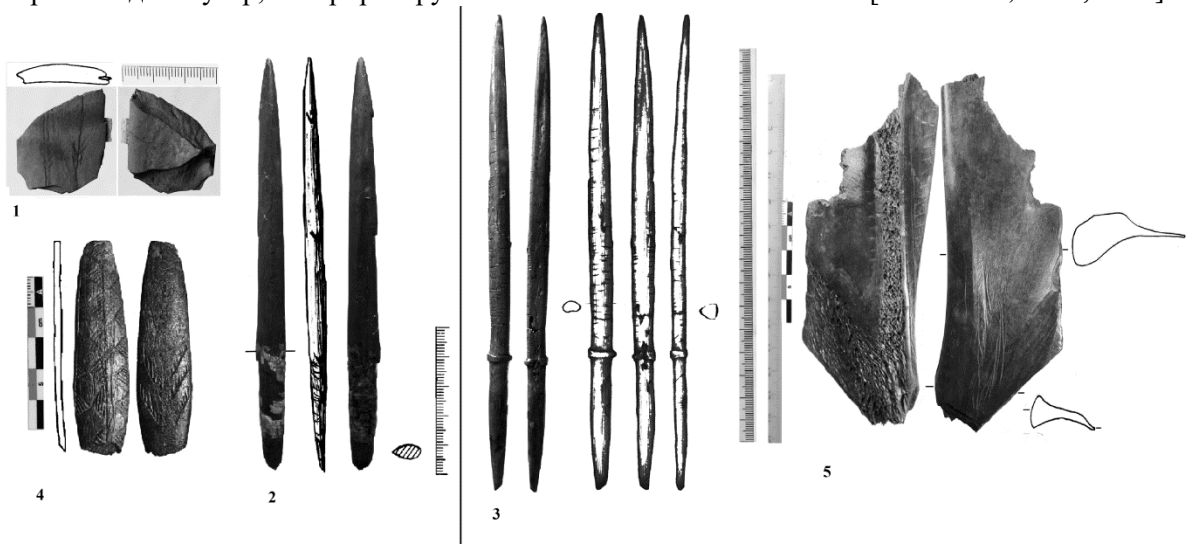


Рис. 1. 1 – обломок костяного вкладышевого орудия (Погостище 14), 2 – зубчатое острие (Погостище 15), 3 – игловидный наконечник (Погостище 15), 4 – фрагмент рукояти (Погостище 15), 5 – нож из лопаточной кости (Погостище 15).

Похожий орнамент, в виде косых пересекающихся крестиков, имеют некоторые орудия (в частности, обломок плоского острия и обломок рукояти) из памятников бутовской культуры [*Жилин,* 2014, с. 39].

Сочетание простых элементов геометрического орнамента образует определенные фигуры. Например, сочетание длинных прямых линий и коротких насечек составляют «елочки» на фрагменте вкладышевого орудия. Аналогии такому орнаменту также есть на памятнике Камень Дыроватый [*Сериков,* 2014, с. 108].

Аналогия ромбовидному орнаменту костяной рукояти встречена на погребении в окрестностях с. Пеган. Это обломок ножа, на котором, с одной стороны, вырезаны в одну линию пять заштрихованных, слегка ассиметричных ромбов, которые соединены между собой прямыми линиями, а в одном случае – ломаной [*Сериков,* 2014, с. 111]. Длинный обломок лезвия кинжала со стоянки Становое 4 имеет широкие продольные пазы, которые идут по середине лезвия наподобие кровостоков, от них отходят более узкие и мелкие линии, образующие заштрихованные ромбы и треугольники. Так же на стоянке Ивановское 7 (той же бутовской культуры, что и Становое 4) встречено миниатюрное шило из птичьей кости. Узкое плоское шило сделано из пластинки, вырезанной из стенки птичьей кости, края, сходящиеся к острию, продольно выструганы, на внешней поверхности прослеживается орнамент из идущих вдоль краев заштрихованных треугольников, а на внутренней — параллельные друг другу нарезки, нанесенные под углом к оси орудия [*Жилин*, 2014]. Подобные узоры встречаются и на предметах с поселения Сухого. В частности, это обушковая часть ножа или небольшого кинжала, орнамент на которой представляет собой два ряда из высоких треугольников, заштрихованных в шахматном порядке. Подобный узор С.В. Ошибкина интерпретирует как изображение жилищ [*Ошибкина*, 2017, с. 33].

Изделия с орнаментом на памятниках Погостище 14-15 единичны, поэтому выделить какое-либо отчетливое назначение данных узоров не представляется возможным. Однако считается, что для древнего человека геометрический орнамент служил своеобразным языком, с помощью которого он выражал свои понятия о мире. Общепринято считать, что прямая горизонтальная линия, например, обозначала землю, крестом изображали огонь или солнце, ромб, квадрат или круг также символизировали солнце, а комбинации этих простейших элементов составляли сложные знаки, которые до сих пор не расшифрованы [*Сериков*, 2014, с.

104]. Наравне с этим орнамент мог иметь декоративное значение, или нести информацию о принадлежности к какой-либо группе.

Библиографический список

Жилин М.Г. Преемственность и трансформации в развитии костяной индустрии бутовской культуры // М.: ИА РАН, 2014. 299 с.
Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В. Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические вести. Вып. 23. СПб., 2017. С. 67-84.
Ошибкина С.В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры Веретье // М.: ИА РАН, 2017. 140 с.
Сериков Ю.Б. Очерки по первобытному искусству Урала // Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Нижний Тагил, 2014. 268 с.

BONE PRODUCTS WITH ORNAMENT FROM MESOLITHIC MONUMENTS CHURCHYARD 14-15 IN THE BASIN OF LAKE VOZHE

A. Kuzmina

Cherepovets state university, Cherepovets
a_substitution@mail.ru

Academic supervisor - PhD N. Kosorukova

The article deals with bone ornamented artifacts from the sites Pogostische 14-15, which are located in Vozhe basin. The analogy of these things are presented widely within the forest zone, but the greatest affinity observed with the materials of Veretye culture.

Keywords: Mesolite, Vozhe lake basin, ornament, bone products.

УДК.903.2

КЕРАМИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЛГАЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019 ГОДА

Л.А. Курбатова, Т.В. Никифорова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
Tatty.nik@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. А.А. Выборнов

В статье представлен анализ керамики 2019 года неолитической стоянки Алгай, находящейся в Нижнем Поволжье. Фрагменты орнаментированы в накольчатой технике. Наибольший интерес представляет хронология находок, прямые аналогии которых можно обнаружить на Варфоломеевской стоянке в слое 2А. Вся керамика относится к орловской неолитической культуре.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, Саратовская область, неолит, керамика, орловская культура, накольчатая техника, технико-технологический анализ, хронология.

Исследование новых неолитических памятников является одной из первостепенных задач археологии. Учеными были выдвинуты различные гипотезы, но вопросы, касаемые культурной принадлежности, происхождения, соотношения памятников и их датирования так и остаются открытым.

© Курбатова Л.А., Никифорова Т.В., 2020

Изучение орловской культуры неолита в Нижнем Поволжье стало возможным благодаря стоянке Алгай, расположенной на р. Б. Узень Александрово-гайского района Саратовской области [*Юдин и др.,* 2016]. С 2014 по 2018 год саратовскими и самарскими археологами проводились раскопки данного памятника. Общая исследованная площадь 146 кв.м. Культурный слой достигал мощности до 240 см. В июле 2019 года работы были продолжены. Площадь составила 40 кв.м.

Данное исследование будет посвящено анализу керамического инвентаря стоянки Алгай за 2019 год, так как именно керамике исследователи отводят значительную роль при выделении археологических культур в эпоху неолита [*Фосс,* 1952; *Третьяков,* 1984].

В 2019 году в слоях 21-35 было обнаружено 381 фрагмент керамики, 34 из которых венчики, 335 – стенки, 12 – днища. Толщина черепков варьирует от 0,4 до 1,0 см. Сосуды плоскодонные. По форме – прямостенные или слабопрофилированные.

Неолитический слой начался с глубины 160 см (21 слой). В нем обнаружено 4 фрагмента керамики, толщиной 0,9 см. На 165 - 170 см (слой 22) – 11 фрагментов. Толщина стенок 0,9 см, выделяется 1 экземпляр толщиной в 1,0 см. На глубине 170 - 175 (23 слой) и 180 - 185 см (25 слой) фрагментов керамики не обнаружено. Между ними в 24 слое (175-180 см) найдена стенка толщиной 0,6 см. Керамика в слое 185 - 190 см (26 слой) представлена 10 экземплярами стенок. Их средняя толщина – 0,7 - 0,8 см. В слое 27, ограниченным 190 - 195 см, выявлено 2 фрагмента – стенка толщиной 0,4 см и венчик 0,6 см. На глубине 195 - 200 см (28 слой) отмечено 11 стенок, средняя толщина которых 0, 6 см и 1 венчик толщиной 0,8 см. На 200 - 205 см (29 слой) – 13 фрагментов. Стенки толщиной 0,7 см (11 фрагментов), венчики – 0,6 и 0,9 см. На уровне 205 - 210 см (слой 30) в общей сложности 21 черепок. Стенки – 0,6 - 0,8 см. 1 венчик толщиной 0,8 см. Керамические фрагменты в 31 слое (210-215 см) представлены 24 экземплярами. Стенок – 22, толщина 0,6 - 0,8 см. Венчики имеют толщину 0,7 и 0,4 см. На уровне 215 - 220 см (слой 32) в общей сложности 225 фрагментов керамической посуды. Стенки толщиной 0,6 - 0,8 см, венчики (19 фрагментов) со средней толщиной 0,7, днища (3 фрагмента) и придонные части (5 фрагментов). В слое 33, ограниченным 220 - 225 см, 27 фрагментов стенок 0,6-0,8 см и 1 придонная часть толщиной 0,8 см. Керамика в слое 34 представлена 22 экземплярами. 4 венчика толщиной 0,8 см, 2 придонных части толщиной 0,8 см, остальные – стенки толщиной 0,7 см.

Фрагменты, найденные в 31-34 слое 8 квадрате, предположительно, являются одним сосудом, так как по технике изготовления, орнаментальной композиции, толщине, месте залегания они идентичны.

Последний, 35 слой (глубина 225 - 230 см) также не отличается большим количеством глиняных изделий: всего их обнаружено 8. Три венчика толщиной 0,7 см и 4 стенки толщиной 0,7 – 0,8 см и одна придонная часть.

Из 381 проанализированных фрагментов керамики, обнаружено 188 с орнаментом. Следует отметить отсутствие венчиков с наплывами на внутренней стороне сосудов. Но это может объясняться тем, что площадь раскопа была небольшой. Преобладает накольчатая техника в отступающей манере. Наколы треугольной формы. Имеются сосуды с тонкими прямыми прочерками. Есть фрагменты, на которых эти способы нанесения орнамента сочетаются. Такая техника характерна для керамики орловской неолитической культуры. Характерно для нее и расположение орнамента на внутренней стороне венчика. В большинстве случаев среди орнаментальных композиций наблюдаются: горизонтальные ряды отступающих наколов, сочетание горизонтальных и наклонных рядов, горизонтальный зигзаг, сочетание горизонтальных рядов и горизонтального зигзага, разреженные наколы, прочерченные линии. Такие узоры известны на посуде Варфоломеевской стоянки орловской культуры [*Юдин,* 2004]. На этом памятнике обнаружены и неорнаментированные плоские днища со сверлинами на стенках.

И.Н.Васильевой был проведен анализ технологии изготовления сосудов, в ходе которого было установлено керамическое сырье - илистая глина и ил с примесью раковин пресноводных моллюсков [*Выборнов и др.,* 2015]. Была выявлена определенная зависимость толщины стенок сосудов от вида сырья, из которого они были сделаны: если из ила, то толщина стенок колеблется от 8 до 10 мм; если из илистых глин – толщина составляет 5-7 мм [*Юдин и др.,*

2016]. Данные технологии и примеси в сырье отмечались и ранее на данном памятнике [*Юдин и др.,* 2017]. Прямые аналогии можно обнаружить на Варфоломеевской стоянке в слое 2А [*Юдин,* 2004].

Что касается хронологических рамок проанализированной керамики, то фрагменты, найденные в 2019 году, ещё не датированы. Но за предшествующие года раскопок на стоянке Алгай и на Варфоломеевской стоянке, был получен схожий материал [Выборнов и др., 2016]. Это соответствует находкам верхнего культурного слоя стоянки Алгай и слою 2А Варфоломеевской стоянки. Это подтверждается радиоуглеродной датой, полученной по костям животных с уровня 50–60 см стоянки Алгай – 5720±120 BP (SPb_1475). Сходная дата получена по нагару на керамике Варфоломеевской стоянки из слоя 2А – 5800±150 BP (SPb_939) [*Юдин и др.,* 2016]. Но так же из слоя 2А получены более ранние даты 6544± 38 BP (Ua-41361) и 6693± 39 BP (Ua-41362), которые хорошо соотносятся с датами из нижних горизонтов стоянки Алгай с глубины 120 - 130 см - 6577± 80 BP (SPb-1478) и 130 - 140 см - 6654± 80 BP (SPb-1509) [*Выборнов и др.,* 2016]. Вторая группа дат, на наш взгляд, более валидная.

Таким образом, в результате проведенного анализа керамики стоянки Алгай из раскопа 2019 года по совокупности типологических и технологических признаков ее можно отнести к орловской неолитической культуре. Также памятник позволяет получить информацию о развитии неолитического населения степного Нижнего Поволжья на позднем этапе данной культуры. Некоторые вопросы так и остаются нерешенными, поэтому необходимо продолжить исследования в 2020 году.

Библиографический список

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С. Новые данные по неолиту – энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. т.17, №3. С. 235 – 241.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Кулькова М.А., Гослар Т., Посснерт Г., Филиппсен Б. Радиоуглеродные данные для хронологии неолита Нижнего Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII – III тысячелетия до н.э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 62 – 74.

Третьяков В.П. Неолитическая керамика и археологические культуры // СА, 1984. № 1. С. 66–76.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР. М.: МИА, 1952. 278 с.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 2004. 200 с.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в степном Волго-Уральском междуречье// V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 1199 – 1200.

Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Косинцев П.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16). С. 61-68.

CERAMIC INVENTORY OF THE ALGAI NEOLITHIC PARKING ACCORDING TO THE MATERIALS OF EXPLOSIONS OF 2019

L. Kurbatova, T. Nikiforova

Samara State University of Social Sciences and Edication, Samara
Tatty.nik@mail.ru

Academic supervisor - professor A. Vybornov

The article presents an analysis of the ceramics of the 2019 Neolithic site Algay, located in the Lower Volga region. Fragments are ornamented in the amalgam technique. Of greatest interest is the chronology of finds, direct analogies of which can be found at the Bartholomew parking in layer 2A. All ceramics belongs to the Oryol Neolithic culture.

Keywords: archeology, Lower Volga region, Saratov region, Neolithic, pottery, Oryol culture, amalgam technique, technological analysis, chronology.

УДК 902/904, 901.01

КАМЕННЫЕ ПЛИТКИ С ОТВЕРСТИЕМ В ЦЕНТРЕ НА ПАМЯТНИКАХ КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

***В.А. Лукинцева*[*], *С.А. Воронков*[**]**

[*]Научный сотрудник Череповецкого государственного университета, Череповец
[**]Научный сотрудник Череповецкого музея Археологии, Череповец
Marskot7@mail.ru

Научный руководитель - к.и.н. Н.В. Косорукова

В статье делается попытка установить назначение каменных плиток с отверстием в центре с памятников Погостище 15 и Караваиха 4. Авторами поставлены эксперименты по использованию плиток в качестве рыболовных грузил и подвесок-нашивок на меховую одежду, а также сделана попытка трасологического анализа данных изделий с указанных памятников.

Ключевые слова: мезолит, неолит, торфяниковые памятники, Погостище 15, Караваиха 4, изделия из сланца, каменные плитки с отверстием.

В бассейне озера Воже известно много памятников, которые относятся к эпохе каменного века. Однако, такие интересные предметы, как каменные плитки с просверленным отверстием в центре, встречены лишь на двух памятниках: Погостище 15 и Караваиха 4.

Памятник Погостище 15 относится к эпохе среднего мезолита (диапазон датировок от 8660±50 до 8360±80 BP), расположен на берегу реки Модлоны, впадающей в озеро Воже. Памятник является многослойным: под дёрном залегает оторфованный слой, содержащий находки деревенского времени. Ниже, на глубине 1,1-1,2 м от поверхности, залегает слой сапропеля, с которым связаны находки эпохи мезолита, представленные изделиями из кости, рога, кремня и сланца, дерева и коры; костями животных и рыб [*Косорукова и др.,* 2017, с. 67, 69].

Стоянка Караваиха 4 относится к эпохе раннего неолита (диапазон датировок от 7340±30 до 5990±100 BP), расположена неподалеку от Караваевского могильника [*Брюсов*, 1961] на берегу реки Еломы. Стратиграфия памятника следующая: под дёрном залегает слой торфа мощностью 0,9-1,2 м, ниже – слой сапропеля мощностью 0,1-0,9 м, подстилаемый материковой глиной. Находки залегают на контакте сапропеля и глины в тонкой прослойке песка и в нижней части сапропеля. Находки представлены изделиями из кремня, сланца, органических материалов, костями животных и рыб [*Косорукова и др.,* 2018, с. 79].

Плитки с двух этих памятников и эксперимент по изготовлению подобной плитки-эталона были описаны нами ранее [*Лукинцева, Воронков,* 2018, с. 6-7]. Так, на Погостище 15 было обнаружено 2 плитки подовальной формы, на Караваихе 4 также найдено 2 экз. Однако, в 2019 году на памятнике Погостище 15 была обнаружена ещё одна интересная находка: известковая массивная плитка неправильной четырехугольной формы, но близкая к подтреугольной, со сверленным биконическим отверстием. Размеры сторон изделия: 18, 15, 12 и 4 см, толщина – 2 см, диаметр отверстия 3 см.

Вопрос о том, для чего древнему человеку были нужны подобные изделия, остается пока без точного ответа. Сверленые изделия из сланца известны: например, тонкие и имеющие просверленное отверстие в верхней части называются подвесками [*Семёнов,* 1957, с. 99], они, как правило, имеют диаметр отверстия от 0,2 до 0,5 см [*Сериков,* 2018, с. 56].

Известны и сланцевые грузила со сверленным отверстием [*Семёнов,* 1957, с. 99]. Правда, изготовление таких грузил требует определенного количества времени. К тому же, как на Погостище 15, так и на Караваихе 4 найдены серии грузил, более простых в исполнении.

© Лукинцева В.А., Воронков С.А., 2020

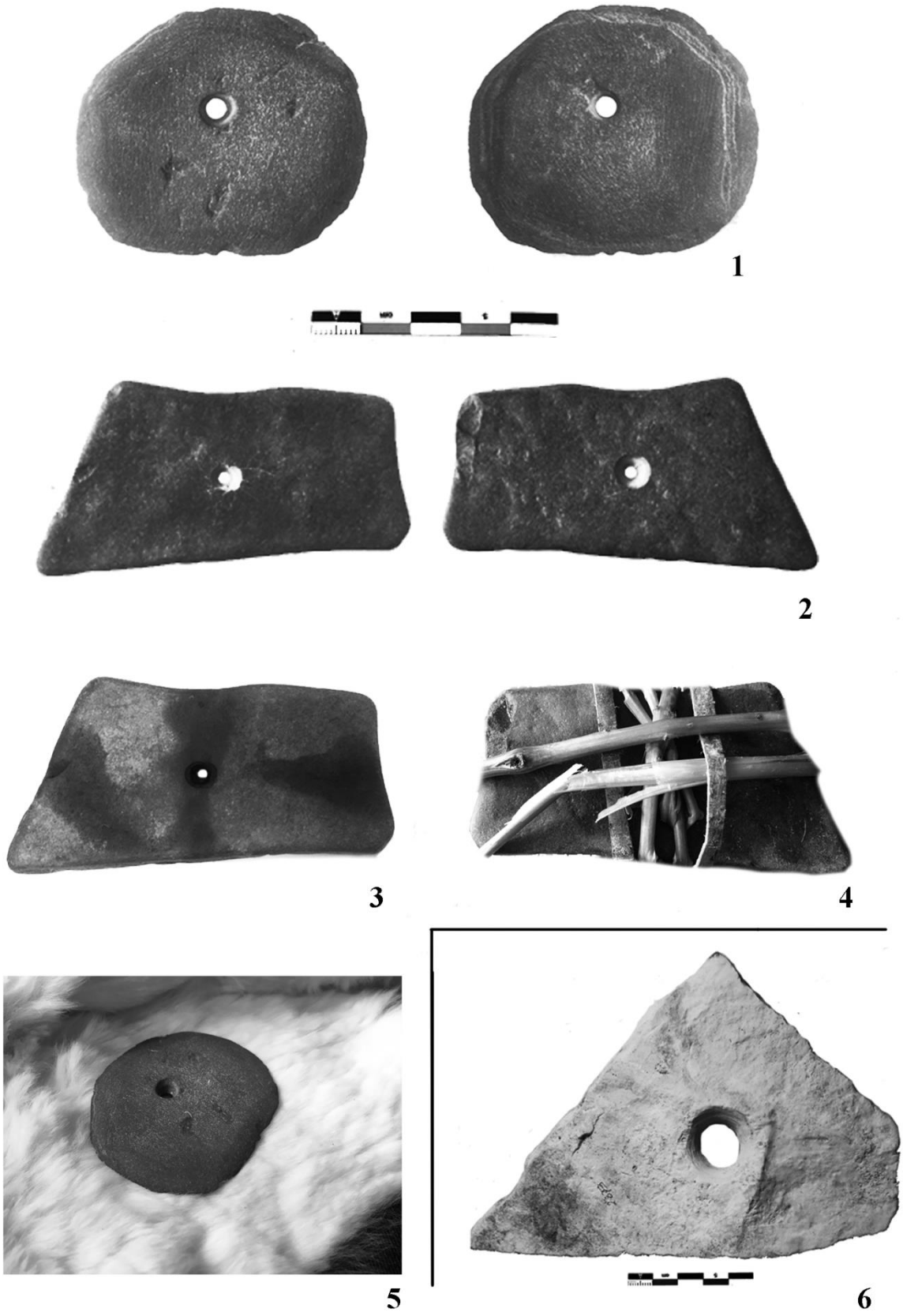


Рис. 1. 1 – эталон №1; 2 – эталон №2; 3 – эталон №2 после обмотки стеблями травы; 4 – эталон №2 в обмотке; 5 – эталон №1 в шкурке кролика; 6 – массивная известковая плитка, Погостище 15

Нередко на грузилах могут быть встречены следы обмотки растительным материалом, они видны невооруженным глазом.

Нами было проведён эксперимент: плитка эталон была обмотана стеблями свежей травы с 4-х. Далее, погружена в воду на срок в 30 дней. После извлечения из воды и очистки, мы увидели изменение цвета поверхности: в местах соприкосновения с растительным материалом образовались яркие и тёмные пятна. При микроувеличении (от 14 до 95 крат) изменения поверхности эталона, за исключением цвета, не прослежено. Очевидно, что цвет поверхности сланца изменяется, окрашивается растительным материалом при относительно длительном соприкосновении с ним в воде.

Сланцевые подвески нашивались на одежду, следовательно, на них могли остаться следы неутилитарного износа от соприкосновения с ней. Нами был проведён эксперимент, целью которого было получение следов от соприкосновения плитки-эталона с мехом таким образом, чтобы эталон не просто находился в меховой шкурке, но и каким-то образом происходило трение о материал. Плитка-эталон была завернута в небольшой кусок кроличьего меха, обвязана веревкой для более плотного соприкосновения. Для получения трения о материал, шкурка носилась в кармане брюк в течение двух недель. При просмотре плитки под микроскопом, нами были обнаружены получившиеся следы облегающей или обволакивающей заполировки, на некоторых участках поверхность была как бы залощенной. Границы заполировки смазанные, не чёткие, подобная заполировка прослеживается на всех участках поверхности. Представляется возможным, что при длительном ношении подвесок-нашивок древними людьми на них остались бы следы неутилитарного износа, выраженные в заполировке и залощенности поверхности подвески с той стороны, с которой она крепилась.

Нами была предпринята попытка проведения трасологического анализа плиток с памятников Погостище 15 и Караваиха 4 при помощи микроскопа Альтами СМ0745 (СМ0745-Т) при увеличении от 14 до 95 крат.

Результаты для плиток с Погостища 15 следующие:

1. На сверленой крупнозернистой сланцевой плитке подовальной формы (найдена в 2013 г.) [*Лукинцева, Воронков,* 2018, с.7, рис. 1.2] встречаются следы матового блеска, они расположены довольно хаотично, прослеживаются не на всей поверхности. Была обнаружена одна интересная деталь: рядом с основным отверстием расположено ещё одно очень маленькое, не законченное, но имеющее следы сверления. Очевидно, это

было намеченное отверстие, которое не стали завершать и перенесли работу чуть ближе к середине плитки.

2. На шлифованной подовальной плитке из чёрного сланца с намеченным отверстием (найдена в 2018 г.) [*Лукинцева, Воронков,* 2018, с. 7, рис. 1.1] поверхность чистая, не имеющая следов, кроме заглаженности поверхности в результате тщательного сверления. Незавершенность отверстия и отсутствие каких-либо следов износа показывает, что это лишь брошенная заготовка изделия.
3. На крупной известковой плитке не было обнаружено следов. Дело в том, что поверхность изделия довольно мягкая, от прикосновения на ней сразу же появляются следы жирного блеска от кожи рук.

Результаты для плиток с памятника Караваиха 4:

1. Обломок плитки из серого сланца подовально-ромбовидной формы (найдена в 2008 г.) [*Лукинцева, Воронков,* 2018, с.7, рис. 1.4]. не имеет следов использования. Прослежены лишь следы разнонаправленной шлифовки.
2. Плитка из чёрного сланца, вероятно, округлой формы (найдена в 2018 г.) [*Лукинцева, Воронков,* 2018, с.7, рис. 1.3], также, не имела следов износа.

Связывая данные поставленных экспериментов и результат трасологического анализа, мы можем говорить о том, что сланцевые плитки с обоих памятников вряд ли использовались в качестве грузил. Говорить об их использовании в качестве подвесок также нельзя: одно изделие представляет собой лишь заготовку, два – сломаны, третье, возможно, не использовалось так долго, чтобы на нём образовались следы износа. Массивная известковая плитка могла иметь какое-то хозяйственное назначение.

Библиографический список

Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области / Под редакцией А. Я. Брюсова. Вологда, Вологодское книжное изд-во, 1961. С. 72-162.
Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Пьецонка Х. Хронология раннего неолита бассейна озера Воже // Уральский исторический вестник №3. Екатеринбург, 2018. С.78-85.
Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Сапелко Т. В. Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 23 / гл. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2017. С. 67-83.
Лукинцева В.А., Воронков С.В. Сланцевые шлифованные плитки с просверленными отверстиями на памятниках каменного века в бассейне озера Воже // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК): материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. Д. Н. Маслюженко, И. К. Новикова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 6-8.
Семёнов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // Материалы и исследования по археологии СССР №54 / отв. ред. М.П. Грязнов, А.П. Окладников. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 239 с.
Сериков Ю.Б. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита-бронзы Урала // Поволжская археология, №1 (23). Казань: Издательство ФЭН Академии наук Республики Татарстан, 2018. С. 56-73.

THE STONE PLATES WITH A HOLE IN THE CENTER FROM THE STONE AGE SITES OF THE VOZHE LAKE BASIN: AN EXPERIMENTAL ASPECT

V. Lukintseva, S. Voronkov

Researcher at Cherepovets State University, Cherepovets
Researcher at the Cherepovets Museum of Archeology, Cherepovets
Marskot7@mail.ru

Academic supervisor: PhD N. Kosorukova

Abstract: the article deals with the attempts of establishing the purpose of the stone plates with a hole in the center from the sites Pogostische 15 and Karavaiha 4. The authors performed experiments on the use of plates as fishing sinkers and pendants-patches for the fur clothes and conducted a trace evidence analysis of these items from the sites.

Keywords: Mesolithic, Neolithic, peat sites, Pogostische 15, Karavaiha 4, slate products, stone plates with a hole.

УДК 902

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ВОСТОЧНОГО» И «ЗАПАДНОГО» ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «НЕОЛИТ»

А.Ю. Назарова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
nnazarowa@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Е.Л. Лычагина

В статье представлен «восточный» подход к понятию «неолит», который включает в себя исследования советских и российских археологов, занимающихся этой тематикой, а также «западный» подход, который раскрывает труды и идеи европейских ученых, работающих над

© Назарова А.Ю., 2020

данной тематикой. В выводах подведен анализ и показаны различия в концепции изучения неолита.

Ключевые слова: неолит, неолитическая революция, керамика, неолитический пакет

Целью исследования является сравнение разных подходов, условно называемых «восточным» и «западным», к раскрытию понятия «неолит» и его основным чертам.

В исследованиях данной эпохи каменного века многие годы существуют противоречия среди представителей разных концепцийархеологических школ. Под «восточным» подходом работе подразумеваются исследования советских ученых, занимающихся проблемой выделения неолита в лесной и лесостепной зоне европейской части бывшей СССР. В «западный» подход были объединены труды европейских ученых, которые на протяжении второй половины XX столетия создавали новые способы изучения неолита.

Основное отличие рассматриваемых подходов заключается в том, на какие критерии обращают внимание исследователи при выделении неолитической эпохи. Неолит был выделен во второй половине XIXв. британским археологом Дж. Леббоком, который вписывал этот этап между палеолитом и бронзовым веком и давал ему определение поздней каменной эпохи, с преобладанием полированного камня и появлением гончарного производства [*Леббок,* 2011, с. 2-3].

Западный подход берет свои истоки в работах В.Г. Чайлда, который в первой половине XX в. продолжил изучение неолита и создал собственную теорию о развитии общества в каменном веке. Процесс неолитизации британский ученый вписывал в контекст «неолитической революции» и «урбанистической революции», которые в определенные периоды сложились на разных территориях. В основу своей теории он вкладывал переход людей от присваивающего хозяйства (собирательства и охоты) к производящему хозяйству (земледелию и скотоводству). Этому явлению сопутствовали доместикация животных и появление гончарного производства, предназначенного для хранения избыточного продукта. Исходя из теории Г. Чайлда (подкрепленной исследованиями ученых, занимающихся ботаникой и генетикой), территорией, где зарождалась культура неолита, был Ближний Восток [*Чайлд,* 1952, 18-19]. Именно там были выделены очаги культивирования злаков, используемых для земледелия [*Вавилов,* 1932, с. 4-7].

Идея «неолитической революции» определила дальнейшую концепцию развития западноевропейского подхода [*Nordqvist,* 2018, с. 71]. В своих трудах Г. Чайлд описывает распространение производящего способа хозяйствования и материальной культуры на территорию Европы. Таким образом, одной из целей западных ученых стала классификация различных черт неолита. Данная концепция в 70 – е гг. XX в. воплотилась в идее «неолитического пакета». Неолитический пакет – это термин, используемый для определения материальной культуры разных народов (Юго-Западной Азии, Анатолии и Юго-Восточной Европы), в которой содержится скопление почти идентичных находок, встречающихся в разных географических зонах [*Cilingiroglu,* 2005, с. 2]. Существует также более широкое определение неолитического пакета: это полный спектр идей и предметов, которые существовали и находились в распоряжении населения данной эпохи [*Patton,* 1996, с. 11]. В конце 80 – х гг. XX в. ученые начали давать краткие описания данного термина. Уайтхауз в 1986 г. описал неолитический пакет как термин, который включает в себя некоторые элементы: сельскохозяйственную экономику, сельскую общину, керамику, камень и обсидиан. Совсем иначе определил наполнение неолитического пакета Звелбил в 1989 г., он включал в него керамику, культурные виды растений и одомашненных животных [*Cilingiroglu,* 2005, с. 3].

После появления данного понятия в европейском научном сообществе долгое время ведутся дискуссии о правомерности единой классификации материальной культуры неолита разных территорий. Археологи некоторых стран не признают эту идею, так как она опровергает или стирает уникальность каждой культуры. Но, несмотря на это, в западной науке активно развивается идея классификации элементов культуры неолита в «неолитический пакет». Данный термин используется во многих научных трудах современных ученых, однако точное его определение и его наполнение все еще не имеют единой трактовки.

«Восточный» или русский подход достаточно сильно отличается от «западного». Основным выводом исследователей СССР было то, что все виды обработки каменных орудий

были освоены человеком в предшествующую эпоху каменного века. Даже сверление и шлифовку камня русские археологи приписывают мезолиту, отмечая, что в неолите эти техники лишь совершенствовались и распространялись. Важнейшим маркером неолита является керамика. Исходя из исследований археологов XX в. выделяется несколько типов неолитических культур: лесной неолит – охотники и собиратели, обладающие гончарным производством; докерамический неолит – охотники и собиратели без гончарного производства; протонеолитиеские культуры – охотники и собиратели, обладающие прирученными животными [*Ошибкина,* 1996, с. 6-7]. Докерамический неолит определяется как самая ранняя фаза неолита, так как она обладает всеми чертами эпохи, но люди лесной и лесостепной зоны Евразии не были знакомы с гончарным производством [*Гурина,* 1973, с. 10]. Кроме данных типов выделяется также субнеолит, который описывается как «нелинейное развитие неолита». Концом неолитической эпохи является появление в лесной и лесостепной зонах Евразии металлических изделий [*Ошибкина,* 1996, с. 6-7].

Также одним из основных тезисов в восточном подходе является утверждение, что определение эволюции общества можно сделать по степени развития его материального производства. В основу каждой эпохи положен признак, который выражается в археологическом материале [*Гурина,* 1973, с. 10]. Главной причиной того, что население территорий лесной и лесостепной зоны Евразии уже было оседлым, но не переходило от собирательства, охоты и рыболовства к земледелию и скотоводству было то, что в данной географической среде это вполне удовлетворяло потребностям людей. Основными отличиями неолита от мезолита советские исследователи видели в том, что на этом этапе появляются новые черты в производстве орудий и составные орудия, зарождаются общественные организации и изменяется мышление.

Также как и западные археологи, советские ученые выделяли некоторые элементы, которые были показателями общности неолита: орнамент на сосудах, орнамент на костяных предметах, скульптура, стилевые особенности наскальных изображений. Признаками археологической культуры являются: тип жилища и погребальный обряд [*Гурина,* 1973, с. 11].

В конечном итоге было создано определение неолита, которое представлено специально для данной территории. «Неолит – ступень развития первобытнообщинного строя, когда рыболовство и морской промысел, превратившись в одну из основных форм хозяйства, оказались способными обеспечить оседлость населения». Помимо этого в неолит включают: совершенные каменные орудия, керамику, наличие сухопутного и морского транспорта, межплеменной обмен и развитое искусство [*Гурина,* 1973, с. 11-12].

Исходя из рассмотренного теоретического материала, можно видеть, что для «восточного» подхода более характерно изучать неолит через описание материальной культуры эпохи. Основным критерием здесь является керамика, отталкиваясь от которой советские и русские исследователи строят периодизации и делают выводы о развитии неолитических культур лесной и лесостепной зон Евразии. Напротив, «западный» подход делает акцент на общественных отношениях. Ученые Европы стараются проследить развитие общества не через производство и материальную культуру, а через изменение человеческих взаимоотношений и появление групп, осваивающих новые виды деятельности, такие как земледелие, скотоводство и доместикация. На основе этих данных исследователи стараются создать новые классификации, доказывающие преемственность разных территорий. Каждый из этих подходов вкладывает в понятие «неолит» разные аспекты, но оба они важны для изучения и сопоставления их для дальнейших исследований в данной области.

Библиографический список

Вавилов Н.И. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М., Л. 1932. 17 с.

Леббок Дж. Доисторические времена, или Первобытная история человечества: Пер. с англ. / Под ред. И с предисл. Д.Н. Анучина. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. –504 с ил.

Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996. С.6-10.

Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. 1952 г. 466 с ил.

Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита/Под ред. Н. Н. Гуриной. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. - 234 с. с ил.

Cilingiroglu C. The concept of «Neolithic package»: considering its meaning and applicability/C. Cilingiroglu// DocumentaPraehistorica. – 2005. – Vol. XXXII. p. 1-13
Nordqvist K. Каменный век северо-восточной Европы 5500-1800 лет до н.э. Наведение мостов между Востоком и Западом. ActaUniv.Oui. B 160, 2018. 162 с.
Patton M. Island In Time: Island Sociogeography and Mediterranean Prehistory. Routledge, New York. 1996, 216 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE «EASTERN» AND «WESTERN» APPROACHES TO THE CONCEPT OF «NEOLITHIC»

A. Nazarova
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
nnazarowa@mail.ru

Academic supervisor – PhD E. Lychagina.

The article presents the "Eastern" approach to the concept of "Neolithic", which includes the research of Soviet and Russian archaeologists dealing with this topic, as well as the" Western " approach, which reveals the works and ideas of European scientists working on this topic. The conclusions summarize the analysis and show the differences in the concept of studying the Neolithic.

Keywords: Neolithic age, Neolithic revolution, pottery, Neolithic package.

УДК 902.01

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ СОКОЛЬНЫЙ XII (НОВЫЙ ПАМЯТНИК НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

Т.Ю. Пантелеева
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
panteleeva.tatyana.99@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

Стоянка Сокольный XII исследована в 2019 году археологической экспедицией СГСПУ, располагается на левом берегу реки Волга в Республике Марий Эл. На памятнике заложен раскоп площадью 48 кв.м, на котором получено более 1700 артефактов. Керамический комплекс стоянки представлен ямочно-гребенчатой, накольчатой и неорнаментированной керамикой. В статье дается характеристика ранненеолитического керамического комплекса памятника. Определяется его культурно-хронологическое положение в системе неолитических древностей Марийского Поволжья.

Ключевые слова: накольчатая керамика; неорнаментированная керамика; неолит; Марийское Поволжье;

Стоянка Сокольный XII обнаружен Марийской археологической экспедицией в 1985 г. отрядом В.В. Никитина. По описанию исследователя, на момент открытия памятник располагался в 1550 м к западу от пос. Сокольный на краю надпойменной террасы левого берега реки Волги. Склон срезан эскарпом, сооруженным в 1942 году. У подножия – заболоченная старица. На площадке прослежено шесть впадин диаметром 10-12 м и глубиной 0,5-0,8 м, вытянутых вдоль склона двумя рядами. Шурфом и зачисткой выявлен культурный слой толщиной 20-40 см, содержавший кремневые отщепы, шлифованное тесло, скобель, скребки, фрагменты тонкостенных плоскодонных сосудов с накольчато-гребенчатой орнаментацией [*Никитин,* 2009, с. 88-89].

© Пантелеева Т.Ю., 2020

В 2019 году археологической экспедицией СГСПУ, под руководством А.А. Выборнова и К.М. Андреева, при непосредственном участии автора, на стоянке был заложен раскоп площадью 48 кв. м. Стратиграфия памятника следующая: под слоем дерна залегал слой белесого подзола, ниже бурый песок – культурный слой, подстилаемый светло-желтым песком – материк. Общая коллекция полученных артефактов насчитывает более 1700 единиц. Керамический комплекс составляет около 20% от всех находок. Керамику можно разделить на несколько типологических групп: неорнаментированная, накольчатая, орнаментированная прочерченными линиями, ямочно-гребенчатая. В рамках данной публикации будет рассмотрена посуда раннего типа (накольчатая и неорнаментированная).

Комплекс неорнаментированной керамики представлен 193 фрагментами от 15 сосудов размер которых редко превышает 4 х 3 см. Вся керамика с видимой примесью шамота. Внешняя поверхность чаще всего подлощена, внутренняя – заглажена. Толщина фрагментов в основном 0,6-0,8 см. Основная концентрация керамики без орнамента прослеживается в юго-западной части раскопа. В свою очередь данную группу керамику можно разделить на две части: сосуды с вдавливаниями или сквозными отверстиями под срезом венчика (10 сосудов) и полностью лишенные орнамента (5 сосудов). Венчики сосудов в основном прямы с плоским срезом.

Также в юго-восточном углу раскопа были обнаружены 33 фрагмента от одного сосуда со стянутым верхом и раздутым туловом (профилированный), оканчивающимся миниатюрным плоским дном (диаметр 3 см), с плоским срезом венчика, под срезом сверленные отверстия, орнаментированного неглубокими поверхностными линиями, образующими мотив косой решетки. Данный сосуд находит ближайшие аналогии в материалах южных регионов, а конкретнее в ранненеолитической елшанской культуре. В лесостепном Поволжье профилированные сосуды, орнаментированные прочерченными линиями, образующими косую решетку выявлены на таких стоянках как Лебяжинка IV, Калмыковка I, Чекалино IV, Нижняя Орлянка II, Ильинка и другие [*Андреев, Выборнов,* 2017].

Группа накольчатой керамики представлена 94 фрагментами от 26 сосудов, размер черепков редко превышает 3 х 3 см. Почти вся керамика с видимой примесью шамота. Внутренняя поверхность фрагментов заглажена, внешняя в большинстве случаев подлощена. Толщина черепков в основном 0,4-0,8 см. Керамика орнаментированная наколами в основном залегала в центральных квадратах раскопа. Выявлено 6 венчиков, из них 3 прямые, 2 прикрытых и 1 слабопрофилированный. Срезы венчиков: 2 плоские, 2 плоские скошенные внутрь, 1 округлый и 1 приостренный. На двух венчиках по срезу нанесен орнамент. Наколы представлены следующими формами: округлые (5 сосудов), треугольные (17 сосудов), бобовидные (1 сосуд), овальные (2 сосуда), подквадратные (1 сосуд). В коллекции примерно в равном количестве представлена керамика с наколами нанесенными в отступающей манере (12 сосудов) и в разряженной (14 сосудов). Наколы нанесенные в разряженной манере образуют в основном простые мотивы, представленные горизонтальными рядами наколов (13 сосудов) и лишь один сосуд орнаментирован горизонтальными рядами в сочетании с горизонтальным зигзагом. Сосуды, орнаментированные в отступающей манере украшены более разнообразными мотивами: горизонтальные ряды наколов (1 сосуд), плотные короткие диагональные ряды (9 сосудов) и на одном плоскодонном сосуде между горизонтальными рядами нанесены короткие диагональные ряды наколов. Также к данной группе относится графически реконструированный сосуд, выявленный в развале. Сосуд орнаментирован ямками под срезом венчика, поверх которых нанесены три горизонтальных ряда треугольных наколов в отступающей манере, от них, по всему тулову, идут плотные диагональные короткие разнонаправленные ряды образованные такими же наколами. Сосуд горшковидной формы с выпуклым туловом и с сужением к венчику и дну, дно плоковогнутое орнаментировано треугольными наколами по радиусу и крестом тех же наколов, имеющих пересечение в центре, при этом каждая из четвертей креста заполнена диагональными линиями наколов.

Памятник Сокольное XII находит ближайшие аналогии в материалах исследованных широкими площадями стоянок Дубовская III, Отарская VI и др. Близость проявляется по таким параметрам как: традиция орнаментации треугольными, округлыми, реже подквадратными наколами, значительная часть сосудов лишена орнамента, посуда горшковидной формы с

плоским или плоско вогнутым дном, также широкие аналогии в ранее исследованных памятниках находят мотивы орнамента стоянки Сокольный XII [*Никитин,* 1996; 2011]. Стоит отметить и определенную близость материалов памятника с керамической коллекцией исследованной в 2018 году стоянки Сокольный VII [*Андреев, Кудашов, Выборнов,* 2019]. Сходство проявляется как на уровне технологии изготовления керамики, обработки поверхностей, примеси в тесте, так и в преобладании простых мотивов орнамента на обоих памятниках. В то же время на стоянке на Сокольный VII подавляющее большинство посуды было орнаментировано наколами нанесенными в разреженной манере, в то время как на стоянке Сокольный XII примерно в равном количестве представлены отступающие и разреженные наколы.

Стоит отметить, что неорнаментированные и орнаментированные наколами сосуды являются наиболее древними в Марийском Поволжье и по мнению В.В. Никитина могут быть отнесены к дубовско-отарской ранненеолитической культуре [*Никитин,* 2013], в то же время И.Б. Васильев и А.А. Выборнов склонны рассматривать их в рамках средневолжской культуры [*Васильев, Выборнов,* 1988; Выборнов, 2008]. Исходя из датировок полученных по аналогичным материалам стоянок Отарская VI и Дубоская III, в предварительном плане, до получения радиоуглеродных дат, ранненеолитический керамический комплекс стоянки Сокольный XII может быть датирован широким хронологическим диапазоном VI – первой половины V тыс. до н.э. [*Выборнов, Никитин,* 2016].

Библиографический список

Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура) – Самара: ООО «Порто-Принт». 2017. 270 с.

Андреев К.М., Кудашов А.С., Выборнов А.А. Исследования самарских археологов в Республике Марий Эл (поселение раннего неолита – Сокольное VII) // Археологические открытия в Самарской области 2018 года. Самара, 2019. С. 10-11.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. Смоленск: Свиток, 2016. С. 123-128.

Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Изд-во ОАО «МПИК», 2009. 416 с.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 470 с.

Никитин В.В. Некоторые проблемы раннего неолита лесной полосы Среднего Поволжья // Поволжская археология. 2013. №2 (4). С. 11-17.

CERAMIC COMPLEX OF THE PARKING LOT SOKOLNY XII (NEW MONUMENTEARLY NEOLITHIC OF THE MARI VOLGA REGION)

T. Panteleeva

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
panteleeva.tatyana.99@mail.ru

Academic supervisor - PhD K. Andreev

The Sokolny XII researcher site in 2019 of the archaeological expedition of the Samara State University of Social Sciences and Education is located on the left bank of the Volga River in the Republic of Mari El. An excavation with an area of 48 square meters was laid on the monument, on which more than 1700 artifacts were received. The ceramic complex is a pit-comb, nakollochny and unoriented ceramics. The article describes the early Neolithic ceramic complex of the monument. Its cultural-chronological position in the system of Neolithic antiquities of the Mari Volga region is determined.

Keywords: felted ceramics; unordered ceramic; Neolithic; Mari Volga region.

УДК 902.01/902.903.21

СТОЯНКА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КУЛЬТУРЫ СОКОЛЬНОЕ XII В ЛЕСНОМ СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

И.В. Пикоренко

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
pikorenko.i@sgspu.ru

Научный руководитель – д.и.н. А.А. Выборнов

В статье представлены новые данные неолитического периода на территории лесного Среднего Поволжья. В связи с появлением новых памятников в данном регионе, появилась потребность обратиться к раннее изученным в данном регионе памятникам с целью поиска культурно-хронологических связей.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, неолит, ямочно-гребенчатая посуда, накольчатая культура, каменный инвентарь.

Лесное Среднее Поволжье включает ареал распространения культуры носителей ямочно-гребенчатой керамики [*Третьяков,* 1972]. Одним из новых памятников является стоянка Сокольное XII, которая находится в Звениговском районе республики Марий Эл. Она была открыта в 1974 году В.В. Никитиным.

Первооткрывателем в исследовании культуры носителей данной посуды является А.Х. Халиков [*Халиков,* 1969]. С 1971 такие памятники изучаются В.В. Никитиным [*Никитин,* 1996; 2015].

В 2019 году экспедиция Самарского государственного социально-педагогического университета провела исследования на стоянке Сокольное XII. Площадь раскопа составила 48м^2, а глубина 13 горизонтов по 5см. Поверхность памятника имела определенное понижение в центральной части, что позволяло предположить наличие жилища. Под слоем дерна залегал слой белесого подзола, а ниже бурый песок – культурный слой. Однако, в процессе раскопок условными слоями с последующей зачисткой всей поверхности раскопа не были обнаружены какие-либо изменения цветности слоя, не прослежены какие-нибудь очертания сооружения. Не удалось зафиксировать упорядоченные ряды столбовых ямок, очаги. Иначе говоря, археологических признаков жилища не было обнаружено.

В раскопе были обнаружены находки, которые по технико-типологическим признакам относятся к разным культурам. Представлен один сосуд елшанской культуры и один черепок камской культуры. В первую группу можно объединить фрагменты от неорнаментированных сосудов и с накольчатой орнаментацией, которую Никитин В.В. относит к раннему неолиту [*Никитин,* 1996]. Вторую группу составляют черепки с ямочно-гребенчатым орнаментом. Всего их обнаружено 133 экземпляров. Из них 20 венчиков, 105 стенок и 8 днищ. Для того, чтобы определить соотношение двух основных групп, проведен анализ планиграфии и стратиграфии их залегания. Вопрос в том, что известны случаи, когда эти группы керамики на одном памятнике по разному перекрывали друг друга [*Никитин,* 1996]. Зафиксирована локализация керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом в 6-8 штыках, а накольчатой посуды в 9-11 штыках, то есть она последняя на данной стоянке и старше ямочно-гребенчатой. На памятнике не было обнаружено керамики с ямочно-накольчатым орнаментом. Таким образом, носители ямочно-гребенчатой и накольчатой культур на этой стоянке не проживали одновременно.

Ямочно-гребенчатая керамика, обнаруженная в этом году на стоянке Сокольное XII, судя по результатам технико-технологического анализа, проведенного И.Н. Васильевой, характеризуется следующими характеристиками: исходным сырьем являлась илистая глина, а в качестве примеси к ней добавляли шамот. Посуда средней толщины (0,7-1,1 см). Срезы венчиков округлые, округло-утолщенные, с карнизиком внутрь сосуда. Последний вариант

© Пикоренко И.В., 2020

также находит аналогии в материалах ямочно-гребенчатого типа [*Никитин,* 2015. с. 254. рис. 50, 2,5]. Придонные части округлые. Орнамент без промежутков покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Узоры наносились белемнитом, отчего образовывалась круглая глубокая ямка. Применялся гребенчатый штамп разной величины: длинный и узкий, средний и короткий. Бордюрная зона украшена рядами коротких оттисков штампа или горизонтальным зигзагом. Композиции представлены чередующимися зонами вертикальными или наклонными полосами средне- и крупнозубчатого штампа и рядов ямок, иногда двойных. Аналогичные признаки характерны для керамики стоянок Русско-Луговская I; Удельно-Шумецкие II, V; Дубовские IX, XII [*Никитин,* 2015]. Следует учесть, что выборка посуды ямочно-гребенчатой керамики не так значительна. Поэтому делать более полные выводы было бы поспешно.

Каменный инвентарь, обнаруженный на памятнике, достаточно представительный. В качестве сырья использовался плитчатый и желвачный кремень. Цвет каменного сырья: от светлого-серого до бордового и черного. Представлены артефакты, которые сочетают, например, красный и желтый цвета. Но необходимо учитывать наличие на стоянке четырех разнокультурных групп керамики. Теоретически, даже с одним сосудом елшанского типа могла быть связана часть каменного инвентаря. Для того, чтобы попытаться выделить каменные изделия, связанные с керамикой именно ямочно-гребенчатого типа, необходимо учесть ряд моментов. В.В. Никитин обращает внимание на то, что с ранненеолитической неорнаментированной и накольчатой керамикой встречается кремень преимущественно красного цвета, а с ямочно-гребенчатой – светлого [*Никитин,* 1996, С. 90]. Это наблюдение подтверждается и каменным инвентарем стоянки Сокольное VII, исследованной экспедицией СГСПУ в 2018 году в этом же районе. Здесь обнаружена только накольчатая керамика. Опираясь на эту информацию, можно в комплексе стоянки Сокольное XII попытаться выделить изделия аналогичного цвета и типов.

На стоянке найдено большое количество ножевидных пластин. Однако, подавляющая их часть очень тонкие и узкие. С широким диапазоном длины и ширины: от 3 мм до 2 см в ширину, и от 2 см до 7 см в длину. По цвету они не красные и не желтые. Иначе говоря, их сложно относить к накольчатой и, тем более, к ямочно-гребенчатой керамике. К тому же, основная масса орудий изготовлена на отщепах. Поэтому часть пластин могут быть отходами, а часть мезолитическими [*Никитин,* 2018]. Но встречаются пластины красного и бордового цвета, которые можно отнести к накольчатой керамике. Их ширина 0,4-0,8 см. А ширина белых пластин, которые мы отнесем к керамике с ямочно-гребенчатым орнаментом: 0,7 – 1,5 см.

В слоях 8-13 слоя доминируют изделия из кремня бордового (вишневого) и желто-красного цветов. Такое сырье характерно как для мезолитических стоянок данного региона, так и для ранненеолитических [*Никитин,* 2011;2018]. Представлено оно и на стоянке Сокольное VII, на которой найдена только накольчатая керамика. Кремень такого цвета обнаружен на противоположном от стоянки берегу р. Волги и представлен плитками с обеих сторон покрытых коркой. Его допустимо соотнести с носителями посуды накольчатого типа. Большинство скребков изготовлены на отщепах и массивных сколах с коркой. По характеру лезвийной части можно выделить концевые и стрельчатые типы. Орудия белого и желтого цветов залегают в 2-6 слоях раскопа. То есть, в тех же глубинах, что и ямочно-гребенчатая керамика. Из этого анализа мы можем соотнести комплекс с ямочно-гребенчатой керамикой к изделиям из белого и желтого цвета. Наконечники стрел представлены различными формами: иволистные с краевой ретушью по обеим граням, черешковые. На этом основании, к комплексу с накольчатой керамикой можно отнести наконечники из красного цвета иволистной формы. Им можно найти аналогии в материалах стоянок Дубовское III и Отарское VI Марийского Поволжья [*Никитин,* 2011]. К культуре ямочно-гребенчатой керамики можно отнести черешковые наконечники из кремня бежевого цвета. Им находятся аналогии в памятниках Галанкина Гора II, Дубовское XXII [*Никитин,* 2015].

Острия обнаружены в 4-13 штыках. Они отличаются по цвету кремня, заготовкам и типам. Характер заготовок: красные и вишневые острия на массивных сколах, а желтые и белые – более тонкие. Кроме того, выделены острия из кремня желтого цвета с выраженным жалом, которые можно связать с комплексом ямочно-гребенчатой керамики.

Все деревообрабатывающие орудия (топоры, тесла, долота, клин) были обнаружены в 10 штыке. Исходя из уровня залегания, их все следует отнести к накольчатой культуре. Но изготовлены они из кремневого сырья, которое мы связываем с культурой ямочно-гребенчатым керамики. Кроме того, и на стоянке Сокольное VII топор сделан из другого сырья. Долота с желобком-выемкой в лезвийной части В.В. Никитин относит именно к носителям посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом [*Никитин,* 1996]. А с накольчатой посудой они не представлены. Большая часть этих артефактов изготовлена с помощью двусторонней оббивки. Но есть и пришлифованные рабочие части. Аналогии таким орудиям можно найти в материалах стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой лесного Среднего Поволжья: Дубовское IX, Русско-Луговская I [*Никитин*, 2015, с. 216, рис. 15-17].

Небольшое количество ямочно-гребенчатой керамики и такой набор деревообрабатывающих орудий наводит на мысль о своеобразном функциональном характере памятника.

Библиографический список

Никитин В.В. Каменный век Марийского Края// Труды Марийской археологической экспедиции Том IV. Йошкар-Ола, 1996. 180 С.
Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2011.470 С.
Никитин В.В. Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье. Казань. 2015. 360 С.
Никитин В.В. Мезолит Марийского Полесья. Йошкар-Ола. 2018. 264 С.
Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Ленинград: Наука, 1972. 136 С.
Халиков А.Х. Древнейшая история Среднего Поволжья. М., 1969. 395 С.

THE SITE OF THE PIT-COMB CULTURE SOKOLNY XII IN THE FORESTED MIDDLE VOLGA.

I. Pikorenko
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
pikorenko.i@sgspu.ru

Academic supervisor – professor A. Vybornov

The article presents new data from the Neolithic period in the forested Middle Volga region. In connection with the advent of new monuments in this region, there was a need to turn to the monuments studied earlier in this region in order to search for cultural and chronological connections.

Keywords: Middle Volga, Neolithic, pit-comb dishes, nakolchivaya culture, stone tools.

УДК 902/904

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.В. Скоробогатова

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
iopast@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

Статья посвящена изучению гончарной технологии гребенчатой керамики средневолжской культуры. Исследование технологии изготовления керамики проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, основанного на методике А.А. Бобринского. В данной статье рассмотрены традиции изготовления гребенчатой керамики эпохи неолита, в частности использование исходного сырья и примесей, конструирование и термическая обработка сосудов.

Ключевые слова: археология, лесостепное Поволжье, неолит, средневолжская культура, керамика.

Средневолжская культура располагается в лесостепном Поволжье и относится к эпохе неолита. Её хронологические рамки охватывают период примерно VI-V тыс. до н. э. К памятникам средневолжской культуры относят керамику с накольчатой и гребенчатой орнаментацией. В настоящее время в Средневолжском регионе исследовано более 30 стоянок подобного типа. Возобладание гребенчатой традиции орнаментации керамики относится к завершающему этапу развития средневолжской культуры. Наиболее представительные материалы обнаружены на таких стоянках как: Ивановская (на востоке Волго-Уральского междуречья), Виловатовская (бассейн р. Самары), Чекалино IV, Лебяжинка I, IV, V, Калмыковка I, Ильинка (бассейн р. Сок) и др.

Исследование технологии изготовления керамики данной культуры проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, основанного на методике А.А. Бобринского (бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования) [*Бобринский,* 1978; 1999]. Подробная характеристика применения данной методики к керамическим материалам разных неолитических памятников неоднократно опубликована И.Н. Васильевой, поэтому в данной статье не будет приводиться. При изучении гончарной технологии неолитических стоянок особое внимание придается двум элементам: представлениям об исходном пластичном сырье (ИПС) и традициям составления формовочных масс (ФМ).

Технико-технологическому анализу подверглись 428 образцов из коллекций следующих памятников: Виловатовская (62) [*Васильева, Выборнов,* 2012], Ивановская (49) [*Васильева,* 2007], Чекалино IV (22) [*Андреев, Васильева, Выборнов,* 2018], Лебяжинка I (172) [*Васильева,* 2015], Лебяжинка IV (55) и V (16) [*Васильева, Выборнов,* 2012], Калмыковка I (26) [*Андреев, Выборнов, Васильева,* 2018], Ильинка (26) [*Васильева, Выборнов,* 2016].

Исследование образцов керамики осуществлялось по структуре гончарного производства, включающей 3 стадии: подготовительную, созидательную, закрепительную.

В рамках подготовительной стадии рассмотрим характеристику исходного пластичного сырья (ИПС) и составление формовочной массы. ИПС – основной материал, использующийся для изготовления сосуда. При изучении ИПС было выявлено, что для изготовления средневолжской гребенчатой посуды гончары использовали примерно в равном количестве илы (45%) и илистые глины (55%). По степени запесоченности они разделяются на тощие (запесоченные и среднезапесоченные) и жирные (слабозапесоченные и незапсоченные) подвиды. Для гребенчатой керамики средневолжской культуры характерен отбор тощего

© Скоробогатова А.В., 2020

сырья, реже жирного. На ступени подготовки ИПС зафиксировано массовое распространение приемов использования сырья в естественно увлажненном состоянии.

Составление формовочной массы (ФМ) является важной ступенью гончарной технологии. ФМ может быть подготовлена как с добавлением искусственных примесей, так и без них. В результате анализа ФМ были выделены рецепты: ИПС (без искусственных примесей и добавок) (11%); ИПС + ОР (органический раствор – клеящие природные жидкие вещества животного или растительного происхождения) (48%); ИПС + Ш (шамот) (14%); ИПС+Ш+ОР (26%). Преобладает традиция составления ФМ с ОР. Обращает на себя внимание разнообразие рецептов с шамотом: использовался мелкий (менее 1 мм) и крупный (более 3 мм) шамот, концентрация данной примеси в ФМ составляла 1:3, 1:4 и 1:5. В то же время, в единичных случаях применялся шамот-обожженная глина и пух птицы в качестве искусственной примеси.

Если рассматривать технологию изготовления сосудов с коротким гребенчатым и длинным штампом раздельно, то выявляются определенные различия. Наибольшая смешанность взглядов на ИПС была характерна для изготовителей посуды с коротким гребенчатым штампом (КГШ). Например, на стоянке Виловатое керамика с КГШ полностью изготовлена из илов, а более трети сосудов содержали шамот. Изучение керамики Ильинской стоянки показало почти одинаковое распространение представлений об илах и илистых глинах (45% - илы, 55% - илистые глины). На стоянках Лебяжинки I, IV, V преобладает прием отбора илистых глин (76%, 86%, 93%). Рецепты с шамотом были единичны для Лебяжинки I, а на Лебяжинки IV количество сосудов с шамотом 36%. Что касается керамики с длинным гребенчатым штампом, то она имеет большую однородность гончарных традиций.

В рамках созидательной стадии рассмотрим конструирование сосудов и приемы обработки их поверхностей. Сосуды гребенчатой керамики конструировались лоскутным налепом, преимущественно с помощью форм-моделей: основ и емкостей. Можно отметить наличие приемов изготовления сосудов с помощью более крупных строительных элементов, возможно, коротких жгутов. В то же время зафиксирован случай использования комков размером 2х3 см. Состав приемов обработки поверхностей включал в себя простое заглаживание мягкими материалами и твердыми предметами, реже сплошное уплотнение (лощение без блеска), в основном, внешней поверхности.

На закрепительной стадии придание прочности и устранение влагопроницаемости сосудов происходило с помощью термической обработки – костровой обжиг с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650-700°).

Подводя итоги, можно выделить следующие особенности технологии изготовления гребенчатой керамики средневолжской культуры: формовочная масса состоит преимущественно из тощих илов или илистых глин с добавлением органического раствора. Гончары конструировали сосуды лоскутным налепом с помощью форм моделей. Основным приемом обработки поверхности было заглаживание, реже уплотнение внешней поверхности. Термический прием обработки – длительный низкотемпературный костровой обжиг.

Если сравнивать технологию изготовления накольчатой и гребенчатой керамики средневолжской культуры, то можно заметить, что для накольчатой керамики характерно преобладание илистых глин (75%) над илами (25%) в качестве ИПС, а для гребенчатой керамики характерно использование илов (45%) и илистых глин (55%) почти в равной степени. Также заметна разница в составлении формовочной массы, так как в гребенчатой керамики по сравнению с накольчатой «шамотная» традиция была более развита. Что касается конструирования сосудов, обработки поверхности и обжига, то можно констатировать сходство: конструирование лоскутным или комковатым налепом с помощью форм моделей, заглаживание и уплотнение внешней поверхности, а также длительный низкотемпературный костровой обжиг характерны как для накольчатой, так и гребенчатой керамики.

Библиографический список

Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н. Стоянка Калмыковка I - новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 143-160.

Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология // Поволжская археология. № (23). Казань, 2018. С 8-27.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5-106.
Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. С. 426-439.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки: датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2016. С. 5-20.
Васильева И.Н. Гончарная технология неолитического населения стоянки Лебяжинка I // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 10-23.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2012. С. 23-42.
Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 23-38.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара: Изд-во Самарский областной краеведческий музей, 2012. С. 61-68.

THE TECHNOLOGY OF MAKING COMB CERAMICS OF THE SREDNEVOLZHSKAYA CULTURE

A. Skorobogatova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
iopast@mail.ru

Academic supervisor – PhD K. Andreev

The article is devoted to the study of the pottery technology of comb ceramics of the Middle Volga culture. The study of the technology of manufacturing ceramics of this culture was carried out as part of a historical and cultural approach to the study of ancient pottery, based on the method of A.A. Bobrinsky. This article discusses the traditions of making comb ceramics of the Neolithic era, in particular the use of feedstock and impurities, the design and heat treatment of vessels.

Keywords: archeology, forest-steppe Volga region, Neolithic, Srednevolzhskaya culture, ceramics.

УДК 902. 903

НОВЫЕ СТОЯНКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ[1]

А.В. Сомов

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
somov.anatoly@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

Летом 2019 года археологическим отрядом СГСПУ проводились разведочные археологические исследования в Красноярском районе Самарской области. В результате обследования поймы нижнего течения реки Сок было выявлено два памятника позднекаменного

[1] Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) "Этнокультурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)"
© Сомов А.В., 2020

века: Лужки II и Кривое Озеро III, на которых получен весьма выразительный керамический и каменный инвентарь.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, неолит, средневолжская культура, керамика, кремневый инвентарь.

Летом 2019 года археологическим отрядом СГСПУ под руководством А.В. Сомова проводились разведочные археологические исследования в Красноярском районе Самарской области. Данные работы носили научно-исследовательский характер. В результате обследования поймы нижнего течения реки Сок было выявлено 6 объектов культурного (археологического) наследия, относящихся к эпохам неолита – средневековья. Особый интерес представляют два памятника позднекаменного века: Лужки II и Кривое Озеро III.

Стоянка Лужки II находится в 500 м к югу – юго-западу от южной окраины с. Лужки на высокой пойме левого берега реки Сок. Памятник располагается на песчаном останце, ограниченном старицами реки Сок, которые к настоящему времени превратились в заросшие камышом и травой заболоченные озера. На стоянке обнаружены исключительно неолитические материалы.

Керамическая коллекция памятника насчитывает 33 фрагмента (в том числе 14 неорнаментированных стенок) и обнаруживает близость с материалами средеволжской неолитической культуры развитого-позднего неолита лесостепного Поволжья [*Выборнов,* 2000]. Толщина фрагментов составляет 0,6-1,1 см, в основном 0,8-0,9 см. Цвет поверхностей: коричневый, серый, светло-серый, реже желтоватый. Часть черепков покрыта известняковой коркой. Внешняя и внутренняя поверхности носят следы заглаживания. Излом черепков трехслойный: сердцевина черного цвета, а внешняя и внутренняя поверхности серого или желтоватого цвета.

Данная коллекция по особенностям орнаментальных традиций может быть разделена на три типологические группы, которые маркируют этапы развития средневолжского населения.

Первая группа (4 сосуда) представлена неорнаментированными или орнаментированными лишь поясками ямок-жемчужин венчиками. Диаметр горла сосудов не реконструируется. Один венчик с плоским срезом орнаментирован ямками по шейке (рис 1: 3). Еще один венчик с округлым срезом принадлежит неорнаментированному миниатюрному сосуду (рис. 1: 2). Также выявлен прямой венчик с округлым срезом, орнаментированный ямками по шейке (рис. 1: 1). К этой же группе можно отнести фрагмент стенки, орнаментированной горизонтальными рядами вертикально ориентированных прочерченных линий (рис. 1: 9). Данная группа керамики обнаруживает близость с посудой луговского типа елшанской ранненеолитической культуры [*Андреев*, 2017, с. 100]. Стоит отметить, что формирование средневолжской культуры происходило на елшанской основе, вследствие чего, у данных коллективов сохранились многие ранненеолитические технологические и орнаментальные традиции.

Вторая группа (5 сосудов) представлена венчиком и фрагментами стенок, орнаментированных наколами подпрямоугольной, овальной и треугольной формы. Венчик слабопрофилированный с округлым срезом, украшен ромбом из двойных линий треугольного накола в отступающей манере (рис. 1: 4). Стенка со сверленным отверстием украшена сложным мотивом: горизонтальными рядами подпрямоугольных наколов в отступающей манере, от которых отходят двойные диагональные разнонаправленные линии из тех же наколов, которые, возможно, обрамлены диагональными рядами вертикально-ориентированных насечек (рис. 1: 5). Еще один фрагмент стенки, украшен сложным геометрическим орнаментом образованным треугольными отступающими наколами (рис. 1: 7). К данной группе керамики так же относятся два фрагмента стенок от разных сосудов, орнаментированные простыми линейными мотивами (горизонтальные, вертикальные и диагональные ряды) треугольных и овальных наколов в отступающей манере. Накольчатая керамика широко представлена в комплексах средневолжской культуры. Описанная группа накольчатой керамики стоянки Лужки II проявляет близость не только с комплексами стоянок бассейна реки Сок [*Андреев*, 2018], но и с материалами бассейна реки Самара [*Сомов,* 2018].

Третья группа (6 сосудов) представлена фрагментами стенок, орнаментированных оттисками зубчатого и гребенчатого штампа различной формы. Стенка, украшенная

горизонтальными рядами вертикально ориентированных оттисков короткого слабоизогнутого зубчатого штампа, разделенными треугольными наколами (рис. 1: 8). Фрагмент стенки и придонная часть от плоскодонного сосуда орнаментированы вертикальными рядами разнонаправленных оттисков гребенчатого штампа, которые образуют мотив «елочка» (рис. 1: 12-13). Стенка, украшенная горизонтальным зигзагом из длинного гребенчатого штампа (рис. 1: 10). Три фрагмента стенок, украшенные горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков длинного гребенчатого штампа (рис. 1: 11). Стоит отметить, что данная орнаментальная традиция широко представлена во многих неолитических комплексах памятников бассейна реки Сок (Ильинка, Лебяжинка I и IV, Чекалино IV и ряде других) [*Выборнов*, 2008].

Кроме керамики на стоянке Лужки II были найдены предметы из камня (11 единиц). В качестве сырья использовался цветной кремень различных оттенков. К отходам производства могут быть отнесены 5 отщепов без следов обработки, одна не ретушированная дистальная часть пластины и 2 аморфных куска кремня. На двух отщепах заметны следы мелкой нерегулярной ретуши или выкрошенности, что может свидетельствовать об их использовании в единичных операциях резания или строгания, но не позволяет характеризовать в качестве морфологически выраженных орудий. Орудия представлены тремя экземплярами. Скол светло-серого кремня с крутой «скребковой» ретушью по краю. Симметричный перфоратор на продольном сколе светло-коричневого цвета. Коричневая галька, покрытая известняковой коркой, имеющая следы сработанности – отбойник.

Стоянка Кривое Озеро III находится в 850 м к северо-западу от северной окраины с. Кривое Озеро на первой надпойменной террасе левого берега р. Сок. На стоянке обнаружены исключительно неолитические материалы.

Керамическая коллекция памятника насчитывает 10 фрагментов, орнаментированные оттисками зубчатого и гребенчатого штампа различной формы. Их толщина составляет 0,5-0,7 см Цвет поверхностей фрагментов: коричневый и светло-серый. Внешняя поверхность залощена, либо тщательно заглажена, внутренняя носит следы заглаживания, реже горизонтальные расчесы. Излом черепков трехслойный: сердцевина черного цвета, а внешняя и внутренняя поверхности серого или желтоватого цвета. Венчик от слегка прикрытого сосуда с округлым орнаментированным прямоугольными вдавлениями срезом украшен горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков длинного зубчатого штампа (рис. 1: 14). Придонная часть орнаментирована горизонтальными рядами диагонально ориентированных оттисков среднего зубчатого штампа (рис. 1: 17). Семь фрагментов украшены горизонтальными рядами диагонально ориентированных разнонаправленных оттисков короткого или среднего гребенчатого штампа (рис. 1: 16). Один фрагмент стенки украшен «шагающей гребенкой» (рис. 1: 15).

На памятнике был собран кремневый инвентарь светло- или темно-серого цвета, насчитывающий 5 единиц. К отходам производства может быть отнесен 1 отщеп без следов обработки. Также выявлено 2 пластины (дистальная и медиальная части), на которых заметны следы мелкой нерегулярной ретуши или выкрошенности. Орудия представлены двумя аморфными кусками кремня светло-серого цвета с крутой «скребковой» ретушью по краю.

Стоит отметить, что «чистые» неолитические памятники на территории лесостепного Поволжья единичны. Ввиду чего данные материалы будут способствовать решению многих вопросов, связанных не только с развитием средневолжской культуры, но и с неолитизацией Восточной Европы в целом. Стоит отметить, что помимо керамики на обоих памятниках найдены фрагменты костей животных. Продолжение исследований на представленных в работе стоянках планируется в 2020 году.

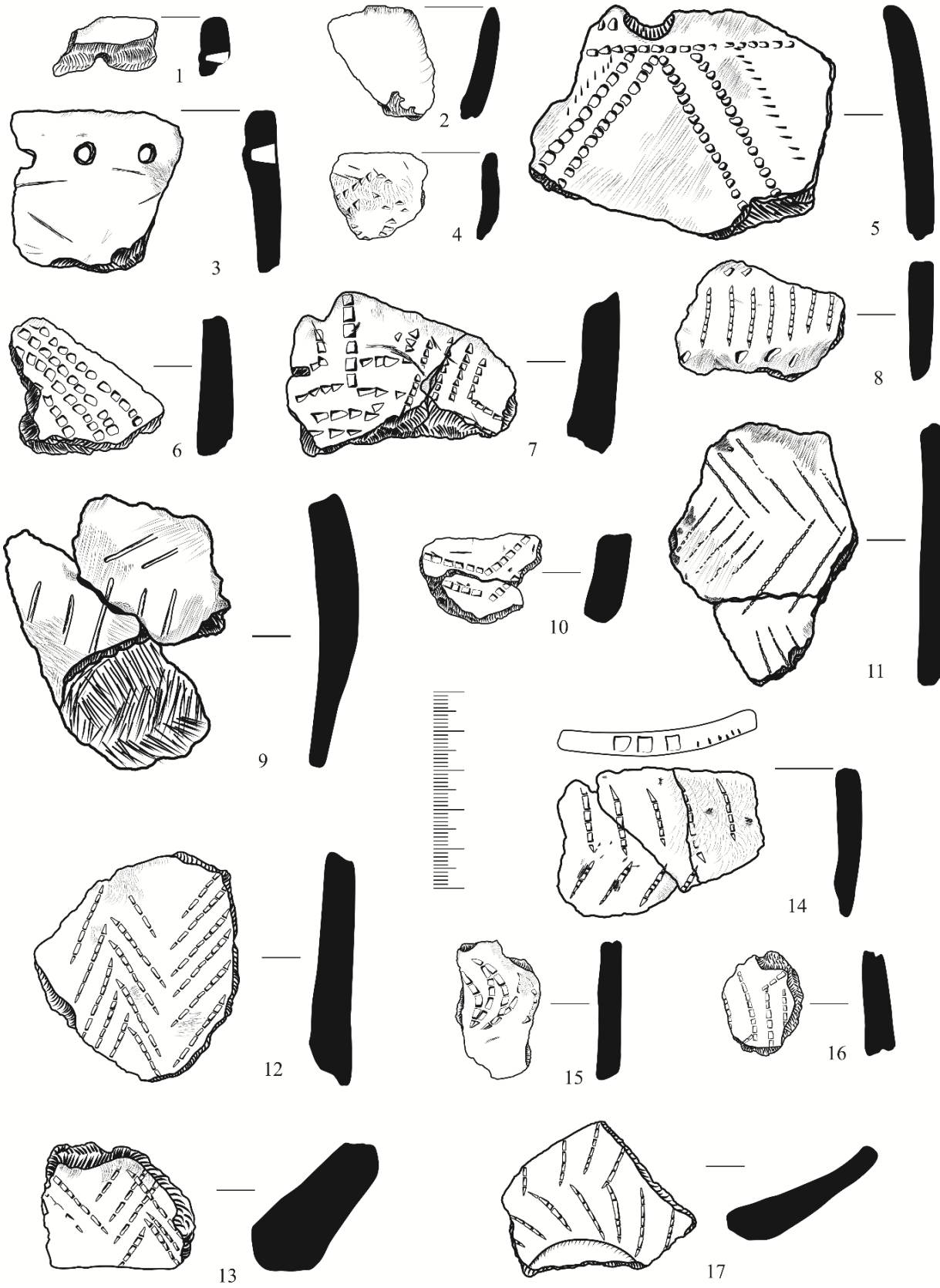


Рис. 1. Неолитическая керамика стоянок Лужки II (1-13) и Кривое Озеро III (14-17)

Библиографический список

Андреев К.М. Некоторые дискуссионные вопросы изучения раннего неолита лесостепного Поволжья // Самарский научный вестник. Т. 6. № 2 (19). 2017. С. 96–104.
Андреев К.М. Предварительные итоги изучения накольчатой керамики средневолжской культуры бассейна реки Сок // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: Изд-во СГСПУ. 2018. С. 3-6.
Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
Выборнов А.А. Средневолжская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 177-215.
Сомов А.В. Предварительные итоги изучения накольчатой керамики бассейна реки Самары // XXI Уральское археологическое совещание. Самара: Изд-во СГСПУ. 2018. С. 71-73.

NEW NEOLITHIC SITES IN THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

A. Somov
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
somov.anatoly@gmail.com

Academic supervisor – PhD K. Andreev

In the summer of 2019 archeological group SSUSSE conducted exploratory archaeological research in the Krasnoyarsk district of the Samara region. As a result of an examination of the floodplain of the Sok river bottom, two monuments of the Late Stone Age were discovered: Lawns II and Krivoe Ozero III, on which very expressive ceramic and stone inventory was obtained.

Keywords: forest-steppe Volga region, Neolithic, Srednevolzhskaya (Middle-Volga) culture, pottery, flint tools.

УДК: 903’1

АШЕЛЬСКАЯ СТОЯНКА КУСИМОВО-6 В ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ ХРЕБТА КРЫКТЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019 ГОДА

А.А. Хурмаев
Башкирский государственный университет, Уфа
kimi.malini@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. В.Г. Котов

Изучение ранних этапов заселения уральского региона является дискуссионной проблемой. Открытие нового памятника Кусимово-6 в Южном Зауралье вносит более глубокое понимание этих процессов. Памятник является долговременной стоянкой на берегу палеоозера Сабакты-Банное. Памятник находит аналогию на соседних стоянках Мысовая, Карышкино 11, 12, Долина 1, 11 и др. Он предположительно относится к карышкинскому типу индустрии ашеля тейякской традиции и находит аналогии среди ашельских памятников Южной Европы и Ближнего Востока.

Ключевые слова: палеолит, ашель, тейякская традиция, карышкинская индустрия, Южное Зауралье.

Проблема заселения Южного Урала до сих пор дискуссионная и поэтому открытие каждого нового памятника вносит важную информацию в понимание процессов освоения новых территорий и совершенствования трудовых навыков. Целью данной работы является рассмотрение ашельской традиции на территории Южного Зауралья. В качестве задачи мы

© Хурмаев А.А., 2020

ставим перед собой введение в научный оборот нового материала одного из самых крупных памятников ашельского времени на территории уральского региона.

Теорию о раннем заселении территории Южного Урала впервые выдвинул О.Н. Бадер [*Бадер,* 1964]. Более обоснованно стало возможным судить только после обнаружения памятника, известного нам как Мысовая (Урта-Тубе, Карабалыкты VII) на оз. Карабалыкты в Абзелиловском районе Республики Башкортостан. Этот памятник был открыт Г.Н. Матюшиным в 1961 г. и раскапывался им же с 1961 по 1968 гг. как стоянка эпохи неолита-энеолита. После ознакомления О.Н. Бадером с коллекцией архаических орудий из раскопок Г.Н. Матюшина, он в 1971 г. предпринял дополнительные раскопки памятника. Возраст был определен только предположительно, по данным геологии отложения желтой супеси к калининскому оледенению (75-50 тыс. лет назад) [*Цейтлин* 1975, с. 27-31]. Памятник, по мнению Бадера и Матюшина дал неоднородный материал, который был разделен на две группы: мустьерскую и ашельскую. Однако ашельский возраст архаических изделий до сих пор порождает дискуссии [*Матюшин,* 1985; *Котов,* 2009, с. 23-53].

Важным событием стало обнаружение Н.С. Савельевым, А.Ф. Яминовым и В.Г. Котовым десятка палеолитических памятников в Баймакском районе Республики Башкортостан. Это такие памятники, как Долина 1, Долина 11, Карышкино 11, 12, Улек-Хазы 6, Каменный Овраг 10, 18, Калинино 4, 6, Старыташ 1в, Кызыл-Яр 2, 4, и др. [*ИБН,* 2009, с. 25]. Отдельно хочется остановиться на памятнике Кызыл-Яр 2. Анализ коллекции показал, что это крупная стоянка-мастерская на выходах сырья (яшмы), где производилась не только первичная обработка, но и изготавливались разнообразные орудия. Технология основывалась на двусторонней обработке плиток, крупных сколов и кусков яшмы. Орудийные формы представлены крупными рубящими орудиями: с поперчным лезвием (кливеры), рукояточными формами с продольным лезвием (цалди), крупными скреблами, орудиями типа пик.

Другой тип индустрии основан на обработке галечных форм яшмы и кремня. Выявлено множество памятников ашельского типа (Долина 1, Долина 11, Карышкино 11, 12, Мысовая), показывающие, что территория Южного Зауралья являлась центром активности и распространения в этот период достаточно многочисленного населения, являющегося носителем особого типа ашельской индустрии. До недавнего времени наши представления о нем основывались на смешанных материалах стоянки Мысовой и рассеянной стоянки-мастерской Карышкино 11. В этом году в этот ряд памятников был добавлен новый памятник – Кусимово-6. Его отличает чрезвычайная насыщенность и компактность в распределении находок.

Говоря о памятнике, нельзя ни затронуть его топографические особенности. Стоянка Кусимово-6 находится на мысовидном выступе древней надпойменной террасы. Под гумусом над поверхностью глины залегает слой слабо- и средне-окатанного галечника яшмы и кремня. Предположительно, его появление было вызвано прибойной волной, омывавшей этот мыс в то время, когда палеозеро Сабакты-Банное было гораздо крупнее [*Грамматчикова,* 1979]. Из этого можно сделать вывод, что это был берег палеоозера и возвышенность, на которой находится памятник, являлся мысом, вдающимся в мелководную часть водоема.

Переходя непосредственно к итогам предварительных исследований, стоит сразу отметить, что на площади 324 кв. м. было найдено более двух тысяч находок. В качестве сырья использовалась галька и слабо-окатанные куски черного и серого кремня и серой яшмы. Первичное расщепление в основном имеет бессистемный характер скалывания (рис. 1, 4) и в большинстве случаев использовались естественные ударные площадки (с галечной коркой). Скалывание производилось вдоль граней и выступов. Реже встречается подготовка ударной площадки посредством грубого ретуширования, в результате чего ряд сколов имеют двугранные ударные площадки.

Среди нуклеусов встречаются плоские формы параллельного и радиального скалывания (рис. 1, 2), нередко поверхность скола становилась поверхностью ударной площадки. Присутствует практика сегментации галек. Она представляет собой последовательное расщепление желвака на массивные доли.

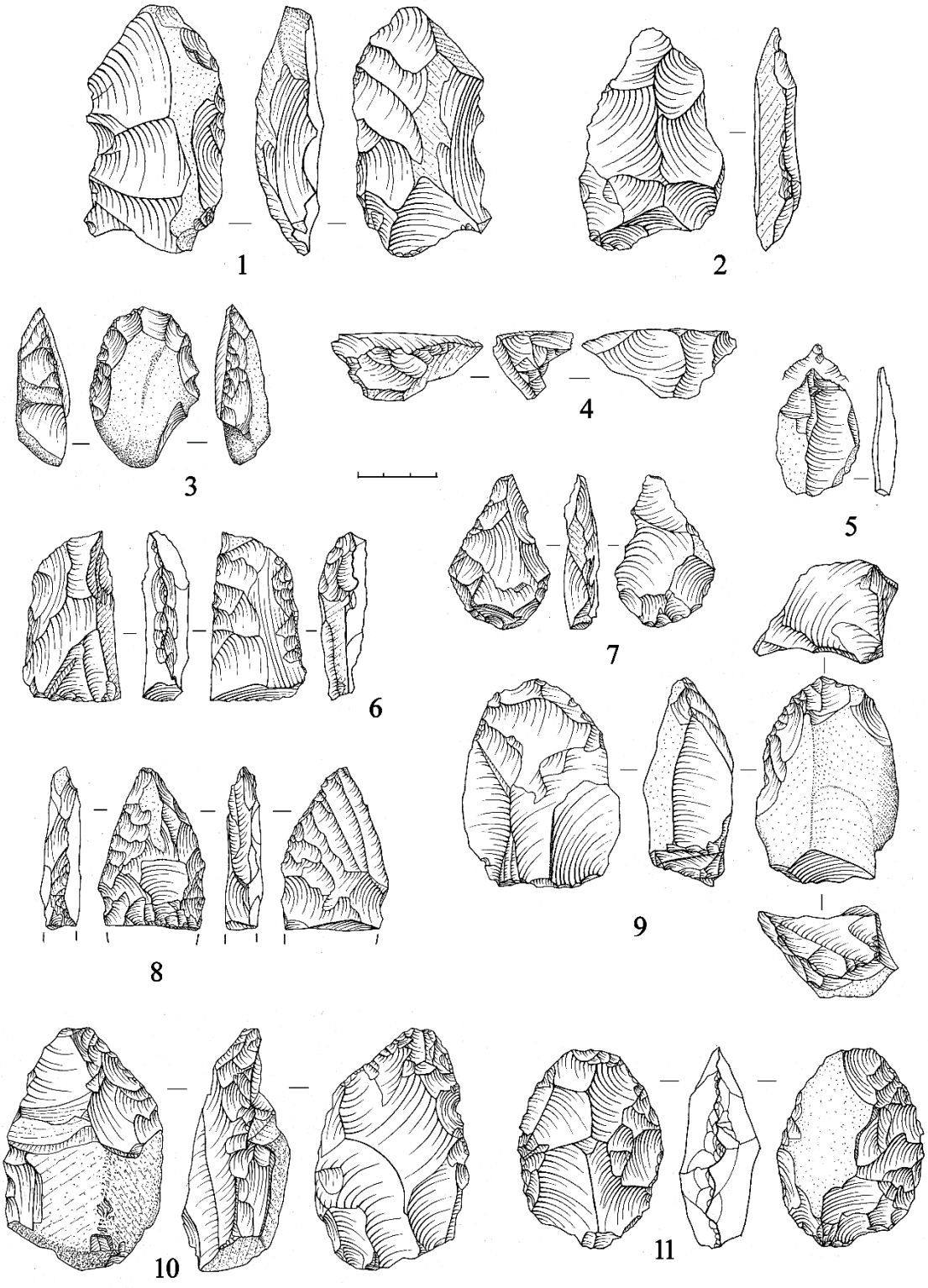


Рис. 1. Стоянка Кусимово-6. Каменные изделия. 1, 2, 4 – нуклеусы, 3 – скребок, 5 – проколка, 6 – обушковый нож, 7-11 – бифасы.

На стоянке представлены следующие типы орудий:

1) Бифасы – орудия, сохранившие естественную пятку и имеющие сходящиеся двусторонне обработанное лезвие (рис. 1, 7-11).

2) Скребла были разделены по типу заготовок:

а) скребла прямые на плитках, имеющие обработанную продольную поверхность вертикальной или крутой ретушью. Ретушь нередко покрывает только часть грани;

б) скребла на отщепах более разнообразны. Встречаются скребла прямые, выпуклые;

в) конвергентные скребла - имеющие сходящееся под углом лезвие;

3) Скребки – орудия на массивных отщепах с округлым лезвием, сформированным крутой ступенчатой ретушью (рис. 1, 3).

4) Орудия с шипом на отщепах, у которых ретушью выдавлены выступающие острия. Данные изделия следует относить к проколкам или проверткам.

5) Изделия с оформленными остриями:

а) Резчики – отщепы/осколки у которых односторонней или двусторонней ретушью сформированы режущие кромки на углу;

б) Проколки – ретушью с одной или с двух сторон образован небольшой шип (рис. 1, 5).

6) Обушковые ножи – орудия у которых одна грань или притуплена сколами или же имеет естественную ровную поверхность, а противоположная сторона заострена (рис. 1, 6).

7) Найдено большое количество отщепов с ретушью. В большинстве случаев ретушь не регулярная, прерывистая. Она могла появиться как в процессе использования, так и в результате повреждения в слое.

8) Орудия с выемками – использовались для обработки гладких закругленных поверхностей.

9) Резцы – орудия, у которых угол обработан резцовыми сколами. Представлены единичными экземплярами.

Большая часть орудий не окатана. Они сохраняют естественную режущую кромку, однако некоторые были повреждены в процессе археологизации (различные естественные процессы, распашка и т.д.). Это позволяет использовать трасологический метод изучения.

По всей видимости, мы имеем дело с базовой стоянкой долговременного характера. Здесь представлен полный цикл производства орудий и их использования, что дает нам возможность получить максимально полную информацию о карышкинской индустрии ашельского времени. И на основе чего мы можем анализировать и определять коллекции других памятников, представленных небольшим собранием изделий в Южном Зауралье.

Аналогии данному типу индустрии присутствуют на ашельских памятниках тейякского круга Южной Европы и Ближнего Востока [*Котов,* 2015].

Библиографический список:

Бадер О.Н. Палеолит Урала и заселение севера // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964 С.10

Бадер О.Н. Ранний палеолит Урала и Поволжья // Ученые записки ПТУ. Т. VII. Вып. 2. 1955. С. 171-200.

Котов В.Г. Палеолит // История башкирского народа: в 7 т./ гл.ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. 1. М.: Наука, 2009. С. 23-53.

Котов В.Г. Стоянка-мастерская Карышкино-11 – новый памятник нижнего палеолита Южного Урала // Вестник Пермского университета. 2015. № 1. С. 7-20.

Матюшин Г.Н. Геология, периодизация и хронология каменного века Урала // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — М.: Наука, 1985. — Вып. 181. Каменный век. — С. 87—92.

Цейтлин С.М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тубе (Мысовая) в Восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 27-31

ACHEULIAN STAY KUSIMOVO-6 IN THE EAST FOOTHILL RIDGE KRYKTY. RESEARCH RESULTS OF 2019

A. Khurmaev

Bashkir State University, Ufa
kimi.malini@yandex.ru

Academic supervisor – PhD V. Kotov

The study of the early stages of the settlement of the Ural region is a debatable problem. The opening of the new Kusimovo-6 monument in the South Trans-Urals brings a deeper understanding of these processes. The monument is a long-term site on the shores of the Sabakty-Bannoye paleolakes. The monument finds an analogy at the neighboring parking lots Mysovaya, Karyshkino 11, 12, Dolina 1, 11 and others. It presumably belongs to the Karyshkin type of industry of the Achelle of the Teyyak tradition and finds analogies among the Acheulean monuments of South Europe and the Middle East.

Keywords: Paleolithic, Acheulean, Teyyak tradition, Karyshkinsky industry, Southern Trans-Urals.

УДК 902/ 903.023

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.В. Чамара
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
chamara.anastasiya@sgspu.ru

Научный руководитель – к.и.н. К.М. Андреев

В статье представлены результаты исследований технологии изготовления накольчатой керамики средневолжской культуры. Определяются исходное пластичное сырье, формовочные массы, способы конструирования сосудов, обработка поверхности и термическая обработка характерные для данного типа керамики. Проводится сравнение с ранненеолитической елшанской керамической традицией, отмечаются новые признаки.

Ключевые слова: археология; лесостепное Поволжье; неолит; керамика; средневолжская культура; технико-технологический анализ.

Средневолжская неолитическая культура была впервые охарактеризована И.Б. Васильевым и А.А. Выборновым в 1988 году, определены ее хронология, периодизация и происхождение [*Васильев, Выборнов,* 1988]. В дальнейшем представленные положения были развиты А.А. Выборновым [*Выборнов,* 2008]. Средневолжская неолитическая культура бытует в хронологическом диапазоне от начала VI тыс. до середины V тыс. до н.э. Основная территория распространения памятников данной культуры – Среднее Поволжье, включающее бассейны рек Сок, Самара, Сура и Свияга. Она представлена более чем 30 памятниками, основными категориями находок на которых являются: керамика, кремневый инвентарь и кость.

Керамическая посуда средневолжской культуры с точки зрения типологии делится на два этапа: первый – ранний комплекс, включающий накольчатую керамику; и более поздний комплекс гребенчатой керамики. Накольчатый комплекс в свою очередь также разделяется по ряду признаков на: 1) раннюю группу – плоскодонные тонкостенные сосуды, орнаментированные наколами в «отступающей» манере; 2) среднюю группу, орнаментированную наколами в отступающей манере и редкими отдельными вдавлениями, в сочетании с ямочно-жемчужным пояском (ЯЖП) под венчиком; 3) позднюю группу – плоскодонные крупные толстостенные сосуды с ЯЖП, орнаментированные и разреженными наколами, и в отступающей манере [*Васильева, Выборнов,* 2012, с. 65].

Изготовление неолитических сосудов изучаемых памятников производилось в рамках одного варианта структуры гончарного производства, которое можно отнести к простым [*Бобринский,* 1999, с. 11]. Для него характерны 10 обязательных и 1 дополнительная (орнаментирование) ступени производства. Вся неолитическая керамика сделана без использования гончарного круга и специализированных обжиговых устройств, поэтому можно утверждать, что ее изготовление происходило в рамках домашнего производства для нужд каждого отдельного домохозяйства.

© Чамара А.В., 2020

Изучение технологии изготовления керамики средневолжской культуры с точки зрения технико-технологического подхода осуществляла И.Н. Васильева. Всего технико-технологическому анализу подверглись 222 образца со стоянок: Виловатое (77 ед.), Лебяжинка IV (60 ед.), Лебяжинка V (16 ед.) [*Васильева, Выборнов,* 2012], Чекалино IV (6 ед.) [*Андреев, Васильева, Выборнов,* 2018], Калмыковка I (9 ед.) [*Андреев, Выборнов, Васильева,* 2018], Ильинка (18 ед.) [*Васильева, Выборнов,* 2016] и Ивановка (36 ед.) [*Васильева,* 2007].

При анализе накольчатой керамики Средневолжской культуры выявились устойчивые признаки, присутствующие на всех памятниках без исключений.

Начнем с исходного пластичного сырья (ИПС) – основного материала, использующегося для изготовления сосуда. На большинстве памятников в качестве ИПС выступает ил или илистая глина, т.е. одни из наиболее ранних видов пластичного сырья, отличительной чертой которых является то, что оно могло использоваться в готовом виде, без каких-либо добавок. На памятниках средневолжской культуры продолжается елшанская традиция отбора тощего (средне и сильно запесоченного) сырья. Наблюдается постепенный переход от илов к илистым глинам, о чем свидетельствует примерное процентное соотношение: 75 % образцов из илистых глин и 25% из ила.

Следующей ступенью анализа является характеристика формовочной массы (ФМ) – в данном случае, это специально созданный гончаром состав для изготовления керамических изделий, или введение в ИПС различных минеральных и органических добавок для улучшения свойств керамики или как дань традиции. Выделено несколько вариантов состава ФМ накольчатой керамики средневолжской культуры: 1) моносырье (без искусственных примесей и добавок) ~ 14% 2) ИПС + органический раствор (ОР) ~ 39% 3) ИПС + шамот ~ 20% 4) ИПС + шамот + ОР ~ 28%. Превалирующим составом ФМ являлась смесь ИПС с ОР. В то же время в единичных сосудах фиксируется примесь дробленой раковины.

Конструирование сосуда. На данном этапе гончарного производства лепка посуды происходила вручную. Способ конструирования сосудов – лоскутный или лоскутный комковатый налеп с использованием форм моделей, которые прокладывались мягким материалом (шкурой и т.п.), следы чего фиксируются на внутренней стороне сосудов. На некоторым образцах выделяется зональный и спиральный налеп, обе традиции относятся к одной технике изготовления сосудов.

Обработка внешней поверхности сосудов в подавляющем большинстве представляет собой или заглаживание (например, с помощью кожи или другого мягкого материала), или уплотнения поверхности (лощение без блеска). Так же уплотнение встречается и на верхней внутренней стороне сосудов, намного реже встречается заглаживание зубчатым штампом.

Последней ступенью производства является обжиг сосудов – термическая обработка с целью придания посуде прочности и водонепроницаемости. На большинстве образцов фиксируется костровой низкотемпературный длительный обжиг в восстановительный среде с кратковременным прокаливанием посуды.

Исходя из вышеперечисленного, можно выделить характерные технологические признаки накольчатой керамики средневолжской культуры: ФМ состоит из тощих илов или, чаше, илистых глин с добавление ОР или шамота, конструирование происходило с помощью лоскутного или комковатого налепа на формах-моделях, заглаживание и уплотнение внешней поверхности, длительный низкотемпературный костровой обжиг с коротким периодом каления.

В заключении стоит отметить продолжение некоторых елшанских гончарных традиций – на этапе отбора сырья так же предподчтение отдается тощему ИПС (с большим содержанием песка), возможно, даже из одних источников. На стадии подготовки ФМ, как и в елшанской культуре, остается традиция применения ОР, так же можно отметить отсутствие традиции введения искусственной примеси речных раковин в обоих культурах. Конструирование сосуда, обработка внешней поверхности и этап обжига не изменились: лоскутный или комковатый налеп с использованием форм-моделей, заглаживание с уплотнением и длительный низкотемпературный костровой обжиг с коротким периодом каления [*Васильева*, 2006]. Вместе с этим ярко выделяется новая, по всей видимости, заимствованная из орловской культуры традиция введения шамота в формовочную массу, и смешение традиций, в варианте ИПС + ОР + Шамот.

Библиографический список

Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология // Поволжская археология. № 1 (23). Казань, 2018. С. 8-27.
Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н. Стоянка Калмыковка I - новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 143-160.
Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5-106.
Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара: Изд-во «Научно-технический центр», 2006. С. 426-439.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Ильинской стоянки: датировка и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2016. С. 5-20.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс Виловатовской стоянки: морфология и технология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2012. С. 23-42.
Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 23-38.
Васильева И.Н., Выборнов А.А. Новые подходы к изучению неолитизации в Среднем Поволжье // Самарский край в истории России. Вып. 4. Самара: Изд-во Самарский областной краеведческий музей, 2012. С. 61-68.
Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.

THE MANUFACTURING TECHNOLOGY OF THE STROKE-ORNAMENTED POTTERY SREDNEVOLZHSKAYA CULTURE

A. Chamara

Samara State University of Social Sciences and Education
Chamara.anastasiya@sgspu.ru

Academic supervisor – PhD K. Andreev

The article presents the results of research on the manufacturing technology of the namcolic ceramics of the Middle Volga culture. Initial plastic raw materials, molding materials, vessel construction methods, surface treatment and heat treatment are determined that are characteristic for this type of ceramic. A comparison is made with the early Neolithic Elshan ceramic tradition, new signs are noted.

Keywords: archaeology; forest-steppe Volga region; neolithic; pottery; pottery technology; srednevolzhskaya culture.

УДК 902, 902.2

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ ДОБРОЕ 9 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ (ИССЛЕДОВАНИЯ 2017-2019 ГОДОВ)[1]

***Е.С. Юркина*[*], *А.В. Акулова (Кокоткина)*[**], *М.В. Султанова*[*]**

[*]Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

[**]Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования», Липецк

eli9725@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Р.В. Смольянинов

Практически все пойменные поселения бассейна р. Дон и его притоков являются многослойными. На стоянке Доброе 9 выявлен однородный литологический слой, вмещающий в себя только материалы ранненеолитической среднедонской культуры: керамику, кости, изделия из камня. В технологии изготовления каменных орудий доминирует ярко выраженная отщеповая технология. Получена небольшая коллекция каменных артефактов - 207 единиц, из них 65 орудий.

Ключевые слова: лесостепь, ранний неолит, кремень, кварцит, наконечник, скребок, нож, многофункциональное орудие.

За редким исключением все пойменные поселения бассейна р. Дон являются многослойными. Главным культуроопределяющим признаком для большинства археологических памятников региона выступают орнаментальные мотивы на керамической посуде. В лесостепном Подонье в 1971 году была выделена А.Т. Синюком ранненеолитическая среднедонская культура [*Синюк*, 1986]. Актуальным в данной работе, является определение основных характеристик каменной индустрии среднедонской ранненеолитической культуры VI тыс. до н.э. [*Smolyaninov*, 2017].

Стоянка Доброе 9 располагается у южной окраины с. Доброе Липецкой области (рис. 1: 12) на пойменном останце высотой 2 м над р. Воронеж. В 2017 -2019 гг. было исследовано 99 кв.м. памятника *[Куличков*, 2017; 2018; *Султанова*, 2019 - отчет в работе]. Нами был выявлен литологически однородный культурный слой среднедонской культуры сформировавшийся чуть ранее, чем вышележащий гумусированный слой погребённой почвы продатированный - 6150±100 BP (5317-4839 cal BC) SPb 2840.

Целью исследования является характеристика с помощью типологического метода каменного инвентаря стоянки Доброе 9. Нами получена каменная коллекция из 207 единиц, что соответствует 7% от общего количества находок. Отходы каменного производства – отщепы и обломки составили 142 единицы, из которых на 22 прослеживаются следы утилизации. Основным материалом для производства орудий служил кремень, в единичных случаях – кварцит, кварцитопесчаник и песчаник.

Продукты первичного расщепления представлены 8 нуклеусами и одним нуклевидным обломком для изготовления отщепов. Один из них одноплощадочный уплощенной призматической формы, покрытый с одной стороны коркой. Второй – кремневый близкий к дисковидному, также покрытый с одной стороны коркой, на которой визуально прослеживаются следы термической обработки. Остальные многоплощадочные аморфной формы нуклеусы, для которых характерны средняя и конечная степень сработанности. Пластинчатая индустрия на памятнике практически отсутствует. Выявлены только одна неправильная пластинка, сечение пластины и пластинчатый отщеп со следами незначительной утилизации.

Морфологически выделенные орудия труда и артефакты со следами вторичной обработки на памятнике представлены:

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ №18-49-480004 «Поселение Доброе 9 в системе ранненеолитических древностей лесостепного Подонья» и гранта Фонда президентских грантов "По следам древнего человека" №19-2-018793.

© Юркина Е.С., Акулова (Кокоткина) А.В., Султанова М.В., 2020

– одним серединным резчиком, выполненным на кремневом обломке с коркой клиновидной формы и двумя угловыми резцами, которые изготовлены на среднем по величине кремневом отщепе, на сколе которого прослеживается дополнительная подработка и на крупном кварцитовом обломке;

– самая большая группа орудий – концевые скребки и их обломки представлены 23 экземплярами различной формы и размеров. По одному экземпляру получено треугольной формы из черного мелового кремня, прямоугольной формы и округлой формы миниатюрного размера (рис. 1: 1) из коричневого кремня с крутой ретушью. У одного прямоугольного скребка ретушь нанесена по всему периметру заготовки с дорсальной стороны, и на одной из боковой сторон отмечена подправка с вентральной. Отметим два скребка стрельчатой формы, на отщепах, у одного носик чуть нависает над лезвием. В одном экземпляре обнаружен скребок стрельчатой ассиметричной формы изготовленном на нуклевидном обломке (рис. 1: 5) с резцовым сколом и дополнительной ретушью на одной из боковых сторон. Ещё один скребок с прямым лезвием на пластинчатом отщепе (рис. 1: 2) с ретушью по двум краям с дорсальной стороны. Выявлено пять экземпляров со слабовыпуклыми лезвиями и шесть скребков с выпуклым асимметричным лезвием. Четыре скребка представлены обломками. По функционалу близки к скребкам два обломка скобеля на отщепах, у них имеется по одной выемке длиной по 1,2 см;

– встречены также две проколки на отщепах. Вероятно, функции перфоратора выполнял ещё один пластинчатый отщеп;

– полученный нож изготовлен на крупном отщепе подтреугольной формы. Обломок проксимальной части пластины с краевой ретушью с дорсальной стороны и частичной подправкой с вентральной, вероятно использовался также в качестве ножа;

– рубящие орудия представлены обломком лезвийной части кремневого тесла и целым экземпляром (рис. 1: 7) изготовленным из светло-коричневого кремня путем двусторонней обивки с последующим краевым ретушированием и шлифовкой всей поверхности орудия, а также с оформленным обушком. Форма его удлиненная овально-подпрямоугольная, имеются повреждения лезвийной части;

– наконечники представлены одним кварцитовым (рис. 1: 9) и тремя кремнёвыми наконечниками стрел треугольной формы с резко выраженными ассиметричными шипами. Один из них с обломанным черешком, обработанный двусторонней отжимной ретушью. Со стороны спинки и брюшка у него наблюдаются следы патинизации белого цвета (рис. 1: 10). Второй обработан двусторонней захватывающей разнофасеточной ретушью и с обломанным острием, шипы располагаются в серединной части изделия (рис. 1: 3). Остальные два ретушированы частично и имеют закругленный обработанный черешок (рис. 1: 9, 10), подобный тип характерен преимущественно для лесных зон Восточной Европы. Также обнаружен обломок кремнёвого наконечника (рис. 1: 8), по которому форму определить не представляется возможным.

– в единичных экземплярах также выявлены - обломок шлифованного изделия из кремня, отбойник, кварцитовое скребло, струг (?), фрагмент рубящего шлифованного орудия из кварцитопесчаника (?) и обломок кремня со следами бифасиального скалывания. Кроме того, обнаружено 10 полифункциональных орудий, сочетавших в себе несколько рабочих функций (рис. 1: 4, 6). Обнаружено также пять фрагментов шлифовальных плит. Одна из песчаника, остальные - из кварцитопесчаника;

Относительно стройная стратиграфическая позиция культурных отложений стоянки Доброе 9 позволила соотнести отдельные экземпляры каменных орудий с горизонтом керамической коллекции среднедонской неолитической культуры. Основным же признаком каменного инвентаря раннего неолита, в частности среднедонской культуры, А.Т. Синюком назывался пластинчатый облик производства и подавляющее преобладание орудий на пластинах, кроме того, констатировалось отсутствие резцов [*Синюк*, 1986, с. 62-65]. Полученная каменная коллекция памятника этим выводам полностью противоречит. Тут доминирует ярко выраженная отщеповая технология изготовления орудий. На памятнике есть шлифовальные камни с обширными участками рабочих поверхностей, однако, процент

шлифованных изделий не представителен. Наконечники же стрел с памятников Лесостепного Подонья эпохи неолита являются редким классом каменных изделий.

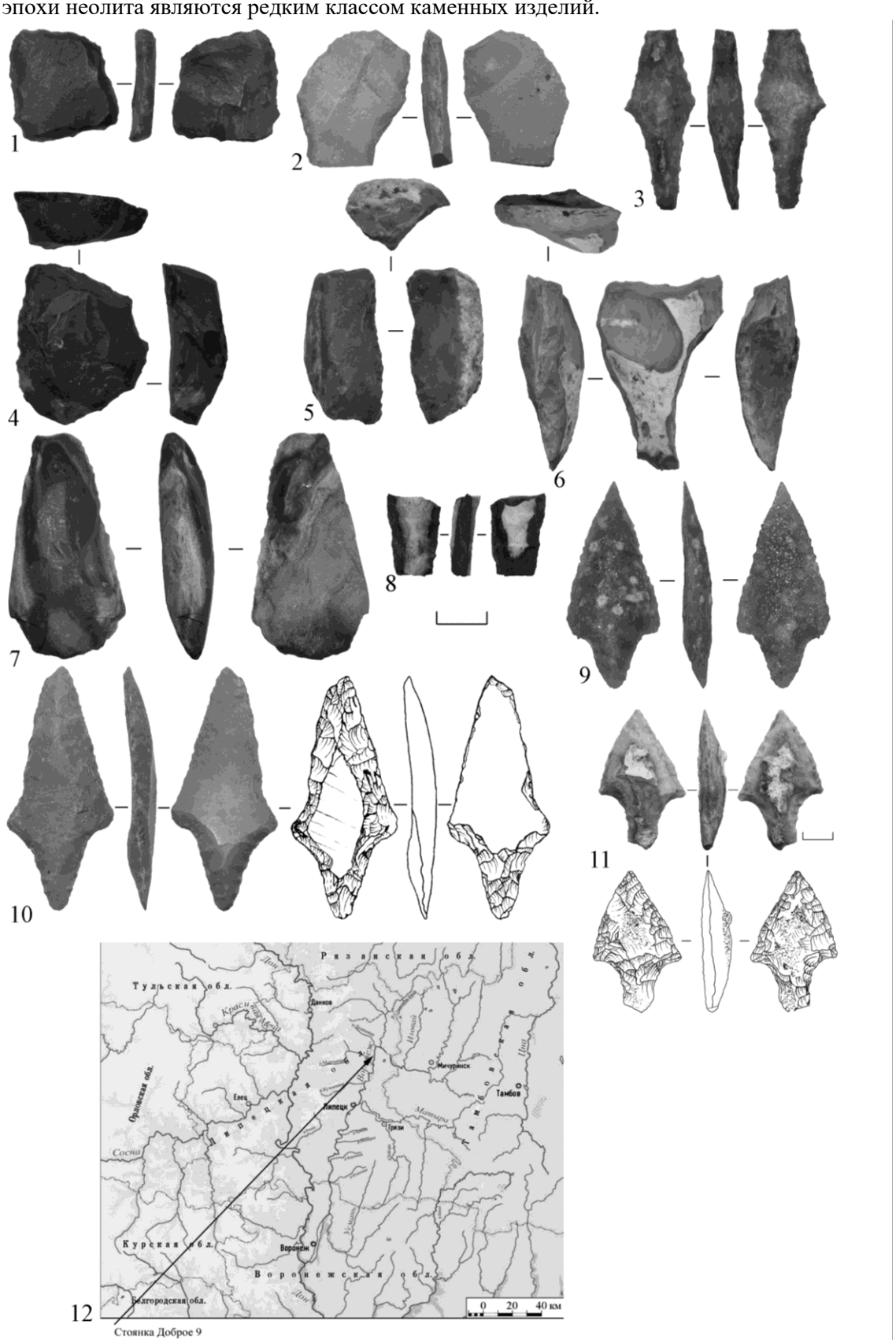


Рис. 1. Стоянка Доброе 9 на Верхнем Дону. 1-11 каменный инвентарь; 12 – местоположение памятника на карте.

Наконечники стрел треугольной формы с резко выраженными ассиметричными шипами со стоянки Доброе 9 позволили выделить тип каменных наконечников, которые мы можем соотнести с ранненеолитическими комплексами и с некоторой долей уверенности применять данную классификацию на сопредельные памятники. Ближайшая аналогия подобного типа в материалах памятников Верхнего (Липецкое озеро [*Синюк, Клоков*, 2000]) и Среднего Дона: Черкасской и Дронихинской стоянках на р. Битюг [*Синюк*, 1986]. В культурных слоях ранненеолитических памятников на Верхнем Дону встречается крайне малое количество каменных артефактов, что частично свидетельствует о высоком уровне заменяющих их производств: косторезного и деревообрабатывающего.

Библиографический список

Куличков А.А. Отчет к открытому листу № 1927 об археологических исследованиях на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Доброе 9» в Добровском районе Липецкой области в 2018 году / Архив ИА РАН. Р-1.

Куличков А.А. Отчёт о проведении разведочных исследований в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой области, Мичуринского района Тамбовской области в 2017 году / Архив ИА РАН. Р-1.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1986. 180 с.

Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое Озеро // Липецк: Липецкое издательство, 2000. 160 с.

Roman Smolyaninov, Andrey Skorobogatov, Aleksey Surkov. Chronology of Neolithic sites in the forest steppe area of the Don River // Documenta Praehistorica. XLIV. Ljubljana, Slovenia, 2017. P 192-202.

STONE INVENTORY THE SITE DOBROE 9 ON THE UPPER DON (2017-2019 STUDIES)

***E.Yurkina*[*], *A. Akulova*[**], *M. Sultanova*[*]**

[*]Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shanskiy University, Lipetsk

[**]Lipetsk regional scientific public organization "Archaeological research", Lipetsk

eli9725@mail.ru

Academic supervisor - PhD R. Smolyaninov

Almost all floodplain settlements of the river Don and its tributaries are multi-layered. At the Dobroe 9 site the homogeneous lithological layer was found, containing only the Srednedonskaya culture materials: ceramics, bones, stone tools. This stone industry is represented by the flake technique. In total 207 stone artifacts were discovered, and 65 from them were tools.

Keywords: forest-steppe, Early Neolithic, flint, quartzite, arrowheads, scraper; knife; polyfunctional tools.

УДК 902.903.21

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТОЯНКИ КУРПЕЖЕ-МОЛЛА И ПОСЕЛЕНИЯ ОРОШАЕМОЕ I

А.И. Яковлев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
anchor148@yandex.ru

Научный руководитель – д.и.н. А.А. Выборнов

В данной статье приводится сравнительный анализ кремневого инвентаря стоянки Курпеже–Молла и поселения Орошаемое I. Для индустрии прикаспийской культуры характерно доминирование кварцитового сырья в орудийном наборе. Так же, мы можем констатировать сочетание микро и макротехники на данных памятниках.

Ключевые слова: энеолит, прикаспийская культура, каменный инвентарь

Ареал распространения прикаспийской энеолитической культуры, представляет собой степную зону Поволжья и территорию Северного Прикаспия. По мнению ряда исследователей, именно здесь происходили важные процессы культурогенеза. Изучение прикаспийских комплексов началось с археологических изысканий А. Н. Мелентьева в 1970-ых гг. [*Мелентьев,* 1976, с.22]. Однако памятники, обнаруженные в результате этих работ, представляли собой стоянки с разрушенным культурным слоем. Это обстоятельство не позволяло достоверно выделить особенности каменной индустрии. Тем не менее, исследователь сделал вывод о доминировании кварцитового сырья в орудийном наборе и наличии мелкого зубчатого штампа на керамике у прикаспийского населения.

В 1980-е годы исследования в Северном Прикаспии продолжились. Была открыта стоянка Курпеже–Молла, содержавшая материалы прикаспийской культуры [*Барынкин, Васильев,* 1985. С. 58]. Коллекция насчитывает 1820 артефактов из камня, из которых 1091 из кварцита, а 729 – из кремня. Значительная часть изделий 1202 представляет собой отходы первичной обработки, что отражает процесс расщепления камня на месте стоянки. Из них 753 из кварцита, а 449 – из кремня. Выделяются несколько ребристых сколов и несколько сколов с плавающим окончанием, а также 1 нуклеус из кремня. Всего найдено 167 скребков, из них 109 кварцитовых и 58 кремневых. Среди кварцитовых скребков преобладают изделия концевого типа на пластинах. По форме рабочего края скребки можно выделить на округлый – 63, прямой – 25, скошенный – 16, дублированный – 5, их ширина варьируется от 10 до 40 мм. Кремневые скребки представлены 21 экземпляром, выполненными на отщепах. По форме рабочего края можно выделить: округлый рабочий край - 31, прямой - 13, скошенный - 10 и дублированный – 4 [*Попов,* 2017. с. 33-34].

Пластины представлены в количестве 375 экземпляров (из них 197 из кварцита ширина от 9 до 40 мм и 178 – из кремня). Ретушированных пластин из кварцита – 45. Их ширина от 10 до 44 мм. Из кремня – 5 и их ширина от 10 до 20 мм. Ретушь частичная и сплошная наносилась по одной – двум боковым граням. Наконечники стрел в коллекции представлены симметричными двусторонне обработанными изделиями подтреугольной формы с прямым основание (1экз. из кремня) и один с вогнутым основанием (типичные для хвалынской культуры). Также представлены симметричные наконечники стрел, вытянутые с вогнутым основанием в форме “рыбки” (3 из кремня и 1 из кварцита). Они типичны для прикаспийской культуры. Еще от одного кремневого наконечника сохранилась только верхняя часть.

Острия в коллекции представлены в основном симметричными формами. Их рабочие края оформлены ретушью по боковым граням. Пять выполнены из кварцита и 15 из кремня. Также в комплекс орудий входят изделия определяемое как «вкладыши» (11 из кварцита и 8 из

© Яковлев А.И., 2020

кремня), которые имеют характерную обработку: по их продольным граням наносилась ретушь. Таким образом, на стоянке был обнаружен не только прикаспийский материал, но и хвалынская каменная индустрия. Это подтверждалось и наличием в коллекции Курпеже-Молла хвалынской керамики [*Дога,* 2016. С. 40]. Это обстоятельство не давало с точностью выделить особенности прикаспийского каменного инвентаря.

Ситуация изменилась с открытием и началом исследования памятника Орошаемое I. Он находится на правом берегу р. Большой Узень. В 1,5 км к северу от районного центра Александров Гай Саратовской области. Раскопки на поселении были начаты в 2014 году [*Выборнов и др.,* 2015, с. 235; *Выборнов и др.,* 2016, с. 140].

Особенностью памятника является его стратиграфическая ситуация. Здесь присутствуют три культурных слоя, разделенных стерильными прослойками (хвалынский, прикаспийский и орловский) [*Выборнов и др.,* 2017; *Выборнов и др.,* 2018]. За годы исследования слоя, коллекция каменного инвентаря прикаспийского слоя насчитывает 311 артефактов, из которых 215 из кварцита, а 96 – из кремня.

Всего найдено 42 скребка, из них 25 кварцитовых и 17 кремневых. Среди кварцитовых скребков преобладают изделия концевого типа на массивных пластинах. По форме рабочего края можно выделить: округлый, прямой и скошенный. Все кремневые скребки выполнены на отщепах.

Пластины представлены в количестве 46 экземпляров (из них 34 из кварцита). Ретушированных пластин из кварцита 13, а из кремня – 12. Наконечники стрел в коллекции представлены формой рыбки в количестве двух экземпляров. Так же, имеется кварцитовый фрагмент ножа с двухсторонней обработкой, обломок наконечника стрелы. В комплекс орудий входят изделия определяемое как «вкладыши» (11 из кварцита и 8 из кремня), которые имеют характерную обработку по их продольным граням.

Таким образом, на основании сравнительного анализа каменного инвентаря стоянки Курпеже-Мулла и поселения Орошаемое I, можно сделать вывод, что для прикаспийской культуры характерно использование кварцитового и кремневого сырья, но следует заметить, что доля кварцитовых изделий за время раскопок составляет более 70% и тем самым можно подтвердить гипотезу доминирования кварцитового сырья на материалах чистых памятников. Так же, мы можем констатировать сочетание микро – и макротехники на данных памятниках [*Юдин*, 2012, с. 213].

Библиографический список

Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: Из-во ВГПИ. с. 58–73.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С. Новые данные по неолиту-энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т.17, № 3. 2015 С.235-241.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Попов А.С. Исследование поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 18. № 3. 2016. С. 140–146.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Попов А.С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье// Известия Самарского научного центра РАН. Самара: СНЦ РАН. Т.19, №3 2017. С.185-190.

Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Дога Н.С., Попов А.С., Платонов В.И., Рослякова Н.В. Новые результаты исследований поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье// Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во СНЦ РАН. Т.20, № 3. 2018. С.215-222.

Дога Н.С., Новые подходы и интерпретации в изучении стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии // Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных. Тез. междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. В.А. Алекшин. СПб.: ИИМК РАН. 2016. С. 40–42.

Мелентьев А.Н., 1976. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т. С. 22–25.

Попов А.С. // Новые материалы и методы археологического исследования // От археологических данных к историческим реконструкциям // К вопросу о характеристике каменной индустрии прикаспийской культуры / Отв. ред. В.Е. Родинкова. Москва: Из-во Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук. 2017 С. 33-34.
Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов: Научная книга. 2012. 213 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF STONE IMPLEMENTS OF THE CASPIAN CULTURE BY KURPEZHE MALL AND OROSHAEMOE I

A. Yakovlev

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
anchor148@yandex.ru

Academic supervisor – professor A. Vibornov

This article presents a comparative analysis of the flint inventory of the Kurpezhe Mall site and the Oroshaemoe I the industry of the Caspian culture is characterized by the dominance of quartzite raw materials in the tool set. Also, we can state the combination of micro-and macro-technology on these monuments.

Keywords: eneolithic, the Caspian culture, stone tools

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА»

УДК 902

ПРИМЕНЕНИЕ ГИС В ИЗУЧЕНИИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

А.В. Ананьин
Курганский государственный университет, Курган
wobas1999@gmail.com

Научный руководитель – И.К. Новиков

В статье рассмотрена проблема необходимости применения ГИС технологий при изучении территории лесостепного Притоболья. Показана актуальность и перспективы использования специализированных программ для систематизации и визуализации данных. Приведен пример использования ГИС технологий на территории долины реки Куртамыш. Археологические памятники долины систематизированы, разделены по характерным признакам и картографированы.

Ключевые слова: бронзовый век, ГИС, лесостепное Притоболье, река Куртамыш картографирование, визуализация.

Археология, как и любая другая наука, постепенно развивается. Появляются новые методы исследования, являющиеся причиной увеличения количественного объема археологической информации, например, различные методы дистанционного зондирования земли. Из этого вытекает проблема использования традиционных способов обработки материалов, неспособных эффективно анализировать новые данные. Возникает потребность в применении новых технологии хранения, обработки (в режиме реального времени) имеющейся археологической информации, в том числе при помощи компьютеров и электронных информационных систем [*Коробов*, 2011, с. 16; *Бадеев,* 2014, с. 20].

Лесостепное Притоболье – территория, охватывающая площади, находящиеся между притоками р. Исеть на севере и р. Уй на юге, до Тоболо-Ишимского водораздела. Общая площадь исследуемого района 120 тыс. кв. км. Среднее Притоболье представляет собой равнинную лесостепь (с обширным водостоком, находящимся на прилегающей территории), в составе западносибирской лесостепи, с большим количеством болот и озёр (ряд характеристик местности, а именно: равнинность территории со слабым наклоном на северо-восток, способствует медленному течению рек и накоплению стоячей воды) [*Потемкина*, 1985, с. 22].

Данная местность активно изучается, в том числе с применением современных технологий. Работа осуществляется при помощи двух геоинформационых систем: SASGIS и QGIS. Выбор приложений обоснован наличием всего необходимого инструментария, удовлетворяющего решение поставленных задач. Для работы программ, используются два основных источника информации. Первые данные о современном состоянии территории (например, космические снимки местности, кадастровые участки, здания и жилые дома, линии ЛЭП, газопровод, водопровод и дороги). Второй: историко-архивные, исследовательские материалы (раскопы, объекты, выявленные в ходе археологических работ, исторические карты местности). При обращении к работам предшествующих авторов, можно увидеть, что речная система Тобола и его притоков в достаточной мере изучена. Выявлено множество археологических памятников различных исторических периодов, в том числе, бронзового века. Были обнаружены материалы: петровской, срубной (включая срубно-алакульскую),

© Ананьин А.В., 2020

алакульской, федоровской, межовской и саргаринской археологических культур. Важным аспектом является установление ареалов распространения групп населения, носителей данных культур [*Сальников*, 1967, с. 247; *Косарёв*, 1981, с. 22; *Потемкина*, 1985, с. 7-19; *Григорьев,* 2008, с. 179-186].

На данный момент ведётся работа по визуализации и систематизации имеющихся данных, а именно объединению массива материалов, предшествующих авторов и современных исследователей, создание на этой основе археологической карты лесостепного Притоболья. Каждый объект на карте получает максимальное описание (если имеется соответствующая информация): вид объект, годы открытия и постановки на учёт, принадлежность объекта к исторической эпохе, принадлежность объекта к определенной культуре.

Остановим внимание на р. Куртамыш, левом притоке р. Тобол. Территория водной артерии находится в рамках административных границ Куртамышского района, Курганской области. Всего по течению р.Куртамыш, прилегающей территории, месту её впадения в р.Тобол известно 19 памятников археологии, из них 13 памятников бронзы. Территориально эти памятники можно разбить на несколько групп: терраса – 8 единиц. пойма – 5 единиц исследуемых объектов. Памятники на террасах, располагаются на протяжение всего течения реки, в то время как пойменные, преимущественно в нижнем течении (в устье). По культурам они разделяются наалакульскую, фёдоровскую, черкаскульскую и алексеевско-саргаринскую. Большинство памятников, датируется алакульским временем. Распространены повсеместно, что характеризует данный период, как наиболее густозаселенный. Свидетельством этого могут быть выявленные поселения алакульской культуры на удаление свыше 100 км к востоку от р.Тобол, находящиеся в озерной системе Тоболо-Ишимскогомеждуречья [*Костомаров, Новиков*, 2018, с. 32]. Другие культуры проявляются в многослойных памятниках, соседствуя с алакулем, реже с материалами раннего железного века. Фёдоровская керамика встречается вплоть до среднего течения р.Куртамыш. Основная зона распространения остальных культур – пойма р.Тобол и низовья р.Куртамыш. Датировка оставшихся памятников, относится к более поздним историческим этапам. Объекты преимущественно расположены в пойме р.Тобол.

Успешный опыт реализации проекта сразу открывает ряд направлений работы. Во-первых, возможность детального анализа, выявления новых закономерностей в расположение памятников. Во-вторых, создание информативной базы данных памятников бронзового века, покрывающей полностью территорию Курганской области; позволит взглянуть на процесс заселения территории Притоболья носителями различных культур, на основание этого, скорректировать наши представления о происходивших исторических процессах.

Библиографический список

Бадеев Д.Ю. Использование гис-технологий в археологии (на примере болгарского городища)// Наука и регион.2014. №2(2). С.20-23

Виноградов Н.Б. Археологическая карта Курганской области. Курган: Зауралье, 1993. 345 с.

Григорьев С.А. Пространственный анализ памятников эпохи бронзыЮжного Зауралья // Вопросы Археологии Урала. Вып. 25 Екатеринбург-Сургут: МАГЕЛАН, 2008. С.175-193

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. М.: Издательство МГУ, 2011.с. 224 с.

Костомаров В.М., Новиков И.К. Топографические характеристики поселение Золотое 1 - нового памятника андроновской эпохи Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2018.№4(43). С. 32-38

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала М.:Наука, 1967. 408с.

THE USE OF GIS IN THE STUDY OF THE LATE BRONZE AGE OF THE FOREST-STEPPE OF TOBOL VALLEY

A. Ananyin

Kurgan state University, Kurgan
wobas1999@gmail.com

Academic supervisor– I. Novikov

The article discusses the problem of use of GIS in studying the territory of the forest-steppe of Tobol valley. The relevance and prospects of using specialized programs for systematization and visualization of data are shown. An example of the use of GIS technology in the Kurtamysh river valley is given. archaeological sites of the valley are systematized, divided according to characteristic features and mapped.

Keywords: Bronze Age, GIS, forest-steppe of Tobol, Kurtamysh river, mapping, visualization.

УДК 902

ПОСЕЛЕНИЕ ЗОЛОТОЕ-1 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИТОБОЛЬЕ

В.Д. Афонасьев

Курганский государственный университет, г. Курган
vlad.afanasev.99@mail.ru

Научный руководитель - И.К. Новиков

В данной статье идёт речь об изучении лесостепного Притоболья, анализируется материал, полученный в ходе раскопок поселения позднего бронзового века Золотое-1, данное поселение расширяет ареал распространения алакульской культуры в регионе. На основании остеологического материала проводится сравнение поселение Золотое-1 и близлежащих поселений позднего бронзового века.

Ключевые слова: алакульская культура, ареал распространения, хозяйство.

Бронзовый век лесостепного Притоболья связан с функционированием ряда культур, входящих в андроновскую культурно-историческую общность, оставивших после себя яркие свидетельства своего пребывания, в том числе поселенческие комплексы.

Поселения бронзового века лесостепного Притоболья небольшие (в среднем 10 жилищ) расположенные в поймах рек, на низких террасах. Жилища в основном каркасно-столбового типа, слабо заглубленные в землю. Основой хозяйства данной культуры считается скотоводство, основу стада составлял крупнорогатый скот. Т.М. Потемкина выделяет следующие пропорции стада позднего бронзового века лесостепного Притоболья по количеству поголовья в стаде: КРС 22,2-55,8%; МРС 20,9-47%; лошадь 8,7-17,5% [*Костомаров,* 2016, С.27-29]. Большая разница в пропорциях может свидетельствовать о вариативности и адаптации стада под конкретные условия проживания, например при малом количестве пригодных пастбищ, могла увеличиваться доля мелкого рогатого скота и уменьшиться доля крупного.

Так же Т.М. Потёмкина в своей работе разделила все жилища андроновских культур лесостепного Притоболья на 2 типа:

К I типу относятся неглубокие (0,2-0,3 м) полуземлянки, прямоугольной или близкой к квадратной форме, площадь их редко превышает 100 кв. м

К II типу относятся полуземлянки значительно больших размеров – 120-330 кв. м, а котлованы врыты в материк на 0,6-1м. Форма обычно прямоугольная с закруглёнными углами.

Для андроновских культур также характерны находки бронзовых серпов, вероятнее всего использовавшихся для заготовления кормов скоту. Но эти находки крайне малочисленные. Споры для чего же они были нужны, ведутся до сих пор.

© Афонасьев В.Д., 2020

При изучении поселений, исходя из работ Т.М. Потёмкиной, которая ранее занималась изучением поселений на территории лесостепного Притоболья (Камышное-1, Язево-1 и др.), были взяты следующие критерии: расположение поселения, типы жилищ, культурная принадлежность и реконструируемый тип хозяйства.

Чёткие рамки ареала распространения культур бронзового века лесостепного Притоболья достаточно сложно определить, так как каждое новое исследование вносит свои коррективы [*Костомаров*, 2016, С. 27-29]. В ходе работ на территории Тоболо-Ишимского междуречья было выявлено порядка 20 новых поселенческих памятников бронзового века, которые находятся на удалении от поймы р. Тобол на 40-100 км.

Поселение Золото-1 находится в Половинском районе Курганской области. Исследовано разведкой И.К. Новикова, который проверял сообщения местного краеведа Ю.А. Годонюка в 2012 году. В ходе разведки удалось выявить 7 жилищных впадин, примыкающих полукругом к древнему берегу озера. Площадь поселения составляет 11000 кв. м.

Летом 2018 года над впадиной 7 и прилегающим пространством был заложен раскоп 400 кв. м. Посёлок приурочен к среднему по высоте берегу озера, находится на террасе в 200 м от современного уреза воды. В ходе раскопок были зафиксированы многочисленные фрагменты керамики алакульского и алексеевско-саргаринского типа и множество костей животных. В южной части раскопа была зафиксирована пара одинаковых по размерам колодцев (диаметр 1,2 глубина 1 м) и один колодец большего размера (диаметр колодца 2,5 м глубина 1,5 м).

Сооружение было реконструировано как каркасно-столбовое, слегка заглублённое в грунт, данные сооружения в работах Т.П. Потёмкиной интерпретируются как жилища I типа [*Потемкина*, 1985].

Керамический материал алакульского типа равномерно расположен по всей площади раскопа от верхнего слоя, до заполнений ям в материке и насчитывает более 300 фрагментов керамики. Алексеевско-саргаринская керамика фиксируется только в западной части раскопа небольшим количеством фрагментов. Рядом с ними фиксируется теплотехническое сооружение, состоящее из прокала с обкладкой из керамических кирпичиков. В непосредственной близости от прокала были обнаружены всплески бронзы и слиток, размером 7,7 см, в сечении квадратный по 0,7 см. На самом поселении также ранее был найден бронзовый серп, характерный для алакульской культуры.

Остеологические материалы представлены 2783 экземпляром, в ходе его анализа удалось выяснить состав стада. Крупный рогатый скот составляет 47%, мелкий рогатый скот 34% и лошадь 18%. Исходя из имеющих данных, было решено сравнить материалы, полученные в ходе более ранних раскопках в данной местности, а именно поселения Язёва-1, так как оно находится на сравнительной близости от поселения Золтое-1.

Поселения Язёва-1 расположено на мысу первой надпойменной террасы высотой до 2 м, у подножия которой находится заболоченная старица р. Язёвчик, притока р. Куртамыш, впадающей в р. Тобол. На поверхности вдоль серверного края мыса на протяжении 180 м четко выделяются 11 земляных впадин. Территория поселения составляет около 20 тыс. кв. м. В ходе раскопок было выявлено, что жилища представляют собой постройки полуземляночного типа, с закруглёнными углами [*Потемкина*, 1985].

Керамический материал многочисленный и делится на 3 группы: алакульская, фёдоровская и алексеевско-соргаринская. Но материал алексеевско-саргаринской культуры крайне скуден и немногочислен, что говорит о краткосрочности пребывания на поселении носителей данной культуры.

Состав стада поселения Язево-1 имеет следующие пропорции: крупный рогатый скот 46,7%, мелкий рогатый скот 32,6% и лошадь 17,7% , что также позволяет говорить о пастушьем скотоводстве, с чертами приспособления к ресурсам данной местности.

Данный памятник по своим основным характеристикам сопоставим с поселением Золотое-1, также можно предположить, что их использовала одна и та же группа населения. Сопоставим и способ ведения хозяйства, а именно видовое соотношение стада.

Проведя сравнительный анализ поселения Золотое-1 и других поселений, находящихся в лесостепном Притоболье, можно предварительно говорить о том, что данный памятник соответствует поселениям того времени, но есть небольшие отличия, они заключается в том,

что состав стада начал изменяться в сторону увеличения мелкого рогатого скота и уменьшению крупного, что можно объяснить скудностью пастбища на данной территории, в отличии от поселений, находящихся в пойме.

Библиографический список

Костомаров В.М., Новиков И.К. Применение альтернативных геодезических методов исследования поселений алакульской культуры: перспективы, методика, дальнейшее применение результатов // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий: материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. С. 27-29.
Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. Москва: Наука, 1985.

SETTLEMENT ZOLOTOE-1 – A NEW SITE OF THE BRONZE AGE IN THE FOREST-STEPPE TOBOL

V. Afonasiev
Kurgan state University, Kurgan.
vlad.afanasev.99@mail.ru

Academic supervisor - I. Novikov

This article deals with the study of the forest-steppe tributary, analyzes the material obtained during the excavations of the settlement of the late Bronze Age Golden-1, this settlement expands the area of distribution of the Alakul culture in the region. On the basis of osteological material the comparison of the settlement gold-1 and nearby settlements of the late Bronze Age is carried out.

Keywords: Alakul culture, distribution area, economy.

УДК903.023

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ

Е.А. Булакова
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
Лаборатория междисциплинарных гуманитарных исследований
Bulakovaekaterina@gmail.com

Научный руководитель – д.и.н. Л.Н. Корякова

В статье рассмотрены основные исследования отечественных археологов, сформировавшие представления о традиции производства сосудов с применением тканых изделий. Приведена краткая характеристика этапов и методов изучения текстильных оттисков на керамике.

Ключевые слова. Историография, методика, текстильная керамика.

Первые косвенные упоминания о текстильной или псевдотекстильной керамике, относятся ко 2/2XIX в. Граф П. Л. Путятин, в работе о генезисе и технологии орнамента, только отметил, что грубая плетенка с одной или двух сторон сосуда это своеобразная скрепа, удерживающая глиняную массу [*Глушков, Глушкова*, 2009, с. 8].

В начале XX в. В. А. Городцов уделил уже специальное внимание оттискам на керамике. Им была создана система описания фрагментов керамики и сосудов. Она включала 5 пунктов,

© Булакова Е.А., 2020

одним из которых было описание орнамента по классам. Класс «печатные» был связан с отпечатыванием на сосудах текстильных изделий [*Городцов*, 1901, с. 582].

Н.А. Артюзов поставил под сомнение идею принадлежности отпечатков тканям или плетениям. В процессе изучения керамики бронзового и железного веков из Саратовской губернии он идентифицировал видовые особенности отпечатков и, используя глиняные эталоны, предложил вариант их происхождения. В результате был сделан вывод об изготовлении «рогожных» отпечатков на керамике с помощью штампов (вероятнее всего деревянных) или с помощью веревочки [*Глушков, Глушкова*, 2009, с. 11-12].

В середине XX в. А.Я. Брюсов первым в научной литературе сформулировал определение текстильной керамики; это, по его мнению, «черепки с отпечатками на них тканей, нитей, веревок, сетей, применявшихся, очевидно, при лепке или сушке глиняных сосудов» [*Брюсов*,1950, с. 287]. Автор описал памятники с текстильной керамикой на примере коллекций Восточной Европы из фондов ГИМа. Определив изученную керамику как сетчатую, А.Я. Брюсов, обозначил, что оттиски на внутренней стороне фрагментов оставлены тканью или веревочкой, намотанной на твердую основу. Им была применена новая методика – сопоставление слепков (позитивов)текстильных оттисков с сосудов с известными археологическими тканями[*Глушков, Глушкова*, 2009, с. 12].

В это же время появились работы, представляющие реконструкции лепки керамики при помощи ткани. Л. Н. Соловьев описал сосуды с памятников побережья Западной Грузии – четырехугольной формы с текстильными отпечатками на внешней поверхности– и предположил, что «стандартные» четырехугольные формы – свидетельство формовки сосудов внутри жесткой основы, с последующим изъятием их оттуда при помощи ткани, положенной на дно формы. В качестве формы, вероятнее всего, использовалось выдолбленное в дереве углубление или яма, вырытая в земле [*Соловьев*, 1950, с. 280-281].

Г. Ф. Коробкова., для памятников Ферганы, зафиксировала текстильные оттиски на внутренней стороне сосудов. Методика, предложенная автором, включала изучение фрагментов и оттисков, снятых с керамики при помощи пластилина, которые рассматривались под бинокулярным микроскопом и фотографировались. В итоге, исследователь высказала версию о лепке сосудов на мешочках-основах и аргументировала её результатами визуального анализа, который помог выявить на поверхности оттиски текстиля и следы складок от мешочка-основы. Признаками изготовления на матерчатом шаблоне, были также слоистость черепков и неравномерная толщина стенок [*Коробкова*, 1962, с. 231-233]. В дальнейшем некоторые исследователи соотнесли данные черты с признаками формовки сосудов на форме-основе в бронзовом веке [*Климова*, 2017, с. 117].

Новый взгляд на проблему текстильной керамики представили работы 70-80-х гг.XX в. Их отличало активное внедрение методов научного эксперимента и детальное обращение к изучению самих оттисков. Данный тренд продолжили исследования 90-х гг.

А.А. Бобринский, на основе этнографических и археологических данных, реконструировал два возможных способа формовки сосудов с применением разного вида прокладок, на форме-основе (волосяные или тканевые) и в форме-емкости (тканевые, кожаные) [*Бобринский*, 1978, с. 193], и провел серию экспериментов, установивших диагностические признаки использования таких форм. Было отмечено, что «текстильные» отпечатки, могут быть также оставлены в результате выбивания стенок сосуда, а не в процессе формовки [*Бобринский,* 1978, с. 201-209].

И.Л. Чернай предложил следующую методику изучение текстильных следов для реконструирования их природы. С фрагментов были сняты оттиски-позитивы, которые затем фотографировались при увеличении в 10-70 раз при разном свете для наилучшей передачи микрорельефа фактуры [*Чернай,* 1985, с. 94-95]. Обработанная коллекция (памятники поселения Ботай, Вишневка II, Кулевчи, Петровка II, Новоникольское 1 и могильник Кенес) была разделена автором на две группы. Первая – с текстильными оттисками на внешней поверхности, т. е. технологическими следами изготовления сосудов в «текстильной форме», путем выравнивания глины гребенчатым орудием изнутри сосуда. Вторая – где оттиски расположены на внутренней стороне и являются технологическими следами, возникшими в процессе формовки сосудов на болванке, обмотанной мокрой тканью [*Чернай*, 1985, с. 98, 100].

В совместной публикации Н.Б. Виноградова и М.А. Мухиной о текстильной керамике населения алакульской культуры изучение оттисков с применением методов трасологии позволило авторам выдвинуть гипотезу о том, что в качестве модели-основы использовался сосуд, покрытый сверху тканью. Ряд экспериментов и наблюдений подтвердил предположение и положил начало исследовательскому этапу в изучении технологии производства сосудов на формах-основах для территории Южного Зауралья [*Виноградов, Мухина*, 1985, с. 82].

И.Г. Глушковым и Т.Н. Глушковой были собраны образцы «текстильной» керамики из разных районов Западной и Восточной Сибири и проведен ряд экспериментов, моделирующих основные характеристики текстильных сосудов [*Глушков, Глушкова*, 2009, с. 5]. В результате была представлена поэтапная методика работы с таким видом источника и составлено объемное описание керамики с оттисками. Акцентируя внимание на изучении самих текстильных оттисков, как тканевых, так и псевдотекстильных, авторы сделали выводы о генезисе данной технологии производства посуды и отказались от некоторых положений прошлого, не подтвердившихся на практике.

На современном этапе изучения текстильной керамики к наиболее интересной можно отнести коллективную работа О.В. Орфинской, В.П. Голиковой и Н.И. Шишлиной «Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей: труды ГИМа». Целью данного исследования был анализ основных характеристик ткани и реконструкция технологии изготовления сосудов. Источниками выступали текстильные изделия и отпечатки ткани на сосудах бронзового века евразийских степей [*Медведева*, 2017, с. 14]. Также стоит отметить работы П.С. Медведевой, посвященные масштабному изучению оттисков с керамических сосудов культур Южного Зауралья и Среднего Поволжья и реконструкции технологических характеристик тканей позднего бронзового века для данного региона [*Медведева*, 2017, с.5-6].

Библиографический список

Брюсов А.Я. Сетчатая керамика // Советская археология. Т.14. 1950.С. 287–305.

Виноградов Н.Б., Мухина М.А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Межвуз. сб.: Древности Среднего Поволжья. Куйбышев: КГУ, 1985.С. 79–84.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Сургут: РИО СурГПУ, 2009.190 с.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI археологического съезда в г. Киеве. Т.1. М., 1901.С. 577–672.

Климова А. Д. Технологические признаки изготовления керамических сосудов на форме-основе в бронзовом веке // Международная археологическая школа в Болгаре: сборник материалов конференции «Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы». Казань, 21 авг.–3 сент. 2017. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017.С. 115–119.

Коробкова Г.Ф. Отпечатки ткани на керамике //. Древнеземледельческая культура Ферганы. Материалы и исследования по Археологии СССР. № 118 /Ю. А.Заднепровский.1962.С. 231–234.

Медведева П.С. Ткани в позднем бронзовом веке Южного Урала и Поволжья: автореф. магистер. дисс. Челябинск, 2017. 23 с.

Соловьев Л.Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии // Советская археология. Т. 14. 1950.С. 265–286.

Чернай И.Л. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд.Башкирского ун-та (подготовил Челябинский ун-т), 1985. С. 93–110.

HISTORIOGRAPHIC REVIEW OF STUDYING TEXTILE POTTERY

E.Bulakova

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg
Bulakovaekaterina@gmail.com

Academic supervisor – professor L. Koryakova

The article describesthe main researches, which lay a foundation of the studying of ceramic vessel production using textile. Author gives brief description of the stages and methods Russian archaeologists used instudying of textile prints on ceramics.

Keywords: Historiography, textile pottery

УДК 903.2

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСТОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Е.О. Васючков

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск
platonmnedrugnavernoe@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. И.П. Алаева

Статья посвящена анализу и классификации различных пестов с памятников бронзового века Евразии. Поиску закономерностей между стилистическим оформлением каменных пестов и их функциональным назначением.

Ключевые слова: бронзовый век, каменные орудия, каменные песты, стилистические особенности орудий.

Одной из категорий инвентаря представленных на поселенческих и погребальных памятниках бронзового века являются каменные орудия, интерпретируемые как песты.

Пестом можно назвать орудие продолговатой формы с рабочей поверхностью на одном или сразу обоих торцах, предназначенное для растирания и измельчения какого-либо вещества. Как правило, пест имеет функциональную пару в виде ступки или плиты также участвующей в процессе растирания и измельчения.

Песты бронзового века редко становились темой для отдельного изучения и рассматривались в основном в массиве других каменных орудий [*Коробкова*, 2004; *Потемкина*, 1985]. Однако стоит отметить работы, посвященныередким находкам фигурных пестов [*Ченченкова*, 2004; *Петров*, 2010].

На данный момент для Южного Зауралья не существует классификации каменных пестов на основе морфологии и стилистических особенностей.

	Поселения	Могильники	Подъемные сборы	**Всего**
Ямная	-	3	-	**3**
Катакомбная	-	7	-	**7**
Срубная	9	1	-	**10**
Алакульская	26	1	6	**33**
Синташтинская	1	17	-	**18**
Черкаскульская	2	-	-	**2**
Культурно неопред.	20	-	7	**27**
Все	**58**	**29**	**13**	**100**

Таблица 1. Культурная принадлежность пестов, обнаруженных на памятниках бронзового века и включенных в выборку.

© Васючков Е.О., 2020

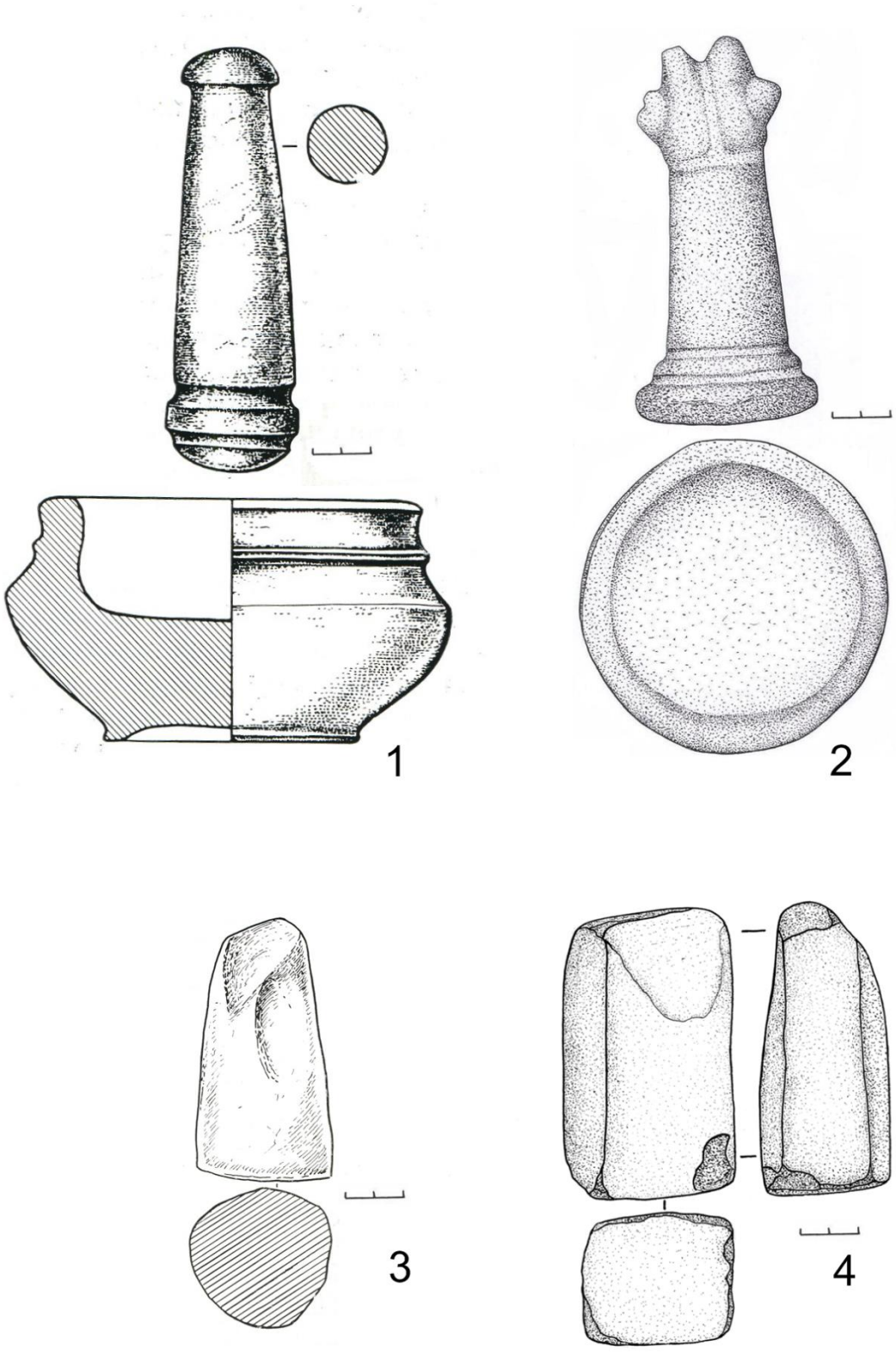


Рис. 1. Первая группа – 1 - Пест с поселения Камышное I [Потемкина, 1985, с. 111 – 115]. 2 - Пест с поселения Хрустальное III [Петров, 2010, с. 212]. Вторая группа – 3 - Пест с поселения Камышное I [Потемкина, 1985, с. 192]. 4 - Пест из 3 погребения кургана 8 могильника Песчанка-3 [Алаева, Марков, 2009, с. 40].

Для решения данной проблемы была сделана случайная выборка, в которую были включены 100 пестов, относящихся к культурам бронзовового века степных и лесостепных территорийСеверной Евразии (ямная, катакомбная, срубная, синташтинская, алакульская, черкаскульская). Ямные катакомбные и срубные материалы включены в выборку в виду возможности обнаружения аналогий и общих тенденций для бронзового века Северной Евразии.

В качестве критерия для классификации была выбрана форма песта в поперечном сечении, т.е. форма рабочей площадки орудия. Всего было выделено 3 класса и 1 подкласс.

Класс I выделен на основе геометрически правильной круглой или овальной формы в сечении. Песты классаI имеют морфологию усеченного конуса, сужающегося к вершине песта. К этому классу относятся 10 пестов. Из них 4 были встречены в погребениях, а 6 на поселениях. В погребениях песты этого класса связаны с отсутствием металлического инвентаря или незначительным его количеством – 3 из 4 погребений. Песты данного класса встречаются в ямной – 2, катакомбной – 1, срубной – 1 и алакульской культурам – 4 песта. Ещё для 2 пестов датировку можно дать либо в рамкахалакульской, либо черкаскульской культуры.

В рамках Класса I на основе стилистических особенностей можно выделить *подкласс IA,* который составляют 4 артефакта. Песты этого подкласса имеют концентрические каннелюры или фигурные навершия. Песты подкласса IA относятся к алакульской культуре и находились преимущественно на поселениях в лесостепной и степной зоне Южного Зауралья. Значение также имеет и факт обнаружения каменных ступок вместе, с которыми песты образуют функциональную пару. Каменные ступки были обнаружены вместе с пестами с поселения Хрустальное III [*Петров*, 2010, с. 213] и Камышное I [*Потемкина*, 1985, с. 111 – 115].

К *классу II* было отнесено 42 песта, имеющих подовальное или геометрически неправильное округлое сечение. Класс II имел в 32 случаях под четырехугольную морфологию, в 6 случаях подовальную и в 4 случаях форму усеченного конуса. Достоверно определить культурную принадлежность удалось для 32 пестов. В культурном отношении данный класс является относительно разнообразным – 12 пестов принадлежат синташтинской культуре, 3 катакомбной, 9 алакульской культуре, 7 срубной КИО и. и 1 черкаскульской культуре. 27 пестов были найдены на поселениях, а 15 в погребениях. Песты из могильников встречались вместе с бронзовыми ножами, теслами, и другим металлоемким инвентарем, а также литейными формами.

Класс III имеет подчетырехугольное, т.е. подпрямоугольное или подквадратное сечение. К этому классу принадлежат 48 пестов. Орудия данного класса могли иметь подчетырехугольную морфологию – 43 песта, подовальную – 2 или подтреугольную – 3 песта. Определить культурную принадлежность представляется возможным для 34 пестов. К ямной относится 1 пест, катакомбной – 3, синташтинской культуре – 6, срубной – 2, алакульской культуре – 21 пест, черкаскульской – 1 пест. Для этого класса характерно отсутствие стилистических особенностей. Среди пестов этого класса – 38 были найдены на поселениях и 10 в погребальных памятниках. В погребениях песты класса III маркируют, как правило, потревоженные погребения с бронзовыми ножами, теслами, другим металлоемким инвентарем.

Основываясь на данной классификации, представляется возможным вычленить 2 группы пестов:1) фигурные песты подкласса IA и 2) предположительно утилитарные песты, предназначенные для растирания минерального сырья (например, медьсодержащей руды) относящиеся в основном к классам II и III.

Песты второй группы распространены на поселениях и в погребениях бронзового века. Имеют небольшую степень подработанности для утилитарных нужд. Функциональной парой для них, скорее всего, являлись каменные плиты, встречающиеся на поселениях эпохи бронзы. Трасологический анализ каменных пестов, отнесенных ко 2 группе, позволяет интерпретировать их как орудия для растирания руды [*Коробкова*, 2004, с. 60]. На поселениях песты чаще всего локализуются в производственных зонах, ближе к центру построек. В погребениях песты 2 группы связаны с металлическим инвентарем, а иногда и с литейными формами.

Находки фигурных пестов, отнесенных к *первой группе,* единичны и относятся к алакульской культуре. Имеют сложную в производстве форму и стилистические особенности.

Функциональной парой для них являлась каменная ступка. Трасология фигурного песта и ступки с поселения Камышное I указывает на связь с металлопроизводством [*Потемкина,* 1985*,* с. 115]. Однако следует признать необходимость трасологического анализа для всей серии фигурных пестов. Песты 1 группы в планиграфии поселений занимают неочевидное положение, некоторые авторы говорят о «жертвенном комплексе» [*Потемкина*, 1985, с. 113]. В погребальных памятниках бронзового века, фигурно оформленные песты не встречаются.

Однако в раннем железном веке в могильнике Новый Кумак был встречен фигурный пест с концентрическими каннелюрами у навершия, во многом аналогичный пестам первой группы. Исследователями предполагается наличие для песта функциональной пары в виде каменного жертвенника и связь с культом Сомы (Хаомы) [*Федоров*, 2001, с. 32-46].

В качестве ближайших аналогий для пестов подкласса IA можно выделить случайные находки фигурных пестов на территории Евразии, не имеющие точной датировки [*Ченченкова,* 2004]. Также следует отметить морфологическую близость пестов и ступок подкласса IA с каменными пестами и ступками из Ирана связанными с культом сомы (хаомы) [*Абдуллаев,* 2009, с. 75 – 76].

Таким образом, следует отметить тенденцию к появлению фигурных пестов подкласса IA в рамках алакульской культуры. Фигурные песты не представлены в погребальном обряде, вполне вероятно являлись частью культа и возможно имели другое функциональное назначение, нежели песты классов II и III. Песты, отнесенные ко 2 группе, скорее всего, являлись преимущественно утилитарными пестами, напрямую связанными с металлургией и являлись частью погребального инвентаря. Были широко представлены на памятниках бронзового века степной и лесостепной зоны Северной Евразии.

Для Южного Зауралья следует отметить в синташтинской культуре преобладание пестов класса II, а для алакульской – преобладание пестов класса III. Данную закономерность можно объяснить хронологической сменой морфологии орудий или спецификой выборки.

Библиографический список

Абдуллаев К. Культ хаомы в древней Центральной Азии. Международный Институт центральноазиатских исследований, 2009. - 120 с.: ил.

Алаева И.П., Марков С.С. Памятники бронзового века у села Песчанка в Южном Зауралье // Уфимский Археологический вестник. 2009. № 9. С. 28-45.

Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III. // Вестник челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Вып.2. – Челябинск. Изд-во ЧГПУ. 2004. С.57-87.

Петров Ф.Н. Каменный пест с зооморфнымнавершием с поселения эпохи бронзы Хрустальное III // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. Сборник научный трудов. Часть 1. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. университета, 2010. – С. 207-214.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья/ Т.М. Потемкина. М.:«Наука», 1985. 376 с.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» ЮжногоПриуралья//Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа: НМ РБ. 2001. С. 21 – 49.

Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. – Екатеринбург: «Тезис», 2004. – 336 с.; ил.

STYLISTIC FEATURES OF THE BRONZE AGE PESTLES OF THE SOUTH TRANS-URALS

E. Vasyuchkov

South Ural State University for the Humanities and Education, Chelyabinsk
platonmnedrugnavernoe@gmail.com

Academic supervisor – PhD I. Alaeva.

The article is devoted to the analysis and classification of various pestles from the monuments of the bronze age of Eurasia.The search for patterns between the stylistic design of stone pestles and their functional purpose.

Keywords: Bronze Age, stone tools, stone pestles, stylistic features of tools.

УДК 903.5

ОГОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.М. Голобородько

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Казахстан
Saida286592@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. В.В. Варфоломеев

Рассматривается особенность погребального обряда со следами огня в эпоху андроновской культуры. Проведен анализ историографических материалов посвященных культа огня на территории Казахстана вместе с древними писаниями огнепоклонников индоарийского происхождения, проведена параллель изучения данной проблемы, вместе с примерами.

Ключевые слова: бронзовый век, Казахстан, культ огня, Андроновская культура.

В эпоху бронзы во II тыс. до н.э. огромную территорию Казахстана населяли многочисленные пастушеские племена, носители алакульских и федоровских культурных традиций, объединяемых исследователями в андроновскую культурно-историческую общность. Яркие, самобытные памятники этого периода свидетельствуют о высоком уровне развития социальной организации и духовной сферы общества [*Кукушкин*, 2007, с. 10].

Особая трудность в изучении мировоззренческих сторон жизни социума заключается в полном отсутствии прямых письменных источников. Многие исследватели опираются на арийское происхождения андроновских племен, предполагают о существовании у населения степной бронзы мировоззренческих представлений, близких к индоиранской космологической модели [*Дашковский*, 2015, с. 94]. Причем, центральное место в древнейших верованиях отводится культу огня и солнца.

Оплодотворяющая природа огня отразилась во всем ее мной многообразии в ритуалах, связанных со свадебно-погребальной обрядностью, сезонных праздниками, лекарской практики. Прежде всего, неординарное отношение к огню отмечается исследователями в погребальном обряде [*Кукушкин*, 2007, с. 125]. В одном случае под культом огня подразумевается все совокупность ритуалов, так или иначе связанных с огнем, фиксируемых в погребальном обряде. Сюда может входить кремация человека, животного, различного рода прокалы, кострища, подсыпка охры как символа огня.

Так, по мнению К.В.Сальникова, когда человек умирал, огонь кремационного костра выступал в виде защиты умершего в загробном мире. Вместе с тем сожжение умершего предполагало сопричастие через огонь с самим солнцем, которое мыслилось источником жизни. Но и при ингумации культ огня и солнца нередко выступал очень ярко. Умершего в могиле могли сопровождать символы огня (охра, красная краска), или, нередко, следы воздействия самого огня (угли, зола), которые могли символизировать солнце. Символы солнечного божества повсеместно отмечаются в керамике: кресты, ромбы, круги; в бронзовых украшениях: крестообразные подвески, округлые бляшки с солярным орнаментом и т.д. [*Сальников*, 1951, с.143-144].

Согласуется с предыдущей точкой зрения позиция К.А. Акишева, неоднократно обращавшего внимание на вопросы духовной культуры населения степной бронзы. Им отмечается высокая роль культа огня и солнца в жизни андроновского общества. Сожжение умершего являлось ритуалом, связанным с мифологическими представлениями об огне, как

© Голобородько С.М., 2020

высшем начале Вселенной. Кремация облагораживала усопшего, огонь, как высшее эсхатологическое начало очищал тело от грехов, переводил в бестелесное состояние, в мир духов. Обряд кремации выполнял также охранительные функции. Присутствие в ряде захоронений красной краски, означало по представлениям древних людей огонь, символ огня и солнца. Смерть рассматривалась как переход или возрождение человека в новом состоянии. Сожжение, таким образом, обеспечивало возрождение и существование умершего в новом качестве. [*Акишев, Байпаков,*1979, с. 53-55]

На разграничение функций огненных ритуалов в погребальном обряде указывает Е.Е.Кузьмина. Она считает, что хотя пепел в могилах с трупоположением, угли и зола в насыпи, сожжение площадки над перекрытием и, собственно, трупосожжение в могильниках, - все это единое проявление культа огня, но это остатки совершенно различных обрядовых действий, совершавшихся в разное время и по различным причинам. Зола с трупоположением – это, вероятно, останки сожженного животного, принесенного в жертву богу, сожженное деревянное перекрытие или обгоревшая подмогильная площадка – следы очистительных костров, наконец, кремация самого человека как таковая [*Кузьмина,* 1986, с. 88].

В памятниках андроновской культуры ощутимо присутствуют следы огня.

Могильник Аксу-Аюлы II. Курган 2. Южный ящик. На дне ящика обнаружены небольшие кусочки древесного угля, обломки сожжённых костей – продукты кремации [*Маргулан,* 1966, с. 102].

Беласар. Ограда 5. В ящике обнаружены вместе с останками трупосожжения плотные слои древесных углей толщиной 5-6 см с сильно прокаленным грунтом. Это позволяет нам делать выводы о том, что обряд кремации происходил в самой могиле [*Маргулан,* 1966, с. 120].

Подобный ритуал имел место в кургане 2 могильника Айшрак. В северном ящике обнаружены мелкие обломки костей человека со следами сожжения и древесные угольки [*Маргулан,* 1966, с. 138].

Могильник Сангру II. Ограда 1. Ящик 2, 3, 4, 5 и 7. Кости погребенных в могильнике были сожжены до состояния полукремации. Особое место занимает ограда 5. Вместе с сожжёнными костями была обнаружена красная охра – следы поклонения огня. [*Маргулан,* 1966, с. 145]. Такая традиция в федоровской культуре не выражена и зафиксированные случаи довольно уникальны (подобные случае встречаются в Южно-Казахстанской области и Центральном Казахстане).

В Северо-Казахстанском регионе исследован могильник Лисаковский. Кости погребенных в могильнике были сожжены до состояния полукремации, аналогичными могильнику Сангру II: анатомический объём костей был утрачен, но кости частично сохранили свою структуру, различаются фрагменты размерами 1-2 см от фаланг и черепной коробки [*Усманова*, 2005, с. 85].

Отмечены случаи, когда в погребении одновременно были и трупоположение и трупосожжение. В процессе раскопок погребения 3 (была обнаружена могильная яма прямоугольной формы. На дне в центре ямы находилась округлая линза кальцинированных костей. В могильной яме зафиксировано парное захоронение по обряду биритуализма: один погребенный был ингумирован, другой кремирован [*Усманова*, 2005, с. 21].

В Южно-Казахстанской области обряд кремации был зафиксирован в могильнике Шербай I. В центре площадки располагалась неглубокая могильная яма прямоугольной в плане формы. У северо-восточной стенки были обнаружены кремированные кости [*Байпаков, Таймагамбетов*, 2006, с. 127].

Большой интерес вызывает могильник Таутары. Кремация была зафиксирована в 29 случаях. Отличительной особенностью обрядности таутаринского типа является обильная посыпка кальцинированных костей и дна могильной ямы охрой (ограда 3, 10 и 25) [*Максимова,* 1952, с. 40].

В некрополе Кызылбулак I было обнаружено 20 погребений с кремацией, что составляется 35% от всего числа исследованных памятников на территории некрополя (Заилийского Алатау). Основной особенностью традиций погребальной обрядности следует отнести захоронения кремированных останков людей зрелого возраста (30-40 лет) в крупных

глиняных горшках, что не характерно для культа огня на территории Заилийского Алатау [*Гасс, Горячев,* 2016, с. 90].

Мировоззрение и образ жизни людей эпохи бронзы плотно пересекалось с огнем, отношение к огню, в том числе, поддержание вечного, негаснущего огня в очаге, очистка огнем злых духов и погребальные обряды, бесспорно, занимало существенное место в идеологии андроновцев, приобретая ритуальную значимость.

Библиографический список

Кукушкин И.А. Мировоззренческие аспекты культуры населения финальной бронзы Центрального Казахстана // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 133-150.
Дашковский П.К., Гончарова Н.С. Индоиранский религиозный комплекс в мировоззрении племен андроновской культурно-исторической общности: история вопроса и современные интерпретации // Известия Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2015. С. 92-98.
Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 1951, № 21. – С. 94-151.
Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1979. – 160 с.
Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе, 1986. – 134 с.
Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К, Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский 1. – Караганда-Лисаковск, 2005. – 232с.
Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана: Учебное пособие для студентов вузов. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 355 с.
Гасс А., Горячев А.А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник Новосибирского государственного университета. – Новосибирск, 2016. Т.15. – С. 85-123
Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, 1962. Т. 14 – С. 37-55.

FIRE IN THE FUNERAL PRACTICE OF THE POPULATION OF ANDRONOV CULTURE

S. Goloborodko
Karaganda state university of E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan
Said286592@mail.ru

Academic supervisor - PhD V. Varfolomeyev

The feature of burial rite with the use of fire in the era of Andronian culture is considered. Analysis of historical materials devoted to the cult of fire on the territory of Kazakhstan together with ancient scriptures of fire fighters of Indoarian origin was carried out, a parallel study of this problem was carried out, together with examples.

Keywords: Bronze Age, Kazakhstan, Kul of fire, Andronov culture.

УДК 903.01

ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО СВЕРЛЕНИЮ КАМНЯ МЕДНОЙ ТРУБКОЙ

С.В. Грехов
МАОУ СОШ № 1, Кушва
sergeigreh@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. Ю.Б. Сериков

© Грехов С.В., 2020

В статье представлены результаты изготовления отверстий большого диаметра с помощью медной трубки. Экспериментальное сверление талькохлорита, змеевика и мрамора производилось с помощью деревянного коловорота с грузом. В качестве абразива использовался мелкозернистый речной песок.

Ключевые слова: археология, эксперимент, «египетский» способ сверления, талькохлорит, змеевик, мрамор.

Эксперимент – важная составляющая развития археологии как науки. С его помощью можно определить особенности технологического производства того или иного предмета, реконструировать некоторые процессы применения этих изделий.

В археологической лаборатории Нижнетагильского государственного социально-педагогического института уже несколько лет проводятся экспериментальные исследования по сверлению камня. Прежде всего, отрабатывается технология и инструментарий сверления, накапливается практический опыт. Также с их помощью уточняется процесс изготовления отверстий в таких предметах как булавы, каменные диски, фигурные молоты. В экспериментах по сверлению использовались способы, описанные еще С.А. Семеновым: буровой способ сверления (деревянный бур с перекладиной) и «египетский» (деревянный коловорот с подвешенным грузом) [*Семенов*, 1968, с. 69]. Сверление обоими способами осуществлялось костяными сверлами. В рамках исследований удалось получить отверстия в таких материалах как тальк, талькохлорит, мрамор, нефрит [*Канаука,* 2018; *Грехов,* 2019].

В данной работе представлены результаты экспериментального сверления «египетским» способом талькохлорита, мрамора и змеевика с помощью медной трубки в качестве сверла и мелкозернистого речного песка в качестве абразива. Сверление производилось с помощью коловорота односторонним способом. В качестве коловорота был использован коленчатый деревянный стержень из калины длиной 1,26 м, к которому крепился груз – расколотое сосновое полено длиной 0,63 м и весом (вместе со стержнем) 8,2 кг. Сверло насаживалось непосредственно на конец рабочего стержня и дополнительно укреплялось с помощью четырех деревянных палочек, обмотанных веревкой.

Следует отметить, что подобные эксперименты по сверлению камня медной трубкой проводились экспериментаторами интернет-портала «Антропогенез.ру» [*Как египтяне*…]. С помощью «египетского» способа, им удалось просверлить кусок гранита. Также были сделаны некоторые выводы, по технологии сверления коловоротом и медной трубкой отверстий в древнем Египте [*Кругляков*…].

Первый эксперимент по сверлению был поставлен на треугольном куске талькохлорита толщиной 26 мм со сторонами 130 × 110 × 90 мм. В качестве сверла использовалась медная трубка длиной 84,6 мм, диаметром 15,9 мм. Толщина режущей кромки трубки равнялась 1,3 мм. Талькохлорит по десятибалльной шкале Мооса обладает твердостью от 1 до 5,5.

Через 10 минут сверления глубина отверстия составила 7 мм. Еще через 10 минут глубина отверстия увеличилась до 11,3 мм. После 40 минут сверления сверло углубилось в обрабатываемый материал на 21,5 мм. Законченное отверстие было получено за 52 минуты 40 секунд. При выходе сверла из камня в конце сверления заготовка раскололась. Образовавшаяся высверлина сломалась. Возможно, это связано с зернистостью материала и неправильно выбранной точкой начала сверления. Сверло по длине сточилось до 80,6 мм (на 4 мм). Высверлина получилась не цельная, а из пяти фрагментов толщиной от 3 до 6,3 мм. Диаметр отверстия со стороны сверления составил 21 мм, с противоположной – 16 мм.

Чтобы получить цельное отверстие, было решено еще раз просверлить этот же кусок талькохлорита. Сверлом служила медная трубка с внешним диаметром 15,9 мм, длиной 60,5 мм и толщиной режущей кромки 1,3 мм. Отверстие было получено за 65 минут сверления. Диаметр отверстия со стороны начала сверления 21 мм, диаметр с противоположной стороны – 16 мм. Здесь высверлина тоже оказалась не цельной, из трех обломков. Диаметр первой высверлины составил 10,5 мм, второй – 14 мм, третьей – 10 мм.

Далее было произведено сверление прямоугольной плитки змеевика размером 123 × 52,6 × 24,8 мм. Твердость змеевика по шкале Мооса составляет от 2,5 до 4. Сверлом являлась медная трубка с внешним диаметром 15,9 мм, длиной 80,6 мм и толщиной режущей кромки 1,3 мм. После 10 минут сверления глубина отверстия составила 2,3 мм. Еще через 10 минут

удалось углубиться до 3,2 мм. Через 1 час сверления глубина отверстия увеличилась до 7,6-8,1 мм. При этом стала заметна неравномерность глубины отверстия. Еще через час работы удалось достичь глубины отверстия в 19 мм. На 128 минуте сверления сломалась высверлина. Это произошло из-за того, что была убрана фиксирующая деревянная планка, закрепленная поверх заготовки.

Через 2 часа 20 минут сверления глубина отверстия составила 22 мм. На 149 минуте плитка змеевика толщиной 24,8 мм была полностью просверлена. Диаметр отверстия со стороны начала сверления равнялся 18,5 мм, с противоположной – 17 мм. Высверлина не цельная, первая высверлина конусообразная, длиной 19,2 мм и диаметром 10,4-11,8 мм. Вторая высверлина, длиной 5 мм и диаметром 13 мм. Сверло по длине сточилось до 67,3 мм (на 13,3 мм). Диаметр трубки в месте режущей кромки уменьшился на 0,4 мм (с 15,9 до 15,5 мм).

Следующим этапом эксперимента являлось сверление прямоугольной плитки мрамора размером 101 × 61,7 × 16,4 мм. Твердость мрамора по шкале Мооса от 2,5 до 3. Параметры сверла сохранились практически прежние: длина медной трубки 65 мм, внешний диаметр 15,9 мм, толщина режущей кромки 1,3 мм.

После 10 минут сверления глубина отверстия составила 4,6-5 мм. Стало понятно, что сверление данного материала будет более быстрым по сравнению с талькохлоритом и змеевиком. Отверстие конической формы было готово через 30 минут сверления. Диаметр отверстия со стороны начала сверления 19 мм, с противоположной – 16,3 мм. Высверлина получилась цельная, диаметром 12,1 мм. Сверло по длине уменьшилось до 60,5 мм (на 4,5 мм).

Основной целью нашего исследования не стояло изготовление конкретного предмета. Эксперименты по сверлению «египетским» способом, с применением медного сверла показали лишь то, что такой технологией на территории Урала вполне могли пользоваться мастера эпохи палеометалла для изготовления отверстий крупного диаметра в различных предметах, прежде всего, неутилитарного назначения.

В дальнейшем планируется провести эксперименты по сверлению с применением разных абразивных порошков, а также просверлить талькохлорит и мрамор «египетским» способом, но костяными сверлами, для того чтобы сравнить трудозатраты сверления таким способом, с данными, полученными при использовании бурового способа.

Библиографический список

Грехов С.В. Эксперименты по сверлению полой костью нефрита // Геоархеология и археологическая минералогия-2019. Научное издание. Миасс-Екатеринбург: ООО «ФортДиалог-Исеть», 2019. С. 88-91.

Как египтяне сверлили гранит – реконструкция [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/watch?v=g305wqCdPRs (дата обращения: 10.09.2019).

Канаука Н.В. Эксперименты по изготовлению отверстий большого диаметра // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара: Самарский университет, 2018. С. 43–46.

Кругляков О. Трубчатое абразивное сверление. Принципы [Электронный ресурс] URL: http://antropogenez.ru/sverlenie/ (дата обращения: 10.09.2019).

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.

COPPER TUBE STONE DRILLING EXPERIMENTS

S. Grekhov

Secondary school № 1, Kushva
sergeigreh@mail.ru

Academic supervisor – professor Y. Serikov

The article presents the results of the manufacture of large-diameter holes with using a copper tube. Experimental drilling of talchochlorite, serpentine and marble was carried out with using a wooden rotor with a load. Fine-grained of river sand was used as an abrasive.

Keywords: Archeology, experiment, “egyptian” method of drilling, talchochlorite, serpentine, marble.

УДК 902/904 (571)

ПРОЯВЛЕНИЕ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ ТРАДИЦИЙ В МАТЕРИАЛАХ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)

Н.Е. Ермолович

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
nikitaermolovich1999@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. И.А. Дураков

В статье проводится анализ материалов памятников самусьской культуры: Крохалевка-1, Самусь-4. Вещевой материал этих памятников традиционно относят к самусьско-кижировскму культурному кругу, однако их анализ выявил группу предметов более раннего сейминско-турбинского типа. Это позволяет автору поставить вопрос о синхронности самусьско-кижировского и сейминско-турбинского типа изделий.

Ключевые слова: археология Сибири, бронзовый век, Верхнее Приобье, сейминско-турбинский феномен, бронзолитейное дело, самусьская культура, поселенческие комплексы.

Самусьская культура была выделена Косаревым М.Ф. в 1964 г., и названа по поселению Самусь-4 исследованному В.И. Матющенко в 1954-58 г. На этом памятнике была найдена значительная коллекция фрагментов литейных форм, отнесенная Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых к самусьско-кижировскому типу, который исходя из эволюционно более развитой морфологии изделий считался более поздним, чем сейминско-турбинский. Самусьская культура так же воспринималась как более поздняя.

Однако анализ материалов ряда самусьских памятников позволил выделить группу литейных форм предназначенных для отливки изделий явно сейминско-турбинских форм. Например, на поселении Крахолевка-1 найден однолезвийный бронзовый нож [*Молодин, Глушков,* 1989, с.45, рис.18:3], имеющий прямые аналогии среди ножей типа НК-26 сейминско-турбинских бронз [*Черных, Кузьминых*, 1989, с. 106, рис. 61:14]. В жилище №1 этого же поселения найдена створка формы для отливки сейминско-турбинского кельта разряда К-6 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых.

В этом жилище так же присутствует некоторое количество керамики кротовской культуры. Следует отметить, что в настоящее время сейминско-турбинские бронзы в Западной Сибири, обоснованно связывают именно с этой культурой [*Молодин и др*., 2016]. О синхронности кротовской и самусьской культур можно судить и по находкам смешанной синкретической керамики с могильников Высокий Борок и Ордынское-1 [*Молодин, Дураков,* 2013, с. 99, рис. 19].

О синхронности видимо говорят и находки форм для отливки предметов сейминско-турбинского типа и на поселении Самусь-4. Например, кельт, отнесенный Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых к разряду К-40 [*Черных, Кузьминых*, 1989. с. 149. рис. 75, 4], по морфологическим признакам, шестигранный с выраженной трапециевидной фаской, и украшению по краю втулки пояском горизонтальных валиков, может быть отнесен к сейминско-турбинскому разряду К-6 [*Черных, Кузьминых*, 1989, с. 45, рис. 18. 1-10]. Кельт, отнесенный к самусько-кижировскому разряду К-44 [*Черных, Кузьминых*, 1989, с. 151, рис. 77: 5] имеет аналогию с кельтами из Турбино-1 разряда К-10 [*Черных, Кузьминых*, 1989, рис. 9:5]. Есть в турбинских материалах и аналогичная форма из Юльялы [*Черных, Кузьминых*, 1989, рис. 9:9]

Таким образом, в коллекции литейных форм самусьской культуры прослеживается группа предметов, предназначенная для отливки изделий сейминско-турбинского облика, что с одной стороны свидетельствует о синхронности самуся с культурам сейминско-турбинского

© Ермолович Н.Е., 2020

круга (в частности кротовской), с другой позволяет поставить вопрос о синхронности самусьско-кижировского и сейминско-турбинского типов бронзового инвентаря.

Библиографический список

Косарев М.Ф. Бронзовый век западной Сибири. М.: Наука,1981. 280 с.
Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука. Сиб.отдние,1989. 168 с.
Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи раннего металла могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2013. Т. 56. № 4. С. 84-101.
Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // Археология, антропология и этнография Евразии. 2018. С.49-58.
Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

MANIFESTATION OF THE SEIMIN-TURBINIAN TRADITIONS IN THE MATERIALS OF THE SAMUSI CULTURE (UPPER OB-OB)

N. Ermolovich

Novosibirsk State Pedagogical University, Новосибирск
nikitaermolovich1999@gmail.com

Academic supervisor – PhD I. Durakov

The article analyzes the materials of the monuments of the Samus culture: Krokhalevka-1, Samus-4. The material items of these monuments are traditionally attributed to the Samusko-Kizhirovsky cultural circle, however, their analysis revealed a group of objects of an earlier Seimin-Turbinian type. This allows the author to raise the question of the synchronism of the Samusko-Kizhirovsky and Seimin-Turbinian-type products.

Keywords: archeology of Siberia, the Bronze Age, the upper Ob region, the Seima-Turbino phenomenon, bronze foundry, the Samus culture, settlement complexes.

УДК 903

ГАРИНСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТ. ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО IX

С.П. Жижин

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
sidoprosport@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Е.Л. Лычагина
Научный консультант – специалист научного отдела ПГГПУ, Н.С. Батуева

В статье проводится типологический и технико-технологический анализ гаринской энеолитической керамики ст. Чашкинское Озеро IX, находящейся в окрестностях г. Березники Пермского края на восточном берегу Чашкинского озера. По фрагментам керамики из раскопок 2019 г. выделяется 9 сосудов. Результаты типологического анализа (слабая орнаментированность сосудов, отсутствие «шагающей гребенки», баночная форма сосудов) позволяют отнести керамику к позднегаринскому периоду. Технологический анализ показал, что в

© Жижин С.П., 2020

большинстве случаев использовалась жирная глина во влажном состоянии, к которой добавлялись дробленная раковина и органический раствор. Такой результат совпадает с результатами предыдущих исследований и подтверждает гипотезу об однородности гончарного производства среди носителей гаринской культуры.

Ключевые слова: Пермский край, Чашкинское Озеро IX, энеолит, гаринская культура, керамика, технико-технологический анализ.

Стоянка Чашкинское Озеро IX – это памятник эпохи неолита и энеолита, находящийся в окрестностях г. Березники (11,1 км к северо-западу от г. Березники) Пермского края на восточном берегу Чашкинского озера. Памятник располагается на первой надпойменной террасе. Стоянка была открыта в июле 2014 г. Е.Н. Митрошиным в ходе археологической разведки. Стационарные работы на памятнике велись в 2015, 2018 и 2019 гг. под руководством Е.Л. Лычагиной. Общая исследованная площадь памятника составляет 184 м^2. Находки со стоянки определяются в два разновременных комплекса: камский, волго-камский неолитический и гаринский энеолитический [*Лычагина,* 2015; *Лычагина,* 2018].

Гаринская археологическая культура является энеолитической культурой, распространенной по всему Прикамью, но наибольшая концентрация памятников наблюдается в устье р. Чусовой, в окрестностях Перми, Березников, Осы и Оханска. Датируется культура IV тыс. до н.э.–второй четвертью II тыс. до н.э. [*Выборнов и др.*, 2019, с. 37].

Форма гаринских сосудов полуяйцевидная с приостренным дном. Керамика с органическими примесями, что делает ее пористой и ломкой. Кроме прямостенных встречаются сосуды со слабоприкрытым или открытым горлом. Посуда в основном крупных размеров, диаметр по венчику 25–49 см. Внутренняя, а в некоторых случаях и внешняя поверхность сосудов обрабатывалась гребенчатым штампом. Венчики имеют округлую или приостренную форму. Под венчиками встречаются глубокие ямки, оставляющие на внутренней стороне так называемые «жемчужины». Орнамент, в основном, гребенчатый, ведущей формой которого является «шагающая гребенка». Реже встречается ямочный орнамент и ногтевидные нарезки [*Лычагина*, 2013, с. 88–90].

По фрагментам гаринской керамики памятника с раскопок 2018 г. было выделено семь сосудов. Для этих сосудов была характерна высокая степень хрупкости из-за выщелачивания раковины, слабая орнаментация исключительно гребенчатым штампом, уплощенная форма днищ. Технологический анализ сосудов показывал, что во всех случаях использовалась не запесоченная глина во влажном состоянии, к которой добавлялись дробленая раковина и органический раствор [*Лычагина,* 2018].

В последнее время исследователи приходят к выводу об однородности гончарного производства среди носителей гаринской культуры. Такое предположение кроме типологического сходства сосудов строится также на технико-технологическом анализе. Технико-технологический анализ выявляет, что при создании большинства сосудов в качестве исходного пластичного сырья использовались жирные глины, в основном во влажном состоянии, а в качестве искусственных примесей дробленая раковина или дробленая раковина с пресноводным моллюском. На основе этого исследователи предполагают «наличие одного центра формирования данной керамической традиции» [*Лычагина, Батуева*, 2018, с. 35; *Выборнов и др.*, 2019, с. 38].

Целью рассмотрения комплекса керамики гаринской культуры из раскопок 2019 г. являлось выявление ее соотношения с вышеуказанной гипотезой.

Признаком для определения фрагментов керамики из раскопок 2019 г. в гаринский керамический комплекс являлась пористость структуры. По венчикам, придонным частям и крупным стенкам было выделено 9 сосудов. Стоит также отметить, что некоторые фрагменты были соотнесены с сосудами из раскопок 2018 г.

Рассмотрение керамики проводилось посредством типологического и технико-технологического анализа.

Проведенный типологический анализ сосудов предполагал описание цвета, толщины стенок, формы венчика и орнамента.

Все сосуды имеют песочный цвет со светлыми, серыми или темными оттенками.

Все сосуды также являются тонкостенными: толщина стенок от 4 до 8 мм.

Форма венчиков разнообразна, но, к сожалению, фиксируется не у всех сосудов. У трех сосудов форма венчика прямая с уплощенным торцом, по которому у двух сосудов идет орнамент в виде оттиски гребенки. Два сосуда имеют прямой венчик с округленным торцом. У одного сосуда венчик уплощен и скошен внутрь.

У 7 сосудов орнамент представлен в виде оттисков гребенчатого штампа. На наиболее сохранившихся фрагментах этот орнамент идет рядом диагональных наклонных вправо оттисков гребенчатого штампа. У одного сосуда не наблюдается фрагментов с оттисками гребенчатого штампа, но имеется фрагмент с элементом ямочного орнамента.

Проведенный типологический анализ имеющихся фрагментов позволяет судить о слабой орнаментированности сосудов и об отсутствии «шагающей гребенки». Фрагменты плоских днищ с раскопок 2018 г. также указывают на баночную форму сосудов. Перечисленные признаки свидетельствуют о позднегаринском характере керамики [*Лычагина,* 2013, с. 92].

Рассмотрение технологии изготовления сосуда проводилось в рамках историко-культурного направления, созданного А.А. Бобринским. Это направление предполагает применение методики бинокулярной микроскопии, трасологии и физического моделирования [*Бобринский,* 1978].

Из-за чрезмерной фрагментарности и плохой сохранности сосудов анализ проводился только по двум элементам гончарной технологии: представлении об исходном пластичном сырье (ИПС) и рецептам формовочных масс (ФМ). Данные элементы предоставляют информацию только о подготовительной стадии гончарного производства в структуре гончарной технологии [*Бобринский,* 1999, с. 9–11].

Анализ показал, что во всех сосудах, кроме одного, в качестве ИПС использовались жирные глины во влажном состоянии. Лишь в одном сосуде в качестве ИПС фиксируется сухая глина в дробленном состоянии.

В качестве искусственных примесей в исследуемой керамике использовались дробленная раковина и органический раствор. Поэтому ФМ можно разбить на две группы. Первая группа «ИПС + дроб. раковина», фиксируется у пяти сосудов. Вторая группа «ИПС + дроб. раковина + органический раствор» отмечается у четырех сосудов.

Стоит отметить, что результаты аналогичны результатам анализа гаринской керамики памятника прошлых лет.

Таким образом, гаринский керамический комплекс, технологический анализ которого выявляет, что во всех случаях кроме одного в качестве ИПС использовалась незапесоченная глина во влажном состоянии, а в качестве искусственных примесей дробленная раковина и органический раствор, подтверждает гипотезу об однородности гончарного производства среди носителей гаринской культуры. При этом наличие сосуда, который не совсем вписывается в рамки гипотезы, т.к. у него в качестве ИПС фиксируется сухая глина в дробленном состоянии, а также учет того, что анализ велся только по двум элементам гончарной технологии, выявляют, что на данном этапе изучения гипотеза не может быть доказана и вопрос требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: кол. монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.

Выборнов А.А., Лычагина Е.Л., Васильева И.Н., Мельничук А.Ф., Кулькова М.А. Новые данные о периодизации и хронологии новоильинских, гаринских и борских памятников Прикамья // Вестник пермского университета. Серия история. Вып. 1 (44). Пермь, 2019. С. 34–47.

Лычагина Е.Л., Батуева Н.С. Результаты исследования нео-энеолитической керамики с гребенчатым орнаментом Чашкинского микрорегиона // Вестник пермского университета. Серия история. Вып. 1 (40). Пермь, 2018. С. 31–43.

Лычагина Е.Л. Отчёт о раскопках стоянки Чашкинское Озеро *IX в* городском округе г. Березники Пермского края в 2018 году. *Пермь, 2019. Архив МАЭ ПГГПУ.*

Лычагина Е.Л. Отчёт о раскопках стоянки Чашкинское Озеро IX в пригороде г. Березники Пермского края в 2015 году. Пермь, 2015. Архив МАЭ ПГГПУ.

Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. Пермь: Б.и., 2013. 120 с.

GARINSKAYA CULTURE'S CERAMIC COMPLEX OF THE CHASHKINSKOYE LAKE IX SITE

S. Zhizhin

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
sidoprosport@mail.ru

Academic supervisors – PhD E. Lychagina, N. Batueva

The article makes the typological analysis and the technical and technological analysis of the Garinskaya culture's ceramic complex, which locates on Chashkinskoye Lake IX site. Nine vessels are distinguished according to the fragments of pottery from the excavations of 2019. Results of the typological analysis allow to attribute pottery to the late stage Garinskaya culture's chronological period. Technological analysis revealed that most Garinskaya culture's potters used fat clay in the humid state, to which crushed shell and organic solution were added. Results of investigations confirm the hypothesis about the homogeneity of pottery production of Garinskaya culture.

Keywords: Perm region, Chashkinskoye Lake IX site, chalcolithic, Garinskaya culture, pottery, technical and technological analysis.

УДК 903.023

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ У НАСЕЛЕНИЯ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛАЯ БЕРЕЗОВАЯ-4

А.Д. Климова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск
klimova-anuta@rambler.ru

Научный руководитель – к.и.н. И.П. Алаева

В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики алакульской культуры поселения Малая Березовая-4, расположенного на территории Южного Урала. Исследование проведено в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским. В результате изучения сосудов выявлена устойчивость навыков труда на ступенях отбора исходного пластичного сырья, составления формовочных масс. Сравнение полученных результатов с данными по гончарным навыкам населения алакульской культуры Притоболья выявило различные традиции изготовления посуды единокультурных групп.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха поздней бронзы, алакульская культура, керамика, историко-культурный подход.

Вопрос характеристики локального своеобразия алакульской культуры на территориях Южного Урала и Нижнего Притоболья имеет длительную историю [*Сальников*, 1967; *Корочкова*, 2004; *Кузьмина*, 1994, 2008; *Матвеев* 1998].

В качестве локальных вариантов алакульской культуры исследователи выделяют алакульский, лесостепной, западноалакульский и кожумбердынский культурные компоненты. Данные различия установлены на основе морфологического анализа керамики [*Алаева*, 2015].

Цель данной работы – установить локальные особенности технологии изготовления керамики населения алакульской культуры в степной зоне Южного Зауралья на материалах поселения Малая Березовая-4. В работе использовался метод технико-технологического анализа керамики.

© Климова А.Д., 2020

Выборку составил 31 экземпляр сосудов алакульской культур из керамического комплекса многослойного поселения Малая Березовая-4, расположенного в степной зоне на левом берегу р. Гумбейки в Челябинской области [*Алаева*, 2014].

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1-3). Было выявлено применение одного вида исходного пластичного сырья (далее – ИПС) – ожелезненной слабозапесоченной глины.

Составление формовочных масс (ступень 4). В качестве органических примесей в состав формовочной массы добавлялся навоз жвачных животных и выжимка из него.

В качестве минеральных примесей использовались дресва тальковая и шамот. Удалось определить, что раздробленные и пошедшие на шамот сосуды были изготовлены из ожелезненных глин, к которым в качестве примесей добавляли тальк и органику.

По сочетанию различных искусственных примесей к ИПС были выделены 5 рецептов (Таблица 1).

Таблица 1. Рецепты формовочных масс сосудов алакульской культуры

Рецепты формовочных масс	**Количество сосудов**
Г + Т + ВН	13 (42%)
ОГ + Т + Н	12 (39%)
ОГ + Т	3 (10%)
ОГ + Т + Ш	1 (3%)
ОГ + Ш + О	2 (6%)
Всего сосудов:	31 (100%)

ОГ – ожелезненная глина; Т – дресва тальковая; Ш – шамот; ВН – выжимка из навоза; Н – навоз.

Информацию о конструировании начинов, полого тела и формообразовании сосудов (ступени 5-7) не удалось получить ввиду сильной фрагментированности материала. Лишь по нескольким фрагментам керамики выявлено использование лоскутов в качестве «строительных элементов».

Было выделено два способа механической обработки поверхностей (ступень 8) – заглаживание (74%) и лощение (26%).

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) достигалось путем их обжига в простых устройствах – кострищах или очагах.

Полученные аналитические данные свидетельствуют о достаточно единообразном комплексе с устойчивыми традициями отбора исходного пластичного сырья, составления формовочных масс, обработки поверхности сосуда и обжига. В качестве исходного пластичного сырья гончарами использовались исключительно ожелезненные глины. При составлении формовочных масс предпочтение отдавалось тальковой дресве в сочетании с различными органическими примесями (80,1 %). Рецепты с использованием шамота фиксировались по незначительному числу сосудов (от 3 до 6 %). На устойчивость традиции добавления к ИПС тальковой дресвы также указывает состав шамота, в котором зафиксирована данная примесь.

Алакульская культура на территории Южного Урала. Полученные данные в целом коррелируются с имеющимися результатами технико-технологического анализа керамики алакульской культуры поселений, располагающихся на территории Южного Урала. Гончарами поселения Мочище использовались так же исключительно природные глины. При сравнении основных искусственных примесей в формовочной массе алакульской керамики поселения Мочище, выделенных Н. П. Салугиной, обнаруживаются некоторые отличия: превалирующий рецепт «Т+Ш+О» (69%), «Т+О» (26%), «Ш+О» (4,3 %) [Григорьев и др., 2009].

В целом, технология изготовления алакульской керамики Малой Березовой-4 сходна с гончарными традициями населения поселения Чебаркуль III (в 350 км севернее от Малой Березовой-4). В качестве ИПС гончарами поселения Чебаркуль III использовались ожелезненные глины, чаще всего – слабозапесоченные (71%). Доминирующей традицией при составлении формовочных масс является добавление к ИПС тальковой дресвы (42,9 %) или

талька в сочетании с органикой (57,1 %). В отличие от керамики поселения Малая Березовая-4, на данном памятнике отсутствуют рецептуры с шамотом [Климова, 2019].

Алакульская культура на территории Нижнего Притоболья. Если обратиться к данным по технологии керамического производства алакульских комплексов Нижнего Притоболья то на уровне субстратных и приспособительных навыков мы увидим как схожие, так и различные традиции. По одному из наиболее долго изменяющихся (субстратных) навыков производства, а именно по представлению об ИПС, на памятниках данной территории выделяются две группы гончаров, использующих, соответственно, природную глину (от 0 % до 26,3 % от общего количества сосудов) и илистую глину (от 73,7 % до 100 %). Большое разнообразие отмечается на ступени составления формовочных масс: в качестве искусственных примесей фиксируются шамот, органика, реже – кальцинированная кость, дробленная раковина и дресва кварцевая. На основании наличия в составе шамота алакульских сосудов тальковой дресвы, использование которой является яркой гончарной традицией на Южном Урале, В.В. Илюшина предполагает, что миграция алакульского населения на территорию Притоболья могла происходить с Южно-Уральского региона [*Илюшина* 2012, 2014, 2019].

Следует отдельно отметить, что, несмотря на локальные различия в гончарстве, для разных территориальных групп алакульской культуры (Южный Урал, Нижнее Притоболье) присуща одна традиция конструирования начина в соответствии с донно-емкостной программой, а также использование лоскутов при изготовлении начина и полого тела сосуда.

Выводы. Таким образом, предварительные данные показывают определенную степень сходства технологии изготовления керамики у разных групп алакульского населения на Южном Урале (использование исключительно природных глин, превалирующие рецептуры формовочных масс с тальковой дресвой). Сопоставление полученной информации с технологическими особенностями изготовления алакульской керамики комплексов территории Нижнего Притоболья демонстрирует локальные различия. Для последних характерно использование двух видов ИПС: глин и илистых глин, большая вариативность рецептур и исчезновение талька, как доминирующей искусственной примеси. Эти обстоятельства, вероятно, могут свидетельствовать о процессах продвижения алакульских групп на данную территорию и о контактах с носителями иных гончарных традиций.

Библиографический список

Алаева И.П. Поселение Малая Березовая-4 // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. Астана: Издательство «Сарыарка», 2014. С. 161-172.

Алаева И.П. Территориальные группы памятников позднего бронзового века в степной части Южного Зауралья // Вестник Челябинского Государственного Университета. Выпуск 64. История. Челябинск, 2015. С. 9-15.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Салугина Н.П. Типология и технология изготовления керамики поселения эпохи поздней бронзы Мочище в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра. 2009. Вып. 2 (44). С. 40-43.

Илюшина В.В. Керамический комплекс алакульской культуры поселения Ук 3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №2 (17). С. 41-50. Илюшина В.В. Технология гончарного производства населения алакульской культуры поселения Нижнеингальское-3 в Нижнем Притоболье // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 47-59.

Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения алакульской и федоровской культур поселения Бочанцево 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. №2 (45). С. 36-48.

Климова А.Д. Формовочные массы керамики культур Южного Зауралья бронзового века (по материалам поселения Чебаркуль III) // LI Урало-Поволж. археол. студ. конф. (УПАСК, 5-8 февр. 2019 г.): Материалы всерос. (с междунар. участием) конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Курган: Изд-во КургГУ, 2019. С. 45-47.

Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. М.: ИА РАН, 2004. С. 202-214.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М.: МГП «Калина» ВИНИТИ РАН, 1994. 464 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.

Потемкина Т.М. Алакульская культура // Советская археология. 1983. №2. С. 13-33.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

POTTERY-MAKING TECHNOLOGY USED BY ALAKUL GROUPS OF THE MALAYA BEREZOVAYA-4 SETTLEMENT

A. Klimova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk
klimova-anuta@rambler.ru

Academic supervisor – PhD I. Alaeva

The article is devoted to the analysis of the technology of pottery production of the Alacul population of the settlement in the South Ural region. The analysis is made within framework of historical and cultural approach developed by A. A. Bobrinsky. The technical and technological analysis of the pottery revealed sustainability of potters' skills of selecting and preparing plastic feedstock and making molding mixtures. The comparison of the data with the technological information on pottery assemblages from the Lower Tobol region showed that the cultural groups had different traditions of pottery production.

Keywords: South Ural, the Late Bronze Age, Alakul culture, pottery, historical and cultural approach.

УДК 902/904

ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МЕЛКОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИТОБОЛЬЯ

Н.С. Кувакина

Тюменский государственный университет, Тюмень
kuvakina-99@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Ткачёв

Статья посвящена изучению зарождения мелкой пластики. Были рассмотрены особенности ее появления и возможное функциональное назначение в эпоху бронзового века на территории Притоболья.

Ключевые слова: мелкая пластика, глина, Притоболье, андроноидные культуры, мировоззрение, атропоморфные и зооморфные образы.

Основой для миропонимания человека в любое время служили различные предметы изобразительного и прикладного искусства. Существует особая группа археологических изделий – мелкая пластика, изучение которых поможет нам приблизится к пониманию мировоззрения древних людей. Предметы искусства отражали в той или иной степени пути осмысления окружающего мира и предназначались для передачи определенной информации. Многие исследователи неоднократно отмечали, что для человека древности вещи, выполненные своими руками, были тождественными природным, социальным явлениям и являлись носителями многообразной мифологической информации [*Косарев*, 2008, с. 173; *Молодин*, 1992, с. 35; *Мошинская*, 1976, с. 4; *Окладников*, 1971, с. 87]. В Притоболье подобные находки имеют единичный характер обнаружения и вызывают особый интерес у исследователей.

В научной литературе мелкая пластика была выделена в качестве отдельного вида изобразительного искусства в первой четверти XX в. [*Сучилина*, 2018, с. 75]. Одним из основных критериев отнесения предмета к данной категории является тот факт, что им можно обмениваться на разные территории, из чего вытекает второе название мелкой пластики –

© Кувакина Н.С., 2020

«мобильное искусство». Как одним из факторов выделения мелкой пластики можно считать размерность, предмет должен помещаться в сжатую ладонь человека [*Митина*, с. 118-119]. Особое положение мелкой пластики среди прочих археологических артефактов обусловлено тем, что она не несет в себе никакого очевидного практического значения. Отсюда вытекает третье название мелкой пластики – керамические изделия неутилитарного назначения [*Шалахов*, 2017, с. 255].

Мелкую пластику можно условно разделить на три категории предметов. Первая, это антропоморфные и зооморфные изображения. Вторая группа, это вотивные предметы, которые представляют собой модели чего-либо, имеющие сакральный смысл или жертвенное назначение. Третья, это не интерпретируемые изделия, не имеющие явного утилитарного назначения и обычно встречающиеся в единичном числе.

Появление глиняных фигурок, обычно связывают с проникновением на территорию Западной Сибири в середине III – начале II тыс. до н.э. носителей ямочно-гребенчатой керамики [*Ковалева*, 1995, с. 10; *Усачева*, 1998, с. 13]. При этом вариаций предназначения мелкой пластики достаточно много. Это могли быть: как бытовые предметы, функции которых вполне известны и понятны, так и сложно интерпретируемые изделия. Так как глиняная пластика изначально не была доминирующей, использовались изображения из кремния, кости, дерева и выбор конкретного материала для каждой категории был обусловлен культурной традицией и функцией предмета [*Студзицкая*, 2018, с. 243]. Встречается версия о том, что традиция изготовления мелкой пластики была унаследована вследствие интерпретации тех или иных образов древнейших времен [*Усачева,* 1998, с. 9]. Это могли быть совершенно разные образы, так, например, мелкая пластика, найденная благодаря экспедиции на Андреевское озеро, было выявлено 10 глиняных предметов, 7 из которых было сложно интерпретировать, поэтому мы рассмотрим 3 наиболее понятных нам предмета: изображение птицы, медведя и змеи.

В ходе проведенного исследования выяснилось, что глиняная фигурка птицы с поселения ЮАО-XV (раскопки Л.А. Дрябиной, 1982 г.). Фигурка была обнаружена в заполнении жилища №7, в слое с отступающе-накольчатой керамикой эпохи раннего неолита [*Дрябина*, 1993, с. 7]. Выполнена она достаточно небрежно, поверхность изделия почти не заглажена. Ближе всего, судя по вытянутым пропорциям тела изображение птицы стоит отнести к водоплавающим – утка [*Усачева*, 1998, с. 106]. Традиция изображения водоплавающих птиц восходит к эпохе верхнего палеолита. Если ранее птиц изображали летящими или сидящими и крайне редко плывущими [*Абрамова*, 1962, с. 55], с этого времени излюбленным становится мотив плывущей птицы. Массовость изображений в энеолите, подчеркнутое внимание к значимому для древних охотников признаку – умению птицы плавать – отражают факт ее возросшего промыслового значения. Некоторые исследователи относят фигурки птиц к древнейшим тотемам [*Токарев,* 1964, с. 61; *Соколова*, 1972, с. 63-79].

Также интересно изображение головы медведя. Манера изготовления весьма лаконична: выведена только общая форма головы, слегка намечены выступами уши и немного асимметричный нос. Сбоку на голове имеется округлое несквозное отверстие диаметром 2,5 мм. Изделие сохранилось не полностью: частично утрачена нижняя часть, чуть повреждены кончики ушей и носа. В эпоху бронзы происходит трансформация медвежьего культа, новое отношение к медведю фиксируется в культурах, начавших практиковать производящие формы хозяйства. Прямых аналогий данному изображению нет, однако, то что оно является именно глиняной пластикой, обычно увязывают с сосудами [*Усачева*, 1998, с. 120]. Также, характер слома (он занимает только половину нижней плоскости головки) позволяет с определенной долей вероятности и нашу фигурку считать не самостоятельной скульптурой, а именно рельефным налепом на каком-то изделии, скорее всего, керамическом сосуде.

Змея, обнаруженная на Андреевском озере на поселении VIII пункт, отличается своей не каноничностью (раскопки И.В. Жилиной, 1981 г.). Данное изображение интерпретируют по-разному, как изображение тотема [*Пелих*, 1980, с. 62-63], и как оберег, и как символ женского начала [*Головнев,* 1995, с. 523-524]. Это может говорить о том, что скульптурные изображения являются конкретным проявлением мировоззренческих аспектов древнего населения.

У традиций изготовления мелкой пластики есть достаточно большая история, которая восходит к неолиту, позднее наблюдается у носителей андроновских традиций, например, в виде глиняных игральных кубиков. Постепенно она трансформируется, распространяясь при этом на территорию Притоболья и в связи с мифологическими образами начинается изготовление антропоморфных и зооморфных фигурок андроноидных культур, таких как сузгунская, пахомовская и бархатовская.

Временно почти прекратившись в андроновский период, данная традиция вновь получила новый виток развития в период поздней бронзы, что связано с двумя факторами: природно-климатическим, выразившийся в отсутствии качественного сырья и началом активного использования глины, и мировоззренческий – изготовление конкретных образов, находивших отражение в верованиях людей того времени.

Библиографический список

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. 1962. 85 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 600 с.

Дрябина Л.А. Глиняная скульптура Андреевского озера // Художественный музей: Коллекции, культура края: Материалы региональной конференции Тюмень, 1993. С. 7-8.

Ковалева В.Т. Энеолит Среднего Урала: Андреевская культура. Екатеринбург: Урал. Ун-т. 1995. 62 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания М.: издательский центр «СЛАВА!», ООО «Форт-профи», 2008. 416 с.

Митина М.Н. Мелкая пластика в контексте мировой художественной культуры: терминологические особенности и роль в искусстве и жизни человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №11(85). Тамбов: Грамота, 2017. С. 118–121.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 190 с.

Мошинская В.И. Древнейшая скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.

Окладников А.П. Искусство неолитических племен Сибири // История искусства народов СССР. М., 1971. Т. 1. С. 86-96.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 70 с.

Соколова З.П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 213 с.

Студзицкая С.В. Стилистические особенности антропоморфной мелкой пластики лесной Евразии в эпоху неолита и бронзы // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Государственный Эрмитаж. 2018. С. 240-243.

Сучилина Н.Ю. Проблемы изучения мелкой глиняной пластики каменного и бронзового веков Зауралья и Западной Сибири // XXI уральское археологическое совещание. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. 364 с.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М.: Изд-во Политической литературы. 1964. С.612.

Усачева И.В. К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита-бронзы оз. Андреевского Тюменской обл.) // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург: УрГУ, 1998. С. 105-134.

Шалахов Е.Г. Находки керамических изделий неутилитарного назначения на древних поселениях Волго-Ветлужского междуречья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №12. Тамбов: Грамота, 2017. С. 255-257.

THE ORIGIN OF THE TRADITION OF MAKING A SMALL CLAY PLASTIC IN BASIN OF THE TOBOL RIVER TERRITORY

N. Kuvakina

Tyumen state University, Tyumen
kuvakina-99@mail.ru

Academic supervisor – PhD A. Tkachev

The article is devoted to the study of the origin of mobilliary art. The features of its appearance and possible functional purpose in the Bronze Age in basin of the Tobol river.

Keywords: basin of the Tobol river, mobilliary art, Andronoid cultures, belief system, zoomorphic and anthropomorphic representations.

УДК 902/904(571)

ПОГРЕБЕНИЯ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПРИЗНАКАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ)

А.А. Ларочкин

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
koshara-mac-dak@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. И.А. Дураков

В статье анализируются погребальные комплексы эпохи ранней бронзы с признаками профессиональной принадлежности погребенных. На основании анализа погребального инвентаря выделяются погребения вещевой комплекс которых указывает на специфический вид деятельности умерших. К таким материалам относятся предметы бронзолитейного дела, вооружение, а также изделия связанные с религиозной ритуальной практикой. В материалах одиновской культуры автором выделено не менее 2 погребений с литейным инвентарем. 5 могил с престижными видами вооружения. Причем оружие находилось как в мужских, так в женских и детских погребениях. К погребениям «служителей культа» можно отнести 4 могилы. Ритуальные артефакты обнаружены в могилах обоих полов.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, одиновская культура, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь, погребальный обряд, гендерный аспект.

Одиновская культура выделена в 2008 г. академиком В. И. Молодиным на основе сравнительного анализа керамических комплексов с памятника Марково-2 и могильника Сопка-2 с материалами памятника Тартас-1 [*Молодин,* 2008]. Хронологические рамки культуры ограничиваются первой половиной III-го тыс. до н. э. Территория распространения включает в себя весьма обширную область – Барабинскую лесостепь и Восточное Зауралье.

На данный момент в Барабе обнаружено и исследовано несколько одиновских памятников. Это поселения Старый Тартас-5, Марково-2, а также некрополи Сопка-2, Преображенка-6, Тартас-1, Абрамово-11 и Усть-Тартас-2. Всего известно 294 погребения. Следует отметить, что в научный оборот этот материал введен не полностью. Основу нашего исследования составляет опубликованный массив погребений с могильников Сопка-2 и Абрамово-11. Материалы с трех других некрополей опубликованы частично.

В III-II тыс. до н. э. практически на всей территории Евразии во многих культурах (катакомбная, абашевская, одиновская, кротовская) начинается освоение бронзолитейного дела. По мере его развития, внутри общества начинают выделяться обособленные группы кузнецов-литейщиков. В результате подобного отделения в погребальных обрядах изменяется вещевой комплекс.

По мнению некоторых исследователей [*Бочкарев,* 1978], первыми захоронениями с признаками профессиональной принадлежности являются могилы кузнецов-литейщиков, которые появились уже в III тыс. до н. э. В качестве устойчивого признака такие погребения появляются на территории Западной Сибири у носителей кротовской культуры [*Кравченко,* 2019].

Так, в погребении № 286 на памятнике Тартас-1 рядом с телом захороненного мужчины находился тигель, в виде плоскодонной цилиндрической чашечки, Подобный тип тиглей был зафиксирован на одиновском поселении Старый Тартас-5. Найденные на поселении тигли

© Ларочкин А.А., 2020

предполагают выход около 57 куб. см металла, что может говорить о развитой металлургии [*Молодин, Нестерова, Мыльникова*, 2014, с. 114]. Также на памятнике Усть-Тартас-2 зафиксированы захоронения с фрагментами технической керамики.

Помимо литейного в ряде одиновских могил встречается и воинский инвентарь сейминско-турбинского типа. На памятнике Преображенка-6 были найдены четыре предмета: два наконечника копья (один в мужском погребении № 24) и два кельта, эти три предмета зафиксированы в пашне и не имеют привязки к определенным захоронениям. Еще один кельт был найден в могиле № 487 могильника Тартас-1. Артефакт располагался рядом с ногой умершего. На памятнике Сопка-2 в могиле № 518 рядом с пожилым мужчиной зафиксирован бронзовый кинжал плохой сохранности [*Ларочкин,* 2019]. Бронзовые предметы вооружения могли служить не только по своему прямому назначению, но и указывать на высокий социальный статус умершего.

Кроме бронзового присутствовало оружие из кости и камня. К нему относятся наконечники стрел, булава. Следует заметить, что вооружение в целом использовалось как мужчинами, так и женщинами. Всего из 26-ти скелетов, при которых найдено оружие 10 из них являются мужскими, а 4 – женскими [*Ларочкин,* 2019, с. 95]. Видимо в одиновской культуре начинали зарождаться традиции наследования профессиональной принадлежности воинского характера. Так, в детской могиле № 583 памятника Сопка-2 в единственном экземпляре найден предмет защитного вооружения – пластина доспеха чешуйтатого типа. Возможно, что в III тыс. до н. э. начинают формироваться социальные группы, все члены которой с самого рождения были связаны с военным делом [*Ларочкин,* 2019. с. 96].

В массиве одиновских погребений можно выделить группу могил, содержащих изделия культового назначения.

К сакральным предметам можно отнести булаву из могилы № 178 могильника Сопка-2 [*Молодин,* 2012, с. 154] Артефакт находился в парном захоронении мужчины и женщины, рядом с правым коленом последней. С позиций семантики, булава могла помимо оружия быть еще и предметом власти, а также иметь сакральное значение.

На Сопке-2 и Преображенке-6 были найдены роговые жезлы, выполненные в форме головы птицы. Примечательно, что два жезла на двух памятниках зафиксированы в коллективных погребениях у мужчин, а третий жезл на Сопке-2 обнаружен в женской могиле. Еще одним ярко выраженным предметом для сакральных действий является подобие маски, обнаруженное на памятнике Усть-Тартас-2 в могиле № 38. На черепе мужчины лежало изделие, изготовленное из кожи, дерева и бронзы, выкрашенное в красный цвет и имеющее отверстие для глаз.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в III тыс. до н. э. на территории Барабинской лесостепи начали складываться социальные группы, внутри которых люди, по всей видимости, с момента рождения были связаны с профессиональной деятельностью (литейщики, воины, жрецы). Гендерно-возрастные характеристики показывают, что в одиновское время специфические виды деятельности могли осваиваться не только мужчинами (литейщики), но и еще женщинами наряду с первыми (воины, жрецы).

Библиографический список:

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Л.: Наука, 1978. С. 48-53.

Кравченко И.А. Погребения кротовской культуры с признаками профессиональной принадлежности (гендерный аспект проблемы) // Археология: Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 51 – 52.

Ларочкин А.А. Комплекс вооружений одиновской культуры (По материалам памятников Барабинской лесостепи) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хэйхэ, 8 – 12 апреля 2019 г. Благовещенск: БГПУ, 2019. С. 95 – 96.

Ларочкин А.А. Проявление сейминско-турбинских традиций в эпоху ранней бронзы в Западной Сибири (одиновская культура) // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М.: ИА РАН, 2019. С. 65 – 67.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 9-13.
Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 220 с.
Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестник НГУ. Серия: История Филология. Новосибирск: НГУ, 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 110-124.

BURIALS OF THE ODINO CULTURE WITH SIGNS OF PROFESIONAL AFFILIATION (GENDER ASPECT OF THE PROBLEM)

A.A. Larochkin

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk
koshara-mac-dak@yandex.ru

Academic supervisor - PhD I. Durakov

The article analyzes the burials complexes of the early Bronze Age with signs of professional affiliation of the buried. On the basis of the analysis of the burial equipment, stand out graves in which clothing complex indicates a specific type of activity of the deceased. Such materials include items of bronze foundry, weapons, as well as items related to religious ritual practice. In the materials of the Odino culture, the author singled out at least 2 burials with foundry equipment. 5 graves with prestigious weapons. Moreover, the weapon was in both male, female and children`s burials. The burials of «worshipers» include 4 graves. Ritual artifacts are found in the graves of both sexes.

Keywords: archaeology, Bronze Age, the Odino culture, the Baraba Forest-steppe, Western Siberia, funeral rite, gender aspect.

УДК 902.2.351.853

ТЯТЕР-АРСЛАНОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ II – ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ
(МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ)

Н.М. Мавлютова, Д.В. Надолько

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа
nuramavlyutova@gmail.com
nadolko.99@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. Г.Т. Обыденнова

Представлены результаты полевых и лабораторных работ по исследованию поселения бронзового века Южного Приуралья. В 2017 г. археологической экспедицией БГПУ им. М.Акмуллы (рук. д.и.н, проф. Обыденнова Г.Т.) были произведены археологические раскопки Тятер-Арслановского II поселения в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан. Исследование проводилось в рамках научной темы «Поселенческие памятники бронзового века в Башкирском Предуралье». Главной целью данных полевых работ было изучение памятника, находящегося под угрозой естественного разрушения. На месте видимых жилищных впадин был заложен раскоп общей площадью 120 кв. м. Характеристика полученного материала представлена в данной статье.

© Мавлютова Н.М., Надолько Д.В., 2020

Ключевые слова: Южное Приуралье, Республика Башкортостан, Тятер-Арслановское II поселение, срубная культура, бронзовый век.

В 2017г. археологической экспедицией Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы под руководством профессора Г.Т. Обыденновой были начаты охранные раскопки Тятер-Арслановского II поселения эпохи бронзы, расположенного в Стерлибашевском районе республики Башкортостан. Данная территория относится к степной зоне Предуральской подзоны и в геоморфологическом отношении принадлежит Бугульминско-Белебеевской возвышенности [*Атлас Республики* …, 1992]

Поселение расположено в 360 м от одноименной деревни на северной окраине, на низком правом берегу р. Тятер, правого притока р. Дема, на округлом мысу, образованном рекой Тятер в Стерлибашевском районе Республики Башкортостан. При этом южная часть мыса ежегодно размывается рекой, площадка памятника используется под выпас скота, что ведет к активному разрушению археологического объекта.

Памятник был открыт в 1970 г. А.Х. Пшеничнюком. При осмотре объекта на поверхности в центре мыса были отмечены две впадины овальной формы, которые имели размеры: 15х12 м (впадина №1) и 30х15 м (впадина №2), глубиной 0,3-0,6 м. На поверхности мыса собрана коллекция фрагментов керамики срубной культуры [*Пшеничнюк*, 1970. с. 3; АКБ № 873. с. 111]. Позднее памятник был осмотрен В.С. Горбуновым, собран подъемный материал – 120 фрагментов керамики, 33 камня и 59 костей животных, обломок костяного псалия, изготовленного из расколотой трубчатой кости животного [*Горбунов,* 1989 с. 29]. В 2008г. М.С. Чаплыгиным в ходе разведки в Стерлибашевском районе РБ была отмечена сильная степень разрушения южного края площадки Тятер-Арслановского поселения со стороны р. Тятер, и использование ее под пастбище для выгона скота [*Чаплыгин*, 2008 с. 13].

В 2017г. были начаты стационарные работы на памятнике. В связи с сильным разрушением южного края площадки поселения, и слабой фиксацией западного края впадины (№1), была принята стратегия изучения около жилищного пространства, чтобы не нарушить западную границу впадины. На расстоянии 29 м от западного края мыса в направлении на восток и в 1,5м от южного края мыса на север, был разбит участок 1 Раскопа 1 по линии юг-север, размером 12×2 м., общей площадью 24 кв. м. После определения насыщенности и характера культурного слоя участка 1 Раскопа 1, было принято решение о его расширении в виде прирезки участка 2 Раскопа 1. Его общая площадь составила 96 кв. м. Общая площадь раскопа составила 120 кв. м. Мощность культурного слоя составила 64-100 см.

В ходе работ на участке 2 Раскопа 1 в квадрате 24 участка 2 на глубине 80 см от современной поверхности было отмечено пятно темного цвета подпрямоугольной формы, размерами 200×80 см, (яма № 1). Восточный край ямы уходит под восточную стенку раскопа. Глубина ямы составила 20 см от уровня зачистки 4-го горизонта. При выборке заполнения ямы №1 были отмечены фрагменты керамики и кости животных. При зачистке дна ямы № 1, в западной стенке зафиксированы 3 столбовые ямки (№ 2, 3, 4). Ямки № 2, и 4 имели диаметр 20 см, и глубину 12 и 6 см соответственно. Ямка № 3 имела диаметр 24×26 см, глубину 19 см. У юго-восточного края ямки № 3, на уровне материка ямы № 1 расчищен камень размером 10×7×6 см, который на 4 см уходил в заполнение ямки. Других находок в заполнении не отмечено.

На участках 1 и 2 Раскопа 1 было зафиксировано 31 местоположение камней как одиночных (23), так и скоплений (8) разного объема. Данные местоположения камней начали фиксироваться на уровне 2-го горизонта и заканчивались на 4–5-ом горизонтах. По горизонтам местоположения камней распределялись следующим образом: на горизонте 2 – 6, на горизонте 3 – 20 и на горизонтах 4–5 – 5 местоположений камней. Размеры камней от 7×13см до 15×25 см. Системное расположение камней разрешает предположить, что они являются частью общей каменной кладки.

В ходе исследования Тятер-Арслановского II поселения было получено 2047 единиц находок, из них 580 фрагментов керамики, 493 ед. камней и галек, 14 кусочков обожженной глины, 10 индивидуальных находок, 10 единиц находок, включающих ракушки, кусочки охры.

Керамическая коллекция поселения представлена фрагментами керамики срубной культуры горшечной и баночной форм, изготовленной ленточным способом. В ходе

лабораторной обработки керамической коллекции по венчикам было выделено 120 сосудов. Основная масса фрагментов коричневого, бурого и темно-серого цвета, что свидетельствует о неравномерности обжига. Характерная толщина стенок – 0,5-1см. Процент орнаментированной керамики составляет 23 %, от общего количества керамической коллекции. Значительная часть коллекции фрагментарна, и выстроить целостные орнаментальные композиции достаточно затруднительно.

При этом характерными элементами керамической коллекции являются: ямки округлой и овальной формы, насечки клиновидной, каплевидной, листовидной, овальной, ногтевидной формы, однорядный, двурядный и многорядный зигзаг, линии, реже – ромб и крест. Преобладающей техникой в оформлении орнамента коллекции является зубчатый штамп, ямочная и резная техники. Наиболее частым сочетанием техник нанесения орнамента данной коллекции являются – насечка и зубчатый штамп; зубчатый штамп и резные линии. Отмечены единичные фрагменты, выполненные уголковой техникой и один фрагмент, выполненный оттиском трубочкой.

В целом, керамическая коллекция Тятер-Арслановского II поселения однородна и относится к срубной культуре развитого этапа, что аналогично кругу памятников срубной культуры Южного Приуралья.

Индивидуальные находки представлены: фрагментом точильного камня со сквозным отверстием, точильным бруском из песчаника, глиняным (1) и костяными (2) пряслицами, орудием из ребра животного, закругленного с двух концов, каменным пестом трапециевидной формы, обломком заготовки наконечника стрелы из сланца, двумя фрагментами бронзового ножа.

Основной остеологический материал представлен остатками костей домашних животных. Они составляют 98,6%. Преимущественно это останки крупного рогатого скота, а также овец, коз, лошадей, домашней свиньи. На многих единицах отмечены следы механического воздействия. Основная масса обломков (более 60%) образовалась при разделке и пищевой утилизации мясных кусков. При этом обращает на себя внимание достаточно высокий процент (более 30%), среди неопределимых остатков, удлиненные, вытянуто-трапециевидные обломки со сравнительно ровными краями. Такие обломки костей образуются при естественном их разрушении на дневной поверхности. Подобная фрагментация, скорее всего, была уже вторичной, т.е. естественному разрушению подвергались уже расколотые кости – пищевые отходы, однако это говорит о том, что кости достаточно долго находились на дневной поверхности. Наибольшую долю в общем объеме использованной мясной продукции занимает крупный рогатый скот – 83,6%. На конину приходится 9,7%, а на мясо мелкого рогатого скота всего 5,9% от общего объема использованной в пищу мясной продукции (опред. Сулейманова Р.Р. – д.б.н.). Обращает на себя внимание неравномерность распределения в материале костей разных отделов скелета. Основная доля приходится на кости, происходящие от наиболее ценных в пищевом отношении частей туши. Таким образом, можно говорить об избирательном накоплении костей, происходящих от наиболее мясных отделов туш. Это может указывать на избирательность в пище, либо на то, что забой и разделка животных на данных участках не производилась.

Имеющийся материал останков диких животных не позволяет говорить о какой-либо роли охоты в жизни населения, оставившего памятник.

В целом, принадлежность костных останков подтверждает мнения о примерном составе стада срубных племен Приуралья [*Обыденнов, Обыденнова,* 1992].

Таким образом, Тятер-Арслановское II поселение входит в круг памятников срубной культурно-исторической общности Южного Приуралья и датируется третей четвертью II тыс. до н.э., что соотносится с развитым этапом срубной культуры. Полученный результат начального этапа исследования ставит задачу дальнейшего изучения археологического объекта.

Библиографический список

Атлас Республики Башкортостан под ред. Рождественского, Уфа, 1992. 656с.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989. 134с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара. 1992 г., 11 п.л.
Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Памятники бронзового века Южного Урала. – Уфа.1996, 102с.
Пшеничнюк А.Х. Отчет о проведении разведочных работ в Аургазинском, Стерлибашевском и Федоровском районах Башкирской АССР в 1970 г.
Чаплыгин М.С. Научный отчет об археологических исследованиях Бахчинского курганного могильника в Стерлибашевском районе республики Башкортостан в 2008 году // Архив ИА РАН // Уфа, 2009.

TYATER-ARSLANOVA SETTLEMENT II - A MONUMENT OF THE BRONZE AGE IN THE SOUTH URALS (MATERIALS OF PRELIMINARY STUDY)

N. Mavlyutova, D. Nadolko
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa
nuramavlyutova@gmail.com, nadolko.99@mail.ru

Academic supervisor – professor G. Obydennova

Are present the results of field and laboratory studies on the Bronze Age settlement of the Southern Urals. In 2017 archaeological expedition BSPU named after M. Akmulla (Doctor of History, Professor G. Obydennova under direction) were carried archaeological excavations of the Tyater-Arslanova settlement II out in the Sterlibasheva district of the Republic of Bashkortostan. The study was carried out as part of the scientific theme "Bronze Age Settlement Monuments in the Bashkir Urals" The main objective of these field works was to study the monument, which is under the threat of natural destruction. An excavation with a total area of 120 square meters was laid at the site of visible housing pits. The characteristics of the material obtained are presented in this article.

Keywords: Southern Urals, Republic of Bashkortostan, Tyater-Arslanova settlement II, log culture, Bronze Age.

УДК 902/904

ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ОБРАБОТКИ КАМНЯ В ГАРИНСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО IX)

М.С. Накарякова
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
nakaryakova-99@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Е.Л. Лычагина

В статье рассматривается каменный инвентарь стоянки Чашкинское озеро IX, сравниваются коллекции Чашкинское озеро IX 2018 и 2019 гг., технологии обработки каменных изделий в энеолите, анализируется их специфика. Также проводятся аналогии с другими археологическими памятниками Предуралья.

Ключевые слова: энеолит; каменный инвентарь, стоянка, технология обработки, тепловая обработка.

Работа посвящена исследованию энеолитического комплекса стоянки Чашкинское озеро IX, анализу каменного инвентаря из раскопок 2018 и 2019 гг.

© Накарякова М.С., 2020

Энеолит является переходным периодом от каменного века к эпохе бронзы. Энеолит Среднего Предуралья современными исследователями датируется концом IV – серединой II тыс. до н.э.

В Среднем Предуралье выделено 3 археологические культуры, относящиеся к этому времени. Это – новоильинская, борская и гаринская археологические культуры. В нашем случае речь пойдет о гаринской культуре.

Изучение гаринской культуры началось в 1920-30-ые гг. А.В. Шмидтом и Н.А. Прокошевым и было продолжено в 1950-ые гг. О.Н. Бадером [*Лычагина,* 2013, с. 39].

Сегодня эта культура датируется второй половиной IV тыс. до н.э.– второй четвертью II тыс. до н.э. Характеристика гаринской культуры: в каменном инвентаре преобладали такие формы орудий как ножи с пуговкой, наконечники стрел, оселки, овальные скребки, проколки, сверла, резаки, короткие шлифованные тесла, желобчатые долота, топоры симметричной формы, молоты с перехватами [*Мельничук,* 1990, с. 144].

Для их изготовления активно использовалась техника краевой ретуши, которая локализуется по краю заготовки, мало изменяя её контур [*Деревянко,* 1994, с. 158]. Также широко представлены находки с двусторонней (бифасиальной) обработкой – техника, которая предполагает обработку каменных орудий с двух сторон [*Тарасов,* 2006, с. 74-85]. Бифасиальная обработка тесно связана с тепловой обработкой. Признаками тепловой обработки являются: глянцевый блеск на сколе, наличие блестящей поверхности последних сколов и матовой «преповерхности» сколов до тепловой обработки на одном предмет [*Карманов,* 2015, с. 313–324].

Применялась отжимная ретушь (особенно при изготовлении ножей и наконечников стрел) – техника обработки каменных орудий, при которой тонкие чешуйки отделяются при помощи костяных, деревянных или каменных инструментов [*Брей, Трамп,* 1990, с. 182].

Коллекция, собранная в результате исследований 2018 г., состоит из 2295 изделий из камня, 86 из которых являются орудиями. Коллекция 2019 года состоит из 1012 изделий из камня, 91 из которых являются орудиями.

Наиболее крупными категориями орудий представлены скребки, наконечники стрел, оселки, ножи,

Сравнивая коллекции раскопок 2018 и 2019 гг., можно сделать следующие выводы.

Скребки из коллекции 2018 года изготовлены из кремня разных цветовых оттенков на отщепах или на сколах. Размеры большинства заготовок не превышают 3 см. Для оформления лезвия орудий использовалась краевая ретушь. Следов тепловой обработки не обнаружено. Большинство скребков обработано дорсальной крутой (8 экз.) и полукрутой (3 экз.) ретушью. По форме лезвия они делятся на концевые (8 экз.), веерообразные (3 экз.), выемчатые (2 экз.) и другие. Подобные формы скребков могли существовать как в неолите, так и в энеолите.

Скребки из коллекции 2019 года также изготовлены из кремня разных цветовых оттенков на отщепах, сколах и пластинах. Размеры большинства заготовок не превышают 2,5 см. Следов тепловой обработки не обнаружено. Большинство скребков обработано дорсальной ретушью (14 экз). По форме лезвия они делятся на концевые (12 экз.), веерообразные (11 экз.), стрельчатые (2 экз.) и другие. Подобные формы скребков могли существовать как в неолите, так и в энеолите.

Таким образом, скребки из коллекции 2019 года несколько меньше по размерам экземпляров из коллекции 2018 года.

Наконечники стрел из коллекции 2018 года представлены 4 целыми формами, 3 обломками острия и 7 основаниями. Для их изготовления использовался кремень высокого качества разных цветовых оттенков (в том числе 6 изделий из сургучного кремня). Длина целых орудий варьирует в пределах 2-3,5 см. К средним, чья длина около 3 см, можно отнести только 3 экз. Почти все орудия имеют бифасиальную обработку, основания усечены, у половины орудий – вогнуты. Основные формы орудий: пятиугольные и подтреугольные с одним или двумя шипами (в случае вогнутого основания). Тепловая обработка была обнаружена на 6 экземплярах.

Наконечники стрел из коллекции 2019 года представлены 9 целыми формами, 2 обломками острия и 1 основания. Для их изготовления использовался кремень, халцедон и

кремнистый сланец высокого качества разных цветовых оттенков. Длина целых орудий варьирует в пределах 1,6-3,2 см. К средним, чья длина около 3 см, можно отнести только 3 наконечника. Почти все орудия имеют бифасиальную обработку, основания усечены, у половины орудий – вогнуты. Основные формы орудий: пятиугольные и подтреугольные. Из общего ряда выбивается один наконечник, он относится к неолиту, в то время как остальные составляют общую серию и относятся к гаринской культуре. Следы тепловой обработки были обнаружены на 1 экз.

Таким образом, наконечники из коллекции 2019 года изготовлены из разнообразного сырья, меньших размеров, а также представлены единичным атипичным для гаринской эпохи экземпляром.

Ножи из коллекции 2018 года были изготовлены из темного и сургучного кремня. У большинства орудий лезвие обработано с двух сторон. Размеры рабочих поверхностей не превышают 3,0 см. Следы тепловой обработки были обнаружены на двух ножах.

Ножи из коллекции 2019 года изготовлены из серого кремня. Обработаны двухсторонней ретушью. Размеры рабочих поверхностей варьируются от 3,0 до 6,1 см. Следов тепловой обработки не обнаружено.

Ножи из коллекции 2019 года больше по размерам, изготовлены все из одного сырья, а также не имеют следов тепловой обработки, но на некоторых экземплярах из коллекции 2018 года следы тепловой обработки присутствуют.

Оселок – точильный камень. Применялся для доводки вручную поверхностей и режущих кромок инструментов после заточки. Большинство изделий имело подпрямоугольную форму. Всего было найдено 22 экз. в 2018 году и 6 экз. в 2019 году.

Таким образом, большинство орудий из коллекций 2018 и 2019 гг. были изготовлены из кремня различных цветовых оттенков, также использовались халцедон и кремнистый сланец. К основным приёмам обработки относятся: бифасиальная обработка, краевая ретушь, а также техника шлифования. Наконечники, скребки, ножи и оселки являются основными типами орудий, характерными для коллекций раскопов 2018 и 2019 гг. Однако количество орудий конкретного типа неодинаково. Размеры наконечников из коллекций 2018 и 2019 гг. различаются: длина наконечников из коллекции 2018 гг. составляла 2-3,5 см, а из коллекции 2019 г – 1,6-3,2 см. Средняя длина скребков из коллекции 2018 гг. – 3 см, а 2019 – всего 2,5 см. Таким образом, экземпляры из коллекции 2019 г. меньше экземпляров из коллекции 2018 г. Также мы зафиксировали большое разнообразие в техниках обработки, что соответствует описанию гаринской культуры.

Сравнивая каменный инвентарь стоянки Чашкинское озеро IX с материалами других памятников гаринской культуры Прикамья, было выявлено несколько аналогий. Так стоянка Чашкинское озеро IX и поселения Забойное I, Новоильинское II, Бойцовское IV имеют практически идентичные коллекции каменных орудий труда. Для них характерны: наконечники стрел с усечённым основанием, ножевидные пластины, отщепы, ножи, долота, топорики, молоты с перехватом, грузила из простой гальки, терочники [*Бадер,* с.85; 2, с. 99].

Библиография

Бадер О.Н. Поселение Забойное I // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции института археологии академии наук СССР. Вып.1. Т.I. 1959. – 214 с.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. — 368 с: ил.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 228с.

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на средней Вычегде // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 313–324.

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня в неолите крайнего северо-востока Европы // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. №3. С. 22-42.

Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья: учебное пособие/авт.-сост. Е.Л. Лычагина; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь. 2013. – 120 с.

Мельничук А.Ф. О памятниках борского типа в Прикамье.// Энеолит лесного Урала и Поволжья: материалы II полевого симпозиума по пробл. археологии эпохи камня-бронзы лесной полосы Европ. части СССР / отв. ред. Л. А. Наговицын. Ижевск, 1990. 144 с.

Тарасов А.Ю. Нуклеусы и бифасы // Тверской Археологический сборник, Вып. 6. Т.1. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2006. С. 74-85.

BASIC METHODS OF STONE TREATMENT IN GARIN CHALCOLITHIC CULTURE (BASED ON MATERIALS OF A SITE CHASHKINSKOE LAKE IX)

M. Nakaryakova

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm
nakaryakova-99@mail.ru

Academic supervisor – PhD E. Lychagina

In the article, we analyze the stone tools of a site Chashkinskoe lake IX, the collections of Chashkinskoye lake IX 2018 and 2019 are compared., processing technology of stone products in the Chalcolithic.Also its specificity. Analogies with other archaeological monuments of the pre-Urals are also carried out.

Keywords: Chalcolithic, stone tools, site, processing technology, heat processing.

УДК 902

НЕОРДИНАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С.Г. Осипов

Самарский Государственный Социально-Педагогический Университет, Самара
osipov.s9621@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. А.И. Королёв

В данной статье проводится сравнение неординарных погребений энеолита Восточной Европы. Основным признаком выделения таких погребений является наличие в них каменных наверший скипетров. Сравнение погребений позволило установить, что, несмотря на территориальную отдаленность могильников, можно найти много общих черт и погребальных традиций.

Ключевые слова: погребение, погребальный инвентарь, могильник, энеолит, Восточная Европа, каменное навершие скипетра.

Погребение у села Криволучье – Ивановка было обильно посыпано охрой, костяк лежал в скорченной позе. Вещевой инвентарь был достаточно многочисленным: пронизки, подвески и бусины из раковины; кремневые наконечники, браслеты из талька и подвески из зубов оленя; каменный топор-клевец с цапфами, который является символом власти [*Гольмстен,* 1931].

В погребении № 8 Мариупольского могильника костяк лежал вытянуто на спине, головой на восток. Глубина залегания погребения 0,30 м. В данном погребении многочисленны пластинки из клыка кабана, которые находились в районе головы, поясницы, колен и правой берцовой кости. В районе поясницы было найдено большое количество бусин из раковины. В районе правого плеча находилось каменное навершие скипетра. Костяк погребения № 31 залегал на спине в вытянутой позе, на глубине 0,73 м, руки скрещены в районе крестца. В левую руку была вложена ножевидная пластина. Между бедренных костей находилось каменное навершие скипетра. Погребение № 24 залегало на глубине 0,86 м и имело перекрытие из камней. Голова была ориентирована на восток – северо-восток, положение костяка было

© Осипов С.Г., 2020

скорченным. Захоронение было обильно посыпано охрой. Каменное навершие скипетра находилось в районе правого плеча. Среди другого инвентаря можно отметить пластинки из клыка кабана, бусины из раковины и одну медную бусину *[Макаренко,* 1933].

Костяки погребений № 25 и 26 Никольского могильника лежали вытянуто на спине, головой на запад. Костяки были обуглены сверху. Среди инвентаря можно выделить медную подвеску, пластины из клыка кабана. Каменное навершие скипетра лежало в районе ног погребений [*Телегин,* 1961].

В погребении № 19 Хлопковского могильника костяк залегал на глубине 1,15 м на спине в скорченной позе. Голова ориентирована на восток-северо-восток. Инвентарь включал бусины из раковины и стенки орнаментированного сосуда. Погребение было обильно посыпано охрой. Погребение № 21 располагалось на глубине 1,35 м, костяк лежал на спине в скорченном положении головой на северо-восток. Левая рука лежала в районе таза, правая вытянута вдоль туловища. Погребение было обильно посыпано охрой. Инвентарь представлен двумя гарпунами, бусинами из раковины и каменным навершием скипетра [*Малов,* 2008].

Погребение № 45 могильника Екатериновский мыс залегало на глубине 0,5 м, костяк лежал на спине в вытянутой позе. Голова ориентирована на восток-северо-восток. Костяк был покрыт тонким слоем охры. По количеству и разнообразию инвентаря погребение является уникальным. Среди инвентаря захоронения было обнаружено большое количество бусин из раковины, орнитоморфный жезл из рога лося, три каменных навершия скипетров, жертвенное животное, ножевидные пластины, большая и малая берцовые кости другого человека, кремневое тесло [*Королев и др.* 2018]. Погребение № 90 находилось в позе полусидя с опорой локтями на дно ямы. В районе правого плеча находилось каменное навершие скипетра [*Королев и др.,* 2019].

Рассмотренные неординарные погребения энеолита Восточной Европы можно сравнивать по ряду признаков, обнаруживая большое количество схожих черт.

Прежде всего, неординарными рассмотренные погребения делает наличие в инвентаре этих захоронений каменных наверший скипетров. Для многих захоронений характерно расположение навершия в районе правого плеча. Для всех захоронений характерно наличие одного навершия скипетра, которое, предположительно, означает высокий прижизненный статус захороненного. Исключением среди всех рассмотренных захоронений является погребение № 45 могильника Екатериновский мыс, в инвентаре которого есть три каменных навершия скипетров разных типов, орнитоморфный роговой жезл и жертвенное животное. Аналогичного захоронения пока не обнаружено. Встает вопрос объяснения такого количества символов власти в одном захоронении.

Для рассмотренных захоронений характерно два типа положения костяков: лежа на спине в вытянутом положении и лежа на спине в скорченном положении. Исключением является погребение № 90 могильника Екатериновский мыс, которое имеет полусидячую позу. Почти все погребения ориентированы на восток или восток-северо-восток.

Как правило, инвентарь подобных погребений является достаточно богатым и разнообразным. В большинстве захоронений встречалось большое количество бусин из раковины. Иногда встречаются пластинки из клыка кабана. Иногда в подобных захоронениях встречаются наконечники стрел и копий, кремневые тесла. Почти все неординарные захоронения посыпаны охрой.

Таким образом, неординарность погребений определяется, прежде всего, по признакам наличия символов власти. Такие погребения свидетельствуют о процессах социального расслоения в обществе, в результате которых выделились лидеры и вожди. В остальном, инвентарь неординарных погребений мало отличается от инвентаря остальных погребений могильников.

Библиографический список

Гольмстен В.В. Погребение из Криволучья // Сообщения ГАИМК. № 6. Л., 1931 – С. 15-27.
Макаренко М. Маріюпільский могильник. – Киев: ВАН, 1933. 151 с.
Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно- Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2008 — С. 32-135.

Телегин Д.Я. Никольский могильник эпохи неолита - меди в Надпорожье: предварительное сообщение. – Краткие сообщения Института археологии АН УССР, 1961, Т. 11. – С. 20-27.
Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский мыс // Поволжская археология. – К.:«Фэн», 2019. – С. 58-68.
Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В. Уникальное погребение могильник эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Поздняя предыстория Евразии: социальные модели и культовая практика. Stratum plus. Nr. 2. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2018. – С. 285-302.

EXTRAORDINARY BURIAL OF ENEOLITHIC OF EASTERN EUROPE

S. Osipov
Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
osipov.s9621@gmail.com

Academic supervisor - PhD A. Korolev

This article compares the extraordinary burials of the eneolite of Eastern Europe. The main feature of the selection of such burials is the presence of stone pommels of scepters in them. Comparison of burials allowed us to establish that, despite the territorial remoteness of burial grounds, you can find many common features and burial traditions.

Keywords: burial, grave goods, Eneolithic, Eastern Europe, stone the pommel of the scepter.

УДК 902.2

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЗУБОВ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКОВ[1]

О.П. Петрова
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
petrova_olga.borskoe@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.И. Королёв

В данном исследовании будут рассмотрены изделия из зубов животных по материалам погребальных памятников мариупольского круга, относящихся к эпохе неолита-раннего энеолита, а также хвалынской культуры развитого энеолита.

Ключевые слова: зубы животных, погребения, неолит, энеолит, украшения, амулеты, видовой состав животных.

Изделия из зубов животных найдены в Мариупольском могильнике [*Макаренко,* 1933], а также неолитических могильниках мариупольского типа: Вовнигском II, Вильнянском, Дереивском, Ненасытецком, Ясиноватском [*Телегин,* 1988], Никольском, Лысогорском [*Телегин,* 1961]. Типичными для этих памятников являются подвески из зубов оленя. Изготавливались они из резцов, как взрослых особей, так и использовали недоразвитые зубы молодых особей. Большая часть изделий имеет просверленные отверстия в центре корневой части зуба, диаметр отверстий различается. Подвески из Ненасытецкого могильника имели поперечные нарезки по бокам зуба. Как правило, зубы оленя располагались в области черепа (в погребениях 104 и 118-121 Мариупольского могильника; 20, 25, 28 Вильнянского могильника), груди (в погребениях 103, 111, 117, 122, 123 Мариупольского могильника; 15 Вовнигского I могильника). В погребениях 20, 29, 32, 34, 35 Вильнянского могильника, помимо этого, зубы

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10001) "Этно-культурное взаимодействие населения Среднего Поволжья в каменном веке (мезолит-энеолит)" Russian Science Foundation
© Петрова О.П., 2020

оленя были найдены немного выше колен погребённых. Видимо их нашивали на подол рубахи [*Котова и др.,* 1999]. Зафиксированы зубы оленя и в районе стоп, например, в погребении 40 Ясиноватского могильника, однако, подобные случаи крайне редки. В погребении 65 этого же могильника зубы оленя располагались вдоль позвоночного столба погребённого головками в одну сторону, вероятнее всего это были застёжки [*Котова и др.,* 1999].

Встречаются подвески из зубов хищников – собаки/лисы и барсука, с просверленными отверстиями для подвешивания. В Мариупольском могильнике в погребении 17 зубов собаки располагался около правого плеча костяка, барсучьи зубы лежали в районе правого локтя костяка из погребения 105 и в области груди костяка из погребения 39 [*Макаренко,* 1933].

Также найдены резцы крупных грызунов – бобра, сурка, без отверстий. В погребении 44 Мариупольского могильника в области живота костяка обнаружен резец бобра, в погребении 24 этого же могильника, резцы сурка располагались на крестцовых костях погребённого.

Для могильников мариупольского типа на территории Поднепровья также характерно использование зубов рыб карповых пород, в частности вырезуба. В Мариупольском могильнике зубы вырезуба располагались в области груди костяков из погребений 28, 59, 124. В погребении 40 Ясиноватского могильника зубы рыб лежали на груди, запястьях, на бедренных костях погребённого. В верхней части бёдер костяков из погребений 10, 20 Вильнянского могильника зубы рыб располагались в ряд.

В материалах Съезжинского могильника имеются подвески из резцов оленя и крупного грызуна [*Васильев и др,* 1979].

Интерес представляет коллекция изделий из зубов животных нового могильника Екатериновский мыс в лесостепном Поволжье, отнесённого авторами, Кочкиной А.Ф., Королёвым А.И. и Сташенковым Д.А., к памятникам мариупольской КИО [*Королёв и др,* 2015]. Исследование могильника продолжается в настоящее время, материалы опубликованы лишь частично, что определяет предварительность данных.

Изделия из зубов в материалах могильника Екатериновский мыс представлены нашивками с поперечными прорезями из резцов куницы, бобра, а также подвесками, изготовленными из резцов сурка, бобра, куницы.

В погребении 9 могильника Екатериновский мыс были найдены подвески из резцов куницы. Выделяется погребение 31, в котором подвески из резцов бобра располагались на левой плечевой кости, в районе таза, бёдер и колен. Подобным образом были использованы подвески из резцов бобра в погребении 32. В области затылочной части черепа костяка из погребения 45 была обнаружена нашивка из резца бобра с прорезями для крепления [*Королёв и др*., 2018]. В погребении 70 был найден комплект из пяти резцов сурка в сочетании с костяной трубочкой, а также комплект из четырёх резцов куницы с поперечными прорезями в средней части изделий. В погребении 71 у левого плеча погребённого располагался комплект из трёх резцов куницы с поперечными нарезками в средней части изделия. Около погребения 76, с правой его стороны, обнаружили резец бобра.

Изделия из зубов животных встречаются и в материалах погребальных памятников хвалынской энеолитической культуры: Хвалынские I и II могильники. В эталонном I Хвалынском могильнике собрана коллекция пластинок, изготовленных из передней эмалевой части резцов бобра [*Агапов,* 1990]. Встречаются короткие, почти плоские пластинки, и более длинные и выпуклые. Данные изделия помещались, как правило, в погребения мужчин возрастом 20-25 лет (194 экз.), реже их находили в погребениях детей возрастом до года (10 экз.), и лишь в одном женском погребении в единичном экземпляре была найдена подобная пластинка. Также обнаружены и целые резцы бобра, однако, их не так много.

Отдельно стоит отметить, что подвески из клыков благородного оленя, характерны для детских погребений только I Хвалынского могильника, во II Хвалынском могильнике клыки оленя представлены как имитация, изготовленная из костей млекопитающих.

В материалах могильников на территории Икско-Бельского междуречья также имеются изделия из зубов животных. Так, в погребении 15 Меллятамакского V могильника у бедренных костей погребённого были найдены резцы байбака [*Казаков,* 2011, с. 30]. В погребении Миняровского могильника справа от предплечья погребённого лежали резцы крупного

грызуна, справа от таза – клык медведя, а у пяток – клык лисицы [*Казаков,* 2011, с. 47]. В Русско-Шуганском погребении обнаружены резцы сурка [*Казаков,* 2011, с. 45]

Исходя из вышеизложенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Видовой состав животных, зубы которых использовались для изготовления различных изделий на памятниках мариупольской КИО и хвалынско-среднестоговской КИО отличается. В неолитических памятниках мариупольского типа на территории Приазовья и днепро-донецкой области встречаются зубы хищных млекопитающих (собака, барсук), крупных грызунов (сурок) и травоядных (олень). В памятниках мариупольского круга на территории Поволжья также встречаются зубы травоядных (оленя), но гораздо реже, в большей степени представлены зубы крупных грызунов (бобр, сурок) и мелких хищников (куница). Украшения из зубов оленя являются одним из характерных признаков памятников мариупольской КИО.

В материалах могильников хвалынской культуры на территории Поволжья, преобладают зубы крупных грызунов (сурка) и травоядных (благородного оленя).

В свою очередь, данная информация помогает дополнить сведения о типе хозяйства населения той или иной общности, например, определить видовой состав животных, на которых охотились.

2. Для изготовления изделий использовались чаще всего резцы животных, как целиком, так и их эмалевая часть, реже клыки хищных.

3. Зубы животных использовали как украшения: в качестве нашивок на одежду, головные уборы, для крепления используя просверленные отверстия или нарезки/пропилы; как подвески или в составе ожерелий. Это подтверждает их размещение в погребениях: в районе головы, шеи, груди, пояса, плеч и предплечий, бёдер, колен. В связи с этим становится возможной реконструкция костюма.

Следует отметить, что данные изделия целесообразно рассматривать с точки зрения мировоззренческого аспекта жизни древних людей. Возможно, зубы животных отражают представления человека в рамках первобытных форм религий, в частности анимизма и тотемизма. Их могли использовать как амулеты/обереги, что является проявлением защитной магии, а также они могли символизировать тотемное животное умершего.

4. Помимо всего прочего изделия из зубов животных могут свидетельствовать об особом статусе человека, либо какой-либо половозрастной группы в целом. Однако данную информацию вероятнее всего представляется извлечь из материалов памятников периода развитого энеолита, когда процесс социальной дифференциации более явный. Выше уже отмечалось о том, что в Хвалынском I могильнике изделия из зубов животных коррелируются с полом и возрастом погребённых. Чаще всего они встречались в детских погребениях и в погребениях молодых мужчин, в возрасте 20-25 лет.

Библиографический список

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. №4.

Казаков Е.П. Памятники эпохи камня в Закамье. – Казань: ООО «Фолиантъ», 2011.

Королёв А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2015. Екатериновский мыс – новый энеолитический могильник в лесостепном Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Т.17. №3 (2). Самара. С. 514-517.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А., Рослякова Н.В. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатериновский мыс на Средней Волге // Поздняя предыстория Евразии: социальные модели и культовая практика. Stratum plus. №2. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест. С. 285-302. 2018.

Котова Н.С., Тубольцев О.П. Реконструкция погребальной одежды неолитического населения Украины // Российская археология. №3. 1999.

Макаренко М. Маріюпільский могильник. Київ: ВАН, 1933. 151 с.

Телегин Д.Я. Никольский могильник эпохи неолита – меди в Надпорожье: предварительное сообщение. – Краткие сообщения Института археологии АН УССР, 1961 г., т. 11, с. 20 – 27.

Телегин Д.Я. Раскопки в Ясиноватке (о периодизации могильников мариупольского типа) // С А. 1988. №4. С. 5-17.

ARTICLES OF ANIMAL TEETH IN THE BURIALS OF ENEOLITHIC BURIAL GROUNDS

O. Petrova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara
petrova_olga.borskoe@mail.ru

Academic supervisor - PhD A. Korolev

This study will consider products from animal teeth on the materials of funerary monuments of the Mariupol circle, belonging to the Neolithic-early Eneolithic era, as well as the Khvalyn culture of the developed Eneolithic.

Keywords: animal teeth, burials, Neolithic, Eneolithic, jewelry, amulets, species composition of animals.

УДК 904

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.С. Пимахина
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
Pimakhina.elizaveta@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Л.В. Купцова

В статье рассмотрены основные точки зрения на происхождение абашевской культуры, сложившиеся в историографии. В основном преобладают две теории. Первая говорит о том, что абашевская культура произошла от фатьяновской и балановской культур. Вторая утверждает, что абашевская культура имеет пришлый характер и сформировалась в карпато-балканском регионе и южной Германии.

Ключевые слова: история изучения, абашевская археологическая культура, происхождение.

Вопрос происхождения один из наиболее дискуссионных в изучении абашевской культуры.

В период с 1930 по 1970 гг. в археологической науке господствовала автохтонная теория. Происхождение племен рассматривалось как непрерывное развитие: от каменного века до окончательного формирования этносов. Точки зрения об автохтонности формирования абашевской культуры придерживался О.Н. Бадер [*Бадер*, 1939], но позднее эта позиция была им оставлена в пользу новой, которая гласила, что «первоисточником» (или основным влияющим фактором) формирования абашевской культуры были ямно-катакомбные племена [*Бадер,* 1963]. Нужно сказать, что чаще всего этногенез абашевского населения связывался с ямными племенами. Данной концепции придерживался А.Х. Халиков [*Халиков*, 1966], в тоже время, в науке существовала теория связи абашевского и среднеднепровского населения, которые в своем формировании имели общую энеолитическую подоснову [*Мерперт*, 1961].

В 70-е годы XX в. вопрос происхождения абашевской культуры вышел на новый виток развития. Особый интерес представляет точка зрения А.Д. Пряхина, который в своих трудах выделял протоабашевский период по определенным признакам: вислообушные топоры близкие к топорам катакомбного типа, кованые наконечники копий с разомкнутой втулкой и др. [*Пряхин*, 1976]. В керамике протоабашевские черты были представлены орнаментацией: прочерченными линиями, формами сосудов близкими к колоковидным с примесью раковины в тесте [*Пряхин*, 1977].

Примерно в это же время развитие получает теория происхождения абашевской культуры от фатьяновской и балановской археологических культур. Сторонниками данной гипотезы были такие авторы как В.А. Городцов [*Городцов*,1916], О.А. Кривцова-Гракова, Б.Г. Тихонов [*Тихонов*, 1960], К.В. Сальников [*Сальников*, 1967], О.Н. Бадер [*Бадер*, 1976], А.Х. Халиков [*Халиков*, 1976] и О.В. Кузьмина [*Кузьмина*, 1992].

Наиболее полную аргументацию этой теории представила О.В. Кузьмина. Автор, рассматривая форму керамики и ее орнаментацию, нашла схожие признаки с предшествующими абашевской фатьяновской и балановской культурами. Преемственными она считает такие элементы орнамента как ромб, треугольник, зигзаг. В фатьяновской и абашевской культуре орнаментированы одни и те же зоны сосуда. Также в своей работе «К вопросу о происхождении топоров абашевского типа», О.В. Кузьмина наиболее полно представила типологические признаки топоров и выявила сходные традиции металлургии у абашевской и фатьяновской культур. Рассматривая изменения литейных форм и обуха топора у представленных культур, О.В. Кузьмина замечает, что абашевские металлические изделия имеют характерные сходные признаки с фатьяновскими изделиями – это дуговидный изогнутый клин и косо срезанный обух у топоров. В обратном порядке такого не выявлено.

© Пимахина Е.С., 2020

Также, автор приводит типологическое сравнение металлических изделий фатьяновской и ямной культур, в результате которого делает несколько существенных выводов:

1. Фатьяновская металлургия имеет общие признаки с ямной металлургией, находясь на одном технологическом уровне. Следовательно, фатьяновская металлургия сформировалась раньше, нежели абашевская.

2. Отличие абашевской металлургии – использование закрытых литейных форм, что говорит о более высокотехнологичном производстве, следовательно, о более позднем происхождении абашевской культуры.

3. Фатьяновские металлические изделия являются «промежуточным звеном» между ямными и абашевскими изделиями [Кузьмина, 2003].

Еще одним исследователем, освещающим проблему происхождения абашевской культуры, была Е.Е. Кузьмина. Ее гипотеза основывается на исследовании кургана №25 Новокумакского могильника, где ею выделяется абашевский компонент, участвующий в развитии новокумакской эпохи. Е.Е. Кузьмина относит происхождение абашевской культуры к культурам шнуровой

керамики (региональный вариант которых представлен фатьяновской и балановской культурами), что, по мнению автора, является наиболее вероятным, нежели генетическая связь с ямной общностью [*Кузьмина*, 2003]. Иная точка зрения формируется у В.С. Горбунова, который предположил, что происхождение абашевской культуры, несомненно, берет свои истоки в культурах шнуровой керамики, но происходит это под воздействием ямных племен [*Горбунов,* 1986].

В трудах зарубежных ученых актуальной позицией в настоящее время является корреляция археологических и лингвистических данных. Это позволяет проводить исследования в области финно-угорских и индоевропейских контактов, относя абашевскую культуру к индоевропейским племенам [*Фодор*, 2003]. Некоторые зарубежные авторы говорят об абашевской культуре, как об ответвлении варианта ямной культуры, относящейся к индоевропейской языковой семье. Этот вывод был сделан на основе присутствия древнейших арийских слов в уральских языках [*Карпелан*, 2003; *Парполо*, 2003].

На современном этапе исследования вопроса о происхождение абашевской культуры интерес представляют работы Р.А. Мимохода [*Мимоход*, 2016;2016а]. Автор относит курган 2 Липецкого могильника к доно-волжской абашевской культуре (горизонту колесничных культурных образований ПБВ). Проводя анализ погребального обряда и керамического комплекса, Р.А. Мимоход отмечает генетическую связь между доно-волжской и средневолжской абашевскими культурами. Он поддерживает точку зрения С.В. Большова о пришлом характере средневолжской абашевской культуры [*Большов,* 2003; 2005; 2006], объясняя это тем, что она была сформирована благодаря импульсу из карпато-балканского региона и южной Германии. Позиция О.В. Кузьминой и ряда других ученых, которые говорят о происхождении абашевской общности в связке с фатьяно-балановскими культурами, подвергается сомнению, т.к. в Среднем Поволжье абашевская культура появляется уже со сформированными культурообразующими признаками.

Таким образом, на современном этапе археологической науки вопрос о происхождении абашевской культуры окончательно не решен. Основные точки зрения сводятся к двум теориям. Первая говорит о том, что абашевская культура сформировалась на основе фатьяновской и балановской культур. Вторая «выводит» абашевскую культуру из карпато-балканского региона и южной Германии. Последующее пополнение и исследование источников позволит приблизиться к решению данной проблемы.

Библиографический список

Christian Carpelan, Asko Parpola. The abashevo culture and the earliest history of the indo-iranian and uralic (finno-ugric) languages // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы международной научной конференции, Чебоксары, 2003. С. 78-80.

Бадер О. Н., Крайнов Д. А., Косарев М. Ф. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Серия: Археология СССР. М.: 1987. 472 с.

Горбунов В. С. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа, 1986. 95 с.

Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отдельный оттиск из «Отчёта» Историч. Музея за 1914 год. М.: 1916. С. 102.
Екимов Ю. Г. Протоабашевский керамический комплекс поселения Мельгуново – 3 (к вопросу об истоках абашевских древностей) // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы международной научной конференции, Чебоксары, 2003. С. 198-205.
Кияшко А.В. К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие материалы международной научной конференции, Чебоксары, 2003. С. 103-107.
Кузьмина Е.Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие материалы международной научной конференции, Чебоксары, 2003. С. 76-78.
Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992. С. 85-99.
Кузьмина О.В. Абашевская культура в системе культур бронзового века Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация, Самара, 2001. С. 56-63.
Кузьмина О.В. К вопросу о происхождении топоров абашевского типа // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие материалы международной научной конференции, Чебоксары, 2003. С. 92-103.
Кузьминых С.В., Мимоход Р.А. Радиоуглеродные даты Пепкинского кургана и некоторые вопросы хронологии средневолжской абашевской культуры // Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко, СПб, 2016. С. 39-44.
Мимоход Р.А. Культурно-хронологический комментарий к материалам кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры. Вып. 4. Липецк, 2016. С. 35-50.
Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: 1967. 408 с.
Фодор И. Абашевская культура в финской и венгерской историографии // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие материалы международной научной конференции, Чебоксары, 2003. С. 65-66.
Халиков А.Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА № 97, М.: 1961. С. 199-201.

THE ORIGIN OF ABASHEVO CULTURE: THE HISTORIOGRAPHIC ASPECT

E. Pimakhina

Orenburg state pedagogical university, Orenburg
Pimakhina.elizaveta@mail.ru

Academic Supervisor –PhD L. Kuptsova

The article examines the main points of view on the origin of Abashevo culture that have developed in historiography. Basically, two theories predominate. The first one suggests that the Abashevo culture descended from the Fatyanovo and Balanovo cultures. The second claims that the Abashevo culture is of an indigenous nature and was formed in the Carpathian-Balkan region and southern Germany.

Keywords: history of study, Abashevo archaeological culture, origin.

УДК 902

ФАЯНСОВЫЕ БУСЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА)[1]

Ю.В. Савельева

Курганский государственный университет, Курган
j.savelieva13@gmail.com

Научный руководитель - И.К. Новиков

В статье представлены результаты изучения коллекции фаянсовых бус по Алакульского могильника XVIII—XVI вв. до н. э. Приводится анализ литературы на предмет определения происхождения, центров производства, типологизации и состава фаянсовых бус.

Ключевые слова: лесостепное Притоболье, поздний бронзовый век, алакульская культура, Алакульский могильник, женские украшения, фаянсовые бусы, историография.

На территории Зауралья в период позднего бронзового века сложилась определенная группа последовательно сменявших друг друга археологических культур. К этой группе относят: синташтинскую, петровскую, алакульскую, федоровскую, черкасульскую, межовскую и саргарино-алексеевскую культуры. Именно с началом функционирования этой группы культур исследователи связывают появление нового по своему составу и технологии изготовлении материала - фаянса, из которого изготовляли бусы.

Для описания бус в отечественной литературе в основном используется термин паста, в то время как в зарубежные исследователи чаще используют термины фритта, фаянс.

Фаянсовые бусы у представителей андроновской культурно-исторической общности являлись фоновым элементом женского костюма. Они могли использоваться как самостоятельно, так и входить в состав сложносоставных украшений, таких как накосники, нагрудники, челюстно-лицевые подвески, ожерелья.

Фаянсовые бусы имеют большой ареал распространения и фиксируются практически повсеместно в лесостепном и степном регионах. Различия наблюдаются в разнообразии форм, цвета, составе исходного материала и технологиях изготовления. Однако их изучение и описание в трудах исследователей интересующего нас региона занимает лишь малую часть и зачастую ограничивается констатацией факта наличия бус в погребении [*Сальников*, 1952, 1967; *Потемкина*, 1985; *Шилов, Богатенкова*, 2008; *Куприянова*, 2008].

На основании типологического анализа бус из памятников Нижнего Подонья был сделан вывод о том, что цилиндрический фаянсовый бисер не был предметом импорта, а изготавливался на месте и связывается с распространением ранекатакомбной культуры.

Зарождение фаянсового производства на северном Кавказе относят к середине IV тыс. до н.э., а их распространение связывают с становлением в степи собственных производств III тыс. до н. э. [*Братченко*, 2001, с. 35-28].

По мнению А.С. Островерхова, фаянсовые бусы появились в период позднего триполья. Распространение бусы получают во время катакомбной культуры [*Островерхов*, 2003-2004, с. 175].

По результатам анализа бус из погребений бронзового века Калмыкии и Северного Кавказа был сделан выводу, что фаянсовые бусы являлись предметом импорта из Египта и Месопотамии [*Столярова*, 2002].

[1] Исследование проведено на средства гранта РФФИ 19-49-450001 р_а «Междисциплинарные исследования материалов Алакульского могильника эпохи поздней бронзы»

© Савельева Ю.В., 2020

Применение термина «египетских фаянс» встречается у исследователей, прилегающих к лесостепному Притоболью [*Лихтер, Усманова,* 2017], не исключая при этом местное производство.

Для бус лолинской и катакомбной культур была проведен анализ состава, показавший многочисленные вариации. В их составе кроме щелочей обнаружены натрий и калий с различной степенью концентрации. Исследователями отмечается также многообразие способов окрашивания фаянсовых бус. Выявлено три способа окрашивания, в первом случае использовалось железо, гематит или охра. Во втором случает в составе выявлено наличие меди и железа. Преобладание в составе меди позволяет получить сине-зелёный оттенок бус. В третьем варианте для окрашивания использовалась медь. [*Shortland, Shishlina, Egorkov,* 2007].

Помимо состава фаянсовых бус не менее важным является вопрос технологии изготовления. По одному из вариантов они нарезались из тонкой, длинной трубки, по второму варианту из пасты раскатывали жгут и нарезали его на отрезки. Из полученных отрезков формировали кольцо. У бус, изготовленных данным способом, сбоку фиксируется разрез [*Куприянова*, 2008, с. 30-31].

Э.Р. Усманова разделяет фаянсовые бусы в зависимости от формы на: цилиндрические, бочонковидные, с ребром и без ребра. В памятниках синташтинской культуры фиксируются также рожковые, бородавчатые бусы из стекловидной пасты округлой цилиндрической и формы [*Усманова*, 2010, с. 17].

Е. В. Куприянова при описании могильника Степное VII подразделяет фаянсовые бусы на группы в зависимости от диаметра и структуры [*Куприянова*, 2008, с. 30].

Алакульский могильник, стал эпонимным для одной из наиболее известной и широко распространённой культуры позднего бронзового века, бытовавшей в период с XVIII–XVI вв. до н.э. [*Молодин, Епимахов, Марченко,* 2014] на территории Зауралья, Северного Казахстана и прилегающих территорий. Вокруг ареала распространения алакульской культуры находятся ряд культур сходных по многим показателям, в том числе и по набору украшений.

Впервые Алакульский могильник была отмечен в статье Р. Г. Игнатьева, им отмечается наличие 18 курганных насыпей. В 1938 году под руководством К.В. Сальникова были исследованы курганы № 8 и 13 и зафиксировано 66 курганов. В 1969 году курганы № 15 и 49 были исследованы под руководством Е. Е. Кузьминой. [*Виноградов,* 1984].

В период с 1999 по 2003 годы археологической экспедицией под руководством С. Н. Шилова было исследовано 14 курганов.

Нами начато исследование коллекции фаянсовых бус 1999 – 2003 годов исследования. Из 163 погребений было исследовано 483 фаянсовые бусины, преимущественно в женских и детских погребениях в области черепа, шеи, грудной клетки и позвоночника.

Для определения химического состава было проанализировано 11 бусин, и все они показали значительно различающийся состав, при неизменной основе состоящей из оксида кремния, естественные примеси характеризуется малой долей и так же имеют существенные отличия, основными искусственными примесями являются калий, кальций, медь, железо.

По цвету выделяются белые, кремовые и голубые бусы, по форме бусы подразделяются на: бочонковидные, биконические, округлые с ребром и без ребра.

Предварительный анализ историографии и коллекции фаянсовых бус Алакульского могильника показал использование схожих технологических принципов на обширной территории, и наличие общих простейших форм и цветовых решений, связанных, по всей видимости, с естественными свойства сырья и с искусственными добавками. Интерес к изделиям из фаянса бронзового века неслучаен, т.к. на наш взгляд на ряду с бронзолитейной технологией маркирует продвижение технологий, при отсутствие импортных вещей в рамках обширных территорий степного и лесостепного коридора.

Библиографический список

Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. II. Луганськ: Шлях, 2001. 124 с.

Виноградов Н. Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. М.: Наука, 1984. № 3. С. 136–153.

Куприянова Е.В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как "текст" (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. 244 с.

Лихтер Ю.А., Усманова Э.Р. Бусы из египетского фаянса из казахстанских памятников андроновской общности. // История и археология Семиречья. Сборник статей и публикаций. – Выпуск 5. Алматы, 2017 С.-40-55.
Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История и филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
Островерхов А.С. Древние «фаянсы» в памятниках эпохи бронзы – начала железа в Восточной Европе (III – первая половина I тыс. до Р. Х.) (парадигмы артефактов) // Stratum plus. Вып. 2. Кишинев, 2003-2004. С. 171–203.
Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. Москва: Наука, 1985. 376 с.
Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. № 24. М.: Наука, 1952. С. 51-72.
Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
Столярова Е.К. Стеклянные и фаянсовые бусы южнорусских степей III-II тыс. до н. э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной: Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. М; Элиста, 2002. С. 300-313.
Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск: ТАиС, 2010. 176 с.
Шилов С.Н., Богатенкова А.А. Погребения с женскими украшениями Алакульского могильника бронзового века // Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как "текст" (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф, 2008. С. 217-236.
Shortland A., Shishlina N., Egorkov A. Origin and Production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VIe-IIIe millenaries avant notre ere). Leurs relations avec le Proche-Orient / Sous la direction de Bertille Lyonnet. — CNRS Editions, 2007. — p. 269-283.

FAIENCE BEADS OF LATE BRONZE AGE FOREST-STEPPE TOBOL REGION (ON MATERIALS OF ALAKUL BURIAL)

J. Savelyeva

Kurgan state University, Kurgan
j.savelieva13@gmail.com

Academic supervisor - I. Novikov

The article presents the results of studying collections of faience beads in the Alakul burial of the XVIII—XVI centuries B.C. the analysis of the literature to determine the origin, centers of production, typology and composition of faience beads.

Keywords: forest-steppe Tributary, late bronze age, Alakul culture, Alakul burial ground, women's jewelry, faience beads, historiography.

УДК 902.2

ПЕТРОВСКО-АЛАКУЛЬСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПАМЯТНИКАХ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

И.А. Савко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
savko.ilia2016@yandex.ru

Научный руководитель – д.и.н М.А. Дёмин

Рассматривается проблема контакта алакульской и федоровской культур в Обь-Иртышском междуречье. Обсуждаются вопросы интерпретации признаков культурной традиции западных андроновцев, к числу наиболее значимых маркеров относятся сосуды с уступом на плече и с неорнаментированной полосой в нижней части шейки, наличие желобка в профиле, ромбы и специфичные женские украшения – накосники.

Ключевые слова: алакульская культура, федоровская культура, Обь-Иртышское междуречье, миграции

Андроновская культурно-историческая общность (АКИО) одно из самых крупных образований эпохи бронзы Евразии, занявшее обширную территорию степного пояса от Урала на западе и до Енисея на востоке. Петровская (раннеалакульская) и алакульская культура, находящаяся на западе ареала АКИО, практически не распространена в Западной Сибири [*Кузьмина*, 2008, с. 160]. Исключением является могильник Ермак-IV, находящийся на левом берегу Иртыша, на границе Омской области и Казахстана. Поэтому проблема выявления степени петровско-алакульского влияния на федоровскую культуру Обь-Иртышского междуречья давно обращала на себя внимание исследователей.

Одним из первых на западные элементы у федоровцев Верхней Оби обратил внимание А.П. Уманский, который указал на схожесть сосудов из могильника Кытманово и Нижняя Суетка с алакульскими [*Уманский*, 1966, 1967, с. 160]. В 1970-е гг. В.И. Матющенко, обозначил ряд алакульских признаков на памятниках Верхней Оби, к которым он отнес наличие украшений (кольца в 1,5 оборота, браслеты со спиралевидными концами, браслеты из выпуклой пластины, височные кольца, подвески из раковин, накосник); элементы погребального обряда (широкое распространение трупоположения, кости коровы и овцы,); черты керамики (по шейке – взаимопроникающие косые треугольники, ромбы [*Рудсковский*, 2016, с.74-85]; по плечикам – усложненные меандровые фигуры и др.) [*Матющенко*, 1973, с. 44]. Все это позволило выделить автору особый локальный вариант АКИО, сочетающего в себе многие черты алакулской и федорвской кульутры. В свою очередь В.А. Могильников, анализируя керамику могильника Гилево IIIб, отметил в орнаменте «крестовидный узор», характерный для алакульской культуры. Ю.Ф. Кирюшин выделил несколько волн миграции анроновской культуры. К первой отнесены чисто фёдоровские комплексы Предгорной зоны, ко второй комплексы, где присутствуют алакульские элементы [*Кирюшин*, 1994].

Вопросам взаимодействия культур в Верхнем Приобье посвящен ряд работ С.В. Сотниковой (Хабаровой), которая выделяет в федоровской культуре отдельный восточный вариант, близкий по погребальному обряду и материальному комплексу к алакульской культуре. Среди маркеров алакульской традиции автором названы трупоположение скороченно головой на З или ЮЗ, лапчатые бородавчатые подвески, жертвенная пища [*Сотникова(Хабарова)*, 1994; 2016, с. 10-11]. По мнению автора, помимо прямой преемственности, можно говорить о сосуществовании культур.

В Верхнем Прииртышье петровско-алакульские контакты читаются на протяжении всего времени существования федоровцев, что по мнению А.А. и Н.А. Ткачевы, что выражалось в появлении сосудов с уступчиком и ребристым профилем (желобком) (могильник Маринка) [*Ткачева*, 2008, с.112, 245-248, 287]. Однако по мнению зауральских археологов, эти контакты

© Савко И.А., 2020

фиксируется на этапе формирования федоровцев (сосуды Маринка имеют отдельные черты, сопоставимые с абашевской или катакомбной керамикой) [*Григорьев и др.*, 2018, с.146, 193-194]. Нечто похожее усматривается в прилегающей к Алтаю Барабе, где первый этап андроновской миграции связан с проникновением петровских-алакульских компонентов (по В.И. Молодину). На памятнике Сопка-2 зафиксировано одно погребение с аналогичным обрядом и сосудом, а на Тартас-1 найден сосуд с уступчиком характерный для алакульской культуры [*Молодин*, 2011, с. 59, 67].

Западные компоненты фиксируются на сосудах из Рублево VIII с орнаментом - протащенного гребенчатого штампа и вдавлений краем инструмента, высокой долью неорнаментированных сосудов (24,5 %), а также наличием желобков [*Гудков*, 2014, с. 318-319].

По заключению И.В. Рудковского, в орнаменте сосудов алтайских могильников (Кытманово, Фирсово XIV, Подтурино) встречаются комбинации типов бордюрных симметрий (с большым значение седьмого типа), близкие алакульским памятникам [*Рудковский,* 2013, с.83]. В Подтурино встречен сосуд с уступчиком [*Кирюшин*, 1993, с. 75]. Анализ технологии изготовления керамики на поселении Большой Лог показывает большую долю илистых глин, многие из которых содержат раковину. Процент таких глин достигает 88,24%, а на Рублево VIII – 5,2%, что характерно для алакульской керамики [*Леонтьева*, 2016, с. 33].

Примечательно, что по краниологическим показателям образцы из Кытманово, Чекановского Лога-10 и Фирсово XIV объединяются с сериями алакульской культуры [*Кирюшин*, 2010, с. 133-134], как и одонтологические показатели черепов из Рублево VIII [*Зубова*, 2017, с. 329].

Ряд украшений, возможно, появились в результате влияния алакульских племен: бронзовые неорнаментированные листовидные подвески (Еловка II, Кытманово, Чекановский Лог-10), известные в памятниках алакульской культуры (могильники Лисаковский, Шондыкорасы I) и синташтинско-петровского типа (Сатан, Бестамак); а также гладкие ножевидные бронзовые подвески (Чекановский Лог-10), аналоги которым происходят с могильника алакульской культуры Урал-Сай [*Куприянова*, 2008, с. 38; *Запрудский*, 2011, с. 106, 107]. Помимо этого, автором выделен ряд украшений общих для двух традиций: подвески в полтора оборота, гладкие листовидные подвески, гладкие обоймочки, перстень с двумя спиралевидными завитками [*Демин*, 2011, с. 79]. В этом же аспекте может мыслиться наличие накостника (Еловка II, Чекановский Лог-10 и Фирсово XIV), появившегося в синташтинское и получившего дальнейшее развитие в алакульское время [*Умеренкова*, 2011, с. 119].

Таким образом, наличие петровско-алакульского влияния в федоровских памятниках Обь-Иртышского междуречья отмечалось разными учеными. Однако, единой позиции относительно их положения в культурно-хронологической схеме нет. Часть признаков погребального обряда, которые раньше считались алакульскими, сейчас авторы рассматривают как восточно-андроновские (трупоположение головой на запад, кости животных, лапчатые подвески, браслеты с спиралевидным навершием [*Бобров*, 2014, с. 271; *Запрудский*, 2011, с. 100-101, 103-104, 116-117], либо общеандроновские (подвески в полтора оборота, подвески из раковин моллюсков, височные кольца [*Умеренкова*, 2011, с.76]. В керамике исследователи усматривают следующие петровско-алакульские элементы: уступ на плече, неорнаментированная полоса в нижней части шейки, наличие желобка в профиле, протащенный гребенчатый штамп и вдавления краем инструмента, состав из илистых глин с раковинами, ромбы, седьмой тип бордюрной симметрии, и высокая доля неорнаментированных сосудов. В украшениях алакульские элементы можно увидеть в наличии накостника, и в частности листовидной подвески, которая выступает составной его частью.

Библиографический список

Бобров В.В. Особенности андроновского погребального обряда в восточных районах ареала культуры // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014. С. 268—278.

Григорьев С.А. и др. Поселение Мочище и андроновская проблема. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.

Гудков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики могильника Рублево VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 311-321.

Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул: АлтГПА, 2011. 128 с.
Дремов В.А., Козьмин В.А. Антропологический материал из Кытмановского могильника андроновской культуры // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 42–66.
Запрудский С.С. Украшения андроновской культуры Обь-Иртышского междуречья: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 355 с.
Зубова А.В., Кишкурно М.С., Поздняков Д.В. Одонтологическая характеристика андроновского населения степного Алтая по материалам могильника Рублево VIII // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2017. Т. 23. №. 1. С. 326-330.
Кирюшин Ю.Ф. Миграционные процессы в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и в бронзовом веке // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 56-58.
Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 67-94.
Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №. 4. С. 122-142.
Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности: монография. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: Авто Граф, 2008. 244 с.
Леонтьева Д.С., Рахимжанова С.Ж. Андроновская керамика поселения Большой Лог-I на юге Западной Сибири // Вестник КемГУ. 2016. № 2. С. 31-40.
Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Из истории Сибири. 1973. №. 11.135 с.
Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. 2011. С. 58-69.
Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы, 2013. 189 с.
Рудковский И.В. Об ареалах распространения некоторых фигур андроновской орнаментики //Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. №. 1. С. 74-85.
Сотникова С.В. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск: Издательский дом «Наука», 2016. 290 с.
Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
Уманский А.П. Итоги археологических раскопок в Нижней Суетке в 1964 году // Тезисы докладов Пленума Института археологии АН СССР. М., 1966. С. 36-37.
Уманский А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. I. С. 96–100.
Умеренкова О.В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири (археологический и исторический аспекты): дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 216 с.
Хабарова С.В. О проникновении алакульских групп на территорию Верхней Оби // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 64-66.

PETROVSK-ALAKUL ELEMENTS IN THE MONUMENTS OF THE FE-DOROVSKY CULTURE OF THE OB-IRTYSH INTERDIVISION

I. Savko

Altai State Pedagogical University, Barnaul
savko.ilia2016@yandex.ru

Academic supervisor - professor M. Demin

The problem of contact between Alakul and Fedorov culture in the Ob-Irtysh interfluve is considered. The issues of interpreting the signs of the cultural tradition of Western Andronovites are discussed, the most significant markers include vessels with a ledge on the shoulder and with an unoriented strip in the lower part of the neck, the presence of a groove in the profile, rhombus and specific female jewelry - mowers.

Keywords: Alakul culture, Fedorov culture, Ob-Irtysh interfluve, migration

УДК.902.01

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПРИКАСПИЙСКОЙ И ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУР

К.А. Уварова
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
kuuvarova@gmail.com

Научный руководитель – д.и.н А.А. Выборнов

В статье рассматриваются особенности керамики прикаспийской и хвалынской культуры, их хронологическое соотношение и сравнительный анализ.

Ключевые слова: энеолит, прикаспийская культура, хвалынская культура, керамика, радиоуглеродное датирование

В 70-е годы прошлого века в Нижнем Поволжье были открыты памятники неолита и энеолита, что позволило выделить новые археологические культуры и культурно-исторические общности. В их числе, были выделены прикаспийская и хвалынская энеолитические культуры. Их дальнейшее изучение позволило по-новому взглянуть на проблему хронологического соотношения и связей археологических культур Поволжья.

Прикаспийская культура впервые исследована в середине 1970-х гг. А.Н. Мелентьевым в ходе сбора материалов на дюнных стоянках в Северном Прикаспии [*Мелентьев*, 1976]. С этого времени ареал прикаспийской культуры значительно расширился благодаря обнаружению стоянок и поселений в Заволжье и Волго-Уральском междуречье, причем поволжские памятники прикаспийской культуры находятся в хорошо сохранившемся культурном слое [*Юдин*, 2005, с.160]. Немного позднее, к середине 1970-х годов, началось активное изучение хвалынской культуры. Исследования позволяют говорить о том, что она занимает территорию Волго-Уральского междуречья и правобережье р. Волга [*Васильев*, 2003, с.62]. Таким образом, можно говорить о территориальном соседстве прикаспийской и хвалынской культур.

Ряд схожих черт и географическое распространение позволяют говорить о близости данных культур, однако вопросы периодизации и взаимного влияния пока остаются нерешенными. Новые материалы, их сопоставление и датирование позволяют приблизиться к разрешению данной дискуссии.

Охарактеризовать прикаспийскую керамику можно благодаря обнаружению шести опорных памятников в Степном Поволжье – Орошаемое, Резвое, Озинки 1 и Озинки 2, Варфоломеевская и Кумыска, а также материалам стоянки Курпеже-Молла в Северном Прикаспии. В тесте прикаспийских сосудов содержится толченая раковина, цвет внешней поверхности варьирует от красно-кирпичного к черному. Небольшие сосуды имеют округлое днище, крупные сосуды полностью реконструировать не удалось, но обнаруженные фрагменты указывают на их плоскодонность. Внешняя поверхность сосудов залощена, внутренняя заглажена зубчатым инструментом. Большая часть сосудов имеет воротничковый венчик, в большинстве случаев подчеркнутый зубчатым штампом. Встречаются и безворотничковые сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком. Отнести оба типа сосудов к одной археологической культуре позволяет их орнаментация. Так, в орнаменте большинства сосудов сочетается прочерк и гребенка, но встречается и накольчатая орнаментация (наколы полукруглые или треугольные). Единичные экземпляры орнаментированы оттисками шнура [*Юдин*, 2005, с.160-161].

Ареал распространения хвалынской культуры на сегодняшний момент сосредоточен на территории Астраханской (Кара-Худук, Каиршак VI, Комбактэ), Саратовской (Хлопковский и Хвалынские могильники, Кумыска), Самарской (Гундоровка, Лебяжинка I), Пензенской (стоянка Русское Труево) и Оренбургской областей, где хвалынская керамика встречается на

© Уварова К.А., 2020

стоянках Турганикской и Ивановской [*Васильев*, 2003, с. 62]. Культурная и технологическая близость данных памятников выявлена на основании состава теста, включающего в себя примесь измельченной раковины, формам и орнаменту [*Барынкин*, 2003, с. 133]. Цвет керамики серый, размеры сосудов варьируют от 3-4 до 40 сантиметров в диаметре. Форма сосудов также различна – найдены колоколовидные, мешковидные, шаровидные и чашевидные сосуды. Вся керамика круглодонная или остродонная, плоскодонных сосудов не обнаружено. Особенностью хвалынской керамики являются валикообразные утолщения на внешнем крае венчиков, характерные для большинства сосудов. В орнаментации наблюдаются схожие принципы построения композиций и орнаментальных мотивов [*Васильев*, 2003, с.66]. Наиболее распространены оттиски плетеных фактур и зубчатые штампы. Особенностью орнаментации является частичное заполнение площади сосуда, орнаментация лишь верхней его части [*Васильева*, 2002, с. 34-44].

Даты, полученные по различным материалам памятников прикаспийской культуры, находятся в интервале 5840-4800 лет ВС. Исследователи отмечают, что наиболее ранние даты получены по материалам Северного Прикаспия (5000 лет ВС для стоянки Курпеже-Молла и 5800 лет ВС для стоянки Буровая 41), тогда как материалы степного Поволжья имеют более поздние датировки (например, 4724-4557 лет ВС, полученная по кости овцы, обнаруженной на стоянке Орошаемое) [*Дога*, 2019, с.146-174]. Время существования хвалынской культуры определяется интервалом 4500 – 5000 лет ВС. Подобный вывод подкрепляется последними полученными для хвалынской культурой датами со стоянок Каиршак VI и Комбактэ, составившими 4600 и 4700 лет ВС соответственно [*Выборнов и др.*, 2019, С. 362-364]. При этом для Северного Прикаспия характерно более раннее время существования хвалынской культуры, нежели для степного Поволжья. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что прикаспийская культура возникла раньше, чем хвалынская и, возможно, какое-то время культуры сосуществовали. Стоит упомянуть, что ситуация не является однозначной, и вопрос хронологического соотношения прикаспийской и хвалынской культур в настоящее время остается открытым [*Дога*, 2019, с. 147].

Таким образом, мы можем говорить о том, что керамика прикаспийской и хвалынской культур имеет как близкие черты, проявляющиеся в наличии в тесте толченой раковины, форме некоторых сосудов и схожей форме венчиков (прикаспийские воротничковые венчики и хвалынские воротничковые венчики с валикообразными утолщениями), так и черты отличия. Размер сосудов, обработка их внутренней поверхности, форма днищ и орнаментация указывают на определенные различия данных типов посуды. В настоящий момент, черты сходства можно объяснить их географической и хронологической близостью, однако для окончательного решения вопросов временного соотношения и взаимного влияния прикаспийской и хвалынской культур необходимо изучение новых материалов, их датирование и сопоставление. Для этого важно изучить причины появления у носителей хвалынской культуры округлодонности сосудов, валикообразных венчиков, особого способа нанесения орнамента.

Библиографический список

Барынкин П.П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов. Самара: Изд-во СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. С. 133-152.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003. С. 61 – 99.

Васильева И.Н. О технологии керамики I Хвалынского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып.2. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2002. С.15 – 49.

Выборнов А.А., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Платонов В.И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Вып. 2. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2019. С. 359-368.

Дога Н.С. Периодизация и хронология прикаспийской культуры // Самарский научный вестник. Т.8, №2 (27). Самара, 2019. С.144-148.

Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 13-14.

Юдин А.И. Прикаспийская культура в системе энеолита Нижнего Поволжья. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Новые гуманитарные исследования». Самара, 2005. С. 160-166.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CERAMICS OF THE CASPIAN AND HVALYN CULTURES

K. Uvarova
Samara State Social and Pedagogical University, Samara
kuuvarova@gmail.ru

Academic supervisor - professor A. Vybornov

The article discusses the peculiarities of ceramics of the Caspian and Khvalyn culture, their chronological correlation and comparative analysis.

Keywords: Eneolithic, Caspian culture, Khvalyn culture, ceramic implements, radiocarbon dating.

УДК 902/904

МЕСТО ПЛАСТИНЧАТОЙ ИНДУСТРИИ ЛИПЧИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В НЕО-ЭНЕОЛИТЕ ЗАУРАЛЬЯ

М.В. Храмцов
Уральский Федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
khramtsov1475@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. Л.Л. Косинская

В данной работе рассмотрены основные характеристики пластинчатой индустрии Липчинского поселения и совершена попытка их сравнения с пластинчатыми комплексами других памятников неолита-энеолита Зауралья. В итоге, обрабатываемый материал в точности не совпадает ни с одной из анализируемых коллекций. Сходство находится лишь в некоторых группах признаков. Это позволяет нам предположить, что пластинчатый комплекс Липчинского поселения либо имеет уникальный синкретичный характер, либо отдельные компоненты комплекса являются разновременными.

Ключевые слова: археология, историография, каменный инвентарь, пластинчатая индустрия, неолит, энеолит, Зауралье, липчинская культура

Липчинское поселение – археологический памятник, расположенный на правом берегу р. Туры при впадении в нее р. Липки. Во время полевых работ 1995 – 1996 гг. было обнаружено 11147 предметов, из которых около 3300 – каменные орудия. В ходе раскопок выяснилось, что Липчинская стоянка – многослойный нестратифицированный памятник, включающий четыре культурных горизонта: средневековый, раннего железного века, энеолитический с липчинской керамикой и неолитический с керамикой кокшаровско-юрьинского типа [*Чаиркина,* 1996, 1997].

Пластинчатый комплекс занимает малую долю в коллекции каменного инвентаря – 3,5% (115 предметов). Оттого особый интерес представляет интерпретация его роли в каменной индустрии Липчинского поселения. В данной статье мы хотим рассмотреть основные характеристики пластинчатого комплекса, обнаруженного в ходе раскопок 1995 – 1996 гг., в сравнении с коллекциями других памятников неолита и энеолита Зауралья.

© Храмцов М.В., 2020

Приведем основные его черты. Главным используемым сырьем был кремень или кремнистые породы (72 экз. из 115). При этом большинство кремневых пластин имело следы ретуши (70 из 72 экз.). Также присутствует ряд пластин из сургучной яшмы (5 экз.). Важным признаком для характеристики комплекса является ширина пластин. При группировке по ширине синтетическим способом было составлено три группы: мелкие пластины (5 – 7 мм) – 6 экз., средние пластины (8 – 15 мм) – 89 экз. и крупные пластины (более 15 мм) – 20 экз. К сожалению, 115 экз. – это недостаточно для получения репрезентативной выборки, поэтому наши выводы носят вероятностный характер.

Обработанный комплекс выделяет большой удельный вес отретушированных пластин - 95 экз. Из них 83 фрагмента несут следы формообразующей ретуши, 12 – только ретуши утилизации. При этом морфологически выделяется только 38 орудий: наконечники стрел, среди которых есть наконечники с боковой выемкой, скребки, выемчатые орудия, проколки, ножи, в т.ч. сланцевые шлифованные, сверла, острия. Таким образом, типологический набор достаточно широк. Также выделяется преимущественное использование краевой ретуши. В итоге, пластинчатый комплекс Липчинского поселения сочетает ранненеолитические и поздненеолитические (энеолитические) черты.

Для более точной культурной атрибуции рассматриваемой пластинчатой индустрии сравним ее основные характеристики с каменным инвентарем других памятников Зауралья. Рассмотрим материал стоянки липчинской культуры Разбойничий остров, расположенной в Октябрьском р-не г. Екатеринбург.

В коллекцию каменного инвентаря входят 727 изделий из камня. Из этого числа 239 экз. (32,8%) были подвергнуты вторичной обработке: 200 плиток, 5 пластин, 19 отщепов и т.д. [*Чаиркина,* 2005, с. 145]. Таким образом, каменная индустрия стоянки Разбойничий остров имеет преимущественно плитчатый характер и почти ни в чем не похожа на обрабатываемый комплекс.

Далее рассмотрим поселение аятской культуры Шитовской Исток XI, расположенное на берегу одноименной реки. Коллекция каменного инвентаря составляет 737 экз., из которых 166 экз. являются пластинами (22,5%). Преобладают пластины средних размеров (7 – 15 мм) – 91 экз. (54,8%), крупные (16 – 25 мм) представлены 44 экз. (26,5%). Без учета орудий авторы выделяют 37 пластин с ретушью. Во всех случаях ретушь краевая. На пластинах изготовлены острия и скребки [*Зырянова, Клементьева,* 2004].

Данный комплекс по некоторым критериям подобен обрабатываемому: малый удельный вес пластин, преимущественное использование краевой ретуши. Однако орудийный набор крайне невелик и мал удельный вес отретушированных пластин. Характер аятской каменной индустрии предполагает большее включение плитчатого сырья и больший удельный вес пластин, чем мы можем наблюдать на материале обрабатываемой коллекции.

Рассмотрев аналогичным образом еще несколько опубликованных комплексов каменного инвентаря неолита Зауралья, мы выяснили, что индустрии Липчинского поселения и памятников Гилево VIII, Исетское Правобережное, Ташково I, ЮАО V, Уральские Зори II [*Алексашенко, Викторова,* 1991; *Дрябина, Пархимович,* 1991; *Кернер,* 1991; *Ковалева, Ивасько,* 1991; *Сериков,* 1991] различаются по разным причинам. Более интересными являются взаимосвязи обрабатываемого комплекса и каменного инвентаря памятника Исток IV, расположенного в Нижнетавдинском р-не Тюменской области.

Коллекция каменного инвентаря невелика (172 экз.), причем автор не уделяет много внимания его анализу. На 22 пластинах из зелено-сургучной, розовой и серо-розовой яшмы были изготовлены скобели, нож, сверла, концевые скребки, черешковые наконечники стрел. Из зеленого сланца и иных «мягких» пород было изготовлено 14 шлифованных предметов, среди которых есть ножи [*Стефанова*, 1991, с.130].

Предположим, что исследователь упомянула обо всех пластинах из коллекции – все они отретушированы и входят в состав орудийного набора. Учитывая еще две необработанные пластины, удельный вес пластин в комплексе составит всего 13,95%, зато доля пластин со вторичной обработкой – 91,7%. При верности такой интерпретации данных пластинчатая индустрия памятника Исток IV близка к индустрии Липчинского поселения, однако выборка, к сожалению, слишком мала, чтобы делать достоверные выводы.

Остается нерешенным вопрос с наличием в обрабатываемом комплексе кельтеминарских наконечников. Ключ к решению этой проблемы могут дать памятники шапкульской культуры. В.Ф. Старков обнаружил на стоянках Шапкуль I и Малый Барашек I наконечники с боковой выемкой. При таких совпадениях встает вопрос о соотношении липчинской и шапкульской культуры. Сходство между ними выражается в видах орнаментальных узоров и их композиции на сосудах (геометризм). Различия – в технике нанесения орнамента [*Старков,* 1976, с. 47-48]. Данные культуры существовали синхронно, в раннем энеолите.

Таким образом, пластинчатая индустрия Липчинского поселения не имеет четкого сходства ни с одним из рассмотренных комплексов. Совпадения заметны лишь в некоторых признаках. Данное обстоятельство говорит либо о разновременности отдельных компонентов пластинчатого комплекса, либо о его уникальном синкретичном характере, который соединяет в себе ранненеолитические (средний размер пластин, преобладание краевой ретуши и т.д.) и энеолитические черты (большая доля обработанных пластин в коллекции и использование приема шлифования орудий). На данном этапе исследования для нас понятно лишь происхождение отдельных элементов комплекса. Причину бытования кельтеминарских наконечников на Липчинской стоянке мы видим в заимствовании данного вида орудий у населения шапкульской культуры.

Библиографический список

Алексашенко Н.А., Викторова В.Д. Неолитические жилища ЮАО V // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 161 – 183.
Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю. Поселение Гилево VIII // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 100 – 111.
Зырянова С.Ю., Клементьева Т.Ю. Энеолитический комплекс поселения Шитовской исток XI // Четвертые берсовские чтения. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 45 – 58.
Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 46 – 67.
Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 112 – 131.
Сериков Ю.Б. Уральские Зори II – однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32 – 45.
Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 132 – 143.
Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976. Сборник №37. С. 38 – 48.
Чаиркина Н.М. Археологическое исследование Липчинского поселения // Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1995 г. Екатеринбург, 1996 г. / Архив ИИиА УрО РАН.
Чаиркина Н.М. Археологическое исследование Липчинского поселения // Отчет об археологических исследованиях в Свердловской области в 1996 г. Екатеринбург, 1997 г. / Архив ИИиА УрО РАН.
Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.

PLACE OF BLADE INDUSTRY OF LIPCHINSKY SITE IN NEOLITHIC AND ENEOLITHIC OF THE MIDDLE URALS

M. Khramtsov

Ural Federal University, Ekaterinburg
khramtsov1475@gmail.com

Academic supervisor - PhD L. Kosinskaya

In this article we have explored the main characteristics of blade industry of Lipchinsky site and made an attempt to compare it with others blade complexes of Neolithic and Eneolithic sites of the Middle Urals. As a result processed material does not match with analyzed collections. We can see similarities only in some groups of traits. So, we suppose blade industry of Lipchinsky site has unique syncretic nature or some of its components are not simultaneous.

Keywords: archaeology, historiography, stone inventory, blade industry, Neolithic, Eneolithic, Zauralye, lipchinskaya culture

УДК 902/904

ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ВОСТОЧНОГО МАНЫЧА)

С.В. Чекунова

Волгоградский государственный университет, Волгоград
sveta.chekunova.97@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н М.А. Балабанова

Статья посвящена анализу 215 детских захоронений катакомбной культуры могильников Восточного Маныча. Результаты исследования показали, что наиболее массовой группой оказались дети 5-9 лет, а доля возрастных когорт 0-4 года и 10-14 лет почти одинакова. Распределение количества и типов вещей в погребении было напрямую связано с количеством прожитых ребенком лет. Абсолютное большинство захоронений детей до 4 лет являются гендерно-нейтральными. Гендерная и возрастная социализация, вероятно, начиналась в возрасте 5-9 лет и завершалась к возрасту 10-14 лет.

Ключевые слова: Восточный Маныч, средний бронзовый век, погребальный обряд, возрастные группы, погребальный инвентарь, социализация.

За последние годы погребения детей становятся популярной темой исследования в археологии, так как социо-культурные реконструкции без анализа детских захоронений не могут быть признаны адекватными. Методы и теоретические подходы к анализу детских погребений были разработаны зарубежными учеными и взяты на вооружение отечественными исследователями. Целью настоящей работы является рассмотрение возможностей социальной интерпретации детей катакомбной культуры по археологическим источникам. Предложенная работа базируется на опубликованных материалах погребений катакомбной культуры групп Восточного Маныча [*Эрдниев*, 1982]. Палеоантропологическая серия насчитывает 215 детских костяков, разбитых по возрастным группам: 0-4 лет; 5-9 лет и 10-14 лет. Возрастная группа 0-4 года составляет 27,9% от численности детской выборки. Самой многочисленной оказалась серия детей от 5 лет до 9 лет, которая составляет около 44,6% от численности детской выборки. Доля подростковой группы (10-14 лет) тоже достаточно высока и составляет 27,4%. На отдельных черепах детей 5-14 лет отмечены следы искусственной деформации.

Детские погребения были обнаружены в курганах-кладбищах и характеризуются следующими типами могильных конструкций. Так, детей в возрасте 0-4 года чаще всего хоронили в могилах подпрямоугольной или подквадратной конструкции – 38,3%; чуть меньше в катакомбах – 36,7% и четвертую часть в насыпи кургана – 25 %. Обнаружен и очень редкий вид могильного сооружения – каменный ящик, в погр. 12 кург.11 на правом берегу Восточного Маныча. Погребение парное, женщины и ребенка 3-4 лет [*Эрдниев*, 1982, с. 26]. По мнению М.В. Андреевой [*Андреева*, 2014, с. 22], подобные каменные ящики, обнаруживаются, главным образом, на памятниках Ставропольской возвышенности. Доля индивидуальных захоронений в этой группе составляет 65%; парные захоронения – 30% и коллективные могилы – 5%.

Дети возрастной когорты от 5 лет до 9 лет чаще погребались в могильных конструкциях катакомбного типа – 65,6%; значительно реже в могилах подпрямоугольных или подквадратных конструкций – 16,7% и в насыпи кургана было погребено 17,7% детей. Чаще всего им сооружалась отдельная могила – 84,4%, в парных и коллективных захоронениях оказалось 13,5% и 2,1% соответственно.

© Чекунова С.В., 2020

Что касается подростков 10-14 лет, то для них наиболее характерно погребение в могилах катакомбной конструкции – 35,6% и как не удивительно в насыпи кургана на различной глубине – 47,5%. Доля погребений в подпрямоугольных или подквадратных могильных ямах незначительна – 16,9%. Подростков чаще хоронили индивидуальных могилах – 86,4%; доля парных и коллективных погребений составляет 11,9% и 1,7% соответственно.

Наличие во всех возрастных группах парных и коллективных захоронений, по мнению М.В. [*Андреева,* 2014, с. 187] свидетельствует о важной функции взрослых погребенных с детьми быть «детоводителями» – проводниками на семейно-родовое кладбище, а совместные разнопоколенные погребения в одной камере можно трактовать как символическую демонстрацию предковых отношений.

Что касается погребального инвентаря, то спецификой детских захоронений является наличие его в минимальных количествах или его полное отсутствие. Так, в погребениях первой возрастной когорты (0-4 года) было зафиксировано 12 безынвентарных погребений, что составляет 20,0 %, а самой распространенной категорией вещей были лепные сосуды (90% погребений) и глиняные курильницы (8 глиняных курильниц, что составляет 13,3%). Чаще всего она была на крестообразной ножке с внутренним полукруглым отделением внутри чаши. Среди другого инвентаря в шести погребениях были обнаружены кости мелкого рогатого скота (далее МРС) и куски охры; в пяти погребениях альчики барана и костяные кольца (более 90 штук); в трех погребениях найдено по несколько костяных трубочек, каменный пест-терочник, бронзовый нож и бронзовое четырехгранное шило; в двух погребениях находились бронзовые бусы и по одному разу встретились костяной предмет из трубчатой кости животного, глиняная модель повозки, бронзовый наконечник копья, 3 бронзовых умбона, бараньи астрагалы, золотая плоская кольцевидная подвеска.

Наибольший интерес представляется погр.1 кург. 58 I группы курганов на левом берегу Восточного Маныча. Погребение парное женщины в возрасте 25-29 лет и ребенка 2-3 лет. Оба черепа погребенных были со следами искусственной деформации. С левой стороны перед лицом ребенка находилась глиняная модель повозки. По поводу таких погребений С.В. Иванова и В.В. Цимиданов [*Иванова, Цимиданов*, 1993, с. 24] высказали гипотезу о принадлежности умерших к высокому социальному статусу.

Распределение инвентаря в погребениях детей 5-9 лет следующее: безынвентарных оказалось 27 детских захоронений, что составляет 28,1%. Преобладающей категорией вещей также являются лепные сосуды (76%). Чаще чем в погребениях других возрастных групп встречается глиняная курильница – 18 случаев (18,75%). В 11 погребениях были обнаружены костяные кольца; в 8 погребениях находились бараньи астрагалы; в 7 погребениях - бронзовые подвески; по 6 раз были встречены костяные трубочки из костей МРС, бронзовые бусы и кусков охры; в четырех случаях найдены кости МРС; в двух случаях - костяные молоточкообразные булавки, подвески из раковины, сурьмяная височная подвеска в 1,5 оборота, кремниевые пластинки, бронзовые шила и бронзовые булавки; по одному разу встретились: бисерные пастовые бусинки, костяная подвеска, подвеска из оленьего зуба и подвеска из клыка лисицы, каменная четырехгранная плитка, точильный камень, медная подвеска, бронзовое листовидное копье, альчик КРС (коровы), бронзовая и костяная бляхи.

Из 59 захоронений подростков 23 были безынвентарными (около 39,0%) и их доля значительно больше, чем в других возрастных группах. Наиболее распространенной категорией вещей, как и в могилах других возрастных групп, являются лепные сосуды (61,0% встречаемости) и глиняные курильницы (20,3%). К предметам хозяйственной утвари можно отнести и глиняную четырехгранную плошку, которая была встречена один раз. Кроме того, можно выделить: бараньи астрагалы (9 погребений); костяные кольца (8 погребений); костяные трубочки из костей МРС (6 погребений); бронзовые бусы (5 погребений); кости МРС (4 погребения); подвеска из раковины (2 погребения); костяная подвеска (2 погребения). По одному разу были встречены: бронзовая подвеска, костяная молоточкообразная булавка, бронзовая подвеска в 1,5 оборота и бронзовое четырехгранное шило.

Выше приведенные информация по погребальному обряду и инвентарю использовалось для реконструкции этапов социализации детей. Так, выяснилось, что дети от 0 до 4 лет характеризуются абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного

инвентаря, большая часть которого представлена сосудами. Видимо у детей от 5 до 9 лет начинается процесс возрастной социализации, с включением в экономику семьи. Об этом свидетельствует увеличение доли кухонной посуды и появление других категорий вещей. Гендерная социализация в этой группе детей, также нашла отражение в наличии украшений. Возрастная и гендерная социализация, видимо, полностью отражается в погребениях подростков, 10-14 лет, так как набор инвентаря соответствует набору взрослых мужчин и женщин.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в катакомбном обществе дети погребались по одному и тому же обряду, что и взрослые, но в сопровождении более скудного, как правило, инвентаря. Наше исследование позволило выделить две социально-значимые возрастные группы детей: от 0 до 4 и от 5 до 14 лет. Первая характеризуется абсолютным преобладанием гендерно-нейтрального сопроводительного инвентаря. Вторая группа отражает процесс гендернойи возрастной социализации.

Библиографический список

Андреева М.В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников // Москва: ТАУС, 2014. 272 с.
Иванова С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. Донецк, 1993. №2. С. 23-24.
Эрдниев У.Э. Археологические памятники Южных Ергеней // Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982б. 153 с.

CHILDREN'S BURIAL CATACOMB CULTURE (ON MATERIALS OF BURIAL GROUNDS OF EAST MANYCH)

S. Chekunova

Volgograd State University, Volgograd
sveta.chekunova.97@mail.ru

Academic supervisor - professor M. Balabanova

The article is devoted to the analysis of 215 children's graves of the catacomb culture of the burial grounds of Eastern Manych. The results of the study showed that the most popular group were children 5-9 years, and the proportion of age cohorts 0-4 years and 10-14 years is almost the same. The distribution of the number and types of things in the burial was directly related to the number of years lived by the child. The absolute majority of burials of children under 4 years are gender-neutral. Age and gender socialization, probably began at the age of 5-9 years and over by age 10-14 years.

Keywords: Eastern Manych, middle bronze age, funeral rite, age groups, funeral inventory, socialization.

УДК 903.2

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ УЛАК-1

Т.А. Явная

Башкирский государственный университет, Уфа
yavnaya-t@mail.ru

Научный руководитель – В.И. Мухаметдинов

Поселение Улак-1 первый памятник, принадлежащий синташтинско-аркаимскому кругу, в зауральской Башкирии. Анализ культурной стратиграфии, по керамическому материалу из

© Явная Т.А., 2020

раскопок 2015 года, позволил сделать предварительные выводы о культурных контактах на памятнике.

Ключевые слова: Улак, керамика, синташтинская культура, стратиграфия.

Укрепленные поселения, являющиеся одним из маркеров носителей синташтинско-аркаимской культурной традиции, в восточных предгорьях хребта Урал-тау до определенного момента известны не были. Поселение Улак-1 было выявлено в 1996 году на территории Башкирского Зауралья Н.А. Савельевым. Такие его особенности, как: круговая планировка, наличие выраженного внешнего вала и радиальное расположение жилищных впадин позволяют судить о том, что памятник принадлежит синташтинско-аркаимскому кругу, присущему памятникам территорий Челябинской и Оренбургской областей. Улак-1 – первый памятник подобного рода в зауральской Башкирии, а его расположение непосредственно в горной стране свидетельствует об освоении синташтинским населением и данной экологической ниши [*Бахшиев, Ардисламов*, 2015, с. 166].

Поселение расположено северо-западнее деревни Баишево Баймакского района Республики Башкортостан, на низкой пойменной террасе правого берега ручья Улак (правый приток р. Бол. Уртазымка).

После обнаружения памятника было заложено два рекогносцировочных шурфа размером 2х2 м. В 2003 году в восточной части памятника была заложена траншея 2×10 м.

К весне 2015 года памятник уже изучался рядом специалистов – работников Института геофизики Уральского отделения РАН под руководством В.В. Носкевича. Опираясь на этот опыт исследований на синташтинско-аркаимских поселениях Южного Зауралья – Каменный Амбар, Ольгино, Коноплянка, Сарым-Саклы, на укрепленном поселении Улак-1 были организованы крупные съемки, с помощью магнитного метода была отснята вся территория памятника. Полученная карта магнитных аномалий позволила получить неполное восстановление внутренней планировки поселения и установить расположение наружных валов и рва [*Бахшиев, Ардисламов*, 2015, с. 167].

В июле 2015 года на поселении был заложен раскоп, площадь которого составила около 109 кв. м, Г-образной конфигурации. Периметр разбитого участка охватывал две жилищные впадины, участок перемычки – «стены» между ними, а также фрагмент вала и рва.

На уровне материка найдено и зафиксировано более 200 столбовых ям. Их местонахождение может свидетельствовать о том, что на данной территории функционировали параллельно несколько наземных построек каркасно-столбового типа. Ширина вала в пределах раскопа: в основании – 5,7–6 м, сохранившаяся высота – 0,4–0,5 м [*Бахшиев, Ардисламов*, 2015, с. 167].

Несмотря на то, что по планиграфическим характеристикам памятник можно отнести к синташтинской культуре, без анализа артефактного набора и, особенно, керамики, говорить об определенной культурной ситуации на поселении затруднительно. Особенно, учитывая периферийное расположение памятника относительно ареала распространения круглоплановых синташтинских поселений в целом, а также факты использования таких поселений для проживания более поздними археологическими культурами.

Анализ культурной стратиграфии Улак-1по керамическому материалу еще не был произведен, в связи с чем нельзя однозначно говорить о принадлежности памятника к той или иной археологической культуре, из чего складывается основная цель настоящей работы – определение культурной ситуации на памятнике[1]

Задачи исследования:

1. Описать керамический материал и систематизировать данные о его местонахождении в культурном слое;
2. Сопоставить керамику поселения с керамическими типами различных археологических культур Южного Урала.

За «маркер» были взяты фрагменты керамики, чью культурную принадлежность можно было определить на основании признаков, выделенных исследователями эпохи бронзы

[1] Выражаю благодарность И.И. Бахшиеву за предоставленную возможность работы с неопубликованным материалом.

Южного Урала [*Сальников*, 1967; *Кузьмина*, 1994; *Ткачев, Хаванский*, 2006; *Мочалов*, 2008]. На основании совокупности признаков первоначально был определен вероятный спектр культур, оставивших свою керамику на поселении. В него вошли: синташтинская, абашевская, раннесрубная и раннеалакульская культуры. Кроме того, одна группа керамики обладала чертами смешения срубных и алакульских признаков.

Затем по упомянутым работам для каждой из культур был определен набор признаков, позволяющий более аргументировано атрибутировать каждый определяемый фрагмент. Признаки удалось образовать в следующую систему:

I. Первая группа взаимовстречаемых признаков (абашевская)

1. внутреннее ребро в верхней части сосуда
2. ряды узких заштрихованных ромбовидных узоров
3. мелкий гребенчатый штамп
3. волнистые каннелюры

II. Вторая группа взаимовстречаемых признаков (синташтинская)

1. внутреннее ребро в верхней части сосуда
2. рельефные валики
3. прямые каннелюры
4. «лентовидный» орнамент из параллельных прямых линий, промежуток между которыми заполнен оттисками мелкого гребенчатого штампа

III. Третья группа взаимовстречаемых признаков (раннесрубная)

1. баночная форма или горшечная с плавным профилем
2. отсутствие орнамента или его бедность (ряды наколов или прямых оттисков штампа
3. рельефное заглаживание поверхности (расчесы)

IV. Четвертая группа взаимовстречаемых признаков (раннеалакульская)

1. равнобедренные или косые заштрихованные треугольники;
2. лощение поверхности сосуда;
3. темная или черная поверхность;
4. гладкий штамп.
5. уступ в месте перехода от тулова к шейке

Группа срубно-алакульских фрагментов сочетала признаки третьей и четвертой групп в разных вариациях.

Из генеральной выборки в 199 фрагментов керамики, обнаруженных в раскопе 2015 г., в качестве маркеров получилось использовать 42 фрагмента. К синташтинской культуре были отнесены 10 фрагментов (24%), к абашевской – 9 фрагментов (21%), к раннесрубной – 14 фрагментов (33%), к раннеалакульской – 4 фрагмента (10%) и к срубно-алакульской – 5 фрагментов (12%).

Для выявления культурной стратиграфии было рассмотрено распределение фрагментов выделенных культур по пластам культурного слоя. Результаты распределения представлены в таблице 1.

Видно, что насыщенность горизонтов находками несколько различается. Половина всех синташтинских фрагментов располагается на третьем горизонте, а треть распределена между четвертым и, также ранними, слоями у основания вала и в столбовой яме.

Абашевская и раннесрубная керамика преобладает на втором горизонте, остальные фрагменты распределены на 3 горизонте, а также на ранних горизонтах – четвертом и основании вала. В то же время видно, что в процентном соотношении, керамика абашевской культуры на ранних слоях встречается чаще срубной.

Раннеалакульская керамика в основном располагалась на третьем горизонте. Срубно-алакульская на втором, и отдельные фрагменты на нижних горизонтах.

Принимая во внимание нерепрезентативность выборки, которая требует расширения, и невозможность сделать адекватные выводы о культурной стратиграфии без опубликованных данных о стратиграфической ситуации на памятнике, все же можно сделать ряд предположений.

1. Тяготение синташтинской керамики к нижним горизонтам свидетельствует, вероятнее всего, об основании памятника представителями синташтинской культуры.

2. Незначительное преобладание раннесрубной керамики и равнозначное соотношение абашевской керамики с синташтинской может говорить о том, что восточные предгорья Урала на определенном этапе становятся контактной зоной данных культур.

3. На поздних этапах существования памятника синташтинскую и абашевскую культуры сменяет раннеалакульская, активно взаимодействуя с доживающей до этого времени срубной.

Таблица 1. Количественное соотношение керамики археологических культур на поселении Улак-1 на разных стратиграфических горизонтах и в комплексах

	гор. 2	**гор. 3**	**гор. 4**	**основание вала**	**столбовые ямы**	**Всего**
синташтинская	2 (20%)	5 (50%)	1 (10%)	1 (10%)	1 (10%)	10 (100%)
абашевская	5 (56%)	1 (11%)	1 (11%)	2 (22%)		9 (100%)
раннесрубная	8 (57%)	4 (29%)		2 (14%)		14 (100%)
раннеалакульская	1 (25%)	3 (75%)				4 (100%)
срубно-алакульская	3 (60%)		1 (20%)	1 (20%)		5 (100%)

Библиографический список

Бахшиев И.И., Ардисламов Ф.Р. Поселение бронзового века Улак-1. С. 166-168 [Электронный ресурс] URL: http://ig.ufaras.ru/File/3Yconf2015/40_mk2015.pdf (дата обращения: 1.11.2019)

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. 464 с.

Мочалов О. Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Изд-во СГПУ, 2008. 252 с.

Савельев Н.С., Яминов А.Ф. Улак-1 – новое укрепленное поселение эпохи бронзы в Башкирском Зауралье //Народы Южного Урала и их соседи в древности и в средневековье. Уфа: БашГУ, 2004.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: 1967. 408 с.

Ткачев В.В, Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры: монография. Орск – Самара: ОГТИ, 2006. 180 с.

CULTURAL ATTRIBUTION OF CERAMICS FROM THE SETTLEMENT OF ULAK-1

T. Yavnaya

Bashkir State University, Ufa
yavnaya-t@mail.ru

Academic supervisor – V. Mukhametdinov

Ulak-1 settlement is the first site of the sintashta-arkaim area in Trans-Ural Bashkiria. The analysis of cultural stratigraphy, based on research of ceramic from excavations in 2015, allowed to draw preliminary conclusions about cultural contacts in the settlement.

Keywords: Ulak, ceramics, syntashta culture, stratigraphy.

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА»

УДК 904

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ VI-IV ВВ. ДО Н.Э.

Г.В. Абрамов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
red.white.green.404@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Евгеньев

В статье анализируются находки из воинских погребений ранних кочевников Южного Приуралья. Рассмотренный материал позволяет выделить характерные черты погребального обряда.

Ключевые слова: ранние кочевники, предметы вооружения, Южное Приуралье.

Войны оказывали большое влияние на древнее население степи, что сказалось на археологическом материале. Целью данной работы является анализ материалов воинских погребений ранних кочевников Южного Приуралья.

В выборке использовались находки из 33 погребений 6 курганных могильников (КМ Покровка 1, Покровка 2, Покровка 10, Студеновский II, Акоба II, Филипповка I). Памятники находились возле реки Илек и близлежащих территорий.

КМ Покровка 1, 2, 10. В этих могильниках обнаружено 7 погребений с предметами вооружения. В четырех погребениях костяки имели западную ориентировку, в двух южную, в одном случае не удалось определить ориентировку. Среди предметов вооружения были обнаружены три меча. От двух мечей сохранились только рукояти с бабочковидным перекрестием. В погребении 6 кургана 23 КМ Покровка 2 под костяком находился длинный меч (94 см) с брусковидным навершием и прямым перекрестием [*Яблонский, Трунаева, Веддер, Дэвис-Кимболл, Егоров*, 1994, с. 49]. Во всех погребениях найдены бронзовые наконечники стрел. В трех погребениях присутствовала керамика и украшения. В пятом погребении кургана 2 была найдена пластина с изображением кошачьего хищника. В первом погребении кургана 17 КМ Покровка 2 обнаружили подвеску из кабаньего клыка. Данные погребения датируются VI-V или V в. до н.э. [*Веддер, Егоров, Дэвис-Кимболл, Моргунова, Трунаева, Яблонский*, 1993, с. 38; *Яблонский, Дэнис-Кимбол, Демиденко, Малашев*, 1996, с. 47].

КМ Студеновский II. Первое погребение кургана 2 сильно повреждено. Костяк не сохранился в первоначальном положении. В самом погребении найдено несколько бронзовых наконечников стрел, браслеты, зеркало из бронзы и железный клинок. Вне погребения были найдены две рукояти меча и один целый меч. У всех мечей было бабочковидное перекрестие. Навершие у сохранившегося меча было волютообразным, а у обломков — антенновидным и брусковидное. К северо-западу от центра кургана был найден фрагмент венчика сосуда. Погребение датируют в пределах первой половины V в. до н.э.[*Купцов, Моргунова*, 2019, с. 159].

КМ Филипповка I. Найдено 23 погребения с предметами вооружения. Восемь из них являются коллективными. Девять погребений подверглись ограблению. В погребениях преобладает южная ориентировка. Найдено 17 мечей и кинжалов разных типов. Чаще всего встречаются мечи с бабочковидным перекрестием (8 мечей). Нередки мечи «переходного типа»

© Абрамов Г.В., 2020

с прямым или слабоизогнутым перекрестием [*Берлизов*, 2011]. Несколько мечей украшены золотыми узорами. Найдены 8 наконечников копий, из которых 6 имеют листовидную форму. Во всех погребениях найдены бронзовые наконечники стрел. Наконечников могло быть от нескольких десятков до нескольких сотен. Так во втором погребении кургана 26 было найдено 223 бронзовых втульчатых наконечников стрел. Наконечники отличались друг от друга по форме и размеру. В пятом погребении 4 кургана сохранился лук скифского типа. Длина лука — 60 см [*Яблонский,* 2013, с. 121]. Помимо наступательного вооружения, также встречалось и защитное вооружение. В шести погребениях найдены металлические доспехи. Доспехи состояли из железных пластин. Во втором погребении кургана 29 было найдено 89 костяных пластин. Единственный шлем обнаружен в первом погребении кургана 11. В шлеме заметно влияние «кубанских» и античных шлемов. Находки конской сбруи встречаются в пяти погребениях. В первом погребении кургана 11 найдены три уздечных набора. Керамика встречается только в 4 погребениях. В большом количестве присутствуют разнообразные украшения. Четвертое погребение кургана 4 сопровождал серебряный сосуд и украшения из золота (гривна и нашивки). Памятники КМ Филипповка I датируются второй половиной V - IV в. до н.э. [*Пшеничнюк,* 2012, с. 8].

КМ Акоба II. В этом комплексе обнаружено два погребения с предметами вооружения. Во втором погребении кургана 1 погребенный располагался диагонально головой на ЮЗ. Среди находок были найдены меч с прямым перекрестием и бабочковидным перекрестием (длина — 63,5 см), наконечник копья листовидной формы, колчан и горит, в которых хранились бронзовые втульчатые наконечники стрел (22 и 148), железные удила. В первом погребении кургана 2 костяк располагался головой на запад. Среди находок был найден кожаный колчан с 73 бронзовыми наконечниками стрел. В погребениях керамики не обнаружено. Данные погребения датируются второй половиной V-IV вв. до н.э. [*Моргунова, Краева*, 2012, с. 198]

Таблица 1. Инвентарь погребений

	Наконечники стрел	**Мечи**	**Наконечники копий**	**Защитное вооружение**	**Конская упряжь**	**Украшения**	**Датировка**
КМ Покровка 1							
К2, П5	+					+	V в. до н.э.
КМ Покровка 2							
К2, П1	+	+		+		+	VI-V вв. до н.э.
К2, П2	+						V вв. до н.э.
К2, П3	+	+					V вв. до н.э.
К17, П1	+					+	VI-IV вв. до н.э.
К23, П6	+	+				+	VI-IV вв. до н.э.
КМ Покровка 10							
К4, П1	+						VI-IV вв. до н.э.
КМ Студеновский II							
К2, П1	+	+					первая половина V в. до н.э.

КМ Филипповка I							
К1, П1	+				+	+	V-IV вв до н.э.
К3, П1	+	+		+		+	V-IV вв до н.э.
К4, П2	+	+	+	+		+	V-IV вв до н.э.
К4, П3	+		+			+	V-IV вв до н.э.
К4, П4	+	+	+			+	V-IV вв до н.э.
К4, П5	+					+	V-IV вв до н.э.
К5,П5	+						V-IV вв до н.э.
К6, П1		+			+		V-IV вв до н.э.
К7, П1	+	+	+	+		+	V-IV вв до н.э.
К9, П1	+			+		+	V-IV вв до н.э.
К10, П1	+	+	+	+			V-IV вв до н.э.
К11, П1	+	+	+	+	+	+	V-IV вв до н.э.
К13, П1		+					V-IV вв до н.э.
К14, П1	+					+	V-IV вв до н.э.
К15, П1			+		+	+	V-IV вв до н.э.
К15, П3	+	+					V-IV вв до н.э.
К23, П3	+	+				+	V-IV вв до н.э.
К24, П2	+	+					V-IV вв до н.э.
К25, П1	+				+		V-IV вв до н.э.
К26, П2	+						V-IV вв до н.э.
К28, П1	+	+		+	+	+	V-IV вв до н.э.
К29, П2				+		+	V-IV вв до н.э.
К29, П5	+		+			+	V-IV вв до н.э.

КМ Акоба II							
К1, П2	+	+	+		+		V-IV вв до н.э.
К2, П1	+						V-IV вв до н.э.
Частота встречаемости	87,8%	51,5%	27,3%	27,3%	21,2%	57,5%	

Среди рассмотренных погребений с предметами вооружения большинство являются индивидуальными. Только 8 погребений из 33 были коллективными.

Самыми распространенными находками предметов вооружения среди данных погребений оказались бронзовые втульчатые наконечники стрел (87,8%). В захоронении их могло находиться от десятка до нескольких сотен. Это может говорить о большой роли лучников в военном деле ранних кочевников.

Находки мечей встретились в 17 погребениях (51,5%). Среди них чаще всего (10 мечей) встречаются мечи с бабочковидным перекрестием, но нельзя сказать о преобладании одного типа. Подобные мечи можно встретить во многих культурах степного пояса Евразии данного периода. Наконечники копий встретились в 9 погребениях (27,3%).

Большинство доспехов происходят из КМ Филипповка I и, как правило, сопровождались в погребении несколькими видами вооружения (наконечники, копий, наконечники стрел, мечи). Среди выборки встретилось 4 погребения (12,1%), где сочеталось несколько видов оружия ближнего боя, дальнего боя и защитное вооружение.

В 9 погребениях найдены детали конской упряжи (21,2%), из которых в 5 было сразу несколько уздечных наборов. Среди представленных погребений в 19 встретились различные украшения (бусы, зеркала, украшения из драгоценных металлов), которые сопровождали погребенного (57,5%).

На основе рассмотренного материала можно выделить основные черты погребального обряда в воинских захоронениях. Преимущественно это индивидуальные погребения с предметами вооружения. Чаще всего погребенного сопровождали наконечники стрел. Чем выше был статус погребенного, тем более обширный комплекс вооружения содержался в погребении. Нередко в таких погребениях были еще и различные украшения. Материал украшений тоже отличался в зависимости от статуса погребенного.

Библиографический список

Берлизов Н.Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум. Ч. I. 2011. 320 с.

Дж. Веддер, *Егоров В.Л., Дж. Дэвис-Кимболл, Моргунова Н.Л*, *Трунаева Т.Н., Яблонский Л.Т.* Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992. // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М, 1993. С. 18-54.

Купцов Е.А., Моргунова Н.Л., Курган 2 Студеновского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья : сб. науч. тр. Вып. 10. Оренбург. 2019. С. 150-160.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Моргунова Н. Л., Краева Л. А. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья : сб. науч. тр. Вып. 10. Оренбург. 2012. С. 156-200.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 200472009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М, 1994. С. 4 - 60.

Яблонский Л.Т., Дэнис-Кимбол Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю. Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7, и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М, 1996. С. 7 -48.

MILITARY BURIALS OF EARLY NOMADS OF THE SOUTHERN URALS VI-IV CENTURIES BC

G. Abramov
Orenburg state pedagogical University, Orenburg
red.white.green.404@gmail.com

Academic supervisor PhD A. Evgeniev

In this article are analyzed finds from military burials of early nomads of the southern Urals The considered material allows to allocate characteristic features of a funeral ceremony.

Keywords: early nomads, weapons, southern Urals.

УДК 902/551.8

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КЛИМАТА И ЛАНДШАФТА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

А.А. Андриевский
Казанский федеральный Университет, Казань
qwerty-4598@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Л.А. Вязов

Статья посвящена истории исследования и современности палеогеографии и палеоэкологии Среднего Поволжья. Обсуждаются основные подходы и методологии, используемые для реконструкции растительности и динамики ландшафта.

Ключевые слова: палеогеография, археология, ландшафт, Среднее Поволжье, палеоэкология, историография.

Изучение ландшафтов в прошлом является важным составляющим любого исторического исследования, т.к. на протяжении всей человеческой истории окружающая среда являлась важным источником природным богатств и определяющим фактором расселения человека. Вследствие взаимодействия человека с природой происходило изменение окружающего его ландшафта, что приводило порой к уничтожению уникальных природных экосистем. Поэтому проблема исторической реконструкции динамики природной среды становится не столько теоретической, сколько практической и даже социально-экономической. Для сохранения биологического разнообразия на любой территории необходимо понимать, что закономерности организации и функционирование экосистем тесно связаны с их историческим развитием.

Историю исследований климата и палеоландшафтов на территории Среднего Поволжья можно разделить на 3 этапа.

Первый этап: середина XVIII–XIX вв.

Началом изучения климата можно считать начало метеорологических наблюдений и открытие участниками экспедиции Беринга в Казани летом 1733 г. первой метеорологической станции.

Результаты наблюдений стали публиковаться с августа 1811 г. в газете «Казанские известия». В 1843 г. в Елабуге были начаты наблюдения за температурой воздуха, которые проводились с 1843 по 1850 гг. и с 1864 по 1873 гг. при уездном училище. Метеорологическая станция с более полной программой наблюдений была открыта в феврале 1886 г.

Второй этап: начало XX – 50-е гг. XX в.

© *Андриевский А.А., 2020*

Наряду с наблюдением метеорологических явлений и изучением климата, с начала XX века начинается фиксирование и изучение растительного покрова и ландшафта.

В 1901 году выходит многотомное издание под редакцией В.П. Семенова «Россия полное географическое описание нашего отечества», шестом том которого посвящен Среднему и Нижнему Поволжью.

Также происходит быстрое развитие метеорологической сети в Поволжье в период с 20-х по 40-е годы в связи с появлением новых отраслей народного хозяйства (особенно авиации), которые требовали более широкого и детального учета метеорологических условий.

В 1953 году выходит книга Ф.Н. Милькова «Среднее Поволжье. Физико-географическое описание, где помимо климата и рельефа, описаны водные объекты, животный мир, растительность, выделил почвенные и ландшафтные зоны. После этого долгое время не выходило обобщающих работ по темам растительности, ландшафта и землепользования.

Третий этап: 70-е гг. XX века.

В этот период начинается исследование палеоэкологии по различным ее критериям. Так в 1971 году работа *Ю.А. Краснова «*Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы», в которой, на основе изученных археологических материалов, описаны техники обработки почвы и системы земледелия, а также переработка и система хранения продуктов. Выделены стадии животноводства и его особенности для данного региона.

Кроме того в эти годы активно проводятся исследования с применением спорово-пыльцевого анализа по округе Билярского городища, Алексеевского района респ. Татарстан [Шаландина В.Т.,1976], [*Ятайкин, Шаландина,*1976], [*Туганаева*, 1976].

Четвертый этап: конец XX – наше время.

Этот период можно охарактеризовать усовершенствованием методов и отведению большой роли палинологическим анализам. На основе данных полученных с территории Казанского кремля делалась реконструкция окружающей среды Казани, [*Николаева, Кашапова,* 1999], а позже изучалось антропогенное изменение растительности данной территории [*Шаландина, Ситдиков*,2009].

Наиболее полноценными и правильно отражающими данными можно считать исследования торфяников под Казанью [*Бакин*, 2011], а также работа по озерным отложениям Приволжской возвышенности [*Благовещенская*, 2009] дополнили и уточнили информацию по истории голоцена в респ. Татарстан.

Многие из работ посвящены усовершенствованию и разработке новых методов получения информации, такие как рельефообразование и анализ уровня рек [*Панина*, 2010; 2015], эволюция почв и динамика климата степей [*Демкин*, 2013], скорость почвообразования на культурных слоях [*Гольева*, 2013], эрозийная устойчивость пахотных земель [*Золотов*, 2007].

Многие из работ затрагивают поставленную тему через реконструкцию природной среды археологических памятников, такие как стоянка Пестречинская IV, Гулюковская III стоянка [*Линкина*, *Николаева,* 2011], Тойгузинское II городище, а также работа И.В. Аскеева, О.В. Аськеева и Д.Н. Галимовой «Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье)» [*Аськеев, Аськеев, Галимова,* 2009].

Образцом современных исследований палеоэкологии может служить совместная работа Вязова Л.А. с другими исследователями по демографическому изменению и антропологических ландшафтов на Среднем Поволжье, в которой представлены новые данные по СПА [*Vyazov L., et al.*, 2019].

Изучение рельефа, ландшафта и палеоэкологии в целом на территории Среднего Поволжья прошло долгий путь, но не достигло больших результатов.

Главной причиной плохого изучения палеоэкологии в изучаемом регионе является отсутствие статистических и комплексных данных по спорово-пыльцевому анализу. Полученные колонки либо не имеют достаточного кол-ва пыльцы для более точной реконструкции, либо они не передают экологическую обстановку более ранних исторических этапов.

Из первой причины вытекает вторая. Плохую сохранность пыльцы в культурных слоях памятников и торфяников, могло бы решить изучение озер, где пыльцевому отложению не

мешают и на них не воздействуют второстепенные факторы. Однако провести комплексное изучение озерных отложений не представляется возможным в силу отсутствия достаточно глубоких и древних озер. Одной и причин отсутствия таких озер является строительство на территории Среднего Поволжья сразу двух ГЭС: Нижнекамской и Куйбышевской.

В современной науке на данный момент ключевой проблемой при изучении палеоэкологии климата становится не простая их реконструкция, как это было раньше, а ставятся более точные и конкретные вопросы, такие как, географические и экологические факторы расселение человека, взаимодействие человека с окружающей средой в прошлом или формирование ландшафтов и почв под антропогенным влиянием. Однако для этого нужно изначально восстановить наиболее верную и отражающую прошлую реальность реконструкцию климата и ландшафта, данной территорию, и это сложная задача продолжает лежать в основе современных исследований по данному вопросу.

Библиографический список

Бакин О.В., Панова Н.К., Антипина Т.Г. Материалы по истории раннего голоцена Татарстана // Археология и естественные науки Татарстана., 2011. С. 202–216.

Благовещенская Н.В. История растительности центральной части Приволжской возвышенности в голоцене // дисс…докт. биол. наук. Ульян.: 2009. 664с.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. – М.: Наука, 1971. 168с.

Линкина Л.И., Николаева К.В. К истории растительности голоцена в районе стоянки Гулюково III (по результатам палинологического анализа) // Археология и естественные науки Татарстана, 2011. – С.217–224.

Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье: физико-географическое описание. М: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 267с.

Николаева К.В., Кашапова Г.И. Спорово-пыльцевой анализ образцов из раскопов Казанского Кремля (к датировке культурного слоя средневекового города) // Средневековая Казань: возникновение и развитие, 2000. –294с.

Исследования Великого города. М., 1976.

Vyazov L., et al. Demographic Changes, Trade Routes, and the Formation of Anthropogenic Landscapes in the Middle Volga Region in the Past 2500 Years. 2019. https://doi.org/10.1007/978-3-030-00728-7_19 (Дата обращения: 12.05.19).

THE HISTORY OF THE STUDY OF CLIMATE AND LANDSCAPE ON THE TERRITORY OF THE MIDDLE VOLGA REGION

A. Andrievskiy

Kazan Federal University, Kazan
qwerty-4598@mail.ru

Academic supervisor – PhD L. Vyazov

The paper is devoted to the history of the study and the state of the art of paleogeography and paleoecology of the Middle Volga region. The major approaches and methodologies used for the reconstruction of vegetation and landscape dynamics are discussed.

Keywords: Paleogeography, archaeology, landscape, Middle Volga region, paleoecology, historiography.

УДК 902

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КАРТОГРАФИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

А.А. Асанова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
asanova.1718@yandex.ru

Научные руководитеиь – д.и.н. Н.М. Чаиркина; О.В. Непомнящая

Вопросы мировоззрения древнего населения Зауралья в раннем железном веке продолжают оставаться дискуссионными. Наиболее исследованными являются орнитоморфные изображения, которые присутствуют на всех культовых памятниках, ряде городищ и поселений иткульской культуры. Наряду с орнитоморфными фиксируются антропоморфные изображения, отличающиеся большим разнообразием образов. В представленной работе собрана информация, проведен анализ и картографирование 25 антропоморфных изображений и литейных форм иткульской культуры. Их семантика и функциональное назначение разными исследователями трактуется неоднозначно. Исследование культовых памятников с антропологическими останками позволило предположить наличие разных культовых обрядов у населения иткульской культуры.

Ключевые слова: Зауралье, иткульская культура, ранний железный век, антропоморфные изображения, картографирование, интерпретация.

Первые антропоморфные изображения были обнаружены в Зауралье случайно в XIX – первой половине XX вв. В представленной работе рассматриваются антропоморфные изображения иткульской культуры, найденные в археологических кладах, на памятниках и случайные находки. Из обзора и классификации исключены артефакты, представленные на кладоискательских сайтах «чёрными» копателями. Проанализировано 25 антропоморфных изображений и литейных форм: 5 – случайные, в том числе дореволюционные находки (в их числе знаменитые Адуйский и Исетский идолы), 2 входят в состав Куганакского клада, 6 – из клада с Азов-горы, 4 – из Палкинского клада, 8 являются литейными формами.

Интерпретация антропоморфных изображений предложена рядом исследователей – Н. Н. Бортвиным, В. Д. Викторовой, Ю. П. Чемякиным, С. Н. Паниной, Ю. Б Сериковым [*Бортвин,* 1949; *Викторова,* 1999, 2002, 2008; *Панина,* 2012; *Чемякин,* 2002; *Сериков,* 2006]. В основе нашей классификации, которая по ряду позиций отличается от предложенных ранее, заложены следующие характеристики: абрис изображений, количество – одиночные или групповые, наличие четко выделенных конечностей. В первую группу изображений вошли фигуры со столбообразным абрисом. Детали так же, как у птицевидных, обозначены невысоким узким валиком и полугорошинами. Головы фигур завершаются либо лучами, либо зубцами, в которых можно предположить схематизацию лучей.

Вторая группа представлена изображениями на пластине с невыделенными конечностями, возможно, – не единичное изображение, а два и более, соединенных между собой.

Третья группа изображений представлена абрисом человеческих фигур с Азов-горы. Все фигурки безликие, выполнены весьма небрежно. Конечности выделены.

Проведённая картография мест обнаружения этих изделий и соотнесение их с памятниками археологии иткульской культуры позволила отметить закономерности расположения артефактов. Большая часть фигур первой группы собрана в районах севернее Екатеринбурга (7 из 9). Антропоморфы второй группы обнаружены в центральной части иткульского металлургического очага (5 из 7).

На Азов-горе найдены антропоморфные изображения всех трёх типов. Можно предположить особую роль Полевского гнезда, который находится в центре Иткульского очага и имеет не только производственные площадки и городище, но рудник и культовое место.

© Асанова А.А., 2020

Культовые памятники иткульской культуры можно подразделить на два типа:

1. Памятники, расположенные на возвышенности (г. Азов, Куяш – Огневское и др.). Здесь найдены металлические птицевидные изображения, наконечники стрел, бляхи и антропоморфные фигуры.

2. Памятники, содержащие погребальные комплексы, – оз. Шайтанское [*Сериков,* 2006], Скворцовская гора V [*Чаиркина,* 2011], Шайдурихинский могильник, Куртугуз I [*Стефанов,* 1998]. Находки представлены останками человеческих костей, в большинстве случаев кальцинированными, подвергшимися термическому воздействию, которые сопровождаются птицевидными изображениями и бляхами.

Анализ памятников с антропологическими материалами позволил предположить наличие разных культовых обрядов у населения иткульской культуры, что можно объяснить разным назначением обрядов и/или их разной хронологией. Можно предположить, что в V–IV вв. до н.э., во время рассвета иткульской культуры, практиковались обряды, связанные с жертвоприношениями. Позднее этот обряд, возможно, был изменён, и жертвы заменялись антропоморфными изображениями.

Библиографический список

Бортвин Н. Н. Находка на г. Азов на Урале // Краткие сообщения Института истории материальной культуры: Сб. 1949. Вып. XXV. С. 118–124.

Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего железного века) // Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 2 (24). С. 79–93.

Викторова В. Д. Клады древних металлургов Урала // Клады: состав, хронология, интерпретация. Санкт-Петербург, 2002. С. 38–42.

Викторова В. Д., Непомнящий А. В., Непомнящая О. В. Находки на горе Азов // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Екатеринбург, 1999. С. 126.

Панина С. Н. Иконографический анализ образов культовой металлопластике иткульской культуры лесного Зауралья. Ранний железный век // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Доклады. г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2012. С. 170.

Сериков Ю. Б. Культовый комплекс святилища на острове Шайтанский шихан // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 78 – 83.

Стефанов В. И. Куртугуз I – могильник раннего железного века Среднего Зауралья // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 112 – 116.

Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовская гора V). Екатеринбург. УрО РАН, 2011. 224 с.

Чемякин Ю.П. Бронзовая пластика раннего железного века с Барсовой горы // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург. Издательство Уральского университета. 2002. С. 214 – 245.

ANTHROPOMORPHIC IMAGES OF ITKUL CULTURE (CARTOGRAFY AND INTERPRETATION)

A. Asanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg
asanova.1718@yandex.ru

Academic supervisors - professor N. Chairkina; O. Nepomnyaschaya

Some aspects of the worldview of the ancient Urals population in the early Iron Age are not fully studied. Along with ornithomorphic images that exist on all cultural monuments urban settlements and settlements are also stable. The present study contains information about 25 anthropomorphic images and foundry forms of Itkul culture. Due to the analysis and study of cultural monuments with human victims we can suggest the existence of various religious rites among the population of Itkul culture. Perhaps changes or transformation of rituals occur when human sacrifices were replaced with copper anthropomorphic images.

Keywords: Trans-Urals, Itkul culture, Early Iron Age, anthropomorphic images, mapping, interpretation.

УДК 904 (470.56)

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ РЖВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ К. Ф. СМИРНОВА)

В.С. Астафьева

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
avc-96@yandex.ru

Научный руководитель — к.и.н. А.А. Евгеньев

В данной статье приводится анализ детских погребений кочевников раннего железного века из погребальных комплексов прохоровской культуры, находящихся на территории Оренбургской области и изученных археологической экспедицией под руководством К. Ф. Смирнова. Полученные выводы в целом соотносятся с выводами, полученными нами для Южного Приуралья в предыдущих работах

Ключевые слова: ранний железный век, прохоровская культура, сарматы, детские погребения, погребальный обряд, погребальный инвентарь, гендерно-возрастная социализация.

Для формирования целостной картины детских погребений кочевников РЖВ на территории Оренбургской области, необходимо обратиться к археологическим исследованиям прошлого века. Одним из выдающихся ученых, занимающихся изучением археологического наследия территории Оренбургской области во второй половине XX века, был Константин Федорович Смирнов.

К.Ф. Смирнов возглавлял Оренбургскую археологическую экспедицию Института археологии АН СССР в 1956-1974 гг. В этот период археологическая экспедиция под руководством К.Ф. Смирнова исследовала на территории Оренбургской области 17 курганных могильников. Семь из них (КМ Лапасина, КМ Мечет-Сай, КМ Близнецы, КМ Герасимовка II, КМ Герасимовка III, Ново-Кумакский КМ, КМ Увак) содержали 26 детских погребений и 2 погребения подростков, относящихся к прохоровской культуре. В том числе: 22 индивидуальных, 1 групповое, в котором захоронены мужчина, женщина и 3 ребенка (КМ Мечет-Сай К2/П4), 4 парных (в том числе: 1 – парное детские, 2 – ребенок, захороненный в паре с взрослым, 1 – подросток в паре со взрослым) и 1 тройное погребение. Всего в них содержалось 29 костяков детей и 2 костяка подростков.

В подборку вошли погребения, содержащие костяки, которые автор определил как детские или подростковые. При этом, во избежание погрешности в выводах работы, при анализе не учитывались разграбленные погребальные комплексы (КМ Мечет-Сай К2/П4, К6/П7) и потревоженные парные или групповые погребения, где невозможно было проследить, к кому из погребенных относился погребальный инвентарь (КМ Мечет-Сай К8/П3).

Анализируя погребальный обряд, следует отметить, что в целом все погребения соотносятся с традиционным погребальным обрядом кочевников РЖВ. При этом они характеризуются сравнительным разнообразием типов погребальных конструкций. Встречаются могильные ямы, которые делятся на катакомбы (3 случая), подбойные (12), простые прямоугольные (5), овальные (1) ямы и ямы, форму которых невозможно проследить (7). Впускных погребений среди них три. Одно захоронение было обнаружено в насыпи. В трех погребениях отмечается наличие гроба (КМ Герасимовка III К1/П7, К1/П8, КМ Увак К5/П4).

Говоря о наличии погребального инвентаря, стоит отметить, что семь погребений достоверно его не содержали. Только керамика и кости животных содержались в пяти погребениях. Пятнадцать погребений содержали разнообразный сопроводительный инвентарь.

© Астафьева В.С., 2020

КМ К/П	Погребальный обряд		Погребальный инвентарь					
	яма	ориентировка	кости	керамика	орудия	оружие	украшения	ритуал
КМ Лапасина К1/П2	Подбой	ЮЮЗ		+			+	+
КМ Близнецы К2/П3	Подбой	ЮЮЗ	+	+			+	+
КМ Мечет-Сай К3/П2	Овальная могила	ЮЮВ		+				
КМ Мечет-Сай К3/П3	Узкая прямоугольная могила	Ю		+			+	
КМ Мечет-Сай К3/П5	Подбой	ЮВ		+	+			+
КМ Мечет-Сай К3/П10	Катакомба	ЮЗ						
КМ Мечет-Сай К3/П12	Овальная могила с подбоем	ЗСЗ	+	+	+			+
КМ Мечет-Сай К3/П13/1	В заполнении	-					+	
КМ Мечет-Сай К3/П13/2	Подбой	ЮЗ			+		+	
КМ Мечет-Сай К6/П1	Подбой	Ю						
КМ Мечет-Сай К6/П5	Подбой	ЮЮВ	+	+		+		
КМ Мечет-Сай К6/П8	Впускная в могилу лошади	ЮЗ	+	+				
КМ Мечет-Сай К7/П1	Погребение под завалом плитняка	Ю	+		+		+	
КМ Мечет-Сай К7/П5	Подбой	ЮЮВ						
КМ Мечет-Сай К7/П13	Подбой	ЮЮВ	+	+	+			
КМ Герасимовка IIIК1/П7	Прямоугольная могила	З	+					
КМ Герасимовка IIIК1/П8	Прямоугольная могила	С	+					
КМ Герасимовка II К2/П1	-	ЮЗ						
Ново-Кумакский КМ К4	Впускная могила	ЮВ			+		+	
Ново-Кумакский КМ К20/П2	-	-		+				
КМ Увак К5/П3	Могила прямоугольной формы	Ю						
КМ Увак К5/П4	Могила с подбоем	ЮЮВ		+				
КМ Увак К11/П2	Катакомба	ВСВ	+	+				
КМ Увак К12/П1	В насыпи	ЗСЗ						
КМ Увак 12/П3	Прямоугольная могила	ЮЮВ		+			+	

Таблица 1. Детские погребения кочевников РЖВ по материалам раскопок археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова на территории Оренбургской области

Природные артефакты сопровождают 14 костяков. Среди них наиболее часто встречаются кварцитовая галька, кусочки мела и меловая посыпка. Самыми редкими среди них

являются кусок мела, напоминающий антропоморфную фигурку (КМ Близнецы К2/П3), кусочек дерева с бронзовой полоской (КМ Мечет-Сай К6/П8).

Уникальной вещью, функциональное значение которой определить не удалось, является панцирь черепахи (КМ Лапасина К1/П2).

Кости животных (МРС, КРС, лошадь) составляют погребальный обряд девяти погребенных.

Керамика найдена в 13 погребениях. Форма керамических сосудов разнообразна: плоскодонные, лепные, круглодонные сосуды с шаровидным туловом, круглодонный сосуд с узким горлом, сосуды с уплощенным дном. Также в погребениях обнаружены глиняная фляжка с двумя боковыми ушками и красноглиняный горшок с налепным орнаментом. Особый интерес представляет красноглиняная фляга среднеазиатского производства. К. Ф. Смирнов отмечает вероятность того, что она содержала надпись, поскольку на фляге зафиксированы полустертые значки.

Кроме этого, в погребениях были представлены разные типы украшений. В том числе бусины (стеклянные, костяные, каменные, а также стеклянные бусины с внутренней позолотой), пастовый и стеклянный бисер, золотые височные кольца, железное кольцо, браслет из бронзовой проволоки и круглая железная пряжка.

Оружие представлено бронзовыми наконечниками стрел.

Среди предметов быта встречались ножи, оселки, пряслица.

Ритуальный погребальный инвентарь представляют костяные ложечки и курильницы. Если говорить о гендерно-возрастной социализации детей, то в погребениях детей, примерный возраст которых указан К. Ф. Смирновым, просматриваются характерные черты, определенные ранее для некоторых детских погребений кочевников РЖВ Южного Приуралья [*Астафьева,* 2019, С. 64-65; *Берсенева, Гильмитдинова*, 2013, С. 42-43].

Так, в погребениях младенцев и детей до 5 лет инвентарь отсутствует или содержится гендерно-нейтральный инвентарь (сосуд, кости животных). В погребениях детей старше 5 лет содержится гендерно-стереотипный набор предметов (украшения для девочек и оружие для мальчиков).

Исходя из этих положений, интерес представляет К1/П2 КМ Лапасина. По определению К. Ф. Смирнова, в индивидуальной подбойной яме (впускное погребение) находился ребенок 3 лет. Однако погребальный инвентарь в погребении был достаточно разнообразный (панцирь черепахи, костяная ложечка, украшенная орнаментом в виде головы грифона, большая бусина из синего стекла с синими глазками в белых ободках, костяная бусина с рубчатым орнаментом в елочку, сосуд).

Таблица 2. Типы погребального инвентаря

Тип погребального инвентаря	**Сколько костяков сопровождает**
Керамика	17
Оружие	1
Украшения	12
Предметы быта	6
Ритуал	3

При этом, костяки подростков сопровождают кости животных (КМ Герасимовка III К1/П8), а также стеклянная бусинка светло-серого цвета и железный ножик (КМ Мечет-Сай К7/П1).

Проанализировав данные комплексов, относящихся к прохоровской культуре раннего железного века, раскопанных археологической экспедицией под руководством К.Ф. Смирнова в 50-70 гг. XX века, мы пришли к следующим выводам:

1. Большинство детей захоронены в индивидуальных погребениях.
2. Двойные, тройные и групповые погребения встречаются, но в меньшем количестве, чем индивидуальные.
3. В погребальном обряде более половины захороненных присутствуют природные материалы.

4. Сопроводительная пища представлена частями туш КРС и МРС.
5. В детских погребениях встречается различные типы и формы керамики.
6. В погребениях детей до 5 лет либо находится гендерно-нейтральный инвентарь, либо инвентарь отсутствует вовсе. Однако есть исключения.
7. В погребениях детей старше 5 лет содержится гендерно-стереотипный набор предметов.

Мы соотнесли данные выводы с выводами, полученными при анализе детских погребений кочевников раннего железного века некоторых комплексов на территории Оренбургской области по материалам раскопок Оренбургской археологической экспедиции [*Астафьева*, 2019, С. 64-65]. В целом, выводы соотносятся и дополняют друг друга.

Таким образом, материалы детских погребений кочевников РЖВ некоторых комплексов на территории Оренбургской области по материалам раскопок археологической экспедиции под руководством К. Ф. Смирнова соотносятся с выводами по материалам раскопок Оренбургской археологической экспедиции и в целом отражают общие тенденции Южного Урала.

Библиографический список

Астафьева В. С. Особенности детских погребений кочевников раннего железного века (по материалам раскопок Оренбургской археологической экспедиции) // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК, 5-8 февраля 2019 года): материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под. ред. Д. Н. Маслюженко, И. К. Новикова. Курган: изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 64-65.

Берсенева Н.А., Гильмитдинова А.Х. Детские погребения ранних кочевников Южного Урала (IV-II вв до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №2 (21). С. 36-43

Смирнов К. Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке // КСИА. 1962. №89. С. 83-93.

Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. 175 с.

Смирнов К. Ф. Сарматские погребения в бассейне реки Кинделя Оренбургской области // КСИА. 1966. № 107. С. 33-43.

Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1972. С. 3-51.

FEATURES OF CHILDREN'S BURIALS OF THE EARLY IRON AGE NOMADS (BASED ON THE EXCAVATIONS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION LED BY K.F. SMIRNOV)

V. Astafjeva

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg
avc-96@yandex.ru

Academic supervisor – PhD A. Evgen`ev

This article presents the analysis of children's burials of nomads of the early iron age from the burial complexes of the Prokhorovka culture located on the territory of the Orenburg region and studied by the archaeological expedition led by K. F. Smirnov. The obtained conclusions are in general correlated with the conclusions obtained in our previous work for the Southern Urals.

Keywords: the Early Iron Age, Prokhorovka culture, sarmatians, children's burials, funeral rite, burial inventory, gender-age socialization.

УДК 902

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА «ЗВЕРИНОГОЛОВСКИЙ КУРГАН» В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИТОБОЛЬЕ

А.В. Белых

Курганский государственный университет, г. Курган
belykh.asya.99@mail.ru

Научный руководитель - И.К. Новиков

В статье публикуются материалы по изучению Звериноголовского кургана, раскопанного экспедицией Курганского Государственного университета на территории Курганской области. Дается подробное описание и анализ погребального инвентаря и погребального обряда, которые рассматриваются в контексте изменения материальной культуры кочевого населения Евразийских степей в раннем железном веке (II - IV век н.э.).

Ключевые слова: археология, Звериноголовский курган, поздняя древность, Южное Зауралье, ранний железный век.

В 2019 году экспедицией Курганского государственного университета, под руководством И.К. Новикова, был исследован курган №2, входящий в состав могильника «Звериноголовский курган», датированный нами II– IV н.э.

Эпоха раннего железного века в общеисторическом масштабе имеет особое значение, так как ознаменовала оформление современной этнокультурной карты Евразии. Нарастание внутренних социально – экономических противоречий в среде первобытных племен привело к великому переселению народов, определившему рубеж раннего железного века и средневековья [*Корякова,* 1988, с. 5].

Изучение памятников раннего железного века Зауралья и Западной Сибири началось с 60-х годов XIX в. Начало этому положила деятельность краеведов: А.Н. Зырянов, К.М. Голодников, Р.Г. Игнатьев, Ф.А. Уваров и др. [*Оразбаева,* 2017, с. 52]. Первая половина XX в. в изучении РЖВ связана с именами В.Я. Толмачева и Ю.П. Аргентовского [*Виноградов,* 1993, с. 17–18], Н.Н. Бортвина, К.В. Сальникова и др. Вторая половина XX в. характеризуется работами В.Ф. Генинга. В.Е. Стоянова, В.А. Могильникова, Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой и др. [*Оразбаева,* 2017, с. 55].

Первые века нашей эры в Южном Зауралье представлено памятниками гунно-сарматского периода (II–IV вв. н. э.), оставленными как потомками местного сарматского населения, так и хуннами (гуннами), проникшими в Южное Зауралье из Центральной Азии во II в. н. э. В начале — середине II века н. э. они достигают степей северного Приаралья, вступая в контакт с аланскими племенами этого региона. Симбиоз аланского и хуннского населения проник на север и северо-восток, в степи Южного Зауралья, оставив разнообразные комплексы, свидетельствующие о синкретичном характере материальной культуры. На севере Южного Зауралья гунно-сарматское население во II–III вв. н. э. активно взаимодействует с позднесаргатским населением. В дальнейшем в IV в. н. э. «гунно-сарматы» покидают пределы Южного Зауралья [*Таиров,* 2017, с. 13]. В конце первой четверти I тысячелетия н. э. этнокультурные и этнополитические процессы в степях Южного Урала полностью определяются влиянием гуннского союза племен и его взаимодействием с лесостепными угорскими и степными ирано-язычными племенами. II–IV вв. н.э., по всей видимости, были временем относительной этнополитической стабильности на территориях к западу от Яика и Уральского хребта [*Таиров, Любчанский,* 2007, с. 115-116].

«Звериноголовский курган» находится в Звериноголовском районе Курганской области в 3 км к СВ от с. Труд и Знание, на левом берегу р. Тобол. Впервые о «Звериноголовском кургане» упоминается 1898 г.; позднее – 1903 г. и в 1914 г. В 1978 г. курган был обследован

© Белых А.В., 2020

[*Виноградов,* 1993, с. 151]. До 2018 года памятник интерпретировался как одиночный курган, в 2018 г. в ходе разведки М.П. Вохменцева было выявлено, еще два практически полностью распаханных кургана. Таким образом, на момент начала раскопок в состав могильника входило три кургана: № 1 в диаметре 57 м, высота 6,2 м, с южной и юго-западной сторон фиксируются остатки рва; №2 диаметр 21 м, высота 0,4 м, распахивается; №3 диаметр 20,5 м, высота 0,3 м, распахивается.

На площади могильника предполагается возвести объекты капитального строительства, по проекту, в пятно застройки входила насыпь кургана №2, благодаря чему было принято решение исследовать курган и прилегающую территорию. Курган №2 визуально нечетко фиксировался на местности. Под курганом было зафиксировано одно погребение глубиной 3,40 м., овальной формы, с остатками деревянного перекрытия на уступе, покрытое берестой. Над погребением находился жертвенник в виде целого скелета лошади в иноходческой позе. Подобное положение встречается в памятниках Южного Зауралья, таких как Солончанка 1 и Султантемировский [*Любчанский,* 1999, с 38]. Восточнее погребения обнаружены следы тризны, состоящие из скопления костей коня и МРС. Погребение было ограблено, все артефакты и костяк погребенного были перемещены в южную часть погребения и перемешаны. По всей видимости, ограбление проходило спустя достаточно долго время, т.к. не обнаружено костей в сочленении, а изделия из металла раздроблены на мелкие фрагменты.

Погребальный инвентарь представлен фрагментами меча без навершия, кинжала, трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, железными пластинами (элементы доспеха или котла), шила и фрагментами керамики. Меч без навершия имеет прототипы в погребальных памятниках южноуральского региона, которые не выходят за пределы датировки I-IV вв. н.э. Наиболее ранними прототипами мечей из этих памятников выступает бронзовое клинковое оружие древнего Китая, которое было распространено в финале бронзового века, а затем получило развитие в РЖВ. Наконечники стрел данного типа встречаются в погребальных памятниках западной части и центральной зоны южноуральских степей. Такой тип наконечников стрел получает наибольшее распространение в пределах азиатской Сарматии в период I – начала II в н. э. Железные наконечники дополняется одним пулевидным костяным наконечником, которые также встречаются в памятниках с датировкой III – V в. н.э. (могильники Большекараганский, кург. 6; Малково, кург. 2) [*Любчанский,* 2009, с.20–22; *Любчанский,* 1999, с. 36].

Фрагменты керамики, представляющие собой элементы плоскодонного горшка, можно отнести кочевой культуре урало-казахстанских степей, датируемой II–IV вв. н.э. [*Трибунский,* 2003, с. 15; *Любчанский*, 2000, с. 20].

Археозоологическая коллекция представлена костными останками коня над погребением**,** костными останками коня (1 особь) и МРС (27 особей) на краю кургана (тризна) и 2 плечевыми поясами овец в погребении (передние ноги от двух крупных баранов). Кости рядом с погребением представляют собой обеденные остатки (кости расколоты и имеют следы термического воздействия), в то время как кости в погребении и в жертвеннике имеют целый вид. Похожая ситуация характерна для могильника Гладунино – 1 (курган №1; погр. 2 курган № 2) саргатской культуры, датируемый ранним железным веком (IV-II в. до н.э.). [*Шилов, Маслюженко, Рябинина,* 2005, с. 65]. Стоит отметить отсутствие костей конечностей в тризне, когда как в погребении были зафиксирована обратная ситуация.

Антропологическая коллекция представлена скелетными останки одного индивида. Признаки-индикаторы свидетельствуют о том, что останки характерны для мужского скелета. По совокупности признаков возраст индивида на момент смерти определен в диапазоне 20-24 года. Полноценному исследованию захоронения мешает его сильная ограбленность.

По керамическому и металлическому материалу, данным планиграфии и конструкции погребальных сооружений курган был датирован концом эпохи раннего железного века (II– IV н.э.).

Библиографический список

Виноградов Н.Б. Археологическая карта Курганской области. Курган: Зауралье, 1993. 345 с.
Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.

Любчанский И.Э. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в первой половине I тысячелетия нашей эры // MAGISTRA VITAE. Вып. 1(9). Челябинск, 1999. С. 35-44.
Любчанский И.Э. Керамика Южноуральской лесостепи середины первого тысячелетия н.э. как источник по этнокультурной реконструкции: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Уфа, 2000. 36 с.
Любчанский И.Э. Материальная культура номадов Южного Зауралья во II – начале VI века. Н. Э.: комплекс вооружения // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 28 (166). Челябинск, 2009. С. 20-26.
Оразбаева З.Б. Основные итоги изучения памятников раннего железного века степного и лесостепного Тоболо-Иртышья // AB ORIGINE. Вып. 9. Тюмень, 2017. С. 50-62.
Таиров А.Д. Южное Зауралье в раннем железном веке // Южный Урал: от колесниц до мирного атома. Челябинск, 2017. С. 8-13.
Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Взаимодействие племен степи и лесостепи Южного Зауралья в I тысячелетии до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. // MAGISTRA VITAE. Вып. 21 (99). Челябинск, 2007. С. 108-119.
Трибунский С.А. Позднесарматская культура урало - казахстанских степей: автореф. дис…канд. ист. наук. Ижевск, 2003. 20 с.
Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Эволюция погребальной обрядности как фактор развития культуры древнего населения Тоболо-Исетского междуречья // История культуры Южного Зауралья. Т.1. Курган, 2005. С. 48-72.

PRELIMINARY DATA OF THE STUDY OF THE EARLY IRON AGE «ZVERINOLOVSKY BURIAL MOUND» IN THE FOREST-STEEP OF TOBOL VALLEY

A. Belykh

Kurgan State University, Kurgan
belykh.asya.99@mail.ru

Academic supervisor – I. Novikov

The article publishes materials on the study of the Zverinogolovsky burial mound excavated by the expedition of the Kurgan State University in the territory of the Kurgan region. A detailed description and analysis of funerary inventory and funeral rites is given, which are considered in the context of a change in the material culture of the nomadic population of the Eurasian steppes in the Early Iron Age (II - IV century A.D.).

Keywords: archeology, Zverinogolovsky burial mound, «late antiquity» era, southern trans-ural, early iron age.

УДК 904

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖИВОТНЫХ НА СОСУДАХ САРМАТСКОГО ПЕРИОДА ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

А.А. Битюшкова

Волгоградский государственный социально-педагогических университет, Волгогорад
nasta1954@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. В.И.Мамонтов

В статье рассматривается примеры изображений животных, которые встречаются на различных сосудах сарматского периода на территории Волго-Донского региона.

Ключевые слова: ранний железный век, сарматы, звериный стиль, сосуды, Волгоградская область, Астраханская область.

© Битюшкова А.А., 2020

Керамические сосуды ранних кочевников являются самым массовым погребальным инвентарем не зависимо от положения погребенного в обществе. Сарматы помещали в одно погребение минимум один сосуд, однако, по каким-то причинам, бывают погребения без керамики.

Часто встречаются сосуды с ручками в виде животных. К. М. Скалон считала, что такие животные должны были служить оберегом содержимого емкости (жидкость или пища). Вероятнее всего такие сосуды имели культовое значение [*Скалон,* 1941].

В погребении 1 кургане 4 (Вербовский II, Калачевский район, Волгоградская область) были обнаружены фрагменты серебряного кубка. Ручки сосуда выполнены в виде волков из серебра. Ноги хищников с когтями широко расставлены, головы немного наклонены вперед, глаза узкие, пасти оскалены, уши подняты вверх, лоб широкий. Носы волков оканчиваются пятачком с двумя ноздрями в виде углублений. Мышцы хищников показаны ромбовидными рельефами. В фигурах волков нет движения вперед. Передние ноги животных отлиты с прямоугольной площадкой. Волки крепились при помощи серебряных штифтов к самому корпусу кубка. Задние ноги – прилегали к тулову. В задней части волков есть отверстия, в которые, видимо, вставлялся хвост из другого материала (дерево, шесть и пр.). На этом же кубке в центре крышки показана звезда, вокруг которой «плывут» два гиппокампа (морская лошадь с рыбьим хвостом) и две лани с рыбьими хостами. Их хвосты с двумя плавниками оформлены частой мелкой чешуей [*Мамонтов*, 2008, с. 172].

Ручка была найдена и в погребении 2 кургана 51 курганного могильника Перегрузное I (Октябрьский район, Волгоградская область). Серебряная ручка лежала рядом с серебряным сосудом. Тело волка (шея, ноги, туловище) покрыто поперечными пропилами. Уши направлены вверх заостренными концами, пасть приоткрыта, кончик носа немного вздернут. Четыре лапы хищника были расположены на прямоугольных площадках, с помощью которых они прикреплялись к сосуду. Хвост также использовался для прикрепления. Погребение относится к среднесарматскому периоду [*Клепиков,* 2011].

В курганном могильнике Октябрьский V (Октябрьский район, Волгоградская область) были обнаружены кости мужчины возраста 50-60 лет (курган 1, погребение 1). В могильной яме были встречены детали серебряного сосуда с ручкой в виде зайца, припавшего к земле. Весь сосуд изготовлен в технике литья с последующей токарной доработкой края венчика. Ручка из низкопробного серебра и отлита по восковой модели. Спина зайца согнута, все лапы поджаты, уши прижаты к спине, морда лежит на передних лапах, по краям ушей и лап есть наклонные риски, которые изображают шерсть. Глаза проработаны плохо. Ручка была прикреплена к корпусу оловянными припоем и штифтом. В лапках зайца и в стенке сосуда были сделаны специальные отверстия для штифта. Погребение датируется I в. н. э. [*Мыськов,* 1995].

В комплексе курганов у станции Бердия (Иловлинский район, Волгоградская область) в погребении 1 кургана 3 найдены несколько сосудов и бронзовый таз, выполненные в зверином стиле. Бронзовый котел стоял вверх дном у входа в нишу. Поддон полый рюмкообразный формы, тулово – шаровидное. К венчику и валику (имитирующий «веревочки») приварены диаметрально распложенные две ручки в виде стоящих кабанов. Глаза, клыки и уши животных переданы с помощью рельефных выступов. Валиком (продольным) показана грива. Задние ноги животных переданы реалистично, а передние – в виде столбиков. У входа также стояли две серебряные чаши с ручками в виде крылатых грифонов, которые отлиты в двухсторонней форме. Чаши идентичны (полусферичная форма, изготовлены с помощью токарного станка). У грифонов поджарые туловища и длинные шеи, морда клювовидная. Глаза птиц переданы высокими выступами с пустыми гнездами, перья – тремя продольными бороздками, между ними – косые насечки, ребра – пятью бороздками. На плечах есть бессистемно расположенные насечки. На когтистых лапах, между пальцами, есть перепонки. На теле каждой птицы есть отверстие, в которые вероятнее всего, вставлялся хвост из другого материала. Фигуры грифонов после изготовления доработаны гравировкой и чеканкой. У встреченного в погребении бронзового таза атташи ручек изготовлены в виде свернувшихся змей. Головы рептилий овальной формы, чешуя передана частыми рядами поперечных насечек. Погребение датируется по погребальному инвентарю к. I – первой половиной II в. н. э. [*Сергацков,* 1991].

Изделия из погребения у хут. Косики (Енотаевский район, Астраханская область) также можно отнести к звериному стилю сарматов. В погребении был найден круглодонный сосуд (серебряный) с двумя ручками в виде кабана. Щетина животного на крупе показана короткими частыми рисками, на морде – частыми точками. Глаза сделаны в виде треугольников. Хорошо видны клыки, уши и холка кабана. На верхнем фризе показаны две идентичные сцены охоты всадника на кабана, на нижем – сражение воина-катафрактария, который выбил из седла легковооруженного лучника, а также сцена, центральная часть которой утрачена, с натягивающим тетиву короткого лука конского лучника. В правой части последней сцена расчищена лошадь, раненная в холку. Вероятно, что сбитый всадник был изображен в центральной утраченной части. Длинные копья присутствуют на верхнем фризе и у катафрактария на нижнем. Последний захватил копье сверху. Копья имеют короткий листовидный наконечник. У мужчин с первой сцены нижнего фриза есть гориты (футляры для стрел и лука). Мечи есть только у катафрактария и стреляющего всадника с нижнего фриза [*Трейстер*, 1994, с. 176-183].

В курганном могильнике Вербовский II в погребении 1 кургана 4 был обнаружен серебряный сосуд. Помимо сцен сакрального характера на нем также имеются и сцены из бытовой жизни. В верхней части корпуса были расчищены несколько сцен охоты конных всадников-сарматов на вепря. На первой – охотник нападает на кабана, у которого мощная голова, поднята щетина, огромные клыки. Листовидный наконечник копья, который находится под наклоном, с широкой втулкой расположен в непосредственной близости от челюсти дикого животного. Охотник в свободной позе сидит на запряженной лошади. Тело всадника немного откинуто назад. На второй – изображен всадник, который нападает на кабана. Эта сцена отличается некоторыми деталями от первой. Правая нога всадника согнута в колене, а левая – выдвинута назад. Жеребец запряжен в узду, которая состоит из тонких ремней, стержневых псалий, а повод висит свободно. Эти элементы хорошо прорисованы. Копье также с листовидным наконечником и широкой втулкой. Острием копья всадник упирается в пасть вепря, в которой торчит большой клык. Уши и щетина дикого животного подняты. Всадники древних племен не всегда использовали седла, а вышеописанные - сидят в жестких седлах, которые помогали прочно сидеть на лошади, при этом, нанося удары копьем, изменять быстро положение тела при сражении с противником. Охотники обуты в кожаную обувь – чувяки, в куртку с поясом и в узкие штаны. Мастер мало уделил внимание образам лошадей. По сравнению с кабанами, они немного меньше. Вероятно, он подчеркивал силу и мощь дикого животного. Кабан осторожное животное, которое не подпускает близко к себе человека и заранее уходит от него, если учует запах или услышит шум. С помощью лошади, прижавшись к ее холке, охотники могут подойти к дикому животному на расстояние копья. Эта сцена отделена от нижних сцен растительным орнаментом, которая представлена поясом из завитков стеблей, на каждом их закруглении показан цветок, лист или побег [*Мамонтов*, 2008, с. 172-181].

Данный кубок использовался в религиозных обрядах (емкость для священной жидкости), так как все сцены, изображенные на нем, представляют собой иллюстрацию мировоззрения сарматов. Верхние сцены – повседневная жизнь сарматов, нижние сцены – потусторонняя жизнь (мир теней, в котором сармат показан оленем). Растительная полоса символизирует земную поверхность, которая отделяет эти миры. Существует аналогичное изображение мировоззрения сарматов на пекторали в кургане Толстая Могила (г. Орджоникидзе, Украина). На нижнем ярусе сцены показывают терзание коней грифонами, оленя львом и леопардом и пр. (потусторонний мир), на верхнем ярусе – лошади и коровы стоят с жеребенком и теленком, мужчины занимаются ткачеством и пр. (повседневность). Между ними изображен растительный орнамент (земная поверхность) [*Мозолевский,* 1972, с. 291-292].

Керамика у сарматов Поволжья и Урала имела многофункциональное назначение. Изучение керамических комплексов погребений кочевников помогает исследователям рассмотреть быт и религиозные представления древних народов.

Библиографический список

Клепиков В.М. Отчет о проведении археологических исследований курганного могильника Перегрузное I у с. Перегрузное Октябрьского района Волгоградской области в 2011 г. / Фонды ВОКМ № 288, 288а.
Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // Нижневолжский археологический вестник. 2008. № 9. С. 172-197.
Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинской археологической экспедиции Волгоградского государственного педагогического университета 1995 г. / Фонды ВОКМ №39.
Сергацков И.В. Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции Волгоградского государственного университета в 1991 г. / Фонды ВОКМ №81.
Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Вып. 1. С. 173-218.
Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (к открытию сервиза из Косики) // Вестник древней истории. 1994. №1. С. 172-203.

IMAGE OF ANIMALS ON VESSELS OF THE SARMATIAN PERIOD OF THE VOLGA-DON REGION

A. Bitushkova
olgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd
nasta1954@mail.ru

Academic supervisor – PhD V. Mamontov

The article deals with examples of animals images that were found on various vessels of the Sarmatian period in the Volga-don region.

Keywords: early iron age, Sarmatians, animal style, vessels, Volgograd region, Astrakhan region.

УДК: 902.227

САМАРСКИЕ АКИНАКИ С НАВЕРШИЯМИ В ВИДЕ ГРИФОНОВ В КОНТЕКСТЕ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО ВАРИАНТА СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

И.Р. Гавриш
Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара
doplerus@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.А. Сташенков

В статье рассматриваются навершия двух самарских акинаков в контексте поволжско-уральского варианта скифо-сибирского звериного стиля. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что подобный образ на территории Самарского Поволжья имеет восточные истоки.

Ключевые слова: акинак, навершие, скифский звериный стиль, грифон, савроматская культура.

Скифский звериный стиль неизменно привлекает внимание специалистов. Одно из определений его приводится в работе Е.В. Переводчиковой «Язык звериных образов»: «изображение определенных животных определенным образом» [*Переводчикова*, 1994, с. 19]. Основные признаки звериного стиля еще в начале XX века выделил историк и археолог М.И. Ростовцев: способ моделировки поверхности тела, гиперболизация отдельных частей тела животного и последующее «зооморфное превращение», то есть, преувеличенную часть тела

© Гавриш И.Р., 2020

снабжали дополнительными изображениями животных или их частей [*Ростовцев*, 1929, с. 29]. Звериный стиль был свойственен воинственным племенам. Воинская среда определяла принципы скифского искусства, что проявлялись в принципе выбора сюжета и в стиле изображения. Украшалось преимущественно оружие и предметы конского снаряжения, а также ритуальная посуда и одежда. Мотивы изображенных животных или птиц зачастую носили сакрально-магический характер, таким образом, усиливая боевые качества оружия и коней, придавая силу и храбрость воинам-всадникам [*Мелюкова,* 1989, с. 101].

В статье речь пойдет о зооморфных образах в контексте поволжско-уральского варианта скифо-сибирского звериного стиля, выделенного К.Ф. Смирновым. Этот стиль сложился не позднее середины VI в. до н.э. Интересно, что он «не имел корней у предшествующего населения, а именно у племен позднесрубной и позднеандроновской культур» [*Смирнов,* 1976, с. 74]. Не исключено, что подобный вариант скифо-сибирского звериного стиля мог вырасти из тех же источников, что и звериный стиль Скифии, Северного Кавказа, Средней Азии и Южной Сибири. В основе стиля лежат общие зооморфные образы, мотивы и приемы стилизации.

В качестве источника использованы зооморфные образы с наверший и перекрестий акинаков, найденных на территории Самарского Поволжья, а также аналогии с обширных территорий Урало-Поволжья, Южной Сибири, Северного Казахстана и др.

Подобная работа ранее была проведена на примере навершия в виде повернутых друг к другу голов «ушастых» грифонов (Самара, 116-й км) [*Гавриш*, 2019, с. 69–71] (рис. 1 *1*). Аналогичные мотивы встречаются на территории Южного Приуралья и далее на востоке на территории Казахстана. Для находок характерна гиперболизация отдельных частей – мощный загнутый (зачастую спирально) клюв, большой круглый глаз с отчеканенной массивной восковицей. Находки относятся к савроматской эпохе и датируются VI –IV вв. до н.э.

Предыдущее исследование позволило причислить изображения грифонов к Приуральской группе звериного стиля, близкой к тасмолинской культуре Казахстана, пазырыкской культуре на Алтае и тагарской на территории Минусинской котловины. В восточном ареале звериный стиль разнообразней Урало-Поволжской группы по набору фауны, позам и приемам стилизации.

К группе поволжско-уральского варианта скифо-сибирского звериного стиля можно отнести акинак с навершием в виде хищных птиц, найденный у с. Большой Толкай Похвистневского района Самарской области. Он может быть датирован концом VI–V в. до н. э. (рис. 1 *2*). Навершие акинака повторяет мотив акинака со 116-го км г. Самары и колодочку, однако орнаментальные композиции значительно отличаются. На данном мече отсутствуют уши на головках птиц, глаз имеет круглую форму и массивную восковицу, в то время как на акинаке со 116-го км глаза имеют неярко выраженную форму. На большетолкайском акинаке навершие как бы является продолжением колодочки, украшенной двумя противопоставленными линиями, отделяющей прямую рукоять от него, а на акинаке со 116-го км навершие располагается на украшенной насечками колодочке, которая отделяет его от рукояти, имеющей рельефный желобок.

Аналогии, совпадающие по всем критериям, отсутствуют, но два меча из Соловков и с. Озерки близ Актарска (Саратовская область) имеют стилистически схожую композицию. На мече из Соловков глаза показываются не в верхней части навершия, а в нижней, что примыкает к рукояти. Колодочка меча из с. Озерки имеет сходную форму. Р.Б. Исмагилов в своей статье замечает, что эти кинжалы изготовлены савроматскими мастерами и при этом несут следы сибирского воздействия, а именно колодочку, отделяющую навершие от рукояти [*Исмагилов,* 1980, с. 223].

Подобные изображения в основном встречаются на навершиях мечей и кинжалов. Помимо оружия подобная форма встречается на бляхах от уздечного набора. В частности, тот же принцип изображения имеется на бляхе от уздечного набора из 1-го погр. кург. 9 в с. Новый Кумак; на фигурах голов хищных птиц (Ново-Привольное, Аксеновский, Нежинский и др.) [*Смирнов*, 1976, с. 80–81].

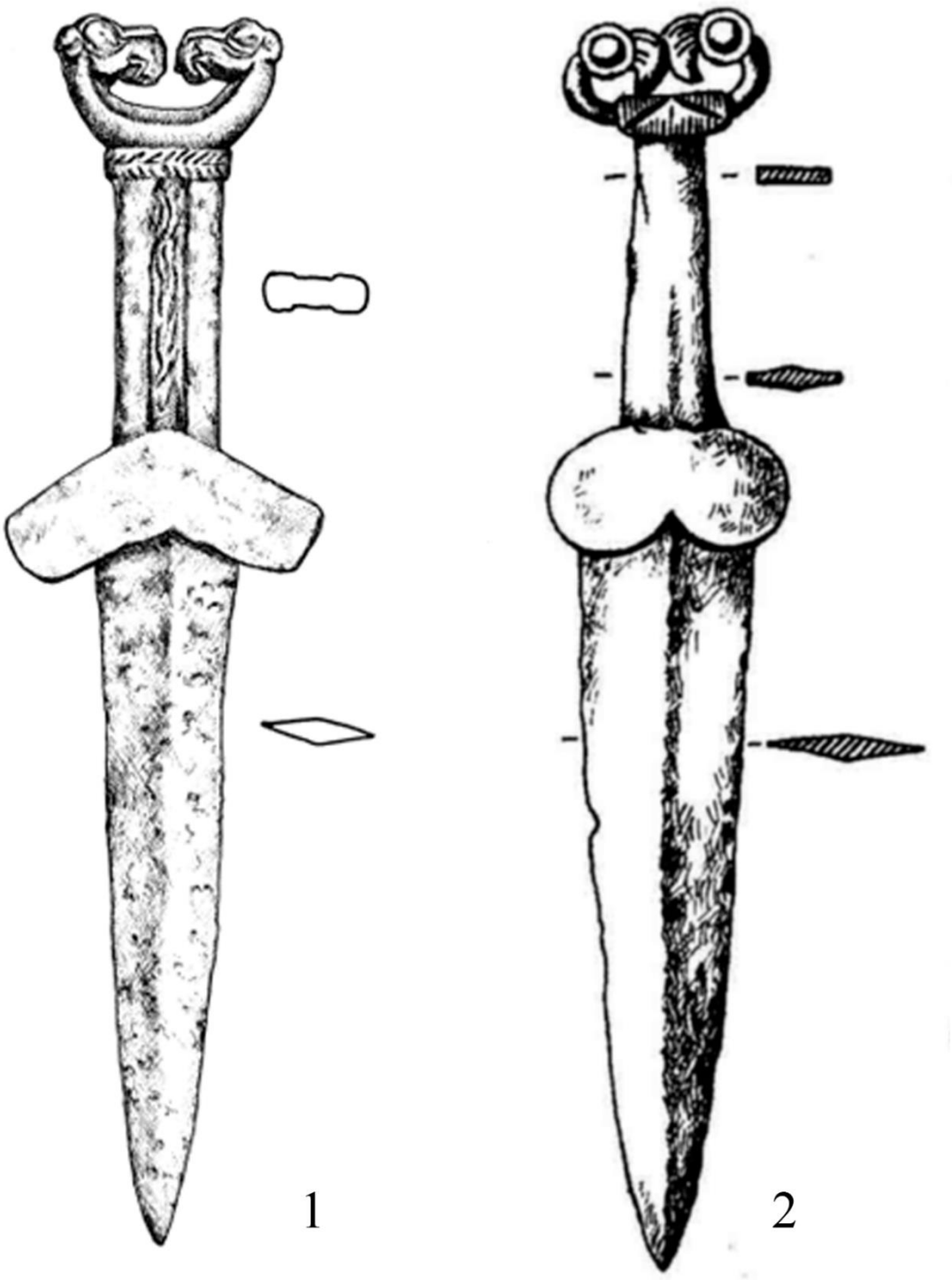


Рис. 1 Акинаки, найденные в Самарском Поволжье
1 – 116-й км, Самара; 2 – с. Большой Толкай.

Изображения грифонов с западных регионов имеют стилистически другой облик, размещены на иных вещах, выполнены в другой технике и, следовательно, имеют отличное значение. Е.Ф. Королькова отмечает, что «образы грифонов чрезвычайно выразительны и свидетельствуют о самобытности, высоком уровне мастерства и существовании развитой

художественной традиции в искусстве» [*Королькова,* 2006, с. 59]. Н.Л. Членова отмечала, что распространение образа обращенных друг к другу голов грифонов началось с территории Тагарской культуры в более западные регионы, но при этом сам образ не прижился в связи со сложностью изготовления кинжалов, так как они были цельнолитыми [*Членова*, 1967, с 14, с. 124].

Каким же путем шло распространение сибирских традиций на территории Урало-Поволжья? В.В. Овсянников полагает, что близкие контакты кочевников могли проходить в узком междуречье р. Белой и р. Камы. Помимо этого, существовал еще один путь, шириной 40─50 км, достигающий нижнего левобережья р. Белой. По этой полосе кочевники доходили до устья р. Сюнь [*Овсянников*, 2006, с. 74]. Это мнение подтверждается большим количеством случайных находок акинаков, найденных на этой территории, стилистически схожих с самарскими.

Библиографический список

Гавриш И.Р. Об одном виде акинаков (акинаки с навершиями в виде грифонов: ареал и хронология) // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция: Материалы всероссийской (с международным участием конференции) Курган: КГУ, 2019. С. 69-71.
Исмагилов Р.Б. Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // Советская археология. 1980. №1. С. 219-228.
Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. С. 100-104.
Овсянников В.В. Динамика взаимодействия кочевого и оседлого населения Приуралья во 2-ой половине I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III региональной (с международным участием) научно-практической конференции. Челябинск, 2006. С. 74-76.
Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М. 1994. 206 с., ил.
Ростовцев М.И. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929. 112 с.
Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.,1976. С. 74-89.
Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М: Наука. 1967. 300 с.

SAMARA AKINAKS WITH THE POMMELS OF THE GRYPHONS IN THE CONTEXT OF THE VOLGA-URAL VARIANT OF THE SCYTHIAN-SIBERIAN ANIMAL STYLE

I. Gavrish

Samara State Social Pedagogical University, Samara
doplerus@yandex.ru

Academic supervisor – PhD D. Stashenkov

The article considers the finials of two Samara akinaks in the context of the Volga-Ural variant of the Scythian-Siberian animal style. In the process of research, the author comes to the conclusion that such an image on the territory of the Samara Volga region has Eastern origins.

Keywords: akinak, pommel, Scythian animal style, Griffin, Savromat culture.

УДК 903’1(=511.1)(045)

РАССЕЛЕНИЕ ФИННО-ПЕРМСКИХ НАРОДОВ НА ЛЕВОБЕРЕЖНЫХ ПРИТОКАХ СРЕДНЕЙ КАМЫ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

А.А. Загребина

Удмуртский государственный университет, Ижевск
semks.73@yandex.ru

Научный руководитель – д.и.н. Р.Д. Голдина

Левобережные притоки Средней Камы: бассейн рр. Белая, Ик, Березовка, Буй – в раннем железном веке (VII в. до н.э. – II в. н.э.) занимали финно-пермские племена (древние удмурты). Их памятники представлены тремя культурами: ананьинской, тарасовской (бывш. названия: чегандинская, пьяноборская) и кара-абызской. В работе предпринята попытка картографирования объектов, выяснения границ культур и их изменения.

Ключевые слова: ранний железный век, левобережье Среднего Прикамья, археологические памятники, границы культур.

Как известно, пермские народы - удмурты, коми-пермяки и коми-зыряне, - являются коренными жителями Северного Приуралья. Удмурты и коми-пермяки издавна обитали преимущественно в бассейне р. Камы. Юго-восточная часть расселения древних удмуртов располагалась в бассейне р. Белой – основного левобережного притока Средней Камы, а также на рр. Ик, Березовка и Буй. Поскольку реки до недавнего времени были основными средствами коммуникаций и главные достижения человечества через контакты разного уровня распространялись именно по рекам, большое значение имеет изучение ареалов культур, изменения их границ и степени заселенности этих территорий в разные исторические периоды.

Объектом данного исследования являются памятники ананьинско-пьяноборского времени на левобережье Среднего Прикамья, предметом – территория, границы распространения памятников и культур, а также их изменение во времени, характер и особенности размещения памятников. Хронологические рамки исследования – VIII в. до н.э. – IV в. н.э.

Задачи исследования: собрать опубликованные и архивные материалы о памятниках РЖВ на левобережье Средней Камы; определить по возможности границы археологических культур; выяснить причины изменения этих границ.

Сбором материалов и обследованием памятников РЖВ, начиная с конца XIX в. и до настоящего времени на изучаемой территории занималось огромное количество исследователей. Наиболее крупные полевые работы и их обобщения были выполнены в 70-е гг. XX в. и в настоящее время археологами Башкортостана [*Археологическая карта Башкирии*, 1976; *Иванов*, 1984; *История башкирского народа*, 2009 и др.], Татарстана [*Археологические памятники Восточного Закамья*, 1989; *Бугров*, 2006; *Чижевский*, 2008; 2017 и др.] и Удмуртии [*Генинг*, 1970; *Останина*, 1997 и др.]. Нам удалось собрать сведения об около 400 памятниках РЖВ на левобережных притоках р. Камы, которые и являются источниковой базой для настоящей работы.

К ананьинскому времени (VIII – III вв. до н.э.) относятся чуть более 70 объектов: городищ, селищ, могильников, случайных находок. Их изучением занимались А.В. Збруева, Р.Б. Ахмеров, А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов, Н.А. Мажитов, В.В. Овсяников и др. Наиболее значительные исследования проведены на могильниках Старшем Шиповском, Уфимском (по ул. Трактовой). Охлебининском, городищах Тра-Тау, Ново-Кабановском, Аначевском, поселениях Ново-Биктово, Бирское II, Камышино и др. Ананьинские памятники концентрируются преимущественно на р. Белой, от устья до её среднего течения, а также в

© Загребина А.А., 2020

устьях мелких притоков: Сюнь, Куваш, Быстрый Танып, Уфа и др. Юго-восточная граница распространения пермского массива на р. Белой в ананьинское время проходила по приустьевой территории р. Уфы. Условно выделено около 20 территориальных групп. Разумеется, памятники датируются разными периодами в пределах VIII - III вв. до н.э. Сейчас мы их рассматриваем как единый массив. Пока разделить их во времени не всегда возможно.

На ананьинской основе в южной части обитания финно-пермян (древние удмурты) сложилась пьяноборская культурно-историческая общность (II в. до н.э. – V в. н.э.). Она имела 3 локальных варианта (культуры): худяковский (бассейн р. Вятки), тарасовский (чегандинский) (Среднее Прикамье и нижнее течение р. Белой) и кара-абызский (бассейн Средней Белой) [*Голдина*, 1999]. Башкирские археологи до сих пор называют тарасовскую (чегандинскую) культуру пьяноборской [*История башкирского народа*, 2009, с. 255], хотя опубликованы весомые доказательства существования обширной пьяноборской общности [*Голдина*, 1999; *Голдина, Лещинская*, 2018].

К настоящему времени в тарасовской (чегандинской) культуре выделены 3 этапа: икский (II - I вв. до н.э.), ныргындинский (I - II вв. н.э.) и мазунинский (III - V вв. н.э.) [*Голдина*, 1999, с. 225; *Голдина, Лещинская*, 2018, с. 19], ранее известный как мазунинская культура [*Останина*, 1997]. Поскольку оценка памятников мазунинского (бахмутинского) типа дискуссионна, они будут рассмотрены отдельно.

Объекты ранних стадий (II в. до н.э. – II в. н.э.) тарасовской (чегандинской, пьяноборской) культуры в низовьях р. Белой хорошо известны с начала XX в. (работы В.В. Гольмстен, Н.А. Мажитова, В.Ф. Генинга, Б.Б. Агеева, В.А. Иванова, А.Х. Пшеничнюка и др.).

Число памятников по сравнению с ананьинским временем значительно возросло (до 255). В.Ф. Генинг в конце 60-х гг. учел 51 объект. Характер их остался прежним: городища, неукрепленные поселения-селища, бескурганные могильники, клады и находки. Крупные исследования проведены на городищах: Юлдашевском, Старонагаевском, Ново-Кабановском и др. Неплохо изучены могильники: Камышлы-Тамак, Кушулево III, Ново-Сасыкуль, Юлдашево и др. В это время были плотно заселены: прибрежная Кама, почти весь бассейн р. Ик, Сюнь, нижнее течение р. Белой и почти все ее притоки. Единичные памятники встречаются выше устья р. Куваш. Выделено 19 групп. По числу памятников неравнозначны. Вероятно, будут выделены новые. например: на р. Быстрый Танып.

Одновременно с тарасовской (чегандинской) несколько юго-восточнее существовали памятники кара-абызской культуры (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Первые памятники ее изучали В.В. Гольмстен и А.В. Шмидт. В 1960-90-х гг. их исследованием занимался А.Х. Пшеничнюк, который датировал культуру IV в. до н.э. – III в. н.э. Сейчас её успешно изучают В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева, Н.С. Савельев и др. По В.В. Овсянникову культура датируется IV в. до н.э. – серединой IV в. н.э. Расцвет её падает на период: III в. до н.э. – II в. н.э.

Памятников немного, чуть более 50: 7 могильников, 15 городищ, 23 селища, 2 находки. Основные: Охлебининское II, Биктимировское, Кара-Абызское городища, Охлебининский, Биктимировский грунтовые могильники. Особенность культуры – присутствие курганов (Шипово, Акбердино, Нагаево). Памятники этой культуры располагаются в среднем течении р. Белой 5-ю группами. Наиболее крупная группа располагается в устье р. Уфы (33 объекта). Население этой культуры имеет четкую границу с тарасовской (чегандинской, пьяноборской). Особенность кара-абызской культуры – контакты оставившего её населения с пришлыми южными группами убаларского типа.

Основные выводы. В изучаемый период РЖВ (VIII в. до н.э. – IV в. н.э.) памятники финно-пермского населения хорошо представлены на притоках Средней Камы. Объекты ананьинской культуры подстилают оба последующих образования: тарасовское (чегандинское, пьяноборское) и кара-абызское. Своеобразие кара-абызского населения заключалось в наличии погребального обряда в виде курганных могильников (воздействие пришлых, убаларских групп). Границы культур исторически изменялись. Наблюдается резкое увеличение числа памятников во II в. до н.э. – II в. н.э.

Библиографический список

Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О. Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.

Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е. П. Казаков. Казань: ИИЛИ КФАН СССР, 1989.
Бугров Д.Г. Поселения пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук / АН РТ, Национальный центр археологических исследований. Казань, 2006. 351 с.
Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху / Отв. ред. В. А. Семенов. Ижевск, 1970. 255 с.
Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999. 464 с.
Голдина Р.Д., Лещинская Н. А. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей / Отв. ред. Т. Б. Никитина, Д. Г. Бугров. Вып. 1. Казань, 2018. С. 17-55.
Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984.
История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. Т. I. М.: Наука, 2009. С. 213-267.
Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. / отв. ред. Н. И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-историческая области) // Археология евразийских степей. Вып. 5. / Отв. ред. С. В. Кузьминых. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.
Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань, 2017. С. 196-256.

DISPERSION OF FINNO-PERMIANS ON MIDDLE KAMA LEFT TRIBUTARIES IN EARLY IRON AGE

A. Zagrebina
Udmurt State University, Izhevsk
semks.73@yandex.ru

Academic supervisor - professor R. Goldina

They were Finno-Permian tribes (ancient Udmurts) who inhabited left tributaries of the Middle Kama River, i.e. Belaya, Ik, Beresovka, and Buy, in the Early Iron Age (VII c. BC – II c. AD). They left monuments represented by three cultures: Ananyino, Tarasovo (formerly called as Cheganda, Pyany Bor), and Kara-Abyz. The paper deals with mapping of the monuments, identification of the culture borders and their changes.

Keywords: Early Iron Age, Middle Kama left bank, archaeological monuments, borders of cultures.

УДК 902.01

СУДЬБА ИТКУЛЬСКОГО I ГОРОДИЩА

З.Ю. Зюзёв
МБУДО Полевского городского округа «ЦРТ им. Н.Е. Бобровой», Полевской
pao_arh@mail.ru

Научные руководители – А.В. Непомнящий;О.В. Непомнящая

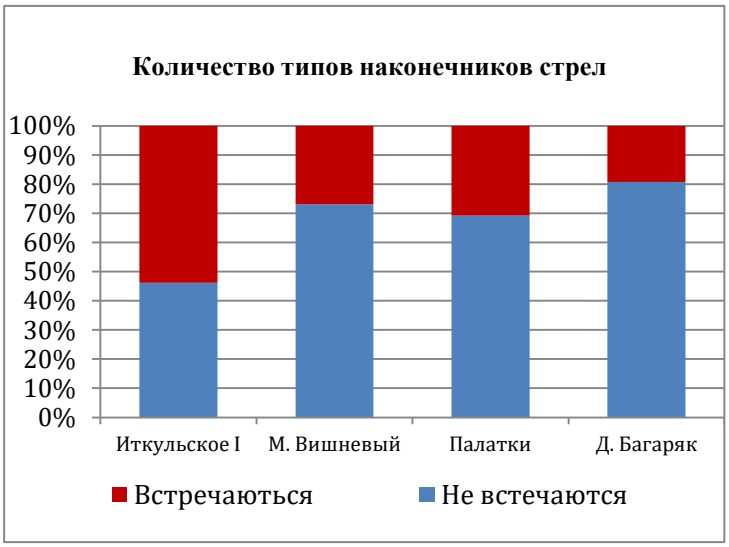
Иткульское I городище – археологический памятник раннего железного века на берегу одноимённого озера на севере Челябинской области. Сравнивая материал городищ данной культуры, нами было отмечено о некоторых значимых особенностях и исключительности находок исследуемого памятника. Это позволило выдвинуть предположение, об экстраординарном характере завершения жизнедеятельности городища. В работе нами были выделены основные аспекты, по которым можно судить об уникальности данного памятника, качественно и количественно проанализированы материальные остатки городища, выделены аналогии среди

© Зюзёв З.Ю., 2020

археологических памятников иткульской культуры. Мы предполагаем, что существование городища прекратилось одномоментно, в результате захвата его врагами или действий шамана, направленных на быстрое покидание территории, возможно после трактовки какого – либо явления.

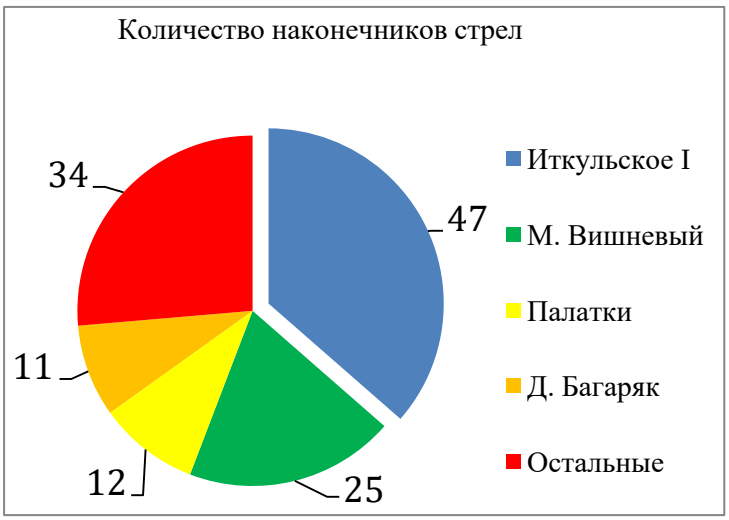
Ключевые слова: Иткульское I городище, наконечники стрел.

Иткульское I городище – археологический памятник раннего железного века. Расположен на берегу одноимённого озера на севере Челябинской области, 60 км к югу от города Полевского. Был открыт Константином Владимировичем Сальниковым в 1954 г. [*Сальников,* 1978]. Он же провел первые раскопки на памятнике. Изучение памятника продолжилось в восьмидесятых годах прошлого века под руководством Галины Викторовны Бельтиковой [*Бельтикова,* 1986]. В этих раскопках принимали участие школьники Полевского археологического отряда. В результате работ, в фондах археологического музея появился не паспортизированный материал с памятника, который стал основным источником для написания исследовательских школьных работ. За время существования отряда написано более пяти десятков работ, связанных с артефактами с Иткульского городища. Работая с материалами других городищ данной культуры, нами было сделано наблюдение о некоторых значимых особенностях и исключительности Иткульского I городища в данной культуре. Нами было выдвинуто предположение, что особенность вещевого набора с памятника связана с экстраординарным характером завершения жизнедеятельности городища.



Цель нашей работы – охарактеризовать особенность Иткульского I городища, предложить интерпретацию данного явления.

В работе нами были выделены основные аспекты, по которым можно судить об уникальности данного памятника, качественно и количественно проанализированы материальные остатки городища, выделены аналогии среди археологических памятников иткульской культуры. На наш взгляд, результаты сравнения с поселением на о. Малый Вишневый дают повод трактовать Иткульское I городище не просто как уникальный феномен в иткульской культуре, но как часть более масштабного явления, охватывающего некоторую группу памятников. Мы предполагаем, что сущность этого явления заключается в экстраординарном, единовременном и скоротечном завершении жизнедеятельности Иткульского I городища, и, вероятно ряда других памятников, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.



По определению Г.В. Бельтиковой на Восточном склоне Уральских гор в первом тыс. до н.э. существовала Иткульская металлоносная культура, которая являлась основным

производителем металлических изделий из меди. За время исследования обнаружено более сотни памятников. На территории с севера от Н. Тагила на юге до г. Троицка (Челябинская область) на востоке до г. Курган, и Тобольск [*Бельтикова,* 1977]. Памятники в основном расположены гнёздами, включают в себя городища, святилища, рудники.

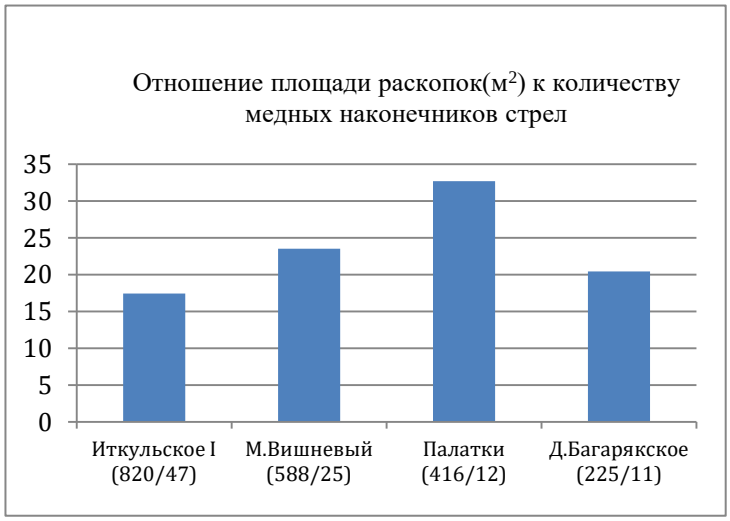
Особенность Иткульского I городища выражается в 3 аспектах:

- Количественный состав коллекции артефактов
- Качественный состав коллекции артефактов
- Сопутствующие памятники

Наиболее информативной, в виду частоты встречаемости на памятниках культуры, группой артефактов являются медные наконечники стрел. Их анализ дан в работе Г. В. Бельтиковой [Бельтикова 1982; 2005]. Ею было учтено 129 наконечников и выделено 14 типологических групп, проведен морфологический анализ артефактов и дана хронологическая периодизация.

Из учтённых 129 медных наконечников стрел с 21 памятника Иткульской культуры около трети (47 штук) были обнаружены на Иткульском I городище, которые можно отнести к 14 из 26 выделенных в культуре типам медных наконечников стрел. Также значительное количество наконечников зафиксировано на памятниках – городище на о. Малый Вишневый, поселении Каменные Палатки, Дальнем Багарякском городище, суммарное количество наконечников на этих памятниках равно количеству наконечников стрел с Иткульского городища, но нами не отмечено четкой зависимости площади раскопа к количеству найденных в нем наконечников медных стрел (прил.4). Кроме того, из 47 наконечников с Иткульского городища прослеживается преобладание одного типа (8-го по Бельтиковой – трёхлопастные с выступающей втулкой, сводчатой головкой) – 19 из 47 или около 40%. Подобная ситуация отмечена и на иных памятниках, чье суммарное количество медных наконечников более 10. Дальнее Багарякское городище из 11 наконечников – 5 типа 16 (трехлопастные с внутренней втулкой, сводчатой головкой, шипами на пере и дуговидным вырезом базы); городище на малом Вишнёвом Острове из 25 – 11 также типа 16. На поселении Палатки такой особенности не выявлено.

Также нами была рассмотрена планиграфия залегания наконечников стрел в раскопе. В целом, характерна локализация наконечников стрел на площадках металлургического производства, и в некоторых единичных случаях у оснований сооружений. Однако для памятников, со значительным количеством наконечников стрел, которые залегают зачастую близко друг к другу, образуя некие группы, данное утверждение не однозначно, но если для Иткульского I городища большую часть наконечников стрел можно отнести к какой-либо производственной площадке, то на поселении на Малом Вишневом острове основная масса наконечников стрел группируется вокруг курганного захоронения.

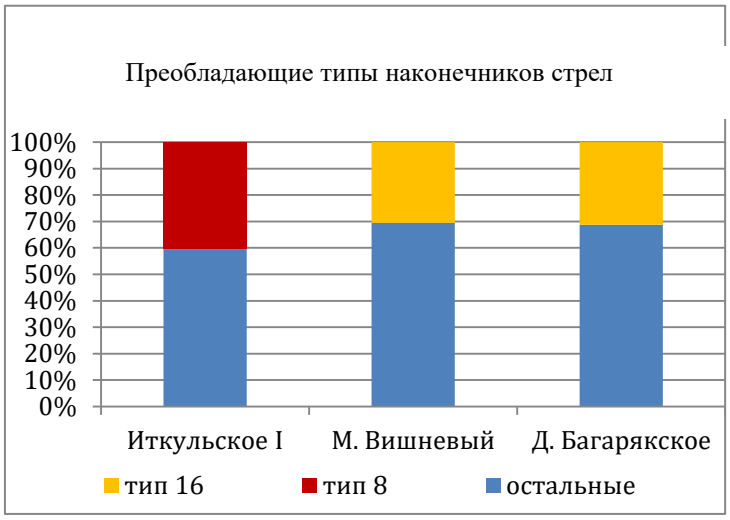


Г.В. Бельтиковой составлена таблица, в которой перечисляются типы находок, относящиеся к металлургическому производству. Из 36 типов находок, на Иткульском городище было найдено 30, что является наибольшим показателем среди памятников культуры, кроме того, 4 типа являются уникальными, и были обнаружены только на этом памятнике: металлические литейные формы, гладилки для растяжки меди в лист, кувалды, скобели, а также литой медный котел скифского типа.

Прямое сравнение двух памятников, с самыми крупными коллекциями медных наконечников стрел - Иткульского I городища и городища на о. Малый Вишневый, указало на

их весомое сходства. Оба эти памятника географически связаны с синхронными для них захоронениями [*Бельтикова,* 1998]. В случае с Малым Вишневым, два захоронения находятся непосредственно поверх поселения, одно из которых – курганное захоронение и определенно как принадлежащее к иной археологической культуре. Можно провести параллели между отдельными артефактами: на Иткульском I городище найден уникальный медный кокиль, а на о. Малом Вишневом – литейная форма аналогичного изделия. На обоих памятниках были найдены фрагменты костяного панциря, целый – на Иткуле и обломок на Малом Вишневом.

Таким образом, в данной работе нами были выделены основные аспекты, по которым можно судить об уникальности данного памятника, качественно и количественно проанализированы материальные остатки городища, выделены аналогии среди археологических памятников иткульской культуры. На наш взгляд, результаты сравнения с поселением на о. Малый Вишневый дают повод трактовать Иткульское I городище не просто как уникальный феномен в иткульской культуре, но как часть более масштабного явления, охватывающего некоторую группу памятников. Мы предполагаем, что сущность этого явления заключается в экстраординарном, единовременном и скоротечном завершении жизнедеятельности Иткульского I городища. К таким явлениям можно отнести захват городища врагами или толкование шамана о необходимости быстро покинуть данное месторасположение. Детальное изучение Иткульского I городища позволит в будущем более точно определить причину его исчезновения



Библиографический список

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1977. Вып. 14. С. 119–133.

Бельтикова Г.В. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Вопросы археологии Урала. Вып. 18. Свердловск: УрГУ, 1986. С. 63–79.

Бельтикова Г.В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников. // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.

Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый / Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1998. Вып. 19. С. 103–117.

Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники зауральского(иткульского) очага металлургии // Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – 259 с.

Сальников К.В. Отчеты о раскопках Иткульского I городища за 1976–1978 гг. // АКА УрГУ, ф. 3, д. 357, 416, 459.

DESTINY OF ITKUL HILLFORT

Z. Zyuzev

Municipal Budgetary Institution of Additional Education of Polevskoy City "Center for the Development of Creativity named after N.E. Bobrova", Polevskoy

Zaharzyuzev@mail.ru

Academic supervisor –A. Nepomnyashhij; O. Nepomnyashhyaya

The Itkul I hillfort is an archaeological site of the Early Iron Age on the shore of lake of the same name in the north of the Chelyabinsk region. Comparing the material of the fortifications of this culture

we noted some significant features and exclusivity of the finds of the studied sites. It allowed us to put forward a hypothesis about the extraordinary nature of the end of life of this fortification. We highlighted the main issues in the research work by which it's possible to consider the uniqueness of this monument, analyzed the material remains of the ancient settlement by quality and by quantity, highlighted the analogies among the archaeological monuments of Itkul culture. We suppose that the existence of the hillfort ceased at once, as a result of capture by enemies or the actions of a shaman aimed at quickly leaving the territory, possibly after interpreting any phenomenon.

Keywords: Itkul I hillfort, arrowheads.

УДК:902.01

АНАЛИЗ ОТТИСКОВ НА КЕРАМИКЕ С ИТКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

И.И. Киселёв

МБУДО Полевского городского образования «ЦРТ им. Н.Е.Бобровой», Полевской
pao_arh@mail.ru

Научный руководитель – А.В. Непомнящий

Работа посвящена анализу керамических изделий не описанных раннее Г.В.Бельтиковой. Аналогий данных изделий не удалось найти в соседних культурах раннего железного века. В работе были выдвинуты несколько гипотез о происхождении данных артефактов. В результате мы пришли к выводу, что артефакты, вероятнее всего, принадлежали детям или были ими изготовлены.

Ключевые слова: оттиски на глине, иткульская культура.

При разборе коллекции керамики с Иткульского I городища был обнаружен фрагмент с оттиском, предположительно наконечника стрелы.

Цель: определить функциональное назначение фрагмента керамики с оттиском наконечника стрелы.

Гипотеза: исследуемый артефакт — это фрагмент литейной формы подвески.

Благодаря сборам и раскопкам любителей-краеведов и профессиональных археологов (преимущественно членов УОЛЕ) – М.В. Малахова, Н.А. Рыжникова, В.Я. Толмачева, Д.Н. Анучина, Ф.А. Уварова, В.Г. Дружинина и других, появляются первые заключения о производстве в Зауралье металла в древности. П.А. Дмитриев, Е.М. Берс, К.В. Сальникова, подчеркивали значимость металлургии в производственно-хозяйственных комплексах этих образований. Независимо друг от друга Е.М. Берс и К.В. Сальников выделили металлургические культуры раннего железного века исетскую и иткульскую. Впоследствии, В.Е. Стоянов, обнаружив сходство, объединил их в одну иткульскую. Масштабы металлургического производства исследуемой культуры даже на имеющемся в то время скудном материале предполагались значительными, позволяющими снабжать металлом "восточные городища" [*Бельтикова, Стоянов,* 1984]. Очаг иткульской металлоносной культуры функционировал в Зауралье в VII-III вв. до н.э. Археологами изучено более 100 памятников, почти в половине из них обнаружены следы металлургического производства. Территория иткульской культуры входит в таежную и лесостепную зоны Уральской горной и отчасти Западно-Сибирской низменной страны. Полоса концентрации памятников идет от верховий р. Туры до озера Чебаркуль (270 км), вдоль восточного края Тагило-Магнитогорского прогиба, где сосредоточены основные месторождения Урала (включая запасы медной руды, талькового камня).

© Киселёв И.И., 2020

Производственно-хозяйственная база иткульской культуры имела комплексный характер, сочетая присваивающие и производящие отрасли. Артефактами представлены: охота, рыболовство, скотоводство, металлургия, рудодобыча, обработка камня, гончарство. О земледелии свидетельств не обнаружено [*Бельтикова,* 1986]. Существенную роль в развитии очага сыграл такой геополитический фактор как соседство с савромато-сарматскими и сакскими объединениями. Значительные потребности номадов в металлических изделиях стимулировали производственную деятельность в очаге. Производство цветного металла развивалось задолго до Иткульского времени и обеспечивало передачу навыков и знаний по рудодобыче и медеплавлению иткульским мастерам от предшественников генетически с ними связанных черкаскульских, межовских, бархатовских, а также соседних с ними саргаринско – алексеевских племен позднего бронзового века.

Исследователь иткульской культуры отмечала, что памятники с остатками металлургии, располагаются гнездами. Из семи известных, пять гнезд находится в восточных предгорьях Урала – это Аятское, Исетское, Иткульское, Иртяшское, Полевское – и два – в Западно-Сибирской низменности – Багарякское и Андреевское. Гнезда включают от двух до девяти памятников. Производство меди полного цикла (выплавка и обработка) в больших масштабах осуществлялась в предгорных гнездах: Исетском и особенно в Полевском. Материальная культура представлена медными, редко железными вещами, а также матрицами для отливки медных изделий. Орудия труда – ножи, долота, стамески, иглы, шилья, тёсла, кельты. Оружие имеет скифо-савроматский облик - втульчатые и черешковые двух - трехлопастные медные наконечники стрел; наконечники копий со сплошным и прорезным пером; железные мечи-акинаки. На памятниках иткульской культуры фиксируют украшения, предметы туалета и культа [*Бельтикова,* 1977].

Во время просмотра коллекций не паспортизированных фрагментов керамики с иткульского городища нами был обнаружен фрагмент с оттиском в виде наконечника стрелы, на верхней части фрагмента фиксируется отверстие. Длина фрагмента 4,4 см, ширина 1,8 см. Обратная сторона полукруглая, диаметр отверстия в верхней части оттиска 1,1 мм.

В результате поиска аналогий мы обнаружили 4 оттиска. Все фрагменты найдены на Иткульском I городище. Г.В. Бельтиковой артефакты не описаны, функциональное назначение не определено. На фрагменте 2, на внутренней стороне фиксируются несколько углублений диаметром от 1 до 5 мм. Длина фрагмента 4,5 см, ширина 1,6 см. На фрагменте 3 два углубления диаметром 0,6 и 1,1 см. Длина фрагмента 4 см, ширина 1,7 см, высота 8 мм, внешняя сторона полу округлая. Фрагмент 4 имеет овальную форму с вытянутым углублением длинной 4,6 см и канавкой вдоль оси этого углубления 3,2 см. Внешняя сторона полукруглая. Длина фрагмента 5,5 см, ширина 1,8 см. Фрагмент 5 аналогичен фрагменту под номером 4 по форме. Длина углубления 4,5 см, длина канавки 3 см. Все фрагменты выполнены из глины без примеси талька, что отличает их от технической керамики иткульской культуры, применяемой для изготовления литейных форм и тиглей. Все фрагменты имеют миниатюрные размеры относительно остальной керамики: средняя длина 4,7 см, ширина 1,7 см, толщина 0,4 см.

С целью определить функциональное назначение подобных артефактов мы обратились за консультациями к Сергею Владимировичу Кузьминых, Сергею Александровичу Агапову, Юрию Петровичу Чемякину, Владиславу Геннадьевичу Савину. Специалисты не смогли определить функциональное назначение этих артефактов. Мы выдвинули несколько версий происхождений данного артефакта: оттиски являются литейными формами, в соответствии с нашей гипотезой; оттиски являются изделиями детей литейщиков или предназначались для детей; артефакты имеют вотивный характер.

На наш взгляд первая версия, что оттиски являются литейными формами, в соответствии с нашей гипотезой, не состоятельна, т.к. оттиски не имеют литниковой воронки для залива металла, места для крепления сердечника, насечек для скрепления створок и форма имеет малые размеры. Литейные формы для наконечников стрел на иткульских памятниках известны только из талька, т.к. большой спрос на этот вид оружия требовал многоразовые литейные формы. Если бы эти литейные формы были из глины или восковыми, то они не сохранились бы, т.к. после отливки такие формы разбивались и от них оставались не большие фрагменты. В

процессе исследования аналогий оттисков в смежных культурах не обнаружено, как и наконечников стрел в виде подвесок-кулонов.

Версия о вотивной функции оттисков опровергается отсутствием похожих артефактов на культовых площадках иткульской культуры.

Мы можем предположить, что оттиски это изделия детей-подростков. В жизни старшее поколение редко доверяет своим детям рабочий инструмент или оружие, почти всегда для этих целей используются игрушки. Литейные формы из талька, в которых можно изготовить сотни копий, были трудоемки в изготовлении, требовали определённого мастерства, могли ломаться и поэтому были значимы для металлурга. В подтверждение данной версии на этом же городище зафиксированы учеными обломки тальковых заготовок с набросками негатива, возможно, наконечников стрел, выполненные не профессионально, вероятно учеником.

Таким образом, на сегодняшний день мы выдвинули единственную рабочую версию, на наш взгляд. Оттиски на керамике – учебные литейные формы, которые готовили к работе будущих литейщиков.

Библиографический список

Бельтикова Г.В. Стоянов В.Е. Городище Думной горы — место специализированного металлургического производства. (Предварительное сообщение) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, Изд-во УрГУ,1984. С. 130–144.

Бельтикова Г.В. Иткульское I городище – место древнего металлургического производства // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. С. 63–79.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 119–133.

THE ANALYSIS OF PRINTS ON POTTERY FROM THE ITKUL HILLFORT

I. Kiselev

Municipal Budgetary Institution of Additional Education of Polevskoy City "Center for the Development of Creativity named after N.E. Bobrova", Polevskoy

pao_arh@mail.ru

Academic supervisor – A. Nepomnyashhij

The work focuses on the analysis of ceramic products previously not described by G.V.Beltikova. Analogues of these products could not be found in neighboring cultures of the Early Iron Age as far as most researchers do not publish papers about such findings. We put forward several hypotheses about the origin of artifacts described in this article. As a result we concluded that the artifacts most likely belonged to the children or were made by them.

Keywords: prints on clay, Itkul culture.

УДК 902.24

НАСЕЛЕНИЕ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ В ФИНАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ВЕРОЯТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ РАССЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ КАЧКИНСКО-МУЛЯНСКОГО ПОРЕЧЬЯ[1]

П.С. Козьякова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
pollyholy1723@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Перескоков

В работе представлена попытка применения теории политогенеза для реконструкции социальной структуры в финале раннего железного века Пермского Прикамья на материалах Качкинско-Мулянского поречья. На основе комплекса имеющихся данных, выдвигается предположение о сложной многоуровневой организации системы расселения, включающей в себя центральное и опорные - жилые городища, а также селища постоянного и временного характера.

Ключевые слова: ранний железный век, гляденовская культура, фортификация, городища, политогенез, Качкинско-Мулянское поречье

Рассматриваемая группа памятников финала раннего железного века относится к позднему этапу гляденовской культуры и располагается в лесостепной зоне Среднего Прикамья. Обозначенные реки являются левыми притоками р. Камы, устья расположены в наиболее широком участке камской поймы, удобном для ведения скотоводства. Бассейны рек Качкинско-Мулянского поречья имеют так же широкие долины. Пойменно-русловые комплексы принадлежат к широкопойменному ровно-сегментному типу с характерными разветвленными руслами, свободными излучинами, однако отсутствием крупных притоков [*Назаров, Черепанова,* 2011], что является оптимальным вариантом для освоения данной территории с последующей хозяйственно-культурной деятельностью, что подтверждается наиболее плотным распространением памятников на данной территории в течении всего периода раннего железного века. Несмотря на то, что М.Л. Перескоков выделяет Качкинскую и Мулянскую племенные территории [*Перескоков*, 2013. С.59], компактность микрорегиона и близкое расположение притоков в верховьях рек, дает основание на нынешнем этапе исследования рассматривать данную территорию как единую социально-экономичекую структуру.

Изучение системы расселения с позиции политогенеза позволяет попытаться реконструировать социально-экономические и политические аспекты существования общества того времени, а так же объяснить их взаимосвязь с географическими особенностями территории. Политогенез изучает не столько устройство ранних форм государства, сколько процесс их появления, этапы и варианты эволюционного развития. Ю.Е. Берёзкин выделяет четыре археологических критерия, свидетельствующих об усложнение политического устройства [*Берёзкин,* 2012, с. 139].

1. Наличие крупных общественно-культовых сооружений. Поскольку создание неутилитарных объектов требует достаточного количества человеческих ресурсов и, как следствие, какого-либо организационного центра.
2. Присутствие на памятниках инвентаря, отличающегося высокой ценностью (изделия из драгоценных металлов, материалов редкого происхождения, высококачественная керамика и т.д). Очевидно, что создание подобных артефактов требует профессиональной квалификации, а отсутствие утилитарной функции не оправдывает

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-78-10050) «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде»

© Козьякова П.С., 2020

затраченного труда. Уникальность и малочисленность, свойственная подобным изделиям, так или иначе, выделяет его обладателей среди остальных.

3. Крупные поселения. Функционирование сотен или тысяч людей в рамках компактной территории предполагает наличие механизмов организации общества.
4. Наличие иерархии поселений по размеру и различия в характере сооружений на поселениях разного ранга. Известно, что для обществ, в которых заведомо существовала протогосударственная организация, поселения отличаются по размеру и степени сложности. Предполагается, что четырехуровневая иерархия свидетельствует о возникновении протогосударства, трехуровневая — о наличии сложных, а двухуровневая — простых вождеств. Данные маркеры могут существовать независимо друг от друга, поэтому для анализа поселенческой структуры населения Качкинско-Мулянского поречья были взят четвёртый критерий [*Берёзкин*, 2012, с. 139–142].

Рассматриваемая территория включает в себя 44 селища, 3 могильника, костище и 10 городищ с системой фортификации разного уровня сложности, известных на момент исследования: Гляденовское городище, к финалу раннего железного века функционировавшее как костище, Верхняя Качка (1 вал), Баш-Култаевское II (2 вала), Ермаши (1 вал), Иван-гора (3 вала), Кала-Урын (3 вала), Мало-Слудское (3 вала), Субботино I (1вал), Субботино II (2 вала), Федотово (1 вал), Шуган-Тау (2 вала).

На основе пространственного анализа и данных о фортификации можно предположить наличие трёхуровневой системы, где к первому уровню относятся три наиболее сложноукрепленных городища: Мало-Слудское в непосредственной близости от бассейна реки Качка, Кала-Урын и Иван Гора в верхних течениях Нижней и Верхней Мулянки соответственно. Данные памятники, вероятно, представляют собой административные и производственные центры территорий, поскольку имеют гляденовские жилища, производственные площадки (Мало-Слудское и Кала-Урын) и оборонительную систему, состоящую из трёх последовательных валов. Стоит отметить, что подобный тип фортификации соответствует типу Кудашевского городища, где просиходит расширение площади «типового проекта» трехвального городища – увеличивается количество площадок. М.Л. Перескоков выделяет эти памятники как культурно-племенные центры гляденовской культуры [*Перескоков*, 2018, с. 20].

Второй уровень – жилые городища Баш-Култаевское II, Ермаши, Федотовское, и, вероятно, не жилые городища (Верхняя Качка, Шугант-Тау), находящиеся по периметру рассматриваемой территории (т.н. опорные, форпосты), которые М.Л. Перескоков относит к типу городища-убежища [*Перескоков*, 2018, с. 20] и селища постоянного круглогодичного проживания, располагающиеся на первых коренных террасах берегов рек (например селища Петровское I-IV, Половинное I-III), отличительной чертой которых является наличие жилых построек.

Третий уровень иерархии – неукрепленные поселения временного характера, которые размещались на возвышениях пойменных долин группами памятников, их функциональное назначение – обеспечение хозяйственной деятельности в сезонном цикле.

Изучение памятников с позиций пространственного анализа и политогенеза позволило выявить многоуровневую систему организации поселений населения финала раннего железного века на территории Качкинско-Мулянского поречья, представленную сложной трёхуровневой структурой. Наличие подобных сложных укреплений, крупных святилищ [*Коренюк, Перескоков,* 2017], элитных погребальных комплексов [*Перескоков,* 2018а], многоуровневая система иерархии поселений, свидетельствуют о развитой социально-политической структуре, которая может соответствовать форме сложного вождества.

Библиографический список

Березкин Ю.Е. Археология, этнография и политогенез // Ранние формы политических систем // СПб., 2012.

Козьякова П.С. Население пермского Прикамья в финале раннего железного века: вероятностная модель расселения на примере бассейна реки Тулва LI // Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: Материалы Всероссийской конференции. Курган: КГУ., 2019. С. 77-78.

Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Планиграфия Гляденовского городища// Ранний железный век от рубежа эр до сер. I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. Материалы IV науч. кон. «Археологические источники и культурогенез». СПб., 2017. С. 77–79.
Назаров Н.Н., Черепанова Е.С. Пойменно-русловые комплексы пермского Прикамья // Географический вестник ПГНИУ, 2011. №4
Перескоков М.Л. Территория и локальные варианты позднего этапа Гляденовской культуры в пермском Прикамье // Вестник Пермского университета, 2013. №21. С 60-64.
Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018. 320 с.
Перескоков М.Л. Археологические критерии социальной структуры населения Пермского Прикамья на позднем этапе гляденовской культуры (по материалам Мокинского могильника III-V/VI вв. н.э.) // Stratum Plus. 2018а. №4. С.47–70.

POPULATION OF THE PERM KAMA REGION IN THE FINAL OF THE EARLY IRON CENTURY: A PROBABILISTIC MODEL OF DISTRIBUTION ON THE EXAMPLE OF KACHKIN-MULYAN SPEECH.

P. Kozyakova

Perm State University, Perm
pollyholy1723@gmail.com

Academic Supervisor– PhD M. Pereskokov

The paper presents an attempt to apply the theory of political genesis to the population of the finale of the Early Iron Age of the Perm region. Based on the data on fortification, an assumption is made about the complex multilevel organization of the resettlement system, which includes central and supporting residential settlements, as well as permanent and temporary settlements.

Keywords: Early Iron Age, fortification, hillforts, settlements, political genesis, Kachka and Mulanka riverine

УДК 903.02

МИКРОСКОПИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КЕРАМИКИ С ГОРОДИЩА КАЛА – УРЫН (ПО МАТЕРИАЛАМ 2017 Г.)

Т.А. Колпакова

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
deertinti@gmail.com

Научный руководитель – В.В. Мингалев

В статье излагаются результаты микроскопического анализа керамического материала с городища Кала-Урын, одного из наиболее раскопанных поселенческих памятников раннего железного века для территории Прикамья. Подробный анализ теста позволяет получить представление о технологии изготовления керамических сосудов, которая применялась на исследуемой территории в конкретный промежуток времени, её особенностях, включая проблемы, которые пытались решить с помощью использования примесей. Микроскопический анализ позволяет фиксировать данные с помощью микрофото – полученные результаты проверяемы, проведение анализа не занимает значительного количества времени по причине отсутствия дополнительных этапов в алгоритме исследования (например, эксперимента и создания эталонов).

© Колпакова Т.А., 2020

Ключевые слова: ранний железный век, гляденовская культура, керамика, микроскопический анализ теста

Традиционно под особенностями керамики понимаются форма, степень орнаментации фрагментов сосудов, зоны декорирования. Однако анализ теста не менее важен для исследования – в то время как особенности формы и декора предоставляют информацию о характере использования и культурных паттернах, сложившихся в обществе, тесто помогает оценить технологический уровень.

В отечественной археологии в большинство случаев анализ теста ограничивается визуальным описанием [*Глушков*, 1996; *Волкова,* 1998; *Поляков,* 1999; *Цетлин,* 2013; *Бердников,* 2014]. Исследования керамического материала методом оптической или электронной микроскопии представлены слабо. В основном, они являются частью моделирования технико-технологических процессов (экспериментального и физического) и имеют своей целью не анализ технологического развития древнего общества, а реконструкцию навыков работы гончара, создания схожих (в том числе, по цвету материала) сосудов [*Бобринский*, 1978, 1981; *Цетлин*, 2010, 2013].

В качестве методологической основы в исследовании используется подход к изучению теста с помощью оптического микроскопа И. Тьюсена, позволяющий выделить и проанализировать примеси, содержащиеся в тесте, во всем их многообразии сочетаний [*Thuesen,* 1989]. Для определения цветности использована схема С. А. Захарова, которая позволяет выделить оттенки белого, черного и красного (белесый, бурый, каштановый, жёлтый и другие) [*Розанов,* 1983, с. 268]. Для определения степени неоднородности (пятнистости) использована номограмма Б.Г. Розанова, выделяющая три степени пятнистости (пятна занимают менее 2% площади, пятна занимают 2 – 20% площади и пятна занимают более 20% площади). Кроме этого, номограмма включает разделение контрастности пятен на слабую (окраска пятен близка к фону), заметную (окраска пятен отличается от фона) и выдающуюся (пятна резко бросаются в глаза и резко по цвету отличаются от фона). Анализируется и резкость пятен – резкая (граница окраски, как острие ножа), ясная (переход окраски в пределах 2 мм), диффузная (переход окраски более 2 мм) [*Розанов*, 1983, с. 264]. Каждый фрагмент был просмотрен на предмет цветности, наличия примесей, степени неоднородности, резкости пятен.

Для анализа был выбран керамический материал с городища Кала-Урын – одного из наиболее раскопанных поселенческих памятников раннего железного века для территории Прикамья. Памятники, относящиеся к данному периоду, объединяет малое количество датирующих материалов и достаточно большое количество керамических фрагментов. Подробный анализ теста может помочь уточнить технологические особенности производства сосудов, что очень важно для понимания уровня развития древнего общества.

С помощью электронного микроскопа были проанализированы 225 фрагментов сосудов – все сосуды, найденные во время раскопок под руководством М.Л. Перескокова в 2017 г. [*Перескоков*, 2018]. Каждый фрагмент просматривался на предмет цветности, наличия примесей, степени пятнистости, резкости пятен.

С помощью схемы С.А. Захарова была проанализирована цветность керамических фрагментов. По цветности выделяются следующие цвета аверса керамических сосудов: оранжевый (37%), бурый (30%), светло-бурый (23%), темно-бурый (8%), серый (2%). Кроме того, по цветности выделяются следующие цвета реверса керамических сосудов: бурый (33%), темно-бурый (24%), светло-бурый (17%), оранжевый (25%), серый (1%). Можно предположить, что изменение цветности аверса или реверса зависит от степени нагара, потому что оттенки бурого на сколах не выявлены. Существенных отличий в цветности аверса и реверса не наблюдается, за исключение количества сосудов оранжевого цвета (37% против 25%) и количества сосудов темно-бурого цвета (8% против 24%). Объяснить подобное соотношение возможно тем, что не все сосуды могли использоваться для приготовления пищи, поэтому цвет их аверса не изменялся, однако они могли использоваться при употреблении пищи, и температура пищи могла повлиять на изменение цвета внутренней поверхности.

В отличие от визуального анализа, позволяющего определить только наличие ракушки в тесте, при микроскопическом исследовании становится возможным рассмотрение и других примесей. Количество примесей может показать уровень технологического развития общества

– при наличии высокоразвитых гончарных технологий нет необходимости в использовании примесей – при качественной подготовке глины, хорошем качестве обжига возможно создание сосуда из «чистой» глины. Основная задача примесей – изменение пластичности глины. Как отмечает Д. Браун, добавление примесей помогает сократить вероятность растрескивания сосудов на любом этапе производства [*Brown,* 1983, p. 122].

В тесте были обнаружены следующие примеси – растительные включения (65% сосудов), дробленые остатки битых керамических горшков (44% сосудов), фрагменты ракушки (35% сосудов), дресва – мелкодробленый камень – (14% сосудов). Следовательно, можно утверждать, что уровень развития гончарного производства был достаточно низок, сосуды без примесей практически отсутствуют.

После использования номограммы Б. Г. Розанова для определения степени пятнистости, было выяснено, что преобладают фрагменты со степенью пятнистости от 10 до 20% – 10% (55% сосудов), 15% (20% сосудов), 20% (21% сосудов). Очень редко встречаются сосуды без пятен или со степенью пятнистости более 50% – по 2%. При этом пятна чаще всего ясные (переход окраски в пределах 2 мм) – 50% или диффузные (переход окраски более 2 мм) – 40%. Редко встречаются резкие пятна (граница окраски как острие ножа) – 10%.

Наличие в 65% сосудов растительных включений говорит о попытках усилить кислотность и улучшить формуемость материала, так как экскременты представляют собой переработанную под воздействием соляной кислоты и биологически активных веществ органику [*Глушков*, 1998, с. 241]. Дробленые остатки битых керамических горшков помогают улучшить огнестойкость изделий, они приобретают способность не растрескиваться в случае резких температурных изменений. В то же время добавление фрагментов керамики в тесто ускоряет время производства сосудов – после проведенных А. А. Бобринским и его учениками экспериментов стало общеизвестно, что подобная примесь в 2–3 раза уменьшает сроки сушки [*Бобринский*, 1978, 1981].

Как можно заметить из приведенных свойств используемых примесей, основные проблемы, волновавшие древних гончаров, касались улучшения формуемости материала и скорости производства сосудов. Вполне вероятно, что имеющаяся технология производства не позволяла избегать подобных проблем без применения примесей при изготовлении керамических сосудов.

В целом микроскопический анализ продемонстрировал, что при создании гляденовской керамики активно применялись не только фрагменты ракушки, но и растительные включения, куски старой керамики и дресва. Большое количество примесей и тесте и ярко выраженный случайных характер их добавления (нет примеси, встречающейся в каждом фрагменте) свидетельствует об отсутствии устойчивой технологической традиции [*Цетлин,* 2017, с. 43, 105]. При использовании продуманной технологии изготовления сосудов примеси используются во всех сосудах, что не наблюдается в исследуемом материале.

Библиографический список

Thuesen I. 1989. Microscope Section Analysis of Pottery // Paléorient Année, 15 (1). P. 273-278.

Бердников И.М., Лохов Д.Н. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования. Иркутск: ИГУ, 2014. 163 с.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А . Секреты древних гончаров // Наука и жизнь. 1981. № 10. С. 76–77.

Волкова Е.В. Керамика Волосово–Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998. 134 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 328 с.

Перескоков М.Л. Комплексное исследование группы памятников раннего железного века Кала-Урын в пригороде г. Перми // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С.238–240.

Поляков Ю.А. Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica. 1999. №1. С.3–9.

Розанов Б.Г. Морфология почв. М.: Издательство МГУ, 1983. 320 с.

Цетлин Ю.Б. Фундаментальные проблемы изучения гончарства // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 229–244.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.

MICROSCOPE ANALYSIS OF GLYADENOVO POTTERY FROM HILL-FORTS KALA-URYN (BASED ON MATERIALS OF 2017)

T. Kolpakova

National Research University Higher School of Economics, Moscow
deertinti@gmail.com

Academic supervisor – V. Mingalev

The article presents the results of a microscopic analysis of ceramic material from the hill – fort of Kala-Uryn. A detailed analysis of ceramics allows to get an idea of the technology for manufacturing ceramic vessels, its features, including problems that were tried to solve using impurities.

Keywords: Early Iron Age, Glyadenovo culture, ceramics, microscopic analysis

УДК 902/904

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ НИЖНЕГО ДОНА НА ПРИМЕРЕ ФИБУЛ

Ю.Д. Кравцова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону
kravtsova.jul@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. Е.В. Вдовченков

Данная работа посвящена истории изучения металлопроизводства на Нижнем Дону в контексте фибульного материала. Автор прослеживает развитие изучения проблемы с дореволюционного периода по актуальные исследования в настоящее время. Делает выводы о мало изученности технических особенностях производства фибул региона, заявляет о перспективности направления в археологии.

Ключевые слова: металлопроизводство, фибулы, Нижний Дон, история изучения, эволюция

Металлопроизводство один из важнейших аспектов при изучении археологических памятников, который является индикатором развитости ремесленных производств. На территории Нижнего Дона мы имеем скудную археологическую источниковую базу, доказывающую этот факт, но существует такой, как фибулы. Вопрос о возникновении в данной локации этого инвентаря не может не возникнуть. Имеет ли место импортный характер появления такого большого количества разнообразных фибул, или мы имеем дело с развитыми ремесленными центрами, обеспечивающими застежками себя и всю округу? Для ответов на эти вопросы нам необходимо обратиться к истории изучения фибул и аспектов их производства, проследить эволюцию теоретической базы и выработку новых методов изучения.

В дореволюционной российской историографии работ, посвященных изучению нижнедонских фибул нет, так как памятники региона еще изучены слабо и материальная база только стала на путь формирования. Для данного этапа характерно преобладание описательных трудов. Одной из первых специальных работ по фибулам была «брошюра» Р.Ф. Гаусмана [*Гаусман,* 1898], содержащая их описание. В начале XX в. появляются ученные, описывающие фибулы, распространённые в Причерноморье [*Спицын,* 1903; *Ростовцев*, 1918]. Основной

© Кравцова Ю.Д., 2020

тенденцией данного этапа изучения - обозначение вектора развития науки, так как накопление материала опережало его теоретическое осмысление.

В советский период происходит активное накопление и осмысление материала, после чего выходят труды ученых, затрагивающие экономически важные центры региона. Одним из первых археологов поднявших данную тему стала Т.Н. Книпович. Опираясь на бронзовые и золотые находки в Танаисе – важном экономическом центре региона, она ставит под сомнение наличие металлопроизводства на территории такого важного экономического и хозяйственного центра на Нижнем Дону, как Танаис [*Книпович*, 1949].

В 1966 г. выходит работа А.К. Амброза [*Амброз,* 1966], содержащая широкую классификацию фибул региона, не обходя стороной проблемы производства. В металлопроизводстве им выделяются – железо, серебро и различные сплавы меди. Подробнее вопрос о производстве фибул А.К. Амброз поднимает в статье - «Фибулы из раскопок Танаиса» [*Амброз,* 1969]. Автор делает вывод о том, что все рассмотренные фибулы I – III в. н.э. из раскопок Танаиса местного производства, что под сомнение ставится исследовательницей С.И. Капошиной, которая располагает результатами спектрального анализа фибул Кобякова городища. В рамках доказательства местного производства Амброз описывает полуфабрикаты – заготовки фибул, которые были обнаружены в Танаисе. Так, например, при рассмотрении заготовки фибулы отмечает некоторые этапы доработки ее элементов – граненого стержня в пружину. Подробно процессы изготовления фибул не рассматриваются, но при дальнейшем изучении материала автором дополняются этапы производства, например, подготовительный. Характеристики подготовительного или первого этапа демонстрируют находки трех бронзовых брусочков, на одном из них имеются четко выраженные следы молотка, являющиеся разметкой частей будущей фибулы [*Амброз,* 1969, с. 258]. Помимо изготовления фибул ковкой допускает наличие литья, апеллирует к аналогам из Паннонии, где первичную заготовку сложных фибул делали литьем, затем дорабатывали ковкой [*Амброз,* 1969, с. 257]. Следует отметить, что автором была предпринята реконструкция стадий изготовления фибул, но достаточно поверхностно, что открывает пути для дальнейшей разработки данного направления.

Выдающимся ученным, внесшим огромный вклад в изучение античного города Танаис и его округи, организатором Нижне-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР был Д.Б. Шелов. В своей первой комплексной монографии о Танасие [*Шелов,* 1970] уделяет внимание жизни города от его основания и до I в. до н.э. Вывод о наличии местного металлообрабатывающего и металлопроизводящего комплекса автор делает на основе находок двух литейных форм для ювелирных изделий, найденных при раскопках некрополя и на городище в 1955 г., в 1960 г., тигелька, элементов шлака, аргументируя свои выводы тем, что все орудия труда, которые находят археологи при раскопках на вряд ли имеют привозной характер.

Во второй работе [*Шелов,* 1972] о Танаисе в первые века нашей эры описываются различные ремесла города. Интересны заметки о железоделательном производстве. Свидетельств о кузнечном ремесле в городе, найдено лишь одно зубило, но вот изделий из железа при раскопках городища и некрополя найдено немало, среди них орудия труда, оружия и туалетные украшения. [*Шелов,* 1972, с. 94-96]. Особенно заостряет внимание на изготовлении гроздей и прочей утвари для строительных работ. Кроме железоделательного производства, Дмитрий Борисович выделяет меднолитейное дело. Так как в ходе раскопок обнаружено много изделий из бронзы однотипных форм, а также в 1966 г. в западной части городища на раскопе VI найден сброс материалов мастерской медника, автор считает верным выдвинуть предположение, что часть всех этих предметов производилась в самом Танаисе. Ювелирное производство развивалось в городе, но расцвет его приходился на период дополемоновского Танаиса, речь идет о литейных формочках, о которых говорилось раннее, в первые же века ювелирные изделия отличались простотой, а их встречаемость в погребениях, на городище очень мала. Также автор допускает местное производство браслетов, перстней [*Шелов,* 1972, с. 95-96].

На современном этапе стоит обозначить важность работы исследователя - археолога В.М. Косяненко [*Косяненко*, 2008], Автором было уделено внимание на технологические особенности производства фибул. Так, например, В.М. Косяненко обращается к химическому

анализу фибул из некрополя Кобякова городища, сделанному С.М. Капошиной, и приходит к выводу, что фибулы групп I-IV сделаны из определенного сплава на основе цинка и меди, то есть из латуни [*Косяненко,* 2008, с. 104].

В.В. Кропотов, изучая фибулы сарматского времени, выделяет два способа: литьем и ковкой. Если остатков первого способа нет, или они сложны в идентификации, то остатки производства ковкой встречаются в Танаисе [*Кропотов,* 2010, с. 32-33.].

Новые данные в области металлообработки предоставлены А.В. Красенковым [*Красенков,* 2011]. Большое внимание уделено сплавам, из которых изготавливались фибулы региона. Экспериментальным путем были установлены три способа производства застежек: изготовленные из литой заготовки с последующей кузнечной обработкой, изготовленные ковкой (холодной), изготовление литьем с минимальной незначительной последующей доработкой.

Таким образом, можно констатировать, что история изучения металлопроизводства Нижнего Дона имеет обширные формулировки. Авторами лишь выдвигаются гипотезы о наличии производственного ремесленного центра лишь в Танаисе на основании полуфабрикатов и браков фибул, найденных на его территории. На территории других городищ каких-либо следов местного металлического ремесла не найдено. В основном авторы касаются типологических характеристик изделий, на примере фибул, из металла по морфологическим признакам для дальнейшего установления техники производства. На сегодняшний день мы имеем малую толику исследований, затрагивающих специфику технологий и техник, что открывает поле для новых исследований в данной области.

Библиографический список

Амброз А.К. Фибулы из раскопок Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья: М., 1969. – С.248 – 273.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ, Д1-30. М.: 1966. – 142 с.

Гаусман Р.Ф. Несколько заметок по поводу новых исследований «о фибулах» и по поводу фибул, хранящихся в музее Императорского Одесского Общества Истории и Древностей // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. – 1898. – Т. XXI. – 16 с.

Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.–Л.: Издательство АН СССР,1949. – 184 с.

Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Азов: 2008. – 544 с.

Красенков А.В. Украшения I-III вв. на Нижнем Дону: вопросы типологии и технологии производства: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.06 [Электронный ресурс] [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. // URL: https://www.dissercat.com/content/ukrasheniya-i-iii-vv-na-nizhnem-donu (Дата обращения - 11.01.2019).

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. – 386 с.

Ростовцев М.И. Бронзовые фибулы с надписями из Донской области // Известия археологической комиссии. – 1918. - №65. С. 22 – 24.

Спицын А.А. Предметы с выемчатой эмалью // Записки отделения русской и славянской археологии. 1903. – Т. V. – Вып. 1. С. 149 – 192.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972. – 351 с.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М.: Наука, 1970. – 251 с.

HISTORY OF THE STUDY OF METALWORKING OF THE LOWER DON REGION ON THE EXAMPLE OF FIBULAE

Y. Kravtsova

Southern Federal University, Rostov-on-the-Don
kravtsova.jul@yandex.ru

Academic supervisior - PhD E. Vdovchenkov

This work is devoted to the history of the study of metal production in the Lower Don Region in the context of fibula material. The author traces the development of the study of the problem from the pre-

revolutionary period to current research at the present time. He draws conclusions about the little studied technical features of the production of brooches in the region, declares the promising direction in archeology.

Keywords: metal production, brooches, Lower Don, history of study, evolution

УДК 902 (470. 56) Л 69

ДИАГОНАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Я.С. Логинов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
y-loginov2012@mail.ru

Научный руководитель - к.и.н. А.А. Евгеньев

В статье анализируются диагональные погребения кочевников первых веков нашей эры Южного Приуралья. Рассмотренный материал позволяет выделить характерные черты погребального обряда.

Ключевые слова: погребение, могильник, Оренбургский, сосуд, меч, бронзовый, экспедиция, кинжал.

Диагональные погребения кочевников раннего железного века являются дискуссионной проблемой. Среди ученых нет однозначного понимания, что мог означать этот обряд. На данный момент дискуссии ведутся по следующим вопросам: этническая и религиозная принадлежность населения, оставившего диагональные погребения, проблема хронологии диагональных погребений. Изучение материалов раннего железного века Южного Приуралья позволяет прояснить некоторые вопросы сарматской археологии.

В данной статье рассмотрены материалы 5 памятников и 19 погребений.

- курганный могильник Герасимовка I в Новосергиевском районе Оренбургской области был исследован в 1964 году экспедицией под руководством К.Ф. Смирнова [*Смирнов*, 1964].

- II курганный могильник у села Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области был открыт и впервые исследован в 1974 г. Н.А. Мажитовым [*Мажитов*, 1974], а с 2010 по 2018 годы исследовался Оренбургской археологической экспедицией [*Моргунова*, 2010; *Краева,* 2011; *Купцова,* 2017].

- I Кардаиловский могильник в Илекском районе Оренбургской области раскапывался с 1977 по 1980 гг. Оренбургской археологической экспедицией под руководством Н.Л. Габелко (Моргуновой) [*Моргунова*, 1996].

- курганный могильник Красный Яр в Илекском районе Оренбургской области исследовался с 1983 года совместной экспедицией Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР и Башкирского пединститута под руководством В.А. Иванова и В.С. Горбунова. В 1984 работы на могильнике были продолжены экспедицией ИИЯЛ под руководством А.Х. Пшеничнюка [*Морозов, Пшеничнюк,* 1989]

- Булановский курганный могильник в Октябрьском районе Оренбургской области исследован Оренбургской археологической экспедицией в 1999 году[*Моргунова,* 1999].

Анализ погребального ритуала диагональных погребений в рассматриваемых памятниках позволил выявить следующие особенности обрядности:

Форма и размеры могилы*:* могильные ямы, представлены следующими формами: квадратные 52%, подпрямоуголные 10%, подквадратные 10%, прямоугольные 15%. Встречены также единичные случаи трапециевидно-ромбовидной, округло-квадратной и прямоугольно-

© Логинов Я.С., 2020

квадратной ям. Самая маленькая могила имеет размеры 133×144 см, размеры самой большой составляют 233×260 см.

Ориентировка погребенного – преимущественно в южный сектор: ЮЗ – 57%, ЮЮВ – 15%, Ю – 10%. По одному случаю СЗ и СВ ориентировок.

Поза погребенного: преобладает вытянутое положение на спине (89%), вариацией является положение со слегка отогнутой в сторону рукой (10%). Нестандартное положение было отмечено во II Имангуловском курганном могильнике, К4П1: ноги были подогнуты и завалились на левую сторону по направлению коленями на ЮВ, руки погребенного были раскинуты.

Деревянные конструкции встречаются в 63% погребений**.**

Подстилка из коры и бересты встречается в 21% погребений, меловая подстилка в 15%, подстилки из прутьев и органики встречены единожды

Кости МРС встречаются в 78% погребений.

Керамика встречается в 89% погребений. 4 сосуда обнаружено в одном погребении, 3 в трех, 2 в пяти, в 8 погребениях находилось по одному сосуду. Керамика представлена следующими типами: гончарные кувшины (36%), лепные кувшины (21%), лепные плоскодонные сосуды (26%), лепные круглодонные сосуды (10%), курильницы (26%), сосуды с неустановленной формой (26%). Единичная находка сосуда в виде фляги отмечена в К3П1 I Кардаиловского могильника.

Оружие обнаружено в 36% погребений. Все представленные наконечники стрел одного типа – железные трёхлопастные черешковые. Также обнаружено 2 меча и 2 кинжала. В Кардаиловском КМ меч (К3П1) и кинжал (К22П1) без перекрестия и навершия, в КМ Красный Яр меч (К1П1) и кинжал (К4П1) имеют кольцевое навершие.

Предметы быта выявлены в 84% погребений и представлены ножами (52%), пряслицами (42%), а также прочими предметами быта, встречающимися в единичных случаях (оселки, железные иглы, ножницы, костяные предметы)

Зеркала составляют 21%. В К9П1 КМ Герасимовка I тип зеркала не определен. В К20П1 Кардаиловского КМ было обнаружено бронзовое зеркальце с ободком диаметром 10,5 см. В К25П2 того же могильника было найдено зеркало с позолотой диаметром 18 см. В К7П1 КМ Красный Яр было обнаружено бронзовое зеркальце – подвеска.

Украшения найдены в 26% погребений. В К14П1 I Кардаиловского КМ было обнаружено 2 бронзовых перстня, в К16П3 бронзовые серьги и бусы. Достаточно богатый инвентарь в К7П1 КМ Красный Яр. В погребении были обнаружены: большая алебастровая бусина, подвеска из белого камешка с естественным отверстием, стеклянные темные бусы, амулетик с отверстием. В К1П1 Булановского КМ были только бусы.

Предметы ритуала найдены в 36% комплексов и представлены костяными ложечками (15%), алебастровыми сосудами (15%) единичным экземпляром раковины и каменными жертвенниками.

Таблица 1. Инвентарь погребений.

Комплекс	Погребальный обряд					Погребальный инвентарь												
	Размеры могилы	Ориентировка погребенного	Поза погребенного	Деревянные конструкции	Подстилка	Кости животных	Органика	Керамика	Оружие		Зеркало	Конская упряжь	Предметы быта			Украшения		Предметы ритуала
									Стрелы	Меч/кинжал			Нож	Пряслице	Прочие предметы быта	Бусы	Украшения	

Кардаилово I К16П3	Кардаилово I К14П1	Кардаилово I К3П1	Имангулово II К9П1	Имангулово II К4П1	Имангулово II К2П1	Имангулово II К1П1	Герасимовка I К9П3	Герасимовка I К9П1
Подквадратная 160х170 см	Квадратная 190х190	Подквадратная 180х220 см	Подпрямоугольная 165х200 см	Подпрямоугольная 153х204 см	Квадратная 213х170 см	Квадратная 175х175 см	Квадратная 180х150 см	Квадратная 180х185 см
Ю	ЮЗ	ЮЗ	ЮЗ	СВ	ЮЮЗ	ЮЗ	ЮЗ	ЮЮВ
По диагонали вытянуто на спине				По диагонали ноги подогнуты, руки раскинуты	По диагонали вытянуто на спине			
+	–	–	+	+	+	+	+	+
–	–	–	+	+	–	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+
–	+	+	+	+	–	–	+	+
2	1	1	–	1	3	2	1	1
+	–	+	–	+	–	–	–	+
–	–	+	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	+
–	+	+	+	–	–	–	+	–
+	+	–	–	–	+	+	+	–
Костяной предмет	Точильный камень	–	–	Оселок, каменный предмет, игла, ножницы	–	–	–	3 каменных бруска, 2 поделки из кости
–	–	–	–	–	–	–	–	–
+	+	–	–	–	–	–	–	–
–	+	+	–	–	+	–	–	+

Красный яр К5П1	Квадратная 220х200 см	ЮЗ	По диагонали вытянуто на спине	+	–	+	+	3	–	–	–	+	+	–	Железная проколка, обломок железной пластины	–	–	–
Красный яр К4П1	Квадратная 210х200 см	ЮЗ	По диагонали вытянуто на спине, левая рука отогнута	+	+	–	–	3	–	+	–	+	–	–	–	–	–	–
Красный яр К1П1	Прямоугольная 210х165 см	СЗ		+	+	+	+	2	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Кардаилов о I К25П2	Квадратная 175х195 см	ЮВ		–	–	+	–	1	–	–	+	–	+	+	–	+	–	–
Кардаилов о I К22П1	Округло-квадратная 177х208 см	ЮВ		–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
Кардаилов о I К21П4	Квадратная 233х260 см	ЮЗ		–	+	–	+	1	–	–		–	+	–	–	–	–	+
Кардаилово I К20П1	Прямоугольно-квадратная 185х230 см	ЮЗ		+	+	+	+	1	–	–	+	–	+	+	–	–	–	–

Красный яр К7П1	Прямоугольная 225х175 см	ЮЮЗ		+	–	+	–	4	–	–	+	+	+	–	Костяная пластинка, большая округлая галька+	+	+	+
Красный яр К13П2	Прямоугольная 240х190 см	ЮЗ		–	–	+	–	2	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–
Буланово К1П1	Подтрапециевидно-ромбическая 133х144 см	Ю		–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	+	+	–	+

Таким образом, для погребального обряда кочевников РЖВ Южного Приуралья первых веков нашей эры характерно следующее: квадратные могилы, юго-западная ориентировка, вытянутое положение костяка на спине, наличие деревянных конструкций в заполнении могилы, подстилка из коры и бересты, кости МРС, керамика представлена в основном гончарными и лепными кувшинами. Оружие представлено двумя типами кинжалов и мечей. К первому типу относятся мечи и кинжалы без перекрестия и навершия, ко второму – мечи и кинжалы, имеющие кольцевое навершие. Стрелы во всех случаях трехлопастные черешковые. Из предметов быта наиболее часто встречающимися находками являются ножи и пряслица. К украшениям относятся бронзовые перстни, бронзовые серьги и бусы, бусы из алебастра и стекла. Предметы ритуала в основном представлены алебастровыми сосудами и костяными ложечками.

Библиографический список

Краева Л.А. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу №185 в 2011 году // Архив археологической лаборатории ОГПУ. № II-136.

Купцова Л.В. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Второе Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу №846 в 2017 году // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

Мажитов Н.А. Научный отчет о результатах археологических исследований на 1974 год // Архив ИА РАН. Р-1. №5500.

Моргунова Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе// Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. 1996. С.8-43.

Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу №579 в 2010 году // Архив археологической лаборатории ОГПУ. № II-138/2011

Моргунова Н.Л. Отчет об археологических раскопках у с. Буланово в Октябрьском районе Оренбургской области по открытому листу № 421 летом 1999 года// Архив археологической лаборатории ОГПУ. №II-100/2000.

Пшеничнюк А.Х. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья: Сборник научных статей. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С.99-119.

Смирнов К.Ф. Отчет о работе Оренбургского отряда Южно-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР и Оренбургского областного музея краеведения 1964 года// Архив ИА РАН. Р-1. №2927.

DIAGONAL BURIALS OF NOMADS OF THE BEGINING OF COMMON ERA IN THE SOUTHERN URAL

Y. Loginov
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg
y-loginov2012@mail.ru

Academic supervisor – PhD A. Evgeniev

In this article analyzed the diagonal burials of nomads of the beginning of common era in the Southern Ural. The considered material allows us to notice the characteristic features of the funeral rite.

Keywords: burial, burial ground, Orenburg, vessel, sword, bronze, expedition, dagger.

УДК 902

АНАНЬИНСКАЯ ПОСУДА ИЗ ЕЛАБУЖСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2015 И 2019 ГГ.)

Ю.В. Макарова
Елабужский институт Казанского Федерального университета, Елабуга
Iiulia_mak@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

В статье приводится хронологическая градация ананьинской керамики (VIII-III вв. до н.э.), в которой по орнаментации и форме определяется примерный временной промежуток производства глиняной посуды. По материалам раскопов Елабужского городища 2015 и 2019 гг. даётся датировка ананьинской керамики раннего или позднего периода.

Ключевые слова: ананьинская керамика, Елабужское городище, керамика, ананьинцы, орнаментация.

Глиняная керамика в своём роде считается уникальным источником, имеющим большую информативную базу. Изучая и анализируя посуду, можно получить представление о гончарном производстве, материальных культурах, хронологических рамках. Ананьинская культура, датирующаяся VIII–III вв. до н.э., распространилась в зоне широколиственных лесов и хвойной тайги Волго-Камского региона, которая и является важным показательным примером важности изучения данной общности (ананьинская культурно-историческая общность – АКИО) [*Кузьминых*, 2012].

Л.И. Ашихмина выделяет следующие характерные черты керамики ананьинской культуры, которые представлены чаще всего низкими круглодонными чашами с низкой шейкой с гладкой поверхностью сосудов *[Голдина*, 2004, с. 22–25]. В состав теста входит толченная раковина, реже шамот и дресва. Важной частью всех керамических изделий является орнамент, который позволяет определить тип керамики и её принадлежность. Посуда ананьинской культуры отличается от всех археологических культур Прикамья шнуровым оттиском и ямочными вдавлениями. Встречаются также врезные линии, зубчато-гребенчатый штамп и их всевозможные сочетания [*Ашихмина*, 2014, с. 178–179].

© Макарова Ю.В., 2020

В статье приводится соотношение ананьинской керамики раннего и позднего периода на основе наиболее массового категории материала – керамики.

Елабужское городище занимает северо-восточную половину большого мыса коренной террасы Камы. На территории данного городища проживали древние ананьинцы, что можно проследить в культурном слое.

Ананьинская керамика делится на три периода: ранний период (VIII–V вв. до н.э.) и поздний (IV–III вв. до н.э.). Датировка в первую очередь определятся по орнаментации. Ранний период характеризуется расцветом культуры, пышностью орнамента и высоким уровнем производительности керамической базы. К концу IV – началу III в. до н.э. происходит медленное затухание ананьинской культуры в плане керамики: оскудение орнаментации – из богатого орнамента с несколькими рядами шнурового оттиска в сочетании с резными линиями, ямочными вдавлениями и гребенки она превращается в однорядовую шнуровую линию с изредка использованием ямок. Затухание высокой культуры ананьинского мира связано с несколькими причинами. Во-первых, всегда на первые этапы формирования археологической культуры происходил наивысший толчок в создании культурно-прикладного искусства. Во-вторых, существовала необходимость древнего населения отличиться в плане состава, техники и нанесения орнаментации на керамическую посуду от многих других различных культур, в итоге и сформировался характерный орнамент, по которому мы можем определить ананьинскую керамику. В-третьих, в связи с массовостью производства керамической посуды и потерей значимости богатой орнаментации – искусство былого нанесения орнаментации в различных сочетательных вариациях утрачивает свою функцию. В результате к началу III века до н.э. ананьинское искусство постепенно угасает, претерпевая регресс в плане орнаментированности.

По отчётам раскопа VIII Елабужского городища 2015 года найдено 77 ананьинских фрагментов керамики со скудной орнаментацией в виде шнурового оттиска и ямочными вдавлениями. На некоторых фрагментах присутствуют резные линии по венчику. К сожалению, на раскопе ни одного цельного сосуда не было обнаружено. Исходя их слабой орнаментированности фрагментов керамики её можно датировать IV–III вв. до н.э. Лишь три фрагмента ананьинской керамики украшены шнуровым оттиском с ямочными вдавлениями в несколько рядов, что говорит об их более раннем происхождении.

В 2019 году археологическая экспедиция ЕИ КФУ выехала на раскопки Елабужского городища. Керамика, найденная на территории городища, представляет собой фрагменты с посредственным орнаментом (шнуровой оттиск, ямки). И лишь два фрагмента одного сосуда являются представителями ананьинской керамики раннего периода (IV–III вв. до н.э.). Длина фрагмента составляет 13,5 см, ширина – 6,5 см. Орнаментация состоит из трёх рядов шнурового оттиска в сочетании с ямочными вдавлениями.

Таким образом, Елабужское городище является местом, где проживали древние ананьинцы, являющиеся предками современных народов Прикамья и Урала. Самый массовый предмет археологической культуры – керамика, по праву считается единственным верным источником информации, дающий исследователям информацию о территории населения, принадлежность к группе, датировку обитания, культуре и быте древних народов. Периодизация ананьинской керамики (ранний период и поздний) позволяет решить вопросы, связанные с хронологией и этнокультурными процессами. Имея, в свою очередь, массовый характер, керамика позволяет использовать статистические методы при непосредственном изучении самой посуды, при оценке ее содержания на разных участках в слоях, объектах, на памятниках, проводить картографирование и т.д. Данная периодизация позволяет выявить примерное обитание ананьинцев на территории Елабужского городища по средствам найденной керамики с раскопов последних лет.

Библиографический список

Кузьминых С.В. Ананьинская культура // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016).

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа // Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 422 с. + вкл.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Серия «Археология евразийский степей» Вып. 19. Казань, 2014. 237 с.

ANANYINSKAYA CERAMICS FROM YELABUGA HILLFORT (BASED ON EXCAVATION 2015 AND 2019)

J. Makarova

Elabuga Institute of Kazan Federal University, Elabuga
Iiulia_mak@mail.ru

Academic supervisor – PhD A.Nigamaev

In the article, the author cites the periodization of Ananyino ceramics (VIII–III centuries BC), in which the approximate time period for the production of pottery is determined by ornamentation. Based on materials from the excavations of the Elabuga hillfort 2015 and 2019. dating of Ananyino ceramics of the early or late period is determined.

Keywords: Ananyino culture, Elabuga hillfort, ceramics, ornamentation.

УДК 902

ПОЗДНИЕ САРМАТЫ ЕСАУЛОВСКОГО АКСАЯ

М.А. Нигметова

Волгоградский государственный университет, Волгоград
madina.nigmetova@mail.ru

Научный руководитель — Е.А. Коробкова

В статье проводится анализ позднесарматских погребальных комплексов бассейна Аксая Есауловского. Вследствие проведенного анализа выделены две хронологические группы, со свойственными особенностями Выявляется изменение культуры на основании эволюции погребального обряда.

Ключевые слова: сарматы, позднесарматская культура, погребальный обряд, курганный могильник, Есауловский Аксай.

Бассейн реки Есауловский Аксай насыщен археологическими памятниками разных эпох. Наиболее представительной здесь является выборка погребений относящихся к раннему железному веку и в частности позднесарматскому периоду. Детальный анализ предметов материальной культуры позднесарматских памятников позволил выявить особенности исторической ситуации рассматриваемой эпохи. Рассмотрение и изучение археологического материала дало возможность выделения двух хронологических групп в развитии позднесарматской культуры – вторая половина II – первая половина III в. н.э. и вторая половина III–IV в. н.э.

Для первой группы (вторая половина II – первая половина III в. н.э.) характерно большее разнообразие вещевого материала. В это время преобладают гончарные импортные сосуды, встречается большое количество украшений и т.д. В погребениях этого периода присутствуют импортные изделия из римских провинций. Наблюдается связь с северопричерноморскими производственными центрами, из которых в степь шли краснолаковая керамика, бусы, фибулы и т.д. Устанавливается контакт и с нижнедонскими, кубанскими и производственными центрами Центрального Предкавказья откуда происходит большинство керамических сосудов из погребений этой хронологической группы.

Во второй хронологической группе (вторая половина III–IV в. н.э.) количество импортных вещей заметно снижается и возрастает число лепной керамики местного

© Нигметова М.А., 2020

производства, сопроводительный инвентарь становится более стандартизированным. В погребениях практически перестают встречаться фибулы. Реже встречаются бусы, в основном они представлены янтарными грибовидными подвесками. Прекращаются «поставки» гончарной посуды из северопричерноморских, нижнедонских производственных центров и Центрального Предкавказья. При этом увеличиваются экономические контакты с Восточным Предкавказьем, откуда теперь в степь попадает гончарная керамика.

Сравнение погребального обряда выделенных групп показало, что каждая из рассматриваемых групп в погребальном обряде обладает своей спецификой, так количество индивидуальных погребений второй половины III–IV в. н.э. стремится к абсолюту по сравнению с предшествующим временем - второй половиной II – первой половиной III в. н.э. Средний размер курганных насыпей ко второй половине III в. н.э. изменяется несущественно, уменьшаясь в диаметре на полметра, но при этом становясь выше (хоть и очень несущественно) на 11 см.

Более значительные изменения коснулись форм могильных ям. К середине III в. н.э. подбойные конструкции играют ведущую роль, отбирая первенство у господствовавших в предыдущий период широких прямоугольных и квадратных ям. При этом во 2 группе не отмечены Т-образные катакомбы, которые начинают массово распространяться с середины III в. н.э. на Нижнем Дону в связи с захватом этой территории племенами Центрального Предкавказья [Мошкова, 1999, с. 183]. Именно здесь, вероятно, происходит формирование данной погребальной конструкции и ее массовое распространение в погребальных памятниках, начиная со второй половины II в. н.э. [Мошкова, 1999, с. 187]. Единственная катакомба этого типа обнаружена в кургане 36 могильника Абганерово II, но в связи с практически полным разграблением этого погребения датировать его уже рамок II– V в. н.э. не удается. Другие катакомбные конструкции, встреченные в могильниках Есауловского Аксая, относятся к типам II, III, VI (по типологии М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашева) хорошо известны с раннесарматского времени.

Незначительны изменения в сооружении внутримогильных конструкций – деревянных перекрытий, а также в оформлении погребального ложа – органических подстилок. А вот использование ритуальных веществ ко второй половине III в. н.э. значительно сокращается. Аналогичная картина и с ритуальными сосудами и ритуальными предметами. Уже не встречаются в погребениях ни курильницы, ни галька, ни кремневые отщепы. Намек на преемственность ритуальных предметов предшествующего периода можно наблюдать лишь в находке маленького кусочка кремня в одном из погребений.

Кардинальным образом меняется ориентировка погребенного по сторонам света. В преобладающем большинстве случаев погребенный ориентирован черепом и позвоночным столбом на северо-запад в то время как до середины III в. н.э. покойного укладывали головой на юг и юго-восток. Изменяется и положение погребенных, так диагональные погребения, коих во второй половине II – первой половине III в. н.э. почти треть, в последующий период не фиксируются. Разнообразие поз умерших наблюдавшихся в первый период к III веку сводится лишь к вытянутому положению на спине, с вытянутыми ногами и руками вдоль тела.

Половое соотношение остается прежним, с большим преобладанием мужских захоронений – 75%.

Касаемо такой позиции погребального инвентаря как глиняная посуда, можно отметить, что к середине III в. н.э. сохраняется равная встречаемость лепных и гончарных изделий. Не меняется и «ассортимент» посуды: все те же лепные горшки, круговые кувшины и миски. Изделия керамики по-прежнему располагаются в головах погребенного.

Предметы вооружения со второй половины III в. н.э. уже практически не наблюдаются в погребальных комплексах. Если в предшествующий период около трети погребений содержат оружие, то в последующее время «похвастаться» такой составляющей погребального инвентаря могут лишь 18% погребений.

Детали одежды и украшений погребенных остаются прежними. Разительная перемена происходит с находками фибул. Если до второй половины III в. н.э. фибулы были обнаружены в 21% погребений, то в нижеследующий период лишь в одном погребении были обнаружены обломки фибулы. Также, чрезвычайно редкими находками становятся нашивные бляшки.

Накопленный археологический материал позволяет, правда в несколько общих чертах, охарактеризовать некоторые вопросы истории кочевников, населявших бассейн Есауловского Аксая.

Сменив среднесарматскую культуру, позднесарматская культура стала апофеозом кочевых ираноязычных племен конца раннего железного века.

Такие новые элементы материальной культуры и погребального обряда как узкие прямоугольные и подбойные могилы, ориентировка погребенного на север, деформация черепа, новые типы вещей, являющиеся важнейшими атрибутами позднесарматской культуры, не обошли стороной и бассейн Есауловского Аксая.

Новые элементы погребального обряда и материальной культуры появляются в погребениях датируемых первой половиной II в. н.э. Но малочисленность таких комплексов не позволяет говорить о становлении позднесарматской культуры в регионе. Наиболее верным, будет определять дату формирования позднесарматской культуры в бассейне Есауловского Аксая в рамках середины II в. н.э.

Пришедшая культура не вытеснила старую, что подтверждается данными археологии. До середины III в. н.э. элементы среднесарматской культуры вполне спокойно уживаются с элементами позднесарматской культуры. Продолжают использоваться крупные старые могильники, функционировавшие не только в среднесарматское время, но и ранее. Примером могут быть могильники Жутово, Аксай II, Перегрузное – начало использования которых было положено еще в эпоху бронзы. Достаточно большое количество широких прямоугольных ям, погребений с южной ориентировкой покойного, диагональные погребения – все эти традиции начинают синтезироваться с принесенными новациями, такими как, искусственная прижизненная деформация черепа и подбойные погребальные конструкции, образовывая синкретическую культуру. Это позволяет сделать вывод, что среднесарматское население, жившее на рассматриваемых территориях, не испытывало сильного давления со стороны носителей позднесарматской культуры и постепенно перенимало новую культуру на протяжении довольно-таки длительного времени.

Резкий перелом происходит в середине III в. н.э. В бассейне Есауловского Аксая происходит некая катастрофа, которая кардинальным образом меняет имевшуюся картину. Что-то заставляет население забросить старые могильники и создать новые, в менее удобном местоположении – в верховьях Аксая Есауловского. Примером может служить достаточно компактная и однообразная могильная группа Абганерово II, абсолютное большинство погребений которой датируются второй половиной III–IV вв. н.э. Среднесарматские традиции в погребальном обряде практически полностью забываются. Полностью исчезают диагональные погребения. Резко сокращается население – примерно в 2,5 раза. Погребальный инвентарь к этому времени становится более скудным. В большинстве случаев, он ограничивался лепным горшком в головах погребенного, изредка встречаются другие предметы керамической посуды, редки предметы украшений, практически не встречаются ритуальные предметы. К этому времени в погребальном обряде можно наблюдать лишь позднесарматские традиции.

К этому периоду наблюдается прекращение связей населения с прежними производственными центрами. Практически полностью, гегемонию по поставке импортных вещей на себя берут Восточные районы Северного Кавказа.

После кардинальных изменений второй половины III в. н.э. и укоренении чистых позднесарматских элементов, культура постепенно сходит на нет.

Библиографический список

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999.

LATE SARMATS OF ESAULOVSKY AKSAY

M. Nigmetova

Volgograd State University, Volgograd

madina.nigmetova@mail.ru

Academic supervisor – E. Korobkova

The article analyzes the late Sarmatian burial complexes of the Aksay Esaulovsky basin. As a result of the analysis, two chronological groups are distinguished with characteristic features. A cultural change is revealed on the basis of the evolution of the funeral rite.

Keywords: Sarmatians, Late Sarmatian culture, funeral rite, burial mound, Esaulovsky Aksai.

УДК 903 (4/5)(082)

ЗАПАДНЫЕ ИМПОРТЫ В ПОГРЕБЕНИИ КУРГАНА №21 МОГИЛЬНИКА МАГНИТНЫЙ (ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Е.В. Никольская, С.А. Трушникова

Челябинский государственный университет, Челябинск
sofitrushnikova@mail.ru

Научный руководитель – Е.О. Шиманский

В статье рассмотрены импортные изделия, представленные посудой из бронзы и стекла, а также фибулой, из позднесарматского погребения могильника Магнитный юга Челябинской области. Приведен круг гипотез о путях и причинах появления данных изделий среди кочевнических древностей.

Ключевые слова: позднесарматская культура, римские импорты, бронзовая посуда, фибула.

В 1993 г. С.Г. Боталовым в Агаповском районе Челябинской области был открыт могильник Магнитный. В 2010 г. раскопан самый крупный курган некрополя – №21. В западной части погребальной площадки обнаружена могильная яма с женским захоронением, которое относится к позднесарматскому времени. Предполагаемая датировка памятника II-III вв. н.э. В могильной яме, помимо предметов производства кочевников, найден инвентарь, относящийся к западным импортам. Комплекс был опубликован С.Г. Боталовым и А.А. Ивановым [*Боталов, Иванов*, 2010], несколько позднее предметы римского импорта были рассмотрены М.Ю. Трейстером [*Трейстер*, 2016].

Целью данного исследования стал анализ уже выдвинутых гипотез, их сопоставление с полученной информацией о предметах и сравнение с рядом схожих находок в других погребениях урало-казахстанских степей и других районов распространения позднесарматских древностей.

Найденные предметы западного импорта можно разделить на четыре группы: бронзовые изделия, стеклянный стакан, шарнирная брошь-фибула и шкатулка с замком.

Первая группа – бронзовые сосуды. Обнаруженный бронзовый кувшин с фигурно украшенной ручкой имел в высоту 29 см, диаметр горлышка 7,5 см, диаметр дна 9 см. Дно массивное, вогнутое, орнаментировано несколькими концентрическими кругами, припаянными отдельно. Стенки кувшина имеют разную толщину, максимальную 1 см у дна и постепенно сужаются к горлышку до 0,3 см. Тулово сосуда не орнаментировано. Край горлышка украшен серией мелких кружков диаметром 0,2–0,3 см. Ручка на уровне горлышка переходит в горизонтальный, оригинально сделанный щиток. Форма ручки кувшина – с двумя лебедиными головками и изогнутым листом между ними. Форма самого сосуда находит параллели с бронзовыми кувшинами, вертикальные ручки которых имели нижние атташи в форме ступни. Они изготавливались в основном в мастерских Галлии и Рейнской области, а также в Паннонии и, возможно, в Сирии не ранее конца I – начала II в. н.э. [*Трейстер*, 2016, с. 281].

© Никольская Е.В., Трушникова С.А., 2020

Второй предмет этой группы – ковш из бронзы с последующим лужением и оловянной пайкой. Изделие относится к типу Eggers140. Диаметр 13,5 см. Ко дну были припаяны три плоские ножки, в процессе археологизации предмета они отпали. Тонкие стенки ковша (до 0,3 см) были разрушены в нескольких местах. В древности предмет ремонтировался, о чем свидетельствует бронзовая грубая заплатка, закрепленная клепками. Размеры заплатки 5×2 см. Ковш имеет длинную ручку (20 см) с округлым окончанием. Внутри ковша обнаружено изделие непонятного назначения, изготовленное из дерева и бронзы плохой сохранности. Отсутствие подобных припаянных ножек среди помпейских материалов дает основание предполагать, что ковши с такими ножками изготовлялись в Северной Италии, хотя их относили и к изделиям мастерских Капуи [*Трейстер*, 2016, с. 281].

Под ковшом найдено бронзовое ситечко-цедилка плохой сохранности, тип Eggers160. Диаметр чашечки 10 см, толщина стенок менее 0,1 см. Горизонтально ориентированная ручка обломана, имеет небольшую клепку, утраченное окончание, вероятно, имело веслообразную форму. Дырочки пробиты не хаотично, а представляют собой определенный орнамент. Можно выделить четыре «зоны» орнамента – два горизонтальных пояса и 20-лепестковую розетту на дне. Подобные предметы появляются во второй-третьей четверти I в. н.э. [*Трейстер*, 2016, с. 282], самый пик распространения приходится на II в. н.э., не позднее его первой половины [*Симоненко*, 2011, с. 57].

Напротив левого плеча погребенного (за пределами гробовины) расчищены гончарная тонкостенная фляга и бронзовый котел. Котел небольшой, высотой 18 см, у него широкое горло (диаметр 14 см), тулово расширяется в верхней трети до 18 см в диаметре и затем постепенно сужается ко дну. Толщина стенок котла 0,2-0,3 см. Можно предположить, что изделие использовалось в течение длительного времени. Об этом говорит отсутствие одной ручки (утраченной в древности), черный нагар, покрывающий все изделие, и многочисленные следы «заплаток».

Вторая группа – стеклянные предметы. Стакан из бесцветного стекла, изготовлен в технике свободного выдувания со стенками с четырьмя овальными вдавлениями. Датируют его второй половиной I – первой половиной II в. н.э. Такие предметы были распространены на всей территории Западной и Центральной Европы. [*Трейстер*, 2016, с. 283].

Третья группа – фибула с дополнительными выступами по сторонам. Декор образуют расположенные по длинной оси и ориентированные вершинами в сторону углов две бронзовые веточки на фоне эмали красноватого цвета и два круглых каста по бокам от них со вставками эмали голубого цвета. В.В. Кропотов в своей сводке относит данный предмет к форме 70 и датирует по аналогиям со сложными эмалевыми фибулами из римских провинций второй половиной II – началом III в. н.э. [*Кропотов*, 2010, с. 314].

Четвертая группа – шкатулка с замком. Деревянная шкатулка с замковым механизмом с бронзовым ригелем и железной прямоугольной накладкой, инкрустированная костяными вставками в форме равностороннего и равнобедренного треугольников.[*Трейстер*, 2016, с. 284].

Находки западного импорта присущи погребальным комплексам степей от Причерноморья до Южного Урала. Они часто представляют собой разновременные вещи с отличающимся друг от друга местом производства. Отсюда вопрос – как долго предмет мог бытовать в восточных степях, и что повлияло на его появление там и оседание в конкретной могиле. Хотя в каждом конкретном случае сложно определить точно причину, исследователи смогли выявить ряд тенденций, на основе которых каждый из них предлагает собственные гипотезы. Во-первых, выделяются несколько каналов поступления западного импорта в руки кочевников – это военная добыча, дипломатический подарок, торговля, межплеменной обмен. Некоторые исследователи выделяют этапы распространения западных предметов, которые зависят от исторических событий [*Иванов, Плешанов,* 2013, с. 486–487]. Так политика Римской империи могла повлиять на поступления дипломатических подарков. В условиях, когда Рим нуждался в поддержке кочевников Восточной Европы, то активно раздавал римские предметы среди племенной верхушки, но после реализации своих задач переставал проводить такую политику [*Клейн,* 1979, с. 218–221]. Часто после этого происходили столкновения римлян с этими кочевниками. Поэтому кувшины, ведерки и ковши легко могли стать военным трофеем кочевников [*Шилов,* 1974]. К тому же ограбление римской периферии также давало приток

западных предметов. Одним из направлений распространения их было Северное Причерноморье. Древний Танаис, который там находился, имел связи с позднесарматским населением, а также получал поставки западных предметов из других городов. Например, драгоценных импортных изделий из крупных городов Боспора - Пантикапея и Фанагории [*Безруков,* 2015, с. 254]. Но не все находки западного импорта поступали оттуда, как отмечают некоторые исследователи. Так Б.А. Раев отмечал, что импортная посуда распространялась в степях Восточной Европы из Закавказья [*Раев,* 1993, с. 174]. Д.Б. Шелов предполагал, что ряд предметов могли поступать Дунайским торговым путем [*Шилов,* 1974]. Однако для находок из кургана №21 могильника Магнитный эти направления распространения могут быть не так однозначны [*Иванов, Плешанов,* 2013, с. 489]. Поэтому одним из основных источников поступления западных вещей мог быть межплеменной обмен. На это могут указывать следы износа и ремонта, которые свидетельствуют о долгом использовании и, возможно, о нескольких, сменяющих друг друга владельцев. В таких случаях предметы долгое время накапливаются, передаются в качестве символов престижа, пока не оседают в определенной могиле. Помимо этой гипотезы существует другая, предложенная С.Г. Боталовым. Объясняет она появление западного импорта в кургане №21 могильника Магнитного обратной миграцией с запада на восток, вызванной разрушением Танаиса в 40-х гг. III в. н.э. племенным союзом во главе с готами, что вызвало отток части населения элиты кочевников на Южный Урал [*Боталов, Иванов,* 2012, с. 290]. Таким образом, они могли принести в урало-казахстанские степи западный импорт. По существу, этот вопрос оказывается достаточно риторическим. Однако рассмотрение проблемы с каждой из сторон позволяет увидеть глобальные процессы, происходившие в мире. События на западе в материальном виде отражались на востоке, фиксирую тем самым существовавшие взаимодействия восточной кочевой культуры с западной оседлой.

Библиографический список

Безруков А.В. Импортные римские и византийские серебряные изделия на территории Волго-Камья (по материалам археологических комплексов I в. до н.э. — V—VII вв. н.э.) // ПИФК. 2015. № 3. С. 253—263.

Боталов С.Г., Иванов А.А. Новый комплекс кочевой аристократии гунно-сарматского времени в Южном Зауралье // Проблемы истории, филологии, культуры. — Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2012. № 4. С. 269–287.

Иванов А.А., Плешанов М.Л. К вопросу о появлении «римского» импорта в урало-казахстанских степях // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. - Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С.485-491.

Клейн Л.С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // Античный мир и археология. Саратов, 1979. Вып. 4. С. 204–211.

Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: Изд-во "АДЕФ-Украина", 2010. 384 с.

Раев Б.А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // Античный мир и археология. Саратов, 1993. Вып. 9. С. 160–175.

Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 272 с.

Трейстер М.Ю. Кочевники на перекрестке трансевразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный) // К.Ф. Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова, г. Оренбург, 11–16 мая 2016 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 279–287.

Шилов В.П. К проблеме взаимоотношений кочевых племён и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. КСИА, 1974. Вып. 138. [Электронный ресурс] URL: https://arheologija.ru/shilov-k-probleme-vzaimootnosheniy-kochevyih-plemyon-i-antichnyih-gorodov-severnogo-prichernomorya-v-sarmatskuyu-epohu/ (дата обращения: 25.10.2019).

WESTERN IMPORTS IN THE BURIAL OF MOUND NO. 21 OF THE BURIAL GROUND MAGNITNIY (CHELYABINSK REGION)

E. Nikolskaya, S. Trushnikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

sofitrushnikova@mail.ru

Academic supervisor - E. Shimansky

The article discusses imported products represented by dishes made of bronze and glass, as well as brooch, from the late sarmatian burial of Magnitny mound burial in the south of Chelyabinsk region. A circle of hypotheses on the ways and causes of the appearance of these products among nomadic antiquities is given.

Keywords: Late Sarmatian culture, Roman imports, bronze dishes, brooch.

УДК 904 (470.56) Н90

ИСТОРИЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЖВ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

А.Ж. Нуркенова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург
sukhamberlieva@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Л.А. Краева

В статье проводится анализ работ по изучению палеоантропологического материала кочевников раннего железного века (РЖВ) Оренбургской области. По результатам проведённого историографического обзора выявлены проблемы в изучении палеоантропологических материалов кочевников раннего железного века.

Ключевые слова: историография, ранний железный век, сарматы, палеоантропология, Южное Приуралье.

Сарматская культура — археологическая культура степей Евразии IV в. до н.э. - IV в. н.э. Проследить этногенез сарматской культуры нам помогают археологические и антропологические исследования материалов, которые стали регулярно изучаться в нашем регионе с середины 40-х годов XX века.

Одна из первых работ, в которой рассматривался незначительный палеоантропологический материал ранних сарматов, написана С.И. Руденко [*Руденко,* 1918]. Автор дает описание антропологического типа сарматов, который он определил как вариант широкоголовых европеоидов.

Во второй половине XX века начинается активное изучение антропологии сарматских культур.

К концу 40-х годов палеоантропологические материалы эпохи раннего железа анализирует Ф.Г. Дебец [*Дебец,* 1948, с. 145-151]. По мнению автора, черепа из Прохоровских курганов нельзя относить к «андроновскому» варианту, так как они являются представителями другого (брахикраного) элемента. В заключении Ф.Г. Дебец приходит к выводу, что одним из центров преобладания среди европеоидов брахикрании являются Оренбургские степи.

В 1964 г. К.Ф. Смирнов рассматривает происхождение савроматов, опираясь на археологический и антропологический материал [*Смирнов,* 1964, с. 182-188]. Автор приходит к выводам, что данные археологии подтверждают выводы антропологов Б.В. Фирштейна, В.В. Гинзбурга и Т.С. Кондукторовой об участии срубно-андроновского населения в формирование савроматских племен.

В 1968 г. М.С. Акимовой опубликованы материалы по краниологии могильников Южного Приуралья [*Акимова,* 1968, с. 41]. Автор считает, что эти приуральские могильники оставлены разными по физическому типу населением.

© Нуркенова А.Ж., 2020

А.Н. Багашев проводит исследование четырёх мужских и трех женских черепов из курганных могильников Черная 2 и Кардаилово [*Багашев,* 1997, с. 65-74]. Проведенный анализ и сравнение с различными группами кочевых племен РЖВ, позволил автору выявить присутствие в составе населения Оренбуржья сарматского времени своеобразного морфологического комплекса, а наличие ряда общих черт с этими группами указывает на европеоидный компонент выборки.

Важное место в изучении краниологии и морфологии сарматов имеют обобщающие работы М.А. Балабановой. В 1998 г. М.А. Балабанова защитила диссертацию, а затем выпустила монографию, где опубликовала весь имеющийся сарматский краниологический материал [*Балабанова,* 2000]. В них автор уделяет внимание изучению морфологических особенностей ранних кочевников Нижнего Поволжья, но также приводит данные по исследованию шести комплексов находящихся на территории Оренбургской области.

На основе этого материала автор приходит к следующим выводам:

1. Илекская и новокумакская группы отличаются от других групп савроматского времени;

2. Население Южного Приуралья VI-IV вв. формировалось на основе позднебронзового населения Забайкалья, Западной Сибири, Восточного Казахстана и Южного Приуралья.

3. Население раннесарматской культуры формировалось на основе савроматского компонента в Южном Приуралье, с последующим переселением ее в западном направлении.

В монографии В.Ю. Малашева и Л.Т. Яблонского особое внимание уделено изучению палеоантропологических материалов [*Малашев; Яблонский,* 2008]. В результате исследований, авторы пришли к выводам, что данные краниологии, одонтологии и остеологии свидетельствуют об антропологической неоднородности популяции, оставившей в позднесарматское время курганный могильник Покровка 10, и формировании ее на основе трех морфологических компонентов. Один из них имел приуральское происхождение. Две другие группы появились в Южном Приуралье в результате миграции. Одна – с территории Средней Азии или Казахстана, а другая, вероятно, связана с территорией Закавказья.

В 2011 г. выходит диссертация С.Ю. Фризена, а ее отдельные положения опубликованы в статьях [*Фризен,* 2010; *Фризен,* 2011; *Фризен,* 2011]. В диссертации проводится анализ краниологических и остеологических материалов из могильников Южного Приуралья. Автор пришел к следующим выводам, что формирование антропологического облика носителей раннесарматской культуры Южного Приуралья, связано с импульсом из Южного Приаралья и отсутствие различий в облике савроматов и ранних сарматов свидетельствует об их генетической близости.

В монографии А.С. Пшеничнюка содержатся антропологические анализы и реконструкции лица по черепу, проводимые Р.М. Юсуповым и А.И. Нечвалодой [*Пшеничнюк,* 2012, с. 258-269]. Они приходят к выводу, что антропологический тип населения имеет смешанное происхождение, а его сложение происходило при участии срубно-андроновского варианта и кочевников VI–V вв. до н.э. Приаралья и Семиречья, а незначительная монголоидная примесь, скорее всего, алтайского происхождения.

На данный момент изучением палеоантропологии сарматов занимается Е.П. Китов. В ряде работ автор опубликовал материалы из сарматских могильников II-IV вв. н.э. с территории Южного Урала, Зауралья и Западного Казахстана [*Китов,* 2013; *Китов,* 2014]. В результате проведённых исследований Е.П. Китов приходит к выводу, что имеющийся небольшой краниологический материал из могильников Южного Урала и Западного Казахстана имеет схожий тип деформации черепа. Е.П. Китов также отмечает близость населения позднесарматской культуры с группами Устюрта и возможные связи с оседлым населением на территории Южного Казахстана, что позволяет прояснить вопросы путей сезонного кочевания и взаимодействия разных кочевых групп.

В серии статей А.А. Хохлова опубликован антропологический материал из курганов Оренбургской области [*Хохлов*, 2003; *Хохлов*, 2005*, Хохлов,* 2016]. По его мнению, участие в расогенезе раннесарматского населения Южного Урала принимали коренные обитатели лесостепной и лесной зоны.

Таким образом, проведенный историографический обзор показал: 1) наиболее полно изучен материал из курганных могильников VI-II вв. до н.э.; 2) частично изучался палеоантропологический материал II-IV вв. н.э.; 3) материал с I в. до н.э. по I в. н.э. остается неисследованным, что объясняется малым количеством археологического материала и трудностью выделения памятников; 4. преобладает изучение краниологических костных серий, а область остеологии костных останков представителей сарматской культуры остается неисследованной.

Библиографический список

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 120 с.
Багашев А.Н. Материалы к краниологии сарматов // ВААЭ. 1997. Вып. 1. С. 65–74.
Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 132 с.
Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 389 с.
Китов Е.П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культур евразийских гуннов: сборник научных трудов. Челябинск: Рифей, 2013. С. 521-548.
Китов Е.П. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Известия Самарского научного центра РАН. № 3 (том 16). Самара, 2014. С. 611-616.
Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.
Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
Руденко С.И. Описание скелетов из Прохоровских курганов // Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пгр., 1918. С. 2–12.
Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М.: Наука, 1964. 381 с.
Хохлов А.А. Антропологический материал из Погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. С. 275-292.
Хохлов А.А., Богданаш, А.В., Ткаченко А.Н. Антропологические материалы Переволоцкого курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. XII. Оренбург, 2016. С. 52-59.
Хохлов А.А., Газимзянов И.Р., Фризен С.Ю. Антропологические материалы могильника Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. Оренбург, 2005. С. 105-112.
Фризен С.Ю. Остеологические материалы савромато-раннесарматского времени из могильников Покровского микрорайона // Известия Самарского научного центра РАН. №3 (Т 13). Самара, 2011. С. 276-279.
Фризен С.Ю. Краниология населения степного Приуралья в раннесарматское время (внутригрупповой анализ) // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2011. № 40. С. 30-35.
Фризен С.Ю., Пестряков А.П. Краниологические особенности населения Южного Приуралья Раннесарматского времени // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 1. М., 2010. С. 46-57.

HISTORY OF PALEOANTHROPOLOGICAL RESEARCHES OF THE EARLY IRON AGE IN THE TERRITORY OF THE ORENBURG REGION

A. Nurkenova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg
sukhamberlieva@mail.ru

Academic supervisir – PhD L. Kraeva

The article analyzes the work on the study of paleoanthropological material of the nomads of the early Iron Age of the Orenburg region. Based on the results of the historiographic survey, problems were identified in the study of paleoanthropological materials of the nomads of the early Iron Age.

Keywords: the early iron age, paleoanthropology, sarmatians, South Ural region, Orenburg region.

УДК 572

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО МОГИЛЬНИК ПЕРЕГРУЗНОЕ I, ПО ДАННЫМ КРАНИОСКОПИИ

А.С. Оболочкова
Волгоградский государственный университет, Волгоград
aobolochkova@yandex.ru

Научный руководитель – д.и.н. М.А. Балабанова

В работе представлены результаты анализа сарматского населения из могильника Перегрузное I по двум краниоскопическим программам А.А. Мовсесян и А.Г. Козинцева. Для выявления этногенетических связей использовались методы многомерной статистики: - метод главных компонент и кластерный анализ, которые позволяют определить родственные связи между тремя хронологическими группами сарматского времени, а также генетическое сходство изучаемых серий с представителями Южной Сибири.

*Ключевые слова***:** сарматская культура, краниоскопия, этногенетические связи, дискретно-варьирующие признаки, метод главных компонент, кластерный анализ.

Реконструкция генетической истории современных народностей, так же, как и генетических взаимоотношений древних этнических групп и культурных общностей, возможна лишь на базе скелетного материла. И здесь важное значение приобретают краниоскопические признаки, наиболее адекватно отражающие генетическую историю популяций. Среди краниоскопических признаков в отдельную систему выделяются дискретно-варьирующие признаки (далее ДВП), так называемые «аномалии черепа», которые зафиксированы в геноме отдельных людей.

По результатам исследования сарматского антропологического материала по системе ДВП были опубликованы только две работы. Первая работа принадлежит М.А. Балабановой [*Балабанова,* 2001], которая рассматривает серии черепов трех сарматских культур, анализируя их по методике А.Г. Козинцева. Результаты анализа позволили ей дать краниоскопическую характеристику групп и определить их этногенетические связи. Вторая работа А.А. Мовсесян [*Мовсесян,* 2010] посвящена сборной серии из сарматских и скифских погребений. Она использовала данные по своей программе и пришла к выводу о том, что по системе ДВП серия поздних скифов и сарматов обладают сходством. Такой факт, по ее мнению, указывает на участие сарматских племен в формировании позднескифского населения.

Целью нашей работы было выявление этногенетических связей населения сарматского времени на материалах могильника Перегрузное I. Регистрация признаков проводилась согласно методическим указаниям, изложенным в соответствующих руководствах [*Мовсесян,* 2005; *Козинцев,* 1988].

Для проведения межгруппового сопоставления методом главных компонент по программе А.А. Мовсесян использовалась база по 18 признакам и цифровая информация по 16 краниологическим сериям с территории евразийской степи с хронологическим диапазоном эпоха раннего железного века - позднее средневековье. В результате исследования наиболее значимыми оказались первые три главные компоненты, на которые приходится около 75,0% от общей межгрупповой изменчивости. При этом наибольшие положительные корреляции по первой главной компоненте (далее ГК) имеют восемь признаков (заднескуловой шов, вставочные кости в венечном, стреловидном шве, теменные отверстия, вставочная кость у точки лямбды и точки астерион, следы зародышевых швов и вставочные кости в затылочно-сосцевидном шве), по второй ГК четыре признака (надглазничные, лобные отверстия, дополнительные подглазничные отверстия и вставочные кости в чешуйчатом шве), и по третьей ГК один признак (кость инков). При этом высокие, но отрицательные значения

© Оболочкова А.С., 2020

корреляции выпадают по первой ГК на следующие признаки: лобные отверстия, дополнительные межвисочные кости и отверстия на барабанном кольце; по третьей ГК признаки: вставочные кости в чешуйчатом шве.

Ранжирование нагрузок по всем трем главным компонентам показывает, что исследуемая раннесарматская группа по ряду краниоскопических признаков обладает как сходством с группами среднесарматского и позднесарматского времени (I ГК) могильника Перегрузное I, так и отличием (II и III ГК). Данные межгрупповые тенденции отражены и на совмещенном графике многомерного неметрического шкалирования и кластерного анализа (рис. 1-*1*).

Кроме вышеописанных тенденций, можно выделить и другие группы с территории евразийской степи, с которыми исследуемые сарматские группы имеют сходство. Эту информацию можно почерпнуть из результатов кластерного анализа. Всего удалось выделить пять кластеров, которые объединяют группы со сходными сочетаниями краниоскопических признаков (рис. 1-*1*). Первый кластер образуют серии позднескифской культуры из могильника Золотая Балка и сарматской культуры Приуралья; во второй включились группы скифов (сум. серия), черняховской культуры из могильников Северной, Южной Украины и Молдавии, позднескифская серии из могильника Николаевка и сарматов Поволжья; третий кластер составлен из средневековых серий из Красноярского городища (могильники Маячный и Вакуровский бугры), четвертый – южно-сибирские группы раннего железного века (серии из могильников Уэлен и Эквен) и пятый – изучаемые сарматские группы раннего, среднего и позднего времени могильника Перегрузное I. Каждый из этих кластеров имеет близкородственные связи, так как изменчивость внутри них минимальна.

Таким образом, на основе анализа краниоскопических признаков можно говорить о генетической преемственности населения, оставившего могильник Перегрузное I.

Для проведения анализа по программе краниоскопических признаков А.Г. Козинцева использовалась база по шести признакам, которые являются наиболее ценными для выяснения родственных связей в группах [*Козинцев,* 1988, с. 18] и информация по 24 группам от эпохи бронзы по позднего средневековья. В результате анализа методом главных компонент удалось выделить только две компоненты, собственные числа которых больше единицы, на которые приходится более половины (52,6 %) от общей межгрупповой изменчивости. Первая ГК имеет высокую положительную корреляцию с тремя признакам (КВШ - клиновидно-верхнечелюстной шов, ПГУ-II - подглазничный узор тип II, НО - надглазничные отверстия) и высокую отрицательную - с одним признаком (ЗИ - затылочный индекс). Вторая ГК имеет высокую положительную нагрузку только с одним (ЗСШ - заднескуловой шов).

В результате обработки цифровой информации кластерным методом и методом неметрического многомерного шкалирования были получены четыре кластера-скопления, которые следует рассмотреть как группы обладающие сходством/родством (рис. 1-*2*). Первый кластер включает обе серии андроновской культуры (могильники Минусинской котловины и из Северного, Восточного и Центрального Казахстана) и раннесарматскую серию, опубликованную М.А. Балабановой [*Балабанова,* 2001, с. 89]. Второй кластер объединяет суммарную серию раннего железного века из могильников Центральной Тувы, обе серии из могильника Аймырлыг (скифское время и гунно-сарматское время), серию из грунтовых могильников тесинской культуры и исследуемую раннесарматскую группу из могильника Перегрузное I. Третий кластер включает в себя серии эпохи бронзы (ирменская и афанасьевская культуры), среднесарматскую и позднесарматскую серии, опубликованные М.А. Балабановой. Четвертый кластер интересен тем, что он образован сериями тесинской культуры из могильника Черноозерье I и объединенной серией среднесарматского и позднесарматского времени могильника Перегрузное I.

Таким образом, все три серии из могильника Перегрузное I по шести краниоскопическим признакам оказалась ближе всего к относительно синхронному населению Южной Сибири. Раннесарматская серия обладает сходством с синхронными группами из могильников Центральной Тувы, скифского и гунно-сарматского времени из могильника Аймырлыг, а объединенная серия первых веков из могильника Перегрузное I близка по набору признаков к серии тесинской культуры, могильник Черноозерье I.

Группы, опубликованные М.А. Балабановой, обладают лишь частичным сходством с синхронными группами из могильника Перегрузное I. Видимо, это связано с территориальными различиями, так как серии, изученные М.А.Балабановой, происходят из могильников Заволжья, а могильник Перегрузное I располагается в Волго-Донском междуречье. Связь их с андроновским группами бронзового века объясняется европеоидным компонентом, на основе которого формировалось сарматское население Нижнего Поволжья, что было доказано и при сравнительном анализе краниометрических серий [*Балабанова,* 2000, с. 42].

Библиографический список

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133с.
Балабанова М.А. Краниоскопическая характеристика сарматов // Вестник антропологии. Вып. 7. М.: Старый сад, 2001. С. 87-94.
Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988. 165 с.
Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга, 2005. 272 с.
Мовсесян А.А. Поздние скифы и сарматы в свете данных палеофенетики // Вестник МГУ. 2010. № 4. С. 43-49.

ETHNOGENETIC RELATIONS OF THE SARMATIAN POPULATION, WHO LEFT THE BURIAL GROUND OF THE PEREGRYZNOE I, ACCORDING TO CRANIOSCOPY

A. Obolochkova

Volgograd state University, Volgograd
aobolochkova@yandex.ru

Academic supervisor – professor M. Balabanova

The paper presents the results of the analysis of the Sarmatian population from the burial ground of the Peregryznoe I by two cranioscopic programs A. A. Movsesyan and A. G. kozintseva. The methods of multivariate statistics - the method of principal components and cluster analysis-were used to identify the ethnogenetic connections, which determined the relationship between the three chronological groups of the Sarmatian time, as well as the genetic similarity of the studied series with the representatives of southern Siberia.

Keywords: Sarmatian culture, cranioscopy, ethnogenetic connections, discrete-varying features, principal component method, cluster analysis.

УДК 902/904

ПОСТРОЙКА ИЗ РАСКОПА II 2005/2019 НА НИЖНЕЙ ПЛОЩАДКЕ ГЛЯДЕНОВСКОГО ГОРОДИЩА[1]

Е.М. Орлова
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
orlihaliza@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Перескоков

В статье анализируется постройка из раскопа II 2005/2019 нижней площадки Гляденовского городища, выявленная в ходе раскопок С.Н. Коренюка (2005 г.) и А.В. Васильевой (2019 г.). Её можно интерпретировать как жилище ананьинской культуры, датируемое VI-IV вв. до н.э.

Ключевые слова: ананьинская культура, Пермское Прикамье, ранний железный век, Гляденовское городище, постройка, жилище.

Гляденовское городище (костище) расположено в 1,5 км к востоку от д. Федотово и в 2 км к западу от д. Малое Савино Пермского района Пермского края. Название памятник получил от ранее разрушенной деревни Гляденово. Городище находится на мысу коренного берега р. Нижняя Мулянка, левого притока р. Камы. Городище имеет систему укреплений из четырех поперечных валов и рвов и двух боковых валов, защищающих склон оврага, имеет три площадки. Среднюю площадку от нижней отделял второй вал. Третий и четвертый валы защищали городище со стороны стрелки мыса [*Лепихин*, 2007, с. 27; *Коренюк, Перескоков,* 2017, с. 79].

Впервые раскопки на памятнике были проведены под руководством председателя Пермской ученой архивной комиссии Н.Н. Новокрещенных и С.И. Сергеева в 1896–1897 гг. В ходе раскопок было полученобольшое количество вещевого материала и памятник считался исследованным. Работы были возобновлены в 80-х гг. под руководством А.Д. Вечтомова 1981–1984 гг., А.Ф. Мельничука 1995–1997 гг., А.Н. Лепихина 2001 г. В результате этих исследований выяснилось, что площадь костеносного слоя и распространения находок на много больше, чем считалось ранее, городище же практически не исследовалось. Первым, кто начал раскопки нижней, полностью сохранившейся площадки городища, был С.Н. Коренюк (раскопки 2003–2006 гг.). В 2005 г. в раскопе II им были выявлены очертания постройки, уходящие в стенку раскопа [*Коренюк*, 2006]. Работы на памятнике с 2014 г. продолжила А.В. Васильева при участии С.Н. Коренюка и М. Л. Перескокова [*Перескоков*, 2018, с.15–16; *Перескоков, Васильева*,. 2018]. В 2019 г. постройка была доизучена[2].

Гляденовское городище появляется в позднеананьинское время в конце VI в. до н.э. и функционирует до IV в. до н.э. Самая ранняя система укреплений была возведена на рубеже VI–V вв. до н.э. После чего она была разрушена и построена заново более технически оснащённой: 4 поперечных вала и продольный вал с башнями – такая система опережала защитные сооружения ананьинской эпохи. [*Коренюк, Перескоков,* 2017, с. 78; *Чижевский, 2017,* с. 208] В конце IV в. до н.э. на средней площадке городища начинает функционировать Гляденовское костище, которое существует вплоть до V в. н.э. уже в гляденовское время.

Целью данной работы является проанализировать постройку из раскопа II 2005/2019, а также определить её назначение, тип, датировку и предложить её реконструкцию.

Для детального изучения постройки применялась методика Е.М. Черных [*Черных,* 2008, с. 119–127]. По характеру постройки: жилище стационарное. Сохранность постройки

[1] Раскопки 2019 г., обработка и анализ всего комплекса постройки выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-78-10050) «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде»

[2] Автор благодарит С.Н. Коренюка и А.В. Васильеву за разрешение работать с неопубликованными материалами.

© Орлова Е.М., 2020

выделяется по следам в грунте, отпечаткам столбовых ям в глине. По форме конструктивных элементов постройки выделяются следующие признаки. Основание по плану с углами, прямоугольное, разделено на 2 части, одна часть больше другой по площади (углубления, заполненные чёрно-коричневым суглинком на плане). Перегородка возможно была каркасной и не сохранилась, расположение к уровню древней поверхности наземное (углубление по основанию 0,1–0,12 м). Перекрытие достоверно определить не представляется возможным, можно только предположить, что оно опиралось на стены и столбы, размещённые внутри постройки (столбовые ямы №5–12 диаметром 0,16 м). Стена по форме вертикальная; по строению каркасная, однослойная (ширина углубления 0,08–0,24 м), выстроенная по периметру основания. По строению пол монолитный, сплошной, уложен на основание (чёрно-коричневый суглинок внутри периметра постройки). Фундамент отсутствует. Внутреннее устройство постройки представлено отопительным устройством, которое, вероятно, было полузакрытым (каменка) и постоянным, на это указывает большое количество камней и гальки перемешанной с глиной, слой тёмно-коричневого суглинка с примесью обожжённой глины и угля и слой обожжённой глины с углём. По форме очаг овальный, смещён с центра к восточной стене, основание было, вероятно, приподнятым над полом. Площадь постройки по основанию 19 кв. м. Техника сооружения постройки по строению стен напоминает частокол (в северной части постройки в углублениях видны отпечатки деревянных кольев, вкопанные по основанию постройки на глубину 0,1–0,12м). По перекрытию – система балочная, на это указывают столбовые ямы №5–12 диаметром 0,16 м, глубина 0,04–0,08 м, предположительно на которых держалась крыша. Аналогичные конструкции известны на территории Зауралья [*Берлина, Цембалюк, Новиков*, 2018, с. 11]. Деталей крыша не сохранилось.

Постройка Гляденовского городища аналогична жилищам Агрыжского городища и Тарасовского селища [*Черных,* 2008, с.50, 51, 270] по нескольким признакам: прямоугольное наземное основание слабоуглублённое (менее 0,3 м), не центральному месту расположения очага–каменки. Наличие столбовых ям по периметру основания и внутри постройки-аналогично постройке городища Дикая Яма [*Берлина, Цембалюк, Новиков,* 2018, с.11, 12].

Рядом со стеной гляденовской постройки зафиксирована канавка шириною 0,28–0,36 м и глубиною 0,19 м, вероятно являющаяся остатками ограждением из брёвен (стены?), связанной с конструкциями второго вала, к которому прилегала постройка.

Керамический комплекс городища на раскопе II 2005/2019 гг. представлен 36 сосудами, выявленные по венчикам. Сосуды делятся на 3 типа [*Васильева, Коренюк, Перескоков,* 2015, с.150–154]: сосуды чашевидной формы (тип 3 Б) 4 экз. (11%), со слабовыраженной шейкой, плавно переходящей в тулово (тип 2 А) – 25 экз. (69%) и с короткой шейкой и раздутым туловом (тип 2 Б) 7 экз. (19%). Часть сосудов имеют воротничок на шейке 11 (31%). Большую часть коллекции составила неорнаментированная посуда − 19 сосудов (53%), количество орнаментированных сосудов 17 (47%). 2 венчика (6%) орнаментированы по срезу ямчатым и резным узорами, по шейке 5 (14%), украшенные зубчатым 2 (6%),резным 1 (3%.), ногтевыми вдавлениями 1 (3%), шнуровым 1 (3%). На сосудах присутствуют элементы узора: треугольные вдавления 2 (6%), штамп, нанесённый травинкой 2 (6%), шнуровой 1 (3%), одиночные ямки 1 (3%), ямчатый 3 (8%) орнамент[3]. Вся керамика относится к ананьинской культуре и может быть датирована концом VI–IV вв. до н.э. [*Лепихин,* 2007, с.64–65; *Коренюк, Мельничук, Перескоков*, 2014; *Васильева, Коренюк, Перескоков,* 2015, с.150–154].

Выводы:

- Постройка из раскопа II 2005/2019 гг. является жилым стационарным сооружением, на это указывают наличие очага, столбовых ям и немалое количество керамики.
- Постройка является типовым жилищем, характерным для позднеананьинских городищ.
- Жилище датируется не ранее конца VI-IV вв. до н.э. исходя из найденной керамики.
- С помощью методики Е.М. Черных получилось реконструировать постройку. Она выглядит следующим образом: Основание прямоугольной формы, разделено на 2 секции, вытянуто с С-Ю, меньшая секция являлась тамбуром; пол неровный, ближе к восточной стене имеет возвышение; очаг-каменка был сооружён выше уровня пола, имел овальную форму,

[3] Процентное соотношение посчитано от общего количества сосудов.

размеры 0,9 х 0,4 м; столбовые ямы, расположенные по углам и в центре постройки, образуют балочную конструкцию, на которых держалась крыша.

Библиографический список:

Берлина С.В., Цембалюк С.И., Новиков И.К. Городище Дикая яма на Среднем Тоболе// Результаты изучения материалов археологических исследований, Тюмень, Курган, 2018. С.7–20

Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми// Повожская археология – 2015. №2 (12), Казань, 2015, С. 134–159

Васильева А.В., Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Комплекс построек гляденовского времени на Мокинском I поселении-могильнике в контексте развития Прикамского домостроительства// Вестник Пермского ун-та Сер. История, 2018 Вып.1(40) С.44–61.

Коренюк С.Н. Отчёт о раскопках Гляденовского городища (костища) в 2005 г. Пермь, 2006. Архив КАЭ ПГНИУ. Рукопись.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 20. Казань: Отечество, 2014. С. 292-302.

Коренюк С.Н., Перескокв М.Л. Планиграфия Гляденовского городища// Ранний железный век от рубежа эр до сер. I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. Материалы IV науч. кон. «Археологические источники и культурогенез». СПб., 2017. С. 77–79

Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. «Издательский дом «Типография купца Тарасова», Березники, 2007. 223 с.

Перескоков М.Л. Древнепермское жилище в финале раннего железного века// Преподаватель 21 век. 2011. Вып.3. С.231–238.

Перескоков М.Л. Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье// Вестник Пермского ун-та сер. История, 2015 Вып. 1(28). С.99–113.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века: Монография, под науч. ред. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. 320 с.

Перескоков М.Л., Васильева А.В. Исследование памятников раннего железного века в Пермском Прикамье // Археологические открытия. 2016 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. – М.: Институт археологии РАН, 2018. С.288-290.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья, сборник статей Вып.1, ПГУ КАЭ – Березники, 2001, С. 10–19

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа) Ижевск, 2008. 272 с.

Черных Е.М. Культовая постройка ананьинского времени с Агрыжского городища// Археология и этнография Среднего Приуралья, сборник статей Вып.1, ПГУ КАЭ – Березники, 2001. С. 64–72

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области// Археология евразийских степей Вып. 4, Казань, 2017, С. 196–256

BUILDING FROM EXCAVATION II 2005/2019 ON THE LOWER SITE OF THE GLYADENOVSKOYE HILLFORT

E. Orlova

Perm State University, Perm
orlihaliza@gmail.com

Academic supervisor – PhD M. Pereskokov

The article analyzes the construction building from the excavation site II 2005/2019 on the lower site of the Glyadenovskoye hillfort, discovered during the excavations of S.N. Korenyuk (2005) and A.V. Vasilieva (2019). It can be interpreted as the dwelling of Ananino culture and have date finale VI–IV centuries BCE.

Keywords: Ananyino culture, Perm region, Early Iron Age, Glyadenovskoe hillfort, building, dwelling.

УДК 903.2

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ ДУБРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА IV - V ВВ. Н.Э.

В.Я. Панчехин

Удмуртский государственный университет, Ижевск
vlad228p@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. Е.М. Черных

Изучается погребальный инвентарь Дубровского могильника, памятника Мазунинской культуры. В некрополе представлен различный археологический материал: элементы украшений, предметы поясной гарнитуры, орудия труда, различное вооружение и конское снаряжения.

Ключевые слова: могильник, погребение, мазунинская культура, украшения, поясная гарнитура, орудия труда, вооружение.

Предметом настоящего исследования являются археологические материалы, сопровождавшие захороненных в Дубровском могильнике, новом памятнике мазунинского типа IV-V вв., расположенном на территории современного Киясовского района Удмуртской Республики. Могильник изучался с 2009 по 2017 гг. отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под руководством Е.М. Черных, В.А. Бернц и С.А. Перевозчиковой [*Бернц*, 2009; 2010; *Черных*, 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; 2017].

Всего за эти годы было изучено 203 погребения. Определены половозрастные характеристики для 43 женских костяков, 44 – мужских. Основная часть могил – это индивидуальные захоронения, но есть и групповые (всего 11). Максимальное число костяков в одной могиле – 4 (погребение № 98). В подавляющей части могил встречен сопроводительный инвентарь; безинвентарных погребений – 51, что составляет 1/4 от общего количества погребений. Из 43 женских костяков, только в 4-х не было вещей. Из 45 мужских, безинвентарных - 5.

Располагая такой выборкой определенных по полу и возрасту индивидов (почти половина от всех погребенных на некрополе), важно уловить определенные тенденции в характере сопроводительного инвентаря. Ведь значительная часть мазунинских могильников таких определений не имеет. Выявление закономерностей в составе инвентарных наборов позволяет перенести их на остальные могилы, антропологическая сохранность костей в которых не позволяет установить пол умершего.

Женских погребений с инвентарем насчитывается 39. Поясная гарнитура в них представлена пряжками, наконечниками ремней и поясными накладками: 29 пряжек шести типов. Поясные накладки найдены только у 4 погребенных, наконечники ремней – у 8. Орудия труда представлены ножами (11 экз.) и шильями (8 экз.).

Самыми распространенными в женских погребениях были украшения (33 погр., 84,62% от числа погребений с инвентарем): украшения головы, шейно-нагрудные, рук и одежды. Чаще всего у женщин встречаются височные подвески (69,23% от числа погребений с инвентарем), главным образом, железные подвески мазунинского типа (22 погр.). Лишь в трех могилах были найдены бронзовые височные подвески. К украшениям головы можно отнести и уникальные для могильника подвески: бронзовая арочная ажурная, кольцевидная и с привеской-лапкой.

Комплекс шейно-нагрудных украшений составляют гривны, ожерелья из бус, пронизок, подвесок, а также фибулы и сюльгамы. Гривны в женских погребениях Дубровского могильника представлены 8 железными круглопровочными и 3 бронзовыми круглопровочными обручами. Также в 8 погребениях были найдены ожерелья из бус и пронизок (в 7 случаях это бронзовые спиральновитые пронизки), реже – цепочки.

© Панчехин В.Я., 2020

Единично встречаются в женских погребениях подвески, место в костюме которых определить трудно (2 погр.). Также в двух погребениях найдены бронзовые бляшки. Одна из них определенно относилась к головному убору, а другая находилась в жертвенном комплексе.

Столь характерные для МК фибулы найдены в 7 женских погребениях: железная бабочковидная, три бронзовые (такие фибулы отличаются оригинальностью в оформлении щитка под узор, сходный с крыльями бабочек) и три бронзовые фибулы т.н. сайгатского типа. В женских погребениях найдено 9 сюльгам: 6 из них изготовлены из железа, а 3 - из бронзы. Стоит упомянуть об уникальном женском нагруднике, найденном в погребении № 98. Он состоял из крупной железной бабочковидной фибулы с бронзовыми полугорошинами, бронзовых и железных спиралевидных пронизок, железных подвескок-колокольчиков и цветного бисера. В слое ткани под фибулой найдена железная пряжка с бронзовым язычком [*Черных*, 2012].

В 22 женских погребениях было найдено 44 бусины, в среднем, по 2 бусины на могилу, а также 1581 ед. бисера. 565 единиц бисера присутствовало в погребении 68, что составляет 35,7% от всего количества бисера, найденного в женских погребениях. Бусы, найденные в области головы, чаще всего относились к головному убору. В 7 женских погребениях бусы присутствовали среди деталей головного убора.

Украшения рук представлены браслетами и кольцами. Браслеты происходят из 7 женских погребений: 6 железных и один бронзовый - круглопровочные. Бронзовое кольцо – одно. Также единичны находки сосудов (2 погр.).

В мужских погребений встречены орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения. Орудия труда и быта единичны: ложкарь, точильный камень, глиняный сосуд. Предметы вооружения представлены мечами, наконечниками стрел, дротиками, косами-горбушами. В 3-х погребениях найдено 12 наконечников стрел: 10 костяных и 2 железных. Вдвое меньше (6экз.) железных дротиков. Мечи Дубровского могильника представлены 5 находками, 4 из них принадлежали взрослым мужчинам, 1 – мальчику. Все найденные мечи двулезвийные. Мечи в мазунинских погребениях известны двух типов (по А.М. Хазанову) [*Останина*, 1997, с. 74].

В Дубровском могильнике присутствуют мечи как первого, так и второго типа. Стоит отметить, что во взрослых погребениях меч находился слева от костяка, а в могиле мальчика меч лежал справа. Косы-горбуши представлены двумя экземплярами. Предметы конского снаряжения (удила) представлены двумя экземплярами. Почти обязательно мужчин сопровождали ножи (30 погр.). Среди них встречены довольно крупные клинки, использовавшиеся и в охоте и в военных целях.

Поясная гарнитура представлена пряжками, наконечниками ремней и поясными накладками: пряжки (40 погр), поясные накладки (6 погр.), наконечники ремней (9 погр.).

Украшения для мужских захоронений не характерны: их присутствие отмечено только в 6 погребениях (18,18%). Это 2 бронзовые спиральновитые пронизки, железное кольцо и накладка. Накладка редкой формы – лунница. Необычными для мужских погребений следует назвать случаи находок височных украшений. В Дубровском могильнике они представлены двумя случаями.

В мужских погребениях найдены и бусы (14 погр., 18 бус). Стоит заметить, что частота встречаемости бус в мужских погребений выше, чем в женских. Бусы в абсолютном большинстве мужских погребений найдены в области пояса. В 11 случаях вместе с бусиной был найден нож, а в 1 — меч. Именно такая статистика позволяет говорить, что бусина использовалась как фиксатор крепления орудия на поясе и как предмет престижа.

Библиографический список

Бернц В.А. Отчёт об археологических исследованиях в Киясовском районе Удмуртской республики летом 2009 года. – Ижевск, 2010 // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 517. 199 с.

Бернц В.А. Отчёт об археологических исследованиях Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской республики летом 2010 года. Ижевск, 2011 // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 539. 55с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв.: Монография. - Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.- 327с.
Черных Е.М. Отчёт об археологических исследованиях Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской республики летом 2012 года. – Ижевск, 2013. Том 1 // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 569. 64с.
Черных Е.М. Отчёт об археологических исследованиях (раскопках) Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской республики летом 2016 года // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 615. 41с.
Черных Е.М. Отчёт об археологических исследованиях (раскопках) в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2017 года // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 622. 203с.
Черных Е.М. Отчёт о раскопках Дубровского могильника IV-V вв. н.э. в Киясовском районе Удмуртской республики летом 2013 года // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 578. 32с.
Черных Е.М. Отчёт о раскопках Дубровского могильника IV-V вв. н.э. в Киясовском районе Удмуртской республики летом 2015 года // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 602. 150с.
Черных Е.М. Отчёт о раскопках Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской республики летом 2014 года // Архив Института истории и культуры народов Приуралья. Ф. 1. Д. 590. 30с.

FUNERAL THINGS OF THE DUBROVSKY BURIAL GROUND IV-V CENTURIES CE

V. Panchekhin
Udmurt State University, Izhevsk
vlad228p@gmail.com

Academic supervisor – PhD E. Chernykh

The article studies the burial inventory of the Dubrovsky burial ground, a monument of Mazunin culture. In the necropolis various archaeological material is presented: elements of jewelry, objects of a waist set, tools, various arms and horse equipment.

Keywords: burial ground, burial, Mazunin culture, finery, belt set, tools, work equipment.

УДК 902.32

АНАНЬИНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАЗРУШЕННОГО КОМПЛЕКСА БЛИЗ ЕЛАБУГИ

С.Х. Рахматуллин
Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
sal.rakh@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

В статье представлены предметы вооружения ананьинской культуры, найденные в разрушенном комплексе близ Елабуги. Здесь представлены такие материалы, как линзовидный кельт, наконечник копья, кинжал и ножны кинжала. Предмет статьи – исследование этих предметов и их полная характеристика.

Ключевые слова: ананьинская культура, Елабуга, предметы из бронзы, музей-заповедник, кельт, кинжал, наконечник копья.

© Рахматуллин С.Х., 2020

Ананьинская культурно-историческая общность (АКИО) - группа археологических памятников раннего железного века в Волго-Камском регионе. Памятники представлены городищами, селищами, сезонными поселениями, поселениями-мастерскими и могильниками, прежде всего – в Среднем Поволжье, бассейнах рек Кама, Вятка, Ветлуга, Белая. Все могильники, а также большинство городищ и селищ располагались по берегам крупных рек и их притоков, чаще всего на мысах и краях коренных террас, или же на высоких останцах и пойменных всхолмлениях [*Кузьминых,* 2016].

В апреле 2018 г. жителем Елабуги в Танайском лесу (1,6 км юго-западнее от города) недалеко от Гремячеключинского местонахождения при осмотре берега Камы после половодий был обнаружен комплекс ананьинских находок, состоящий их кельта, наконечника копья, кинжала и футляра от кинжала. Благодаря усилиям археологов и сотрудников Елабужского музея-заповедника данный комплекс оказался в фондах ЕГМЗ. По всем признакам комплекс погребальный, что еще раз доказывает о наличии на месте местонахождения могильника ананьинского времени.

Предмет № 1. Линзовидный кельт.

Одной из самых распространенных и типичных орудий ананьинской культуры, присущих только ей и производящихся в области ее распространения, является бронзовый втульчатый топор-кельт особого, так называемого ананьинского типа, который мог служить оружием ближнего боя. Это сравнительно небольшое орудие. Длина лезвия обычно несколько меньше ширины втулки. Ананьинские кельты изготавливались посредством литья в формах. В технике их литья есть некоторые приемы, свойственные только им. А именно, здесь можно наблюдать особый способ закрепления глиняного сердечника в нижней части формы посредством небольших стерженьков, благодаря чему в глубине втулки кельтов после отливки оставались металлические шпеньки, соединяющие стенки у лезвия [Збруева, 1952, с. 108].

Далее представлена характеристика линзовидного кельта.

Вес линзовидного кельта равен – 125,8 г. Его размеры 5–5,5 х 5,5–5,7 см.

Отверстие: размеры (мах) 4,5 х 2,2 см, глубина (мах) – 4,5 см. Внутри кельта на его стенке заметны следы дерева. Орнамент в виде двух тонких линий (не четких) вокруг отверстия и одинарных V-образных линий на обоих сторонах. Ширина “заточки” – 0,7 см. Сплав (бронза), литье.

Особенно нтересны переходные формы кельтов от сейминского типа к ананьинскому, более близкие к последнему. Это большей частью кельты с шестигранной втулкой, несколько вытянутыми пропорциями: у некоторых из них ширина лезвия больше ширины втулки. Выше представленный кельт относится к этому типу.

Предмет № 2. Наконечник копья.

Копье – одно из основных орудий мужчин-ананьинцев, которое встречается во всех могильниках, начиная от самых ранних и кончая самыми поздними. Бронзовые наконечники копий довольно широко известны из могильников ананьинского типа, хотя они встречаются далеко не во всех мужских погребениях. Кроме того, известно много случайных находок аналогичных бронзовых наконечников копий как с территории распространения ананьинской культуры, так и несколько шире. Обилие бронзовых наконечников заметно выделяет ананьинский мир на фоне других культур Евразийского континента, существовавших в это же время [*Кузьминых,* 1983, с. 91].

Все бронзовые наконечники копий из могильников - втульчатые, причем втулка проходит через все перо и, постепенно суживаясь, оканчивается почти у самого острия [Збруева,1952, с. 93–96].

Вес данного наконечника копья равен – 121,4 г. Его размеры: длина – 12,8 см, длина пера – 7,8 см, ширина пера – 4,8 см. Диаметр основания втулки наконечника копья равен – 2,5 см, диаметр отверстия – 2,2 см, глубина отверстия – 9 см. Втулка до основания пера (5,2 см) имеет округлое сечение, далее (7,6 см) – ромбовидное.Отверстия на двух сторонах пера разные, размеры 2 х 0,7 см и 1,7 х 0,7 см. На втулке у основания пера орнамент в виде двухрядной “Λ”. Сплав (бронза), литье.

Этот тип наконечника копья относится к прорезным бронзовым наконечникам. Эти наконечники копий известны в Прикамье довольно широко. По мнению Тальгрена, все прорезные наконечники копий относятся к концу эпохи бронзы.

Выше представленный наконечник копья имеет узкое перо и длинную втулку, которое проходит через все перо.

Предмет № 3. Кинжал.

Кинжал - колющее обоюдоострое оружие с коротким клинком. Кинжалы в ананьинских могильниках встречаются очень редко. Случайные находки их также единичны. Большинство кинжалов железные, в редких случаях они имеют бронзовую рукоятку, перекрестье или навершие [*Збруева*, 1952, с. 99]. Кинжалы получили особенно широкое распространение у древних народов Евразийского континента в раннем железном веке. Конкретные условия иособенности развития в отдельных частях этой огромной территории сказались на многообразии технических приемов изготовления кинжалов и их типов [*Кузьминых*, 1983, с. 122].

Вес данного кинжала равен – 142, 5 г. Его размеры: длина – 20,1 см, длина лезвия – 12,3 см, ширина лезвия у гарды – 2 см. Длина ручки кинжала – 6,5 см, ширина – 2–2,3 см.

Ширина гарды – 5 см, высота – 1,5–2,2 см. По середине лезвия от гарды до самого острия по обеим сторонам идут ребра есткости шириной 0,3–0,5 см и высотой от поверхности клинка на 0,1–0, 15 см. В середине гарды прямоугольник размерами 1,5–2 см.

Орнамент. На одной стороне ручки орнамент в виде 3 концентрически вписанных друг в друга 4 кружочков и множества мелких точек. На другой стороне два ряда из 14 солярных кружочков (6–7 мм), между ними ряд из 6 мелких солярных кружочков (2 мм). По краям и между кружочками мелкие точки. Сплав (бронза), литье.

Предмет № 4. Футляр кинжала.

Футляр кинжала, или ножны – изделие для хранения и ношения клинкового оружия. Оно служит для того, чтобы избежать нежелательного действия острых частей оружия, способных нанести ранения людям и животным, а также повреждения окружающим предметам при хранении и транспортировке.

Наиболее распространенным материалом для изготовления ножен у Ананьинцев была береста, а затем уже дерево, кожа, ткань. Об этом свидетельствуют раскопки могильников, особенно Ананьинского и Старшего Ахмыловского. Находки металлических ножен крайне редки в эпоху раннего железного века.

Вес футляра кинжала равен – 34,2 г. Длина – 7,6 см. Его ширина (мах) – 2,5 см. Размеры отверстия – 2 х 0,8 см. Ребро жесткости имеет длину – 4,8 см, ширину – 1,1–1,2 см, толщину – 0,2–0,3 см. Сплав (бронза), литье.

Ножны делятся на две группы: 1) ножны с расширением на конце; 2) ножны, не имеющие такого расширения. У выше представленных ножен в конце не имеется расширение.

Таким образом, при изготовлении предметов вооружения и различных изделий использовался сплав бронзы. Хотя основным металлом той эпохи было железо, но тем не менее бронза ещё не уходила на второй план в металлургическом производстве. А также можно сделать вывод, что многие памятники ананьинской культуры (к примеру, мною выше представленный могильник близ Елабуги) ещё не обнаружены и не исследованы.

Библиографический список

Збруева А.В. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Том V. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: Издательство академии наук СССР, 1952. 328 с.

Кузьминых С.В. Ананьинская культура [Электронный ресурс] URL: https://bigenc.ru/archeology/text/3906599 (дата обращения: 29.10.19).

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

ANANYINO MATERIALS FROM THE DESTROYED COMPLEX NEAR ELABUGA

S. Rakhmatyllin

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
sal.rakh@mail.ru

Academic supervisor – PhD A. Nigamaev

The article contains a characterization of the Ananyino culture weapon found in the destroyed complex near Elabuga. Materials such as lenticular celt, spear point, dagger and dagger case are presented here. The subject of this article is the study of these materials and their full description. Results - all materials are made of bronze, in particular, we can say that bronze daggers were a rarity during this time. They were mainly made of iron. At the same time, you can pay attention that bronze daggers, although they were rare, are found in ACHC monuments. And also we were able to notice that the cultural monuments of Ananyino were not completely discovered and completely explored.

Keywords: Ananyino culture, Elabuga, materials from bronze, museum reserve, celt, dagger, spear tip.

УДК 572

ВНУТРИГРУППОВАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ ГРУПП АБГАНЕРОВО II-IV)

С.С. Ролдугина

Волгоградский государственный университет, Волгоград
roldugina.svetlana@yandex.ru

Научный руководитель – д.и.н. М.А. Балабанова

В статье дается анализ внутригрупповой структуры серии черепов позднесарматского времени из курганных групп Абганерово II-IV выполненный методом главных компонент. Результаты исследования выявили расовую и антропологическую неоднородность, включающую тип длинноголовых и широкоголовых европеоидов, а также европеоидно-монголоидных метисов.

Ключевые слова: позднесарматская культура, Абганерово, антропологический тип, европеоидный, смешанный, компонент, Нижнее Поволжье.

Впервые внутригрупповую структуру населения позднесарматского времени, оставившего Калиновский могильник, проанализировал В.В. Гинзбург [*Гинзбург,* 1959, с.583] индивидуально-типологическим методом. Морфологический тип населения этого времени он определяет как европеоидный с возможной монголоидной примесью. Сравнивая его с предшествующим населением отмечает их большую смешанность, которая отражает связи как с востоком (Западный Казахстан), так и с западом, поскольку долихо-мезокранный тип напоминает черепа из Салтовского могильника и аланских могильников Северного Кавказа

Б.В. Фирштейн [*Тот, Фиритейн*, 1970, с. 95], изучившая более массовый материал из могильников саратовского Заволжья, также отмечает антропологическую и расовую неоднородность у позднесарматского населения. По ее мнению, мужские черепа этого времени отличаются от черепов предшествующего времени и преобладающим типом является длинноголовый европеоидный. На отдельных черепах она диагностирует смешанный, монголоидно-европеоидный комплекс.

Серия черепов позднесарматского времени из нижнедонских курганных могильников изучена Е. Ф. Батиевой [*Батиева,* 2011, с. 63, 65]. Она характеризует мужскую серию как европеоидную с мезодолихокранными пропорциями по черепному указателю. На внутригрупповом уровне отмечает уменьшение доли брахикранных черепов в группе и увеличении долихокранных по сравнению с предшествующим периодом. Присутствует в

© Ролдугина С.С., 2020

группе и монголоидная примесь, которая сочетает широкоголовый низкосводчатый краниологический комплекс с уплощенным лицом, высокими орбитами и умеренно выступающим носом.

Более полно нижневолжский позднесарматский материал изучила М.А. Балабанова [*Балабанова,* 2013, с. 46-48]. Она также отмечает внутригрупповую неоднородность этого населения, которая включает различные варианты длинноголовых европеоидов: очень массивный компонент в группе деформированных черепов; компонент с относительно узким, средневысоким лицом - в группе недеформированных черепов; смешанный монголоидно-европеоидный компонент и в женской группе недеформированных черепов мезобрахикранный европеоидный компонент, который характерен для предшествующего населения.

Таким образом, история исследования внутригрупповой структуры позднесарматского населения показала, что оно неоднородно и почти все авторы наряду с преобладающим длинноголовым типом отмечают незначительную монголоидную примесь. Целью данной работы является определение внутригрупповой структуры позднесарматской серии, полученной из погребений курганных групп близ Абганерово, численностью 26 черепов. Анализ проводился методом главных компонент [*Дерябин,* 1983]. Для проведения его были исключены признаки мозгового отдела, которые претерпевают изменения под влиянием деформирующей конструкции и программа включала следующие признаки: 8:1, OPB, 45, 48, 54:55, 51:52, 77, <zm", SS:SC, DS:DC, 75-1. Кроме этого, для увеличения численности серии значения признаков женских черепов были переведены в мужские с использованием коэффициентов полового диморфизма [*Алексеев, Дебец*, 1964, с.123].

В результате анализа были извлечены три главные компоненты (далее ГК) с собственными числами больше единицы (табл. 1). Общий вклад трех компонент во внутригрупповую изменчивость составляет около 66,0%.

Таблица 1. Результаты внутригруппового анализа главных компонент позднесарматской серии курганных групп близ с. Абганерово

№№ по Мартину и др.	Главные компоненты		
	I	II	III
8:1	-0.402	**0.498**	-0.455
OPB	**0.651**	**0.540**	0.235
45	0.393	**0.701**	0.047
48	**0.546**	-0.137	**0.560**
54:55	**-0.584**	-0.032	0.283
52:51	-0.411	-0.149	**0.742**
77	-0.297	**0.759**	0.155
<zm"	0.009	**0.840**	0.344
SS:SC	**0.677**	-0.242	0.057
DS:DC	**0.867**	-0.180	0.108
75-1	**0.518**	0.204	**-0.538**
Собственные числа	3.113	2.487	1.656
% дисперсии	28.302	22.606	15.051

Проанализируем изменчивость признаков по каждой из извлеченных компонент. Так, на I ГК приходится 28,3% общей внутригрупповой изменчивости, которая направлена на пять признаков с высокой положительной корреляцией и одного с высокой отрицательной. Она разграничивает морфологический тип, у которого большое значение общеростовой величины, высокое лицо, переносье и носовые кости сочетается с узким резко выступающим носом от типа с малым значением общеростовой величины, низким лицом, переносьем и носовыми костями в сочетании с широким умеренно выступающим носом. Таким образом, данная компонента является компонентой размера.

II ГК также имеет высокие положительные нагрузки по пяти признакам и описывает 22,6 % общей внутригрупповой изменчивости. Согласно этим данные максимальные положительные значения по этой компоненте будут иметь черепа, у которых

мезобрахикранный черепной указатель и большое значение общеростовой величины, сочетается с широким плоским лицом. Альтернативный ему вариант представлен долихокранными черепами, у которых малые значения общеростовой величины, узкое и резко профилированное в горизонтальной плоскости лицо. Таким образом, II ГК описывает закономерность изменчивости признаков, направленную на разграничение двух расовых комплексов: тип длинноголовых европеоидов и монголоидный тип.

На III ГК приходится только 15,0% от общей внутригрупповой изменчивости и она имеет высокую положительную корреляцию с двумя высотными признаками: высота лица и высота глазницы (48 и 52:51) и отрицательную - по углу выступания носа (75-1). Так III ГК описывает на полюсах изменчивости с одной стороны тип, который сочетает высокое лицо и орбиту со слабо выступающим носом, а с другой - тип сочетает низкое лицо и орбиты с резко выступающим носом.

Результаты анализа главных компонент позволяют говорить о наличии существенных морфологических различий внутри исследуемой позднесарматской группы, которые свидетельствуют о внутригрупповой неоднородности, включающей как различные морфологические типы в рамках европеоидной расы, так и тип смешанных монголоидно-европеоидных метисов.

Данные тенденции иллюстрируются и результатами многомерного неметрического шкалирования и кластерного анализа матрицы внутригрупповых корреляций (рис. 1). На выходе получился рисунок с размещенными на нем точками, которые обозначают отдельные объекты, чем ближе располагаются точки друг к другу, тем больше сходства у объектов, а кластерный анализ позволяет выделить предполагаемы типы-кластеры.

Первый кластер и скопление образовали черепа характеризуются долихомезокранным типом, у которого средние значения общеростовой величины (ОРВ) сочетаются с широким, средневысоким уплощенным на обоих горизонтальных уровнях лицом, мезоморфным строением носа, орбит, переносья и носовых костей. Угол выступания носа также умеренный. Вышеприведенный набор признаков позволяет предположить наличие монголоидного комплекса, который смешался с длинноголовым европеоидным типом.

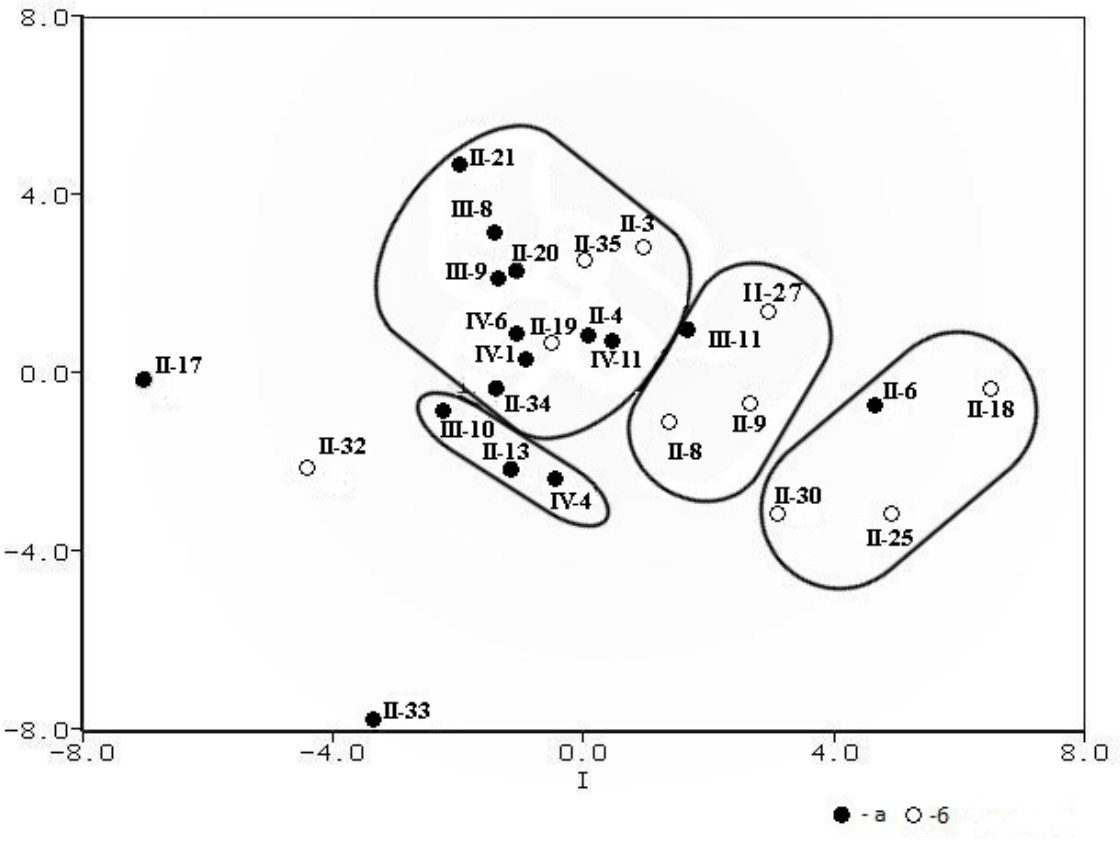


Рис. 1. Результат многомерного неметрического шкалирования матрицы внутригрупповых корреляций позднесарматской краниологической серии из курганных групп близ с. Абганерово
Примечание: а – черепа с искусственной деформацией; б – черепа недеформированные
Римские цифры – номер курганной группы, арабские – номер кургана

Второй кластер включились черепа, которые характеризуются грацильным длинноголовым европеоидным типом.

Два других кластера, третий и четвертый, образуют черепа, которые характеризуются долихокранией, но третий комплекс отличает от четвертого большей грацильностью, причем по всем признакам. Так, у него лицо, орбиты, переносье и носовые кости ниже, нос уже. По таким признакам как скуловая ширина и угол выступания носа они почти не различаются.

Изолированное положение заняли черепа из погребений курганов 17, 32 и 33 курганной группы Абганерово II, которые характеризуются как грацильные и имеют отрицательные значения как по оси X, так и по оси Y. На каждом из этих черепов выступает определенная морфологическая домината, которая обособляет их от остального массива.

Таким образом, выше была продемонстрирована внутригрупповая структура позднесарматского населения, которая включает различные морфологические и расовые компоненты с преобладанием типа длинноголовых европеоидов, у которых высокий свод сочетается с высоким резко профилированным лицом, высоким переносьем и резко выступающим носом.

Библиографический список

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128с.

Балабанова М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья : автореферат дис. ... доктора исторических наук: 03.03.02. М., 2013. 65 с.

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование) / отв. ред. М. М. Герасимова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.

Гинзбург В.В. Этнические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (По антропологическим материалам Калиновского могильника // Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. Т.I. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 524-594.

Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов / В. Е. Дерябин. - М.: Изд-во МГУ, 1983. 227 с.

Тот Т.А., Фиртейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69-201.

INTRA-GROUP STRUCTURE OF THE LATE SARMATIAN POPULATION (BASED ON THE MATERIALS OF THE ABGANEROVO II-IV KURGAN GROUPS)

S. Roldugina

Volgograd state University, Volgograd
roldugina.svetlana@yandex.ru

Academic supervisor – professor M. Balabanova

The article analyzes the intra-group structure of a series of skulls of the late Sarmatian period from the abganerovo II-IV Kurgan groups by the principal component method. The results of the study revealed racial and anthropological heterogeneity, including the type of long-headed and broad-headed Caucasians, as well as Caucasoid-Mongoloid mestizos.

Keywords: Late Sarmatian culture, Abganerovo, anthropological type, mixed, component, Lower Volga region.

УДК 902.01 904

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ СТАРОКИРГИЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.С. Ронжова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара
svetlana.ronzhova@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. С.Э. Зубов

В тезисах доклада рассматриваются вопросы хронологии могильника пьяноборской культуры, исследованного уфимскими археологами в 1970 и 1972 годах и самарскими исследователями в 2016-2018 гг. Он расположен в нижнем течении р. Белой. При разработке хронологии изученного некрополя был привлечен весь корпус вещей из погребальных комплексов. Особое внимание было обращено на взаимовстречаемость импортных бус с бронзовыми украшениями женской одежды. Хронологизация комплексов и планиграфические наблюдения позволили выявить ранний и поздний участки могильника. Изученные погребальные комплексы можно отнести к I в. до н.э. – II в. н.э.

Ключевые слова. Волго-Уралье, ранний железный век, пьяноборская культура, Старокиргизовский могильник, хронология, погребальный инвентарь, импорты.

Старокиргизовский могильник пьяноборской культуры, о котором пойдет речь далее, расположен на восточной окраине с. Старокиргизово Илишевского района Республики Башкортостан. Он был открыт И.Б. Васильевым и В.С. Горбуновым в 1970 г. [*Васюткин*, 1978]. В том же году были проведены разведочные работы на площадке могильника А.Х. Пшеничнюком, который исследовал два захоронения пьяноборского времени. В 1972 г. С.М. Васюткиным были проведены стационарные раскопки, в результате которых было исследовано 51 погребение [*Васюткин*, 1978; *Ронжова* 2019]. В 2016–2018 гг. раскопки на могильнике были продолжены сотрудниками Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета, в ходе которых было исследовано еще 86 погребений [*Лифанов*, 2017, *Лифанов*, 2018, *Саттаров*, 2019].

В настоящей работе был изучен материал всех погребений, полученных при раскопках Старокиргизовского могильника в период с 1970 г. по 2018 г. Вопросы хронологии Старокиргизовского могильника на сегодняшний день носят предварительный характер.

С.М. Васюткин в отчете 1978 года дает датировку памятнику III–II вв. до н.э., ориентируясь на бронзовые наконечники стрел, которые «после II вв. до н.э. не встречаются» [*Васюткин*, 1978, с.52]. Полученные материалы 2016–2018 гг. предварительно были датированы авторами раскопок концом II в. до н.э. – II в. н.э. [*Лифанов*, 2017, *Лифанов*, 2018, *Саттаров*, 2019]. Таким образом, разные хронологические позиции исследователей требуют уточнения и, в конечном счете, разрешения.

Важное место в изучении вопросов датирования памятника занимает бусинный инвентарь импортного происхождения. Первая попытка создания единой классификации бус по материалам пьяноборских могильников (Камышлытамакский I, Кушулевский III и Юлдашевский) была предпринята Б.Б. Агеевым [*Агеев*, 1992, с.32–35]. Позднее Д.Г. Бугров и А.А. Красноперов в соавторстве с Р.Д. Голдиной также занимались разработкой принципов работы с бусами пьяноборской культуры. [*Бугров*, 2007, с. 442–453; *Голдина, Красноперов*, 2012, с.71–75, табл. А].

В настоящей работе бусы из комплексов Старокиргизовского могильника были обработаны на основе классификационных схем Е.М. Алексеевой, являющихся наиболее полным и в определенной степени хорошо датирующимся сводом бусинного материала из античных центров Северного Причерноморья [*Алексеева,* 1975; 1978; 1982]. Многие исследователи связывают происхождение импортных бус в пьяноборской культуре с

© Ронжова С.С., 2020

мастерскими греческих полисов Северного Причерноморья, откуда они через кочевников Волго-Донских и Волго-Уральских степей попадали к оседлому населению Прикамья [*Иванов,* 1985; *Агеев*, 1992; *Бугров*, 2007; *Голдина, Красноперов*, 2012].

За все годы раскопок на Старокиргизовском могильнике было исследовано 139 погребений, в 43 из которых были найдены бусы различных типов. Несколько бусин было встречено на площадке могильника вне погребений. Общее количество бус составляет 885 экземпляров. К импортным относятся стеклянные бусы из одноцветного (257 экз.) и многоцветного стекла (18 экз.), стекла с металлической прокладкой (578 экз.), раковины каури (32 экз.). Стеклянные бусы соответствуют 24 типам по классификации Е.М. Алексеевой. Бусы из одноцветного стекла представлены 18 типами (типы 1, 4, 6, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 23, 29, 54, 64, 69, 94, 100, 165, 166) [*Алексее*ва, 1978], из многоцветного стекла – 5 (типы 190а, 190б, 193, 195, 198) [*Алексеева*, 1978], с металлической прокладкой – 3 (типы 1а, 1б, 5) [*Алексеева*, 1978]. Также были встречены подвески из раковин каури, соответствующие одному типу (тип 7а) [*Алексеева*, 1982].

В ходе обработки бусинного материала и решения вопросов датировки могильника по вышеобозначенным импортам, был сделан вывод о том, что основная масса бусиной коллекции Старокиргизовского могильника датируется довольно широко. В то же время ряд бусин имеют достаточно узкие хронологические рамки бытования. Основываясь на этом, мы можем датировать бусинный материал в пределах I в. до н.э. – первой половины II в.н.э.

Для корректировки этой хронологической позиции был использован максимально возможный корпус вещей из погребальных комплексов, позволяющий уточнить временные рамки бытования тех или иных артефактов. В результате обработки материалов, составления корреляционных таблиц взаимовстречаемости разных типов погребального инвентаря, созданных на основе типологий Б.Б. Агеева, В.Ф. Геннинга, Р.Д. Голдиной, В.А. Бернц [*Агеев,* 1992, *Генинг*, 1988, *Голдина, Бернц*, 2016] удалось сделать вывод о выделении двух этапов функционирования могильника.

Ранний этап характеризуется бусинным материалом, имеющим широкий период бытования. Данный этап представлен типами из одноцветного стекла - 94, 4, 16, 17, 15, 13, 5, 166, из многоцветного – 190а, 190б, с металлической прокладкой – пр-1а, пр-5 по Е.М. Алексеевой, бронзовыми накладками, бляшками и т.д. и бронзовыми наконечниками стрел, период распространения которых заканчивается в I в. до н.э. [*Агеев*, 1992, с. 45]. Однако железные трехлопастные наконечники датируются относительно широко: II в. до н.э. – II в. н.э. [*Голдина, Красноперов,* 2012, с.76]. Подобная ситуация наблюдается и с другими вещами. Что же касается бус, то нет ни одного типа, который бы датировался только периодом до нашей эры. Все они бытовали на рубеже эр со II в. до н.э. – II в. н.э. По совокупности хроноиндикаторов этот этап можно ориентировочно датировать I в. до н.э.

Поздний этап характеризуется следующими типами бус: из одноцветного стекла – 64, 100, 29, 9, 69, 165, 23, 6, 14, из многоцветного – 193, 198, с металлической прокладкой – пр-1б, а также бронзовыми застежками с неподвижным крючком, зеркалами, накладками, перстнями, бляхами пр. и предварительно датируется I – началом II вв. н.э. Например, бляхи, рассеченные от центра к краю, в Прикамье датируются II–IV вв. н.э. [*Голдина, Красноперов,* 2012, с. 53]. Поясные накладки прямоугольной формы, с двумя вертикально расположенными ушками на обороте и орнаментом из двух рядов заглубленных треугольников на лицевой стороне датируются I–II вв. н.э. [*Голдина, Красноперов,* 2012, с. 53, *Генинг,* 1988]. В результате соотнесения типологии бронзовых украшений с типологией бус по Е.М. Алексеевой подтверждается датировка памятника позднего этапа.

Таким образом, привлечение всех доступных материалов Старокиргизовского могильника позволяет датировать исследованные погребальные комплексы I в. до н.э. – II в. н.э. Проведенная работа позволила откорректировать датировку памятника по бусинным материалам, что позволяет говорить о большей надежности данной категории хроноиндикаторов из античных центров Северного Причерноморья, позволяющих выстроить хронологические схемы для материалов собственно пьяноборской культуры.

Библиографический список

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 121 с.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 121 с.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 105 с.
Бугров Д.Г. Бусы Тойгузинского II городища // ПИФК. Вып. XVII. – М.; Магнитогорск, 2007. С. 442–453.
Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях Башкирской АССР в 1972 году. Уфа, 1978. 52 с.
Геннинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н.э.- II в.н.э. М., 1988. 240 с.
Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I-II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. Вып. №1(15), Казань, 2016. С.41–90.
Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.22. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.
Иванов В.А. О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев: Куйбышевский гос. ун-т, 1985. С. 85–99.
Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовый могильник» в муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2016 г. по Открытому листу №769 от 17 июня 2016 г. В 3 тт. Самара, 2017 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета.
Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовый могильник» в муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2017 г. по Открытому листу №1691 от 24 августа 2017 г. Самара, 2018 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета.
Ронжова С.С. Бусы из Старокиргизского могильника пьяноборской культуры (по материалам раскопок 2016-2018 годов // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК, 5-8 февраля 2019 года): материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. Д.Н. Маслюженко, И.К. Новикова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. 236 с.
Саттаров Р.Р. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок объекта культурного наследия федерального значения «Старокиргизовский грунтовый могильник» в муниципальном районе Илишевский Республики Башкортостан в 2018 г. по Открытому листу №623 о 31 мая 2018 г. В 2 тт. Самара, 2019 // Архив Научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета.

TO THE QUESTION OF THE CHRONOLOGY OF THE STAROKIRGIZOVSKY BURIAL GROUND OF PIANOBOR CULTURE

S. Ronzhova

Samara National Research University, Samara
svetlana.ronzhova@yandex.ru

Academic supervisor– PhD S. Zubov

This article discusses the chronological questions of the new burial ground of the Piany Bor culture, which has been studied by Ufa archaeologists in 1970–1972 and by Samara researchers in 2016–2018. It is located in the lower reaches of the Belaya River. The entire corpus of things from funerary complexes was involved while the chronology of the studied necropolis was developing. Particular attention was paid to the reciprocity of imported beads with bronze ornaments of the women's clothing. The chronologization of complexes and planigraphic observations revealed early and late sections of the burial ground. The studied burial complexes can be attributed to the first century B.C. – second century A.D.

*Keywords***.** Volga-Ural, early iron age, Pianobor culture, chronology, burial inventory, imports.

УДК 902/904

КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРИЙ ГОРНОГО МАССИВА ИРЕНДЫК-КРЫКТЫ

Л.Н. Савинов

Башкирский государственный университет, Уфа

leonid.savinov.98@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Н.С. Савельев

В данной работе рассматривается результаты многолетнего изучения каменных курганов восточных предгорий горного массива Ирендык-Крыкты (Южное Зауралье), а также приводятся новейшие полевые исследования по данным памятникам, проведённые ИИЯЛ УФИЦ РАН в 2019 году.

Ключевые слова: археология, каменные курганы, ранний железный век, курганы Южного Зауралья, кочевники, номады, одиночный курган.

История изучения памятников ранних кочевников Южного Урала скифо-сарматского времени насчитывает уже более ста лет. Проделан большой путь в их исследовании, установлены хронологические рамки, а также изучении погребальной обрядности. Постепенно появляется понимание того, что кочевники Южного Урала в пределах региона имели значительные этнографические различия, проявляющиеся как в материальной культуре, так и погребальной обрядности. Одной из показательных территорий в этом отношении являются восточные предгорья горного массива Ирендык-Крыкты. Их протяженность – более 300 км, ширина не превышает 15–20 км, относятся к горно-степной и горно-лесостепной зонам.

На рассматриваемой территории известно большое количество схожих между собой каменных курганов эпохи раннего железа [*Савельев*, 2000, рис. 1]. Исследователями установлено, что курганы горного массива Ирендык-Крыкты отличаются своим погребальным обрядом, а также материальная культура этих кочевников имеет свои особенности и серьёзно отличается от кочевников той же общности, но обитающих в степях.

Начало углубленного изучения кочевников Южного Урала было положено К.Ф. Смирновым, издавшем в 1964 году монографию «Савроматы. Ранняя история и культура сарматов». Зауральскую часть региона автор отнес к самой северо-восточной окраине мира кочевников, занимавших степи Южного Урала и Нижнего Поволжья [*Смирнов,* 1964, с. 197]. Впервые идею об особенности каменных курганов восточных предгорий Урала выдвинул Н.А. Мажитов [*Мажитов*, 1973, С. 65], что позднее было поддержано В.Н. Васильевым. Он считает, что эти курганы объединены рядом общих черт: топографией, широким применением камня при сооружении насыпей и сходством керамики. По его мнению, эти своеобразные черты позволяют говорить об этническом отличии кочевников, оставивших каменные курганы, от савроматов и сарматов [*Васильев*, 1984, с. 35].

В 1974 году вышла яркая монография М.Г. Мошковой «Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры», в которой автор показывает, что кочевники восточных районов Южного Урала, в том числе и хоронившие умерших в каменных курганах, являются обособленной группой, имеющей сходство как с номадами Казахстана (тасмолинская культура), так и с населением лесостепного Зауралья [*Мошкова,* 1974, с. 10]. В этом ее поддержал и А.Х. Пшеничнюк, однако, обратив внимание на наличие серии каменных курганов, он посчитал это следствием отсутствия достаточного количества почвенного слоя в местах возведения этих насыпей [*Пшеничнюк,* 1983, с. 88–89, 128–129].

С конца 1990-х гг. изучением данного феномена стал заниматься Н.С. Савельев. Автор считает, что население восточных предгорий и горных долин Ирендыка и Крыкты – это особая родоплеменная группа, которую нужно рассматривать как группу населения сакского (тасмолинского) происхождения, впоследствии ассимилированную носителями прохоровской

© Савинов Л.Н., 2020

культуры [*Савельев,* 2000, с. 38; и др.]. Присоединяясь к этому мнению, Я.В. Рафикова и В.К. Федоров при публикации двух ярких комплексов из Абзелиловского района РБ сделали попытку четко разграничить «горные» и «степные» памятники, выделив особую синкретичную группу [*Рафикова, Федоров,* 2017, с. 61, 97–98].

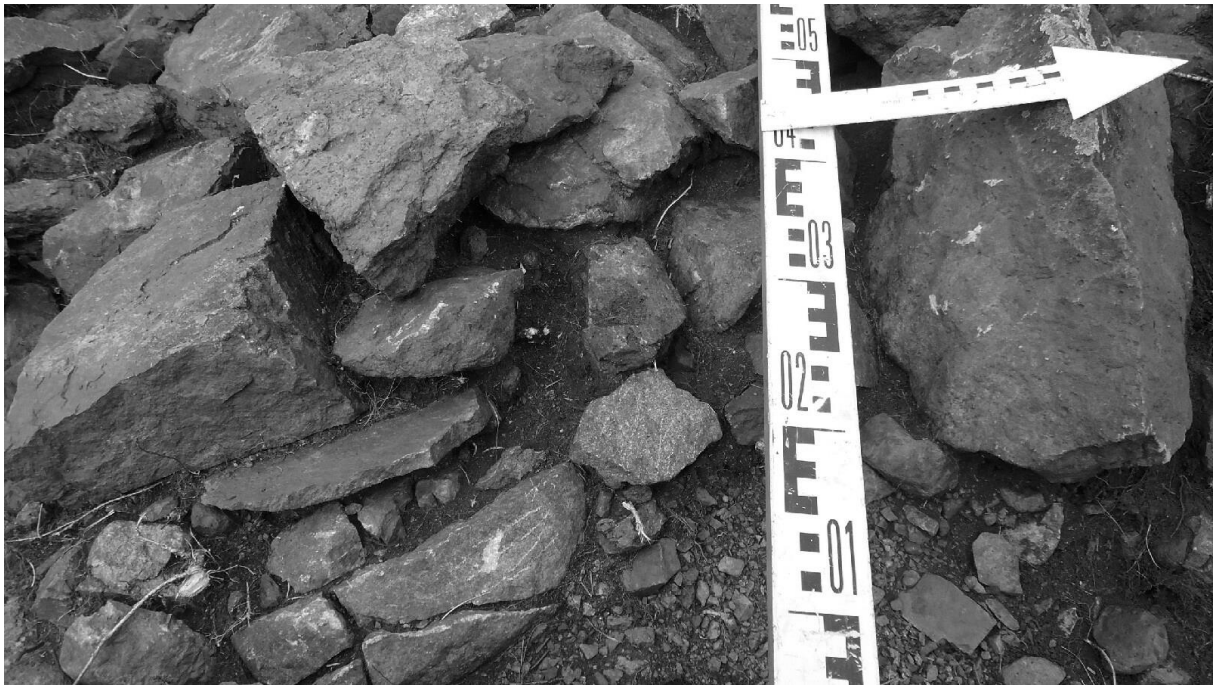


Рис. 1. Налегание края каменной конструкции на предматериковый слой, вид на расколотый диабазовый блок, диабазовую подкладку и кусок красной яшмы.

В 2019 году экспедицией ИИЯЛ УФИЦ РАН было начато изучение одиночного кургана Кусимово-3, выявленного в 2005 г. при обследовании территории вокруг оз. Якты-Куль. Курган расположен восточнее д. Кусимово Абзелиловского района РБ, в центре ровной долины, ограниченной с востока и юго-востока залесённой поймой озер Сабакты и Банное, с запада и севера – восточными склонами и возвышенностями хребта Крыкты. Общие размеры долины 1,5×3 км. Курган представляет собой слабо задернованную каменную насыпь диаметром 14 и высотой 0,5 метра, окруженную рвом с перемычками с севера и с юга и приурочен к пологой мысовидной возвышенности.

Исследования только начаты (раскоп 18×18 м) и будут продолжены в следующем году, так как при раскопках кургана в самой насыпи, а так же под ней было найдено множество находок, которые относятся к эпохе раннего палеолита (ашель). В результате работ 2019 года было исследовано пространство вокруг насыпи, а также расчищены края самой каменной конструкции, где найдено много костей животных и фрагмент керамики.

Первичный анализ формы насыпи, а также структуры кургана подтвердил, что он относится к кочевникам середины I тыс. до н.э. Вся насыпь кургана состоит из кусков диабаза различного размера. В самой долине диабазовые выходы полностью отсутствуют, а весь строительный материал является принесённым с расположенной рядом (0,5 км к северо-востоку) горы Улек-Мурун.

В расчищенной насыпи каменного развала были найдены строительные элементы конструкции такие как каменные клинышки, а также большое количество диабазовых подкладок для укрепления конструкции. Помимо этого, были расчищены участки упорядоченной диабазовой кладки. На основе этих находок можно сделать вывод о том, что сам курган первоначально представлял собой полую конструкцию, реконструировать форму которой, возможно, удастся после завершения работ.

Количество диабазовых блоков, которые находятся в непотревоженном состоянии в основании конструкции, а также большое количество расколотых блоков по краям самого

каменного развала говорит о том, что сооружение не разрушалось со временем, а обрушилось одномоментно. Ее развал лежит непосредственно на предматериковом слое. Это говорит о том, что перед постройкой конструкции вся гумусная прослойка была полностью удалена (рис. 1).

Самой яркой находкой к настоящему времени является венчик лепного глиняного сосуда. В тесте которого была обнаружена большая примесь талька. По многочисленным аналогиям данный фрагмент может быть датирован V–IV вв. до н.э. [*Смирнов*, 1964; *Мошкова,* 1974; *Савельев,* 2000].

Библиографический список

Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. 1998. С. 25–43.
Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. Уфа: Башкнигоиздат, 1973. 183 с.
Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
Рафикова Я.В., Федоров В.К. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 2017. 244 с.
Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. Вып. 2. 2000. С. 17–48.
Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

STONE MOUNDS OF EASTERN FOOTHILLS OF THE IRENDYK-KTYKTY MASSIF

L. Savinov

Bashkir State University, Ufa
leonid.savinov.98@mail.ru

Academic supervisor – PhD N. Savelyev

The article discusses the results of a long-term study of the stone mounds of the eastern foothills of the Irendyk-Krykty (South Trans-Urals) mountain massif. And also the latest field studies on this issue conducted by the staff of the IHLL UFRS RAS are considered.

Keywords: archaeology, stone mounds, the early Iron Age, mounds of the South Trans-Urals, nomads.

УДК 920

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ВПН В БАССЕЙНЕ Р. БОЛЬШОЙ ЧЕРЕМШАН. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Л.Р. Халимуллина

Казанский федеральный Университет, Казань
Khalimullina96@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Л.А. Вязов

Автор обращается к вопросу культурной принадлежности памятников позднесарматского времени в бассейне р. Большой Черемшан на основе материалов памятников обозначенной территории и сравнении синхронных памятников сопредельных территорий.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, бассейн р. Большой Черемшан, эпоха ВПН.

© Халимуллина Л.Р., 2020

К эпохе Великого переселения народов на территории Среднего Поволжья относятся более 800 памятников, в основном селищ и городищ, оставленных оседлым населением нескольких культурных групп. Наибольшая концентрация памятников наблюдается в трех регионах – Западном Закамье, бассейне р. Большой Черемшан и на Самарской Луке.

Одним из самых малоизученных регионов на территории Среднего Поволжья является бассейн р. Большой Черемшан. История исследования памятников I тысячелетия н.э. на этой территории насчитывает меньше столетия, без учета обнаружения первых единичных памятников. На сегодняшний день в бассейне р. Большой Черемшан известно 150 памятников, которые предположительно относятся исследователями ко второй – третьей четверти I тыс. н.э. Большая их часть обследована лишь разведками, на основании которых эти памятники в 1960-е гг. были отнесены к именьковской культуре. Наиболее подробно изучены: Татсунчелеевское [*Старостин*, 1963, 1967] и Пролетарское [*Фахрутдинов*, 1992] городища, более 12 селищ, в том числе: Славкино, Сидельки́но II, Тимяшево I, II [*Сташенков*, 2005], Курманаево IV [*Губайдуллин,* 1999], Новокиреметское II [*Истомин,* 2015], Полянкинское [*Казаков*, 2015] и др. Проведенный анализ материалов этих поселений демонстрирует наличие ряда важных особенностей, отличающих их от синхронных древностей других субрегионов Среднего Поволжья.

В первую очередь, заметные отличия фиксируются в геоморфологическом положении поселений. Для бассейна р. Большой Черемшан в геоморфологическом отношении характерна слабая расчлененность рельефа, относительно слабое развитие овражно-балочной сети. Большинство поселений приурочены здесь к пологим берегам небольших рек и занимают пологие, расположенные относительно невысоко над водой участки террас. Возможно, с этим связано также и то, что на интересующем нас регионе практически не распространены городища, в отличие от памятников бассейна р. Сура, Предкамья, Предволжья.

Татсунчелеевское городище в 1963г. исследовалось П.Н. Старостиным, расположено в 0,5 км к северу от села Татарское Сунчелеево (РТ). Во время раскопок в квадрате А/4 была выявлена яма округой формы на уровне темного гумусированного горизонта, диаметр которой, на уровне выявления, составляет 70 см, далее она сужается в диаметре до 50 см. Яма краями уходит в квадраты А/3, Б/3 и Б/4. Поскольку отчета нет, мы не можем говорить о наличии или отсутствии находок непосредственно в яме и их распределении в раскопе, как и невозможно сказать что-то конкретное о мощности культурного слоя. [*Старсотин,* 1964]

Новокиреметское II селище в 2015 г. также исследовалось К.Э. Истоминым в Аксубаевском районе РТ. Площадь селища составляет около 7 га. Здесь была вскрыта слабоуглубленная постройка, заполнение которой содержало, в том числе, продукты горения (угли и сажу с белесыми известняковыми включениями), а также обильно насыщено фрагментами керамики. Пол постройки находился на уровне материкового суглинка, углубляясь в него не более, чем на 2-3 см. В заполнении выявлены две углистые прослойки. В западной части сооружения выявлено небольшое углубление диаметром около 110 см, его заполнение было насыщено в большей степени продуктами горения, что может свидетельствовать о расположении небольшого открытого очага. В восточной части сооружения выявлено 10 пятен округлой и подпрямоугольной формы, маркирующие места расположения столбовых ям. За пределами сооружения 1 выявлены еще две ямы [*Истомин,* 2015].

Памятники типа Сидельки́но-Тимяшево изучались Самарскими исследователями, в особый тип памятников были выделены Сташенковым Д.А в 2000-е гг. В ходе раскопок выявлено 19 сооружений всех раскопов Сидельки́нского комплекса. Из них только сооружение 1 из раскопа 5 является слабоуглубленной в материк постройкой квадратной формы размерами 3,5-3,7 м. без следов очага. При исследовании Тимяшевского I, II селища обнаружено пять сооружений, где только одна углубленная в материк (20-30 см) постройка подквадратной формы интерпретируется как жилище. В центре зафиксирована округлая яма от центрального столба, стенки отвесные. Остальные сооружения с памятников данного типа представляют собой либо хозяйственные, либо столбовые ямы. [*Сташенков,* 2015]

Курманаевское IV селище впервые было открыто археологической разведкой А.М. Губайдуллина и И.Р. Газимзянова в мае 1998 г. Примерная площадь памятника 260*40 м (ок. 1

га). Общая мощность напластования раскопа достигает 75-80 см вне объектов. На раскопе выявлено три сооружения: две ямы хозяйственного назначения и одна постройка в виде остаток полуземлянки подквадратной формы, внутри постройки были выявлены следы еще нескольких столбовых ям, идущих параллельно северо-восточной и северо-западной стенкам. Так же несколько столбовых ям зафиксированы по всему периметру сооружения, за исключением южной его части. Было вскрыто два сооружения, одно из которых предположительно служило источником добычи глины. Памятник датируется исследователем V – VII вв. н.э. [*Губайдуллин, Газимзянов*, 1999]

Археологические материалы описанных памятников имеют много общего между собой. В первую очередь, следует охарактеризовать керамический комплекс, поскольку он является наиболее распространённой категорией находок и может служить основанием для интерпретации культурной характеристики.

В изученных коллекциях с памятников басссейна р. Б. Черемшан коллекциях преобладают лепные сосуды, где в составе формовочных масс имеются примеси крупного шамота. Выделяются несколько функциональных групп керамики: горшки, мискообразные сосуды и диски-лепешечницы. Поверхность основной массы сосудов и дисков-лепешечниц шершавая, зачастую бугристая из-за выступающих зерен шамота. Цвет желто-серый, коричневый, серо-коричневый, иногда темно-коричневый. В изломе фрагменты имеют двух-трехслойную структуру. Абсолютно преобладают сосуды с толщиной от 1 см. Большая часть фрагментов принадлежат плоскодонным сосудам. Все реконструированные части горшков принадлежат категории слабопрофилированных сосудов. Тулово округлобокое либо оформлено в виде сглаженного ребра. Встречены следующие варианты исполнения верхних частей сосудов: сосуды, без выраженной шейки и с плечом непосредственно переходящим в венчик (преобладают во всех коллекциях); сосуды с относительно короткой отогнутой наружу шейкой; сосуды с прямой вертикальной шейкой. Днища выделяются с закраиной и без закраины. Орнаментированные фрагменты сосудов встречаются в единичных случаях, представлены насечками по венчику или вдавлениями по верхней части сосуда.

Вещевой материал и индивидуальные находки составляют самую малочисленную категорию находок на обозначенных памятниках и позволяют проводить аналогии с памятниками типа Сиделькино-Тимяшево, Славкинского типа, а за пределами региона – с памятниками киевской культуры. [*Сташенков,* 2005]

Отдельной проблемой является хронологическая атрибуция черемшанских памтяников эпохи ВПН, материалы которых небогаты узко датируемыми находками. Сравнительно-типологическое исследование этих материалов проводились Д.А. Сташенковым [*Сташенков,* 2016], А.В. Богачевым и Г.И. Матвеевой [*Матвеева*, 2001]. Резюмируя результаты их работ, можно заключить, что в большинстве регионов памятники именьковской культуры датируются в пределах V-VI вв. Исключение составляют Самарская Лука и бассейн р. Б.Черемшан, где известны вещи, относящиеся к более раннему времени.

Обобщение результатов радиоуглеродного датирования Сташенковым [*Сташенков,* 2016] показывает, что только некоторые из именьковских памятников Самарской Луки и памятники бассейна р. Б. Черемшан относятся к III-IV вв. н.э., в то время как именьковские памятники других регионов Среднего Поволжья датируются V-VI вв. н.э.

Таким образом, большая группа памятников оседлого населения в бассейне р. Большой Черемшан, относимая в прошлом исследователями к именьковской культуре, обладает рядом специфических черт, которые делают необходимым специальное изучение культурно-хронологической принадлежности материалов региона.

Библиографический список

Губайдуллин А.М., Газимзянов И.Р. Отчет об археологических исследованиях в округе села Курманаево Нурлатского района РТ. Казань 1999. 15 с.

Истомин К.Э. Отчёт об археологических охранных работах на Новокиреметском II селище в зоне реконструкции автодороги «Аксубаево – Емилькино» – Новая Киреметь» в Аксубаевском районе Республики Татарстан в 2015 г. Казань, 1988. 105 с.

Казаков Е.П. Очерки древней истории Восточного Закамья. Казань: РИЦ «Дом Печати», 1990. 120 с.

Матвеева Г.И. Хронология именьковской культуры // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной конференции. Вып. 1. Самара, 2001. с. 186–189
Старостин. П.Н. Материалы к отчету о раскопках Татсунчелеевского городища в Аксубаевском районе Республики Татарстан в 1963 г. Казань, 1964.
Старостин П.Н. Отчет III отряда ТАЭ за 1962 г.// Отчет о работах татарской археологической экспедиции в 1962 году. Архив ИА РАН. Р-1. №2447. С.98–144
Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. Археология СССР. Свод археологических источников. М.: Наука, 1967. 95 с.
Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н.э. Раннеславянски мир. М., 2005.Т.7. 150 с.
Фахрутдинов Р.Г. Мелодия камней: записки археолога. Казань: Таткнигоиздат, 1992. 175 с.
Сташенков Д.А. Об абсолютной дате памятников именьковской культуры на Самарской Луке // Поволжская археология. 2016. №3(17). С. 225–246.

ABOUT PROBLEM JF CULTURAL INTERAPTION OF GREAT MIGRATION PERIOD SETTLEMENT LOCATED IN BOLSHOY CHEREMCHAN RIVERBANK

L. Khalimullina
Kazan Federal University, Kazan
Khalimullina96@mail.ru

Academic supervisor – PhD L.Vyazov

The article considers the problem of cultural interpretation of archaeological sites of late sarmat period located in Bolshoy Cheremshan riverbank according to its materials and comparing it with synchronous materials from the neighbor territory.

Keywords: Middle Volga region, Bolshoy Cheremshan river, the great migration period.

УДК 903.05

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС I ЧЕРНОВСКОГО ГОРОДИЩА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2019 г.)

В.А. Фурлет
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
Furletvladimir22@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Перескоков

В данной статье рассмотрены результаты раскопок Черновского 1 городища в 2019 году Камской археологической экспедицией. В работе описана исследованная металлургическая площадка, представлена характеристика материала. Памятник датируется III-VI веками н.э. и относиться к гляденовской культуре.

Ключевые слова: Черновское I городище, гляденовская культура, раннее средневековье, металлургия.

Черновское I городище, археологический памятник, находящийся в 1,5 км к северо-западу от с. Черное в зоне пригорода г. Краснокамск Пермского края. Городище расположено на мысу, по дну оврага у восточной стороны склона протекает небольшой ручей, впадающий в р. Запальту которая является правым притоком р. Кама (Воткинское водохранилище). Площадка городища ровная, слабо наклонена в востоку, склоны мыса крутые. Площадка имеет длину 110 м, ширину 45м в центре и на восточном склоне 60 м. Общая площадь поверхности

© Фурлет В.А., 2020

площадки составляет около 5000 кв.м. Запад площадки защищен двумя валами и рвами заросшими хвойным лесом, и кустарниками. Площадка распахивалась, на данный момент заросла борщевиком. Памятник известен местным жителям и очень часто подвергается грабительским раскопкам.

Первые сведения о городище относятся к 1959 г, когда в Пермский областной краеведческий музей попал пакет обломков глиняной посуды, которые собрали ученики Черновской семилетней школы в окрестностях с. Черное [*Оборин*, 1960].

Первые раскопки по просьбе Пермского музея провели сотрудники Пермского университета. Ранней весной 1960 г. на место выехал отряд КАЭ ПГУ под Руководством В.А. Оборина, которые установили, что керамику школьники собрали в 1,5 км от села во время туристического похода. Летом 1960 началось исследование памятника, результаты этих исследований были предварительно опубликованы В.А. Обориным в 1962 году [*Оборин*, 1962].

Раскоп I 1960 года, площадью 96 кв.м., был разбит у восточного склона городища, где были обнаружены остатки трех жилых комплексов (на расстоянии 3-4 метра друг от друга). В.А. Оборин датировал их 3-4 веком. Комплексы представляли собой прямоугольные постройки каркасно-столбового типа, площадью около 20 кв. м., с глинобитным полом. Одна из которых была изучена полностью, а также несколько очагов с производственными и хозяйственными ямами (особенно интересна металлургическая яма, которая по описанию идентична с найденной на 1 раскопе в 2019 году).

В 1983 году работы на городище были проведены Н.В. Соболевой, которая исследовала комплексы ям и очагов, аналогичные найденными В.А. Обориным [*Соболева*, 1985]. Н.В. Соболевой была вскрыта площадь, около 258 кв.м. [*Соболева*, 1984], разрезан внутренний вал, и исследованы комплексы ям и очагов идентичные, выявленым В.А. Обориным.

В данной работе отражена предварительная информация по результатам раскопок Черновского городища в 2019 году проводившихся под руководством А.В. Васильевой[1]. Раскоп 2019 г. был прирезан с северо-востока к раскопу I 1960 г. Общая площадь раскопа составила 88 кв.м., а мощность культурного слоя достигала 1 м.

В раскопе были обнаружено 2 очага, которые представляли собой мощные прослойки прокаленной глины, а так же ямы, в количестве 37 штук. 5 более крупных из них имели хозяйственное назначение, остальные были столбовыми, являлись опорами крыши, навеса над металлургической мастерской. Крупные ямы использовались для хозяйственных и производственных нужд (о чем нам сообщают найденные обломки керамических тиглей с металлом и шлаком на них, и множество венчиков и стенок керамических сосудов, костей животных, которые сильно обгорели). Ямы располагались рядом с печью, в одной из ям (№13) было обнаружен большой развал ошлакованных сосудов и деталей керамической конструкции (трубы?), несколько длинных костяных наконечников стрел. В плане яма № 13 (О-П/66) имеет прямоугольную форму, по периметру укреплена деревянными конструкциями и перекрытием, как и типично для металлургических комплексов того времени. Размеры исследованной части 1,5х1,7 м, глубина около 0,6 метров, по мере углубления яма не сужается.

В процессе разборки ямы были найдены глиняные закаленные стенки которые по предположениям могли быть трубой очага, развалы сосудов с остатками шлака и медной руды, бронзовые предметы (биметаллический наконечник ремня выполненный из 2-х пластин, внешняя пластина из белого сплава, а внутренняя из бронзы, наконечники такого типа распространены в курганных могильниках харинского типа и датируются V–VI вв. н.э. [*Перескоков*, 2018, с. 71], значительное количество фрагментов керамической посуды, орнаментированной гребенчатым штампом, защипом по венчику, шнуровым и ямочным орнаментом, относящиеся к позднему этапу гляденовской культуры (III–V/VI в. н.э.), костяные наконечники стрел.

[1] Автор благодарит А.В. Васильеву за разрешение использовать неопубликованные данные раскопок.

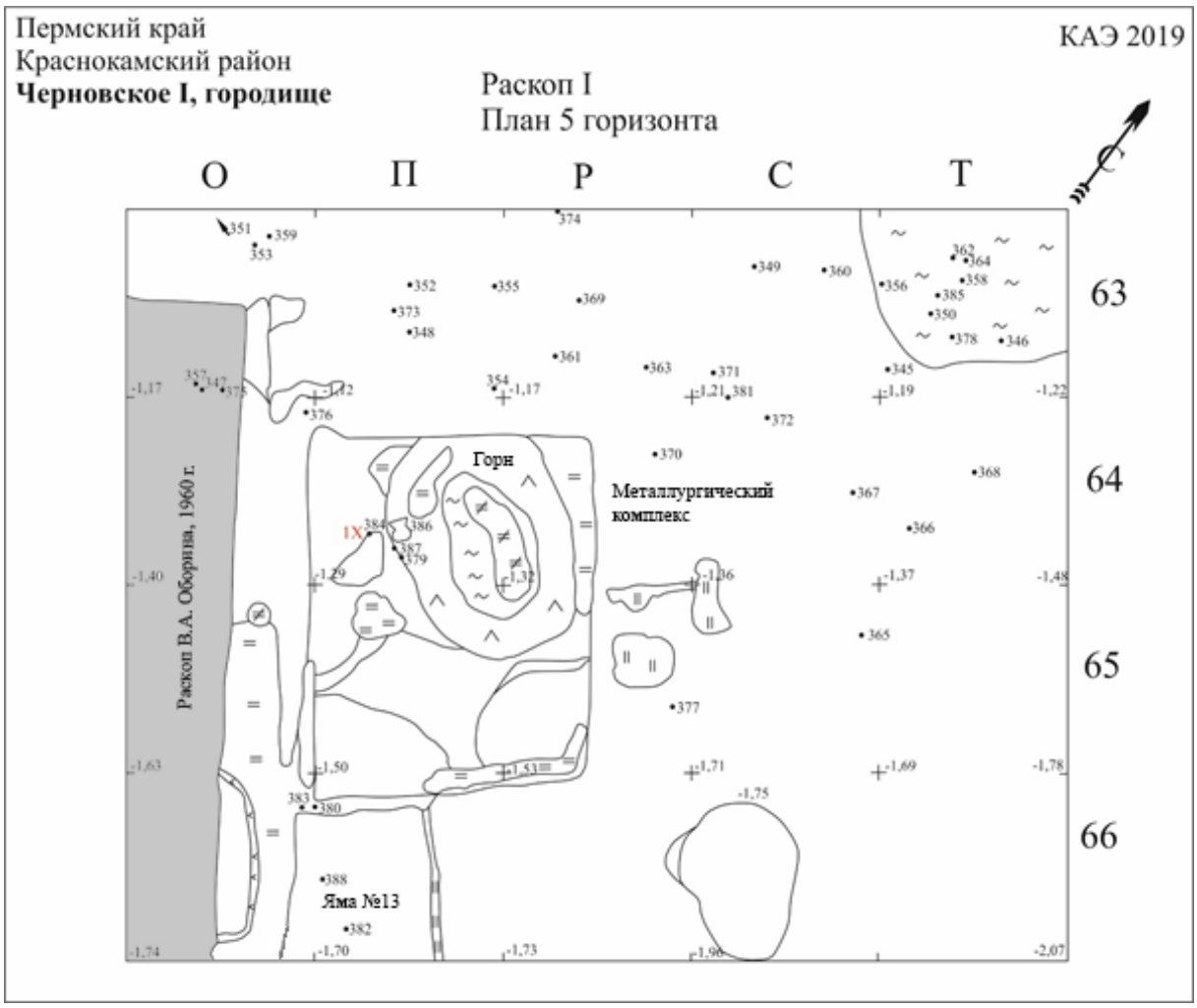


Рис. 1. План раскопа I/2019.

В метре от этой ямы находится очаг, который можно интерпретировать как горн для выплавки металла из руды, построенный из глины содержащий большое количество обмазки. Яма №13 несомненно является одним из сооружений, которые были частью технологического процесса.

Делая выводы по результатам раскопок 2019 года, можно констатировать, что найденный металлургический комплекс схож с теми объектами, которые были найдены В.А. Обориным и их можно интерпретировать таким же образом. Найденные предметы материальной культуры позволяют уточнить датировку Черновского I городища. Учитывая находки бус, предметов ременной гарнитуры, период функционирования городища можно ограничить III-VI вв. н.э. что укладывается в поздний этап гляденовской культуры для данного микрорегиона.

Библиографический список

Оборин В.А. Отчет о работах Черновского отряда Воткинской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в июле 1960 года. Пермь, 1961. Архив КАЭ ПГНИУ. Д.57.

Оборин В.А. Раскопки памятников железного века в Верхнем и Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2. С.95-100.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века: монография / М. Л. Перескоков; под науч. ред. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. – 320 с.: илл.

Соболева Н.В. Отчет о раскопках Черновского I городища в Краснокамском районе Пермской области в 1983 г. Пермь, 1984. Архив КАЭ ПГНИУ. Д.161.

Соболева Н.В. Работы Краснокамского отряда экспедиции Пермского университета // Археологические открытия 1983 года. М.:1985. С. 177-178.

THE METALLURGICAL COMPLEX OF CHERNOVSKOE I HILLFORT (BASED ON RESULTS OF EXCAVATION IN 2019)

V. Furlet
Perm State University, Perm
Furletvladimir22@gmail.com

Academic supervisor – PhD M. Pereskokov

This article discusses the results of excavations of the Chernovskoe 1 settlement in 2019 by the Kamskaya archaeological expedition, the metallurgical component of the found specimens on the Chernovskoe 1 settlement is described, the monument itself dates back to the 3rd-6th centuries and is a Glyadenovo, and later Harinskaya culture. In this work, research materials of 1960 described by V.A. Oborin, as well as N.V. Soboleva. The monument itself is described in the work, as well as a description and comparison of the metallurgical complex with the results of excavations in 1960 and 1983

Keywords: I Chernovskoye settlement, Glyadnovo culture, the early Middle Ages, Kharin culture, metallurgy of the early Middle Ages.

УДК 908/941

КУЛЬТОВАЯ КОРОПЛАСТИКА БОСПОРА НА ПРИМЕРЕ АНТИЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ КИРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Д.Ф. Шайхутдинова
Вятский государственный университет, Киров
shaykhutdinova_diana@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. В.А. Коршунков

В статье рассматриваются две античные терракотовые статуэтки, хранящиеся в Кировском областном краеведческом музее. Изучается их принадлежность к конкретным культам и особенности атрибутики. Результаты исследования подтверждают распространение культов Кибелы, Деметры и Коры среди жителей Боспора. Делается вывод о значении культовых статуэток при изучении религиозной жизни Северного Причерноморья в античную эпоху.

*Ключевые слова***:** терракотовые статуэтки, коропластика, античный Боспор, Кибела, Деметра, Кора.

Терракотовые статуэтки – важнейший источник при изучении жизни Северного Причерноморья в античную эпоху. Коропластика помогает выявить особенности развития тех или иных культов на рассматриваемой территории. Статуэтки играли роль культовых подношений божествам, могли служить приношением в храмы, сопровождать погребения или использоваться в домашних алтарях [*Лагутина*, 2015, с. 43]. Эта тема актуальна, ведь в ходе археологических раскопок регулярно появляются новые находки, которые нуждаются в идентификации и анализе.

Будут рассмотрены некоторые предметы из античной коллекции, которая хранится в Кировском областном краеведческом музее. Ранее она изучалась частично: исследовались гипсовые маски Медузы Горгоны в погребальном контексте [*Дувакин*, 2009, с. 97]. Но в коллекции есть ещё две неизученные статуэтки, которые вызывают интерес с точки зрения культовой принадлежности.

© Шайхутдинова Д.Ф., 2020

Одна из статуэток представляет собой весьма распространённый образ: женская фигура, сидящая на троне, с расставленными руками и в высоком головном уборе (предположительно, в калафе). Обычно так изображали Кибелу, богиню фригийского происхождения [*Словарь античности*, 1989, с. 260]. Стоит обратить внимание на атрибутику статуэтки. В одной руке богиня держит некий круглый плод. Другая рука отломана, однако по аналогии с другими подобными статуэтками можно предположить, что там была чаша. Обычно этот атрибут характеризуется как сосуд для возлияний богам.

В качестве ближайшей аналогии можно привести статуэтку из Пантикапея [*Кобылина*, 1984, Табл. CXVII]. Они одинаковы, вплоть до формы трона и положения тела. Разве что на таких статуэтках у подножия трона располагали подставку для ног или скамейку, но в нашем случае эта деталь отломана.

Судя по археологическим данным, культ Кибелы был весьма распространён на Боспоре. Это являлось отражением культурных связей с Малой Азией – родиной культа и местом его наибольшего распространения [*Гайдукевич*, 1949, с. 375]. При раскопках Пантикапея регулярно находили изображения Кибелы в разных её проявлениях. Именно этот город был основным местом почитания богини [*Горончаровский*, 1999, с. 226]. Причём найдены были не только терракоты, но также мраморные статуи, известняковые рельефы и посвятительные надписи [*Корпус Боспорских надписей*, 1965, с. 29, 30]. Кибела была известна не только под этим именем: встречались такие наименования, как Ма, Метер и Фригийская Мать [*Муратова, Ильина, Шорунова*, 2017, с. 85]. Важен тот факт, что в одной из надписей упоминается некая жрица, посвятившая богине эту надпись [*Корпус Боспорских надписей*, 1965, с. 29]. Это значит, что на Боспоре существовал официальный жреческий культ Кибелы, то есть такие находки не случайны.

Описываемая статуэтка, скорее всего, датируется I–II вв. н.э. Именно в этот период на Боспоре стали популярны женские божества, связанные с культами плодородия. Также в это время стали более распространёнными домашние алтари, для которых, чаще всего, и предназначались терракотовые статуэтки. Вотивные подношения Кибеле в это время стали самыми многочисленными среди находок фигурок различных божеств [*Муратова, Ильина,* 2018, с. 333].

В первые века н.э. на Боспоре было найдено много однотипных статуэток, которые олицетворяли образ некого женского божества [*Кругликова*, 1966, с. 110]. Если судить по атрибутике и по общему типу изображения, то на этих фигурках видны черты сразу нескольких богинь. Статуэтки богини на троне, распространённые на Боспоре в позднеантичную эпоху, часто изображали её с чашей, голубем или яблоком (с теми же атрибутами, что и Афродиту) [*Кругликова*, 1966, с. 114]. Кибела считалась покровительницей плодородия и почиталась как божество женской плодоносной силы. Этой функцией она была близка Афродите [*Богатова,* 1998, с. 214]. Поэтому образы этих богинь часто сравнивают. Иногда находят схожие черты в мифах об отношениях Афродиты с Адонисом и Кибелы с Аттисом [*Gruppe,* 1906, p. 1529]. То есть сравнивают истории любви Афродиты и Кибелы, в обоих случаях закончившиеся трагической гибелью их возлюбленных. Также Кибела сравнивалась с Артемидой как владычица зверей и покровительница плодовитости животных [*Gruppe,* 1906, p. 1539]. Была найдена связь даже с культом Диониса: элементы служений в честь Кибелы были близки к дионийсийской обрядности [*Богатова,* 1998, с. 215]. Образ Кибелы всегда вызывал вопросы у исследователей, так как она сочетала в себе много черт, схожих с другими божествами.

Под влиянием культов Кибелы, Афродиты и Артемиды в Северном Причерноморье формируется образ Великой Богини, соединяющий в себе черты сразу нескольких античных божеств. Это говорит о том, что в религиозных представлениях людей усиливалась тенденция к синкретизму. Итак, исходя из всего этого, рассматриваемую статуэтку можно идентифицировать как синкретический образ Богини-Матери, наиболее близкий к Кибеле.

В коллекции следует также изучить статуэтку женщины с младенцем на руках, одетую в хитон с драпировкой. Скорее всего, здесь изображена Деметра с Корой (Персефоной). Фигурки женщин с ребёнком на руках в античной коропластике часто олицетворяли образ Деметры Куротрофы (то есть Кормилицы), а ребёнок в данном случае мог восприниматься не только как Кора сама по себе, но и как воплощение плодородия и богатства [*Сапрыкин,* 2009, с. 188].

Очень часто Деметра с дочерью изображались вместе. Нередки случаи, когда статуэтки и протомы Деметры и Коры находили в одном культовом месте (к примеру, в святилище) [*Алексеева*, 1984, с. 82]. Чаще такие находки встречались в самой Греции, но их было немало и в Северном Причерноморье. Считается, что наиболее явно этот культ прослеживался в Горгиппии. Там было открыто святилище, в котором обнаружили большое количество изображений Деметры и её дочери. Но были случаи находок и в других городах Боспора. В качестве примера можно привести статуэтку из Пантикапея [*Кобылина*, 1984, с. 218]. Она изображает Деметру, несущую на руках Кору. Но здесь это уже не младенец, а ребёнок постарше.

В это время стали не менее распространёнными терракоты, изображавшие бытовую жизнь. Статуэтки обычных женщин с детьми на руках тоже вписываются в этот тип. То есть в подобных фигурках не обязательно подразумевалась Деметра. Это вполне мог быть абстрактный образ матери. Такие статуэтки тоже могли использоваться в качестве культовых подношений как символы материнства и жизненной силы.

Таким образом, античная коропластика заслуживает дальнейшего изучения в связи с новыми археологическими находками за последние годы. Было бы не лишним комплексно исследовать все найденные терракотовые статуэтки на изучаемой территории и типологизировать их. Детальный анализ статуэток и их атрибутики позволяет пролить свет на особенности мировоззрения людей того времени, на отличительные черты их культовых традиций и взглядов, а также дополнить общую картину их религиозной жизни.

Библиографический список

Алексеева Е.М. Горгиппия // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 82–84.

Богатова О.В. Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности: К проблеме религиозного синкретизма в античности. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. 225 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949. 591 с.

Горончаровский В.А. К вопросу о культе Кибелы на Боспоре в первые века н. э. // Stratum plus: Археология и культурная антропология. № 3. СПб., 1999. С. 224–227.

Дувакин Е.Н. Голова Медузы Горгоны: Семантика апотропея // Вестник РГГУ. № 9. 2009. С. 97–104.

Кобылина М.М. Коропластика // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 218–219.

Корпус Боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 952 с.

Кругликова И.Т. О культе верховного женского божества на Боспоре // Культура античного мира. М.: Наука, 1966. С. 110–116.

Лагутина О.С. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья как символы античного мира // Аналитика культурологии. № 3 (33). Тамбов: ТГУ им. Державина, 2015. С. 42–46.

Муратова М.Б., Ильина Т.А. Богиня на троне: Изменчивые атрибуты и меняющиеся атрибутации // XIX Боспорские чтения. Симферополь; Керчь, 2018. С. 333–339.

Муратова М.Б., Ильина Т.А., Шорунова Ю.Н. Религия и культы в Пантикапее и Фанагории // Пантикапей и Фанагория: Две столицы Боспорского царства. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 85–97.

Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 430 с.

Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906.

CULT COROPLASTY OF BOSPORUS (COLLECTION OF THE KIROV REGIONAL MUSEUM)

D. Shaikhutdinova

Vyatka State University, Kirov
shaykhutdinova_diana@mail.ru

Academic supervisor – PhD V.Korshunkov

The paper is about two ancient terracotta figurines stored in the Kirov Regional Museum. The author studies their belonging to specific cults and the attribute features. The results of the study confirm popularity of the Cybele, Demeter, and Cora cults among the inhabitants of Bosporus. The author also draws a conclusion about the importance of cult figurines in the study of religious life of the Northern Black Sea region in antiquity.

Keywords: terracotta statuettes, coroplasty, ancient Bosporus, Cybele, Demeter, Cora.

УДК 902

О ЗАПАДНЫХ КОМПОНЕНТАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАШИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В.С. Юдакова
Тюменский государственный университет, Тюмень
slava.yudakova@gmail.com

Научный руководитель – д.и.н. Н.П. Матвеева

Одна из наиболее дискуссионных проблем – проблема происхождения населения кашинской культуры. На современном этапе изучения существует несколько гипотез, в основе которых лежат разные источники. В статье обсуждается одна из гипотез, рассматривающая в качестве компонентов население Приуралья и Урала, и предлагается один из возможных путей миграций групп населения, которые в последствии сформировали традиции кашинской культуры.

Ключевые слова: ранний железный век, Пермское Приуралье, Зауралье, кашинская культура, ананьинская культура, иткульская культура

Кашинский и прыговский типы керамики были выделены В.Д. Викторовой в 1969 г. на основе материалов, полученных в результате исследований селищ Кашинского и Юдинского, а также Прыговского и Юдинского городищ [*Викторова*, 1969]. На протяжении полувека исследований один из ключевых вопросов – формирование кашинской культуры – поднимался неоднократно. В.Д. Викторова связывала вышеуказанные типы с местным населением и влиянием представителей саргатской культуры, также ею была выдвинута гипотеза о миграции иткульских металлургов [*Викторова*, 2008, с. 81]. Л.Н. Корякова обозначала керамику данной культуры как позднюю модификацию в саргатской [*Корякова*, 1988, с. 113], а позднее рассматривала как результат «иткульско-саргатского синтеза» [*Культура зауральских скотоводов*…, с. 144-145]. Выделяя тип керамики в самостоятельную кашинскую культуру Н.П. Матвеева предположила о связи происхождения кашинской культуры с миграцией из Прикамья, в частности находя аналогии в ананьинской культуре [*Матвеева*, 1994, с.141]. К вопросу ее происхождения в своей диссертации вновь обращается М.Л. Перескоков, аргументируя высказанную ранее Н.П. Матвеевой гипотезу в несколько дополненном варианте о проникновении прикамского населения (представителей ананьинской и гляденовской культур) в Зауралье, исходя из близости орнаментальных мотивов кашинского и прыговского типов с Прикамскими памятниками финала ананьинской и раннего этапа гляденовской культур, а также находя аналогии в вещевом материале (поясные накладки из могильника Чепкуль 9) [*Перескоков*, 2013, с. 217, 228–229].

Одним из аспектов в вопросе о формировании кашинской культуры является появление шнуровой техники орнаментации на территории Зауралья в раннем железном веке. Рассмотрение данного аспекта, по мнению автора, следует начать с разработки гипотезы о миграции из Приуралья, где вышеуказанная техника была распространена ранее периода бытования рассматриваемой культуры и возможно являлась «генетической базой».

© Юдакова В.С., 2020

При рассмотрении опубликованных материалов исследований памятников, относимых авторами к ананьинской культуре, были найдены аналогии в керамическом материале. Согласно проведенному Ашихминой Л.И. сравнительному анализу керамических комплексов, были выделены 5 стадий в рамках существования ананьинской культуры [*Ашихмина*, 2014, с. 71–72]. Согласно гипотезе о миграции из Приуралья и предшествующего её периода относительно времени бытования кашинской культуры в Зауралье аналогии найдены в керамических коллекциях Зуевско-Ключесвкого I городища и Икского I поселения, которые в свою очередь характеризуют ранние стадии собственно ананьинской культуры (зуевско-ключевская и каракулинская) и датируются в рамках VIII-VII и VII-VI вв. до н.э. соответственно. Среди общих признаков в материалах зуевско-ключевской стадии следует отметить в морфологии: плоский или округлый венчик, прямую шейку, в украшении сосуда: преобладание шнуровой техники, орнаментация шейки, а также венчика и верхней части тулова, нанесение наклонных и зигзагообразных оттисков, зачастую ограниченных горизонтальными линиями. Последний указанный элемент орнамента в свою очередь отмечается как отличительный признак керамических комплексов кашинской культуры – “бордюрный орнамент” [*Чикунова*, 2009, с. 72]. В керамических коллекциях, относимых к последующей каракулинской стадии, появляется признак, называемый исследовательницей «воротнички» (автор полагает, что под данным термином предполагается внешняя губа - одна из составляющих функциональной части сосуда - губы [*Цетлин*, 2017, с. 50-53]), что также отмечается на керамике рассматриваемой культуры. Отмечены новые элементы орнамента, такие как волнообразные линии, мотивы – сочетание нескольких горизонтальных линий, выполненных оттисками шнура, которые находят аналогии в Зауральских материалах, но в тоже время в орнаменте каракулинских коллекций всегда присутствовали ямки, что в свою очередь не характерно для кашинской традиции [*Ашихмина*, 2014, с. 72].

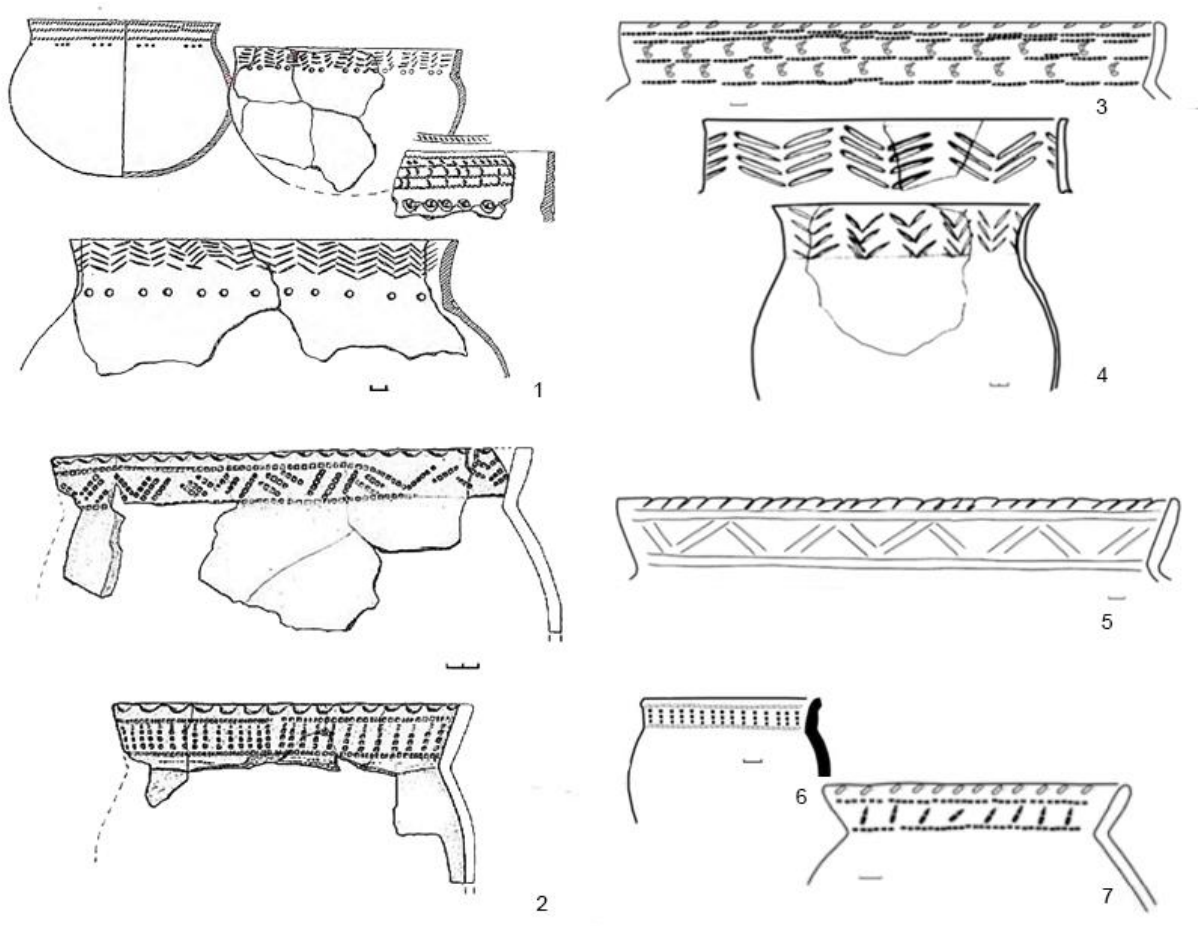


Рис. 1. Керамические комплексы ананьинской (1) и кашинской (2-6) культур.
1 – Зуевско-Ключевское I городище, 2 – Новотемирский рудник, 3,5,7 – Прыговское городище,4 – Коловское городище, 6 – Рафайловский археологический комплекс.

Таким образом, предполагаемый период миграции вероятно ограничить переходным временем между вышеописанными стадиями ананьинской культуры – к. VII – VI вв. до н.э.

Выстраивая возможный путь миграции, следует отдельно обратиться к промежуточным пунктам. Отмечаемая рядом исследователей связь кашинской культуры с иткульской [*Викторова*, 2008, с. 82; *Шарапова, Ковригин*, 1998, с. 68] видимо и является следами пребывания мигрантов из Приуралья с последующим передвижением на восток.

На расположенных в верховьях Исети памятниках, составляющих Верхнеисетское гнездо в составе Иткульского металлургичского очага VII-II вв. до н.э., найденные фрагменты ананьинской керамики свидетельствуют о связи с представителями прикамского населения. Далее Викторовой выдвигается гипотеза о смене иткульской культуры кашинской в связи «затуханием Иткульского металлургического очага», что было вызвано распространением освоения навыков металлургического производства и доступности болотной руды на других территориях. В доказательной базе гипотезы рассмотрена преемственность керамической традиции, в морфологии: плоский венчик, прямая шейка с четким переходом к округлому тулову, в украшении сосудов: гребенчатая и шнуровая техники орнаментации, мотивы орнамента в виде горизонтальных зигзагов, горизонтальных рядов наклонных оттисков и косых столбиков горизонтальных отпечатков. Упоминаемый ранее автором «бордюрный орнамент» рассматривается в данном случае как новация и специфический стиль кашинской керамики, но его можно отнести к признакам, характеризующих преемственность с ананьинскими керамическими комплексами [*Викторова*, 2008, с. 81-82].

Подтверждают гипотезу о связи представителей кашинской культуры с культурой иткульских металлургов материалы, полученные при исследовании древней шахты Новотемирского рудника в Челябинской области, где на уровне погребенной почвы были найдены 2 развала сосудов кашинской культуры [*Алаева и др*., 2017, с. 11-12].

В итоге, компонентами в формировании кашинской керамической традиции могут являться традиции представителей ранних стадий ананьинской культуры, мигрировавших на восток через территорию, где велось металлопроизводство населением иткульской культуры, что нашло отражение в зауральских материалах.

Библиографический список

Алаева И.П., Медведева П.С., Анкушев М.Н. Шахта раннего железного века на древнем руднике Новотемирский // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск, 2017. С. 7-13.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова А Н РТ, 2014. Вып. 19. 300 с.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: дис. … канд. ист. наук. Свердловск. 1969. 122 с.

Викторова В.Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время великого переселения народов // Проблемы бакальской культуры: материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры, Челябиск-Шадринск, 2008, С. 81-93.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Саргатская культура. Свердловск, 1988. 240 с.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование) / Булдашев В.А., Ковригин А.А., Косинцев П.А., Курто П., Махонина П.И., Ражев Д.И., Потро Ж.П., Шарапова С.В. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. 180с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина - середина I тыс. н.э.): дис. … канд. ист. наук. Йошкар-Ола. 2012. 500с.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 2017. 346 с.

Чикунова И.Ю. Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 9. С.58-65.

ABOUT WESTERN COMPONENTS OF GENESIS OF THE KASHINO CULTURE

Yudakova V.
University of Tyumen, Tyumen
slava.yudakova@gmail.com

Academic supervisor – professor N. Matveeva

The article discusses one of the hypotheses, which considers the population of Foreurals and the Urals as components of genesis, and proposes one of the possible ways of migration of population groups, which later formed the traditions of Kashino culture.

Keywords: Early Iron Age, Perm Foreurals, Urals, Transurals, the Kashino culture, the Ananyino culture, the Itkul culture.

УДК 902

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИКИ ПРИКАМЬЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д.А. Якимова
Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
dollif55@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. М.Л. Перескоков

Археологическая керамика является многоплановым информационно-содержательным объектом. Ее значение среди археологических источников является общепризнанным в науке археологии. На сегодняшний день, ряд исследователей с помощью анализа керамического материала пытаются получить информацию о жизни древнего населения. Это привело к тому, что в археологии сформировался ряд подходов к изучению керамики, среди которых можно выделить исследования В.Ф. Генинга, Ю.А. Полякова, А.Н. Лепихина, Л.Н. Ашихминой, В.А. Иванова и др. Однако, большая часть работ вышеперечисленных авторов базируется на методике, предложенной В.Ф. Генингом в 50-70-е гг. XX века, что не отвечает требованием современной науки в полной мере. В статье рассматриваются основные существующие подходы к изучению керамических комплексов Прикамья, а также, предлагаются современные методы анализа керамического материала.

Ключевые слова: керамика, методология, гляденовская культура, ананьинская культура, орнаментация, форма сосуда.

Как известно, обломки глиняной посуды являются наиболее массовой категорией среди археологических находок и являются важнейшим источником для изучения древнейшего населения. Керамике отведена значимая роль и в определении культурной принадлежности археологических памятников. Изучение керамики как важнейшего источника информации остается актуальным и по сей день.

Однако, до сих пор в археологической науке нет единой концепции системы обработки данной категории находок. На сегодняшний день сформировалось несколько подходов к изучению керамики Прикамья.

Начало системному исследованию данной категории находок в Прикамье было положено В.Ф. Генингом, он проанализировал керамику с комплексов пьяноборско-гляденовского времени и сопоставил керамический материал Осинского городища, городища Чеганда I и

© Якимова Д.А., 2020

Гляденовского костища [*Генинг*, 1959а]. Особенности керамики были одним из критериев, на основании которых В.Ф. Генинг предлагал выделить в Прикамье новую археологическую культуру – осинскую [*Генинг,* 1959а; 1959б. с.190−195]. Позднее В.Ф. Генингом была предложена программа, в которой дана схема описания сосудов, методика первичной обработки комплексов и проведения сравнительного анализа [*Генинг,* 1973, с. 113-137]. Особое внимание уделялось способу орнаментации сосудов. Также, по мнению В.Ф. Генинга комплексы, которые подвергаются сравнению, должны происходить из функционально однородных памятников. Однако, сам автор говорит о том, что предлагаемая им программа статистической обработки керамики не является готовым алгоритмом для обработки керамического материала, а лишь определяет основные принципы учета признаков, характерных для керамики, на этапе ее первичной обработки. А для того, чтобы керамический материал мог служить историческим источником, необходимо выявить закономерность взаимосвязи различных признаков керамики с определенными явлениями социально-экономического развития [*Генинг,* 1973].

После публикации работы В.Ф. Генинга, о важности изучения керамического материала начинают писать многие исследователи-археологи.

Более широкий контекст гляденовской керамики был показан Ю.А. Поляковым [*Поляков,* 1967; 1978; 1999; 2001а]. В опубликованной посмертно статье [*Поляков,* 1999], специально посвященной керамике, им были приведены результаты сравнительного анализа комплексов более 10 памятников гляденовской культуры.

Выделенные им сосуды были разделены на три типа, каждый из которых делится на 2 подтипа. 1 тип – сосуды с выпуклым туловом и четко выраженной шейкой; у разновидности «А» шейка отогнута наружу, «Б» − прямая, или слегка наклоненная внутрь. Тип 2 включает в себя сосуды с более узкой горловиной. Разновидность «А» имеет слабо выраженный переход от шейки к тулову, сосуды разновидности «Б» имеют очень короткую шейку и раздутое тулово. Тип 3 составляют низкие открытые чаши без шеек, у разновидности «А» они отогнуты наружу, у «Б» прямые или слегка загнутые вовнутрь [*Поляков,* 2001, с. 13].

Исследование Ю.А. Полякова показало, что по форме сосудов, технике их изготовления и орнаментации керамика гляденовских памятников очень схожа, тем самым он доказывает культурную общность всех гляденовских племен. Однако, в орнаментации керамики памятников разных территорий можно выделить ряд отличий, которые он связывает с локальными особенностями племенных территорий [*Поляков,* 2001, с. 13]. М.Л. Перескоков в своей статье отмечает, что его статистический анализ объединил в себе комплексы, которые сильно разнятся хронологически, а также являются культурно смешанными, а, следовательно, данная статистика не может отражать хронологические изменения [*Перескоков*, 2015, с. 99].

Исследованием гляденовской культуры занимался и А.Н. Лепихин. В обобщенной работе, посвященной костищам гляденовского времени, А.Н. Лепихин проанализировал, в том числе и керамику в контексте разных костищ гляденовской культуры [*Лепихин*, 2007]. При проведении статистического анализа, А.Н. Лепихин учел хронологический диапазон смешанных комплексов, он выделяет керамику аньинского и гляденовского периода, рассматривая их в отдельности.

Программа статистической обработки керамики, предложенная В.Ф. Генингом, позже получила свое развитие в трудах Л.И. Ашихминой. Развивая схему, предложенную В.Ф. Генингом, она выделила хронологические стадии бытования ананьинской керамики. К анализу были привлечены данные с 30 комплексов (10 комплексов луговской, 5 – быргындинской и 15 ананьинской культур). Всего было проанализировано 2682 сосуда. Для сравнения керамических комплексов Л.И. Ашихмина дает им суммарную характеристику, которая представляет собой набор сумм признаков по отдельным показателям для данного комплекса. При описании керамики, наиболее характерные признаки керамических комплексов были объединены в совокупности. Таким образом, ей учитывались технология изготовления сосудов, форма сосудов и их орнаментация. При анализе орнаментации все узоры были разделены на отдельные простейшие элементы. Весь набор орнамента, используемый для сравнения комплексов, отражен в суммарных характеристиках сосудов в комплексах. Выделены способы орнаментации, представленные наиболее часто, которые в свою очередь делятся на 5 отделов,

отделы же подразделяются по степени сложности на варианты. Для каждого памятника были составлены таблицы, дающие суммарную характеристику комплексов по всем признакам [*Ашихмина,* 2014, с. 22]. На основании сравнительно-статистического анализа Л.И. Ашихмина выделяет следующие стадии бытования ананьинской керамики: Зуево-Ключевская (VIII-VII вв. до н.э.), Каракулинская (VII-VI вв. до н.э.), Каменноложская (VI-V вв. до н.э), Ныргындинская (IV-III вв. до н.э.), Переходная (III в. до н.э.) [*Ашихмина*, 2014, с. 92].

Изучением ананьинской керамики с 1970-х годов занимался В.А. Иванов. В его статьях проводится сравнительная характеристика орнамента на керамике памятников, образующих локальные варианты ананьинско-исторической общности (области). Обработка керамики также проводилась им по методике, разработанной в свое время В.Ф. Генингом. Статистический анализ керамического материала проводится автором по так называемой неполной программе. В.А. Иванов формирует статистические выборки, обосновывая это необходимостью подборки материалов, по которым и дает статистическую характеристику керамики. «Статистические выборки мы формировали исходя из необходимости подборки материала, по которому можно было бы дать статистическую характеристику керамики по ее основным параметрам, доступным для обработки по неполной программе» [*Иванов*, 2019, с.126]. Данные по основным параметрам керамики приводятся автором в процентном соотношении от выборки. [*Иванов,* 2019, с. 127]. Однако, стоит отметить, что данный способ формирования выборки вызывает некоторые сомнения. В результате сравнения между собой показателей, полученных данным образом, можно говорить лишь о степени сходства выборок между собой. А так как археологическая коллекция керамики уже представляет собой выборку от генеральной совокупности всей керамики памятника, необходимо подвергать анализу весь массив (100%), полученного в ходе раскопок керамического материала, чтобы получить данные о сочетании техники орнаментации, а не отдельных элементах орнамента. Вопрос о том, какая должна быть коллекция, способная наиболее объективно отразить состояние керамики памятника, также поднимался В.Ф. Генингом. Им отмечалось, что вне всякого сомнения, лучшими по качеству будут коллекции целых сосудов, однако, подобные коллекции обычно исходят из раскопок могильников, при анализе поселенческой керамики целые сосуды встречаются крайне редко, поэтому археологу приходится работать с фрагментами сосудов, коллекции которых иногда насчитывают десятки тысяч единиц. В случае, когда коллекции включают в себя сильно фрагментированные части сосудов, В.Ф. Генинг предлагает сокращенную программу обработки материала [*Генинг*, 1973]. Позже им была разработана таблица соответствия нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки [*Генинг*, 1990, с.64]. В 70-е гг. это было обусловлено еще и отсутствием технической возможности анализа больших массивов данных, но, на сегодняшний день, современные методы многомерной статистики могут решить эту задачу.

В исследованиях керамического материала территории Прикамья есть ряд проблем. В первую очередь, это отсутствие единой методики работы с ним. В работах большинства исследователей приводятся процентные соотношения основных параметров, по которым анализируется керамика. Однако, еще В.Ф. Генинг в своей работе отмечал, что эти исследования являются сугубо эмпирическими и лишь констатируют факты, а не объясняют их. К сожалению, существующие методы обработки керамики, активно применяемые в археологической науке, разработаны в 50–70-е гг. XX в. и не отвечают запросам современной науки. Отсутствие некой конвенции среди исследователей-археологов, занимающихся вопросом изучения керамики, относительно терминологии и методики работы с керамическим материалом, является не менее актуальной проблемой.

На сегодняшний день, применение современных методов статистического и пространственного анализа значительно увеличивает информативность керамики как исторического источника.

Нам представляется необходимым построение пространственных моделей распределения керамики. Для отработки данной методики предполагается использование специальных программ, позволяющих выстраивать такие модели (ГИС).

При проведении археологических раскопок последних лет Камской археологической экспедицией фиксировались все найденные фрагменты венчиков керамических сосудов, что

позволяет занести данные о месте нахождения и глубине залегания каждого фрагмента керамики в базу данных, где будут учтены все основные параметры, необходимые для анализа материала (форма сосуда, форма венчика, способ орнаментации), и визуализированы в виде пространственных моделей. Вероятно, данная методика могла бы дать возможность хронологически разделить керамический материал и проследить изменение его основных параметров относительно друг друга в рамках одного комплекса, что является особенно важным при изучении археологических памятников, где отсутствует четкое стратиграфическое деление культурного слоя.

Библиографический список

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2014. Вып. 19. −300с.
Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты К(В)АЭ. М., 1959а. Вып.1. С.196−209.
Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.1973 №1. С. 114−136.
Иванов В.А., Чичко Т.В. Статистико-типологический анализ керамики с поселений эпохи поздней бронзы в низовьях р. Белой (еще раз о проблеме генезиса ранней ананьинской культуры шнуровой керамики – АКШК) // Поволжская археология. Казань, 2019. № 1(27). С. 121−135.
Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники, 2007. 224 с.
Перескоков М.Л. Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в пермском Прикамье. // Вестник пермского университета. Пермь, 2015. Вып. 1(28). С. 99−122.
Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березняки, 2001а. Вып.1. С. 10−19.
Формализованно-статистические методы в археологии: (анализ погреб. памятников) / В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков. АН УССР, Ин-т археологии. Киев: Наук. думка, 1990. 304 с.

REVISING THE APPROACHES TO LEARNING THE CERAMICS OF THE KAMA REGION: METHODOLOGICAL ASPECT

D. Yakimova

Perm State University, Perm
dollif55@gmail.com

Academic supervisor – PhD M. Pereskokov

Archeological ceramics is a diverse informative object. Its significance among archeological sources is generally accepted in archeology. Nowadays some researchers try to get information about the life of ancient population analyzing the ceramic material. This led to the formation of a number of approaches to the study of ceramics in archeology, among which V.F. Gening, Yu.A. Polyakova, A.N. Lepikhina, L.N. Ashikhmina, V.A. Ivanova et al. However, most of the works of the above authors are based on the methodology proposed by V.F. Gening in the 50-70s. XX century, which does not meet the requirements of modern science in full. The article considers the main available approaches to learning the ceramic complexes of the Kama region. Also modern methods of the ceramic material analysis are offered.

Keywords: ceramics, methodology, Glyadenovo culture, Ananino culture, ornamentation, vessel shape.

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

УДК 904

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДЕМЁНКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

А.В. Агеев

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
ilord.11@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. К.В. Моряхина

В данной статье будет рассмотрен ритуал погребения Демёнковского, Рождественнского, Баяновского, могильников. Так же приведены сведения из таблицы по погребениям Демёнковского могильника и обозначен ритуал погребения данного могильника.

Ключевые слова: погребальный обряд, Демёнковский могильник.

Демёнковский могильник находится возле села Ильинского, Ильинского района, Пермского края. Могильник располагается на коренном берегу р. Обва, в 0,3 км от д. Демёнки. Первые раскопки были проведены А.А. Спицыным в 1901 г., им было изучено 47 погребений. В 1953 г. изучение памятника проводится отрядом КАЭ ПГУ под руководством В.Ф. Генинга, в результате было исследовано 153 погребения. В последующем в 2007 г. исследования данного могильника были продолжены КАЭ под руководством А.Ф. Мельничука, им было изучено 25 погребений.

В.Ф. Генинг датировал могильник VI–X вв. Р.Д. Голдиной при изучении материалов раскопок памятников ломоватовской культуры данный могильник был определен как маркер Демёнковского этапа (VII–VIII вв.). А.Ф. Мельничук, обработав материал проведенных раскопок, соглашается с выводами Р.Д. Голдиной и указывает ту же датировку.

Цель данного исследования — рассмотреть погребальный обряд Демёнковского могильника и сравнить его с другими позднеломоватовскими памятниками.

Для того что бы рассмотреть погребальный обряд Демёнковского могильника нами была создана таблица по захоронениям на основе отчета В.Ф. Генинга 1953 г. и отчета А.Ф. Мельничука 2007 г. В таблицу вошло 178 захоронений. Таблица включает в себя следующие характеристики: ориентировка захоронения по сторонам света, размеры могильной ямы, положение костяка и заполнение могильной ямы, украшения, оружия, предметы быта, принадлежности конской сбруи.

На Демёнковском могильнике ориентировка очень разнообразна, но в большинстве случаев это С (41%), ССВ (21%), СВ (15%). Стоит отметить, что погребения ориентированы ногами к реке. Размеры могильной ямы встречаются разнообразные, но это связано с полом и возрастом покойного. Так средние размеры могильной ямы на Демёнках составляют по длине, ширине и глубине 120,5*48,4* 47,4 см. Самая длинная могильная яма имеет 270 см в длину. Самое широкое захоронение 150 см. Максимальная глубина же составляет 100 см.

Погребальный инвентарь данного могильника является очень разнообразным и богатым. Ножи встречены в 10,1 % всех погребений, найден был один меч (0,56 %), топоры в 2,2 %, кинжалы в 2,8 %, копья в 1,1 %, наконечники стрел в 3,9 %. Рассмотрим процент встречаемых украшений на могильнике. Так серебряные маски были встречены в 1,6 % погребений, украшения головы и шеи в 15,2 %, украшения рук в 14 %, нагрудные украшения встречены в 17,4 % погребений, самыми часто встречаемыми были украшения пояса, они встречены в 25,3 % погребений. Бусины встречаются очень часто, так они были найдены в 37,4 %

© Агеев А.В., 2020

погребений. Предметы быта в погребениях встречаются редко. Пряслица встречены в 3,4 % погребениях, найдено одно тесло. Найдено небольшое количество целых глиняных сосудов — в 7,3 % погребений. Фрагменты же керамики встречаются в 25,8% погребений. Принадлежности конской сбруи: удила 14%, стремена 2,8%, пряжки от поясов сбруи 12,4%, крючки 1,12%.

Положение костяка определить сложно, в связи с плохой сохранностью, но в части погребений это сделать удалось. Так, в 11,2%, погребениях покойный лежит на спине. В 8,98% погребений зафиксировано положение рук — вытянуты вдоль туловища. В заполнении могильной ямы уголь встречается редко — в 1,12 % погребениях. Возможно это обусловлено, тем, что на территории могильника находились отдельные жертвенные ямы, куда и помещался уголь, как часть культа огня [*Генинг,* 1964, с. 145–147].

Древесный тлен, от погребальных конструкций встречен в 3,9% погребений. Вероятно, это остатки гробовища.

В.Ф. Генинг в своей статье отмечает, что захоронения чаще всего одиночные, но встречаются парные и тройные. Так в мужские погребения клали орудия труда или оружие, конскую сбрую. В женских же чаще всего встречается глиняные пряслица, удила, ножи [*Генинг,* 1964. с. 96–106].

Погребальный обряд Демёнковского могильника имеет характерные черты позднеломоватовских могильников. Особенности погребального обряда позднеломоватовских могильников были выделены Р.Д. Голдиной. На памятниках фиксируются два обряда погребения: трупосожжение и трупоположение (исследователь указывает на то, что для Демёнковского характерно только трупоположение). Покойного клали в гроб-колоду. В погребениях встречаются кости животных, фрагменты керамики, орудия труда и оружие, богатые украшения костюмов. Ориентировка могильных ям разнообразна, но чаще всего встречается по направлению С-Ю, ногами к реке. На дне могил встречается уголь или углистые пятна (культ огня). Р.Д. Голдина отмечает, что в погребениях встречаются кости лошади (черепа, зубы) реже крупного рогатого скота. [*Голдина,* 1985, с. 29–34]. Если сравнить описание погребального обряда предложенного Р.Д. Голдиной, мы видим, что погребальный ритуал Демёнковского могильника соответствует данному описанию ломоватовских захоронений, кроме того случая, что кости животных почти не встречаются в погребениях. Кости найдены в жертвенных ямах.

Стоит учесть также материалы раскопок последних лет — Баяновского, Рождественского могильников. С 2005 г. ведутся раскопки на Баяновском могильнике под руководством А.В. Данича. Исследователь описывает погребальный обряд данного памятника следующим образом. Погребения совершены по обряду игумации. В захоронениях найдены небольшие фрагменты угля (культ огня). В погребениях обнаружен разнообразный вещевой материал. Для женских погребений характерны украшения: височные подвески, бусы, бронзовые подвески и привески, пронизки, браслеты. Для мужских захоронений характерен более скромный набор украшений, чем у женщин, а также предметы вооружения, такие как наконечники стрел, сабли, топоры, ножи, снаряжение коня, кресала и т.д. Ориентировка захоронений разнообразна, но в большинстве ССЗ-ЮЮВ (44,7%). На дне захоронений находят подстилку из речного песка. Погребальную конструкцию определить трудно, так как остается незначительный древесный тлен [*Данич,* 2016, с. 37–40]. Баяновский и Демёнковский могильники во многом схожи. Отличает эти могильники — наличие речного песка в захоронениях, чего нет на Демёнках, и для погребений Баяновского могильника характерно наличие угля в заполнении.

Немаловажными для нас будут материалы, собранные с Рождественского могильника. Могильник изучается экспедициями ПГГПУ с 1990 г. Н.Б. Крыласова и А.М. Белавин выделяют следующий погребальный обряд. Кости скелета сохраняются плохо, но можно с уверенностью сказать, что захоронение производили по обряду ингумации, так как не обнаружены кальцинированные кости, обожженный инвентарь или украшения. Ориентировка захоронений типична для данной стадии ломоватовской культуры (большинство ССЗ-ЮЮВ 59,5%). Обнаружены остатки погребальных сооружений во фрагментарной сохранности. К примеру, древесный тлен на стенках или дне могил, берестяное плетение. В засыпи на дне могил найдены мелкие угольки, что указывает на культ огня. Все изученные погребения

являются инвентарными, но разными по составу и количеству. Сопровождающий разнообразный материал в могильных ямах расположен так, как носился при жизни (орудия труда у ног, украшения в районах головы, пояса, шеи и рук, оружие у пояса или между ног). Найдены различные украшения подвески, привески, накладки, браслеты, перстни, бусы. Судя по описанию погребального обряда Рождественского могильника, в нем нет значительных различий с обрядом погребения Демёнковского могильника. [*Белавин, Крыласова,* 2008, с. 95–101]. Ориентировка совпадает, погребальные ямы по форме совпадают, по инвентарю который встречается в погребениях схожи, но в отличие от Демёнковского могильника, в погребениях Рождественского могильника встречаются в большом количестве ремесленные орудия.

При рассмотрении погребальных обрядов на могильниках, о которых говорилось выше, мы можем сказать о том, что Демёнсковский могильник, отнесенный Р.Д. Голдиной к Демёнковскому этапу, и датированный А.Ф. Мельничуком VII–VIII вв., имеют также схожие черты в обряде с поздними могильниками — ориентировка ям, внутримогильные конструкции, набор украшений. Но при этом на рассматриваемом памятнике в заполнении ям практически не встречается уголь. На наш взгляд, стоит придерживаться датировки, предложенной В.Ф. Генинга — VI–X вв. Для уточнения хронологии могильника необходимо рассмотреть классификацию и датировку материалов могильника (украшений, вооружения, орудий) и сравнить их с вещами других памятников.

Библиографический список

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.

Генинг В.Ф. Демёнковский могильник — памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 94–162.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Издательство Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Данич А.В. Исследование Баяновского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2016. Вып. XI. С. 36–43.

THE OBSEQUIAL RITES OF THE BURIAL DEMYONKOVSKY GROUND

A.Ageev

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm
ilord.11@mail.ru

Academic supervisor - PhD K. Moryahina

This article will consider the ritual of the burial of Demenkovsky, Rozhdestvensky, Bayanovsky, burial grounds. Information is also given from the table on the burials of the Demyonkovsky burial ground and the ritual of the burial of this burial ground is indicated.

Keywords: obsequial rite, Demenkovsky burial ground.

УДК 902.01

АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ, ОБНАРУЖЕННЫХ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

Е.С. Анисимова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
katya-anisimova1@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. Н.Б. Крыласова

Проведено исследование ареала распространения элементов поясной гарнитуры, обнаруженных на Рождественском могильнике. Выделены наиболее широко распространенные элементы поясной гарнитуры, а также элементы, характерные для Пермского Предуралья.

Ключевые слова: поясной набор, накладки, наконечники ремней, пряжки, Пермское Предуралье.

В эпоху Средневековья на территории Восточной Европы были популярны наборные пояса. Поясной набор включал пряжку, набор накладок пояса, охватывающего туловище, и набор накладок свисающего конца пояса, завершавшегося наконечником [*Крыласова, Подосенова, Сарапулов,* 2019, с. 56].

Поясные наборы имеют хронологическую изменчивость и тенденцию к формированию в определенные периоды на обширных территориях однотипных и одностилевых вариантов [*Рудковская,* 2009, с. 225].

У средневекового населения Пермского края наборные пояса были характерны как для мужчин, так и для женщин. Женские пояса отличало дополнение их привесками, которые были значительно богаче, чем на мужских поясах. В средневековье пояс использовался не только для подпоясывания одежды, к нему привешивали различные вещи, а также медальоны-коробочки, шумящие подвески, подвески-ложечки, амулеты [*Крыласова,* 2001, с. 80-90].

Одним из примеров концентрации различных видов поясных наборов является Рождественский археологический комплекс [*Крыласова,* 2018] в окрестностях с. Рождественск Карагайского района Пермского края. Центральный памятник комплекса – Рождественское городище – функционировал с рубежа IX-X до середины XIV вв. На Рождественском языческом могильнике наиболее изучена часть, существовавшая с момента возникновения городища до рубежа XI-XII вв., принадлежащая к ломоватовской культуре, где в значительной части погребений представлены поясные наборы. Городище являлось булгарской торгово-ремесленной факторией, где доказано проживание кроме коренного населения выходцев из Волжской Булгарии, Поволжья, с Чепцы, Выми и других территорий [*Белавин, Крыласова,* 2009, с. 6-20].

Мы рассмотрели 13 памятников, среди которых 8 могильников – это Сухой Лог (VIII-IX вв.) [*Голдина, Перевозчикова,* 2012], Демёнковский (VI-IX вв.) [*Генинг,* 1964], Баяновский (IX-XI вв.) [*Данич,* 2018], Плёсинский (IX-X вв.) [*Оборин,* 1960], Питерский (IX-XI вв.) [*Данич*, 2017], Огурдинский (X-XI вв.) [*Белавин, Крыласова,* 2012], Вак-Кур (XI-XII вв.) [*Турова,* 2016], Телячий Брод (XII-XIV вв.) [*Крыласова,* 2013], а так же 5 городищ – Редикарское (X-XI вв.) [*Белавин,* 2007], Саламатовское I (XI-XV вв.) [*Абдулова,* 2016], Рачевское (XI-XIV вв.) [*Крыласова,* 2014], Родановo (X-XIV вв.) [*Крыласова, Подосенова, Сарапулов,* 2019] и одно селище – Калинское (XI-XIII вв.) [*Шмуратко,* 2016].

Мы попытались определить хронологический диапазон распространения элементов поясной гарнитуры на территории Пермского Предуралья. Самыми распространенными накладками являются квадратные прорезные накладки (рис. 1, *1*), в меньшем количестве встречаются щитовидные гладкие тонкие накладки (рис. 1, *2*), которые фиксируются на

© Анисимова Е.С., 2020

большинстве памятниках Пермского Предуралья. Их использование в поясной гарнитуре относится еще к VIII-IX вв., когда такие элементы были обнаружены на территориях могильников Сухой Лог и Демёнковский в Пермском крае. Квадратные накладки такого типа были обнаружены в погребениях Плёсинского могильника IX-X вв. Коми-Пермяцкого округа. На Баяновском могильнике, датируемым IX-XI вв., обнаружены квадратные прорезные неорнаментированные накладки, или орнаментированные по периметру насечками, или со стилизованным изображением трилистника. Такие же элементы с более сложным узором были обнаружены и на Рождественском могильнике. Щитовидные накладки встречаются помимо этих памятников на Питерском и Огурдинском могильниках.

Так как Рождественский могильник функционировал с начала X в., то обнаруженные на его территории квадратные и щитовидные накладки можно отнести к началу этого периода на основе аналогий с сопричастных памятников.

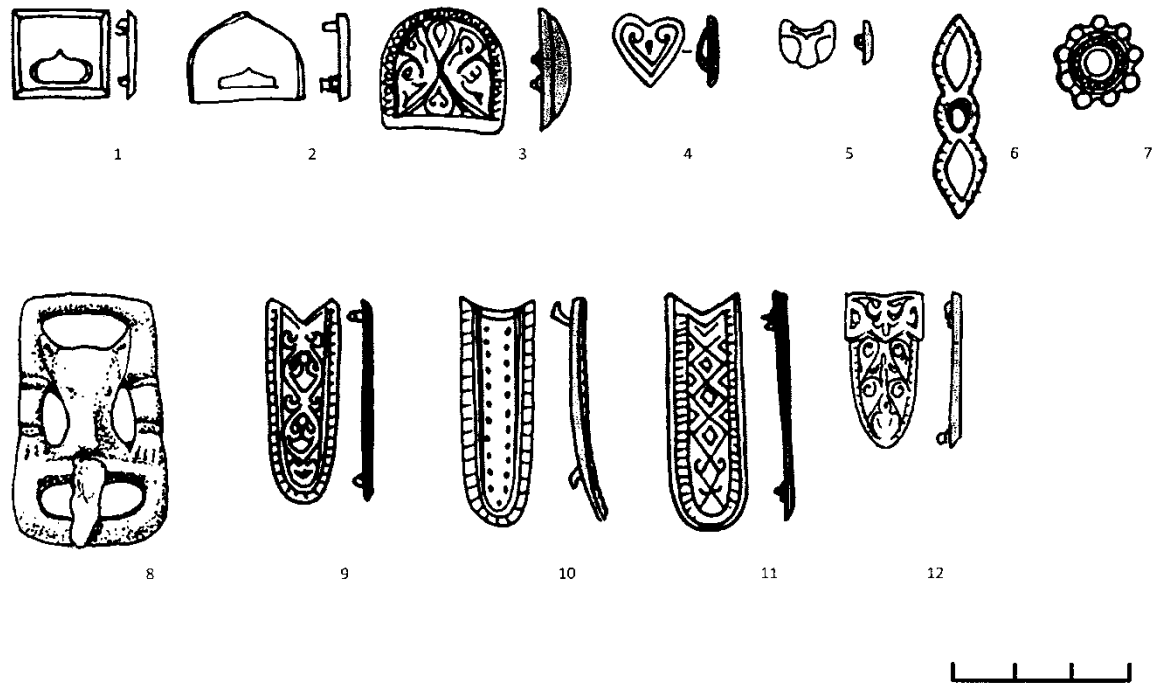


Рис. 1. Элементы поясной гарнитуры:
1 – квадратная накладка, 2 – гладкая щитовидная накладка, 3 – выпуклая щитовидная накладка, 4 – сердцевидная накладка, 5 – накладка с изображением мордочки животного, 6 – накладка в виде «бабочки», 7 – розетковидная накладка, 8 – пряжка с изображением медведя, 9 – наконечник с растительным орнаментом, 10 – наконечник с геометрическим орнаментом в виде продольных линий, 11 – наконечник с геометрическим решетчатым орнаментом в виде композиции из ромбов, 12 – наконечник с орнаментом в виде каплевидных фигур.

К промежутку X-XI вв. существования относятся Огурдинский и Питерский могильники. В это время появляются разнообразные формы элементов поясной гарнитуры, украшенные богаче. В моду входят щитовидные выпуклые накладки, украшенные пышным орнаментом (рис. 1, *3*). Они являются типично прикамскими и наиболее характерны для XI в. Квадратные накладки оформляются «Ж»-образным орнаментом. Подобные накладки обнаружены так же на Саламатовском I городище и Калинском селище. Сердцевидные накладки имеют широкий ареал распространения. В начале XI в. на привесках использовались миниатюрные сердцевидные накладки, украшенные трилистником или завитками (рис. 1, *4*). На привесках также использовались накладки, изображающие мордочку животного (рис. 1, 5). Из всех изученных памятников фигурные накладки в виде «бабочки» (рис. 1, *6*) встречаются только на самом Рождественском могильнике, на Огурдинском могильнике, а также аналогии

известны на Вак-Куре Тюменской области (XI-XII в.) [*Турова,* 2016]. Такие типы накладок функционировали в XI в. и характерны только для территории Зауралья и Пермского Предуралья. Розетковидные накладки (рис. 1, *7*) в основном распространены на территории Пермского края и в бассейне Выми, на других территориях встречаются единично [*Крыласова, Подосенова, Сарапулов,* 2019, с. 63]. Такие типы накладок обнаружены на Рождественском, Огурдинском, Питерском могильниках, на Редикарском городище.

Изменениям подверглись и наконечники ремней. Если в конце X в. используются наконечники в основном без орнамента, то с начала XI в. появляются наконечники, с геометрическим орнаментом в виде продольных линий (рис. 1, *10*), с геометрическим решетчатым орнаментом в виде композиции из ромбов (рис. 1, *11*), с орнаментом в виде каплевидных фигур (рис. 1, *12*) и наиболее часто с растительным орнаментом (рис. 1, *9*). Представленные наконечники встречаются практически во всех памятниках, относящихся к XI веку, за исключением Редикарского, Рачевского и Роданова городищ.

В погребениях Рождественского языческого могильника были обнаружены элементы поясной гарнитуры, выполненные в пермском зверином стиле. Находки представлены сравнительно небольшим количеством: 60 экземпляров накладок и 4 экземпляра пряжек. Наиболее характерным сюжетом является изображение медведя в ритуальной позе (рис. 1, *8*). Такие пряжки обнаружены на Рождественском, Огурдинском и Баяновском могильниках.

После середины XI в. продолжают сохраняться некоторые элементы поясной гарнитуры, возникшие раннее. Например, розетковидные накладки используются в рамках родановской культуры, что прослеживается по материалам могильника Телячий Брод, Саламатовского I городища, Калинского селища, Роданова городища, Рачевского городища. На этих же памятниках использовались щитовидные выпуклые накладки с пышным орнаментом, которые практически без изменений сохранялись вплоть до XIII в. Сердцевидные накладки также сохраняют свой растительный орнамент.

Наконечники ремней продолжали существовать в рамках родановской культуры и обнаружены на могильнике Телячий Брод, Саламатовском I городище и на Калинском селище.

На Рождественском могильнике обнаружено большое количество элементов поясной гарнитуры, которые имеют ареал распространения по всему Пермскому краю. Мы взяли памятники как синхронные IX-XI вв., так и более позднего времени, что помогло нам выделить основные элементы поясной гарнитуры, использовавшиеся вплоть до XIII в. Более ранние элементы поясной гарнитуры являются тонкими и хрупкими, а на рубеже X-XI вв. распространяются элементы более толстые, прочные и с пышной орнаментацией, что заметно на щитовидных, выпуклых накладках. В ходе исследования мы выделили группу фигурных накладок – это накладки-«бабочки», которые характерны для Пермского Предуралья, что дает возможность предположить развитие собственного орнамента и культуры на этой территории.

Библиографический список

Абдулова С.И. Отчет о раскопках Саломатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2015 году / Архив МАЭ ПГГПУ, 2016. 169 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса // Научный Татарстан. Вып. 2. Казань, 2009. С. 6-21.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: ПГПУ, 2012. 259 с.

Белавин А.М. Редикарский Археологический комплекс // Труды КАЭЭ. Вып. 4. Пермь, 2007. С. 23-50.

Генинг В.Ф. Демёнковский могильник – памятник Ломоватовской культуры // Вопросы Археологии Урала. Вып. 6. Свердловск, 1964. С. 91-162.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. Могильник Сухой Лог // Городище Лобач и его окрестности в эпоху Средневековья. Т. 23. Ижевск, 2012. С. 189-256.

Данич А.В. Элементы поясной гарнитуры (ременные пряжки) Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Труды КАЭЭ. Вып. 12. Пермь, 2017. С. 50-59.

Данич А.В. Отчёт о раскопках Баяновского могильника в Добряновском муниципальном районе Пермского края в 2018 году / Архив МАЭ ПГГПУ, 2018. 158 с.

Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2018 году / Архив МАЭ ПГГПУ, 2018. 77 с.

Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках селища и могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермской области в 2012 году / Архив МАЭ ПГГПУ, 2013. 152 с.
Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху Средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. Вып. 1. Пермь, 2019. С. 56-72.
Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рачевского городища в Карагайском районе Пермского края в 2013 году / Архив МАЭ ПГГПУ, 2014. 124 с.
Оборин В.А. Отчет о работе археологической экспедиции 1960 г. могильник близь д. Плёсо Гайнского района / Архив МАЭ ПГГПУ, 1960. 63 с.
Рудковская М.М. Семантика поясов и поясных наборов: историографическая традиция изучения // Вестник РУДН. Вып. 5. Москва, 2009. С. 225-231.
Турова Н.П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I-II тыс. н.э. из некрополя Юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2(33). Тобольск, 2016. С. 63-76.
Шмуратко Д.М. Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвенском районе Пермского края в 2015 году / Архив МАЭ ПГГПУ, 2016. 25 с.

AREA OF DISTRIBUTION OF ELEMENTS OF THE BELT HEADSET DETECTED AT THE ROZHDESTVENSKY BURIAL GROUND

E. Anisimova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
katya-anisimova1@mail.ru

Academic supervisor – professor N. Krylasova

A study was made of the distribution area of the elements of the waistband set found at the Rozhdestvensky burial ground. The most widespread elements of the belt headset, as well as elements characteristic of the Perm Urals, are highlighted.

Keywords: belt-set, flange sheets, tips of the belt, buckles, Perm Ural.

УДК 903.25

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА IX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ 2019 ГОДА)

А.Д. Бочкарева

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск
arina.b.l@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. И.В. Грудочко

Статья посвящена открытому в 2019 году погребению могильника Уелги из Южного Зауралья. Обнаружен богатый сопроводительный инвентарь интерес из которого представляет пояс с многочисленными серебряными накладками. На основании сопоставления с другими синхронными комплексами предпринята попытка выделить особенности стиля оформления поясных наборов в среде южноуральских кочевников IX в.

Ключевые слова: археология, Южный Урал, средневековья, Уелги, поясной набор, накладные бляхи, стиль.

Летом 2019 года продолжались раскопки на археологическом памятнике Уелги, который расположен в Кунашакском районе Челябинской области. За 10 лет исследований было

© Бочкарева А.Д., 2020

получено множество находок, особый интерес из которых представляют изделия из цветного и благородного металла. Как правило, это поясные и уздечные бляшки, остатки украшений одежды, оружия. Особое значение имеют неграбленные погребения, которые позволяют судить об облике материальной культуры того времени. Так, в последнем полевом сезоне было найдено захоронение с богатым инвентарем IX в., которое является объектом данного исследования. Цель работы заключается в характеристике стиля оформления поясных наборов кочевого населения Южного Урала IX в. на основе раскопок могильника Уелги в 2019 году и аналогичных комплексов сопредельных территорий.

Погребение выполнено под насыпью кургана 11 в глубокой яме. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад с незначительным отклонением к югу. Череп был повернут влево, лицом обращен на север. В головах было обнаружено три серебряные пластинки-скобки, украшавшие луку седла. В районе таза были найдены остатки пояса, состоящий из прямоугольных, сердцевидных и одной полуовальной бляшек. Сердцевидные бляшки представлены крупными и мелкими (трехчастными) формами. Некоторые прямоугольные бляшки снабжались дополнительным ремешком с тренчиком и мелкими наконечниками. Сердцевидные бляшки маленького размера лежали также в коленях и на ступнях ног. Между коленями обнаружен крупный наконечник ремня с фигурной прорезью (подробней об итогах исследования могильника Уелги см. статью Гавриша К.В. в этом сборнике).

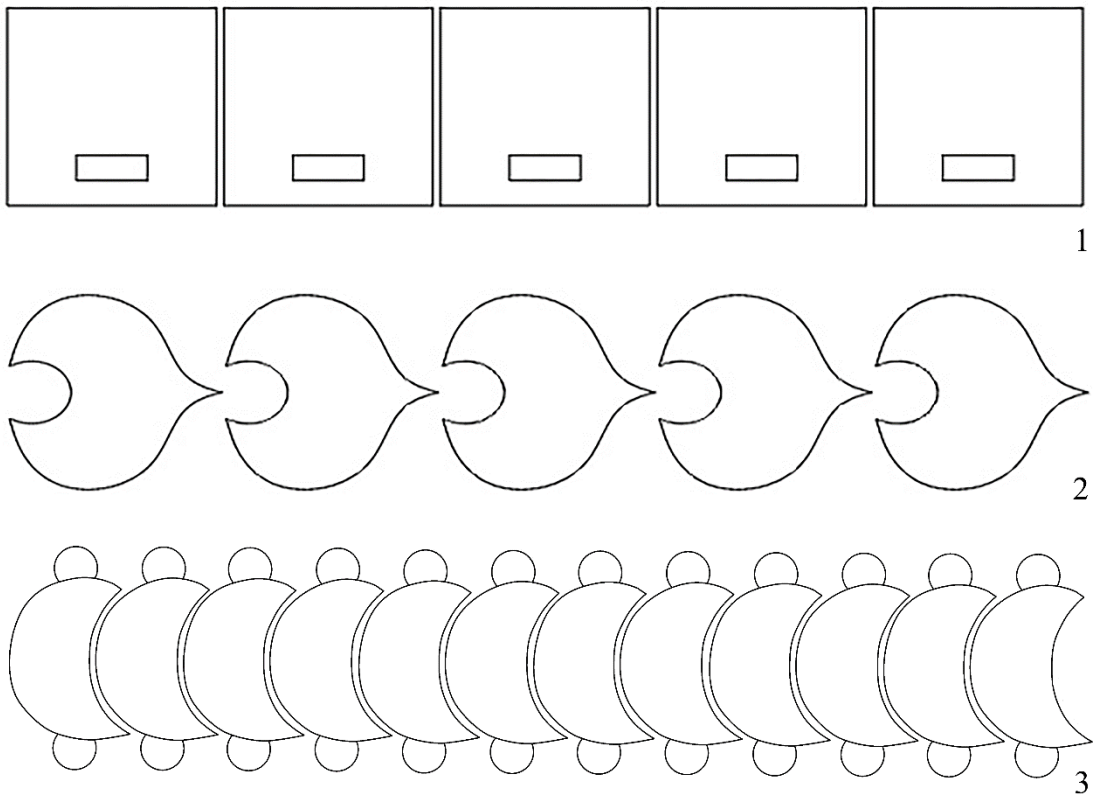


Рис. 1. Распространенные вариантры расположения накладок на поясах IX в. 1 – Тортоба, Курман, Ямаши-Тау, Хусаиново, I Бекешево, II Бекешево, Уелги; 2 – Хусаиново, Тамар-Уткуль, Уелги; 3 – Тортоба, Курман, Ямаши-Тау, Хусаиново, I Бекешево.

Приведем известные нам аналогии из памятников Зауралья и степного Приуралья. В том же могильнике Уелги уже были обнаружены похожие комплексы: детское погребение и захоронение лошади из соседнего кургана [*Грудочко, Газизова, Парунин*, 2018, с. 89, 90, 96, 98, рис. 3, 6]. Пояс из погребения Тамар-Уткуль в Оренбуржье состоял из 11 сердцевидных и 9 полуовальных с прорезью накладок. Возможно, к этому же кругу памятников следует относить

Яман [*Круглов*, 2019, с. 209, 210, 217, 218, рис. 1, 2]. Южнее, в Актюбинской области известно еще несколько памятников. В погребении Тортоба в большом количестве представлены подквадратные ременные бляхи с прямоугольной прорезью для подвесного ремня и бляшки-лунницы с «ушками» [*Бисембаев*, 2019, с. 157, рис. 14]. В комплексе Курман также были найдена прямоугольные и округлые неорнаментированные бляхи-оправы с прорезями [*Бисембаев*, 2019, с. 166]. Но наиболее близкие аналогии встречены памятниках Зауральской Башкирии. В поясах из могильников Хусаиново, Бекешево, Ямаши-Тау встречены сочетания прямоугольных, лунницевидных, сердцевидных и полуовальных блях, в некоторых случаях с полусферическими выступами [*Мажитов*, 1981, с. 30–68, рис. 13, 15, 18, 20, 21, 24, 26–31, 31а, 32, 34–36]. Данные комплексы А.В. Комар предлагает относить к «тюрко-приуральской» группе [*Комар*, 2018, с. 193]. Наиболее вероятна их датировка в рамках IX – начала X вв. [*Мажитов*, 1981, с. 124–126; *Круглов*, 2019, с. 211; *Грудочко* и др., 2018, с. 81].

На основе приведенных нами аналогий попробуем проследить общие черты украшения поясов и выделить особенности стиля IX в. (рис. 1). Прежде всего, отметим, что бляхи поясов не позолочены, лицевая сторона в основном гладкая, либо с нервюрой по центру. Обычные формы – прямоугольные, сердцевидные, полуовальные либо в форме лунниц. Накладки часто снабжались сквозной прорезью или полусферическими выступами. В прорезь мог помещаться дополнительный подвесной ремешок. На поясе бляшки крепились плотно друг к другу, их количество могло достигать более 20.

Судя по географии распространения данный стиль бытовал в лесостепном и степном Зауралье и Приуралье. В дальнейшем, после IX в., подобное оформление поясов постепенно исчезает, более популярны становятся уже позолоченные бляшки, лицевая сторона которых часто украшалась растительным орнаментом, реже с изображением животных, связанные с влиянием сросткинской культуры.

Библиографический список

Бисембаев А.А. К вопросу о древневенгерских памятниках в Западном Казахстане // III-й Международный Мадьярский симпозиум, Будапешт, 6–10 июня 2016 г. Будапешт, 2018. С. 149-170.

Грудочко И.В. Боталов С.Г., Газизова С.Р., Аттила Тюрк Хронология могильника Уелги (сравнение радиоуглеродных и археологических датировок) // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова. г. Уфа, 6-7 декабря 2018 года. Сборник материалов. Уфа, 2018. С. 78-84.

Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. Хронология и периодизация могильника Уелги // Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума. Археология евразийских степей. № 6. 2018. С. 89-104.

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт, 2018. 424 с.

Круглов Е.В. Выбор в пользу угро-мадьяр: Тамар-Уткуль (курган № 3) и Яман // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Научный альманах в честь археолога, историка, культуролога Юрия Анатольевича Прокопенко в связи с его пятидесятилетием Армавир-Ставрополь: Печатный Двор, 2019. С. 203-218.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

STYLE FEATURES OF CLOTHES ELEMENTS OF SOUTH URAL NOMADS IN THE IX CENTURY
(ON EXCAVATION MATERIALS OF UELGI BURIAL GROUND AT 2019)

A. Bochkareva

South Ural State University (national research university), Chelyabinsk
arina.b.l@mail.ru

Academic supervisor – PhD I. Grudochko

Article focuses on the opened at 2019 burial of the Uelgi burial ground from the South Ural. Rich accompanying inventory was found which most interested for a belt with numerous silver pads. Based on comparison with other synchronous complexes an attempt was made to highlight the design style features of belt sets among the South Ural nomads of the 9th century.

Keywords: archeology, South Ural, Middle Ages, Uelgi, belt set, patch plates, style.

УДК 903.59

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК УЕЛГИ: ИТОГИ 10-ЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К.В. Гавриш

Челябинский государственный университет, Челябинск
kristian.00@mail.ru

Научный руководитель – Е.О. Шиманский

В работе приводятся результаты изучения обширного могильного комплекса Уелги IX–XI вв., который является синкретичным и сооружался на протяжении трех веков. Стилистические группы могильника слагают три временных и культурных горизонта: самый ранний – это погребения начала IX–X вв., следующий – погребения с материалами 2-й – уралоказахстанской и 3-й – венгерской стилистических групп, относящихся к IX–X вв., самый поздний горизонт – погребениями урало-алтайской и угорской групп, относящимися к X–XI вв. Прослеживая динамику изменения этнокультурного облика населения Уелгинской долины, можно воссоздать картину зарождения южноуральских народов в эпоху развитого средневековья.

Ключевые слова: поясной набор, венгры, петрогомская группа памятников.

Курганный могильник Уелги находится в Челябинской области (Кунашакский район) в 8 км к СЗ от поселка Кунашак. Он занимает группу останцов межозёрной террасы озёр Сайгерлы и Уелги, в основном сосредоточен на двух наиболее выдающихся возвышенностях. За время исследований могильника Уелги (2010-2018 гг.) было раскопано 19 курганов и более 100 погребений. Категории находок включают ременные и другие украшения – из цветного и благородного металлов, предметы конской упряжи, вооружение, керамика. Подавляющее количество находок, как и остатки ритуальных действий (кости животных, угли, дерево) залегали в верхних слоях, как свидетельство неоднократных ограблений. Только после получения новых материалов после 2015 года стало возможным определить последовательность развития могильника и выделить раннюю и позднюю его часть. Описание будет касаться лишь целых, неграбленых комплексов, которые залегали под курганами 11, 14, 32, находящихся в центральной части могильного поля.

Могильник Уелги относится к IX–XI вв. и является разнокультурным. Сооружение некрополя продолжалось почти три столетия. Стилистические группы могильника слагают три временных и культурных горизонта: самый ранний, располагающийся в седловиной части могильника – это погребения начала IX–X вв., следующий горизонт составляют погребения с материалами 2-й – уралоказахстанской и 3-й – венгерской стилистических групп, относящихся к IX–X вв. и наиболее поздний горизонт представлен материалами урало-алтайской и угорской (петрогромско-юдинской) группами, относящимися к X–XI вв. [*Боталов,* 2001; *Боталов,* 2013].

Женское погребение (№ 1) в насыпи кургана 9. Оно было совершено в верхней части насыпи и являлось впускным. Был расчищен частично разрушенный костяк (верхняя часть). Это была женщина старше 55 лет, при ней были обнаружены остатки богатого костюма: головной убор, вероятно, налобный венчик, с билунницевидными накладками, прикрепленными на кожу и затем на берестяную полоску. Сверху, на бляшках, сохранился фрагмент грубого текстиля (савана). У висков с обеих сторон черепа – по плоской серьге. В области шеи обнаружены бусины, бубенчики и серебряная сердцевидная подвеска. Комплект бус составляет 20 экземпляров: 4 костяных, 8 каменных, 8 стеклянных (2 розовые и 6 голубые) [*Боталов*, 2018; *Грудочко, Газизова, Парунин,* 2018].

© Гавриш К.В., 2020

Кроме того, было обнаружено и описано погребение коня (курган 32, погребение 3) [*Боталов*, 2018; *Грудочко, Газизова, Парунин*, 2018].

Воинское погребение (курган 11, погребение 1) было совершено в неглубокой яме, глубиной около 17 см. Камера была ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ и имела подпрямоугольные контуры с дуговидными выступами в длинной северной и восточной стенке. На дне обнаружен костяк взрослого человека, который лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на ЗСЗ. Череп повернут к левому плечу, лицевой стороной на север. Между ребрами и локтевым суставом правой руки лежали наконечники стрел – 5 железных и 1 костяной. Ниже расчищено скопление сердцевидных бляшек, 2 распределителя ремня, пряжка и ременные наконечники с частично сохранившимися кожаными ремешками, вероятно, от колчана и стрелкового пояса. У бедра лежали три накладки на лук. Между бедренными костями – ряд сердцевидных накладок с серебряной пряжкой на конце, вероятно, остатки сумочки. Справа у ног лежали удила с железным стержневым и костяным псалиями и железный нож. На коленном суставе левой ноги – стремя. Весь комплект, вместе с восьмерковидным стременем, можно условно обозначить как сросткинский, поскольку имеет довольно четкие алтайские параллели [*Боталов*, 2018; *Грудочко, Газизова, Парунин*, 2018].

Воинское погребение (курган 14, погребение 1) совершено в яме подпрямоугольной формы, глубиной 23 см, ориентированной по линии ЮЗ – СВ. Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой на ЮЗ. Череп повернут к левой ключице, лицом обращен на север. Вдоль левой бедренной кости лежала бедренная кость лошади, рядом с которой – железный нож. У правого плеча расчищено скопление железных и костяных наконечников стрел, а у правого предплечья – две костяные срединные накладки на лук. Справа от ног находились железные удила с костяными псалиями, а у головы – фрагмент керамики. Между коленями расчищена бляшка [*Боталов*, 2018; *Грудочко, Газизова, Парунин,* 2018].

Погребение лучника (курган 32, погребение 16) совершено в яме глубиной 75 см, Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Возраст погребенного – старше 50 лет. В ногах сосуд и несколько костей животных, в изголовье – крупная кость животного. Сопроводительный инвентарь: лук, от которого сохранилось две срединные трапециевидные накладки у левого бедра, на груди - 5 железных и 1 костяной наконечники стрел и мелкие фрагменты костяных пластинок от оправы декоративных элементов колчана. На животе лежал железный колчанный крюк, в левой стороне таза расчищены три железных кольца с пластинами-обоймами – остатки стрелкового пояса. На пальце правой руки – железное колечко, предположительно, приспособление для спуска тетивы. В районе бедра правой ноги – бусина [*Боталов*, 2018; *Грудочко, Газизова, Парунин,* 2018].

Погребение (погребение 5 детское) совершено в яме глубиной 20 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Череп частично развален, расчищены кости ног, рук и черепа. Возраст приблизительно 14-17 лет. Со стороны левого бедра – стремя, между ног расчищены 2 объекта.

Погребение (погребение 6) совершено в яме глубиной 80 см, не разграблено. Погребенный лежал в деревянной «домовине» вытянуто на спине, головой на запад. Лицевая часть черепа повернута на север. Скелет хорошей сохранности, расчищены кости черепа, позвоночника, рук, ног, таза. В ногах погребенного находился керамический сосуд и в качестве ритуальной пищи крупная кость животного (коня), в голове – седло и серебряная серьга. Сопроводительный инвентарь: с правого бока лежал меч, в районе правого плеча – стрелы и колчанный крюк; с левого бока обнаружен кинжал. В районе талии – серебряный пояс с накладками и с частично сохранившейся тканью и кожей. На пальце правой руки – серебряный перстень. Погребенный, судя по богатому сопроводительному инвентарю, имел высокий социальный статус.

Рассмотренный погребальный комплекс Уелги является синкретичным объектом, его разнокультурность складывалась и развивалась на протяжении почти трех столетий. Стилистические группы могильника слагают три временных и культурных горизонта. Наиболее ранний – южноуральские погребения начала IX–X вв., следующий горизонт – погребения 2-й – урало-казахстанской и 3-й – венгерской стилистических групп IX–X вв. и

наиболее поздний горизонт представлен погребениями урало-алтайской и угорской групп, относящимися к X–XI вв.

Таким образом, результаты анализа материалов исследованного комплекса Уелги, указывают на то, что в недрах этого некрополя закладывался своеобразный алгоритм сосуществования различных этнических групп, как ранее обитавших на необъятных просторах урало-казахстанских степей и зауральской лесостепи, так и племен, пришедших из предгорий Алтая и западносибирских лесов. В итоге этих взаимодействий началось формирование облика многих современных народов Урала, Поволжья, Казахстана и основы венгерского этноса, переселившегося впоследствии в далекие пределы Восточной Европы.

Библиографический список

Боталов С.Г. Южное Зауралье в эпоху средневековья // Древняя история Южного Зауралья. Т.2. Челябинск, 2001. 494 с.

Боталов С.Г. Проблема Уральской Правенгрии в свете новых открытий на погребальном комплексе Уелги // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 1. 197 с.

Боталов С.Г. Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги // IV-й Международный мадьярский симпозиум (Казань, 15−19 октября, 2018 г.). С. 13−34.

Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. Хронология и периодизация могильника Уелги // IV-й Международный мадьярский симпозиум (Казань, 15−19 октября, 2018 г.). С. 89−104.

MEDIEVAL BURIAL GROUND UELGI: RESULTS OF 10 YEARS OF RESEARCH

V. Gavrish

Chelyabinsk state University, Chelyabinsk
kristian.00@mail.ru

Academic supervisor – E. Szymanski

The paper presents the results of the study of the extensive burial complex Uelgi 9-11 centuries, which is syncretic and was built over three centuries. Stylistic groups of the burial ground lay in three time and cultural horizons: the earliest is the burial of the beginning of the 9-10 centuries, following the burial of materials of the 2nd – 3rd Hungarian-stylistic groups of the 9-10 centuries, and the late horizon of the burials of the Ural-Altai and Ugric groups belonging to the 10-11 centuries. Tracing the dynamics of changes in the ethno-cultural appearance of the population of the Uelga valley, it is possible to recreate the picture of the origin of the South Ural peoples in the middle Ages.

Keywords: belt kit, Hungarians, Petrovskaya group of monuments

УДК 902

НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ ИЗ БОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКАМЬЯ

А.И. Галимов

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
ainurnur494@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

В статье рассматривается типология болгарских наконечников копий домонгольского периода X-XIII вв., найденных на территории Прикамья. Вещественными источниками послужили

© Галимов А.И., 2020

находки из Елабужского, Кирменского городищ, Измерского селища и др. Данные находки говорят о достаточной прогрессивности типов копья у болгар, особое внимание уделяется кавалерийским пикам, взаимосвязи развития копья и защитного вооружения, а также теме идентичности некоторых болгарских копий с копьями восточных славян.

Ключевые слова: Волжская Болгария, городище, кавалерия, пехота, защитное вооружение, оружие, наконечники копий, пики.

В Волжской Болгарии, также как и в других государствах, копьё, как оружие ближнего боя, получило наибольшее распространение в сравнении с другими типами оружия ближнего боя. Копье - колющее древковое оружие, состоящее из железного наконечника и деревянного древка. Наиболее архаичные копья представлены ещё в нижнем палеолите. Копье инструмент простейшей конструкции, но при этом сохраняющее эффективность, как в сражении, так и в быту. Многофункциональность и простота копья стали причиной его массового распространения по всему миру. Копья представляют собой оружие для поражения противника, как на средней, так и на ближней дистанции. Особую группу копий представляют собой метательные, которые позволяли поражать противника на расстоянии. Этому способствовали относительно небольшие размеры наконечника и древка (около 1,5 м) [*Измайлов,* 2008, с. 46]. Несмотря на все разнообразие типов наконечников копий, их главной чертой оставалась многофункциональность, а различия в основном были в особенностях его поражающего действия, например, для граненых пик и узколезвийных копий присущи эффективность ударно-колющего действия, а для широколезвийного копья и рогатины - эффективность колюще-режущего действия. Копья разграничивают на пехотные и кавалерийские, исходя из длины и толщины их древка. Толщина древка пехотных копий увеличивалась (в XII-XIII вв. обычно 3-3,5 см, иногда 5 см), об увеличении толщины древка говорит диаметр втулки, а длина, вероятно, была в пределах 1,5 - 3 м. Копьё конного воина при толщине 2,5 - 3 см достигало длины 3,6 м. [*Измайлов,* 2008, с. 47].

Согласно А.Н. Кирпичникову, пики служили в основном кавалерийским оружием, в силу своей маневренности и были рассчитаны на пробивание доспехов. Эволюция копья у волжских болгар, продолжается всё домонгольское время. Это развитие в основном заключалось в появлении копий с хорошей проникающей способностью, для нанесения мощных ударов об броню, при условии, что само копьё выдержит удар. Расцвет пик приходится на вторую половину XII - первую треть XIII вв., так как стремительно развивается защитное вооружение, оно становится более надежным, появляется необходимость в новых вариациях копий. Часть наконечников увеличивается в длине, а другие становятся узкими пирамидальными. Все эти подтипы отличаются граненым подквадратным сечением, втулка заметно расширяется, а плечики или исчезают, или становятся низко опущенными, что укрепляет шейку, делает ее конструкцию более надежной [*Измайлов,* 2008, с. 49]. Благодаря этим изменениям, пики в конце XII - XIII вв. становятся ведущим кавалерийским оружием, которое было предназначено для мощного таранного удара копьем. Болгары, перепробовав множество вариантов типов копий, остановились на трех типах: широкие удлиненно-треугольные, удлиненно-листовидные и лавролистные рогатины. Их модификации позволяли воинам успешно бороться как против защищенного доспехами пехотинца, так и против всадника. Тогда же, появляются метательные копья, позволявшие пехоте поражать противника на расстоянии. Довольно интересно то, что прослеживается сходство копейного арсенала Волжской Болгарии с копьями Руси, особенно с южными княжествами.

О сходстве наконечников пишет Е.П. Казаков. Описывая копья II подгруппы, он проводит сравнения болгарской пики из Измерского селища и русской пики из раскопок Изяславля, которые проводились А.Н Кирпичниковым, в обоих случаях просматривается схожесть размеров, идентичность перьев и т. д. [*Казаков,* 1991, с. 99-100]. Эти изменения говорят о возрастании роли кавалерии, что вызвано постоянными контактами с кочевниками, чьё войско в основном состоит из конных воинов. Еще одна причина - усиление защитного вооружения, которому кавалерия противопоставляет довольно эффективный таранный удар копьём. Эти изменения присущи и для Руси и для Волжской Болгарии, даже основной период распространения пики в обоих случаях примерно совпадают, это конец XII - XIII вв. для Волжской Болгарии и первая половина XII - XIII вв. для Руси.

На территории Волжской Болгарии найдено множество наконечников. При археологических исследованиях 1994 г., проводимых на прилегающей к Елабужскому городищу с юго-востока территории был обнаружен железный наконечник копья с длинным узким шпилевидным пером, четырехгранным в сечении и с воронкообразной втулкой [*Нигамаев,* 2005, с. 25]. Общая длина наконечника 18 см, длина пера 13 см, максимальная ширина пера 2 см, длина втулки 5 см, диаметр 2 см. Такие наконечники называют обычно пиковидными [*Нигамаев,* 2005, с. 25] и датируют в пределах XI – XII вв. В культурном слое и сооружениях Кирменского городища обнаружено значительное количество находок, на основе которых можно создать общее представление об особенностях материальной культуры населения. Среди них имеются предметы вооружения и конского снаряжения (железные наконечники стрел, наконечники копий, детали удил, пряжки различных типов и пр.) [*Нигамаев,* 2004, с. 17].

Подводя итог, можно сказать, что большая часть из учтенных наконечников копий, относится к наиболее прогрессивным типам в среде болгарского населения. Большее распространение приобретают пики - специализированное оружие всадников. Это говорит об увеличении роли конницы в военном деле региона в XI - XIII веках, так как Волжская Болгария была вынуждена, противостоять набегам кочевников, в чьих войсках основой была кавалерия. Схожесть болгарских наконечников копий со славянскими говорит о существовании торговли между Волжской Болгарией и славянскими княжествами, а также о том, что между ними часто происходили военные столкновения. Развитие копья говорит также и о развитии кузнечного дела в Волжской Болгарии и богатстве её материальной культуры.

Библиографический список

Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Таткнигоиздат, 2008. 206 с.
Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Таткнигоиздат, 1991. 176 с.
Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
Нигамаев А.З Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: К вопросу о своеобразии материальной культуры населения: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории АН Татарстана. Казань, 2004. 26 с.

SPEARHEADS FROM THE BULGARIAN SITES IN THE KAMA REGION

A.Galimov

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
ainurnur494@gmail.com

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

Article about the typology Bulgarian tips of copies of the pre-Mongol period (X - XIII centuries) from Bulgarian archaeological sites in the Kama region, such as the Elabuga settlement, the Kirmensky settlement, the Izmery village, etc. These findings indicate the sufficient progressiveness of the types of spears among the Bulgarians, special attention is paid to cavalry lance, the relationship between the development of spears and protective weapons, and also touches on the identity of some Bulgarian spears with spears eastern slavs.

Keywords: Volga Bulgaria, hillfort, cavalry, infantry, protective armament, weapons, spearheads, lance.

УДК 902

БОЛГАРСКИЕ ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

Р.И. Гарипова
Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
reginarina208@mail.ru

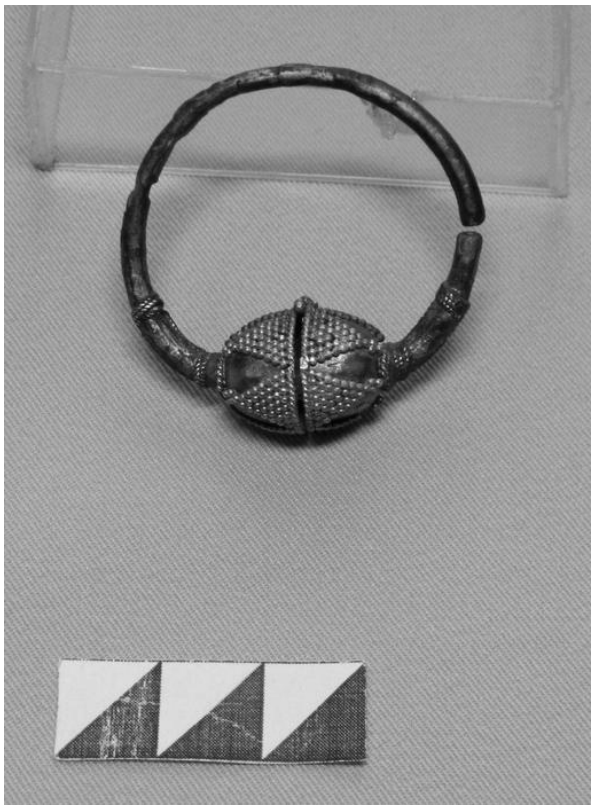
Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

В статье рассмотрены болгарские височные украшения домонгольского и золотоордынского периодов и их техника выполнения; проведён сравнительный анализ изделий. Дана характеристика ювелирных украшений Волжской Болгарии, а именно височных колец, в домонгольский и золотоордынский периоды, найденных в городах - Елабуга и Болгар.

Ключевые слова: Волжская Болгария, Болгар, Елабуга, находки, височные украшения, кольца, подвески.

Волжская Болгария - государство, существовавшее в X – начале XIII вв. в Среднем Поволжье. Болгарское ханство оставило яркий след в культурно-историческом наследии России. Её выгодное географическое расположение, на месте слияния двух крупнейших рек Восточной Европы – Волги и Камы, способствовало развитию торговых, экономических и политических связей, и активному культурному обмену изделиями, технологиями, идеями. Важную роль в истории государства играли такие города как Биляр, Болгар, Сувар, Джукетау. Наибольший расцвет Волжской Болгарии совпадает с появлением и расцветом другого влиятельного государства - Золотой Орды (Улуса Джучи). Период подъёма происходит после нашествия в 1236 г. на Волжскую Болгарию, город Болгар становится «золотым троном» ханов Золотой Орды и центром болгарских земель. С приходом завоевателей складывается новая синкретичная культура, изменяются вкусовые предпочтения городского населения. В период её существования происходили основные процессы преемственности и развития разных ремёсел, в том числе и ювелирного дела.

На сегодняшний день мы можем изучать болгарские ювелирные украшения, находящиеся в государственных музеях, частных коллекциях Поволжья и фондах культурного наследия, где хорошо представлены изделия Закамья. Для анализа были взяты материалы из таких городов, как Болгар и Елабуга. В статье мы рассматриваем домонгольские, болгарские, золотоордынские периоды. В современной археологии нет точного определения понятию «височные украшения» и разными исследователями оно трактуется по-разному. В одних источниках понятие «височные украшения» сопоставляют с понятием «височные кольца», в других источниках это понятие включает в себя несколько категорий материальной культуры, которые носились на висках в качестве украшений головного убора. Например, Н.Б. Крыласова в своих исследованиях, посвященных прикамскому костюму эпохи средневековья, делила височные украшения на 3 группы: височные кольца, подвески и монеты. В данной работе мы будем рассматривать височные украшения, как, простые ювелирные изделия кольцевидной формы, украшенные различными привесками.



Височные подвески можно классифицировать, используя разные подходы.

Так, в этнографии принято деление украшений по назначению: головные и шейно-нагрудные. Головные в свою очередь делятся на группы по месту расположения: накосные, наушные, височные, налобные. Также систематизация идёт по другим признакам: общему контуру, конструкции, характеру изготовления, ширине, сечению [*Валиуллина,* 2005, с. 186].

Интересные исследования проводились на территории, прилегающей к Елабужскому городищу с юго-востока. В 1994 г. были обнаружены останки женского захоронения с украшениями, состоящими из двух медных шумящих подвесок и серебряного височного кольца с шаровидной пронизкой. Подвески по мнению Е.П. Казакова, имеют аналогии в угорском мире. По мнению автора, шумящие подвески такого типа более характерны для бассейна р. Чепца. Височное кольцо принадлежит к характерным изделиям болгарских ремесленников XI в. [*Нигамаев,* 2005, с. 87].

Также исследования проводились на территории болгарского городища - раскоп № 179 2015 г. Было найдено 4 подвески. Одна чёрного цвета в форме капли, две подвески «птички» бирюзового глухого цвета, одна цилиндрическая подвеска с цилиндрическим ушком, выполненная в технике «миллефиори» [*Руденко,* 2011, с. 26]. Стратиграфия находок стеклянных изделий на Болгарском городище заставляет относить большинство их к золотоордынскому периоду (XIII – нач. XV вв.). В среднем размер височных изделий - 12 см, вес – 20-30 г, диаметр дужки кольца – 4–5 см. Такого рода украшения использовались и как серьги, и как височные подвески, а также в качестве декоративного украшения головного убора. Мастера дополняли височные кольца шумящими привесками, основа часто украшалась орнаментом. Также широко распространены предметы с изображением голов животных, птиц или фантастических существ. Принадлежность их к женскому головному убору или прическе не вызывает сомнений. Что касается причёсок, то для болгар были типичны – бритые головы у мужчин [*Плетнёва,* 1997, с. 34] и длинные волосы у женщин, которые стягивались на лбу специальной повязкой, и переходили в косы. Косички были длиной до пояса, их количество доходило до семи. На концах они были туго перетянуты [*Магомедов,* 1975, с. 278].

Хотелось бы также рассмотреть, известные нам болгарские золотые изделия, подходящие к золотоордынскому периоду по их датировке. Учитывая, что в болгарских могильниках золотые украшения встречались довольно редко. Следует отметить, что естественных источников золота и серебра в Волжской Болгарии не было, и сырье для их изготовления было привозным. Изготавливали височные колечки методами литья, штамповки и комбинирования. Декорировали техниками зерни, скани, вставками из драгоценных камней или сердоликовых бус. К примеру, филигранные височные подвески изготавливались с помощью нескольких поочерёдных приемов, отработанных именно на золотых украшениях.

Височные подвески обычно делали из перекрученной проволоки с нанесением тонкой скани; или на колечки добавляли небольшую напускную бусину. Такие подвески довольно многочисленны в средневековых древностях Болгарского ханства и изготавливались из меди, бронзы и серебра. В редких случаях изготавливались височные филигранные украшения из самородного золота с изображением птицы.

Подводя итог можно сделать вывод, что большая часть ассортимента золотых украшений домонгольского времени полностью выходит из употребления к концу XIII в. и заменяется новыми типами изделий, связанными в большинстве своем с унифицированной модой золотоордынского государства. Утрачиваются сложные технологии изготовления украшений в скано-зерневой технике, как и популярное на протяжении двух столетий ажурное плетение из серебряной и золотой проволоки. Инновации во многом были обусловлены не развитием местных ювелирных традиций, а заимствованием уже готовых форм и приемов. После завоевания Волжской Болгарии, город Болгар благодаря своему расположению на слиянии Волги и Камы становится первым крупным центром нового государства – Улуса Джучи. Таким образом, Волжская Болгария с одной стороны, в определенной степени стала местом концентрации привозных изделий, с другой – своеобразным центром «изменения» предметов, о чем говорят находки как импортных, так и созданных на их основе подвесок. Доказательством этого служат наличие определенного набора деталей и признаков, не характерных для

привозных изделий, но примененных в данном регионе: следы брака и ремонта; находки ювелирного и бронзолитейного инструментария и литейных форм.

Библиографический список

Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань: Татарское книжное издательство, издание второе, дополненное, 2002. 104 с.
Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005. 280 с.
Золото и серебро Казанских татар. Из собраний Национального музея Республики Татарстан. Казань: Заман, 2002. 207 с.
Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Казань: Издательство Казанского Университета, 2005. 165 с.
Руденко К.А. Булгарское золото. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.
Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 625 с.

BOLGAR TEMPLE JEWELS IN GOLDEN HORDE AGE

R. Garipova
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
reginarina208@mail.ru

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

In this article the Bulgarian temporal ornaments of the pre-Mongolian and Golden Horde periods and their technique are considered; the comparative analysis of products is carried out. The article carries the characteristic of jewelry of Volga Bulgaria, namely temporal rings, in the pre-Mongolian and Golden Horde periods, found in the cities - Elabuga and Bulgars.

Keywords: Volga Bulgaria, Bolgar, Elabuga, temporal ornaments, rings, pendants.

УДК 902

ТЕХНИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА СООРУЖЕНИЙ XII – XIV ВЕКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Ю.Д. Гончаренко
Астраханский государственный университет, Астрахань
jyriyGo@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.В. Васильев

В статье рассматриваются техники возведения сооружений. Изучаются фундаментные траншеи и их заполнение, применение вторичных обожжённых кирпичей, каркас с сырцовыми кирпичами, турлучные конструкции и перекрытия.

Ключевые слова: Самосдельское городище, город Саксин, архитектура, строительство, сооружения, фундамент, перекрытия, сырцовый кирпич

Самосдельское городище расположено в дельте Волги, оно известно как археологические остатки города Саксина XI - XIV вв. В слоях, соответствующих периоду XI - XIII вв. при возведении сооружений используются оригинальные строительные техники. Настоящая статья посвящена их подробному рассмотрению.

Начнем с фундаментных траншей, которые в Нижнем Поволжье встречаются только на Самосдельском городище. Так, сооружение № 9 на раскопе №1 было возведено на фундаменте из перемешанного и просеянного культурного слоя, который был замешан с водой и залит в

© Гончаренко Ю.Д., 2020

специально прорытые траншеи. Траншеи имели ровное дно и ровные стенки. Стенки траншей были предварительно оштукатурены (толщина штукатурки 3-8 см) таким же раствором, чтобы рыхлое окружение не осыпалось внутрь траншей. Затвердевший раствор, залитый в траншеи, служил более надёжной базой для стен, чем рыхлое пожарище, которое могло осесть под их тяжестью [*Зиливинская,* 2012, с. 19].

Такие же траншеи были зафиксированы на раскопе № 2. В данном случае они выкопаны для устройства фундаментов стен сооружения №5 – большого многокомнатного дома из сырцового кирпича, который был построен примерно в середине - конце XI века и продолжал существовать вплоть до раннего золотоордынского времени [*Васильев,* 2012, с. 38], а также для строительства стен сооружения № 27, примыкающего к сооружению № 5 [*Васильев,* 2012, с. 41] и сооружения № 52, которое предположительно является остатками мечети.

Глинобитный фундамент, впервые зафиксированный на Самосдельском городище, не имеет аналогий (в Золотой Орде не фиксировался, за исключением нескольких мавзолеев [*Блохин, Яворская,* 2005, с. 151] и является ранним строительным приёмом – фиксируется на рубеже XI – XII веков.

При возведении сооружений часто употребляли цельные, обожжённые кирпичи вторичного использования. Их использовали для:

1) Кирпичных цоколей – обломочный кирпич клали ровными краями наружу (сооружение № 25, раскоп 2). Применялись многослойные кладки (в 10 слоёв) с соблюдением перевязки. В сооружениях на раскопе № 3 зафиксирована кладка из кирпичей в два ряда.

2) Комбинированной кладки - при возведении углов в сооружении № 9 на раскопе № 1 был использован цельный кирпич с заполнением стен сырцовым кирпичом.

3) Часто кирпич применяли для облицовки сооружений снаружи и изнутри – например, борта землянки № 1 на раскопе № 1 были облицованы обломками кирпича [*Зиливинская,* 2012, с. 16]. Сооружение № 25 с раскопа № 2 облицовывалось снаружи. Сооружение № 5 на раскопе № 2 было облицовано только с внутренней стороны (другая сторона стены примыкала к соседнему зданию). Наружная и внутренняя кирпичная облицовка штукатурилась глиной – снаружи для защиты от осадков (как в сооружении № 9 на раскопе № 1), внутри – против отсыревания (сооружение № 5 на раскопе № 2 и землянка № 1 с раскопа № 1).

Часто применялась кладка из сырцового кирпича (Сооружения № 5, 25, 27, 28, 29, 48 на раскопе № 2). Сырцовый кирпич представлял собой квадрат 22х22х4 см из хорошей глины желтого цвета с примесями навоза. Использовалась кладка как в один ряд, так и в два-четыре ряда.

Примечательно, что в ряде сооружений на сырцовых стенах встречаются столбовые ямки, оставшиеся от деревянного каркаса. Рама-каркас заполнялась сырцовой кирпичной кладкой в горизонтальные или вертикальные ряды. Для укрепления в основу часто вставлялись вертикальные брусья, промежутки между которыми и заполнялись кирпичами (сооружение № 25 на раскопе № 2). Промежуток между каркасом и внутренней обкладкой заполнялся камышом (сооружение № 9 с раскопа № 1).

Часто на земле встречаются столбовые ямки, оставшиеся от турлучных конструкций (сооружения № 31, 37, 50, 54, 57, 61 с раскопа № 2).

Что касается перекрытий, то можно выделить плоское перекрытие, когда на возведённые стены кладется горизонтальное деревянное перекрытие – каркас, поверх которого укладывались слои соломы, обмазанной глиной. Иногда такие крыши используются как дворы для хранения больших ёмкостей - хумов (Сооружение № 27 на раскопе № 2). В таком случае мы вправе предполагать наличие люка – светового отверстия в потолке, через который также осуществлялся выход на крышу. Также реконструируются двускатные и шатровые перекрытия. В таком случае в центр жилища ставится столб, на который опирается продольная перекладина (если крыша двускатная), или диагональные перекладины от углов (если крыша шатровая). На каркас из перекладин укладывались вязанки тростника или соломы.

Некоторые подобные техники применялись и в Золотой Орде, например, возведение фахверковых сырцовых стен на деревянном каркасе [*Блохин, Яворская,* 2005, с. 149],

кирпичные цоколи [*Блохин, Яворская,* 2005, с. 151], турлучные конструкции [*Блохин, Яворская,* 2005, с. 154].

Библиографический список

Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе №2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань: Издательство «Астраханская цифровая типография», 2012. 169 с
Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Повложья. Волгоград: Изд. ВолГУ, 2005. 268 с.
Зиливинская Э.Д. Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. Астрахань: Издательство «Астраханская цифровая типография», 2012. – 169 с

BUILDING AND CONSTRUCTION TECHNIQUES OF THE XII - XIV CENTURIES BASED ON THE MATERIALS OF SAMOSDELKA HILLFORT

Y. *Goncharenko*
Astrakhan State University, Astrakha
jyriyGo@yandex.ru

Academic supervisor - PhD. D. Vasil'ev

This paper discusses construction techniques. We study the foundation trenches and their filling, the use of secondary burnt bricks, a frame with mud bricks, turluk structures and ceilings.

Keywords: Samosdelka hillfort, the city of Saksin, architecture, construction, structures, foundation, floors, mud brick

УДК 903/904

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КИНТУСОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ТАЗОВСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

К.Г. Гюрджоян
Тюменский государственный университет, Тюмень
gyurdzhoyankatya@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Ткачёв

Предметом статьи являются кинтусовские древности Тазовского Заполярья, которые до сегодняшнего дня исследователи ограничивали IX – XIII вв. Однако выявление новых археологических объектов в низовьях р. Таз позволяет предположить, что кинтусовские памятники хронологически просуществовали дольше и их можно разделить на несколько этапов.

Ключевые слова: средневековье, хронология, периодизация, кинтусовские древности, средневековые памятники, север Западной Сибири, Заполярье.

Кинтусовский этап был выделен В.Н. Чернецовым на основе материалов эпонимного могильника и датирован X - XIII вв. [*Чернецов,* 1957, с.138]. Однако на сегодняшний день среди исследователей не сложилось единого мнения относительно истории развития кинтусовских древностей. При определении хронологической принадлежности археологических памятников данного периода возникают сложности, которые, прежде всего, связаны с территориальной оторванностью этих объектов друг от друга и достаточно сильной разницей между материальной составляющей памятников (например, выделение этапов на

© Гюрджоян К.Г., 2020

основании изменения орнамента на керамической посуде на территории Среднего Приобья и отсутствие керамики в памятниках северо-восточной части ЯНАО). Кроме того, исследовано не так много памятников и изучены они неравномерно, что также усложняет процесс четкого понимания хронологической ситуации эпохи средневековья на севере Западной Сибири. В настоящий момент в историографии существует несколько точек зрения на этот вопрос.

Первая, предложенная В.Н. Чернецовым, основана на том, что формирование кинтусовских древностей связано с трансформацией оронтурской культуры (VI - IX вв.). Стоит отметить то, что за основу хронологического деления на этапы исследователь брал изменения в орнаментации керамики и частично в вещевом инвентаре, не учитывая при этом погребальный обряд, который является, на наш взгляд, одним из ключевых составляющих при характеристике культуры населения и определении времени их существования. Анализируя процесс изменения орнаментации керамики, автор выявил тенденцию к постепенному исчезновению штампованных узоров, место которых начали занимать орнаменты, нанесенные «отступающей» лопаточкой и гребенкой, в целом отмечается, что орнаментация стала «суше и монотоннее», по сравнению с предшествующим этапом [*Чернецов,*1957, с. 213].

Вторую точку зрения выразили археологи уральской школы, которые с накоплением нового материала решили уточнить и дополнить периодизацию, предложенную В.Н. Чернецовым в середине 50-х годов XX века. Прежде всего, исследователи отказались от выделения оронтурского этапа, вместо него был предложен кучиминский этап (VII - IX вв.), материалы которого раннее рассматривались в рамках кинтусовского [*Федорова и др.,* 1991, с. 135]. Выделение нового этапа было сделано на основе новых материалов, полученных при многолетних исследованиях в урочище Ермаково, у поселка Сайгатино, на Барсовой горе и было обусловлено особенностями керамики, фортификации и планировки городищ, погребального обряда, что отличало памятники данного этапа от предшествующих и последующих. Основой орнамента кучиминских сосудов являются крупные и грубые оттиски гребенчатого штампа, большое место начинают занимать оттиски гладкой лопаточки, а фигурные штампы практически исчезают. На кинтусовском этапе (конец IX – начало XIII в.) гребенчатый штамп вытесняется оттисками гладкой лопаточки, появляются горизонтальные ряды желобков, ромбические, округлые штампы [*Федорова и др.,* 1991, с. 139]. Городища этих двух этапов также имеют отличия – кинтусовские характеризуются меньшими размерами жилых площадок и большей мощностью оборонительных сооружений. Вероятно, это связано с тем, что в кинтусовское время начинают происходить изменения в структуре общества: из общей массы выделяется небольшая по количеству социальная верхушка и связанная с ней часть населения, проживавшая также в черте городища, а также остальное население, зависевшее от этой верхушки, но проживавшее в неукрепленных поселках [*Зыков,* 2012, с. 95].

Стоит обратить внимание и на погребальный обряд – кучиминские погребения грунтовые, в неглубоких ямах, основной обряд – трупоположение, погребенные укладывались вытянуто на спине в деревянные гробовища или лодки, при этом погребения в основном одиночные, реже – парные или коллективные. Кинтусовские могильники имеют с кучиминскими общие черты, но погребения этого этапа концентрируются в группы, внутри которых прослеживаются нечеткие ряды. К тому же главной особенностью организации могильных ям X - XI вв. являются парные ниши по длинным сторонам – для поперечных плах перекрытий [*Федорова и др.,* 1991, с. 139-140]. Изменения претерпевает и вещевой инвентарь – если для кучиминского времени характерны рукояти ножей, навершия кресал и гребней, поясные пряжки, браслеты, полые подвески с зооморфными сюжетами, бронзовые и деревянные антропоморфные изображения (личины и фигуры воинов в полном вооружении), то кинтусовский больше отмечен саблями, боевыми ножами, топорами, наконечниками копий, дротиков, стрел, фрагментами кольчужных и пластинчатых доспехов, шлемов. Судя по находкам, это был период военных столкновений и милитаризации средневекового населения. Известно также большое количество украшений костюма (как местных западносибирских, так и привозных), к началу XII в. исчезают распространенные ранее вещи, украшенные бронзовыми зооморфными навершиями, браслеты обского типа, но при этом к концу этапа появляется большое количество бронзовых лапчатых, крестовидных, каплевидных и лунообразных подвесок [*Федорова и др.,* 1991, с. 139-140].

Стоит также отдельно отметить точку зрения А.П. Зыкова, который помимо выделения кучиминского (VIII - IX вв.) и кинтусовского (конец IX - XII вв.) этапов также делит каждый из них на три периода, основываясь на изменениях в орнаменте керамики и инвентаре памятников [*Зыков,* 2012, с. 77-97]. Обращает на себя внимание тот факт, что исследователи выделяли хронологические этапы на основе памятников Среднего Приобья, изредка упоминая при этом памятники Нижнего Приобья. Фактически, предложенная В.Н. Чернецовым в середине прошлого века периодизация была пересмотрена в начале 90-х уральскими археологами, но до настоящего времени не выработано единой концепции развития археологических древностей таежной и тундровой зон Западной Сибири.

Результаты проводившихся с 2013 года археологических экспедиций на территории Тазовского района позволяют говорить о том, что среди кинтусовских памятников можно выделить, как минимум, два хронологических этапа. К первому относится могильник Нум-хибя-сихэри I, на котором встречены погребения разных полов и возрастов, принципиальных различий между ними не обнаружено, что говорит об устойчивом погребальном обряде и о стабильности общества.

Заслуживают внимания также могильники Нум-хибя-сихэри II и Вэсакояха II, представленные подростковым и детским захоронениями. Примечательно, что погребения были совершены отдельно от кладбищ, где были захоронены взрослые, что свидетельствует об особом подходе к захоронениям подростков и детей. При этом наблюдается определенное сходство черт погребальной обрядности между данными памятниками и могильником Нум-хибя-сихэри I. В связи с этим, установление хронологической принадлежности этих двух памятников затруднено: они могли относиться как к более раннему периоду, когда погребальный обряд еще был устойчив, так и к более позднему, когда традиция под воздействием внешних факторов претерпела изменения.

Особый интерес представляют материалы могильника Нум-хибя-сихэри V, хронологическая принадлежность которого, судя по найденному инвентарю, соотнесена с древностями кинтусовского типа [*Ткачев,* 2019, с. 43-44]. Однако стоит отметить, что на указанном могильнике, в отличие от могильника Нум-хибя-сихэри I, погребения нарушены, обнаружены разрозненные останки человеческих костей. Упрощение погребального обряда и соблюдение лишь некоторых его частей свидетельствует о нестабильном состоянии общества, вероятно, захоронения совершались позднее, чем на могильнике Нум-хибя-сихэри I. Кроме того, находки многочисленных обломков железных изделий, являвшихся военными атрибутами, также позволяет говорить о том, что создание такого типа памятников было следствием внешнего давления, связанного с проникновением самодийцев на территорию Тазовского Заполярья в первой половине II тысячелетия н.э.

Таким образом, выявление новых археологических объектов и их сравнение с уже имеющимися материалами вновь ставит вопрос о хронологическом делении средневековых памятников таежной и тундровой зон Западной Сибири. На наш взгляд, хронологическая схема для этих территорий должна быть единой, так как археологические памятники свидетельствуют о том, что история развития этих регионов близка. Но даже при культурном единстве, некоторые отличия между материалами синхронных памятников говорят о возможности выделения внутри культуры локальных вариантов.

Библиографический список

Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. 232 с.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2016 году. Тюмень, 2017. 241 с. / Архив ИПОС СО РАН.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2018 году. Тюмень, 2019. 298 с. / Архив ИПОС СО РАН.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2013 году. Тюмень, 2014. 237 с. / Архив ИПОС СО РАН.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2017 году. Тюмень, 2018. 143 с. / Архив ИПОС СО РАН.
Федорова Н.В., Зыков А. П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург, 1991. Вып.20. С. 126-145.
Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. №58. С. 136-245.

CHRONOLOGICAL STAGES OF DEVELOPMENT KINTUSOVO ANTIQUITIES OF THE TAZ ARCTIC

K. Gyurdzhoyan
Tyumen State University, Tyumen
gyurdzhoyankatya@mail.ru

Academic supervisor – PhD A. Tkachev

The article focuses on kintusovo antiquities of the TazArctic, which to date, researchers have limited the IX-XIII centuries. However, the identification of new archaeological sites in the lower reaches of the Taz river suggests that kintusovo monuments can be divided into several chronological stages.

Keywords: Middle Ages, chronology, periodization, kintusovo antiquities, medieval monuments, the North of Western Siberia, Arctic.

УДК 903.25

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ ШИГРЕЙ

Р.В. Давыдов
Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, Новосибирск
puer-viro@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. О.А. Митько

В статье представлены результаты комплексного исследования по реконструкции технологии изготовления металлических элементов поясного набора и снаряжения верхового коня из кургана 1 могильника Шигрей (юг Красноярского края, XI - XIV вв. н.э.). Проведены экспериментально-трасологический анализ и анализ элементного состава сырья. В результате установлено, что изделия, судя по стилистическому единству декора и форм, созданы на одной локальной территории. Они произведены группой ремесленников в одной или нескольких домашних мастерских, ориентированных на заказ, из металла, полученного из разных источников. Выявлено две технологические схемы изготовления предметов в зависимости от способа формирования заготовки: ковка и чеканка.

Ключевые слова: Южная Сибирь, енисейские кыргызы, торевтика, ювелирное дело, трасологический анализ, элементный состав, технология изготовления.

При характеристике технологии металлообработки наибольший интерес представляет массовый материал, поскольку его изучение позволяет выявить устоявшиеся техники и приемы производства. Применительно к культуре енисейских кыргызов периода развитого средневековья подобным материалом выступают металлические элементы пояса и снаряжения верхового коня.

Примером памятника, в котором найдено большое предметов данной категории, является могильник Шигрей, который расположен в долине р. Ус (юг Красноярского края) и датирован

© Давыдов Р.В., 2020

XI – XIV вв. н.э. В кургане 1 данного могильника зафиксировано 63 железных элемента поясного набора и снаряжения верхового коня, 42 из которых были инкрустированы серебром.

Цель настоящей работы – реконструкция технологии изготовления указанных предметов. При исследовании проведены экспериментально-трасологический анализ и анализ элементного состава сырья.

Предметы найдены в коллективном погребении, совершенном по обряду кремации на стороне, вместе с кальцинированными костями и наконечниками стрел. Из-за пребывания изделий в погребальном костре серебро, покрывавшее их, сохранилось преимущественно в виде отдельных капель.

При морфологической классификации предметов использовалась схема, разработанная И.Л. Кызласовым [*Кызласов* 1983, с. 11, 20]. Они представлены следующими категориями: распределители ремней (3 экз.); ременные наконечники цельные (2 экз.) и шарнирные (4 экз.); пряжки щитковые (4 экз.) и рамчатые (2 экз.); пряжки-петли (5 экз.); бляхи двурогие (4 экз.), трехрогие (11 экз.), круглые (4 экз.) и трефовидные (1 экз.); седельные накладки (16 экз.); колчанные крюки (2 экз.).

Формы изделий и орнамент (геометрические фигуры, растительные мотивы, «вафельный» орнамент) на их поверхности типичны для культуры енисейских кыргызов XI - XIV вв. [*Вайнштейн,* 1974, рис. 49.1, 62, 99*; Король,* 2008, с. 151-152*; Кызласов,* 1983, табл. III-V, VIII-XI].

Элементный состав сырья определен в ЦКП «Геохронология кайнозоя» (г. Новосибирск) методом SEM-EDX на элементном анализаторе Bruker Nano GmbH Quantax 70 и сканирующем электронном микроскопе Hitachi TM3000. Исследовано 17 образцов серебра и 19 образцов железа.

Установлено, что для инкрустации использовалось серебро из различных источников без искусственных добавок. Металл разной чистоты. Три образца – серебро высокого качества. В остальных зафиксированы различные примеси, среди которых наиболее распространены железо и медь (11 экз., Fe 1-4,1%, Cu 0,6-4%). Существенно отличаются три образца, в составе которых выявлены, в одном случае фосфор (0,7%) и кальций (0,7%), в другом – ртуть (1,9%) и в третьем – натрий (1,8%) и золото (1%). Шлаковые примеси (Al, Si, Mg, всего 1,2-4,8%) зафиксированы в шести образцах.

В элементном составе семи образцов железа не выявлено существенных примесей. Еще семь имеют небольшие естественные добавки хлора (0,25-0,4%), калия (0,2-0,8%), магния (0,2-0,3%), кремния (0,3-1,1%) и серебра (0,3-0,8%). В составе пяти образцов обнаружен никель, содержание которого достигает 8,2%.

При анализе микроструктуры 11 образцов установлено, что они изготовлены из мягкого железа. Согласно исследованиям Н.М. Зинякова, подобный материал использовался для изготовления деталей поясного набора на территории Горного Алтая в VI–X вв. н. э. [*Зиняков,* 1988, с. 195-197].

С целью реконструкции технологии изготовления предметов на базе НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ была проведена серия экспериментов по получению следов основных операций: ковка (21 эталон), рубка (26 эталон), резание (4 эталон), чеканка (20 эталон), абразивная обработка (17 эталон), резьба (31 эталон), насечка (13 эталон), пробитие отверстий (36 эталон). Изготовлено 14 гладких наконечников ремней.

В результате выявлено две технологические схемы, отличающиеся способом образования основной формы (рис. 1).

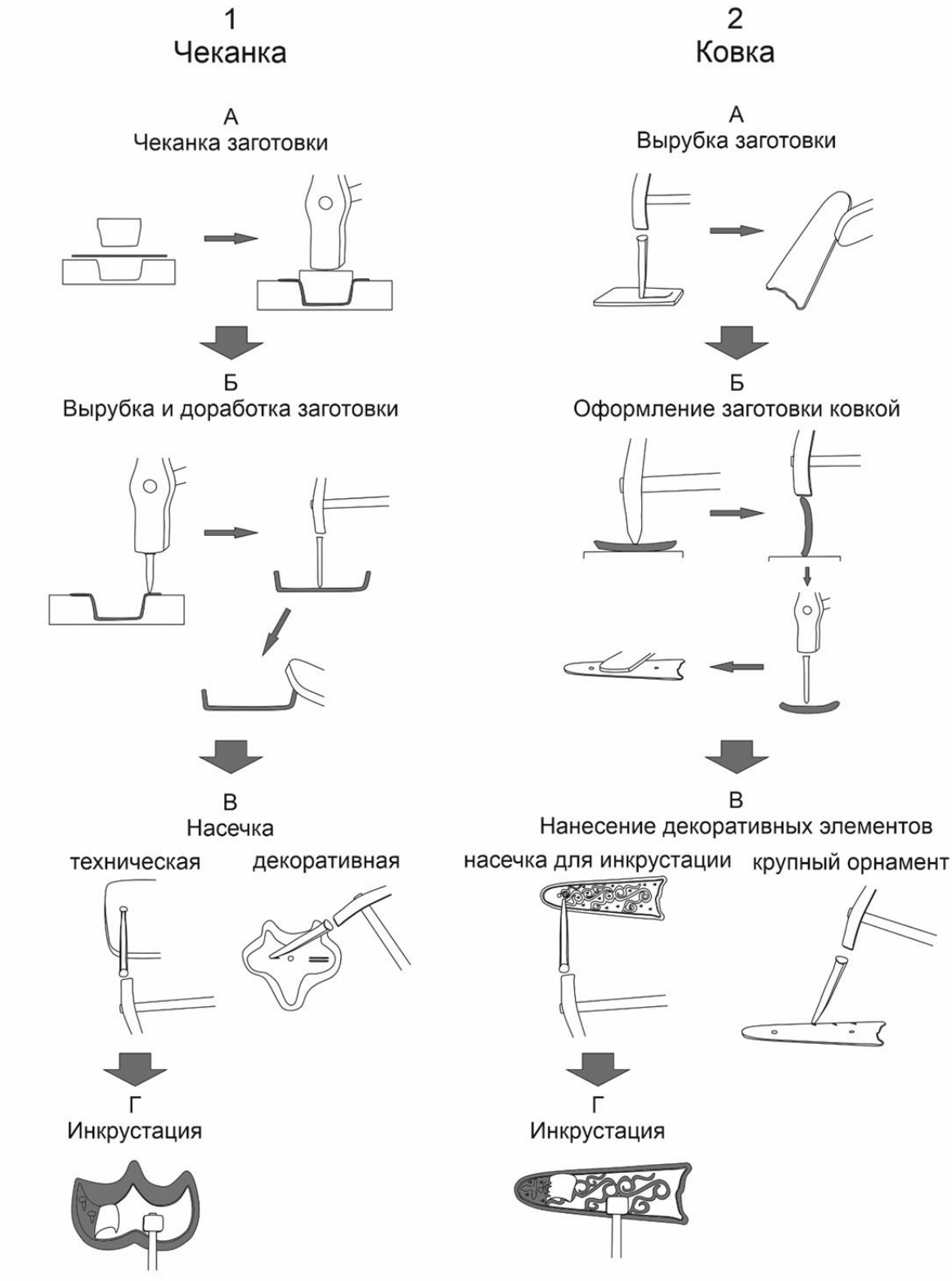


Рис. 1. Технологические схемы изготовления предметов из кургана 1 могильника Шигрей.

Схема 1. Чеканка:

А) Первоначально из железного листа методом двусторонней чеканки формировалась заготовка [*Минасян,* 2014, с. 315]. На данную технику указывает неравномерная толщина стенок и небольшая разница размеров предметов одной серии.

Б) Заготовка вырубалась из листа, края и поверхность дорабатывались абразивным инструментом. Пробойником проделывалось отверстие для крепления.

В) На поверхность наносилась насечка двух типов – декоративная (симметричные линии и точки, формировалась зубилом с узким лезвием) и техническая для фиксации серебра (в виде «заусенец», создавалась острым резцом по нагретому металлу в сочетании с выполненным зубилом бортиком по периметру).

Г) За формированием технической насечки следовала инкрустация серебряной фольгой.

По данной схеме сделаны двурогие (этапы А-В), трехрогие и круглые (этапы А-Г) бляхи.

Схема 2. Ковка:

А) Заготовка вырубалась по заранее намеченному эскизу слесарными зубилами. Ее кромки обрабатывались абразивным инструментом.

Б) Объем придавался заготовке посредством ковки. Вначале наносилась серия ударов по внутренней стороне носком молотка. Затем изделие ставилось на бок, и удары наносились бойком вертикально, сплющивая стенки. На 27 предметах зафиксированы следы носка молотка и боковых ударов. После ковки в изделиях, требующих крепления, пробивались отверстия. Затем производилась абразивная обработка лицевой стороны предмета.

В) На предметы наносились декоративные элементы. Одни формировались зубилом (зубчики, волнистый рельеф, геометрические узоры). Другие (растительный, вафельный, геометрический орнамент) вырезались резцами или зубильцем и дополнялись техническими насечками и бортиками для крепления серебра.

Г) Финальной операцией выступала инкрустация серебряной фольгой.

Данная технологическая схема использовалась при изготовлении следующих предметов:

этапы А-Б: одна круглая бляха, три седельные накладки, один шарнирный наконечник ремня (также ковкой изготовлены колчанные крюки и рамчатые пряжки);

этапы А-В: пряжки-петли, три седельные накладки;

этапы А-Г: 10 седельных накладок, щитковые пряжки, 10 наконечников ремней, распределители ремней, трефовидная бляха.

Таким образом, предметы из могильника Шигрей имеют общие элементы формы и орнамент. При этом они делятся на инкрустированные (42 экз.), с декором без инкрустации (12 экз.) и гладкие (9 экз.). Это связано в одних случаях с функцией изделий (рамчатые пряжки, пряжки-петли, колчанные крюки), в других – с достатком воинов, которым они принадлежали (обкладки седла, бляхи, наконечники ремней).

В технологическом аспекте предметы делятся на чеканные (18 экз.) и кованные (45 экз.). Чеканка применялась только для изготовления конкретной группы предметов (блях), в остальных же случаях использовалась достаточно простая технология ковки. Предметы выполнены мастерами разного уровня квалификации, на отдельных изделиях зафиксированы соскальзывания резца, асимметрия.

Изделия выполнены на одной локальной территории, на что указывает стилистическое единство декора. Они изготовлены группой ремесленников, возможно, в нескольких мастерских, как минимум, в одной из которых имелись приспособления для чеканки. При производстве применялось сырье, полученное из разных источников, вероятно, серебро подверглось переплавке. Можно предположить, что рассматриваемые предметы изготовлены в небольших местных мастерских, ориентированных на заказ.

Библиографический список

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 276 с.

Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

MANUFACTURING TECHNOLOGY OF TOREUTICS FROM THE YENISEI KYRGYZ BURIAL SHIGREY

R. Davydov
Novosibirsk State University, Novosibirsk
puer-viro@mail.ru

Academic supervisor – PhD O. Mitko

Author of the article presents the results of a comprehensive reconstruction of manufacturing technology of the metal elements of the waist belt and of the riding horse equipment from the burial mound 1 of The Shigrey burial (South part of the Krasnoyarsk region, XI - XIV centuries). In the course of the study, an experimental-traological analysis and analysis of the elemental composition of the metal were performed. The author found that the products, judging by the stylistic unity of decor and form, were produced on the same local territory. They were produced by a group of artisans made from metal obtained from various sources. Two technological schemes of manufacturing items have been identified depending on the method of forming the workpiece: forging and chasing.

Keywords: Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, toreutics, jewelry, trasological analysis, elemental composition, manufacturing technology.

УДК 902/904

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ, КАК ФАКТОР ИХ СОХРАННОСТИ

З.А. Иванова
Тюменский государственный университет, Тюмень
ivanova.zlata.alexandrovna@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Ткачёв

В работе анализируются версии возникновения железообработки на территории полярной зоны Западной Сибири, а также говорится о степени влияния происхождения железа на сохранность археологических находок, обнаруженных в условиях крайнего севера.

Ключевые слова: Заполярье, средневековье, археологическое железо, сохранность, кулайской культура, кинтусовский этап, технологии изготовления железа, технологии обработки металла.

С момента своего появления железные изделия стали играть важную роль в жизни общества. Открыв металлообработку, люди совершенствовали свои навыки и активно развивали технологии изготовления железных предметов. Изделия из железа являются важными составляющими в изучении культуры и быта того или иного общества. Однако данные находки подвержены коррозии и чаще всего находятся в полуразрушенном состоянии, что затрудняет их исследование. В этом случае археологи должны учитывать факторы, которые могут влиять на скорость разрушения железного предмета - свойства почвы, климатические условия, глубина залегания артефакта, а также на технологии изготовления и обработки металла.

На территории таежной зоны Западной Сибири достоверные следы металлообработки наблюдаются лишь в эпоху бронзы (первая половина II – начало I тысячелетия до н .э.) [*Морозов,* 1995, с. 29]. По мнению исследователей С.Ф. Кокшарова и А.П Зыкова, за первые века II тысячелетия до н.э. население севера Западной Сибири не только успешно освоило металлообработку, но и сравнялась по уровню технологий с южными соседями, в частности с носителями саргатской культуры лесостепи Западной Сибири [*Зыков*, 2008, с. 17-18]. Однако на территории заполярной зоны Западной Сибири до настоящего времени не обнаружено ни

© Иванова З.А., 2020

одного памятника, достоверно подтверждающего наличие металлургии железа у средневекового аборигенного населения [*Кардаш*, 2011, с.38].

Несмотря на этот факт, при проведении археологических исследований на территории Тазовского Заполярья в 2013 - 2018 гг. были открыты поселения кулайской культуры и погребения кинтусовского этапа нижнеобской культуры, в которых был обнаружен относительно богатый железный инвентарь разной степени сохранности [*Ткачев*, 2017, с. 2].

В ходе исследования поселений Нум-хибя-сихэри IV и Нум-хибя-сихэри VI был обнаружен скудный железный инвентарь – стамеска, откованная из пластины длиной 12,5 см, максимальное прямоугольное сечение размером 1,1×0,5 м приходится на среднюю часть. Также был найден обломок железного предмета, скорее всего, черешка изделия типа наконечника или стамески, удлиненно-трапециевидной формы длиной 1,8 см, прямоугольное сечение на узком конце 6×4 мм, на широком 9×5 мм. Кроме того, были обнаружены сильно-коррозированные обломки, которые не поддаются определению. [*Ткачев*, 2016, с. 35]. Все железные находки относятся к VI и V степеням коррозии металлов, что говорит о большом содержании примесей в железе.

Следует отметить, что вещевой инвентарь, найденный на месте раскопок поселений, имеет сходство с древностями кулайского типа, что позволило датировать время бытования памятника в пределах первой половины I тысячелетия н.э. [*Ткачев,* 2014, с. 53]. В это время процесс формирования технологий кузнечного производства местного коренного населения завершился и наметился процесс стагнации металлообрабатывающего ремесла [*Морозов,* 1995, с. 37].

Вероятно, пришедшие в Заполярье кулайцы, мигрировав из таежной зоны Западной Сибири, принесли с собой не только быт, но и технологии металлообработки. Для получения железа эти народы использовали сыродутный горн. Сырьем служил бурый железняк или болотная руда, которая была в изобилии в поймах рек [*Зыков,* 2008, с. 10]. Это было малоуглеродистое железо, для которого температуры плавления в сыродутном горне (1300°С) не хватало, в котором было много примесей и шлаков. Как известно, чем чище был металл, тем больше его сопротивление коррозии, поэтому изделия из малоуглеродистого железа получались менее прочными. *[Кац,* 2011, с. 237].

Переселившись из тайги в заполярную зону, кулайцы столкнулись с изолированностью региона, а также отсутствием полезных ископаемых, необходимых для железоделательного ремесла [*Зиняков*, 2006, с. 123]. Вследствие чего черная металлургия не получила на этой территории должного развития, а население потеряло навыки, которые получило ранее. Исходя из этого, те находки, что обнаружены на поселениях, были либо привезены из таежной зоны Западной Сибири, либо изготовлены из импортного железа. Упрощение технологий и нехватка опыта привели к тому, что железо было неравномерно науглерожено и проковано. Это в свою очередь послужило одним из факторов плохой сохранности железных предметов на кулайских поселениях.

Вместе с поселениями кулайской культуры, в ходе археологических экспедиций были обнаружены могильники Нум-хибя-сихэри I, II и V, которые относятся к древностям кинтусовского этапа нижнеобской культуры в пределах конца I тыс. н.э. – первой половины II тыс. н.э. [*Ткачев,* 2016, с. 44]. Они отличаются богатым железным инвентарем - многочисленные железные пластины, кольца, наконечники стрел, фрагменты кольчуги, ножи и их обломки. У данных находок степень коррозии варьируется от III до V, что говорит об использовании качественного железа для их изготовления.

Это можно объяснить тем, что население кинтусовского этапа на ряду с местным инвентарём, широко использовали предметы импортного происхождения – это русские топоры, изделия прикамского и западноевропейского происхождения [*Матющенко*, 1999, с. 196].

Так, например, в могиле 7 Нум-хибя-сихэри I был обнаружен однолезвийный нож, откованный из железной пластины, с уплощенной едва вогнутой спинкой, выпуклым лезвием клинка и выделенным черешком. Клинок и спинка переходят к насаду через невысокие уступчики [*Ткачев*, 2014, с. 46]. У предмета отмечается наличие железного ядра по всему периметру, что соответствует III степени коррозии металлов, и предположительно говорит об

использовании более качественного кричного железа, которое было широко распространено среди населения Восточной Европы, в частности северорусского [*Кардаш,* 2011, с. 38].

Кроме того, придерживаясь классификации ножей Восточной Европы [*Минасян*, 1980, с. 71], было установлено, что и данный нож, и обломки остальных железных ножей, соотносятся с VI группой, которая имеет скандинавское происхождение и распространилась на территории Восточной Европы в последней четверти I-го тыс. н.э. Таким образом, можно предположить, что обнаруженные ножи могли попасть на данную территорию в результате межрегионального обмена.

Однако следует заметить, что железообработка все же присутствовала у населения заполярной зоны. Это подтверждается многочисленными находками железных гвоздей в могильных ямах, произведенных путем штамповки и ковки. Скорее всего их изготавливали местные умельцы из импортной железной руды, которая также была получена путем обмена с северорусскими купцами [*Кардаш*, 2011, с. 38]. Кроме того, качественная импортная руда могла служить одним из факторов лучшей сохранности железных гвоздей.

Таким образом, можно предположить, что на кинтусовском этапе жители Заполярья Западной Сибири имели широкие межрегиональные связи. Проблема сырья была частично решена, однако из-за низкого развития технологий обработки (вследствии влияния кулайской культуры), население данного региона не могло в полной мере обеспечить себя железными предметами. Поэтому изделия из железа, найденные в ходе исследования памятников Тазовского Заполярья, подтверждают, как наличие у народов севера импорта готовых железных изделий, так и своих пусть и неразвитых технологий железообработки.

Библиографический список

Зиняков Н.М., Железообрабатывающее производство Западной Сибири [V в до н.э. – XVII в.] // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 220. М.: Наука, 2006. С. 120-126.

Зыков А.П., Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II – XVII веках. Автореф. дисс. Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II - XVII веках канд. ист. наук. М., 2008. 24 с.

Кардаш О.В., Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 60 с.

Кац Н.Г. Химическое сопротивление материалов и защита оборудования нефтегазопереработки от коррозии: учебное пособие / Н.Г. Кац, В.П. Стариков, С.Н. Парфенова. Москва: Машиностроение, 2011. 436 с.

Матющенко В.И. Древняя история Сибири: учебное пособие. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-т, 1999. 232 с.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л.: Искусство, 1980. С. 68-74.

Морозов В.М., Пархимович, С.Г, Шашков, А.Т. Очерки истории Коды. Екатеринбург.: Изд-во Волот, 1995. 192 с.

Ткачев А.А, Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2014 году. Тюмень, 2014. 225 с. // Архив ИПОС СО РАН.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2016 году. Тюмень, 2017. 241 с. // Архив ИПОС СО РАН.

Ткачев А.А. Археологические исследования на территории Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Отчет о полевых исследованиях в 2017 году. Тюмень, 2018. 142 с. // Архив ИПОС СО РАН.

BREAKING INTERNATIONAL ON THE TERRITORY OF THE WESTERN SIBERIA, HOW FACTOR THEIR FREE

Z. Ivanova

Tyumen State University, Tyumen
ivanova.zlata.alexandrovna@yandex.ru

Academic supervisor – PhD A. Tkachev

The article provides versions of the origin of ironworking in the polar zone of Western Siberia, as well as the extent of the influence of iron origin on the preservation of archaeological finds found in the far north.

Keywords: Polar region, Middle Ages, archaeological iron, safety, Kulay culture, Kintus stage, iron manufacturing technologies, metal processing technologies.

УДК 902.2

НИКОЛЬСКОЕ СЕЛИЩЕ (ПО ИТОГАМ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА 2019 ГОДА)

А.Д. Ирушкина, Ю.Н. Мордовин

Пензенский Государственный университет, Пенза
irushkinaovsan13@gmail.com
Pokemon228-58rus@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Т.В. Осипова

Представлены результаты исследования Никольского селища (территория с. Никольское, Кузнецкого района) в 2019 году. На поселении были обнаружены предметы быта, ремесла, вооружения и украшения. Особое внимание уделяется остаткам чугунолитейного производства.

Ключевые слова: археология, Верхнее Посурье, Никольское селище, торговые связи, горн, грузики.

Никольское селище расположено на окраине с. Никольское Кузнецкого района Пензенской области. Оно было открыто профессором Саратовского университета П.С. Рыковым в 1926 году. Однако первая полноценная экспедиция была организована в 1965 году, по итогам которой было выявлено 2 культурных слоя: срубного периода эпохи бронзы (II – I тыс. до н.э.) и времени Золотой орды (XIII – XIV вв). Культурный слой остался нетронутым распашкой только на узкой полоске побережья реки Труев [*Тихомиров,* 2000].

Стоит сказать, что данное селище является слабоизученным памятником. На протяжении нескольких лет территорию раскапывали «чёрные археологи». Комплексное изучение данного памятника началось в 2018 году.

Согласно концепции Г.Н. Белорыбкина Никольское селище является памятником булгарского типа и относится к золотоордынскому времени. На этой территории существовало развитое земледелие, большую роль в хозяйстве играло необогащенное железо из болотных руд. Материальная культура Никольского селища характеризуется глиняной посудой, железными и бронзовыми предметами, серебряными и стеклянными украшениями [*Белорыбкин,* 2003]. На протяжении нескольких лет собирался подъемный материал, в котором отражены все виды жизнедеятельности: денежное дело, торговля, ремесло и т.д. С образованием Золотой Орды территории Верхнего Посурья и Примокшанья вошли в состав государства и располагались в непосредственной близости от границ Древней Руси. Жизнь на Никольском селище в этот период достигает своего расцвета.

В ходе исследовании 2019 года на территории Никольского селища было выявлено 3 культурных слоя: золотоордынского периода, домонгольский слой средневековой мордвы и слой срубной культуры эпохи бронзы. Это является уникальностью данного памятника.

Было исследовано два участка, находящихся в разных частях поселения. На первом раскопе среди находок стоит отметить наличие пряслиц, ножей, элементов железных пряжек, фрагменты керамики, предметы торгового оборота (гирьки, фрагменты весов).

Среди находок стоит выделить оловянно-свинцовые грузики. По мнению некоторых исследователей, они могли использоваться в качестве торговли. В.А. Винничек подразделял грузики, найденные на территории Никольского селища на следующие типы: конусовидные,

© Ирушкина А.Д., Мордвинов Ю.Н., 2020

дисковидные, пряслицевидные, грибовидные, шаровидные на плоском основании. Это является прямым свидетельством того, что особое место в жизни поселения играла торговля, т.к. периферийные территории поддерживали связь со столичными центрами посредством широкой сети внутригосударственных торговых путей.

Второй раскоп располагался на берегу ручья Милейка. На этом месте обнаружено большое количество железного шлака и фрагментов керамики, а также три выемки неестественного происхождения. Судя по размерам выемок (3–4 метра) и находкам вокруг них, на этом месте располагались производственные сооружения, в виде горнов для выплавки чугуна. В XIV веке широкое распространение получило производство чугунных котлов, о чем свидетельствуют следы в виде осколков чугунных изделий. Чугунные изделия производились здесь для последующей продажи, о чем свидетельствует большое количество монет.

Чугунолитейное производство рассматривается как древнейшее в Европе. По мнению Н.Н. Тереховой и А.М. Ефимовой, чугунолитейное производство в городах Поволжья развивалось на базе местных традиций высокоразвитой культуры железоделательного ремесла. При этом нельзя полностью исключить теорию заимствования идеи чугунолитейного производства [*Федоров-Давыдов,* 1996]. Так же стоит отметить, что развитие производства в золотоордынских городах Поволжья осуществлялось металлургами из города Болгара.

Библиографический список

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в Средние века. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет (ПГПУ), 2003. 199 с.

Тихомиров С.А. Никольская старина. Исторические и этнографические очерки. Вологда: «Древности севера», 2000 г. 383 с.

Иконников Д.С. Материальная культура Верхнего Посурья и Примокшанья IX-XIV вв. [Текст]: дис. канд. ист. наук: 07. 00. 06: защищена 20. 11. 2009 / Иконников Дмитрий Сергеевич. Казань, 2009. 189 с.

Киреева К.М. Торговый путь от берегов Волги в Древнюю Русь через Верхнее Посурье и Примокшанье в XI – XIV вв. // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия История. Международные отношения. Т. 13, Вып. 2, 2013 г. С 89 – 91.

Федоров-Давыдов Г.А. Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996 г. – 300 с.

NIKOLSKOYE SELISHCHE (BASED ON THE RESULTS OF THE 2019 FIELD SEASON)

A. Irushkina, Y. Mordovin

Penza state University, Penza
irushkinaovsan13@gmail.com
Pokemon228-58rus@mail.ru

Academic supervisor – PhD. T. Osipova

The results of the study of Nikolskoye settlement (the territory of Nikolskoye village, Kuznetsky district) in 2019 are presented. Household items, crafts, weapons and jewelry were found on the settlement. Special attention is paid to the remains of iron foundry production.

Keywords: archaeology, Upper Posure, Nikolskoye settlement, trade links, horn weights.

УДК 902

ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

А.А. Исмоилова

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
ismoilova.aigul@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев.

Статья посвящена изучению VII группы керамики из памятников Нижнего Прикамья. В ней описаны и рассмотрены находки «постпетрогромской» керамики в комплексах керамики Староромашкинского и Елабужского городищ. Представлены соотношения количества находок данной группы по сравнению с другими. Дана общая характеристика керамики по классификации нескольких авторов. Выделен вопрос о формировании этнокультурных истоков

Ключевые слова: Елабужское городище, Староромашкинское городище, керамика, орнамент, посуда, веревочный отпечаток, состав теста, гребенчато-шнуровой орнамент.

Керамика типа «постпетрогром» по Е.П. Казакову, или же VII группа посуды по классификации Т.А. Хлебниковой, является составляющим среди керамического материала археологических памятников Волжской Болгарии, распространившееся весьма широко на протяжении X-XI вв. Ее возникновение рассматривается в Сылвенском бассейне Среднего Прикамья из слияния традиций собственно верхнекамского пермского населения и пришлого для Прикамья зауральского угорского, с преобладанием последнего [Хлебникова,1984, с. 223].

Посредством изучения были выведены отличительные черты керамики «постпетрогром», которые легли в классификацию Т.А. Хлебниковой как VII группа. В данную классификацию входит деление на этнокультурные группы по совокупности ряда признаков: техника формовки, состав текста, характерный орнамент оформления.

Целью данного исследования является технико-технологический анализ VII группы керамики в памятниках Нижнего Прикамья.

За основу рассмотрения взяты Елабужское и Староромашкинское городища. В керамическом комплексе Староромашкинского городища посуда типа «постпетрогром» составляет чуть более 5% от общего количества вне ямных конструкций. А в Елабужском городище в ряде раскопок 6% от общего количества найденной керамики.

Посуда VII группы характеризуется, по данным Т.А. Хлебниковой, лепной техникой изготовления, преимущественно раковинным тестом. Выделяются горшковидные и блюдообразные формы с веревочными отпечатками и гребенчатым орнаментом [*Хлебникова*,1984, с. 158-159], высокой подцилиндрической горловиной, оформленной многорядной верёвочной орнаментацией в виде «косички» [*Хлебникова*, 1984, с. 223].

Нельзя точно назвать истоки формирования носителя «постпетрогромской» керамики. Потому, существует несколько точек зрения по данному вопросу: Е.М. Берс объединяла их в «калмацкую» культуру IV-V вв., оставленную «калмацкими людьми» - башкирами Зауралья [*Берс*, 1963, с. 102]. Выдвеженную дату Берса поддержал В.Ф. Геннинг, и относил носителя к угорской группе. Т.А. Хлебникова отождествляет появление началом X в., связанная с угорскими племенами, однако без влияния на формирование верхнекамских населений.

Согласно данным со Староромашкинского городища, памятника домонгольской эпохи, который находился в 17 км юго-восточнее г. Чистополя и 16 км южнее Камы, тип «постпетрогром» составляет 1181 (5,4%) фрагментов от общего количества керамического материала по отчету раскопа IV за 2017 г. А.З. Нигамаева. С заметным образцом орнамента на венчике и горловине в виде оттисков шнура и насечек, с линейно-гребенчатым орнаментом в верхней части горшка. Выделяются фрагменты двух прикамско-приуральских горшков, по

© Исмоилова А.А., 2020

орнаменту в виде традиционного гребенчато-шнурового штампа по плечику, горловине и венчику, относящиеся к ранним типам горшков ППК (рис. 1).

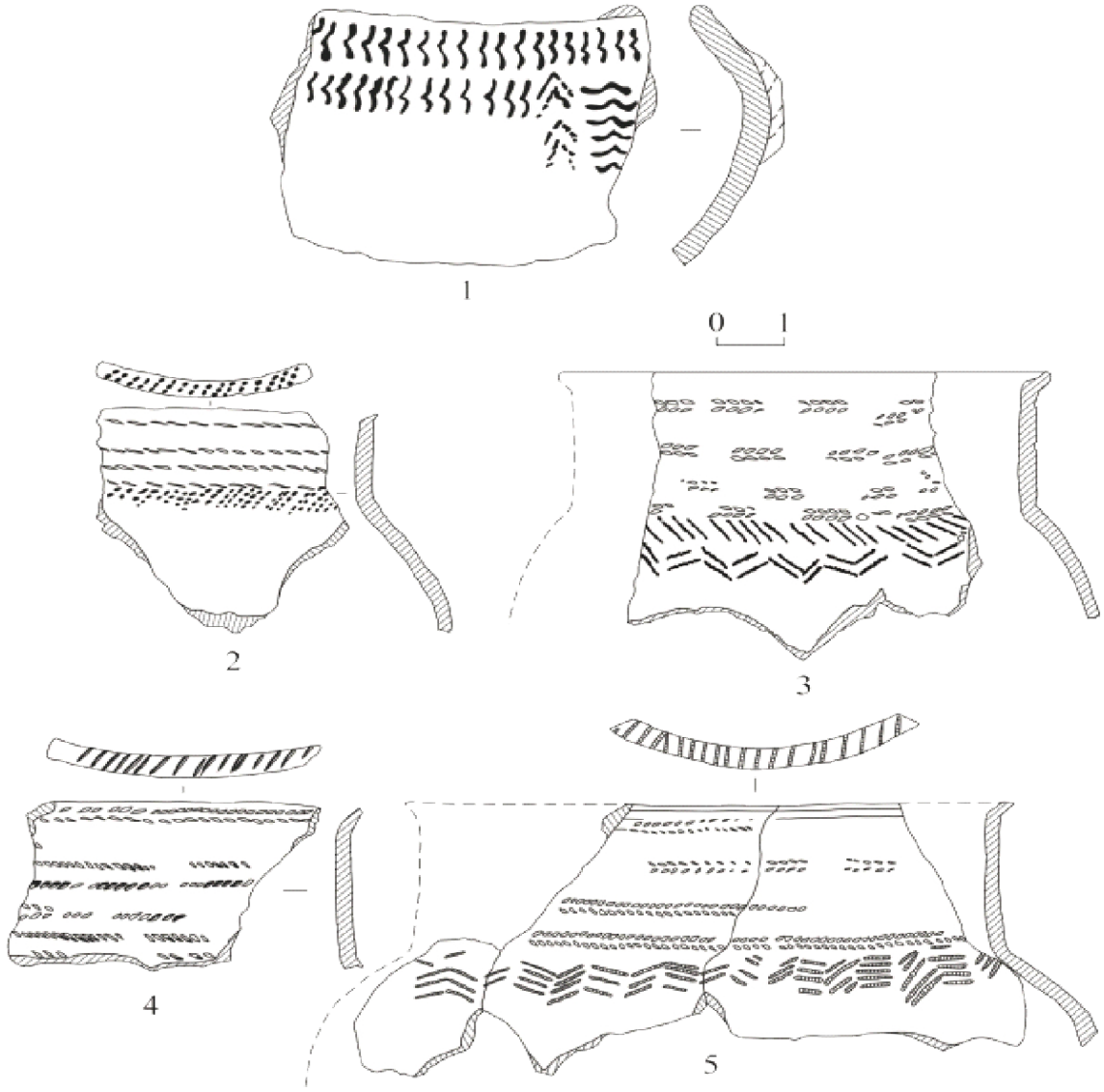


Рис. 1. Староромашкинское городище. Фрагменты керамики VII группы керамики из раскопа IV Староромашкинского городища

Елабужское городище, известное как «Чертово городище», расположено на правобережье устья р. Тоймы, правого притока р. Камы. Занимает северо-восточную половину большого мыса коренной террасы Камы, возвышающегося над ней на 50-64 м. [*Нигамаев*, 2005, с. 5-7]. По отчёту из раскопа за 2015 год в Елабужском городище, VII группа не превышает 33% от общего количества найденной керамики. В большинстве с преобладанием скошенного во внутрь венчиком, а также округлой формой посуды [*Нигамаев*, 2015, с. 55]. В отдельных участках городища VII группа керамики превышает 6% от общего количества керамики X-XIII вв. [*Нигамаев*, 2005, с. 54]. На сегодняшний день, Елабужское городище является единственным памятником Нижнего Прикамья, где керамика «постпетрогром» представлена в таком большом количестве по сравнению с другими группами

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что керамика «постпетрогром» (VII группа) была распространена на территории Нижнего Прикамья. Данная группа прямым образом связана своим происхождением с географическим и территориальным расположением, а именно к

природным условиям местности. Появление такого типа керамики, говорит о начале выделения ремесла и рационального использования природных богатств.

Библиографический список

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1963. 116 с.
Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 240 с.

PRIPRIKAMSCO-URALSA KERMANY FROM THE PRIECITY

A. Ismoilova

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
ismoilova.aigul@mail.ru

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

The article is devoted to the study of the VII group of ceramics in the monuments of Lower Prikamya. It describes and considers the findings of "Postetrogrome" ceramics, in ceramic complexes of Staromashkin and Elabuzhsky towns. Ratios of the number of findings of this group are presented. Given general characteristic of ceramics by classification of several authors. The question of formation of origins of its carrier is highlighted.

Keywords: Elabuzhsky town, Staroromashkin town, ceramics, ornament, dishes, rope print, dough composition, comb cord ornament.

УДК 903.59

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СВЯЗИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ IX-X ВВ. НА ПРИМЕРЕ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

И.К. Ким

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
mister-yoda2015@yandex.ru

Научный руководитель – к. и. н. В.Н. Седых

Статья рассматривает Танкеевский могильник как памятник, характеризующий этнокультурную ситуацию в Среднем Поволжье IX - X вв. Особое внимание уделено угорскому компоненту, присутствующему в материалах памятника.

Ключевые слова: Танкеевский могильник, Среднее Поволжье, венгры, волжские болгары.

Танкеевский могильник расположен в Среднем Поволжье, в Спасском районе Республики Татарстан, на восточном берегу р. Ясачка близ с. Танкеевка. Памятник был открыт в 1904 г., его интенсивные исследования начались в 1947 г. Танкеевский могильник представляет собой один из важнейших памятников Среднего Поволжья, т. к. отражает этнокультурные взаимодействия в этом регионе на исходе раннесредневековой эпохи. Ниже мы рассмотрим, почему это справедливо, опираясь в т. ч. и на данные, полученные в полевом сезоне 2019 г.

© Ким И.К., 2020

Выделим характерные черты танкеевского погребального обряда. Танкеевский могильник является грунтовым, имеет захоронения, выполненные в различных погребальных традициях. Языческий погребальный обряд выделяется по следующим признакам: ряды могильных ям в широтном направлении, ориентировка костяка на запад, вытянутое положение на спине, глубина могильных ям 80-140 см (реже встречаются более мелкие и более глубокие), простые прямоугольные ямы со скруглёнными углами, трупоположение. Известно небольшое количество сложных ям с так называемыми «заплечиками». Такой обряд характерен для поволжских и пермских финнов, а также угров/венгров.

Помимо захоронений по языческому обряду на этом памятнике известны и мусульманские погребения. Их особенностями являются: во-первых, западная ориентировка с направленным на Мекку взглядом; во-вторых, отсутствие погребального инвентаря. Мусульманские захоронения принадлежат раннеболгарскому населению, контактировавшему с финно-угорскими племенами. В 2019 г. были найдены погребения обеих традиций.

Теперь перейдём к описанию ряда интересных находок.

На раскопе № 2 был обнаружен боевой топор. Топоры Танкеевского могильника имеют венгерские аналогии, одна из аналогичных находок сделана в Мишкольце. Они относятся к топорам типа «чекан». Находки боевых топоров-чеканов свидетельствуют о венгерском присутствии, поскольку чеканы находят на территории от Прикамья до Венгрии, и они являются оружием восточного происхождения [*Кирпичников,* 1966, с. 32]. Говорить о древнерусских аналогиях данных топоров в Танкеевке вряд ли приходится, т. к. в Древней Руси они распространились позже, в X - XI вв., когда танкеевское население уходит из этих мест. Кроме того, чеканы приходят на территорию Руси именно с востока, а не наоборот [*Кирпичников,* 1966, там же].

В южной части раскопа № 1 найдена бронзовая пуговица с ушком, каплевидной формы (объект № 38). Такие пуговицы известны на другом выдающемся памятнике Поволжья – Измерском селище [*Казаков,* 2007, с. 203], а также в Паннонии IX-X вв. [*Эрдели,* 1972, с. 140].

В северной части раскопа № 1 обнаружен уходящий в стенку раскопа ритуальный комплекс коня. Кости коня (череп и кости ног) располагались выше погребений, что говорит о его более позднем захоронении. Эта любопытная черта погребального обряда имеет аналогии периода Обретения родины. Так, на Дунае известны аналогии таких ритуальных комплексов в IX - X вв., например, могильник вблизи г. Коложвар [*Халикова,* 1972, с. 157].

Помимо таких находок, свидетельствующих о мадьярском присутствии в Танкеевке, открыты и другие материалы, свидетельствующие о взаимодействиях разных этнических сообществ. Так, в одном из погребений был найден целый кувшин. Такая гончарная керамика имеет многочисленные аналогии в салтово-маяцкой общности, с территории распространения которой пришли ранние болгары [*Казаков,* 2007, с. 78].

Кроме того, обнаружено скопление стеклянных бус (объект № 41). Данные изделия – признак импорта с территории Хазарского каганата либо Ближнего Востока. Маловероятно, что найденные бусы представляют собой принадлежавшие венграм вещи, поскольку их встречаемость в мадьярских погребениях очень невелика [*Эрдели,* 1972, с. 140].

Какие выводы мы можем сделать из указанного выше? Танкеевский могильник, как доказал Е.П. Казаков, оставлен населением, которое происходило из двух крупных очагов культурогенеза – болгаро-салтовского и прикамско-приуральского [*Казаков,* 2007, с. 15]. Предметы с прикамскими и приуральскими аналогиями представляют собой, прежде всего, погребальный инвентарь языческих погребений. Эти аналогии выделил А.В. Комар (Игимский, Варнинский, Поломский I, Редикорский могильники) [*Комар,* 2018, с. 169]. Помимо этого, А.В. Комар отмечает, что Танкеевский могильник испытал влияние со стороны памятников субботцевского типа, соотносимых с летописным Этелькёзом, что также проявляется в вещевом материале [*Комар,* 2018, там же]. Взаимодействие такого характера указывает, что переселившиеся в Причерноморье мадьяры поддерживали связи с родственным им населением, оставшимся в Поволжье. Это подтверждает выводы Е.П. Казакова.

Контакты трёх этнических образований – волжских болгар, поволжских и пермских финнов, угров – закономерно приводили к смешению и заимствованию элементов культуры друг у друга. Так, хорошо известно, что венгерская материальная и духовная культура имеет

значительный тюркский компонент. Это проявляется в языке, ономастике [*Кушкумбаев,* 2016, с. 199-224], материальной культуре. Вместе с тем нельзя сказать, что венгры представляют собой тюркский народ. Взаимодействуя с ранними болгарами, угры переняли немалую часть их культуры, и в IX в. представляли собой этническое образование со значительным тюркским компонентом. Тем не менее, сходные культурные элементы у них отличаются. Так, если тюркские племена, оставляя погребения с конями, располагали конскую тушу вдоль погребённого, то угры располагали её в сложенном виде [*Казаков,* 2007, с. 25]. Такой способ погребения коня мы видели на нашем памятнике (см. выше).

Прежде чем мы поставим точку в нашем кратком обзоре, сделаем небольшое резюме на основе выявленных нами данных. Мы выяснили, что Среднее Поволжье было связано как с Приуральем, так и с Поднепровьем и Паннонией. Хотя Танкеевский могильник относится ко времени переселения венгров на Дунай, угорский компонент на нём сохраняется [*Комар,* 2018, с. 172-173]. Сохраняется и салтовский компонент, однако в X в. Волжская Болгария и Хазария разрывают политические отношения, и салтовский элемент подтверждает это, т. к. имеет характерные пережиточные признаки [*Комар,* 2018, с. 175-176]. Отсюда следует, что наиболее прочные связи существовали именно на пути протовенгерской миграции – от Приуралья до Дуная. На наш взгляд, существовали они по той причине, что в IX в. в Среднее Поволжье переселилась часть ломоватовского, неволинского и поломского населения, родственного мадьярам. Возможно, именно их принял монах Юлиан за венгров. Таким образом, мы полагаем, что Среднее Поволжье – связующее звено в маршруте каскадного переселения угорских племён, и Танкеевский могильник это показывает.

Библиографический список

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории им. А. Шарджани АН Республики Татарстан, 2007. 207 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // АН СССР, Ин-т археологии / Археология СССР. Свод археологических источников / Под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1966.

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции | Komar O. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei // Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia, 2018. 424 c.

Кушкумбаев А.Р. «По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них…». К вопросу о восточных мадьярах // III-й Международный Мадьярский симпозиум: сб. науч. тр. / отв. ред. А. Тюрк, А. С. Зеленков. Будапешт, 2016. | 3. Nemzetközi korai magyar történeti és régészeti konferencia. / Szerkesztők A. Türk, A. Sz. Zelenkov. Budapest: Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia, 2016. С. 199-224.

Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. ст. М: Наука, 1972. С. 145-160.

Эрдели И. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. ст. М: Наука, 1972. С. 128-144.

MIDDLE VOLGA ETHNOCULTURAL PROCESSES AND CONNECTIONS IX-X AD ON THE INSTANCE OF TANKEEVKA BURIAL GROUND

I. Kim

Saint-Petersburg state university, Saint-Petersburg
mister-yoda2015@yandex.ru

Academic supervisor – PhD V. Sedykh

The article examines Tankeevka burial ground as an archaeological site, characterizing Middle Volga ethnocultural situation IX-X AD. Special attention is dedicated to Ugric component, which has been presenting in the submissions of the archaeological site.

Keywords: Tankeevka burial ground, Middle Volga, Hungarians, Volga Bulgarians.

УДК 902.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ИМПОРТ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В IX - XIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕМАРИЙСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Е.В. Князева

Казанский федеральный университет, Казань
knyaz.elizaweta@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. Е.Е. Воробьева

В статье рассматриваются культурные контакты древнемарийского населения с Древнерусским государством в IX–XIII вв. на основе погребального инвентаря могильников Ветлужско-Вятского междуречья.

Ключевые слова: культурные контакты, древнерусские предметы, Ветлужско-Вятское междуречье, древнемарийские могильники, погребальный инвентарь.

Ветлужско-Вятское междуречье включает в себя территорию, ограниченную с юга р. Волгой, с запада – р. Ветлугой, с востока – р. Вяткой, северная граница проходит по болотистой местности в Нижегородской и Кировской областях, где сближаются малыми притоками бассейны рек Ветлуги и Вятки [*Никитина,* 2012, с. 5].

Ветлужско-Вятское междуречье, на территории которого проживало древнемарийское население, уже с IX в. н. э. оказалось на пути оживленной магистрали – Великом Волжском пути. Этот путь стал катализатором межэтнических, миграционных, культурных, политических и прочих процессов в Восточной Европе. Контакты населения нашли отражение в погребальном инвентаре могильников.

Исследователи [*Никитина, Воробьева,* 2016*; Архипов,* 1986] разделяют древнемарийские погребальные памятники IX - XIII вв. на два этапа: 1) IX - XI вв.; 2) XII - XIII вв. IX - XI веками датируются такие могильники, как Веселовский *(далее* – Вес.*)*, «Нижняя Стрелка» *(далее* – НС*)*, Дубовский *(далее* – Дуб.*)*, «Черемисское кладбище» *(далее* – ЧК*)*, Юмский *(далее* – Юм.*)*, Русенихинский *(далее* – Рус.*)* [*Никитина, Воробьева*, 2016]. К XII - XIII вв. относятся такие погребальные памятники, как Выжумский II *(далее* – ВII), Выжумский III *(далее* – ВIII), Починсковский *(далее* – Поч.), Руткинский *(далее* – Рут.) могильники [*Архипов,* 1986].

В X в. на территорию Ветлужско-Вятского междуречья посредством древнерусских купцов или в качестве военных трофеев проникают предметы скандинавского и прибалтийского происхождения, которые находятся преимущественно в богатых захоронениях, например п. 5 Веселовского могильника [*Акилбаев,* 2017, с. 142]. К ним относятся подковообразные многогранные фибулы (4 экз.) [*Никитина,* 2012, с. 16-19, 45], боевые ножи – скрамасаксы (Рус., п. 5) [*Никитина,* 2018, с. 60-61], крест скандинавского типа из Веселовского могильника [*Акилбаев,* 2017, с. 73], браслеты с завязанными концами (6 экз.) [*Акилбаев,* 2017, с. 110], меч каролингского типа (НС, п. 15) [*Никитина,* 2012, с. 38]. Аналогии данным предметам найдены в больших количествах на памятниках Древней Руси: Новгород, курганы Гнёздово, Тимерёво на территории Прибалтики и Скандинавии [*Акилбаев,* 2017].

В XI в. в древнемарийских могильниках появляются височные украшения большого диаметра с заходящими концами (16 экз.) [*Акилбаев,* 2017, с. 47]. К концу XI века распространяются т. н. «радимические» гривны (3 экз.) [*Акилбаев,* 2017, с. 60-61], железные дротовые гривны (7 экз.) [*Акилбаев,* 2017, с. 61-62], аналогии которым найдены на территории Древней Руси и Скандинавии [*Акилбаев,* 2017, с. 60-62].

С территории Руси также происходят некоторые украшения рук. В Дубовском могильнике в п. 23 найден щитковый перстень с валиком [*Никитина*, 2012, с. 50]. Также в погребальном инвентаре встречены щитковые перстни с завязанными концами (5 экз.)

© Князева Е.В., 2020

[*Акилбаев,* 2017, с. 92]. Подобные перстни найдены в Калужской, Московской, Тверской, Ленинградской, Смоленской (Гнёздово), Ярославской (Большое Тимерёво) областях, в Прибалтике [*Недошивина,* 1967, с. 270].

С влиянием славянского населения связывается появление в Ветлужско-Вятском междуречье, так называемых, «усатых» перстней различных типов [*Акилбаев,* 2017, с. 92-95]. «Усатые» перстни с валиком в центре щитка являются самыми распространенным типом (Вес. (52 экз.), Дуб. (23 экз.), НС (34 экз.), Рус. (26 экз.), ЧК (3 экз.), Юм. (5 экз.)) [*Акилбаев,* 2017, с. 92-93]. В Веселовском (п.28), Дубовском (пп. 52, 74), «Нижняя Стрелка» (пп. 15, 17), Русенихинском (п.16) могильниках найдены «усатые» перстни без валика на щитке [*Акилбаев,* 2017, с. 94].

Импортом из Древней Руси являются дротовые т. н. «звериноголовые» браслеты с несомкнутыми концами (Вес. (11 экз.), Дуб. (7 экз.), НС (11 экз.), Рус. (3 экз.)) [*Акилбаев,* 2017, с. 103], дротовые с сужающими концами (Вес. (2 экз.), Дуб. (2 экз.), Рус. (1 экз.), Юм. (1 экз.)), пластинчатые с расширяющими концами (Вес. (10 экз.), Дуб. (1 экз.), НС (8 экз.), Рус. (6 экз.), Юм. (1 экз.)) [*Акилбаев,* 2017, с. 105], витые с намотанными друг на друга концами (Вес. (6 экз.), НС (10 экз.), Рус. (6 экз.), ЧК (2 экз.)) [*Акилбаев,* 2017, с. 110-111].

В состав поясной гарнитуры входят поясные накладки (сердцевидные, квадратные с растительным узором), найденные в больших количествах в Веселовском, Дубовском, «Нижняя Стрелка», Русенихинском, «Черемисское кладбище», Юмском могильниках [*Акилбаев,* 2017, с. 117], разделительные кольца (Вес. (5 экз.), НС (6 экз.), ЧК (2 экз.), Юм. (1 экз.)) [*Акилбаев,* 2017, с. 126]. Аналогии элементам пояса имеются в материалах Гнездовских курганов, в Новгороде, в Минино II [*Акилбаев,* 2017, с. 126].

С территории Ярославской, Владимирской областей, Приладожья происходят лопастные топоры из Дубовского, «Черемисское кладбище», Веселовского могильников [*Архипов,* 1973, с. 44, табл. Л]. Калачевидные кресала с язычком (Вес. (11 экз.), Дуб. (3 экз.), ЧК (2 экз.)) являются характерными для славян X – начала XIII вв. [*Архипов,* 1973, с. 55].

С XII в. значительно усиливается приток славянских вещей в Ветлужско-Вятское междуречье. Распространяются браслетообразные височные кольца с сомкнутыми концами, характерные для славянизированного финно-угорского населения Северной Руси [*Архипов,* 1986, с. 72]. В Выжумском II (5 экз.) и Выжумском III (2 экз.) могильниках найдены трехбусинные височные кольца, которые аналогичны находкам из славянских курганов X-XII вв. [*Седов,* 1982, с. 190].

Славянскими являются спиралеконечная круглого сечения фибула [*Мальм,* 1967, с. 152], найденная в Починсковском могильнике [*Архипов,* 1986, с. 75]. Подвески с треугольной основой из Починковского и Выжумского II могильников отнесены к типу IV по классификации Л. А. Голубевой – щиток подвески изготовлен из гладких спаянных 2 или 3 проволок [*Голубева,* 1982, с. 119]. Подвески этого типа характерны для курганов Костромской и Ивановской областей, для Сарского городища, и распространены у мери [*Голубева,* 1982, с. 112].

С XII - XIII вв. в погребальном инвентаре древних марийцев увеличивается количество пластинчатых т. н. «звериноголовых» (37 экз.) и витых (13 экз.) браслетов [*Архипов,* 1986, с. 81-82]. Заимствованными являются «рубчатые» (31 экз.) и «ложновитые» (29 экз.) перстни, которые распространены во Владимирской, Московской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Ярославской, Брянской и Вологодской областях [*Недошивина,* 1967, с. 264].

В некоторых погребениях XII - XIII вв. (BII, п. 1, Рут., пп. 16, 40, 44, 45) [*Архипов,* 1986, табл. П] найдены керамические сосуды, так называемого, «славяноидного» типа, которые появись в результате контактов финно-угорского населения со славянами [*Архипов,* 1986, с. 88].

Таким образом, взаимодействие древнемарийского населения с Древней Русью начинаются с X в. Первоначально это были единичные контакты, и древнерусские предметы находятся лишь в богатых погребениях. С XI в. начинается активное продвижение славян в Волго-Окское междуречье и на Европейский Север, с этим связано увеличение предметов славянского происхождения в погребальном инвентаре древних марийцев. Колонизация продолжалась в XII–XIII вв., что также отразилось на погребальных памятниках древних марийцев.

Библиографический список

Акилбаев А.В. Древнемарийские памятники IX – начала XII вв. в системе древностей Великого Волжского пути (по материалам украшений и предметов одежды). Дисс. … канд.ист.наук. Казань, 2017.
Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. 199 с.
Архипов Г.А. Марийцы XII-XIII веков. К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола, 1986. 163 с.
Голубева Л.А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бессейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 110-124.
Недошивина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. / Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 253-274.
Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX-XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология евразийских степей. Казань, 2012. № 14. 408 с.
Никитина Т.Б. Русенихинский могильник // Археология евразийских степей. Казань, 2018. № 3. 256 с.
Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е. К исторической топографии средневековых могильников Марийско-Чувашского Поволжья // Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. 2016. – С. 127-130.
Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., Наука, 1982. 328 с.
Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. / Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 149-206.

OLD RUSSIAN IMPORTS ON THE TERRITORY OF THE VETLUGA-VYATKA RIVER SISTEMS IN THE IX-XIII CENTURIES ACCORDING TO THE MATERIALS OF MARI BURIAL GROUNDS

E. Knyazeva

Kazan federal university, Kazan
knyaz.elizaweta@yandex.ru

Academic supervisor – PhD E. Vorobeva

In this article author aims to give the culture contacts of the medieval Mari with medieval Rus' in the IX-XIII centuries on the basis of the funerary equipment of the Vetluga-Vyatka river system.

Keywords: culture contacts, Medieval Rus' products, the Vetluga-Vyatka river system, medieval Mari burial ground, funerary equipment.

УДК: 902:569

КОМПЛЕКС КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА (2012 г.)

К.Ю. Коновалова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
kseniakon@icloud.com

Научный руководитель – к.б.н. П.А. Косинцев

Изучено 9866 костных остатков из раскопа Рождественского городища (2012 год) в Пермском крае, датируемого X–XIV вв. н.э. Проведен анализ соотношения костей рыб, птиц и млекопитающих, соотношения диких и домашних млекопитающих, определимых и неопределимых костных остатков из различных горизонтов и объектов, проведен анализ соотношения костей домашних копытных. В фауне преобладают домашние животные, в том числе крупный рогатый скот и лошадь. Среди диких наиболее многочисленны остатки бобра и лося.

© Коновалова К.Ю., 2020

Ключевые слова: археозоология, костные остатки, млекопитающие, Приуралье, средневековье, средневековый город, поздний голоцен.

Рождественское городище представляет собой центральную часть Рождественского археологического комплекса (наряду с ним, в комплекс входят Филипповское средневековое городище, мусульманский домонгольский могильник, средневековый языческий некрополь и Волгинское святилище), расположенного на левом берегу р. Обва, в 1,3-1,9 км к юго-западу от центральной части с. Рождественск Карагайского района Пермского края. Площадка Рождественского городища прямоугольной формы, площадь – 36 тыс. кв. м. Первое развернутое описание комплекса дал Н.П. Рычков в 1770 году. Позднее эти объекты изучались Н.Н. Новокрещённых (1898), В.А. Обориным и В.П. Денисовым (1949), Ю.А. Поляковым (1983), А.М. Белавиным (1985, 1990-1993) и Н.Б. Крыласовой (1997, 2008-2012, 2014-2019).

Исследованная большая площадь, на которой выявлены различные объекты: жилища, гончарные горны, ямы-кладовки и т. д. Среди находок доминируют фрагменты сосудов булгарской гончарной керамики, лепной керамики и многочисленные кости. Встречаются также костяные орудия, обломки тиглей, литейных форм, бронзовые изделия и ряд других типов находок. Городище представляет собой остатки крупного хозяйственного и ремесленного центра. По археологическим материалам Рождественское городище датируется X - XIV вв. н. э. [*Белавин,* 2008].

Цель данной работы - оценить однородность представленной выборки костных остатков животных из разных горизонтов и объектов культурного слоя городища по видовому составу и соотношению костей разных видов.

Ранее были опубликованы данные по материалам из раскопа 2009 г. [*Гасилин,* 2011] и обобщенные данные по раскопкам 1981, 1985, 1990, 1991, 2008-2012, 2014 и 2015 годов [*Бачура,* 2016]. В последней работе была обработана небольшая часть коллекции 2012 года, поэтому коллекция была обработана вторично.

Остеологический материал для данной работы происходит из раскопа 2012 года. Вскрытие культурного слоя осуществлялось ручным инструментом методом сплошной горизонтальной зачистки. Один условный горизонт составляет 0,1 м. Материал группировался по квадратам и горизонтам, материалы из ям и бровок между секторами были собраны отдельно. Данные по костям из некоторых горизонтов сгруппированы в связи с особенностями сбора материала. Наиболее насыщенными костными остатками были горизонты 5-7 (30%).

Таблица 1. Видовой состав и число остатков животных Рождественского городища (раскоп 2012г.), экз.

Таксон	**Г. 1-3**	**Г. 4**	**Г. 5**	**Г. 6-7**	**Г. 8**	**Г. 9-11**	**Г. 12-13**	**Г. 14-17**	**Г. 18-25**	**Я. 1**	**Я. 2**	**Я. 3**	**Я. 4**	**Я. 5**	**Я. 6**	**Я. 7**	**Б. B/C**	**Б. B/D**	**Всего**
Крупный рогатый скот	107	156	328	389	138	300	249	176	49	68	160	2	0	17	7	13	30	3	2192
Лошадь	77	165	287	361	123	240	207	156	72	36	117	0	0	1	1	18	35	0	1896
Мелкий рогатый скот	19	20	71	51	22	51	49	32	12	32	14	0	0	1	8	1	1	1	385
Собака	2	0	2	8	2	5	5	2	5	0	84	0	0	0	0	1	0	0	116
Свинья	1	1	3	8	4	7	14	11	1	0	1	0	0	0	0	0	1	0	52
Бобр	9	13	20	34	9	33	43	24	16	0	3	0	0	0	2	8	3	0	217
Лось	4	5	15	27	8	25	20	18	6	2	11	0	0	0	0	5	1	0	147
Заяц	1	2	6	5	5	9	3	4	3	9	13	0	0	0	0	1	0	0	61
Северный олень	2	1	2	3	1	4	5	2	1	3	0	0	0	0	0	0	0	0	24
Куница или соболь	0	1	2	4	2	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	12
Лисица	0	1	1	1	3	3	0	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	11

Бурый медведь	0	0	1	0	0	0	2	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	0	5
Белка	0	0	1	0	1	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Человек	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Росомаха	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Птица	6	6	9	9	6	20	15	18	2	4	15	1	0	1	14	0	1	0	127
Рыба	0	1	5	1	2	1	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	12
Раковины двустворчатого моллюска	0	0	1	0	0	0	0	3	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Неопределимые до вида кости млекопитающих	571	472	727	586	144	401	355	283	106	500	343	0	10	11	28	17	36	7	4597

Примечания: Г. – горизонт, Я. – яма, Б. – бровка

Всего собрано 9866 костей, в комплексе встречаются фрагменты раковин двустворчатых моллюсков. В основном кости млекопитающих имеют хорошую сохранность, поверхность костей без следов выветривания. Большинство костей фрагментировано. Кости, вплоть до фаланг, раскалывались при разделке как вдоль, так и поперек. Некоторые трубчатые кости копытных имеют многочисленные срубы. Около 2% костей имело следы погрызов собаками. Костей, подвергшихся воздействию огня - около 4,5%. По внешним признакам кости являются типичными кухонными отходами.

Анализ соотношения остатков основных таксонов показал, что большая часть остатков из раскопа принадлежит млекопитающим – 98,6% (9721 экз.); птицам – 1,3% (127 экз.) и рыбам 0,1% (12 экз.) (табл.1). Небольшая доля остатков птиц и рыб говорит о небольшой роли промысла птиц и рыбной ловли в жизнедеятельности населения городища.

Соотношение определимых и неопределимых костных остатков отражает степень раздробленности костей. Значения показателя разнятся как в горизонтах, так и в объектах раскопа (табл. 2). Так, всего было определено 53% остатков животных. Доля определимых остатков растет от 1 к 8 горизонту, от 9 к 25 горизонту соотношения долей определимых и неопределимых костей остаются на одном уровне.

Таблица 2. Соотношение определимых и неопределимых остатков млекопитающих Рождественского городища (раскоп 2012 г.)

Кости	**Г. 1-3**	**Г. 4**	**Г. 5**	**Г. 6-7**	**Г. 8**	**Г. 9-11**	**Г. 12-13**	**Г. 14-17**	**Г. 18-25**	**Я. 1**	**Я. 2**	**Я. 3**	**Я. 4**	**Я. 5**	**Я. 6**	**Я. 7**	**Б. B/C**	**Б. B/D**
Определимые, %	29	44	51	61	69	64	63	61	61	24	55	100	0	67	53	74	67	36
Неопределимые, %	71	56	49	39	31	36	37	39	39	76	45	0	100	33	47	26	33	64
Средний вес одного фрагмента неопределимых костей, грамм	3,9	5,4	7,0	7,7	5,7	7,6	9,0	10,3	9,5	2,8	6,0	0,0	1,5	8,8	5,4	10,2	13,5	9,9

Еще одним показателем степени раздробленности может служить вес костей. От 1 к 7 горизонту наблюдается следующее: чем больше доля неопределимых остатков, тем меньше средний вес одного фрагмента кости. Среди объектов, самая малая доля определимых остатков наблюдается в яме 4 и яме 1. Материал из объектов был сильно раздроблен, большая часть костей была подвержена термической обработке. Средний вес одного фрагмента составили 1,5

г. (яма 4) и 2,8 г. (яма 1). Таким образом, видна зависимость доли неопределимых остатков и среднего веса одного фрагмента неопределимой кости.

Среди определимых костей млекопитающих 88% принадлежит домашним видам. Среди домашних копытных преобладают остатки крупного рогатого скота (48%) и лошади (42%). На третьем месте по количеству стоят остатки мелкого рогатого скота (9%). На долю свиньи приходится 1%. Соотношение долей копытных в горизонтах различно, но эти изменения варьируются в пределах 10%. Наиболее выражены отклонения от средних значений долей наблюдаются в ямах 1,2,5,6,7. Так доля мелкого рогатого скота варьируется от 3% до 50% (в 17 раз), а доля лошади от 5% до 56% (в 11 раз). В это же время доля крупного рогатого скота колеблется лишь от 41% до 89% (в 2 раза). Более значительные различия в соотношении остатков домашних копытных в выборках из ям, по сравнению с выборками из горизонтов, связаны с их малочисленностью.

Таблица 3. Соотношение остатков домашних видов и промысловых млекопитающих ……. Рождественского городища (раскоп 2012 г.), %

Таксон	**Г. 1-3**	**Г. 4**	**Г. 5**	**Г. 6-7**	**Г. 8**	**Г. 9-11**	**Г. 12-13**	**Г. 14-17**	**Г. 18-25**
Домашние	90	92	92	91	89	86	85	84	83
Дикие	10	8	8	9	11	14	15	16	17

Из промысловых млекопитающих наиболее многочисленны остатки бобра, лося, зайца и северного оленя, причем кости последнего встречались реже в 9 раз, чем кости бобра (см. табл.1). Доля остальных млекопитающих в промысле была еще менее значительна. Кости домашних преобладают во всех горизонтах и объектах (см. табл. 1). Соотношение остатков домашних и промысловых млекопитающих меняется от 4 к 25 горизонту: доля диких видов увеличивается с 8% до 17% (табл.3).

Изученные материалы показывают, что у населения Рождественского городища основным источником белковой пищи выступали домашние копытные (крупный рогатый скот и лошадь). Спектр добычи диких видов был довольно широк, но на поселение приносили в основном виды, употребляющиеся в пищу – туши бобра, лося, северного оленя и зайца. В период функционирования городища роль промысла млекопитающих падала, но всегда преобладала над добычей пернатой дичи и рыболовством. По глубине изменяется степень раздробленности костей: с 1 по 7 горизонт она уменьшается, с 8 по 25 не изменяется.

Проведенное описание выборок костных остатков животных из разных горизонтов и объектов культурного слоя показало неоднородность выборок по ряду характеристик. Такие различия обусловлены особенностями жизнедеятельности населения в разное время бытования городища, а также особенностями использования объектов.

Библиографический список

Бачура О.П., Гасилин В.В., Косинцев П.А. Археозоологические материалы из городища Рождественское (планиграфический анализ) // Вестник Пермского научного центра. 2016. Вып. 3. С. 30-35.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.

Гасилин В.В., Лобанова Т.В. Комплекс костных остатков животных из Рождественского городища в Прикамье (раскопки 2009 года) // Тр. камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VII: сб. науч. тр. Пермь, 2011. С. 126–129.

COMPLEX OF BONE REMAINS OF ANIMAL FROM THE EXCAVATIONS OF ROZHDESTVENSKOE SETTLEMENT (2012)

K. Konovalova

Perm State University, Perm
kseniakon@icloud.com

Academic supervisor - PhD P. Kosintsev

9866 bone remains have been studied from the excavations of Rozhdestvenskoe settlement (2012 year) from Perm Krai dating back to the X-XIV centuries AD. The analysis of fish, birds and mammals' bones ratio was carried out, as well as of wild and domestic mammals' ratio, definable and indefinable bones ratio, domestic ungulates bones ratio. The fauna is dominated by domestic animals and in its turn the cattle and horse do it among them. The moose and beaver dominated among wild mammals.

Keywords: archaeozoology, animal bones, mammals, the Ural area, the Middle Ages, medieval town, the late Holocene.

УДК 902 904

КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ЛУКИ РАННЕХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Е.В. Кочеткова

Самарский государственный национальный исследовательский университет имени академика С.П.Королева, Самара
apr10evk@gmail.com

Научные руководители – к.и.н. С.Э. Зубов; к.и.н. Н.А. Лифанов

В тезисах доклада рассматриваются вопросы происхождения сабли как клинкового оружия раннесредневековых кочевников Евразии. При изучении появления данного вида вооружения у кочевого населения Восточной Европы были использованы материалы с территории Средневолжской лесостепи. Особое внимание было обращено на одинаковое расположение сабель в могилах, единую конструктивную схему клинков. Рассматриваемый набор клинкового оружия содержался в памятниках, оставленных населением раннего Хазарского каганата. Изучаемые пять экземпляров сабель и отдельные части оружия датируются первой половиной VIII века и являются одними из самых ранних на территории Европы.

Ключевые слова: Клинковое оружие, сабли, Среднее Поволжье, VIII век, Хазарский каганат, Самарская Лука.

Клинковое оружие стало распространяться, начиная с бронзового века, главное его назначение – колоть, рубить или сочетать оба этих фактора. Сабля является одним из видов колюще-рубящего оружия, отличается от мечей и палашей однолезвийным искривлённым клинком [*Багаутдинов, Богачев, Зубов,* 1998, с. 112]. Сабли абсолютно преобладают среди колюще-рубящего оружия среди клинкового оружия восточно-европейских кочевников, начиная с VIII в.

Вопрос о происхождении сабли занимает центральное место в изучении колюще-рубящего клинкового оружия раннесредневековых кочевников Евразии. Общепризнанной является разработанная Н.Я. Мерпертом схема развития колюще-рубящего оружия: «меч – палаш – сабля» [*Мерперт,* 1955]. Создание в средневековье сабли как легкого кавалерийского оружия было обусловлено том появлением в данный период жесткого седла и стремян: всаднику стало возможным наносить удары саблей благодаря большой устойчивости. Тем не менее, в деталях процесс генезиса восточноевропейской сабли пока неясен. Материалы с территории Средневолжской лесостепи, возможно, помогут в прояснении этой проблемы.

На территории лесостепного Поволжья раннее клинковое оружие представлено пятью экземплярами: двумя саблями из Новинковского II могильника (к.13 п.2[1] и к.14 п.3[2])

© Кочеткова Е.В., 2020

[1] Сабли из могильника Новинки II хранятся в экспозиции Музея археологии Самарского университета.

[*Матвеева,* 1997], по одной – из Шиловского (2/2[3]), Шелехметского VII (11/4) и Винновского I (2/3[4]) могильников. Также, кроме целых экземпляров, были найдены отдельные части оружия. Так, в Березовском I могильнике (2/1) был обнаружен фрагменты лезвия меча линзовидного сечения [*Скарбовенко, Сташенков,* 2000], в Новинковском II (11/2) и Брусянском IV (2/1) – обломки однолезвийных клинков, в двух комплексах (Брусяны IV 1/1 и Новинки II 18/3) – сабельные перекрестия.

Расположение сабель в могилах одинаково – вдоль тела погребённого, в двух случаях (Шиловка 2/2 и Винновка I 2/3) – по левому боку, в трёх (Новинки II 13/2 и 14/3, Шелехметь VII 11/4) – по правому. На клинках и черенах фиксируется древесный тлен от ножен и рукоятей. Перекрестия сабель из Новинок II 13/2, Шелехметь VII 11/4 и Винновки I 2/3[5] – простые брусковидные, у оружия из Новинок II 14/3 имеет фигурное расширение по центру. Навершия рукоятей не зафиксированы ни в одном случае.

Конструктивная схема клинков ранних средневолжских сабель едина: все они характеризуются треугольным сечением, при том, что его остриё расковано для двусторонней заточки и имеет линзовидное сечение; наклон рукояти к лезвию отсутствует. Если средняя ширина клинков всех сабель примерно равна – около 3 см, то их длины варьируют в широких рамках: Шиловка 2/2 – 91 см, Новинки II 14/3 – 81 см, Новинки II 13/2 – 74 см, Шелехметь VII 11/4 – ~77 см (остриё клинка обломано), Винновка 2/3 – 78 см.

По соотношению длины клинка и степени его изгиба рассматриваемые сабли можно разделить на три варианта. К первому относятся наиболее длинные и изогнутые клинки из Шиловки 2/2 и Новинок II 14/3. Вариант 2 объединяет слабоизогнутые (не более 5 мм) клинки из Новинок II 13/2 и Шелехмети VII 11/4 [*Лифанов, 2007*, с.144 - 145].

Особый третий вариант представлен клинком из Винновки 2/3. Это оружие с уверенностью назвать саблей нельзя: его режущая кромка прямая, а изгиб наблюдается с противоположной лезвию стороны. Данная форма клинкового оружия является переходной между палашом и саблей [*Лифанов, 2017*, с. 87].

Погребальные памятники, содержавшие рассматриваемый набор клинкового оружия, были оставлены населением раннего Хазарского каганата, датируются первой половиной VIII столетия [*Скарбовенко, Сташенков*, 2000; *Лифанов*, 2017; *Бражник, Кирсанов, Лифанов*, 2000; *Матвеева*, 1997]. Образцы сабель из этих могильников являются одними из самых ранних на территории Европы.

Библиографический список

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Отв. ред. В.Б. Ковалевская. Самара, 1998. 286 с.

Бражник О.И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н.А. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г. // Краеведческие записки. Вып. IX. Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. С.188-198.

Лифанов Н.А. Вопросы военной организации средневолжских кочевников раннехазарского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. г. Волгоград, 12-15 ноября 2007 г. Тезисы докладов. Отв. ред. А.В. Кияшко. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С.142-146.

Лифанов Н.А. Раннесалтовский погребально-поминальный комплекс из могильника Винновка I на Самарской Луке // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 248. Гл. ред. Н.А. Макаров. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2017. С.79-90.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 226 с.

Мерперт Н.Я. Из истории оружия племён Восточной Европы в раннем средневековье // Советская археология. Вып. XXIII. Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.131-168.

[2] В литературе данное оружие ошибочно именуется палашом. Однако, клинок его изогнут.

[3] Сабля утрачена, о ней можно судить лишь по публикации.

[4] Хранятся в фондах Самарского областного историко-краеведческого музея.

[5] В последнем случае перекрестие украшено инкрустацией из желтого металла в виде завитков.

Скарбовенко В.А., Сташенков Д.А. Березовский курган и его место в системе раннесредневековых древностей Самарского Поволжья // Краеведческие записки. Вып. IX. Гл. ред. П.С. Кабытов. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2000. С.166-187.

BLADED WEAPONS OF THE POPULATION OF SAMARA BOWS OF THE EARLY KHAZAR TIME

E. Kochetkova

Samara National Research University, Samara
apr10evk@gmail.com

Academic supervisors – PhD S. Zubov; PhD N. Liphanov

This article discusses the origin of the saber as a bladed weapon of the early medieval nomads of Eurasia. During the studying of the appearance of this type of weapons in the nomadic population of Eastern Europe, materials from the territory of the middle Volga forest-steppe were used. Special attention was devoted to the same location of sabers in the graves, a single design scheme of blades. This considered set of bladed weapons contained in the monuments left by the population of the early Khazar Khaganate. The studied five copies of sabers and individual parts of the weapon date back to the first half of the VIII century and they are among the earliest in Europe.

Keyword: Bladed weapons, sabers, middle Volga region, VIII century, Khazar Khaganate, Samara Bend.

УДК 902/904

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ИСКУССТВА САСАНИДСКОГО ИРАНА В ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЕ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

А.Р. Латыпова

Казанский федеральный Университет, Казань
latypovalsu.r@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. С.И. Валиулина

В статье рассмотрены разнообразные элементы поясной гарнитуры, декор которых отсылает нас к образам и символам искусства Сасанидского Ирана, обнаруженные в погребениях одного из ключевых памятников раннеболгарского периода – Больше-Тиганского могильника.

Ключевые слова: поясная гарнитура, накладки, мифология, Иран, Волжская Булгария, раннеболгарский период, Больше-Тиганский могильник.

Больше-Тиганский могильник, изучение которого велось в середине 1970-х – начале 1980-х гг, является одним из ключевых в изучении истории раннеболгарского периода конца VIII – первой половины IX вв. Уникальность памятника заключается в том, что в отличие от остальных памятников раннеболгарскогой группы, Больше-Тиганский могильник отличается своей этно-культурной самодостаточностью. Погребальный обряд больше-тиганского населения находит практически полные аналогии в венгерских могильниках конца IX – первой половины X вв., расположенных на Дунае [*Халикова,* 1976; с. 143]. По-видимому, Больше-Тиганский могильник обозначает крайние западные пределы угорской экспансии в Приуралье [*Фодор,* 2015; с. 114].

© Латыпова А.Р., 2020

В ряде погребений Больше-Тиганского могильника было обнаружено пять элементов поясной гарнитуры, которые выступают как наиболее выразительный материал, имеющий компоненты ирано-персидских черт.

В погребении 23 были обнаружены две подпрямоугольные накладки, поверхность которых была украшена оригинальным орнаментом, изображающим крылатых коней [*Халикова, Халиков,* 2018; с. 31-34]. Подобный сюжет был довольно распространен в сасанидском Иране. Изображения крылатых коней часто можно встретить на шелковых тканях и сасанидских геммах. Сопровождающие надписи на геммах в большинстве своем несут религиозно-этический характер («праведность», «божественная справедливость», «помощь богов/упование на богов»). Также образ крылатого коня тесно связан с божеством дождя Тиштаром (Сириусом) и с солнечным божеством Михром (Митрой), перевоплощением которых он выступает [*Гаджиев, Давудов,* 2012; с. 34-35].

В погребении 24 были обнаружены две поясные бляхи, округлой формы, с прорезями, на поверхности которых изображены крылатые сенмурвы. [*Халикова, Халиков,* 2018; с. 34].

Образ сенмурва или симурга является одним из самых узнаваемых в персидском искусстве. Самые ранние упоминания этого мифического существа встречаются в Авесте – собрании священных текстов зороастрийцев [*Сотникова,* 2016; с. 146]. Его изображали как существо, которое имеет перья павлина, черты льва, грифона и собаки. Образ Сенмурва имеет различную трактовку. Так, наиболее часто Симург трактуется как вещая птица справедливости и счастья. Также Симург являлся династийным символом Сасанидской династии. В некоторых мифах Симург является сторожем, отделяющим потусторонний мир от мира живых. Также образ Симурга известен в мифологии тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья [*Тревер,* 1937; с. 34]. Аналогичные сюжеты также можно проследить в памятниках уральского региона, куда импортировалось огромное количество потерявших востребованность серебряных изделий.

Также в 24 погребении был найден массивный серебряный наконечник с изображением крылатого змея с лошадиным туловищем и расцветшим хвостом. [*Халикова, Халиков,* 2018; с. 34]. Изображение на серебряном наконечнике имеет сходство с мифическим персонажем – Шахмаран – королевой змей и хранительницей мудрости, которая описывается как фантастическое существо с телом дракона, лицом женщины и второй головой ядовитой змеи на кончике хвоста. Семантика имени Шахмаран имеет персидское происхождение, где «шах» – это в древний титул иранских правителей, а «мар» – змея. «Маран» же дословно переводится как «змеи», т. е. представляет собой форму множественного числа.

Примечательно, что в древней иранской мифологии змея не являлась почитаемым существом, в то время как арабо-иранская традиция показывает не соответствующий иранской мифологии образ царя или царицы змей, трактующийся как олицетворение мудрости [*Кондыбай,* 1997; с. 34].

Кроме деталей поясных наборов в погребении 20 была обнаружена серебряная драхма омейядских наместников Ирана с портретом Хосрова II (590-628 гг.) и с именем наместника Зийяд Ибн Аби Суфьяна, чеканенная в 50-х годах хиджры (в 670-х г.) [*Халикова, Халиков,* 2018; с.29-31]. Согласно В.Ю. Морозову, проникновение сасанидской драхмы на территорию Поволжья делится на две волны: конец V – конец VII вв. и вторая половина VIII – середина IX вв. В VIII – середине IX вв. сасанидская драхма поступала как примесь к куфическим дирхемам, а торговля велась опосредовано – через булгарских купцов [*Морозов,* 1996; с. 148]. Монета, как и все остальные, найденные в погребениях, была пробита, из чего следует, что ее могли использовать в качестве украшения [*Халикова,* 1976; с. 177].

Однако для того, чтобы понять, каким образом в прикамский могильник, обладающий протовенгерскими чертами, проникли иранские мотивы, следует обратиться также к процессу поступления импортной иранской продукции VII – IX вв.

Что касается верхней датировки притока импортных сасанидских изделий, то и здесь есть свои нюансы. Изначально В.П. Даркевич выделял 23 клада III – VII вв. в Прикамье и Башкирии и еще 4 в Кахазстане и Оренбугской области. Однако, впоследствии датировка была изменена на VII в., что логично согласуется с началом притока среднеазиатских монет и общей исторической обстановкой того времени [*Даркевич,* 1976; с. 6]. VII в. был ознаменован

арабскими завоеваниями, которые должны были снизить интенсивность торговли. Также, согласно Т.С. Нунану, во время арабо-хазарских войн торговля между исламским миром и восточной Европой была невозможна. Однако это не совсем так. В это тяжелое время среднеазиатские купцы стали искать новые рынки сбыта и нашли – Прикамье и степной путь. Параллельно с этими событиями шло распространение ислама и противоречащие исламским догмам сасанидские изделия и мастера, их изготовлявшие, стали вытесняться в Среднюю Азию. Так, в Прикамье были завезены сасанидские сосуды IV – V вв., которые зачастую встречаются в кладах более поздних или же отдельно. В итоге, во второй половине VII – VIII вв. степной путь на время заменил приоритетный волжский, который интенсивно использовался до конца VIII в., а после был задействован уже в меньших масштабах и с измененным конечным пунктом [*Нунан,* 2004; с. 258].

Таким образом, огромный поток изделий, вывозившийся за пределы Ирана в связи с новой политикой исламизации, (которая, по идее, должна была полностью перекрыть предшествующие языческие мотивы) не дал погаснуть распространению сасанидского искусства. Также можно поставить вопрос о том, кто являлся автором этих изделий – местные мастера, плененные или изгнанные мастера Ирана.

Библиографический список

Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. К интерпретации образа крылатого коня на зооморфных бляшках Дагестана // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Махакчала: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Дагестанский научный центр Российской академии наук, 2012. С. 32-37.
Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII - XIII вв. СПб: Наука, 1976. 199 с.
Кондыбай С.Э. Мифология предказахов. Алматы: Нурлы Алем, 2003. 272 с.
Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 148 – 164.
Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2004. С. 256 – 313.
Сотникова С.В. Образ мифической птицы на гравировках раннего железного века: опыт сопоставления обско-угорской и иранской традиции // Вестник Томского государственного университета. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. С. 141-151.
Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. СПб: Государственный Эрмитаж, 1937. 74 с.
Фодор. И. Венгры: древняя история и обретение родины: науч.-попул. изд. Пермь: ООО «Типография «ЗЁБРА», 2015. 132 с.
Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // Советская археология. 1976. №2. С. 158 – 178.
Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология. 1976. №3. С. 141-156.
Халикова Е.А, Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Казань: «Фэн», 2018. 144 с.

MAGES AND SYMBOLS OF ART OF THE SASANIAN IRAN IN THE BELT HEADSET OF THE BOLSHE-TIGAN BURIAL GROUND

A. Latypova

Kazan Federal University, Kazan
latypovalsu.r@gmail.com

Academic supervisor –PhD S. Valiulina

The paper considers various elements of the belt set, the decor of which refers us to the images and symbols of art of Sasanian Iran, discovered on the territory of one of the key monuments of the early Bulgarian period-the Bolshe-Tigran burial ground.

Keywords: belt headset, overlays, mythology, Iran, Volga Bulgaria, early Bulgarian period, Bolshe-Tigan burial ground.

УДК 902

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

С.Н. Мамедов

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
safir02@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

Статья посвящена исследованию центральноазиатских предметов вооружения и снаряжения на примере памятников Нижнего Прикамья. Рассмотрены и описаны предметы вооружения центральноазиатского происхождения, а именно наконечники стрел. Также была рассмотрена аскизская культура, оценено ее влияние на Прикамье. Были выявлены проблемы появления центральноазиатских предметов на территории севернее Камы, а также поставлен вопрос о существовании аскизской культуры.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, Староромашкинское городище, наконечники стрел, предметы вооружения и снаряжения, аскизская культура, Волжская Болгария

Нижнее Прикамье – территория, находящаяся в пределах Волги и устья Белой. К Нижнему Прикамью относятся такие города домонгольского и золотоордынского периода, как Алабуга, Кирмень, Чаллы, Староромашкино, Джукетау, Кашан. Исследованием некоторых из них занимается Елабужская археологическая экспедиция под рук. А.З. Нигамаева. В комплексе находок, выявленных в ходе археологических работ данной экспедиции, особое место занимают такие предметы вооружения, как наконечники стрел, кинжалы, сулицы, наконечники копий, арбалеты, а также различные предметы снаряжения. Однако большинство из этих предметов имеют узкую культурную принадлежность. К сожалению, на сегодняшний день на территории памятников Нижнего Прикамья, а именно на территории Елабужского, Кирменского, Чалнинского археологического комплекса, предметов центральноазиатского происхождения, связанных с эпохой монгольских завоеваний, не обнаружено. Единственным памятником, изученным Елабужской археологической экспедицией, где были обнаружены предметы центральноазиатского происхождения, является Староромашкинское городище.

В ходе археологических работ с 2013 по 2017 гг. в Староромашкино было найдено большое количество предметов вооружения и снаряжения. Согласно отчетам 2016 года, всего из культурного слоя (вне сооружений) происходит 233 индивидуальных находок. Для нас особо интересны наконечники стрел. Один из них относиться к типу 49 по классификации А.Ф. Медведева [*Медведев*, 1966, с. 50]. Наконечник имеют длину – 8 см и массу – 6,6 г. Данный тип наконечника не характерен для домонгольских болгар и был занесен на данную территорию во время захвата города монголами осенью 1236 г. [*Нигамаев*, 2017, с. 40]. Применялись для стрельбы по коням противника до начала XV века. Также следует рассмотреть отчет 2013 г. Всего из культурного слоя (вне сооружений) происходит 76 индивидуальных находок. Одной из находок является наконечник стрелы типа 67 по классификации А.Ф. Медведев [*Медведев,* 1966, с.53]. Это типичные монгольские наконечники, появившиеся на Руси и в Восточной Европе вместе с ордами Батыя в XIII веке. Датируется этот тип XIII-XIV вв.

Данный археологический памятник был уничтожен монгольскими отрядами в 1236 г. Этим обусловлено малое количество находок центральноазиатского происхождения. Также, фактором, повлиявшим на малое количество находок центральноазиатского происхождения, является проблема появления монгольских отрядов на территории севернее Камы, в пределах Волго-Камского региона.

Затрагивая тему центральноазиатских предметов вооружения и снаряжения, нельзя не рассмотреть аскизскую культуру, существование которой датируется X-XIV вв. С X-XI вв.

© Мамедов С.Н., 2020

предметы «аскизского типа» начинают активно распространяться на территории Прикамья. В трудах археологов упоминаются такие предметы, как ременной набор, конское снаряжение и т.д. Их появление было обусловлено территориальной близостью с Волжской Болгарией, куда аскизские предметы вооружения и снаряжения попадали благодаря торговле, ведь Болгар на тот момент являлся центром торговли. Также предметы данной культуры могли попасть в Прикамье с отрядами аскизских всадников, выполнявших военно-дипломатические функции.

И.Л. Кызласов утверждает, что аскизские вещи есть, по меньшей мере, в 10 древнерусских городах и селищах, во всех болгарских поселениях. На сегодняшний же день, Елабужской археологической экспедицией не были найдены вещи «аскизского типа». Узнать о них мы можем лишь из книг К.А. Руденко «Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв.», который также ставит главной причиной их распространения на территории Прикамья торговые и дипломатические связи и Древнехакасским государством. Исследования, проводимые К.А. Руденко, убедительно демонстрируют влияние аскизской культуры на производство Волжской Болгарии.

К.А. Руденко делит вещи аскизского типа на две категории: собственно, аскизские и камские. Камские изделия были изготовлены мастерами Волжской Болгарии по аскизским мотивам. Данные изделия могли изготавливаться не только из железа, но также из бронзы и меди.

Отсутствие находок предметов «аскизского типа» на территории Нижнего Прикамья, могут поставить под сомнение пребывания здесь хакасских племен и их влияния на культуру. На сегодняшний день, некоторые археологи считают, что предметы аскизской культуры изготовлены в Болгаре и не имеют центральноазиатского происхождения.

Таким образом, говорить о каком-либо переселении или длительном проживании на территории Нижнего Прикамья центральноазиатских племен, археологических оснований нет. Как и нет археологических оснований, считать влияние центральноазиатских предметов вооружения и снаряжения определяющим на данной территории.

Библиографический список

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Луки и стрелы, самострелы. VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 154 с.

Нигамаев А.З. Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках на Староромашкинском городище Чистопольского района Республики Татарстан (раскоп III) в 2016 году. Елабуга, 2017. 157 с.

Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Казань: Заман, 2001. 256 с.

CENTRAL ASIAN WEAPONS AND MILITARY EQIUPMENT FROM THE MONUMENTS OF THE NIZHNEYE PRIKAMYE

S. Mamedov

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
safir02@mail.ru

Academic supervisor - PhD A. Nigamaev

The article is devoted to the study of Central Asian weapons and equipment on the example of monuments of the Nizneye Prikamye. The weapons of Central Asian origin, namely arrowheads, are considered and described. Asciz culture was also considered, and its impact on Prikamye was appreciated. Problems of Central Asian objects in the territory north of Kama were identified. The question of the existence of Askiz culture has also been raised.

Keywords: Nizneye Prikamye, Staroromashkinskoe ancient settlement, arrowheads, weapons and equipment, asciz culture, Volga Bolgaria

УДК 902

«БРОШЕННЫЕ» ЗАХОРОНЕНИЯ XI-XIII ВВ. НА САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

Е.В. Мартынова
Астраханский государственный университет, Астрахань
ekaterina.martynova.2017@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.В. Васильев

Самосдельское городище, по мнению исследователей, является остатками города Саксин, существовавшего в XI-XIV вв. В статье представлен анализ 5 погребений, найденных на территории городища под завалами сооружений. Требования погребальных обрядов в этих захоронениях не соблюдены. Это так называемые «брошенные» захоронения, не являющиеся преднамеренными. Анализ палеоантропологических данных говорит о преимущественной долихокранности населения. Брахикранные погребения принадлежат представителям кочевых этносов, совершавших нападения на Саксин в указанный период. Разрозненность и поврежденность некоторых скелетов людей свидетельствуют о том, что большинство из них погибли насильственной смертью во время нашествий XI-XIII вв. Брошенные захоронения позволяют выделить периоды нашествий и датировать соответствующие горизонты серединой XI века (кыпчакское нашествие) и 30-мы годами XIII века (монгольское нашествие).

Ключевые слова: Саксин, Самосдельское городище, погребения, нашествие кыпчаков, монгольское нашествие

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в Дельте, на правом берегу реки Старая Волга или Бирюль. Оно интерпретируется исследователями как археологические остатки города Саксин [*Васильев,* 2015, с. 189-267].

Изучение Самосдельского городища ведется более 20 лет, и за это время найдено незначительное количество захоронений. Окрестности городища представляют собой низины – дельтово-пойменные заливные луга. Ярко выраженные особенности рельефа – возвышенности, где могли бы находиться могильники, отсутствуют. Единственный бэровский бугор, расположенный за рекой Старая Волга, занят современным кладбищем, поэтому для изучения почти недоступен. В 2018 году на территории села Самосделка был обнаружен некрополь домонгольского периода, синхронный времени существования городища. Огромное значение для реконструкции антропологического облика населения играют захоронения, которые обнаруживаются непосредственно на территории Самосдельского городища в раскопах. Речь идет о так называемых «брошенных захоронениях», возникших случайным образом. Это непреднамеренные погребения, которые не несут в себе следов религиозных обрядов, связанных с захоронением. Они относятся к периодам военных нападений на городище в XI-XIII вв.

В средних слоях городища, относящихся к XI в., обнаружено 3 захоронения (два из них – на раскопе №2 (№№12 и 14) и одно – на раскопе №1 в сооружении 9А (№1).

Погребение №1. После снятия пола в 2005 году в южной части помещения №1 сооружения №9А был найден скелет человека без головы и ног. Остальные кости скелета лежали в анатомическом порядке с небольшим смещением отдельных частей. Кости торса лежали в положении «на спине» головой на запад, ногами на восток. Плечевые кости вытянуты вдоль тела, локтевые суставы согнуты под прямым углом, и кости предплечья обеих рук лежат на поясе. О том, что это погребение мужчины, свидетельствует найденная у пояса медная пряжка с круглой рамкой из прута круглого сечения с железным язычком. Стоит отметить, что погребенный лежал не в яме, а в засыпи между полами сооружения № 9А и сооружения №9 [*Зиливинская*, 2005, с. 23].

© Мартынова Е.В., 2020

Погребение №12. Погребение (его восточная половина) было выявлено в полевом сезоне 2017 года по костям ног, торчащим из борта раскопа, в 2018 году полностью расчищен. Стоит отметить, что пятно могильной ямы в процессе расчистки не было прослежено, возможно, ямы не было вовсе. Человек был захоронен под завалами сооружения. Это погребение взрослого мужчины 30−40 лет, ноги которого согнуты в коленях и разведены в стороны, малая берцовая кость левой ноги накрывает кости правой ступни. Правая рука лежит на тазовых костях, левая вытянута вдоль туловища и отведена в сторону. Череп запрокинут назад и повернут на левую сторону (лицом на СЗ). В районе правой стороны ребер были расчищены обломки железного предмета длиной около 10 см, и шириной – 3−4 см [*Болдырева*, 2017, с. 60–61].

Погребение №14. Было выявлено по костям черепа, торчащим из-под костей ног погребения №12. Могильной ямы погребение не имело также, зато в завале погребения были расчищены обломки обожженных кирпичей, относящихся к сооружению №64. Это погребение взрослого мужчины в возрасте 30-40 лет. Он был расположен в скорченной позе: голова ориентирована на юго-восток; кости ног − на юго-запад, а тазовые кости − на север. Правая рука лежит на тазовых костях, левая поднята вверх и согнута под углом 90^0 по отношению к телу. Правая нога вытянута прямо, а левая согнута в колене. Стопы обращены вбок. Кроме того, под погребением было расчищено несколько железных предметов. В правой руке погребенного лежал железный предмет, представляющий собой остатки ледоходных шипов. Также под правой бедренной костью лежал железный топор, а в нижней части тела под большеберцовыми костями – остатки железной сабли. В черепе погребенного был зафиксирован железный гвоздь плохой сохранности [*Болдырева*, 2017, с. 82–83].

Так, судя по общей стратиграфии этого участка городища, погребения датируется домонгольским временем, а именно 2-ой половиной XI века. Также подтверждению этому могут служить найденные бронзовые котлы из сооружения № 67, под завалами которого и находились тела убитых. Медные котлы относятся к XI веку согласно классификации К.А. Руденко

Исходя из описания погребений можно предположить, что люди погибли насильственной смертью. И вероятнее всего, это произошло в ходе нашествия кипчаков в средине XI века в зимний период времени.

Предположение, что нашествие произошло именно в зимний период времени, подтверждается остатками ледоходных шипов. Кроме этого, Абу Хамид Ал-Гарнати в своем сочинении писал: «Замерзает эта река так, что становится как земля, ходят по ней лошади и телята, и всякий домашний скот. И на этом льду они сражаются». Река, которую упоминает ал-Ганати, соответствует одному из протоков Волги. Так, топографический план окрестностей Самосдельского городища позволяет увидеть, что местность к северо-западу от городища представляет собой очень широкую речную долину, которая при более высоком уровне стояния воды превратилась бы в реку шириной около километра. В настоящее время по ней протекают ерик Воложка, который периодически затапливается водой, и полноводный ерик Коклюй (Сомовка) [*Васильев*, 2015 г. с. 189−267].

В средних слоях городища, относящихся к середине XIII в., обнаружено 2 захоронения. (1 захоронение – на раскопе №2 (№2). 2 – на раскопе №2 (№13).

Погребение №2. Погребение обнаружено в 2006 году и представлено фрагментами костяка человека: голова, часть руки, ребер и грудной клетки. Погребенный лежал на левом боку, голова была ориентирована на ЮВ, лицевая часть черепа немного развернута в ЮЗ направлении. В основании черепа и на затылке сконцентрированы кости кисти руки. Также в анатомическом порядке сохранились одна плечевая, локтевая и лучевая кости, лежащие на обожженном кирпиче. При расчистке погребения на расстоянии были выявлены разрозненные ребра и позвонки человека. Пятно могильной ямы не было прослежено, так как возможно ямы не было вовсе. Этот человек, скорее всего, погиб под завалом слоя пожара времен монгольского нашествия. Стоит отметить, что в верхней трети затылочно-теменного шва глубокое вдавление, явившееся, по всей видимости, следствием удара тяжёлым предметом округлого сечения. Травма не была фатальной для индивида, поскольку фиксируются чёткие следы заживления раны [*Болдырева*, 2016].

Погребение № 13. Погребение молодого мужчины 18-20 лет эпохи средневековья. Костяк сохранился лишь частично, нижняя часть туловища утеряна. Сохранилась лишь бедренная кость левой ноги. Костяк фиксирует положение на левом боку. Лицевая часть черепа обращена к югу. Правая рука лежит на грудной клетке. Левая бедренная кость расположена под углом 90^0 к телу. В завале погребения были зафиксированы обломки обожженных кирпичей. Могильная яма погребения не сохранилась, скорее всего, ее и не было, так как погребение обнаружено под завалами разрушенного сооружения [*Болдырева*, 2018].

Разрозненность и поврежденность описанных скелетов людей обусловлена их гибелью в результате монгольского нашествия 1230 г.

В настоящий момент с найденными захоронениями работают исследователи из Института этнологии и антропологии РАН. В ближайшее время мы получим некоторые первичные данные по антропологическому облику населения Самосдельского городища, синхронного времени существования города Саксин. Однако сейчас можно предварительно сказать, что человек из погребения № 12 не похож на остальное население Самосдельского городища. Он выделяется брахокранией и монголоидностью черт, в то время как остальные представители серий долихокраны.

Библиографический список

Ал-Гарнати, АбуХамид. Сочинения. М.: Директ-Медиа, 2010. 184 с.

Болдырева Е.М. Отчет об археологических исследованиях Поволжского отряд Средневековой археологической экспедиции Исторического музея в Камызякском районе Астраханской области в 2016 году// Архив ИА РАН.

Болдырева Е.М. Отчет об археологических раскопках Поволжского отряда Средневековой археологической экспедиции Исторического музея на городище Самосделка в Камызякском районе Астраханской области в 2018 году// Архив ИА РАН.

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин// Поволжская археология. 2015. №2 (12). С. 189-267.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на самосдельском городище в камызякском районе астраханской области в 2005 году// Архив ИА РАН.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII-XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.

«ABANDONED» BURIALS OF XI-XIII CENTURIES. ON-SITE SAMOSDELSKOE SETTLEMENT

E. Martynova

Astrakhan State University, Astrakhan
ekaterina.martynova.2017@mail.ru

Academic supervisor – PhD D. Vasiliev

According to the researchers, Samosdelka settlement is the remains of the city Saksin, which existed in the XI-XIV centuries. The article presents the analysis of 5 burials found on the territory of settlement under the rubble of buildings. Requirements of funeral ceremonies in these burials are not observed. These are so-called "abandoned" burials that are not intentional. Analysis of paleo-anthropological data indicates the predominant dolichocranic of the population. Brahikranny burials belong to the members of the nomadic ethnic groups, attacks on Saksin in the period. The fragmentation and damage of some skeletons of people indicate that most of them died a violent death during the invasions of the XI-XIII centuries. Abandoned graves allow us to distinguish the periods of invasions and date the corresponding horizons to the middle of the XI century (kipchak invasion) and the 30th years of the XIII century (mongol invasion).

Keywords: Saksin, Samosdelka settlement, burial, kipchak invasion, mongol invasion

УДК 902.01

КЕРАМИЧЕСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

А.А. Матвеев

Астраханский государственный университет, Астрахань
Lexamat2000.Astrakhan@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.В. Васильев

В данной статье представлена классификация керамических светильников Самосдельского городища. Классы выделяются по наличию или отсутствию подставки, категории – по открытости или закрытости сосуда, виды – по отделке поверхности (поливные и неполивные), типы светильников выделяются по количеству носиков.

Ключевые слова: Самосдельское городище, керамика, светильники, типология.

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в дельте Волги, на правом берегу р. Старая Волга или Бирюль. Главная часть городища находится на острове, вытянутом вдоль старого пересохшего русла Волги, который со всех сторон окружен высохшими протоками. Здесь наблюдаются остатки сразу трех городов последовательно сменявших друг друга и относящихся к IX-XIV векам.

Одними из наиболее часто встречающихся находок в керамическом комплексе Самосдельского городища являются светильники. В данной статье приводится опыт классификации этой категории находок.

Из всех найденных на Самосдельском городище целых или археологически целых керамических светильников можно выделить два класса: I − с подставкой и II − без подставки. Дальше можно выделить две категории по форме светильников: 1 − открытые и 2 − закрытые. По отделке поверхности мы выделяем два вида: А − неполивные и Б − поливные. По количеству носиков можно выделить два типа светильников: а − с одним носиком, б − с несколькими носиками.

Абсолютное большинство светильников относятся к классу I и не имеют подставки. Лишь один светильник относится к классу II. Это лепной сероглиняный светильник на ножке с ручкой. Ножка и ручка отбиты. Ручка была вертикальная круглая в сечении верхним краем крепилась к основанию чашечки.

Так же большая часть светильников являются открытыми и относятся к категории 1 – 27 шт. К категории 2 относятся два светильника.

25 светильников относятся к виду А. 4 являются поливными и относятся к виду Б. Один из них представлен в виде кувшинчика с длинным закрытым носиком. Тулово реповидное. Ручка вертикальная, овальная в сечении, верхней частью крепится к горлу, нижней к тулову сосуда, часть ручки утрачена. Полива темно-коричневого цвета. Второй представлен в виде кувшинчика с открытым носиком, край которого обломан. Тулово шаровидное. Ручка вертикальная, овальная в сечении, верхней частью крепится к горлу, нижней к тулову сосуда. Полива светло-зеленого цвета. Третий также представляет собой кувшинчик с открытым носиком. Венчик вертикальный прямой. Ручка овальная в сечении. Часть ручки и носика утеряны. Полива прозрачная зеленая. Тулово четвертого поливного светильника шаровидно, ручка петлевидная крепится к плечику сосуда. Венчик прямой. Полива зелёная полупрозрачная.

Форма первого - характерная для керамики Ближнего Востока, а форма остальных поливных светильников характерна для многих городищ Средней Азии и позволяет датировать их периодом до начала XI в. [*Болдырева,* 2016].

Помимо этого, выделяются еще и типы светильников. К типу «а» относятся 28 шт. К типу «б» относится всего один светильник. Это красноглиняный круговой светильник с двумя

© Матвеев А.А., 2020

носиками. Часть одного из носиков утеряна. Сам носик имеет форму трубки с подовальным отверстием на верхней стороне. Венчик слегка отогнут наружу. Горловина высокая цилиндрическая вертикальная. Тулово имеет шаровидную форму. Ручка вертикальная петлевидная. Кончик носика орнаментирован умбоновидным налепом. На внутренней стороне кончика носика оттиснута тамга «кораблик» в виде обращённой к низу дуги, к центру которой с внутренней стороны примыкает черточка. На верхней стороне носиков прорезан орнамент в виде мирового древа в форме «ёлочки». «Ёлочка» на сохранившемся носике имеет в основании 3 параллельных вертикальных бороздки с отходящими от них сбоку в сторону кончика носика насечек, которые в основании имеют по 2 веточки, остальные по одной. «Ёлочка» утерянного носика имеет в основании по 2 аналогичных бороздки.

Таким образом, можно выделить следующие группы встречаемых светильников: II.1.А.а. – 24шт; II.2.Б.а. – 2шт; II.1.Б.а. – 1шт; II.2.А.б. – 1шт; I.1.А.а. - 1шт.

Среди этих групп светильников также можно еще выделить подтипы, которые различаются по форме венчика – прямой или загнут во внутрь, по форме ручки – вертикальные петлевидные, вертикальные ручки в виде хвостиков.

Библиографический список

Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища): диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.06. Московский государственный университет, Москва, 2016.

CERAMIC LAMPS OF THE SAMOSDELKA HILLFORT

A. Matveev

Astrakhan State University, Astrakhan
Lexamat2000.Astrakhan@mail.ru

Academic supervisor - PhD D. Vasiliev

This article presents the classification of ceramic lamps of Samosdelka hillfort. Classes are distinguished by the presence or absence of the stand, categories by the openness or closure of the vessel, types by surface finish (glazed and non-glazed), types of lamps are distinguished by the number of nozzles.

Keywords: Samosdelka hillfort, ceramics, lamps, typology.

УДК: 902.1

РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА МОГИЛЬНИКОВ КРУТИКА IX- НАЧАЛА XI ВВ.

М.П. Милованова

Институт Археологии РАН, МПГУ, Москва
mashamil84@mail.ru

Научный руководитель - к.и.н. И.Е. Зайцева

В статье анализируются предметы ременной гарнитуры могильников Крутика IX-нач. XI века. Автор рассматривает морфологию и датировку, а также дает краткие сведения об истории изучения памятника.

Ключевые слова: Крутик, IX–XI в, ременная гарнитура, Болгар, Кладовка 1, Кладовка 2.

© Милованова М.П., 2020

Поселение Крутик находится у д. Городище Кирилловского района Вологодской области и является одним из средневековых археологических памятников центрального Белозерья. Оно расположено на мореном останце с крутым склоном и не имеет внешне выраженных признаков. В 1970-1980-е гг. масштабные раскопки на поселении проводились Л. А. Голубевой, [*Голубева, Кочкуркина,* 1990], в ходе которых было вскрыто 1589 кв. метров и найден богатый вещевой материал. Это дало возможность авторам раскопок датировать памятник 9-10 веками. Развитие памятника обусловлено его нахождением на Великом Волжском пути, что обеспечивало его обширные торговые связи. Стоит отметить, что еще Л.А. Голубевой особо отмечались развитие бронзолитейного мастерства широкие контакты его жителей. [*Голубева, Кочкуркина,* 1991. с. 63].

Долгое время считалось, что Крутик изучен достаточно полно, однако в 2008 году стационарные раскопки этого памятника были возобновлены Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН под руководством С.Д Захарова и С.В. Меснянкиной. Одним из интереснейших открытий было обнаружение некрополей памятника с кремациями, не выявленных ранее.

Основным могильником памятника является Кладовка 1, обнаруженная в 2008 году. Могильник расположен на узкой гряде с крутыми склонами. Общая исследованная площадь составила 218 кв. м. [*Захаров, Меснянкина, Кузина, Зозуля,* 2016. С. 172]. Датирован он IX в. - последней четвертью X вв. [*Захаров, Меснянкина,* 2012. С. 89]. На могильнике не было выявлено ни одного скопления или концентрации находок с четкими границами, все предметы лежали дисперсно в верхнем почвенном слое.

Всего из Кладовки 1 происходят 3477 находок, среди них 171 предмет составляют металлические детали ременной гарнитуры. Это почти 5% от общего числа.

Ременные накладки представлены 161 бронзовыми предметами, их массив делится на 29 определимых типов, выделенных автором на основании морфологии. Все типы накладок имеют широкое территориальное бытование, их аналогии можно найти от Бирки [*Мурашева,* 2000, с. 27] до Суздальского Ополья (на памятнике Шекшово 2) [*Зайцева,* 2015. с. 190] и Болгара [*Казаков,* 1991. с. 136], а также в Пермском Предуралье (Афкула). [*Белавин, Крыласова,* 2008. с. 144] Стоит отметить, что болгарский пласт самый обширный из них. Что касается датировок, то ременная гарнитура подобного рода встречается с IX по XI век [*Данич,* 2015. с. 186; *Мурашева,* 2000. с. 51; *Макаров,* 2008. с. 90].

С Кладовки 1 происходят семь ременных наконечников (1). Шесть из них выполнены из бронзы и один из железа. Из всех бронзовых изделий можно выделить одну группу по форме. В неё входят наконечники с подтреугольной выемкой в основании и декором. Выпуклый декор имеют два наконечника, однако прочитать декор представляется невозможным из-за плохой сохранности предмета. К этой же группе относится наконечник с жемчужным бортиком и углубленным трилистным декором.

Два ременных наконечника практически идентичны. Они имеют выступ на одной из сторон и растительный орнамент с рифленым бортиком. Еще один бронзовый наконечник имеет прямое основание с прорезью и выпуклый декор. Ременной наконечник из железа имеет треугольное завершение, бортик и три отверстия.

В раскопе обнаружены три поясных пряжки (2). Данные формы имели широкое распространение на территории Древней Руси [*Зайцева,* 2015. с .187]. Также среди поясных пряжек можно выделить железную с бронзовым язычком.

Грунтовый некрополь с поверхностными кремациями Кладовка 2 был выявлен в 2009 году и также не имеет внешних выраженных на поверхности признаков. Его даты бытования можно определить как конец X - начало XI века [*Захаров, Меснянкина, Кузина, Зозуля,* 2016. с. 174]. Площадь раскопа на Кладовке 2 равна 49 кв. м. Исследованиями была охвачена основная часть могильника, имевшего, по-видимому, небольшие размеры. В результате исследования была выявлена 371 находка. Оба могильника не были подвержены распашке в советское время.

Общее количество предметов ременной гарнитуры − 65 экз. (накладки, поясной наконечник и пряжка), что в процентном соотношении 17,5%. Все предметы ременной гарнитуры сделаны из цветного металла. Обнаружено 63 ременных накладки, из которых гипотетически составляются два поясных набора. Все они были выполнены по выплавляемым моделям. Полную сохранность имеют лишь 15 накладок, но и среди фрагментарных

материалов большую часть возможно идентифицировать. Накладки представлены двумя типами. К первому относятся 29 накладок (3). По В. В. Мурашевой их можно определить как тип 021 [*Мурашева,* 2000. с. 54]. Данный тип имеет прямоугольную форму с выемкой и выступом на коротких сторонах с углубленным геометрическим декором. Идентичные накладки находятся в Болгаре и 1 Семеновском селище [*Казаков,* 1991. с. 130], в Прикамье, Мало-Аниковском и Пановском могильниках. Накладки датируются 2 пол. X - XI в. [*Мурашева,* 2000. с. 54; *Ситдиков, Никитина, Казаков,* 2015. с. 27]. Можно предположить, что детали ременной гарнитуры имели не только стилистическое, но и прямое происхождение из Болгара, с которым велась активная торговля [*Голубева, Кочкуркина,* 1991. с. 111].

Рис. 1. Ременная гарнитура могильников Крутика IX- начала XI в.

Ко второму типу также относятся 29 накладок, они имеют пятиугольную форму и выпуклый лилиевидный декор. Данные накладки близки типу 04 по В.В. Мурашевой, но не идентичны [*Мурашева,* 2000. с. 52] Аналогии можно найти в Венгрии - X в. и в материалах могильника Шекшово 9 Суздальского Ополья [*Зайцева,* 2015. с. 193]. Данный тип можно разделить на два подтипа – широкие (4), к которым относятся 13 предметов, и узкие (5), их всего 8 штук.

Остальные 8 накладок идентифицировать не представляется возможным в силу их фрагментарности или оплавленности (6).

Несмотря на большое количество ременных накладок, пряжка за всё время исследования могильника найдена только одна (7). Она является лировидной и фрагментарной, так как язычок не сохранился. Пряжки подобного типа имели широкое распространение от Новгорода до Волжской Болгарии.

Из могильника происходит фрагмент бронзового ременного наконечника (8). Он имеет треугольную форму и подтреугольный вырез, поверхность его гладкая, оплавлен средне. Аналогии находятся в могильниках Марийского Поволжья X-XI вв. и в 1 Семеновском селище в низовьях Камы [*Казаков,* 1991. с. 130].

Планиграфически на площади раскопа выделяется одно скопление накладок типа О21 (12 предметов). Их оплавленность не очень высокая. Остальные накладки рассредоточены по всей площади раскопа.

Найденные аналогии ременной гарнитуры могильников Крутика уводят нас в двух направлениях - на юго-восток (Волжская Булгария) и юго-запад (мадьярские древности). Данные виды имеют широкое распространение на памятниках лесостепного Поволжья и Белозерья, а их датировка соответствует общепризнанной датировке памятника.

Библиографический список

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Материальная культура и хронология: в 3 томах. Том 2 / Отв. ред. Макаров Н.А. М.; Институт Археологии РАН, 2008. Наука. 365 с.

Белавин А.М, Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с

Голубева Л. А, Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-X вв.). Петрозаводск.: КНЦ АН СССР, 1991. 196 с.

Данич А.В., Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника. // Поволжская археология. № 1 (3). Казань: Фэн» АНРТ, 2015. С. 181-196.

Зайцева И.Е. Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности севера, 2015. С. 184-198

Захаров С.Д., 2012. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. *Макаров. М.;* Вологда: Древности Севера. С. 212-239.

Захаров С.Д. Меснянкина С.В. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб: Нестор-История, 2012. С. 14-29.

Захаров С.Д. Меснянкина С.В. Кузина И.Н. Зозуля С.С. Крутик и Тимерёво: археологические исследования 2011-2015 годов // Вестник РГНФ. №. 3-4, 2016. С. 197-212.

Захаров С.Д, Меснянкина С.В. К оценке историко-культурной ситуации в центральном Белозерье на рубеже тысячелетий // Вестник РГНФ. Вып. 2, 2012. С. 87-95.

Казаков Е.П. Булгарское село 10-13 веков низовий Камы. Казань.: Татарское книжное издательство, 1991. 176 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.

Ситдиков А.Г, Никитина Т.Б, Казаков Е.П. Поясные накладки по материалам марийского Русенихинского могильника X–XI вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. №. 3, 2015. С. 26-28

THE BELT FITTINGS OF THE KRUTIKS CEMETERIES IN THE IX – THE EARLY XI CENTURIES

M. Milovanova
IA RAS, Moscow State Pedagogical University, Moscow
mashamil84@mail.ru

Academic supervisor – PhD I. Zaytseva

The article analyzes the items of a belt fittings of the Krutik burial grounds 9-11th century. The author considers morphology and dating, and also gives brief information about the history of the study of the archaeological site.

Keywords: Krutik, IX – XIth century, belt fittings, Bulgaria, Kladovka 1, Kladovka 2

УДК 902/906

КЛИМАТ И РАСТИТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Е.С. Охотников
Башкирский государственный университет, Уфа
bruz-gro@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Р.Р. Русланова.

В данной статье рассматриваются результаты палинологического анализа Бирского грунтового могильника. На основании результатов споро-пыльцевого анализа, палинологом Р.Г. Курмановым была восстановлена климатическая и растительная среда территории Уфимско-Бельского междуречья. Были рассмотрены факторы, оказавшие влияние на расселение народов раннего средневековья на данной территории. Ключевыми среди них являются: расширение свободных пространств и снижение влажности климата.

Ключевые слова: археология, палинология, Уфимско-Бельское междуречья, бахмутинцы, стратиграфия, споро-пыльцевой анализ.

В 2017 г. экспедиция под руководством Р.Р. Руслановой провела раскопки объекта археологического наследия «Бирск-2, грунтовый могильник» (Бирский могильник, Бирский грунтовый могильник). Памятник расположен вблизи г. Бирск, Республика Башкортостан, на мысу реки Белой. Общая площадь памятника достигает 157 000 кв.м. Вблизи (600 м) расположено Бирское городище.

Первое упоминание оБирском могильнике датируются1901г. Тогда Н.И. Булычов описалбирские находки, хранящиеся в Уфимском губернском музее, привезенные туда А.А. Спицыным. Действительное изучение памятника началось в середине XX в., когда в результате рытья траншей на данной территории обнаруживаются человеческие захоронения. Н.А. Мажитовым были проведены широкомасштабные раскопки (1959-1960, 1962, 1978, 1981-1991). В результате было вскрыто 692 погребения, и был обнаружен богатый материал, относящийся к культурам эпохи раннего средневековья – бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковской, датируемый III-VIII вв. н.э. В дальнейшем территория осматривалась археологами РБ в целях обеспечения сохранности и определения границ памятника. В частности, в 2005 г. площадка памятника была осмотрена И.М. Акбулатовым, а в 2007 Н.С. Савельевым и В.В. Овсянниковым была произведена разведка [*Русланова*, 2018, с. 91-96].

© Охотников Е.С., 2020

Экспедиция 2017г. продолжила исследование памятника, в результате которогобыло заложено два раскопа общей площадью в 200 кв.м. и выявлено 21 погребение. Находки датируются III-V вв.н.э. и относятся к раннему этапу бахмутинской культуры [*Русланова*, 2017, с.36].

Во время экспедиции Р.Г. Курмановым (к.б.н., н.с. Института геологии УФИЦ РАН, г. Уфа) были взяты пробы для палинологического анализа, с целью восстановления климатической и растительной среды данной территории в эпоху раннего средневековья. Работы проводились на участке второго раскопа, площадью в 50 кв. м, расположенном на западном краю мыса, вблизи погребения III-IV вв.Стратиграфия данного участка представляет собой наслоения дёрна мощностью в 7-10 см, за ним коричневого гумусного слоя, затем предматерикового слоя темно-коричневого гумуса. Материковый слой представлен рыжей глиной [*Русланова*, 2017, с. 17].

Образцы для споро-пыльцевого анализа отбирались снизу-вверх через каждые 0,05 – 0,07 метра. Всего взято 11 проб, которые были поделены на пять споро-пыльцевых спектров, нужне для стратиграфического расчленения разреза и для реконструкции динамики среды. [*Рудая*, 2010, с.10]. В результате камеральных работ Р.Г. Курманову удалось установить, какие семейства растений представлены в данных отложениях.

Первый спектр (СП 1-3) представлял из себя 3 пробы из предматерикового темно-коричневого гумуса, в котором удалось найти лишь единичные споры ольхи и споры семейства папоротников из порядка многоножковых, так же были найдены споры липы. Опираясь на вышеизложенные данные, Равиль Гадельевич делает вывод о возможном существовании опушки широколиственных и пойменных лесов.

В первых слоях тёмно-коричневого гумуса, спектр, представленный образцами СП 4-6, позволил выявить следующие данные: древесные образцы представлены сосной (8-12%) и липой (10%). Образцы травянисто-кустарниковых растений позволили выделить два основных типа: луговые растения и синантропные таксоны (культурные растения). Луговые растения представлены семейством злаковых. Сельскохозяйственные растения включают в себя полынь и горец птичий. Наличие этих данных позволяет сделать выводы о наличии в данном спектре синантропной опушки смешанного хвойно-широколиственного леса. Исследователем было отмечено постепенное возрастание антропогенного влияния.

В образцах коричневого гумусного слоя (СП 8-10) было выявлено преобладание пыльцы травянисто-кустарниковых растений. Уровень синантропных таксонов составляет 22% (в СП 4-6 данный уровень доходил лишь до 8-9%) от общего числа пыльцы и спор на данном спектре. Синантропные растения представлены, в первую очередь, подсемейством маревых и злаковыми. Среди древесно-кустарниковых растений доминируют сосна, вяз, липа. Найдены единичные семена ольхи и ивы.

Данные из современных образцов дерна (СП 11) позволили выявить доминирование пыльцы древесно-кустарниковых растений с высоким (32%) преобладанием сосны. Травянисто-кустарниковые растения представлены большим количеством культурных растений – полынь, маревые, гречишные, а, также, луговыми таксонами – семействами злаковых и норичниковых. Курманов описывает данный спектр как «сильно синантропизированную опушку сосновых и березовых лесов с примесью широколиственных элементов».

Полученные данные позволили исследователю предположить, что в период раннего средневековья территории Уфимско-Бельского междуречья было свойственно постепенное увеличение открытых пространств, распространение синантропной и луговой растительности. Территория испытывала значительную антропогенную нагрузку в виде вытаптывания. Леса были представлены смешанным хвойно-широколиственным типом [*Курманов*, 2017, с. 185].

Сопоставив эти данные с результатами палинологического анализа других смежных памятников, можно выявить общие для Уфимско-Бельского междуречья тенденции в изменении климата, которые могли способствовать расселению народов раннего средневековья на данной местности. В 2017 г. В.В. Овсянниковым был проведен палинологический анализ Бирского городища. Пробы из верхних горизонтов, отображающих фазу существования городища времен раннего средневековья, позволили сделать вывод обусушении климата.

Исследователь так же обращает внимание на то, что средневековый материал на нижней площадке менее представителен, нежели на мысу городища, что позволяет ему сделать вывод о том, что основное поселение находилось на возвышенности, в то время как низины были заболочены и там существовали лишь сезонные поселения [*Овсянников, Курманов*, 2018, с. 99].

Таким образом, для Уфимско-Бельского междуречья наиболее характерно наличие лесоопушечных сообществ. Расширение опушек широколиственных и смешанных лесов, увеличение сельскохозяйственных элементов и преобладание луговой растительности над лесной, говорит о постепенном освоении населением территории Уфимско-Бельского междуречья. Для территории бирского памятника также характерны некоторые особенности. В первую очередь, это наличие на ранних этапах существования памятника пойменных лесов, что может говорить о повышенной влажности климата, а мысовое расположение памятника свидетельствует о возможной заболоченности низин. Такие условия не могли быть благоприятными для расселения людей, и первые признаки появления человека связаны с увеличением количества луговых растений, что говорит о расширении свободного пространства, а наличие синантропных таксонов позволяет сделать вывод о благоприятных условиях для сельскохозяйственных занятий. Постепенно климат становится более благоприятным, пойменные леса отступают и их место занимают леса смешанного типа, где преобладает сосна и липа. Учитывая географическое положение памятника и данные о постепенном появлении синантропных растений и антропогенного влияния (вытаптывания), можно предположить, что предпочтительным ареалом расселения для археологических культур раннего средневековья на территории Уфимско-Бельского междуречья являлись опушки смешанных лесов с расположенными неподалёку водоемами.

Библиографический список

Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Реконструкция растительности на городище Уфа II и прилегающих ландшафтов по данным споро-пыльцевого анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 43. № 1-2015. С. 101-109.

Курманов Р.Г. Споро-пыльцевой анализ отложений разреза 3 ОАН «Бирск-2, грунтовый могильник» / в отчете: Русланова Р.Р., Материалы археологических раскопок ОАН «Бирск-2, грунтовый могильник» в 2017 г. // Научный архив АЛ БашГУ. Ф. 6, д. 40.

Овсянников В.В., Курманов Р.Г. Палинологическое исследование культурного слоя Бирского поселения// Поволжская археология. №3 (25) 2018. С. 88-102.

Рудая Н.А. Палинологический анализ: Учеб.-метод.пособие Новосибирск, 2010. 48 с.

Русланова Р.Р. Материалы археологических раскопок ОАН «Бирск-2, грунтовый могильник» в 2017 г. // Научный архив АЛ БашГУ. Ф. 6, д. 40.

Русланова Р.Р. История исследования Бирского могильника// Архлаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Сборник научных статей. Вып.3. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 91-98.

CLIMATE AND VEGETATION OF THE UFIM-BELSK INTERFLUVE IN THE ERA OF THE EARLY MIDDLE AGES

E. Okhotnikov

Bashkir State University, Ufa
bruz-gro@mail.ru

Academic supervisor – PhD R. Ruslanova

This article discusses the results of a palynological analysis of the Birsk's soil burial ground. Based on the results of spore-pollen analysis, R.G. Kurmanov restored the climatic and plant environment of the Ufa-Belskoye interfluve. The factors that influenced the settlement of the peoples of the early Middle Ages in this territory were considered. Key among them are: expansion of free spaces and reduction of climate humidity.

Keywords: archeology, palynology, Ufa-Beloe interfluve, Bakhmutins, stratigraphy, spore-pollen analysis.

УДК 902

БАЛЛИСТИКА СТРЕЛ С ЛИСТОВИДНЫМИ НАКОНЕЧНИКАМИ КАК ОДНА ИЗ СТОРОН ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

М.А. Полыгалов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
mikhail.polygalov@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. Ю.А. Подосенова

Научный консультант – ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ А.В. Данич

В данной работе приведены результаты баллистических экспериментов с реконструированными стрелами оснащенными листовидными наконечниками стрел для определения особенностей наносимых увечий в конечной точке. А также устанавливается максимальная дальность прямого выстрела (с нулевым возвышением) путем натурного эксперимента, полученные результаты сравниваются с теоретическим расчетом дальности полета стрелы.

Ключевые слова: баллистика стрел, листовидные наконечники стрел, Пермское Предуралье, эпоха Средневековья.

Наконечники стрел – самая массовая и самая разнообразная категория находок вооружения на территории Пермского Предуралья [*Данич,* 2011, с. 98]. Среди них наибольшее распространение получили железные листовидные наконечники стрел. Они представлены большим разнообразием массово-габаритных характеристик, пропорций пера, поэтому можно предположить, что наконечники могли иметь узкоспециализированное назначение. Однако сохранность человеческих останков, обнаруженных при проведении археологических раскопок не позволяет проследить какие повреждения оставляют наконечники стрел в мягких тканях. Общие закономерности влияния конструкции листовидных наконечников стрел можно установить лишь в ходе баллистических экспериментов.

Баллистика как научная дисциплина, позволяет изучать поведение стрелы на всех стадиях полета, что расширяет арсенал исследовательских методик, применяемых в археологии к изучению функциональных свойств ручного метательного оружия, в том числе и наконечников стрел [*Fackler,* 1990]. Одним из разделов этой дисциплины является баллистика в конечной точке. В ее рамках производятся теоретические и экспериментальные исследования конечного воздействия тела на поражаемые цели.

Книга американского стрелка Сакстона Поупа «A study of bows and arrows», стала одной из первых работ, посвященных экспериментальному определению пробивной способности стрел. Автор тщательно фиксировал результаты от попадания стрел с разными типами наконечников в парафиновые блоки, сосновые доски, кольчугу, диких животных и пр., а степень наносимого урона поставил в зависимость от особенностей наконечников стрел.

Интенсивность кровопотери зависит от размера раны, количества и размера поврежденных сосудов и общего, доступного для потери объема крови. В случае огнестрельного ранения разрыв и повреждение тканей значительней, но кровоточащая рана, наносимая стрелой, травмирует достаточно смертельно [*Pope,* 1923, p. 61].

В последующие годы ряд его наблюдений и выводов были использованы в других работах, однако в экспериментальной археологии физико-технический подход к изучению наконечников стрел, основанный на раневой баллистике, остается по-прежнему актуальным

© Полыгалов М.А., 2020

[*Wood, Fitzhugh,* 2018, p. 115; *Alexandropoulou, Panagiotopoulos,* 2010; *Farjo, Miclau,* 1997; *Peloponissios et al.,* 2001].

Определение максимальной дальности прямого прицельного выстрела (при нулевом возвышении) для оценки степени влияния характеристики лука

Стрельба производилась на открытой площадке, с растянутой измерительной рулеткой, опытным стрелком, участником клуба исторической реконструкции «Уральские белки». В эксперименте принимало участие два человека: первый производил выстрелы из лука, второй визуально контролировал горизонтальность стрелы в полете и фиксировал результаты. Стрельба производилась из луков с силой натяжения 16 и 28 кг. Амплитуда натяжения тетивы каждого лука определялась до начала эксперимента сантиметровой рулеткой, для лука с силой натяжения 16 кг она составляет 78 см и 71 см для лука с силой натяжения 28 кг. Масса стрел варьировалась от 54,2 до 57,5 г (разница массы стрел обусловлена различной массой самих наконечников, диаметром цилиндрического древка 8-9 мм изготовленного из березы). Длина пера используемых наконечников составляет 25-30 мм, ширина наконечника – 8-9 мм.

Для теоретического определения максимальной дальности прямого прицельного выстрела (при нулевом возвышении) необходимо воспользоваться подстановкой в форму для расчета скорости схода с тетивы в предположении о линейной характеристике лука получается для данных луков и стрел в среднем [*Денисов и др.,* с. 69]:

$v = \sqrt{\frac{Fx}{m}}$, где v – скорость при сходе с тетивы; F – сила натяжения (1 кгс = 9,81 Н; x – амплитуда натяжения тетивы; m – масса стрелы.

Отсюда скорость при сходе с тетивы для лука с силой натяжения 16 кг равна:

$v = \sqrt{\frac{160 \cdot 0{,}78}{0{,}0558}} = 47{,}29$ м/с.

Для лука с силой натяжения 28 кг:

$v = \sqrt{\frac{280 \cdot 0{,}71}{0{,}0558}} = 59{,}69$ м/с;

Стрела была выпущена горизонтально, стрелком из положения стоя с высоты h = 1,5 м. В данном случае время до ее встречи с землей будет определять время полета стрелы в обоих случаях:

$t = \sqrt{\frac{2h}{g}} = \sqrt{\frac{2 \cdot 1{,}5}{9{,}81}} = 0{,}56$ с, где $g = 9{,}81$ м/с^2 – ускорение свободного падения.

Отсюда дальность стрельбы:

$S = v_0 t - \frac{at^2}{2} = 47{,}29 \cdot 0{,}56 - \frac{2 \cdot 0{,}56^2}{2} = 26$ м; $S = v_0 t - \frac{at^2}{2} = 59{,}69 \cdot 0{,}56 - \frac{3{,}19 \cdot 0{,}56^2}{2} = 32{,}9$ м.

Таблица 1. Средние значения показателей стрелы, полученные в ходе эксперимента

Масса стрелы (г)	Скорость полета (м/с)	S расчет (м)	S эксперимент (м)	Процент расхождения результатов
55,8	59,69	32,9	33,4 м	11%
55,8	47,29	26	24,5 м	6%

Фактические результаты стрельбы не значительно отличаются от результатов расчета, это позволяет оценить лук с точки зрения дальнобойности для пригодности использования в военном деле или на охоте. Также можно сказать, что на дистанции до 20 метров луки с значительно различающимся показателем силы натяжениях обеспечивают стрелу примерно равной кинетической энергией, что в свою очередь влияет на ее воздействие в конечной точке.

Стрельба по части свиной туши производилась в закрытом помещении, при комнатной температуре с нормальным атмосферным давлением, без закрепления лука в станке (с рук) тем же стрелком. Использование в качестве мишени свиной туши в данном случае обусловлено близости органов этого домашнего животного к человеческим, толщины и массы отдельных костей скелета, наружного покрова тела и подкожного жирового слоя [Экспериментальное моделирование…, с. 147]. В ходе эксперимента было произведено четыре серии выстрелов из

каждого лука, каждая серия включала в себя по три выстрела с минимальным интервалом времени.

При попадании стрел с листовидными наконечниками в не защищенное броней животное тело образуются колото-резанные раны на глубину до 15 см, которые могла привести к кровопотере и повреждению внутренних органов. На поверхности раны, проколы примерно того же размера, что и проникающие объекты.

Таким образом, в результате проведенного нами эксперимента, можно сделать следующие предположения: стрелы, оснащенные листовидными наконечниками стрел, являются универсальными. Раны, образованные в следствии проникновения стрелы в не защищенное броней тело человека или животного, приводят к смерти от потери крови или инфекционного заражения. Стоит отметить, что с увеличением ширины лопастей уменьшается их проникающая способность, однако повреждения сопровождаются повреждением костей.

Библиографический список

Alexandropoulou, C.A., Panagiotopoulos, E., Wound ballistics: analysis of blunt and penetrating trauma mechanisms. Health Sci. 2010. J. 4, P. 225-236.

Fackler, M. Wound Ballistics: Research of the Past Twenty Years. Letterman Army Institute of Research, San Francisco, 1990.

Farjo, L.A., Miclau, T., 1997. Ballistics and mechanisms of tissue wounding. Injury.

Peloponissios, N., Halkic, N., Moeschler, O., Schnyder, P., Vuilleumier, H., 2001. Penetrating thoracic trauma in arrow injuries. Ann. Thorac. Surg. 71, P. 1019-1021.

P*ope Saxton T.* A study of bows and arrows. – Berkeley: University of California press, 1923. – 103 p.

Wood J., Fitzhugh B. Wound ballistics: The prey specific implications of penetrating trauma injuries from osseous, flaked stone, and composite inset microblade projectiles during the Pleistocene/Holocene transition // Journal of Archaeological Science. – Alaska, USA, 2018. – Vol. 91. – P. 104-117.

Данич А.В., Типология бронебойных наконечников стрел Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск VII. – Пермь: ПГПУ, 2011. С. 98-115.

Денисов С.А., Коробейников А.В., Митюков Н.В. Хантыйский лук и стрелы: реконструкция и баллистическая экспертиза // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2008. №2 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hantyyskiy-luk-i-strely-rekonstruktsiya-i-ballisticheskaya-ekspertiza (дата обращения: 01.11.2019).

Эксперементальное моделирование в современной раневой баллистике / Денисов А.В., Анасин А.В., Логаткин С.И., Демченко К.Н., Озерцовский Л.Б. // Вестник российской военно-медицинской академии: Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова. №2. – СПб, 2018. – С. 144-149.

BALLISTICS OF ARROWS WITH SHEET TIPS AS ONE OF THE PARTIES TO STUDY MILITARY CASE IN THE TERRITORY OF THE PERM URANIUM IN THE ERA OF THE MIDDLE AGES

M. Polygalov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
mikhail.polygalov@gmail.com

Academic supervisors – PhD J. Podosenova; A. Danich

This paper presents the results of ballistic experiments with reconstructed arrows equipped with leaf-shaped arrowheads to determine the characteristics of the injuries inflicted at the end point. In addition, the maximum range of a direct shot (with zero elevation) is established by a full-scale experiment, the results obtained are compared with a theoretical calculation of the range of the boom.

Keywords: arrow ballistics, leaf-shaped arrowheads, Perm Cis-Urals, Middle Ages.

УДК 902.03

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ДРЕВНИХ УГРОВ-МАДЬЯР НА ЮЖНОМ И СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНОМ КОНТЕКСТЕ: ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГО-ПОЧВОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.Г. Савченко

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа
leonid7501@gmail.com

Научный руководитель – д.и.н. В.А. Иванов

Рассматривается география распространения поселений эпохи раннего средневековья (вторая половина I тыс. н.э.: ломоватовская, неволинская, кушнаренковская/караякуповская культуры) Среднего и Южного Урала. Исследование, основанное на изучении почвенной карты, реконструирует облик среды обитания древних венгров и дает теоретический материал для дальнейшего изучения памятников этой культуры. Анализ исторического ландшафта показывает в какой степени изменился облик среды обитания угров-мадьяр. Работа систематизирует многочисленные карты-схемы ломоватовской, неволинской, кушнаренковской/караякуповской культуры. Формируется почвенная карта расселения угров-мадьяр.

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, ломоватовская, неволинская и кушнаренковская культуры, городище, палеопочвоведение, методы исследований.

Средний и Южный Урал – территория, которая ещё с древнейших времен была своеобразной «этногенетической ретортой» – сосудом, в котором смешивались и взаимодействовали различные этнокультурные компоненты, образуя красочный «этнокультурный бульон». Любые взаимодействия или реакции протекают в определенных объективных условиях. Хозяйственно-экономическая культура – это ярчайший лакмус человеческой жизнедеятельности, являющийся моментом «метаморфозы» биосферы в ноосферу.

При палеопочвоведческом анализе, основанном на почвенной картографии, возможна лишь гипотетическая реконструкция облика среды обитания, которая лишь очерчивает теоретические контуры и направления более глубоких исследований. Более глубокое изучение почв требует обработки большего корпуса эмпирических данных извлеченных непосредственно с памятников, что в рамках данного исследования, конечно, невозможно.

Взаимодействия археологических культур внутри Угро-Мадьярского этнокультурного ареала – (ЭКА) во второй половине I тыс. н.э., на территории Среднего и Южного Урала объективно были детерминированы условиями среды обитания. Это выражалось в самых ключевых аспектах: в особенностях и закономерностях в расселения, в нюансах хозяйственно-экономических отношений, в характере этнических и культурных связей.

Карты-схемы археологических культур региона рассматриваемого периода говорят о том, что, несмотря на обилие выявленных археологических объектов – поселений и могильников, подавляющее большинство имеют низкую степень изученности. Большинство памятников отнесены к той или иной культуре по подъемному материалу или по результатам шурфовки. Раскопкам подверглись – судя по доступным широкому кругу исследователей опубликованным материалам следующие, показанные на карте (рис. 1) памятники (городища и селища): неволинская культура – 109-Елкинское, 110-Подкаменное, 111-ВерхСаинское, 112-Лобачевское, 113-Бартымское; ломоватовская культура – 35-Лаврятское, 37-Бутырское, 51-Саламатовское II, 39-Назаровское городища и 36-Зародятское, 38-Патраковское, 40-Коновлятское, 42-Баяновское селища; кушнаренковская/караякуповская культуры – 1-Уфа II, 2-Таптыковское, 3- Кара-якуповское, 4-Старокалмашское, 5-Кузебаевское, 6-Благодатское

© Савченко Л.Г., 2020

[*Голдина*, 1985; *Иванов*, 1999; *Голдина*, 1989; *Голдина*, 1990]. Согласно исследованиям В.А. Иванова, удельный вес, изученных раскопками поселений, среди культур раннего железного века – средневековья Приуралья и Предуралья составляет для неволинской культуры – 2,90%, ломоватовской – 7,80%, кушнаренковской / караякуповской – 86% от общего количества учтенных памятников [*Иванов,* 2017, с. 141].

Реконструкция облика климатической среды требует использования инновационных методов археологических раскопок, основанных на детальном анализе почвы, как – самостоятельного естественноисторического тела, интегрально отражающего действие всей совокупности факторов-почвообразователей: климата, растительных и животных организмов, материнской породы, рельефа и времени [*Дергачева*, 1997, с. 25]. В условиях камеральной работы на первый план выступает обще-топографический, палеопочвоведческий, палеогеографический анализ карт и археологического материала исследованных памятников. При анализе почвенной карты и почвы как носителя «почвенной памяти» соблюдается четкая логика расшифровки, предложенная И.П. Герасимовым (1975): почвы <- почвенные процессы <- факторы почвообразования [*Герасимов*,1975, с.3–9].

Как видно на карте (Рис. 1) городища и могильники кушнаренковской/караякуповской культуры располагаются в бассейне лесостепной р. Белой с притоком Демой. Здесь преобладающие почвы – это типичные черноземы. Они формируются под богатыми разнотравно-злаковыми луговыми степями в условиях семиаридного климата на рыхлых, обычно карбонатных, преимущественно суглинисто-глинистых (реже супесчаных) отложениях разного генезиса [*Национальный атлас почв РФ*, 2011]. Анализ спутниковых снимков говорит о том, что сейчас данная местность отличается различной степенью облесенности. Наиболее остепненной является Чермасано-Демско-Ашкадаровская равнина.

Городища 5-Кузебаевское, 6-Благодатское и 33-Бустанаевский могильник находятся в зоне серых лесных почв на границе с типичными черноземами. Эти почвы формируются в южной части лесной зоны и в лесостепи под травянистыми широколиственными лесами на глинистых и суглинистых отложениях различного генезиса преимущественно лёссовидных, как карбонатных, так и бескарбонатных [*Национальный атлас почв РФ,* 2011].

10 известных нам могильников рассматриваемой культуры также расположены на этой почве. Памятники данной культуры разбросаны на значительной территории, городища находятся на существенном удалении друг от друга. Сегодня облик этой территории под антропогенным воздействием изменился. Спутниковые снимки демонстрируют, что 5-Кузебаевское, 6-Благодатское городища находятся в остепненной среде.

Памятники неволинской культуры демонстрируют компактность расселения ее носителей. Все они располагаются в бассейне рек Сылва, Шаква, Ирень и Барда. Городища находятся в зоне серых лесных почв на границе с дерново-подзолистыми почвами. Серые лесные почвы формируются в южной части лесной зоны и в лесостепи под травянистыми широколиственными и мелколиственными лесами на глинистых и суглинистых отложениях различного генезиса [*Национальный атлас почв РФ,* 2011]. Могильники этой культуры находятся в плотном соседстве с городищами и поселениями. По правому берегу р. Сылвы располагаются дерново-подзолистые почвы, а по левому серые лесные. Дерново-подзолистые почвы формируются в равнинных и горных областях южнотаежной подзоны под хвойно-лиственными и хвойно-широколиственными мохово-травянистыми и травянистыми лесами [*Национальный атлас почв РФ*, 2011]. Данные об условиях формирования почвы реконструируют облик густого хвойно-лиственного мохово-травянистого леса по правому берегу среднего и нижнего течения рек Сылвы и Шаквы. Левый берег р. Сылвы от Камского водохранилища вниз по течению образует оконечность из серых лесных почв, что говорит о лесостепном характере данной территории в прошлом. На сегодняшний день район среднего и нижнего течения рек Сылвы и Шаквы как с левого, так и с правого берега существенно поредел, постепенно превращаясь в лесостепь.

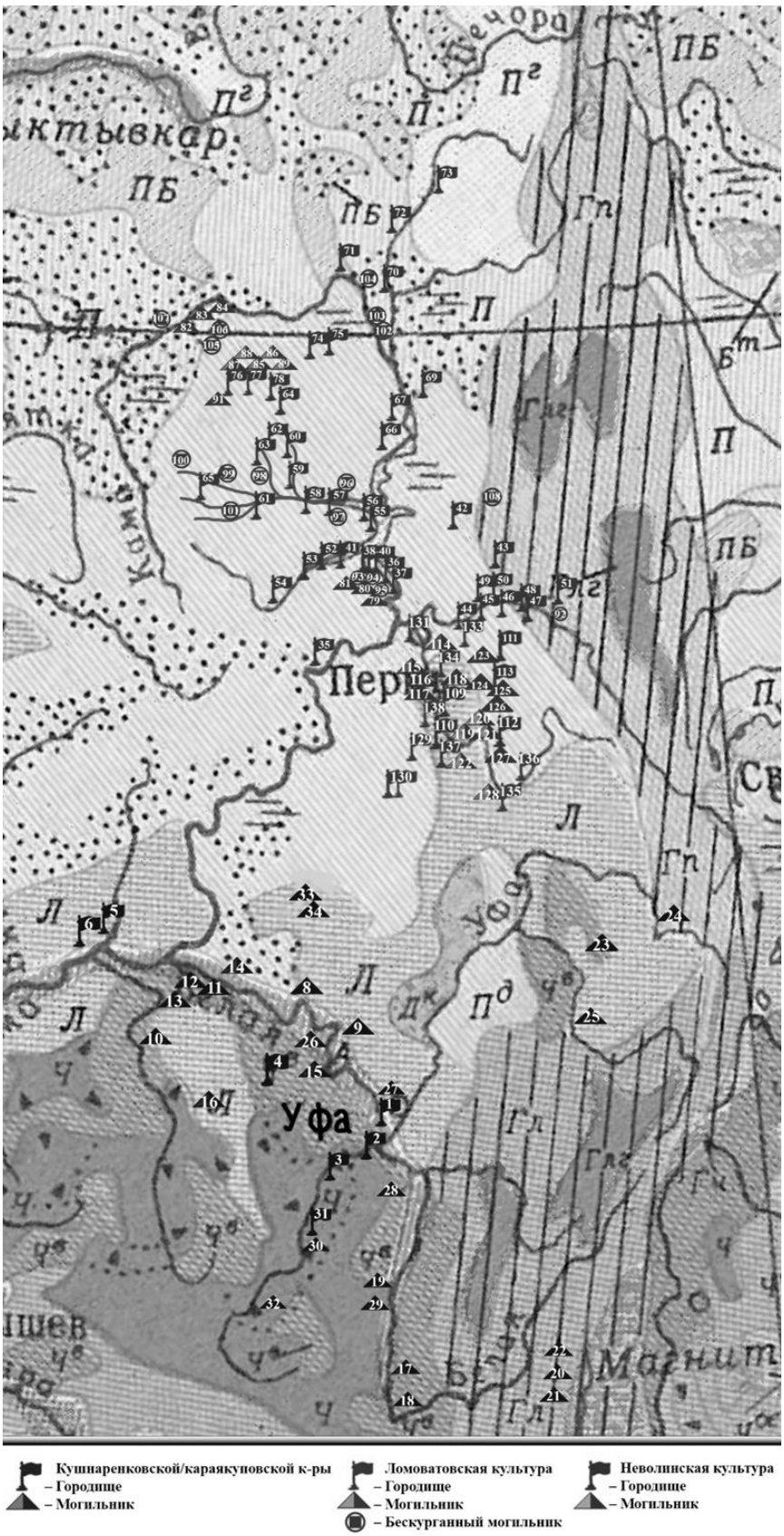


Рис. 1. 1 – Уфа II гор., 2 – Таптыковское гор., 3 – Кара-якуповское гор., 4 – Старокалмашское гор., 5 – Кузебаевское гор., 6 – Благодатское гор.,8 – Манякский мог., 9 – Бирский мог., 10 – Ималенский мог., 11 – Такталачукский мог., 12 – Игимский мог., 13 – Чишминский мог.,14 –

Старо-Янзигитовский мог., 15 – Сынтыштамакский мог., 16 – Ново-Биккинский курган., 17 – Красногорский мог., 18 – Береговский мог., 19 – Стерлитамакский (Левашовский) мог., 20 – Бекешевский мог I., 21 – Бекешевский мог II., 22 – Хусаиновский мог., 23 – Старо-Халиловский мог., 24 – Байрамгуловский II., 25 – Лагеревский мог., 26 – Булгарский курган., 27 – Ново-Турбаслинский ., 28 – Шареевский мог., 29 – Ишимбайское погр., 30 – Ибраевский курган., 31 – Чукраклинское гор., 32 – Тулбаевский мог., 33- Бустанаевский мог., 34- Бустанаевский II мог. 35 – Лаврятское гор., 36 – Зародятское сел.; 37 – Бутырское гор., 38 – Патраковское сел., 39 – Назаровское гор., 40 – Коновлятское сел., 41 – Опутята сел., 42 – Баяновское сел., 43 – Саламатовское., 44 – Плесовское (Тюринское)., 45 – Бовинское I (Маруша I)., 46 – Бовинское II (Маруша II)., 47 – Вереинское I., 48 – Вереинское II., 49 – Поповское., 50 – Марковское., 51 – Саламатовское II., 52 – Сучкинское (Романов Лог) ., 53 – Осташинское ., 54 – Пастогоновское., 55 – Усть-Иньвенское., 56 – Филинское., 57 – Вахрамовское (Ям-гора) ., 58 – Кырдымское., 59 – Воробьевское., 60 – Мащинское (Мосинское)., 61 – Ручевское (Стан)., 62 – Мартинское (Карасевское, Кыр-ыв-йыр)., 63 – Старцевское (Каче-кок—кэрэс)., 64 – Петуховское., 65 – Левинское., 66 – Острая Грива., 67 – Таманское., 68 –Сметанинское ., 69 – Семинское ., 70 – Редикорское ., 71 – Губинское., 72 – Лобанихинское., 73 – Искорское., 74 – Кычдезовское., 75 – Косинское (Большереченское)., 76 – Пармайловское I., 77 – Пармайловское II., 78 – Ошовское., 79 – Бурковский кург., 80 – Полуденский кург., 81 – Беклемишевский кург., 82 – Бурдаковский I кург., 83 – Пыштайнский кург. и грунт. мог., 84 –Агафоновский I кург. и грунт. мог., 85 – Пеклаыбский I кург., 86 – Пеклаыбский II кург., 87 – Белковский кург., 88 – Красильниковский кург., 89 – Чазевский I кург., 90 – Чазевский II кург., 91 – Митинский кург., 92 – Телячий брод бескург., 93 – Макаровский бескург., 94 – Грудятский бескург., 95 – Зобачевский бескург., 96 – Майкорский бескург., 97 – Загарский бескург., 98 – Плотниковский (Вишневски) 99 – Кудымкарский бескург., 100 – Мальцевский бескург., 101 – Пешнигорский бескург., 102 – Омеленский бескург., 103 – Макаровский бескург., 104 – Мелехинский бескург., 105 – Елевский бескург., 106 – Даниловский бескург., 107 – Плесинский бескург., 108 – Баяновский бескург., 109 – Елкинское (Городищенское) гор., 110 – Подкаменное гор., 111 – ВерхСаинское гор., 112 – Лобачевское (Пеньковское) гор., 113 – Бартымское сел. 114 –Горбунятский мог., 115 – у оз. Дикого., 116 – Заборский мог., 117 – Калашниковский., 118 – Курманаевский 119 – Спасский., 120 – Бродовский., 121 – Плехановский., 122 – Неволинский., 123 – Бартымский., 124 – Верх-Саинский., 125 – Копчиковский., 126 – Кляповский., 127 – Сухой Лог., 128 – Усть-Иргинский., 129 – Степановское (Ленское) гор., 130 – Вторые Ключи, городище и селище., 131 – Сылвенское (Пеганкова Гора) гор., 132 – Усть-Громотуха, городище и селище., 133 – Городищенское гор., 134 –Ново-Стерляговское поселение., 135 –Иргинское гор., 136 – Антоновское., 137 – Комары гор., 138 – Новиковское гор.

Носители ломоватовской культуры обитали на обширной территории (≈1000 км^2), с юга от нижней Камы, р. Чусовой на восток, на север к Вишерско-Камскому междуречью, а также в бассейнах таких более мелких рек, как Обва, Иньва, Коса и Лолог. Большинство памятников этой культуры расположены на дерново-подзолистых почвах, что тоже говорит о возможном лесном и лесостепном прошлом. Современный ландшафт не существенно изменился и представляет еловый и пихтово-еловый лес, местами с вкраплениями липы, за исключение речных пойм. Объекты 43-Саламатовское, 47-Вереинское I, 48-Вереинское II, 92-Телячий брод, 51-Саламатовское II расположены на горно-таежных почвах, которые возникают под кустарничково-моховой лиственничной северной тайгой. Городища 70-73 (Редикорское, Губинское, Лобанихинское, Искорское) и бескурганные могильники 102-104 (Омеленский, Макаровский, Мелехинский) выявленные в междуречье Камы и Вишеры, стоят на щебнистых гелеево-подзолистых, подзолистых и подзолисто-болотных почвах, что тоже говорит об участии густого хвойного леса в формировании этой почвы. Могильники 105-107 (Елевский, Даниловский, Плесинский) и 82-84 (Бурдаковский I, Пыштайнский, Агафоновский I) в Верхнекамье аналогично лежат в подзолистых почвах. Современный облик этой территории – это плотные среднетаежные леса: еловые с кедром и местами с пихтой.

Исследование условий среды обитания Угро-Мадьярского этнокультурного ареала – (ЭКА) во второй половине I тыс. н.э., на территории Среднего и Южного Урала ставит как ряд

новых вопросов о хозяйственном взаимодействии, так и систематизирует имеющиеся карты-схемы.

Библиографический список

Герасимов И.П. Опыт генетической диагностики почв СССР на основе элементарных почвенных процессов // Почвоведение. 1975. №5. 3-9 с.
Голдина Р.Д. Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1989. 216 с.
Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1985. 280с.
Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1990. 176 с.
Дергачева М.И. Археологическое почвоведение. Отв. Ред. Чл.-корр. РАН И.М. Гаджиев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 228 с.
Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
Иванов В.А. Памятники эпохи раннего железного века – средневековья южного Предуралья: источниковедческий контекст (лес и лесостепь)//Поволжская археология №1(19) Казань, 2017. 363 с.
Национальный атлас почв РФ (Российской Федерации) под общей редакцией члена-корреспондента РАН *С.А. Шобы*, 2011. [Электронный ресурс] URL: https://soilatlas.ru/razdel-3-pochvy-rossiyskoy-federacii// (дата обращения: 29.10.2019).

ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE ANCIENT UGRIC MADYARS IN THE SOUTHERN AND MIDDLE URALS IN THE HISTORICAL AND LANDSCAPE CONTEXT: BASED ON ARCHAEOLOGICAL AND SOIL STUDIES

L.G. Savchenko

Bashkir state pedagogical University. M. Akmulla, Ufa
leonid7501@gmail.com

Academic supervisor – professor V.A. Ivanov

The author examines the geography of settlements of the early middle ages (second half of I Millennium BC: Lomovatovo, Nevolino, Kushnarenkovo/Karayakupovo cultures) in the Kama River and the Cis-Ural regions. The study, based on the study of the soil map, reconstructs the appearance of the habitat of the ancient Hungarians and provides theoretical material for further study of the monuments of this culture. The analysis of the historical landscape shows to what extent the appearance of the habitat of the Magyar Ugric peoples has changed. Work systematized numerous Lomovatovo, Nevolino, Kushnarenkovo/Karayakupovo cultures. Soil map of Kama River and the Cis-Ural regions is formed.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Lomovatka, nevolinsky and kushnarenkovskogo culture, settlement, alopecoidea, research methods.

УДК 902.4:778

3D ГИС И СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА №230 В БОЛГАРЕ)

Г.М. Сагманова

Казанский федеральный Университет, Казань
g_s_17@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. В. Л. Александрович

Данная статья представляет собой описание опыта анализа стратиграфии раскопа № 230 в центральной части Болгарского городища, работы на котором проводились в 2018 г., с использованием 3Д ГИС и применением метода интерпретации стратиграфии, предложенного Эдвардом К. Хариссом, известного как матрица Харриса. В результате проведенной работы была получена 3D-модель раскопа, позволяющая получить представление о процессе формирования культурных слоев.

Ключевые слова: 3D ГИС, фотограмметрия, Матрица Харриса, стратиграфия, методология.

Археологические раскопки являются деструктивным процессом, требующими от исследователя максимальной точности и достоверности в фиксации всех данных, получаемых в ходе полевых работ. Одним из наиболее эффективных современных методов документации данных археологических исследований на памятниках является фиксация путем создания трехмерных моделей и построения 3Д ГИС. ГИС предоставляет возможность хранить и анализировать графическую информацию в сочетании с дескриптивной, что делает их идеальным инструментом для визуализации и анализа результатов раскопок. Трехмерная фиксация, в отличие от стандартных методов документирования, позволяет создавать модели, которые сохраняют пространственные характеристики исследуемых объектов, позволяющие детально изучить их с различных ракурсов, измерить расстояние, объем и т.д. [*Грушин,* 2016, с. 99]. В ходе археологических раскопок, интерпретация данных автором полевого исследования начинается уже на уровне фиксации, а 3D-технологии позволяют снизить субъективизацию при интерпретации и дают возможность сделать любые, даже самые сложные археологические объекты, доступными для исследования неограниченному количеству лиц даже после уничтожения памятника.

На сегодняшний день существуют два основных способа получения 3D модели: с использованием 3D сканеров (используется преимущественно для передачи высокоточных моделей археологических предметов) и фотограмметрии (наиболее применимый вариант в изучении крупных участков местности, памятников, участков раскопов, погребений и т.д.) [*Данилов, Федоров, Безвершенко,* 2019, с. 73]. Фотограмметрия представляет собой метод построения трехмерных моделей объектов с помощью компьютерной обработки цифровых снимков. [*van Riel,* 2016, с.6]

В рамках настоящего исследования технология фотограмметрии использовалась для получения трехмерной модели и ортофотопланов пластов и профилей раскопа 230 в центральной части Болгарского городища, работы на котором проводились в 2018 г. [*Ситдиков,* 2018, с.7] Процесс получения трехмерной модели при помощи фотограмметрии можно разделить на два этапа – съемку и обработку полученных фотографий. На первом этапе была сделана серия снимков исследуемого объекта с наложением кадров не менее 60%, с определенного ракурса, для того, чтобы обеспечить точное объединение снимков. Для последующей привязки модели и контроля точности перед съемкой на каждый объект были установлены маркеры программы Agisoft PhotoScan, представляющие собой метки опорных точек. С помощью тахеометрической съемки каждый маркер получил данные о пространственной привязке, выполняемой в локальной системе координат, географические

© Сагманова Г.М., 2020

координаты реперных точек которой, в свою очередь, были получены при помощи GNSS-оборудования. Для создания модели полученные изображения были обработаны в программе Agisoft PhotoScan. На начальном этапе выполнено выравнивание фотографий, поиск маркеров и загрузка данных об их относительных координатах, полученных с помощью тахеометра. Далее было построено плотное облако точек на основе которого и строится 3D модель, текстуры, карты высот и ортофотопланы. В результате обработки фотографий мы получили ортофотопланы в формате tif профилей стенок раскопа и топопланы всех пластов.

Полученные файлы обрабатываются в программе ArcMap, где создается база геоданных (gdb), содержащая все ортофотопланы, данные тахеометрической съемки, включающие границы объектов, расположение находок и т.д. Ортофотоплан в формате GeoTIFF содержит в себе координаты, которые позволяют получить пространственную привязку исследуемого объекта. Для того, чтобы разделить ортофотопланы пластов и профилей на отдельные контексты и слои, в базе геоданных создается класс пространственных объектов в котором границы каждого контекста очерчиваются отдельным полигоном, которому присваиваются атрибуты на основании полевого описания. Сопоставив полученные горизонтальные планы пластов с профилями стенок и бровок раскопа, мы можем получить объемную модель каждой из зафиксированных стратиграфических единиц. Для этого необходимо получить профиль глубин каждого снятого пласта путем интерполяции высот цифровой модели поверхности на линии соприкосновения каждого топоплана пласта с соответствующим профилем (инструмент Комплектовать профиль). Далее получается проекция профилей глубин на соответствующие профили стенок раскопа. Проекции полученных профилей нарезаются на отрезки пересечениями с контактами стратиграфических слоев (инструмент Объект в линию), после чего полученные отрезки получают атрибуты слоев, к которым они относятся, на основе пространственной привязки (инструмент Пространственное соединение). Отрезки проектируются на планы пластов, и на заключительном этапе осуществляется коррекция планов в соответствии с данными профилей. Заключительной операцией является построение трехмерных объектов на основании результатов сопоставления данных о простирании прослоек на горизонтальных и вертикальных планах.

Данные, получение в результате обработки ортофотопланов в ArcGIS позволяют получить большой массив информации о последовательности стратиграфических единиц, который может быть упорядочен путем установки правильных стратиграфических отношений. Для этой цели используется программа Harris Matrix composer [*Neubauer,* 2008, с. 3.], основанная на инструменте анализа стратиграфии и построения стратиграфических последовательностей, известного как «матрица Харриса» (далее - МХ), которая позволяет обеспечить ГИС необходимой информацией о стратиграфических связях для управления цифровыми данными и последующего анализа [*Neubauer,* 2018, с. 235.].

Метод анализа, предложенный Э.К. Харрисом, предполагает разделение всех единиц стратиграфии на материальные (слои, отложения) и нематериальные (поверхность соприкосновения стратиграфических единиц) [*Harris,* 1989, с. 54]. В процессе полевых исследований каждое отложение фиксируется отдельно, и каждой стратиграфической единице, в том числе и нематериальной, присваивается отдельный номер. Впоследствии, в результате анализа данных о каждом зафиксированном контексте, происходит построение схематичной диаграммы, отражающей последовательность формирования стратиграфических единиц и их взаиморасположении [*Neubauer, Traxler, Lenzhofer, Kucera,* 2018, с. 236]. Таким образом, МХ позволяет структурировать стратиграфический план и проследить последовательность формирования слоев.

В результате, сочетание методов 3D фиксации, анализа данных с привлечением инструментов ГИС и построение МХ позволяет получить полноценное представление о последовательности и закономерностях формирования стратиграфический слоев на археологическом памятнике, которое недоступно при стандартных методах документации, предполагающих чертеж и фотофиксацию профилей и топопланов.

Библиографический список

Harris E. C.: Principles of Archaeological Stratigraphy, Second Edition. Academic Press, 1989. 170 c.
Neubauer W.: Laser scanning and archaeology standard tool for 3d documentation of excavations. GIM INTERNATIONAL 21, 10 (2007). C.14-17.
Neubauer, Wolfgang. "Integrated Spatio-Temporal Documentation and Analysis of Archaeological Stratifications Using the Harris Matrix." Proceedings of the 16th Eurographics Workshop on Graphics and Cultural Heritage (GCH 2018) (2018). C. 235–239.
Neubauer, Wolfgang. "The Harris Matrix Composer - A New Tool to Manage Archaeological Stratigraphy." Digital Heritage. 2nd Euro-Med Conference on IT in Cultural Heritage. Proceedings of the 14th International Conference on Virtual Systems and Multimedia (2008). C. 13–20.
van Riel, Sjoerd. Exploring the use of 3D GIS as an analytical tool in archaeological excavation practice. Lund University. 10.13140/RG.2.1.4738.2643.2016. 77 c.
Traxler, C., Neubauer, W., 2009. The Harris Matrix Composer - A New Tool to Manage Archaeological Stratigraphy, in: Kulturelles Erbe und neue Technologien. Proceedings of Archäologie und Computer 2008, Workshop 13, Wien, Austria. 3-5 November 2008. Museen der Stadt Wien - Stadtarchäologie, Wien. 2008. C. 1-12.
Грушин С.П., Сосновский И.А. Фотограмметрия в археологии -методика и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 99-106.
Данилов В.А., Федоров А.В., Безвершенко Л.С. Сравнение методов фотограмметрии и лазерного сканирования для создания трехмерных моделей объектов и территорий археологических Гис (на примере археологического раскопа Увекского городища) // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Науки о Земле. 2019. №2. С. 72-78.

3D GIS AND STRATIGRAPHICAL ANALYSIS: EXPERIENCE IN PRACTICAL APPLICATION (ACCORDING TO MATERIALS OF EXCAVATION SITE № 230 IN BOLGAR SETTLEMENT).

G. Sagmanova

Kazan (Volga region) Federal Univercity, Kazan
g_s_17@mail.ru

Academic supervisor– PhD L. Vyazov

The paper elaborates on the use of 3D recording technologies for archaeological excavations on site № 230 in the central part of the Bolgar settlement, using three-dimensional models of an excavation site, that were obtained by the method of photogrammetry and that describes the process of analysis of archaeological stratifications using the Harris Matrix – sequential diagram for defining relations between stratigraphic units. The use of this methods let to get a schematic sequence of stratigraphic units and 3d models of deposits, which allow to obtain new data on the process of cultural deposits formation.

Keywords: 3D GIS, photogrammetry, the Harris Matrix, stratigraphy, methodology.

УДК 903.02

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОРДОВСКОГО И МАРИЙСКОГО ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ IX-XI ВВ.

А.А. Самсонова, Д.В. Лебедева
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
anas.naya24@gmail.com
dianalebedeva1501@gmail.com

Научный руководитель – д.и.н. Ю.А. Зеленеев

В статье проводится сравнение погребального обряда мари и мордвы. Выделяются общие и отличительные черты топографии могильников, устройства могильных ям и надмогильных сооружений, ориентировок погребённых, положения костяков. Результаты сравнения показывают схожесть двух народов, а также взаимопроникновение культур.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, мари, мордва, сравнительный анализ, погребальный обряд, могильные памятники.

Погребальный обряд является одним из наиболее важных показателей этнической специфики. Исследование в сравнительном плане погребального обряда нескольких этносов позволяет выявить общие, характерные для всех изучаемых народов черты, а также подчеркнуть специфические особенности, свойственные только одному этносу.

Хронологические рамки исследования ограниченны IX-XI вв., так как в это время завершается первый этап формирования марийской и мордовской народностей.

Под термином погребальным обряд в археологии понимается совокупность данных, получаемых при раскопках погребального памятника (могильника, кургана и т.д.) и связанных со способом захоронения умершего.

Особое место в погребальном обряде занимается расположение могильников на местности. Мордовские могильники в основном занимали небольшие террасы на берегу рек. Подобное расположение характерно для захоронений VII-XI вв. Подобное явление наблюдается и в отношении марийских погребальных сооружений. Изучая материалы марийских могильников Архипов довольно четко определил особенности их расположения – вблизи небольших рек, как правило, на левом берегу, на «дюнных всхолмлениях». [*Архипов,* 1973].

Стоит отметить надгробные сооружения и захоронения в деревянных конструкциях. В ходе исследований марийских могильников не было обнаружено явных следов каких-либо надмогильных конструкций и отличительных знаков над могилами. Однако Т.Б. Никитина подчеркивает вероятность их существования, т.к. контуры погребений не перекрывали друг друга [*Никитина,* 2002]. Так, в отдельных случаях (Анаткасинский могильник, «Черемисское кладбище», «Нижняя стрелка») при исследовании погребений были обнаружены гумусные пятна в виде столбовых ям.

Кроме того, в некоторых погребениях зафиксированы остатки внутримогильных конструкций и фрагменты органических материалов, которые могли использоваться в качестве подстилки. В основной массе в качестве таковой использовался луб, встречаются береста, мех, доски, холст и шелк. [*Никитина,* 2012].

На поверхности признаков мордовских могильников, как правило, не прослеживается. Видимо, в древности они каким-то способом отмечались. Свидетельством этого является отсутствие нарушения погребения другим. [*Петербургский,* 2006]. Исключающим является Елизавет-Михайловский могильник, некоторые погребения были отмечены кусками камней [*Алихова,* 1967]. Внутри погребальных сооружений следует выделить наличие лубяной подстилки. Во 2-м Журавкинском и 2-м Старобадиковском могильниках иногда находят останки войлочной подстилки, в одном обнаружена береста.

© Самсонова А.А., Лебедева Д.В., 2020

Важной особенностью погребального обряда являются форма и глубина погребения. В обоих случаях могилы имели удлинённую форму с закруглёнными краями и прямыми отвесными стенками. Размеры могильных ям находились в прямой зависимости от параметров погребенного, поэтому они превышали его рост, с целью складывания рядом жертвенных даров. Различие прослеживается в глубине могильных ям. Для мари характерно небольшая глубина от 5 до 70 см, для мордвы глубина ям колеблется от 30 до 135 см.

Важную роль в погребальном обряде занимает ориентировка погребенных по сторонам света. Она является одним из устойчивых признаков этнической принадлежности. К мокшанской средневековой культуре относятся погребальные памятники с ориентировкой покойников головой на юг и юго-восток, к эрзянской головой на север и северо-запад. По этим признакам к мокшанской культуре относятся Пановский, Елизавет-Михайловский, Крюковско-Кужновский, Лядинский на Цне, Заря 1, 2 - й Старобадиковский на реке Вад (левый приток реки Мокша). Из эрзянских могильников Волчихинский в правобережье Средней Волги, Стёксовский 2, Заречное 2, Погибловский в бассейне Тёши.

Для марийского погребального обряда характерна просеверная ориентировка с незначительными отклонениями. Исключение составляет Русенихинский могильник, где 10 из 11 погребений ориентированы на юг.

Важной деталью погребального обряда является способ захоронения. На марийских могильниках присутствуют 3 способа захоронения: ингумация, частичная ингумация и трупосожжение. Для ингумации характерны одиночные, вытянутые на спине захоронения, редких случаях на боку (Дубовский могильник), захоронения с младенцем («Черемисское кладбище», Анаткасинский могильник). При частичной ингумации наблюдается захоронение черепов и кучек костей. Трупосожжения совершались в кремационных ямах и захоранивались, как правило, на окраине могильника, при этом расположение вещей соответствовало их ношению при жизни. На некоторых могильниках так же встречаются кенотафы. Следует отметить, что характерным является сочетание на могильниках и трупоположения и трупосожжения, однако в некоторых случаях присутствует только один способ захоронения. Так, при исследовании Русенихинского могильника не было обнаружено ни одного трупосожжения, а на могильнике «Кузенские хутора» наоборот не выявлено ингумации.

На мордовских могильных комплексах господствующим было трупоположение. При трупоположении костяк располагался всегда на спине. В женских погребениях на спине с вытянутыми ногами и со сложенными на груди у пояса или у таза руками. В поздних могилах (X-XI вв.) руки подняты к лицу. В мужских погребениях руки вытянуты в доль туловища, иногда одна рука распологалась в области тазовых костей. Другой тип погребений - трупосожжение. Трупосожжение в погребальном обряде памятников VIII-XI вв. занимает сравнительно небольшой процент, например, в могильниках у пос. Заря – 8,2 %; во II Журавкинском -18,5%; II Старобадиковском – 15,4%. Подобная картина и в могильниках распологавшихся на Цне: в Пановском 5,6%; Елизавет-Михайловском 18,7%. Как и у мари, следов сжигания в могильнике не обнаружено. Очевидно, покойные сжигались где-то вдалеке и остатки, в виде измельченных костей, принесены на этот могильник для погребения.

Для всех памятников изучаемого времени в расположении погребального инвентаря в могильной яме наблюдаются относительное постоянство и определенная закономерность.

Основная масса погребений в обоих случаях имела сопроводительный инвентарь. В системе расположения погребального инвентаря можно выделись две основные тенденции:

1. Инвентарь расположен так, как носился при жизни (на одежде, на головном уборе, обуви);
2. Инвентарь находится в нетипичных местах. Данное положение касается наличия ЖК (Анаткасинский могильник).

Как в мужских, так и в женских погребениях мари и мордвы встречаются украшения, предметы вооружения и быта, отражающие производственную и социальную деятельность. Лишь в редких случаях в мужских погребениях встречаются женские украшения в качестве заупокойного дара. Глиняная посуда встречается в основном в женских погребениях. Горшки ставились у головы погребенного. В женских погребениях встречаются украшения: сюльгамы, браслеты, гривны, височные кольца. В мужских погребениях встречается оружие: наконечники

копий, стрел, сабли, мечи, конское снаряжение (удила, стремена, уздечный набор), орудия труда (топоры, тесла, долота).

Из проведенного сравнительного анализа погребального обряда по археологическим материалам нам удалось выявить общие черты:

1. Приуроченность могильников к небольшим водотокам (реки);
2. Наличие внутримогильных конструкций, в качестве которых использовался луб;
3. Присутствие отличительных знаков над могилами;
4. Форма могильных ям имеет подпрямоугольную форму с закругленными краями и прямыми стенками;
5. Биритуальный способ захоронения;
6. Наличие погребального инвентаря, связанного с социальной и производственной деятельностью.

И отличительные черты:

1. Разница в глубине могильных ям: у мари до 70 см, у мордвы до 135 см.
2. Ориентировка погребенных: мари – северная, мордва – южная и северная.
3. Наличие каменных знаков над могильниками.

Причиной сходства служат: общие корни, исходя из общности расположения могильников, также, близость культур определяется близостью территории. Наличие некоторых несущественных отличий не в состоянии изменить общей картины в целом.

Библиографический список

Алихова А. Е. Материальная культура среднецнинкой мордвы VIII-XI вв. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 177 с.

Архипов Г. А. Марийцы IX-XI вв. Йошкар-Ола. 1973. 197 с.

Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: изд-во МГУ им. Н. П. Огарёва, 1977. 97 с.

Вихляев В. И. Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Крас. октябрь, 2000. 129 с.

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX-XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: институт истории им. Ш. Марджани. 2012. 410 с.

Петербургский И. М. Вадская мордва в VIII-IX вв. Саранск: издательство Мордовского университета, 2006. 148 с.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF MORDOVIAN AND MARI FUNERAL RITES OF IX-XI CENTURIES.

A. Samsonova, D. Lebedeva

Mari state University, Yoshkar-Ola
dianalebedeva1501@gmail.ru
anas.naya24@gmail.com

Academic supervisor – professor Y. Zeleneev

The article presents a comparison of the burial rites of Mari and Mordovians. The General and distinctive features of the topography of burial grounds, the device of burial pits and tombstones, the orientation of the buried, the position of the bones are highlighted. The results of the comparison show the similarity of the two peoples, as well as the interpenetration of cultures.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Mari, Mordva, comparative analysis, funeral rite, burial monuments.

УДК 902

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА

П.А. Слепцова
Казанский федеральный университет, Казань
polina.sleptsova@gmail.com

Научный руководитель - к.и.н. Л.А. Вязов

В статье рассмотрена история изучения Танкеевского могильника и приведены основные направления в интерпретации материалов, а также разобраны основные проблемы его исследования на современном этапе.

Ключевые слова: археология, Танкеевский могильник, раннебулгарский период, средневековье.

Танкеевский могильник является самым крупным некрополем периода формирования Волжской Булгарии, находится он близь села Танкеевка Спасского района Республики Татарстан. Памятник был обнаружен в 1904 году, во время земляных работ в деревне. Были найдены железная сабля, боевой топорик, пять железных наконечников стрел, удила с прямым мундштуком и крылатыми псалиями, стремя с округлой выпуклой подножкой, бронзовые и серебряные пряжки, бляшки от поясного набора. Регулярные раскопки начались в 1961 г. Исследования могильника показали интересный культурный и этнологический состав населения формирующегося государства. В разные годы руководителями раскопов на Танкеевском могильнике были Е.А. Халикова, А.Х. Халиков, Е.П. Казаков. Антропологические исследования погребенных в некрополе проводились М.С. Акимовой, Р.М. Фаттаховым и И.Р. Газимзяновым. К настоящему моменту изучено порядка 1200 погребений, многие из которых были ограблены.

Исследования Танкеевского могильника положили начало длительной историографической дискуссии. Еще А.Х. Халиковым и В.Ф. Генингом 1964 г. было отмечено влияние финно-угорской языковой группы на формирование местного населения. Но также Халиковым высказывалась точка зрения, что местное финно-язычное население растворяется в пришлом тюркоязычном. В.А. Иванов в своей работе утверждает, что материалы Танкеевского могильника показывают обратную ситуацию. Помимо имеющихся болгаро-салтовских захоронений, большую часть занимали захоронения приуральских племен, представленные материалами ломоватовской, кушнаренковской и поломской культур. И А.Х. Халиков, и Е.П. Казаков приходят к выводу у преобладающем влиянии прикамско-приуральского населения на этногенезе ранних волго-камских болгар.

Несмотря на многолетние исследования памятника и длительную дискуссию, целый рад проблем изучения памятника остается далеким от разрешения. Фокус внимания исследователей сосредотачивается в основном на решении вопросов интерпретации данных, оставляя на втором плане собственно археологические задачи: сохранение памятника, систематизация и публикация его материалов, типологический анализ инвентаря и т.п. Между тем, эти вопросы далеки от разрешения. Так, Е.П. Казаковым [*Казаков,* 1971] была разработана типология боевых топоров, найденных в погребениях, позволяющая использовать ее для классификации раннеболгарских топоров. Топоры были разделены по форме обуха на группы, по форме лезвия на разделы и по общему виду бойка на типы. В этой же работе была приведена подробная типология лепных круглодонных чашевидных, горшковидных сосудов (из найденных 196 сосудов реставрировано 156) и круговых кувшинов. Чашевидные и горшковидные формы разделены исследователем на группы по наличию или отсуствию шейки, по отношению наибольшего диаметра тулова к диаметру шейки на подгруппы, по расположению наибольшего диаметра тулова по отношению к высоте его на виды и по форме шейки на разновидности. Кувшины Е.П. Казаков делит по тому же принципу- на группы по расположению наибольшего

© Слепцова П.А., 2020

диаметра тулова относительно высоты, на виды по отношению наибольшего диаметра тулова к его высоте. Е.А. Халиковой [*Халикова,* 1972] был рассмотрен венгерский компонент в погребальном инвентаре - это лицевые покрытия-маски из тонкого серебра и конские захоронения (голова, ноги и предположительно шкура) в могилах с воинским комплексом. Однако, по мнению исследователя, выделить группы могил, которые имели бы устойчивый комплекс признаков, не представляется возможным. И.Л. Измайловым [*Измайлов,* 1989] была создана типология сабель. Им упоминается найденные на Танкеевском могильнике 6 сабель, большинство из которых относятся ко 2 типу, который автор условно называет «печенежским». Аналоги им можно привести из печенежского могильника Белая Вежа, из венгерских памятников эпохи Арпадов, из погребений приуральских кочевников, а также из памятников Верхнего Прикамья.

Вместе с тем, специальных исследований других категорий инвентаря не проводилось. За пределами внимания исследователей до сих пор остаются украшения и детали костюма, многие предметы вооружения, конского снаряжения, бытовые орудия труда и др.

Таким образом, стоящие на современном этапе можно выделить следующие проблемы изучения Танкеевского могильника.

1. Оценка историко-культурного потенциала памятника. Памятник насчитывает, по одним сведениям, около 5000 захоронений [*Газимзянов,* 2018]. Генинг В.Ф. и Халиков А.Х. говорили о более чем 6000 погребений. Однако еще Е.А. Халикова [*Халикова,* 1971] говорила о сложности определения границы могильника, так как погребения не сохранили никаких внешних признаков. Эти цифры остаются гипотетическими, поскольку границы памятника определены схематично и нуждаются в уточнении.

2. Проблемы сохранения Танкеевского могильника как объекта культурного наследия. Памятник разрушается береговой абразией р. Ясачки и хозяйственной деятельностью жителей д. Танкеевка. Масштаб и скорость разрушения нуждаются в оценке, для чего необходим анализ историографических данных о динамике береговой линии, проследить которую можно, привязав раскопы прошлых лет к географическим координатам и использовав чертежную документацию из отчетных материалов, содержащую, как правило, абрис береговой линии на момент производства раскопок.

3. Анализ планиграфии памятника. В различных публикациях приводится сводные планы раскопов, выполненных на Танкеевском могильнике, однако ни один из них не является полным. Кроме того, отсутствуют сводные данные о местоположении погребений на этих раскопах, что не позволяет представить структуру могильника в целом. Е.А. Халикова говорит о том, что строгого порядка в расположении могил на вскрытой части нет, но если обратиться к непосредственно венгерским захоронениям на территории Венгрии, то их яркой чертой является планомерность. [*Титов, Эрдели,* 1986]. Необходимо проведение работ по сопоставлению и сведению воедино всей архивной документации, без чего невозможно как анализ собственно археологических материалов памятника, так и сравнительно-сопоставительный анализ Танкеевского могильника и других раннесредневековых некрополей Восточной Европы.

4. Систематизация и обобщение данных о погребальном обряде. Поскольку значительная часть погребений могильника остается неопубликованной, а сводные данные о раскопах отсутствуют, выводы о погребальном обряде могильника, наличии и характере обрядовых групп нуждаются в уточнении и переосмыслении.

5. Систематизация и обработка вещевого материала могильника. Как уже указывалось выше, специальному анализу подвергались только отдельные категории вещевого материала (была проведена типология лепных круглодонных чашевидных и горшковидных сосудов, круговых кувшинов и боевых топоров, также по группам разделены мелкие подвески и поясные и уздечные пряжки). Это ставит задачу аналитической обработки материалов коллекций могильника для уточнения ранее полученных выводов.

На современном этапе уже были проведены работы по сопоставлению топографических и архивных данных. Результаты показывают, что исследованная раскопками в 1960-90-е гг. часть могильника полностью разрушена и в настоящее время происходит разрушение остальной части памятника. Работы на могильнике были возобновлены в 2019 году. Новые раскопки дают

интересные сведения об использовании этой территории и позволяют говорить о прилегающем к могильнику поселении, но полученные материалы еще требуют дальнейшего исследования.

Решение обозначенного круга проблем возможно с использованием современных методов археологических исследований.

Библиографический список

Газимзянов И.Р. Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ новых и старых материалов // Поволжская археология. Вып. №1. Казань, АН РТ Институт истории, 2018. С. 294-320
Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
Иванов В.А. О роли прикамских племён в формировании раннебулгарского и древнемадьярского этносов // Finno-Ugrica. — 2003—2004. Вып. № 1 (7—8). — С. 17—26.
Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. Вып.№1. Казань, АН РТ Институт истории, 1997. — С. 33-53.
Казаков Е.П. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. — С. 94-155.
Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии . — М.: Наука, 1992. — 335 с.
Руденко К.А. Проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья в исследованиях Е.П. Казакова // Finno-Ugrica. Вып.№4. Казань, АН РТ Институт истории, 2014. С. — 10-29.
Титов В.С., Эрдели И. Археология Венгрии. — М.: Наука, 1986. — 356 с.
Халикова Е.А. Погребальный Обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. — С. 64-93

PROBLEMS OF THE STUDY TANKEYEVSKY BURIAL GROUND

P. Sleptsova
Kazan (Volga region) Federal Univercity, Kazan
polina.sleptsova@gmail.com

Academic supervisor − PhD L. Vyazov

The article deals with the history of the study of the Tankeyevkaburial ground and presents the main directions in the interpretation of the materials as well as the main problems of its research at this stage.

Keywords: archaeology, Tankeyevkaburial ground, the Early Bulghar period, Middle Ages.

УДК 902

ДЕРЕВООБРАБАТЫВЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ НЕВОЛИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Р. Смертин
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
Scrume.tv@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Е.Л. Лычагина

В статье предпринята попытка сбора всех деревообрабатывающих инструментов неволинской археологической культуры, их классификации и поиска аналогий. Проведено соотношение исследуемых инструментов с материалами Верхнего Прикамья и Древней Руси.

Ключевые слова: деревообработка, инструменты, Прикамье, средневековье.

Цель работы – исследование деревообрабатывающего инструментария неволинской археологической культуры. Предпринята попытка составления краткой классификации

© Смертин А.Р., 2020

исследуемого материала и соотношения его с материалом родственной ломоватовской культуры, последующей родановской культуры и поиска других аналогий.

Неволинская культура занимает юго-восточную часть современного Пермского края в бассейне р. Сылва и датируется концом IV – началом IX вв. Всего известно около 270 памятников [*Голдина,* 2012, с.235]. В выборку попали некоторые из известных поселений и некрополей, которые имеют в составе коллекций деревообрабатывающие инструменты. Среди них: Неволинский, Верх-Саинский, Кишертский, Селянино озеро, Сухой лог могильники, Бартымское I селище, Верх-Саинское I, Лобач городище [*Голдина и др.,* 2011; *Голдина,* 2012; *Голдина и др.,* 2012; *Голдина и др.,* 2018; *Пастушенко,* 2012].

В ходе анализа деревообрабатывающего инструментария производилось деление на группы в связи с назначением инструмента, на разделы и типы – по особенностям и формам инструментов. Всего было найдено и обработано 104 инструмента. Отметим, что проанализированные орудия подразделяются на универсальные (полифункциональные) и узкоспециализированные (предназначенные для ограниченных действий).

Группа I. Топоры (50 экз.). За основу классификации топоров взята система, предложенная А.В. Даничем [*Данич,* 2015]. Разделы составлены на основании насадки топора на рукоять, типы – по форме лезвия.

Раздел I. Проушные

Тип 1 – чеканы (10 экз). Такие топоры являлись боевыми и не задействовались в деревообработке постоянно. Имеют разные варианты лезвия по форме и размерам. В основном лезвие имеет форму слегка расходящегося клина, обух имеет молоточковидную форму – противовес лезвию. Найдены на Неволинском (3 экз.), Сухой лог (2 экз.), Верх-Саинском могильнике (5 экз.). Интересен экземпляр с могильника Сухой Лог с подквадратным лезвием, который не имеет аналогий с соседними памятниками [*Голдина и др.,* 2012. Таб.24]. Чеканы в VIII-IX вв. широко распространены от Прикамья, до Древней Руси, Венгрии и Чехии [*Данич,* 2015, с. 74].

Тип 2 – узколезвийные (34 экз.). Топоры данного типа универсальные, имеют колуновидную форму. Они бытовали в V-XI вв. [*Данич,* 2015, с.75] Распространены несколько вариантов данного типа: с округлыми щековицами – Лобач городище (1 экз.), Верх-Саинский (6 экз.), Неволинский могильник (1 экз.); с прямоугольными щековицами – Верх-Саниский (11 экз.), Неволинский могильник (10 экз.); без щековиц – Бартымское I селище (2 экз.), Верх-Саинский (1 экз.), Неволинский могильник (2 экз.). Также данный тип топоров дифференцируется по степени наклона полотна лезвия. Аналогичные орудия найдены на Кудымкарском городище, Степаново плотбище могильнике и др.

Тип 3 – бородовидные (1 экз.). Топор данного типа найден на могильнике Селянино озеро, он имеет прямую верхнюю грань, опущенное лезвие и небольшую выемку. Данный тип интерпретируется как деревообрабатывающий инструмент и соотносится с топорами ломоватовского и родановского времени (Рождественский, Плотниковский могильник, Роданово городище и др.). Такой топор является рабочим топором для родственных культур: (ломоватовская – 29 экз., родановская – 16 экз.)

Раздел II. Втульчатые

Тип 1 – кельты (5 экз.). Имеют прямое, слегка расходящееся лезвие, втулку правильной формы. Такие топоры относятся к рабочим. Их размеры в диапазоне 11-17 см в длину. Найдены на Верх-Саинском (2 экз.), Неволинском могильнике (3 экз.). Аналогии прослежены на широком круге памятников – Бояновском, Плёсинском могильнике, городище Иднакар и др.

Группа II. Тёсла (3 экз.). Разделы составлены на основании способа крепления тесла к рукояти.

Раздел I. Втульчатые (с трубицей), (3 экз.). Тёсла данного типа имеют не до конца сомкнутую трубицу и слегка расходящееся лезвие. Они обнаружены на Верх-Саинском I, Лобач городище. Схожие тёсла найдены на Рождественском городище, Рождественском, Степаново плотбище могильнике.

Группа III. Резцы (7 экз.). Разделы составлены на основании способа работы резцом.

Раздел I. Ручные

Тип 1 – резцы-ложкари (3 экз.). Имеют изогнутую рабочую часть с боковым режущим краем. Найдены на Верх-Саинском I городище. Имеют широкий круг аналогий на множестве средневековых памятников.

Тип 2 – фигурные резцы (1 экз.). Единственный экземпляр имеет массивное тело и широкую рабочую часть. Найден на Верх-Саинском I городище. Известных аналогий в Верхнем Прикамье нет.

Раздел II. Токарные

Тип 1 – резцы прямоугольного сечения (3 экз.), рабочая часть которых имеет коленообразный изгиб [*Голдина и др.,* 2012, с.37]. Вероятно, могли закрепляться в токарном станке. Найдены на городище Лобач. Аналогичные токарные резцы встречены на Рождественском городище и в материалах Древней Руси [*Колчин,* 1985, с. 258-259].

Группа IV. Стамески (2 экз.).

Тип 1 – стамески, представляющие собой плавно расходящийся к рабочей части стержень прямоугольного сечения (2 экз.). Найдены на городище Лобач. Аналогичные орудия найдены на Рождественском городище и в слоях XII в. в Новгороде.

Группа V. Долота (3 экз.).

Тип 1 – плоские (цельнометаллические) долота (3 экз.). Имеют массивное тело, сужающееся к концу рабочей части. Найдены на Верх-Саинском, Лобач городище. Аналогичные долота найдены на Рождественском городище, селище Запоселье, Плотниковском могильнике, в материалах Древнего Новгорода.

Группа VI. Свёрла (4 экз.).

Тип 1 – перовидные свёрла (2 экз.). Такие свёрла имеют рабочую часть в виде уплощённого пера или ложковидной формы. Найдено целое сверло и заготовка такого сверла на Верх-Саинском I и Лобач городище [*Голдина и др.,* 2012, таб.13,62]. Аналогичные свёрла широко представлены на памятниках Верхнего Прикамья: Рождественское, Саломатовское, Анюшкар городище, на Огурдинском, Плотниковском могильнике.

Тип 2 – спиральные (винтовые) свёрла (1 экз.). Найдено на городище Лобач [*Голдина и др.,* 2012, таб.11]. Такие свёрла чаще всего имеют правую завивку и круглое сечение. Аналогий такому типу сверл в Верхнем Прикамье нет, однако данный тип имеет аналогии в материалах Древней Руси, в частности в Новгороде [*Сингх,* 2015, с.209].

Тип 3 – лучковые свёрла (1 экз.). Единственный экземпляр лучкового сверла найден на Бартымском I селище и определён изначально как шило [*Голдина и др.,* 2011, таб.3, №8], однако аналогии с материалами Древней Руси (Новгород) позволяют классифицировать данный предмет именно как сверло. Уплощённая срединная часть прикреплялась к лучковому приводу. В Верхнем Прикамье аналогии имеются на Рождественском городище.

Группа VII. Ножи специализированные (3 экз.).

Тип 1 – рабочие ножи для резьбы по дереву, столярные (3 экз.). Для таких ножей характерна изогнутая плавной дугой спинка [*Белавин и др.,* 2008, с. 272]. Обнаружены на Неволинском Верх-Саинском могильнике. Аналогичные ножи найдены на Рождественском, Шудъякар, Саламатовском городище, на Плотниковском могильнике. Не исключается возможность использования универсальных ножей с прямой спинкой в деревообработке.

Группа VIII. Шилья. (32 экз.) Данная группа инструментов является универсальной. Шило – достаточно распространенный инструмент. Они могли применяться в разных ремёслах и производствах, но их применение в деревообработке является важным компонентом производства. Существует предположение, что раскаленными шильями, а также другими стержневидными железными предметами могли прожигать древесину для проделывания отверстий. Шилья разделены по типам относительно сечения рабочей части.

Тип 1 – шилья овального круглого сечения. Найдены на Бартымском селище (2 экз.), Верх-Саинском (13 экз.), Неволинском могильнике (1 экз.).

Тип 2 – шилья прямоугольного и квадратного сечения. Найдены на Бартымском селище (3 экз.), Верх-Саинском (6 экз.), Неволинском (4 экз.), Сухой лог могильнике (1 экз.).

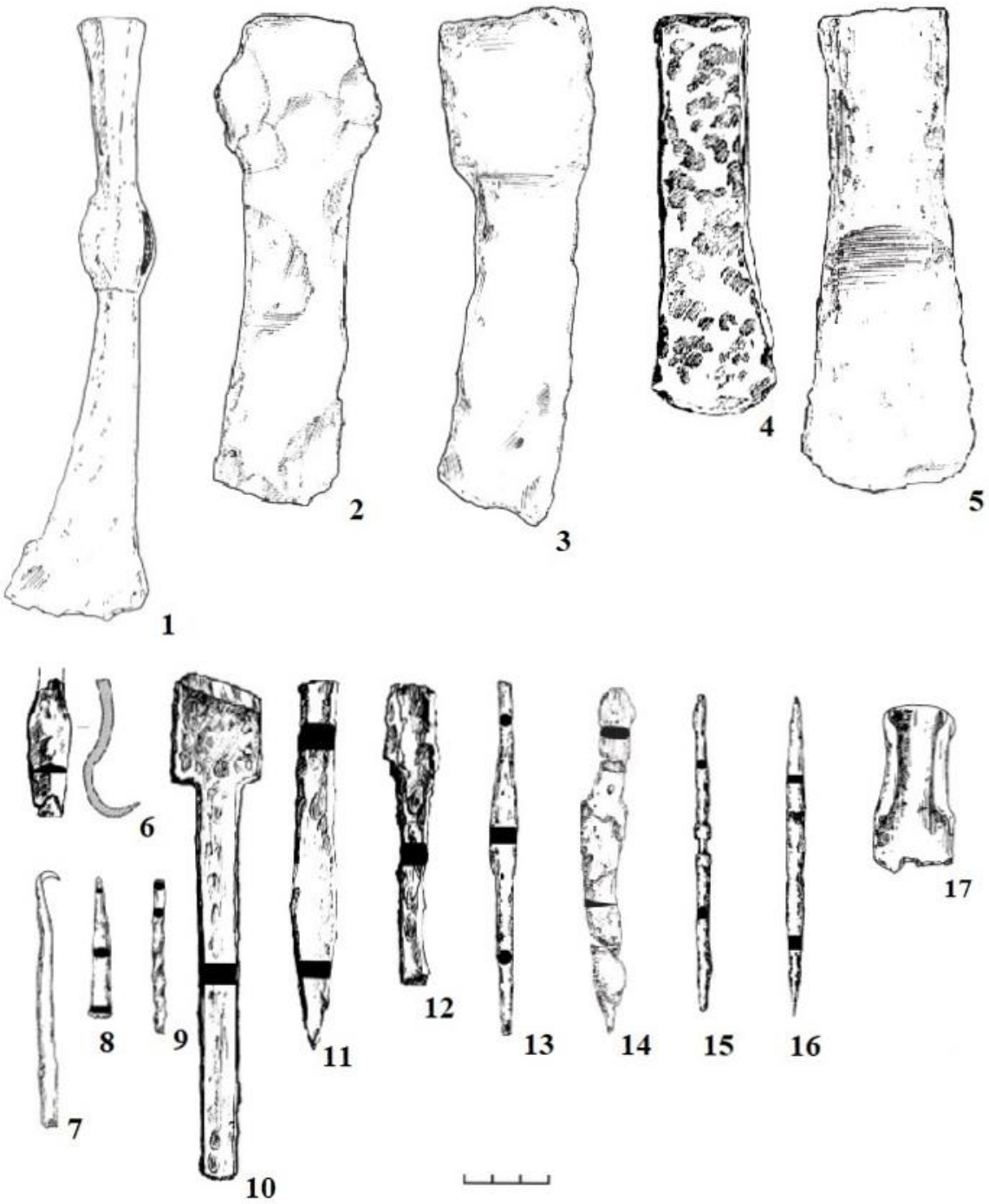


Рис. 1. Основные типы инструментов. Использованы прорисовки из монографий, указанных в библиографическом списке. 1 – Топор-чекан; 2 – топор узколезвийный с округлыми щековицами; 3 – топор узколезвийный с квадратными щековицами; 4 – топор узколезвийный без щековиц; 5 – топор-кельт; 6 – резец-ложкарь; 7 – токарный резец; 8 – стамеска; 9 – сверло винтовое; 10 – резец фигурный; 11 – долото; 12 – сверло перовидное; 13 – сверло лучковое; 14 – нож столярный; 15 – шило с округлым сечением; 16 – шило с прямоугольным сечением; 17 – тесло втульчатое.
1-17 – железо. 1-3,5,14 – Верх-Саинский могильник; 4,13,15-16 – Бартымское I селище; 6,10-12,17 – Верх-Саинское городище; 7-9 – Лобач городище.

По исследованному инструментарию можно заключить, что у населения, оставившего неволинскую культуру, было распространено множество операций, относящихся к

деревообрабатывающему производству. Среди них: рубка, обтёска, раскалывание, долбление, сверление, резьба, точение. Были взяты все известные топоры, но основную часть выборки составляют топоры универсального характера по применению. Относительное разнообразие форм топоров говорит о его применении, как в бою, так и в деревообрабатывающем (плотницком) производстве. Наличие узкоспециализированного инструментария (резцы, стамески, долота, сверла и др.) свидетельствует о развитии столярного и бондарного производства, здесь интересен экземпляр столярного бородовидного топора с могильника Сухой Лог. Однако количество инструментов в целом скудное (104 экз.), особенно бедно представлены узкоспециализированные инструменты: ремесленные ножи, тесла, резцы, стамески, сверла (22 экз.). Совершенно не представлены инструменты для строгания, однако на памятниках соседних культур в большом количестве найдены наструги. Вероятно, данную функцию выполняли топор и тесло. Прослеживаются как значительные различия с материалами Верхнего Прикамья (свёрла, резцы), так и типологические сходства (топоры, тёсла, долота и др.).

Библиографический список

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПФ ИииА УрО РАН. – 603 с.

Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Черных Е. М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.13. Ижевск, Пермь, 2011. 340 с.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII-IX вв. в Пермском Предуралье. Монография. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Отв. Ред. Л.И. Липина. Ижевск. 2012. 472 с.

Голдина Р.Д. Об общественном устройстве населения неволинской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. №3-1. С.235-242.

Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 19 – Ижевск, 2018. – 720 с.

Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., Перевощиков С.Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.23. – Ижевск, 2012. – 264 с.

Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X. – Пермь, ПГГПУ. 2015. С.71-124.

Колчин Б.А. Обработка дерева / Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село / Под ред. Б.А. Колчина – М: Наука. 1985. С.254-260.

Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник XI–XII вв. в бассейне р.Сылвы // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н.э.): хронологическая атрибуция. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. – Ижевск: Изд. «Удмуртский университет», 2012. – С.273-282.

Сингх В.К. Деревообработка средневекового Новгорода // Археология Пскова и Псковской земли. Семинар им. Академика В.В. Седова. Материалы 60-го заседания. Вып. 30. М.-Псков-СПб., 2015. С. 200-211.

WOODWORKING TOOLS OF NEVOLINO CULTURE

A. Smertin

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
Scrume.tv@mail.ru

Academic supervisor – PhD E. Lychagina

The study was conducted for the purpose of classification all woodworking tools of Nevolino culture. The comparison of the instruments was carried out with the materials of the top Kama region and ancient Rus.

Keywords: woodworking, tools, Kama region, medieval period.

УДК 902

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЛОМОВАТОВСКОЙ И НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУР

П.Р. Смертин

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
Paulsmert@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Е.Л. Лычагина

Научный консультант – н.с. ПФИЦ УрО РАН Н.Г. Брюхова

Для анализа паледемографической ситуации взяты материалы могильников ломоватовской и неволинской культур. В результате исследования выявлены сходства по следующим параметрам: средний возраст смерти ~30 лет, процент стариков и процент 1-го репродуктивного поколения популяции. Различны соотношения полов и отдельных частей популяции.

Ключевые слова: палеодемография, пол, возраст, популяция, могильник, неволинская культура, ломоватовская культура.

Синхронность культур определяет объективное сравнение палеодемографических показателей. Археологическая культура выделяется по признакам, отличающим её от соседней. Возможно, кроме культурного барьера, существовал ещё и барьер генетический, препятствующий смешению популяций культур [*Яблонский,* 2010, с. 83]. Сделана попытка объединения локальных популяций в популяции более высокого уровня: популяцию ломоватовской культуры и популяцию неволинской культуры.

Ломоватовская культура датированаV – IX вв. н.э. Территориальные рамки культуры – верхнее течение р. Камы, до устья р. Чусовой [*Голдина,* 1985, с. 4].

Неволинская культура датирована к. IV – нач. IX вв. н.э. и занимает территорию бассейна р. Сылвы, левого притока р. Камы [*Голдина,* 2012, с. 235].

Использованы данные о индивидах 4 могильников ломоватовской культуры (Митинский, Бояновский, Демёнковский, Пыштайн) и 5 могильников неволинской (Бартымский, Верх-Саинский, Бродовский, Неволинский и Сухой Лог).

Автор антропологических определений по памятникам ломоватовской культуры – Н.Г. Брюхова, н.с. ПФИЦ УрО РАН [*Шмуратко,* 2017; *Данич,* 2019; *Брюхова,* не опубл.; *Брюхова,* 2007, с. 228-230]. По Митинскому могильнику ряд определений сделаны к.б.н. М.С. Акимовой [*Акимова,* 1968, с. 40-46].

По могильникам неволинской культуры антропологические определения сделаны н.с. Казанского филиала АН Р.М. Фаттаховым (Бартымский, Сухой Лог, Неволинский) и ст. н.с. Института антропологии и этнографии АН Г.В. Рыкушиной (Верх-Саинский, Неволинский) [*Голдина, Водолаго,* 1990; *Голдина и др.,* 2012].

Собрана информация по 9 могильникам и 580 индивидам, 525 из которых достоверно определено. Обратимся к таблице (табл. 1.), проведем сравнительный анализ.

Соотношение полов в ломоватовской культуре демонстрирует преобладание мужчин в 2 раза, как и на Бродовском могильнике. Женщины преобладают на Неволинском и Сухой Лог могильниках в 2 и в 4 раза соответственно. Более равномерное распределение мужчин и женщин – на Верх-Саинском и Бартымском могильниках (1,4:1 и 1:1,2 женщин к мужчинам соответственно). Возможно, кости женщин сохранились хуже, а часть мужчин могла погибнуть далеко за пределами поселений.

Соотношение полов в репродуктивной части популяции (18-45 лет для женщин, 18-55 для мужчин). В ломоватовской культуре снова преобладают мужчины более чем в 2 раза. Более естественной выглядит ситуация на могильнике Пыштайн. В неволинской культуре

© Смертин П.Р., 2020

распределение равномерней – 1,1 женщины к 1 мужчине. Выбиваются показатели с отдельно взятых могильников (Бродовский – 1:3, Неволинский – 2,3:1 и Сухой Лог 3,5:1).

Размер репродуктивной части популяции в ломоватовской культуре естественен – 36,4% (низкий процент лишь на Митинском могильнике – 18,1). Для неволинской культуры показатель выше – 60,7%. Возможно, здесь завышает общий процент результат с Неволинского могильника – 88,6%. Хотя, по всем могильникам процент репродуктивной части выше 50 (кроме Бартымского – 47,5%).

Размер дорепродуктивной части популяции(<18-20 лет) в ломоватовской культуре – 47,2%, в неволинской – 47,8%. В целом, этот процент фиксируется от 21 до 51.

Размер 1-го репродуктивного поколения(20-35 лет) в ломоватовской культуре варьируется около 61,8% от числа всей репродуктивной части популяции. Схожи результаты по неволинской культуре – 62,1%. На отдельных могильниках показатель может отличаться. Показателен приоритет воспроизводства населения в этом возрасте, что также подтверждает средний возраст смерти, укладывающийся в этот возрастной интервал (здесь возможны и смертельные случаи женщин во время первых родов).

Процент стариков(50+) невелик на всех могильниках, что согласуемо с эпохой. Самые большие результаты на Бродовском могильнике – 8,2% и могильнике Пыштайн – 8,9%. До этого возраста чаще доживали мужчины, что подтверждают результаты со всех могильников, кроме Сухого Лога.

Коэффициент фертильности (кол-во детей <13 лет на женщин репродуктивного возраста) выглядит неестественно, т.к. 2,1 ребенка (в ломоватовской культуре) на 1 женщину – это очень мало. На Демёнковском могильнике этот показатель адекватен – 5,3 ребенка на 1 женщину. В неволинской культуре ситуация вызывает вопросы: количество женщин репродуктивного возраста превышает количество детей до 13 лет на Верх-Саинском, Неволинском, Сухой Лог могильниках. Возможно, повлияла ситуация с плохой сохранностью скелетов детей: их кости слабо кальцинированы [*Алексеев,* 1972, с. 3]. Детей могли хоронить и на отдельных кладбищах [*Шмидт,* 2015, с. 99]. Нельзя сказать, что показатель в этом сравнении объективен.

Рассмотрим **детскую смертность**: почти 1/2 погребенных на Митинском, Бартымском могильниках – дети, что согласуемо с эпохой. На Демёнковском, Пыштайн, Бродовском и Сухой Лог могильниках – 1/3. На остальных могильниках – меньше, что тоже вызывает вопросы. Процент детской смертности для ломоватовских памятников – 21,4, для неволинских – 28,3.

Средний возраст смерти мужчин зафиксирован около 30 лет. По могильникам ломоватовской и неволинской культур почти совпадает: 32,3 и 32,8 лет соответственно.

Средний возраст смерти женщин так же зафиксирован около 30 лет и по ломоватовской и неволинской культурам близок: 30,8 и 29 лет соответственно. Разница показателя между мужчинами и женщинами мала. Лишь на Неволинском могильнике разрыв больше: 38,2 года для мужчин и 26,6 – для женщин, что связано с отсутствием женщин >40 лет и высокой смертностью в возрасте 15-29 лет. Показатели разнятся и на могильниках Пыштайн и Сухой Лог.

Признак	Митинский	Бояновский	Демёнковский	Пыштайн	**Ломоватовская культура**	Бартымский	Верх-Саинский	Бродовский	Неволинский	Сухой лог	**Неволинская культура**
Соотношение полов (sex ratio, F : M)	1 : 1,8	1 : 2,3	1 : 2	1 : 2	**1 : 2,6**	1 : 1,2	1,4 : 1	1 : 2,4	2,3 : 1	4,3 : 1	**1,3 : 1**
Sex ratio в репродуктивной	1 : 2,4	1 : 2,4	1:8	1:1,25	**1 : 2,6**	1 : 1,3	1,1 : 1	1 : 3	2,3 : 1	3,5 : 1	**1,1 : 1**

части (F : M)											
Размер репродуктивной части	18,1 %	39 %	42,1 %	40,9 %	**36,4 %**	47,5 %	67 %	52,5 %	88,6 %	58,7 %	**60,7 %**
Размер дорепродуктивной части	51,1 %	50,2 %	34,2 %	31,8 %	**47,2 %**	46,7 %	26 %	21,3 %	22,9 %	47,8 %	**36,8 %**
Размер 1-го репродуктивного поколения	53,3 %	60,6 %	61,3 %	85,7 %	**61,8 %**	76,4 %	52,5 %	47,6 %	82,8 %	30,8 %	**62,1 %**
Процент стариков (dx 50+)	7 %	3,2 %	–	8,9 %	**3,4 %**	2,4 %	4,7 %	8,2 %	3,9 %	6,5 %	**5,4 %**
Sex ratio в пострепродуктивной части (F : M)	1 : 3,9	1 : 2,6	–	0 : 1,3	**1 : 4,7**	1 : 3	1 : 5	1 : 1,1	0 : 1,3	3,5 : 1	**1 : 2**
Коэффициент фертильности	1,2 : 1	2,2 : 1	5,3 : 1	1,25 : 1	**2,1 : 1**	2,3 : 1	1 : 2,4	1,5 : 1	1 : 3	1 : 1,5	**1 : 1,2**
Средний возраст смерти муж (AAm)	31,2	31,3	30,8	35,8	**32,3**	32,3	28,9	33,6	38,2	40	**32,8**
Средний возраст смерти жен (AAf)	31,6	28,3	35,3	28,1	**30,8**	32	24,8	34,8	26,6	32,5	**29**
Средний возраст смерти всех взрослых (AA)	31,4	28,5	27,3	32,7	**28,9**	31,8	26,7	34,9	30,3	33,9	**31,1**

Средний возраст смерти взрослого населения зафиксирован около 30 лет и равен 28,9 и 31,1 годам для ломоватовской и неволинской культур соответственно, что подкрепляет значения по среднему возрасту смерти отдельно для мужчин и женщин. Самый низкий показатель на Бояновском, Пыштайн и Верх-Саинском могильниках: 28,3; 28,1 и 24,8 соответственно.

Результаты по показателям среднего возраста смерти можно объяснить возможными военными столкновениями, низким уровнем жизни, стрессами для организма или плохой сохранностью костей стариков.

Выводы.

Комплексное исследование популяций с использованием описанных методов позволяет судить о палеодемографической ситуации на памятниках, но некоторые результаты выглядят неестественно даже на полностью изученных памятниках (Неволинский, Верх-Саинский) – это прежде всего касается коэффициента фертильности и детской смертности.

Проблема с детской смертностью характерна для многих могильников (кости детей часто не фиксируются). Из-за этого потерян большой объём информации, выборки выглядят неестественно. На это могла повлиять сохранность костей или захоронение детей на отдельных кладбищах.

Получение неудовлетворительных результатов подтверждает необходимость продолжение изучения памятников для правильной интерпретации половозрастной структуры.

Возможно, палеодемографическая ситуация на могильнике – показатель индивидуальный и не может быть характерным для культуры, но было правильным исследовать памятники синхронных близкорасположенных культур.

Небольшое сравнение провести удалось. Объединяет культуры средний возраст смерти ~30 лет. Равен процент стариков, почти во всех случаях преобладают мужчины. Первое репродуктивное поколение популяции одинаково.

Отличает неволинскую культуру большее преобладание женщин, больший размер репродуктивной части. Дорепродуктивная часть больше на могильниках ломоватовской культуры.

Таким образом, сравнение палеодемографической ситуации важно при правильном использовании методов, но для выявления предполагаемого «генетического» барьера нужно привлечь методы физической антропологии по определению особенностей фенотипов представителей популяций.

Библиографический список

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. Изд-во «Наука». М, 1968. 119 с.
Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. №1. С. 3-21.
Брюхова Н.Г. Опыт исследования половозрастного состава населения ломоватовской эпохи (по материалам раскопок могильника Пыштайн II в 2005 г.). // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, Екатеринбург: Магеллан, 2007. С. 228—230.
Брюхова Н.Г., не опубл. Таблица распределения по возрастам смерти Демёнковского могильника.
Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в ВерхнемПрикамье. Иркутск, 1985. 280 с.
Голдина Р.Д. Об общественном устройстве населения Неволинской культуры. //Археология и этнография. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 14, No3, 2012. С. 235-242.
Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1990. – 176 с., ил.
Голдина Р.Д. [и др.]. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.23. – Ижевск, 2012. – 264 с.
Данич А.В. Отчёт о научно-исследовательской работе раскопки БаяновскогоIмогильника в Добрянском муниципальном районе Пермского Края в 2018 году. КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2019. (Архив МАЭ ПГГПУ).
Шмидт А.В. Возрастная структура населения в палеодемографии: принципы построения. // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. // Сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Изд-во Алтайского ГУ. Барнаул. – 2015. С. 94-100.
Шмуратко Д.В. Отчёт об исполнении государственного контракта №45 от 25.04.2017 с Министерством культуры на проведение охранных археологических раскопок на разрушающемся объекте археологического наследия «Митинская курганная группа». КАЭЭ ПГГПУ, Пермь, 2017. (Архив МАЭ ПГГПУ).
Яблонский Л.Т. Физическая антропология: курс лекций / Мар. Гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2010. – 269 с.

PALEOGEOGRAFIC ANALYSIS OF BURIAL GROUND LOMOVATOVO AND NEVOLINO CULTURES

P. Smertin

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
Paulsmert@mail.ru

Academic supervisors – PhD E. Lychagina; N. Bryukhova

For analysis of the situation paleodemography take the materials of burial ground of lomovatovo and nevolino culture. Main conclusions: the average age of death for about 30 years, the percentage of old-adult and the percentage of the 1st reproductive generation of the population are the same. Different sex ratio and different parts of the population.

Keywords: paleodemographic, sex, age, population, burial ground, nevolino culture lomovatovo culture.

УДК 902

ПОСУДА С ЛЮСТРОВОЙ РОСПИСЬЮ НА БИЛЯРСКОМ ГОРОДИЩЕ

Р.Р. Утягулова
Казанский федеральный университет, Казань
rim9593@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. З.Г. Шакиров

В статье рассмотрена люстровая керамика, обнаруженная в ходе раскопок в центральной части Билярского городища. В работе приводятся выводы о вероятных местах производства и времени поступления на городище глазурованной посуды с росписью люстром.

Ключевые слова: археология, Билярское городище, импорт, домонгольский период, керамика, люстр, люстровая, кашин, Иран.

Билярское городище элитарный памятник домонгольской Волжской Булгарии. Располагается в современном Алексеевском районе Республики Татарстан. Площадь города с внешними валами и пригородами занимало территорию в 800 Га. Таким образом, являясь одним из самых крупных памятников в Европе.

Государство Волжских булгар располагалось на важнейших торговых путях, соединяющих Восток и Запад. Билярское городище, которое в домонгольское время являлось столицей государства, концентрировало в себе основное богатство импорта.

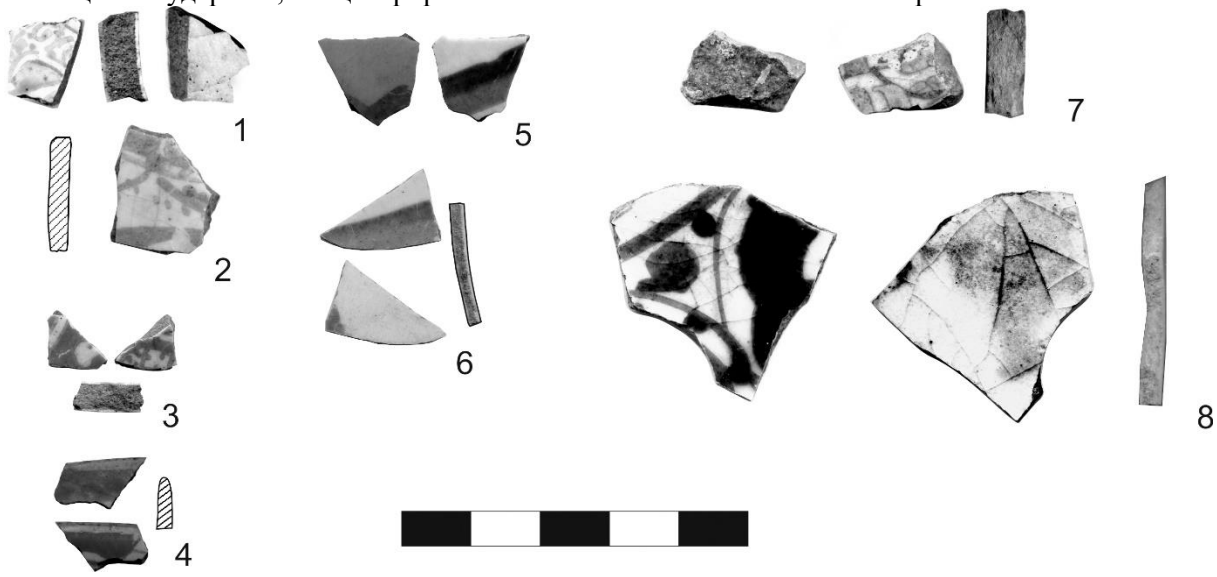


Рис. 1. Фрагметы люстровой керамики с Билярского городища.

В процессе работ на 44 раскопе в центральной части внутреннего города, была обнаружена богатая коллекция глазурованной посуды. Небольшая доля всех найденных фрагментов составляют фрагменты чаш, тарелок, кувшинов выполненные из высококачественной фарфоровидной кварцево-фриттовой массы, которая получила название «кашин».

Первая кашинная поливная посуда начала производится в Египте в IX веке. В XII веке, после освоения силикатной массы иранскими и сирийскими мастерами, началось ее массовое распространение. Сам термин кашин происходит от названия города Кашан в Иране, где

© Утягулова Р.Р., 2020

существовал крупнейший центр производства такого вида керамики [*Сайко,* 1982, с. 85]. Именно с XII века начинается массовый ввоз кашинной керамики в Среднее Поволжье.

В процессе обработки коллекций отдельно для исследования была выделена посуда, которая была расписана сложнокомпонентным составом, основными ингредиентами которого являются оксиды меди и серебра, получившие в литературе название «люстр».

В одной из последних работ С.И. Валиулиной уже была рассмотрена керамика с Билярского городища, расписанная люстром, но была интерпретирована как ранний импорт из Месопотамии. В работе были опубликованы результаты химического анализа состава глазури и глиняной основы [*Валиулина,* 2017].

В нашем случае, вся люстровая керамика на первый взгляд является иранской и относится к XII – началу XIII вв. Проблема хронологической атрибуции в данном случае возникла из-за невозможности представить форму самой посуды, и воспроизвести целостную картину.

Ранние сосуды, расписанные люстром изготавливались на глиняной основе и украшались полихромным люстром. В X-XI вв. полихромная роспись уступает монохромной, а чуть позже кашинная основа посуды вытесняет глиняную. Производство люстровой керамики на кашинной основе продолжится в Иране до XVIII в. [*Caiger-Smith A.,* 1985, P.56].

Для начала изучения посуды с росписью люстром была взята лишь коллекция с 44 раскопа, и составила 8 фрагментов.

Вся исследуемая керамика в основе имеет кашин. Кашин в историографии принято делить на твердый, мягкий и рыхлый [*Коваль,* 2010]. Все фрагменты, взятые для исследования, имеют в основе твердый кашин, что является характерным для домонгольского периода [*Болдырева,* 2014], но такую же посуду изготавливали иранские мастера в XVI-XVIII вв. [*Коваль,* 2010, с. 22]. Однако слои XVI-XVIII вв. на городище, в районе раскопа отсутствуют и люстровую керамику, имеющую в основе белый твердый кашин можно уверенно датировать домонгольским временем.

Важно отметить, что посуда, изготавливаемая в Иране XII века, имеющая в основе кашин, с XII века начинает грубеть из-за добавления в фарфоровидную кварцево-фриттовую массу глинистой смеси, при создании люстровой посуды [*Даркевич, Стародуб,* 1983, с. 184]. Именно это мы можем наблюдать на фрагментах с Билярского городища.

Поиск аналогий по внешним признакам данных фрагментов оказался, к сожалению, невозможен в силу того, что материал очень фрагментированный, но данные полученные в ходе работы с формовочной массой дает нам право полагать, что, все фрагменты (Рис. 1), можно отнести к XII веку, возможно даже ко второй половине XII- первой трети XIII вв. Качество глины и самой глазури готовит нам вероятнее всего об иранском происхождении.

Особо хотелось выделить фрагмент (рис.1, *7*) при изготовлении которого использовалась светло-синяя прозрачная глазурь на внутренней стороне. Сочетание твердого кашина, с непрозрачной белой глазурью, а тыльная сторона покрывалась прозрачной глазурью светло-синего цвета, полученного в результате небольшой концентрации кобальта, характерно для люстровой керамики иранского происхождения. Стиль росписи вероятнее всего стоит относить к монументальному стилю, когда фон закрашивался люстром, а основной рисунок оставался белым [*Коваль,* 2010, с. 41]. Чаши, изготовленные в данной технике, упоминаются в работе зарубежного исследователя [*Fehervari,* 1973], который приводит в своей работе ряд аналогий подобной керамики. По художественно-технологическим качествам, данный фрагмент мы можем уверенно датировать последней третью XII века.

Таким образом, даже эта небольшая статистическая выработка позволяет сделать небольшие выводы. Вся обработанная поливная посуда, расписанная люстром, вероятно имеет иранское происхождение, и поступала в основном в XII веке. Это время охарактеризована пиком рассвета города и активного использования Волжского пути в торговле со странами Ближнего Востока. Возможно небольшая коллекция люстровой посуды говорит нам об частичных поставках на территорию Билярского городища и памятников Среднего Поволжья в целом.

Библиографический список

Болдырева Е.М. Керамика с люстром на Самосдельском городище / Е.М. Болдырева // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2014. - № 6. – С. 82-91.
Валиулина С.И. Международная торговля Биляра по археологическим данным / С.И. Валиулина // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII вв. Материалы Международного симпозиума. 8-10 сентября 1998. Тезисы докладов / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань: Из-во «Мастер Лайн», 1999. – С. 140-154.
Валиулина С.И. Ближневосточная поливная керамика рубежа X-XI и XI вв. в памятниках Среднего Поволжья // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Казань: Б.и.; Кишинев: Stratum Plus: Университет «Высшая антропологическая школа», Т. 2, 2017. С. 625-638.
Даркевич В.П., Стародуб Т.Х. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // Советская археология. 1983. № 2. С. 183—195;
Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX–XVII век / В.Ю. Коваль; отв. ред. Л. А. Беляев; Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2010. – 296 с.
Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии / Э.В. Сайко. – М.: Наука, 1982. – 212 с.
Caiger-Smith A. Lustre pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. London, 1985. – 246 p.
Fehervari G. Islamic pottery. A comprehensive study based on the Barlow collection. L., 1973. – 191 p.
Watson O. Ceramics from the Islamic lands. Kuwait national museum. The alsabah collection. L.: Thames and Hudson, 2005. – 512 p.

WARE WITH LUSTERING FROM BILYAR

R. Utyagulova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan
rim9593@yandex.ru

Academic supervisor – PhD Z. Shakirov

The article is devoted to the luster ware which was discovered during the archaeological excavations in the central part of the Bilyar. There are some conclusions about the places of production and the time of appearance of enameled ceramics with lustering.

Keywords: archaeology, Bilyar fortified settlement, import, pre-Mongol period, ceramics, luster ware, kashin, Iran.

УДК 902

ГЛАЗУРОВАННОЕ БЛЮДО С СЮЖЕТНЫМ РИСУНКОМ ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Г.Р. Хасанова

Астраханский государственный университет, Астрахань
gelsina24@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.В. Васильев

На Самосдельском городище в Астраханской области были обнаружены фрагменты блюда с изображением мифической птицы Пери. Самые ранние образы из персидской мифологии описывают нам Пери как злое существо, которое имело птичьи лапы, тело в оперении и крылья, но человеческую женскую голову. Птица обозначала способность видеть будущее и прошлое, находиться в мире живых и мёртвых. Образу чудесной птицы более 6000 лет. Мы можем увидеть

© Хасанова Г.Р., 2020

цепочку перехода образа птицы с женской головой, которая начинается в Древнем Востоке, идёт в Персию и уходит на славянские земли. Пери находит аналогии в верованиях народов Малой и Центральной Азии, Кавказа и Поволжья, испытавших влияние иранской традиции.

Ключевые слова: блюдо, птица-дева Пери, мифология, Древний Восток, Нижнее Поволжье, сграффито, городище, народ, культура, мировое древо.

... «Я упрямо,
Творец, молю у ног твоих —
Пусти меня к сынам Адама,
Стать милой лучшего из них»
И сделал он меня свободной,
Но, чтобы не ошиблась я,
Дана звездою путеводной
Мне мудрость дивная твоя.
Н. С. Гумилев 1917г.
Пьеса "Дитя Аллаха"

В полевых сезонах 2017 и 2018 гг. на Самосдельском городище, на раскопе №2 на уровне 12 слоя были обнаружены фрагменты красноглиняного поливного блюда с изображением мифической птицы Пери. Настоящая статья является попыткой введения в научный оборот и интерпретации этой уникальной находки.

Самосдельское городище располагается в 43 км ниже Астрахани, в дельте Волги. Оно является археологическими остатками торгового города Саксин, который существовал в XI-XIV вв. [*Васильев,* 2015, с. 189-267].

Удивительно, что фрагменты разбитого блюда найдены на одном уровне в разных частях раскопа (в северо-западной и центральной) и нам остаётся только догадываться, что с ним произошло. В настоящее время блюдо находится на хранении в собрании Государственного исторического музея в Москве.

Блюдо красноглиняное археологически целое. Склеено из частей, полива местами утрачена. Диаметр поддона – 12 см, высота поддона – 1 см, высота сосуда – 11,5 см, диаметр венчика – 31 см. Тесто бежево-красного оттенка с примесью мелкого песка, органики и известковыми вкраплениями. Поддон дисковидный с вырезанной внутри полостью. Тулово с перегибом стенки в верхней трети. Венчик слегка отогнут наружу, губа венчика закруглена. Полива ярко-зеленого оттенка прозрачная. Орнамент выполнен в технике «сграффито» и нанесен по слою белого ангоба. На внутренней поверхности блюда изображена птица с лицом женщины [*Болдырева,* 2017].

Под термином «сграффито» в литературе понимается особая техника нанесения декора, когда на подсушенную поверхность сосуда, как правило, красноглиняного и покрытого слоем более светлого ангоба, наносился гравировкой орнамент при помощи острого инструмента. Слой жидкой глины-ангоба заполнял поры сосуда, придавая ему большую водонепроницаемость. В результате прорезания орнамента обнажалась поверхность сосуда, не покрытая слоем ангоба, а затем при глазуровании гравированные участки сосуда приобретали более тёмный тон по сравнению с окружающим рисунок фоном. Вариантом «сграффито» является техника «резерва», когда выполнялась та же технологическая операция, но предназначенная для визуального восприятия в обратном порядке. В этом случае фон становился более тёмным, а рисунок, оставался светлым и рельефным.

Еще одним вариантом «сграффито» является гравировка по основе, она выполнялась по неангобированной поверхности сосуда, а затем сосуд мог покрываться ангобом или мог быть оставлен без него. Это не давало такого визуального эффекта как сграффито, но все же орнаментированная часть поверхности сосуда, за счет большей толщины слоя глазури приобретала более темный оттенок и рельефную структуру, чем на остальной поверхности [*Болдырева,* 2016].

Попытаемся проанализировать семантическую нагрузку, которую несёт изображение птицы − девы Пери на блюде.

Самые ранние образы из персидской мифологии описывают нам Пери как злое существо, которое имело птичьи лапы, тело в оперении и крылья, но человеческую женскую голову. Уши

демонстрируют рудиментарность и их проростания в корону. У всех мифических птиц имеются львиные уши. Эта цепочка заимствования образов у народов, живущих на Древнем Востоке. Птица обозначала способность видеть будущее и прошлое, находиться в мире живых и мёртвых [*Черемисин,* 1995, с. 342-345]. Образ птицы с человеческой головой является самым настоящим мифозоем. Мифозои — фантастические животные, упоминаемые в разных мифах и сказках и составляющие обширную группу мифологических существ. Этот термин был использован для обозначения тех людей и животных, которые не только участвуют в разных сказочных событиях, но имеют также какие-то ясно выраженные морфологические отличия от обыкновенных людей и животных. [*Иванова-Казас,* 2006].

Птица Пери жила в ветвях мирового древа корни которого находились в подземном мире, ствол в мире людей, а ветви в небесном мире. Многие народы имели своё мировое древо (в Скандинавской мифологии - Иггдрасиль, в тюркской мифологии − Байтерек, в славянской мифологии - Булатный дуб), с особенностями и свойствами, основанными на природных, а также иногда и на оккультных качествах [*Топоров,* 1987, с. 398-406]. В поздних представлениях Пери уже является прекрасным созданием, творившим добро, она была покровителем безгрешного человека, могла вступить в бой с демоном, признаком такого боя было падение звёзд с неба [*Дрезден,* 1977, с. 337-365]. В Европе сейчас таких созданий называют феями [*Зотов,* 2015, с. 295-303].

Давайте проследим трансформацию образа мифической птицы за исторический период.

Образу чудесной птицы более 6000 лет. Тогда он встречался в Шумеро-Вавилонском царстве, Индии, позже в Египте и Персии, ещё позже в Древней Руси: древнеегипетские боги — Ра (бог солнца с головой сокола, есть изображения в Фиванском некрополе, комплексе Дейр-эль-Бахри, 1 половина I тыс. до н.э.), Тот (бог мудрости с головой птицы ибис, есть изображения в «Книге Мёртвых», 1 половина I тыс. до н.э.); индийские божества — Гаруда или Гандаберунда (божественный царь всех птиц с головой, крыльями, когтями и клювом птицы, и телом и ногами — человека, статуя имеется в Национальном музее в Дели, XX век), Киннары (небесные певцы и музыканты с конскими головами или же птицы с головами людей, есть статуя около храма Ват Пхра Кео в Таиланде, 2004 год); восточные божества — Иштар (богиня плодородия с птичьими крыльями и лапами, фрагмент оттиска печати аккадского периода в Восточном институте Чикагского университета, 2 половина II тыс. до н.э.), Анзуд или Имдугуд (птица молний и бурь с головой львицы, когтящая двух зверей, обозначающая перенос душ умерших на тот свет, фрагмент рельефа над входом храма в аль-Убайде находится в Британском музее Лондона, 2 половина II тыс. до н.э.); мифические создания в древнерусской культуре − Сирин и Алконост, Гамаюн (райские птицы с головой и руками девы, сохранились лубки XVII и XVIII веков, оставлены изображения кистью В. М. Васнецова, XIX век). Мы можем ясно увидеть цепочку перехода образа птицы с женской головой, которая начинается в Древнем Востоке, идёт в Персию и переходит на славянские земли, по ленте времени.

Таким образом, Пери находит аналогии в верованиях народов Малой и Центральной Азии, Кавказа и Поволжья, испытавших влияние иранской традиции.

Сделаем вывод о том, что образ птицы Пери был распространен среди носителей персидской культуры и само наличие блюда на Самосдельском городище говорит о включении Нижнего Поволжья в сферу культурного влияния средневековой иранской цивилизации.

Библиографический список

Болдырева Е.М. Отчёт об археологических исследованиях на городище Самосделка в Камыязкском районе Астраханской области в 2017 г. // Архив ИА РАН.

Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X – 1-й пол. XIV вв. (по материалам Самосдельского городища). Дисс… канд. ист. наук. М., 2016.

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология. 2015, №2 (12). С. 189-267

Дрезден М. Мифология Древнего Ирана / Пер. с англ. Предисл. И. М. Дьяконова. − М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. С. 337-365

Зотов С.О. Фольклор или литература: образы фейри и ведьм в пьесах Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2015, №1. С. 295-303

Иванова-Казас О.М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве СПб.: Нестор-История, 2006.

Топоров В. Н. Древо Мировое //Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1: А—К. С. 398-406
Черемисин Д.В. К изучению ирано-тюркских связей в сфере мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. Докл. междунар. науч. конф. Новосибирск: СО РАН, Институт филологии, Институт истории и археологии, 1995. Т.1. С. 342-345
Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII-начало XIII в.) Таш.: ФАН, 1979.

GLAZED DISH WITH A PLOT PATTERN FROM MATERIALS OF SAMOSDELSKY SETTLEMENT

G. Hasanova
Astrakhan State University, Astrakhan
gelsina24@mail.ru

Academic supervisor – PhD D. Vasil'ev

The article devoted to fragments of a dish with the image of the mythical bird Peri were discovered Samosdelka settlement in the Astrakhan region. The earliest images from Persian mythology describe Peri as an evil creature that had bird legs, a plumage body and wings, but a human female head. The bird denoted the ability to see the future and the past, to be in the world of the living and the dead. The image of the wonderful bird is more than 6000 years old. We can see the transition chain of the image of a bird with a female head, which begins in the Ancient East, goes to Persia and goes to Slavic lands. Peri finds analogies in the beliefs of the peoples of Asia Minor and the Caucasus, the Caucasus and the Volga region, who experienced the influence of the Iranian tradition.

Keywords: dish, Peri – the virgo bird, mythology, Ancient East, Lower Volga region, sgraffito, ancient settlement, people, culture, the World tree.

УДК 902.01 904

РАННЕМАДЬЯРСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

М.С. Цыкин
Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, Самара
Tsykin.max@mail.ru

Научный руководитель — к.и.н. Н.А. Лифанов

В работе рассматривается вопрос наличия на территории Самарского Поволжья раннемадьярских погребальных комплексов, приводятся аналогии из материалов, связываемых с ранними венграми.

Ключевые слова: Самарское Поволжье, погребальные комплексы, раннее мадьяры, погребальный обряд, погребальный инвентарь.

Объектом рассмотрения в докладе является ряд погребальных комплексов с близкими обрядом и инвентарем, происходящих с территории Самарского Поволжья и ориентировочно датируемых перв.пол. IX в. В их число включены погребения у ж/д разъезда Немчанка [*Матвеева,* 1977], посёлка «116 км» [*Матвеева,* 1976], сел Лебяжинка [*Сташенков, Турецкий,* 1999] и Палимовка [*Перепёлкин, Сташенков,* 1996] а также впускные погребения в одиночном кургане Золотая Нива [*Васильева,* 1979] и в кургане 7 могильника Просвет I [*Багаутдинов, Богачев, Зубов,* 2006], на грунтовом могильнике Шелехметь VII [*Лифанов Н.А.,* 2005; *Лифанов, Седова,* 2003]. К данным памятникам относится также серия вещей, по всей видимости,

© Цыкин М.С., 2020

происходящих из разрушенных захоронений на «24 км» у г. Самара [*Сташенков,* 2012; *Богачев, Лакоценин,* 2016].

Погребальный обряд перечисленных комплексов характеризуется положением покойного в неглубокой яме в вытянутом на спине положении головой на запад (лишь в Лебяжинском погребении костяк был обращён головой на юго-восток). У головы погребенного клали напутственную пищу, фиксируемую в виде костей животных и керамики. В погребениях в кургане Золотая Нива были зафиксированы деревянные гробы.

Погребальный инвентарь указанных комплексов находит аналогии в различных регионах западноевразийских степей: в Среднем Поволжье (Больше-Тиганский могильник), на Южном Урале (могильники Уелги, Синеглазово, Хусаиново и др.), на территории Украины (могильники Субботцы, Дмитровка) и Молдавии (Слободзейский курган), а также в материалах Среднего Подунавья. В инвентаре выделяются предметы вооружения, элементы конской сбруи, а также украшения и керамические сосуды.

Сабли со слабоизогнутым клинком и с рукоятью, отогнутой в сторону лезвия, подобные обнаруженным на «23-24 км» и на «116 км», встречаются в погребениях могильников Больше-Тиганского [*Халикова, Халиков,* 2018, таб. VIII – 6] и Уелги [*Боталов, Таиров, Арканов,* 2013, с.317], а также мадьярских погребениях Подунавья. Различные типы наконечников стрел: плоские ромбовидные, трехлопастные и двурогий срезень находят аналогии в Больше-Тиганском [*Халикова, Халиков,* 2018, таб.IXA – 8-12], Субботцевском [*Комар,* 2018, с.335, рис.20 – 2-11], Слободзейском [*Щербакова, Тащи, Тельнов,* 2008, с.118, рис.7 – 4-8] могильниках. Во всех этих памятниках обнаруживаются и стремена грушевидного контура, и удила с прямыми стержневидными псалиями [*Халикова, Халиков,* 2018, таб. XXIII – 8; *Комар,* 2018, с.334, рис.19 – 1-3, 7]. Растительный мотив в декоре трензельного кольца из погребения со «116 км» наблюдается в могильниках Хусаиново [*Мажитов,* 1981, рис.21 – 6] и Уелги [*Боталов, Таиров, Арканов,* 2013, с.290], в памятниках Подунавья [The Ancient Hungarians, 1996, p.261 – fig.12].

Перстни с четырьмя удерживающими каст «лапками» имеют широкий ареал распространения, встречаются в Больше-Тиганском [*Халикова, Халиков,* 2018, с. 131, таб. XXIII – 9] и Субботцевском могильниках [*Бокий, Плетнева,* 1988, рис. 2–2], на Южном Урале [*Мажитов,* 1981, рис. 38 – 7] и в венгерском Подунавье [The Ancient Hungarians, 1996, p. 93 – fig. 19, p. 161 – fig. 1, p. 356 – fig. 1]. «Перстень» без каста, надетый на фалангу безымянного пальца погребённого на «116 км», аналогий не находит, однако данный предмет похож на накладки конской узды из погребений Больше-Тиганского могильника [*Халикова, Халиков,* 2018, таб.XVI – 31, таб. XVIII – 8, таб. XXIXB – 7]. Возможно, данный предмет и использовался в качестве перстня, но изначально обладал иной функцией.

Сердцевидные и арочные ременные накладки со «116 км» и X-образные накладки из Палимовского погребения находят аналогии в Больше-Тиганском [*Халикова, Халиков,* 2018, таб. VI – 1, таб. XXXIVD – 18, таб. IX – 13], Субботцевском [*Бокий, Плетнева,* 1988, рис. 4 – 2, рис. 5–6], Уелгинском [*Комар,* 2018, рис. 70–11, 16, 42] могильниках. Декор в виде трех гроздей винограда на накладке со «116 км» фиксируется в Больших Тиганах [*Халикова, Халиков,* 2018, таб. XXIA – 4a]. Другая накладка со «116 км» в виде двух полумесяцев, сложенных выпуклыми сторонами с двумя круглыми лепестками с одной стороны и остроугольным лепестком, с другой имеет параллели в погребениях Подунавья [*The Ancient Hungarians*, 1996, p.141 – fig.4]. Бронзовые позолоченные накладки из могильника Просвет имеют вид рельефного цветка лотоса. Яркие аналогии этому элементу прослеживаются в курганах Дмитровки [*Супруненко*, 2011, с. 144, рис.6 – 10-22], Синеглазова [*Комар*, 2018, рис.68 – 1-3] и Уелгов [*Боталов, Таиров, Арканов,* 2013, с.311], а также в торевтике Подунавья [*The Ancient Hungarians*, 1996, p.115 – fig.7, p.128 – fig.1, p.154 – fig.5, p.199 – fig.2-3, p.322 – fig.1].

Близкие аналогии как серебряной литой «многобусинной» серьге из Лебяжинского погребения, так и золотым серьгам с грушевидными подвесками из Просвета прослеживаются в Больше-Тиганском [*Халикова, Халиков,* 2018, таб. IV – 13, 15, таб. 4–3], Субботцевском [*Комар,* 2018, рис. 12 – 19] и Уелгинском могильниках [*Боталов, Грудочко, Пантюхина,* 2014, рис. 3–8].

Два близких лепных круглодонных горшка из Палимовки и погребения №14 Шелехметского могильника соотносятся с сосудами караякуповской культуры [*Иванов,* 1999,

с.54]. Они находят аналогии в материалах могильников Больше-Тиганский [*Халикова, Халиков,* 2018, таб.VI – 43] и Уелги [*Боталов, Грудочко, Пантюхина,* 2014, рис. 4 – 1].

Таким образом, рассматриваемые погребальные комплексы из Самарского Поволжья обнаруживают устойчивые связи с памятниками, связываемыми с раннемадьярскими кочевыми группами различных регионов западной части евразийской степи. Количество найденных погребений и случайных находок, а также их компактное расположение в нижнем течении р.Самара ставит под сомнение предположение В.А.Иванова о том, что они отражают лишь путь ранних мадьяр с востока на запад [*Иванов,* 1996, с. 194−196; *Иванов,* 1999, с. 89−95]. По всей вероятности, раннемадьярское население какое-то время проживало в Самарском Поволжье [*Лифанов, Седова,* 2003, с.313]. Точное определение хронологического периода этого проживания требует дальнейшего анализа имеющихся материалов и поиска новых.

Библиографический список

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006. С.400-410.

Богачев А.В., Лакоценин Д.В. Новые находки раннесредневековых удил близ 23 км г.Самары // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. №7. Самара, 2016. С.17-31.

Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // Советская археология.№2. М., 1988. С.99-115.

Боталов С.Г., Грудочко И.В., Пантюхина М.Н. Новые результаты исследований погребального комплекса Уелги в 2013 году // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т.14. №4. Челябинск, 2014. С.18-24

Боталов С.Г., Лукиных А.А., Тидеман Е.В. Погребальный комплекс могильника Уелги — новый средневековый памятник в Южном Зауралье // Челябинский гуманитарий №2 (15). Челябинск, 2011. С.104-114.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Арканов С.М. Комплексы кочевой аристократии Южного Урала. Челябинск, 2013. 165 с.

Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Научные труды. Т.230. Куйбышев, 1979. С.202-237.

Иванов В.А. Урало-поволжская часть мадьярского пути на запад // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С.192-198.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999. 123 с.

Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт, 2018. 426 с.

Лифанов Н.А. Исследование селища Ош-Пандо-Нерь и Шелехметского II могильника в 2001-2002 гг. // Краеведческие записки. Вып.XII. Самара, 2005. С.67-80.

Лифанов Н.А., Седова М.С., 2003. Средневековые угорские погребения на Самарской Луке // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С.306-314.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М., 1981. 164 с.

Матвеева Г.И. Погребение VIII-IX вв. в окрестностях г.Куйбышева // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. С.33-39.

Матвеева Г.И. Погребения VIII-IX веков у разъезда Немчанка // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С.52-56.

Перепёлкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С.199-207.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение эпохи раннего средневековья у хутора Лебяжинка (к вопросу об этнокультурной ситуации в Самарском Поволжье в IX в.) // Вопросы археологии Поволжья. Вып.1. Самара, 1999. С.289-301.

Супруненко О.Б. Давньоугорський некрополь поблизу с.Дмитрівки в нижній течії Псла // Археологія і давня історія України. Вип. 7. Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Київ, 2011. С.105-124.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). Казань, 2018. 144 с.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г.Слободзея). Кишинев, 2008. 139 с.

The Ancient Hungarians: Exhibition Catalogue. Budapest, 1996. 480 c.

EARLY MAGYAR'S BURIAL COMPLEXES OF THE SAMARA REGION

M. Tsykin
Samara National Research University named after S.P. Korolev, Samara
Tsykin.max@mail.ru

Academic supervisor – PhD N. Liphanov

The paper considers the question of the presence of early Magyar burial complexes on the territory of the Samara region, and provides analogies from materials associated with the early Hungarians.

Keywords: Samara region, the burial complexes of the early Magyars, burial rites, funerary equipment.

УДК 902

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

Ю.И. Чакилева
Казанский федеральный университет, Казань
fadefox0626@gmail.com

Научный руководитель - к.и.н. З.Г. Шакиров

В статье обобщены и разделены на три хронологических этапа имеющиеся работы по проблематике взаимоотношений Волжской Болгарии и населения Верхнего Прикамья.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, этнокультурные контакты, средневековье.

Целью работы является обобщение основных работ, посвященных исследованиям отношений государства Волжская Булгария и населения Верхнего Прикамья в XI - начале XIII вв. (в период существования государства Волжская Булгария, а также времени после разгрома Биляра монголами в 1236 году).

Период средневековья на территории Верхнего Прикамья характеризуется бытованием ломоватовской, родановской и др. археологических культур (АК), находившихся в тесных связях с Волжской Булгарией. Разные аспекты характера и динамики взаимодействий являлись предметом изучения многих специалистов. Попытка обобщения имеющихся материалов, связанных с вопросами прикамско-булгарских отношений, может способствовать созданию целостной картины межкультурных взаимодействий в Волго-Камском регионе.

Историю изучения вопроса о взаимоотношениях населения Верхнего Прикамья и Волжской Булгарии по специфике накопления и обобщения исторических знаний можно разделить на несколько хронологических этапов.

Первый (начальный) этап (XVIII - первая половина XX вв.) связан с деятельностью С.М. Шпилевского, А.Ф. Лихачева, Смолина В.Ф. [*Смолин,* 1921; *Шпилевский,* 1877], и др. В указанный период времени преимущественно привлекались данные письменных источников, этнографии и лингвистики, отдельные яркие археологические находки. Лишь в конце XIX в. началось использование археологических материалов. Однако, даже к середине XX в., когда началось исследование памятников домонгольского периода, количество археологического материала было немногочисленно, и гипотезы, выдвигаемые исследователями, имели слабую доказательную базу. Несмотря на недостаточную источниковую базу, исследователи имели

© Чакилева Ю.И., 2020

основания говорить о присутствии финно-угорских компонентов в этногенезе булгар [*Казаков,* 2007, с. 14-15].

На этом же этапе на основе первых раскопок памятников Пермского Приуралья была выделена Родановская культура, которую М.В. Талицкий соотносил со временем существования Волжской Болгарии и говорил о влиянии государства на местную культуру [*Иванова*, 1999, с. 256].

Второй этап (вторая половина XX в.) ознаменован широкими раскопками погребальных и поселенческих памятников Поволжья, Прикамья и Приуралья, что позволило ученым сделать более глубокие выводы на основе расширившейся выборки обработанных материалов. Вопросы по проблематике затрагивали А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, Е.П. Казаков, В.Ф. Генинг, В.А. Оборин [*Казаков,* 2007; *Казаков,* 1997; *Смирнов,* 1951; *Халикова*, 1970; *Хлебникова*, 1984; *Генинг, Халиков*, 1964], и др.

А.П. Смирнов в своих работах говорит о культурных и торговых связях Волжской Булгарии и финно-угров Приуралья [*Иванова*, 1999, с. 13]. Он одним из первых выделяет различные группы финно-угров, говорит об их происхождении, а также об отношениях, связывающих их с населением Волжской Булгарии. Алексей Петрович выделяет изделия местных, финно-угорских мастеров по образцу булгарских ювелирных изделий [*Иванова,* 1999, с. 257].

Одним из основных исследователей финно-угорских АК Волго-Камья, степени их влияния на этногенез волжских булгар, является Е.П. Казаков. Основное внимание Евгений Петрович уделяет раннеболгарскому периоду и ранним этапам домонгольского времени. Однако, имеются и работы по всем хронологическим периодам отношений финно-угорских народов и Волжской Болгарии. Так, например, в одной из статей [*Казаков*, 1997] поэтапно рассматривается специфика взаимоотношения различных финно-угорских и угорских групп с пришедшими на новую территорию и организовавшими свое государство булгарами. Автор указывает на то, что финно-угры оказывали значительное влияние на культуру булгар, от них во многом зависела торговля и ремесло Волжской Булгарии. Преимуществом автора является включение в его работы [*Казаков*, 2007] рассмотрение широкого круга финно-угорских АК, в том числе и интересующих нас культур Верхнего Прикамья.

Третий этап (конец XX - начало XXI вв., до настоящего времени) характеризуется современными изысканиями, основанными на более широкой, чем в предыдущий период, источниковой базе и использованием новых методов анализа данных, что позволяет дополнять и углублять выводы предыдущих исследователей. К современным ученым бесспорно относятся А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.З. Нигамаев, К.А. Руденко, К.В. Моряхина, Ю.А. Подосенова, А.Н. Сарапулов [*Белавин,* 2000; *Krylasova,* 2016; *Моряхина,* 2017; *Нигамаев,* 2009; *Руденко,* 2015].

Наиболее значительный вклад внесли пермские исследователи А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова. Андрей Михайлович и Наталья Борисовна опираются на современные исследования крупных памятников родановской культуры (Анюшкар, Рождественское и др.), по материалам которых делают выводы о характере торгово-экономических отношений регионов. Так, например, Рождественское городище интерпретируется как северо-восточная фактория Волжской Болгарии со значительным присутствием булгарской керамики, мусульманским могильником и многочисленными изделиями булгарского типа [*Белавин, Крыласова,* 2008]. Проблема рассматривается в основном через присутствие булгарского материала на памятниках Верхнего Прикамья, а также путем рассмотрения важности региона для торговли булгар [*Белавин,* 2000].

Существенный вклад в изучение проблемы, основываясь на изучении средневековых памятников Восточного Предкамья, внес А.З. Нигамаев. В работах исследователь рассматривает этнокультурный состав населения Елабужского края как места, являющегося пограничьем Волжской Болгарии и расположенного на стыке нескольких этнокультурных групп: тюрко-болгарской, финно-пермской и угорской. В ходе изучения средневековой Алабуги, расположенной при впадении р. Тоймы в р. Каму, сравнив с другими единовременными памятниками региона, А.З. Нигамаев делает выводы о своеобразном составе населения городища. Он говорит о первоначальном заселении памятника представителями

угорских культур, в состав которых позже вошли болгары-мусульмане. Автор не оставляет без внимания и хронологию проникновения в Волжскую Болгарию представителей прикамско-приуральских и угорских культур, а также характер их вхождения в состав государства [*Нигамаев,* 2009; *Нигамаев,* 2009].

К направлениям современных исследований можно отнести выявление места производства ювелирных украшений болгарского типа [*Моряхина,* 2018], влияние булгар на земледелие населения Пермского Предуралья [*Сарапулов,* 2011].

Исследование проблематики имеет долгую историю существования. Несмотря на это, решения требуют многие вопросы, связанные с динамикой и характером взаимоотношений булгар и населения Верхнего Прикамья, влияния булгар на прикамско-приуральские АК. Для комплексного рассмотрения вопроса о взаимоотношениях Волжской Булгарии и населения Верхнего Прикамья необходима дальнейшая систематизация и обобщение имеющихся материалов.

Библиографический список

Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. - Пермь: из-во Пер. гос. пед. ун-та. 2000. - 200 с.: с илл.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, 201 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск Пермь. Изд. дом «Пресс-тайм», 2008, - 603 с.

Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. Вып.№1. Казань, АН РТ Институт истории, 1997. С. 33-53.

Казаков Е.П. Волжские булгары, угры и финны в IX - XIV веках: проблемы взаимодействия. - Казань: Институт истории АН РТ, 2007 - 208 с.

Моряхина К.В. Импортные украшения рук на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат: сб. науч. тр. К 60-летнему юбилею А.М. Белавина. Пермь, 2018. С. 155-164.

Нигамаев А.З. Население восточного Предкамья в домонгольскую эпоху (к вопросу о времени проникновения постломоватовского населения) // Научный Татарстан. Вып. 2. Казань; АН РТ, 2009. С. 49-64.

Нигамаев А.З. Прикамско-приуральское население на северо-восточных памятниках Волжской Болгарии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. № 6. Пермь; изд-во ПГГПУ, 2009. С. 133-141.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань, «Заман», 2015. - Т II. 528 с.

Сарапулов А.Н. Возникновение пашенного земледелия на территории Западного Урала в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Вестник Пермского университета. №1(15). Пермь, 2011. С. 81-90.

Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951,- 295 с.

Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар: разбор главнейших теорий. – Казань, 1921, – 56 с.

Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Коллективная монография / Отв. ред., авт. *М. Г. Иванова*. - Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. - 390 с.: 84 ил.

Халикова Е.А. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V. С. 206-301.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984, - 240 с.

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань, 1877.

Krylasova N.B., Belavin A.M., Podosenova Y.A. Bulgar factories (trading posts) in the Kama river area as a factor of adjustment to feudalism // International journal of enviromental and science education. 2016, Vol. 11, No. 17. P. 10311 - 10320.

THE HISTORY OF THE STUDY OF RELATIONS BETWEEN THE VOLGA BULGARIA AND THE POPULATION OF THE UPPER KAMA REGION

Y. Chakileva
Kazan Federal university, Kazan
fadedfox0626@gmail.com

Academic supervisor – PhD Z.Shakirov

The research work summarises and divides into three chronological stages the main research works about relationships issues of Volga Bulgaria and Upper Kama population.

Keywords: Volga Bulgaria, ethnocultural contacts, Middle Ages.

УДК 902

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДОВ И ВОЕННЫХ КРЕПОСТЕЙ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ

П.С. Шалфеев
Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
pashkandii@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

В данной статье говорится об особенностях фортификации городов – начиная от планировки городищ и крепостей, заканчивая оборонительными укреплениями. Главными особенностями является как планировка, так и геолокация искусственных укреплений.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, река Кама, фортификация, городище, крепость, укрепления, валы, рвы.

Фортификация для политической и военной жизни Волжской Болгарии на протяжении существования государства играла важную роль. Не один раз оборонительные укрепления болгар останавливали врага. Также они помогли в противостоянии монгольским войскам, которые были оснащены передовой осадной техникой. Так как укрепления могли быть природными, это мысы, обрывы, реки и т.д., то особенности фортификации городищ и крепостей начинается с места расположения объекта. От выбора места и его природных укреплений зависит дальнейшее расположение искусственных укреплений, а также планировка самого города. Местность определяет не только основные особенности обороны, но и удобства для жизни в таком городе. Уровень военно-инженерного развития государства показывается именно умением дополнить местность размещением оборонительных сооружений. Для анализа стратегического положения памятников и их укреплений важно рассмотреть топографию территории, на которой находятся те или иные городища [*Губайдуллин,* 2009, с. 24].

Не все земляные укрепления дошли до наших дней из-за распашки площадки памятников. Но оставшиеся фрагменты валов и рвов, а также стен и башен крепости могут привлечь внимание. Они выделяются среди всего ландшафта и отмечают места. в которых сосредотачивалась военная, политическая и культурная жизнь средневекового города. Любое укрепленное поселение не может считаться полностью изученным и понятым без знаний о его геолокации. Ведь хороший выбор места для расположения укреплений имело большую

© Шалфеев П.С., 2020

ценность. Холм, обрыв или река могли являться уже цельной преградой на пути противника. Выбрав место перед строителями ставилась задача, как эффективно дополнить природные укрепления искусственными. Самое главное, что крепостные стены являлись неким ограничителем поселения и задавали градостроительный образ внутри крепости. Виды оборонительных сооружений сказывались не только на планировке основной укрепленной части, но и на планировке посадов. Мысовые городища, обычно, подразумевали и наличие основного пригорода с напольной стороны, иногда имевшего радиальную конфигурацию. Памятники, расположенные на более ровной местности, имели посад концентрического типа. То есть от формы укреплений полностью зависел вид прилегающей к ним застройки поселения [*Губайдуллин,* 2019, с. 168]

Типы оборонительных конструкций, существовавших в средние века использовавшиеся в укреплениях: частокол, тын, столбовую конструкцию, гиппы, городни, тарасы, каменные стены. В оборонительных сооружениях болгарских городищ часто также встречаются земляные и деревянные укрепления. Они изменялись по мере социально экономического развития болгар. К земляным валам и рвам добавлялись деревянные надстройки и другие фортификационные улучшения.

Одной из особенностей являются разные размеры населенных пунктов. Размер каждого населенного пункта зависел от эпохи и цели его возникновения, для чего он должен был служить. Соотношение размеров городищ Волжской Болгарии двух периодов ее истории также различается по количеству памятников. В золотоордынское время число памятников с площадью до 2 га становится меньше – 37,1% против 44,0% в домонгольское время; от 6 до 11 га – 5,7% против 6,2%; свыше 50 га – 5,7% против 9,0%. Но при этом увеличивается число укрепленных поселений – размером от 2 до 6 га по сравнению с домонгольским периодом – 34,3% против 34,0% [*Губайдуллин,* 2014, с.237].

Еще одной особенностью фортификации является применение разных сочетаний количества рвов и валов. Городище- крепость Кирмень. Расположено к юго-востоку от деревни Средние Кирмени и недалеко от реки Кама. Площадка городища имеет уклон к юго-востоку, а на Западе имеет крутой обрыв. Городище окружено укреплениями в соотношении 1 вал 1 ров. Такое соотношение укреплений дает городищу статус малой крепости. Археологические исследования А.З. Нигамаева на городище выявили только один ров, имевший ширину 5 м и глубину около 2 м от древней поверхности. треугольного в профиле рва, труднопреодолимого для противника в случае неожиданного нападения [*Нигамаев,* 2009, с. 43-48].

Неподалеку от Кирменского городища находится Омарское городище. На левом берегу реки Омарки, правого притока реки Камы. Оно расположено на высоком берегу речки, из-за этого южный и юго-западный край городища защищен естественным укреплением- крутым обрывом. С остальных же сторон, площадка окружена искусственными укреплениями в соотношении два вала и два рва. Особенностью их расположения является то, что первый ров лежит между валами, а второй находится с внутренней стороны городища [*Казаков,* 1989, с. 170-171].

К нашему времени от болгарских укреплений в большинстве случаев остались только валы и рвы. Из-за использования в строительстве дерева, а не камня. Но применение камня можно заметить в Елабужском городище, которое стало одним из уникальных мест применения опыта болгарских строителей. Городище с напольной стороны располагает тремя линиями обороны, отстоящими друг от друга на 60 и 100 м. Внутренний и средний валы имеют слегка дугообразную форму, а внешний устроен в виде исходящего угла – редана. Их современная высота и ширина: внутренний – 2,5 м и 12 м, средний – 1,5 м и 12 м, внешний – 1–1,5 м и 6–8 м соответственно. Оборонительные рвы визуально практически не прослеживаются. Памятник датируется одним периодом истории Волжской Болгарии – домонгольским.

В итоге нам так и остается неизвестным истинный фортификационный облик разных городищ. Ведь подавляющее большинство укреплений крепостей и городищ древности, как и их площадки, дошли до нас в полуразрушенном виде.

Библиографический список

Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. Казань, 2019. 323 с.

Губайдуллин А.М. Краткий анализ фортификации X–XVI веков на территории среднего Поволжья // Журнал К(П)ФУ. Филология и культура, 2014. С. 236-239.
Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 232 с.
Губайдуллин А.М. О возникновении булгарской фортификации // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том 151, кн. 2, ч. 1., Казань, 2009. 255 с.
Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2005. 228с.
Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское книжное издательство, 1987. 240 с.

FORTIFICATION FEATURES OF CITIES AND MILITARY FORTRESSES OF THE LOWER KAMA REGION OF THE PRE-MONGOL AND GOLDEN HORDE AGE

P. Shalfeev
Naberezhnye Chelny state pedagogical University, Naberezhnye Chelny
pashkandii@yandex.ru

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

This article describes the features of fortification of cities. Starting from the layout of settlements and fortresses, ending with defensive fortifications. The main features are both the layout and geolocation of artificial fortifications. After all, the number and quality of natural, relief, natural and artificial fortifications made by builders depend on the location of the object.

Keywords: Lower Kama river, Kama river, fortification, settlement, fortress, fortifications, ramparts, ditches.

УДК 902

НЕУКРЕПЛЁННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАКАМЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Д.Т. Шарифуллина
Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
pendragon1997@bk.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

Статья посвящена одной из наиболее слабоизученных проблем современной археологии Татарстана, связанной со средневековыми неукреплёнными поселениями на территории Восточного Закамья. Данная тема рассматривается по природно-географическому и хронологическому принципам, т.к. рассматривает эволюцию функционирования открытых поселений Зайско-Икского и, отчасти, Икско-Бельского междуречий в домонгольский и золотоордынский периоды.

Ключевые слова: Восточное Закамье, археологические исследования, археологические памятники, селища, культурный слой, керамика, индивидуальные находки.

© Шарифуллина Д.Т., 2020

Восточное Закамье, в пределах Республики Татарстан, включает в себя территорию, ограниченную с запада р. Зай, с востока р. Сунь и Ик. С севера данная территория ограничена р. Камой, южным пределом является Бугульминская возвышенность. В настоящий момент это в пределах 12 административных районов – Актанышский, Ютазинский, Нижнекамский, Тукаевский, Мензелинский, Муслюмовский, Сармановский, Азнакаевский, Лениногорский, Бавлинский, частично Альметьевский и отчасти Бугульминский. По сравнению с соседними районами, например, Западным Закамьем, или средним течением р. Волги, Восточное Закамье археологически изучено слабее. И в древности, и в средневековье она находилась в удалённости от основных миграционных маршрутов населения. Однако, несмотря на отдаленность от важнейших центров Востока и Запада, история и культура региона развивалась в рамках тех же процессов и закономерностей, которые были характерны для большинства областей Евразии. Результаты историко-археологических исследований показывают, что сохранившиеся следы средневековых культур, на востоке и юго-востоке современного Татарстана, включают значительное количество археологических памятников, в частности времён Волжской Болгарии. В данной работе будут рассмотрены селища домонгольского и золотордынского периода на территории Восточного Закамья и проблема изученности Восточного Закамья.

История активного археологического исследования Восточного Закамья насчитывает более 60 лет. Оно началось в 1958 г., когда три отряда археологов ИЯЛИ КФАН СССР под руководством А.Х. Халикова, Т.А. Хлебниковой и В.Ф. Генинга провели первые разведочные работы на левобережье р. Камы. Также данной территорией занимались такие исследователи, как А.П. Шокуров, П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов и др. В результате работ археологов, на территории Восточного Закамья стало известно около 700 памятников разных эпох, из которых 31 составляют открытого типа поселения домонгольской и золотоордынской эпох. В 2000-х г. изучением этой местности занялась Елабужская археологическая экспедиция под руководством А.З. Нигамаева. Начались планомерные работы в Нижнекамском, Тукаевском р-н. В ходе исследований Нижнекамского р-н. было найдено селище. На данный момент идёт фиксация местонахождения и поиск находок на территории памятника.

На левобережье р. Камы, правобережье Шешмы находятся 7 селищ: Сосновкинское III, Ленинское, Ошинское, Горшковское II, Ачинское, Андреевское I, II.

Сосновкинское III селище было открыто и исследовано в 1965 г. под руководством П.Н. Старостина. Материал представлен болгарской керамикой. Ошинское, Ачинское, Ленинское, Горшковское II селища были исследованы в 1970-х г. Р.Г. Фахрутдиновым. На территории памятников выявлен культурный слой в 40 см., найденный материал составляет гончарная керамика, а также на Ачинском селище была найдена керамика типа «джукетау». Андреевское I, II селища находится на правом берегу р. Шешма. Памятники исследовались под руководством И.Л. Измайлова в 1984 г. В результате исследования были собраны фрагменты лепной толстостенной керамики, фрагменты пряслиц [*Казаков,* 1989, с. 14-20].

В Зайско-Икском междуречье представлено 10 селищ: Усть-Челнинские, Малоерыклинское I, III, Самарцевское, Имянлебашское II, Сименеевское I, II, Среднечелнинское II, Самоскаковское, Орловское.

Е.П. Казаковым в 1992 г. была проведена разведка, в ходе которой было выявлено поселение, названное Усть-Челнинским селищем. В тот год на территории памятника было найдено женское украшение – медное кольцо. Е.П. Казаков провёл очередное исследование на археологическом памятнике в 2008 г. Были найдены фрагменты керамики «джукетау» XIII группы, по классификации Т.А. Хлебниковой. В настоящее время памятник разрушен, частично затоплен водой, территория превратилась в болотистую местность [*Арсланов,* 2018].

Малоерыклинское I, II, Самарцевское, Имянлебашское II, Среднечелнинское II, Сименеевское I, II селища были исследованы в 1977 г. Р.Г. Фахрутдиновым, на территории памятника были найдены фрагменты болгарской керамики, культурный слой составляет 30-35 см. [*Казаков,* 1989, с. 21-32].

На территории Восточного Закамья было исследовано Орловское селище, находящееся в г. Набережные Челны. В 1958 г. Т.А. Хлебникова проводила на территории памятника исследования, были найдены обломки гончарной керамики болгарской посуды I группы, датируемые XIII-XIV вв.

В Икском междуречье находятся 13 селищ: Усаевское I, II, III, Исангуловское, Новохуторское I, III, Бикбуловское I, II, Тамьянское II и Меллятамакское I, VII, XII.

Данная территория в основном изучалась А.П. Шокуровым, Е.П. Казаковым, П.Н. Старостиным и А.Х. Халиковым, исследования проходили в 1971 г. На территории памятников встречаются скопления гончарной керамики. На Усаевском I селище были сделаны индивидуальные находки в виде железной пряжи, ножей и др. На Новохуторском селище I была найдена серебряная монета хана Узбека. Тамьянское селище II начато исследоваться в 1984 г. и в результате планомерных исследований был найден железный резак от плуга болгарского типа. На Бикбуловском I, II селищах при раскопках 1971 г. Е.П. Казаковым было выявлено, что культурный слой достигает 50 см. Памятники относятся к золотоордынскому поселению XIII-XIV вв. [*Казаков,* 1989, с. 14-20].

Левобережье р. Белой сосредотачивает 3 археологических памятника, представленных Татарско-Ямалинским, Старосемиостровским, Чияликское селищами.

Татарско-Ямалинский памятник был исследован Е.П. Казаковым в 1975, 1977-1979 гг. и в результате этого собраны фрагменты гончарной красно-жёлтого цвета болгарской посуды [*Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х.,* 1987, с. 56]. В 1975-1979 гг. Е.П. Казаковым был выявлено Старосемиостровское селище. На этом объекте были найдены фрагменты гончарной болгарской посуды и железные ромбовидные наконечники стрел XI в.

Чияликское селище – памятник, расположенный на правом берегу р. Сюнь. В экспедиции 1969 г. Е.П. Казаковым, в культурном слое, который достигает 20-30 см., были обнаружены обломки лепной круглодонной, с примесью песка в тесте, керамики, а также фрагменты костей животных и др. Судя по аналогиям в Такталачукском и I Азметьевском могильниках, памятник относится к XIII-XIV вв. [*Бурханов, Нигаматзянов,* 2017, с. 217].

Исследование памятников Восточного Закамья проведено неравномерно. Это объясняется отдалённостью региона от центров археологических исследований и относительно поздним началом этих исследований. Также нужно отметить, что основные приречные районы региона, где обычно сосредотачивались археологические памятники, были подвергнуты разведочным поискам. Таким образом, всего на территории Восточного Закамья обнаружено 32 селища. Изучение археологических памятников в данной области проводилось позднее, чем в западных районах Республики Татарстан. Например, территория Западного Закамья изучена гораздо больше, это обуславливается тем, что на этой территории находились крупные средневековые города, такие как Биляр, Болгар, Джукетау. Малоизученность также сказалось и в том, что в основном проводились разведочные работы на памятниках, полноценные археологические раскопки провели на таких памятниках, как Усть-Челнинское, Чияликское и др. Но далеко не закончено изучение Восточного Закамья и сейчас. Стоит обратить внимание на сохранность памятников, так как значительная часть селищ разрушена и находится в плохой сохранности. К таким примерам можно отнести Самоскаковское селище домонгольского периода, затопленное Нижнекамским водохранилищем.

Библиографический список

Арсланов А.П. Современное состояние археологических памятников на территории города Набережные Челны (постановка проблемы) // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных. Самарский университет, 2018. С. 282-285.

Бурханов А.А., Нигаматзянов И.Р. Древности Восточного Закамья. Казань: Научное издание, 2017. 320 с.

Казаков Е.П. Археологические памятники Восточного Закамья. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1989. 99 с.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское книжное издательство, 1987. 240 с.

UNFORTIFIED SETTLEMENTS IN PRE-MONGOL AND GOLDEN HORDE PERIODS IN THE EASTERN ZAKAMYE: COMPARATIVE CHARACTERISTICS

D. Sharifullina
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
pendragon1997@bk.ru

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

The article focuses on the problem of the insufficiently explored problems of modern archaeology of Republic of Tatarstan related to medieval unfortified settlements on the territory of the Eastern Zakamye. The coverage of the topic is divided by natural, geographical and chronological principles because it considers functional evolution of open settlements of Zaysko-Igsky and partly Igsko-Belsky interfluves in pre-Mongol and Golden Horde periods.

Keywords: Eastern Zakamye, archeological research, archaeological sites, settlement, cultural layer, pottery, individual discovery.

УДК 929.624.8

ГРАФФИТИ НА КИРПИЧЕ ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Ю.В. Шельдешова
Астраханский государственный университет, Астрахань
yulia_lux_tenebris@list.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.В. Васильев

Автором производиться попытка соотнесения знака на фрагменте кирпича с определенной кочевнической культурой. Были найдены аналогии с символом, определены основные регионы его распространения. Автором было выдвинуто три предположения, о том, кто мог являться носителем культурной традиции, в которую был включен данный знак. Выдвигается «хазарская версия», «печенежская версия», «огузская версия».

Ключевые слова: граффити, знаки, Самосдельское городище, этнокультурные связи, хазары, печенеги, огузы

В полевом сезоне 2019 года на территории Самосдельского городища была найдена интересная находка – кирпич с фрагментом граффити, которое представляло собой квадрат, на углах которого были нанесены геометрические знаки (рис. 1). Артефакт происходит из стен сооружения XII в. В этот период на территории городища находился город Саксин, в котором по сообщению ал-Гарнати, проживало сорок племен гузов, и каждым племенем управлял отдельный эмир. Помимо этого, он выделяет жителей Булгара и многочисленных купцов разных народностей. Археологические данные, полученные за период 20-летних раскопок, подтверждают информацию о проживании в указанный период в нижневолжском регионе разных этнических групп [*Васильев,* 2015, с. 204-218].

Однако, мы не можем с точностью отнести данное граффити к определенной культуре, поскольку аналогии этого знака немногочисленны. Так этот знак был найден в виде петроглифа в долине Томар, идентичные знаки, датируемые II – I вв. до н.э., известны на территории Усуни, Кангюе. Экспедиция под руководством Е. Смагулова, работая в старой цитадели Туркестана, обнаружили подобные знаки на фрагментах хума (в 2011 году пласт II – I вв. до

© Шельдешова Ю.В., 2020

н.э.: [*Смагулов, Ержигитова,* 2013, с. 88] (в 2015 году слой II – III вв. н.э.) (рис. 2, *1-2*). Возможно, этот знак принадлежал благородному клану, проживающему здесь около трех веков [*Rogozhinskii, Yatsenko,* 2015. P. 119].

Ряд знаков, аналогичных нашему, известен в европейской степной зоне. Однако там, они нанесены не на керамические изделия, а на миниатюрные бронзовые зеркала, датируемые серединой II-III вв. н.э. (период позднесарматской культуры). Единственное отличие заключается в точке, которая нанесена в центр квадрата (рис. 2, *4-6*).

В середине II в. у устья Дона утвердилась орда «поздних сарматов» – новая волна кочевников, пришедшая, по мнению В.Ю. Малашева, через Южное Приуралье из Центрального или Северного Казахстана; С. Яценко делает вывод, она была также политически связана с Кангюем и, видимо, также именовалась аланами [*Яценко,* 2011, с. 200-202], и это объясняет преемственность данного знака у привилегированных слоёв населения двух волн кочевников Сарматии, исходно связанных с Кангюем того времени. [*Яценко, Смагулов,* 2014, с. 182]

Рис. 1. Кирпич с нанесённым граффити.

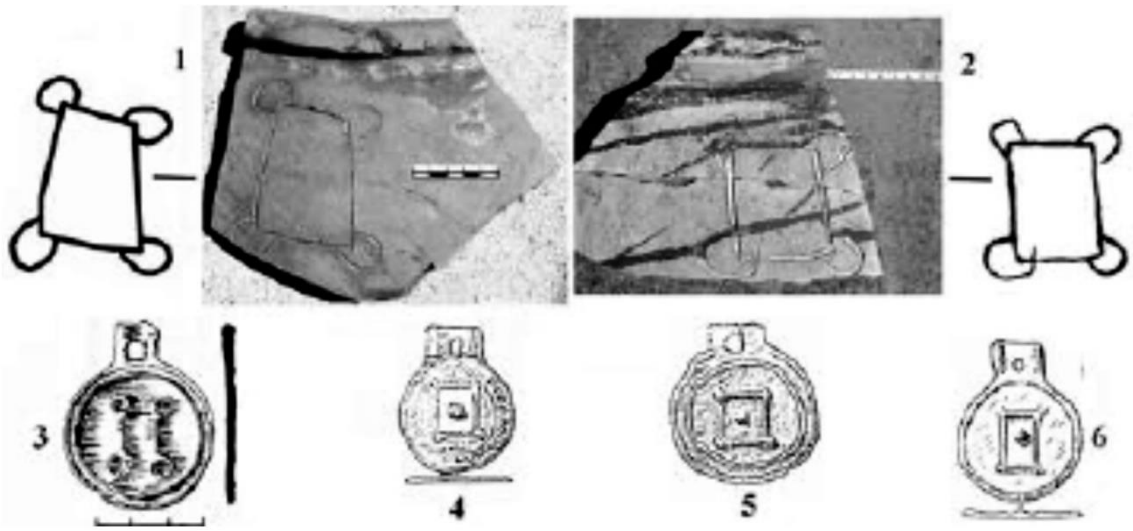


Рис. 2. Аналогии символу: 1-2 – бассейн Средней Сырдарьи, империя Кан-гю («большие хумы» из Туркестана / Ясской цитадели); 3- Битакский некрополь (близ Неаполя Скифского, Центральный Крым), могила 56; 4-6 – Кобяковский некрополь (район Донского лимана), могилы 65/1957, 23/1962 и 25/1962.

Тогда как же данный знак, имея такой разброс во времени, появился на Самосдельском городище? Здесь можно выдвинуть следующие предположения:

- «хазарская версия». Происхождение хазар до сих пор остается неясным. Б.И. Вайнберг предлагает следующую версию: она пишет, что формирование хазар происходило в составе Тюркского каганата. В ходе завоеваний тюрок они были разделены на две группы - одна ушла в Прикаспий, а другая осталась в районе среднего течения Сырдарьи. Ввиду господствующих здесь огузов в IX-X вв., хазары вошли в их состав, и вместе с ними мигрировали на территорию Северного Прикаспия [*Вайнберг,* 2002, с. 24]. Восточные хазары, находясь под влиянием огузов и культур Средней Азии, возможно также переняли часть традиций.

- «печенежская версия». Печенеги, изначально населявшие территорию Юго-Восточного Приаралья, были вовлечены в сложный процесс перемещения населения великого пояса степей, итогом которого стало их вхождение в племена кочевых кангаров (которые по некоторым предположениям были потомками кангюев) [*Абдуманапов,* 2002, с. 22.]. Теснимые во второй половине VIII в. племенами огузов, они были вынуждены заселить степи и полупустыни Северного Прикаспия и стать соседями Хазарского каганата. После разгрома Хазарии в 965/966 гг., часть печенегов осталась в Северном Прикаспии, а часть, теснимая огузами с востока, откочевала на территорию Северного Причерноморья, отдав им этнополитическое господство. [*Круглов,* 1994, с. 35-36] Таким образом, мы можем связывать граффити, найденное на территории Самосдельского городища, с данным этносом, который являлся носителем этой культурной традиции и проживал на территории города и области Саксин в XI-XII вв.

- «огузская версия». Огузы, как и любой другой кочевой народ, населявший регион Центральной Азии, были вовлечены в те процессы, которые протекали в районе степей. П.Б. Голден выдвигает гипотезу, которая объясняет миграцию огузов и печенегов на запад как следствие войн карлуков и их союзников с уйгурами в 1-ой половине IX в. [*Гарустович, Иванов,* 2001, с. 106] Огузы и карлуки, в итоге этих войн были вытеснены в Восточный Туркестан, где они, по мнению А. Палоци-Хорват, объединяются с кангарами, которые входили в конфедерацию пегенежских орд [*Paloczi-Horvath,* 1989, P. 13]. Однако движение на запад они не прекратили, поскольку территория низовьев Сырдарьи, отрезанная песками от богатых государств, не была приспособлена для огузских орд. Они продолжили миграцию на территорию волжских степей, где объединившись с хазарами, изгнали с территории печенегов (которые были вынуждены заселить донские степи и территорию Северного Причерноморья), заняв этнополитическое господство в волго-уральском регионе. Так, мы можем выделить, что благодаря объединению с кангарами, они могли перенять часть культурных традиций и адаптировать их под себя.

В связи с вышеперечисленным, однозначный вывод о происхождении данного знака мы сделать не можем. Ситуация, сложившаяся в период существования города и области Саксин, позволяет нам говорить о сложном этническом составе кочевников Самосдельского городища.

Библиографический список

Абдуманапов Р.А. К вопросу происхождения кыргызского племени кангды // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов, 2002. С. 19-31.

Вайберг Б. И. Туркестанские хазары // Хазары. Второй Международный коллоквиум Тезисы докладов. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. С. 21-25

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин // Поволжская археология № 2(12), 2015. С. 189-267.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001. 212 с.

Круглов Е.В. К вопросу о печенегах // Проблемы всеобщей истории: Материалы науч.конф., 1993 г. Волгоград: Изд-во Волгогр. Гос. Ун-та, 1994. С. 35-41.

Круглов Е.В. К проблеме этнокультурной атрибуции населения Самосдельского городища и лепной керамики, украшенной гирляндоподобным орнаментом //Проблеми дослідження пам´яток археології Східної України. Редкол.: В.В. Отрощенко (гл. ред.) [и др.]. Київ; Луганськ: Шлях, 2005. С. 164-166.
Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения. 2011-2012гг. // Известия НАН РК. Серия общ. наук. 2013. №3. С. 82-100.
Смагулов Е.А., Яценко С.А. Тамгообразные знаки доисламских слоев памятников Туркестанского Оазиса (Средняя Сырдарья) // «Кадырбаевские чтения -2014». Материалы IV Международной научной конференции. Астана «Мега принт»; 2014. С. 175-189.
Яценко С.А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й пол. II –1-й пол. III вв. н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12. Волгоград, 2011. С. 197-213.
Rogozhinskii A.E., Yatsenko S.A. The Ancient Tamga-Signs of Southeast Kazakhstan and Their Owners: the Route from East to West in the 2nd Century BCE – the 2nd Century CE // The Silk Road. Vol. 13. 2015. Seattle. P. 109-125.
Paloczi-Horvath A. Pechenegs, Curnans, Iasians. Steppe people in medieval Hungary/ Budapest, 1989. 141 p.

GRAFFITI ON THE BRICK FROM MATERIALS OF SAMOSDELKA SETTLEMENT

Ju. Sheldeshova
Astrakhan State University, Astrakhan
yulia_lux_tenebris@list.ru

Academic Supervisor – PhD D. Vasil'ev

The author attempts to correlate a sign on a brick fragment with a certain nomadic culture. Analogies with the symbol were found, the main regions of its distribution were identified. The author put forward three assumptions about who could be the bearer of the cultural tradition in which this sign was included. The "Khazar version", the "Pecheneg version", the "Oguz version" are being advanced.

Keywords: graffiti, signs, Samosdelsky settlement, ethnocultural ties, Khazars, Pechenegs, Oghuzs

УДК 902.01

КОСТЯНЫЕ ГРЕБНИ РОДАНОВА ГОРОДИЩА

М.Е. Шмырина
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
mashah98@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.Н. Сарапулов

В данной работе представлена коллекция костяных гребней Роданова городища, полученная в ходе раскопок М.В. Талицкого и А.Н. Сарапулова. Статья посвящена анализу и типологизации гребней городища.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, резьба по кости, кость, рог, гребень.

Костяные изделия занимают отдельное место в общем количестве находок на памятниках Пермского Предуралья. Кость издревле являлась одним из самых доступных человеку материалов для изготовления различных орудий домашних производств, предметов вооружения и охоты, украшений, амулетов и прочих необходимых изделий. Среди костяных изделий особенно выделяются костяные и роговые гребни. Материалы большинства памятников Пермского Предуралья включают в себя гребни. Одна из самых крупных коллекций средневековых гребней Верхнекамья относится к городищу Анюшкар – 80 изделий [*Ленц,* 2004, с. 59]. Другие же памятники Пермского Предуралья имеют более скромные

© Шмырина М.Е., 2020

коллекции. В том числе в материалах Роданова городища нами было обработано 19 изделий. Родановo городище находится на территории Пожвинского сельского поселения в Юсьвинском районе Пермского края, на правом берегу Камского водохранилища. Городище известно достаточно давно, так как находилось прямо на территории села. В 1936-1937 гг. работы на городище были проведены М.В. Талицким. На основании раскопок была выделена Родановская археологическая культура. М.В. Талицкий датировал городище X-XIV вв. [*Талицкий,* 1951. с. 35]. В 2016 году раскопки городища были продолжены Камской археолого-этнографической экспедицией под руководством А.Н. Сарапулова. На данный момент общая вскрытая площадь составляет 982 м^2.

Гребни Роданова городища имеют различные формы, размеры, конструкцию и орнаментацию. Большинство исследователей выделяет две группы гребней: односторонние и двусторонние [*Давидан,* 1962, с. 95]. Рассматривая материалы Роданова городища, к первой группе односторонних гребней можно отнести 7 изделий. Среди односторонних гребней выделяют цельные односторонние гребни и расчески [*Ленц,* 2004 с. 63]. На территории Роданова городища не было встречено цельных односторонних гребеней. К типу 1 – односторонние гребни можно отнести составные гребни – расчески (подтип 1), которых на территории Роданова городища было встречено 7 экземпляров (Рис.1.2). Подобные изделия датируются VIII – XI вв. [*Давидан,* 1962, с. 98]. К подобным составным гребням можно отнести расчески и пластины для футляров. За годы раскопок было встречено 4 составные расчески, которые изготовлены из роговых пластин с зубьями и дугообразных накладок. Соединялась конструкция металлическими штифтами, которые прослеживаются на некоторых изделиях. Расчески Роданова городища имели длину не более 7-9 см. Дугообразные пластины имели орнаментацию из прочерченных линий, зигзагов. Встречается также циркулькульный орнамент (Рис.1, *1*). Впрочем, орнаментация располагается лишь на части подобных изделий: из 4 встреченных расчесок, орнаментацию имеют 3 экземпляра. Отдельно была встречена дугообразная накладка расчески с орнаментацией из прочерченных линий, зигзагов и кружков. Накладка имеет отверстие для скрепления с роговой пластиной расчески. Аналогичные расчески встречаются на территории Старой Ладоги в VII–XI вв. Стоит отметить, что староладожские расчески имеют большие размеры и более сложный орнамент. Бытует мнение, что в Старую Ладогу подобные изделия проникли из Западной Европы, в том числе с территории современной Германии, Швеции и Норвегии. В материалах Роданова городища были встречены пластины футляров составных расчесок. Для изготовления футляра необходимо было шесть пластин: четыре срединных и две основных подтрапециевидных, необходимых для скрепления срединных. За время раскопок Роданова городища было встречено две срединные пластины, имеющие орнаментацию в виде прочерченных линий. Пластины имеют отверстия для скрепления медными штифтами. В нескольких отверстиях сохранились остатки штифтов. Данный факт свидетельствует о том, что перед нами не заготовки для будущего футляра, а части используемого в быту изделия. Также была встречена основная подтрапециевидная пластина, к которой крепились срединные пластины. Данная часть расчески не орнаментирована. Стоит отметить, что форма, внешний вид и техника изготовления расчесок и футляров к ним отличается от прочих видов гребней, а находки схожих предметов на территории Древней Руси, может свидетельствовать о том, что данная продукция изначально являлась импортной, став впоследствии эталоном для собственных изделий [*Белавин, Крыласова,* 2008, с. 351].

Большую часть гребней, встреченных на территории Роданова городища, составляют двусторонние гребни, которые можно отнести к Типу 2. К данному типу относятся 12 изделий. Все они отличны по своим размерам и орнаментации. Двусторонние гребни Роданова городища имеют либо трапециевидную, либо прямоугольную форму, которая считается переходной [*Ленц,* 2004, с. 66]. Зубья двусторонних гребней, как правило, частые и заостренные с одной стороны и редкие и закругленные с другой. К Типу 2 – двусторонние, подтипу 1 – прямоугольные можно отнести 6 изделий. Данные изделия датируются X – XIII вв. [*Крыласова,* 2007, с. 275]. Все прямоугольные гребни широкие. Ширина гребней незначительно превышает их длину [*Крыласова,* 2007, с. 275]. Большая часть прямоугольных широких гребней имеет орнаментацию в виде поперечных линий вдоль зубцов (Рис.1, *3-4*). Данные полосы могли представлять собой как украшение гребня, так и отметку, до которой мастеру было необходимо пропиливать зубцы. Также существует мнение, что подобные изделия

являлись подражанием наборным гребням, а прочерченные линии имитировали накладки. Наборные гребни, с которыми возможно связано подражание, были распространены на территории Древней Руси, начиная с XII века. Одним из наиболее интересных прямоугольных широких гребней можно считать изделие с циркульным орнаментом, располагающимся по всей длине. Гребень орнаментирован с двух сторон, циркульный орнамент разделяют прочерченные линии, что может также являться имитацией накладок и подражанием древнерусским гребням. К подтипу 2 – трапециевидные можно отнести 6 изделий, которые также различны по своим размерам и оформлению (Рис.1, 5). Данные изделия датируются XI – XIII вв. [*Крыласова,* 2007, с. 277].

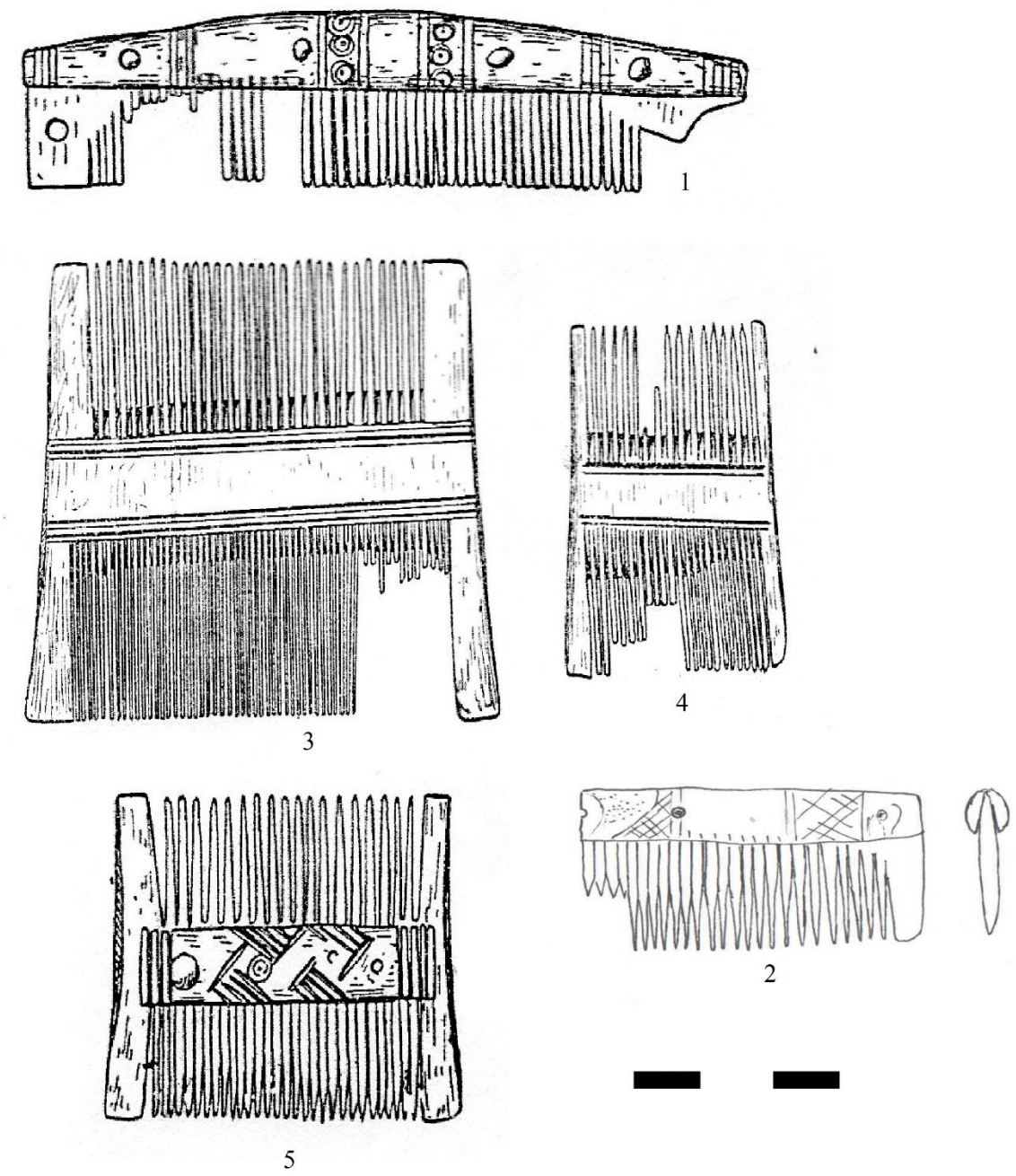


Рис.1. Гребни Роданова городища.

Трапециевидные гребни можно выделить в двух вариантах: вариант 1 – трапециевидные со слабо скошенными боками и вариант 2 – высокие трапециевидные с резко скошенными боками. К варианту 1 можно отнести 5 гребней, которые схожи орнаментацией и размерами. Подобные гребни имеют древнерусский прототип [*Ленц,* 2004, с. 69]. У большинства гребней Роданова городища, принадлежащих к этому варианту, с узкой стороны расположены более крупные и редкие зубцы, в то время как у более широкой части гребня располагаются мелкие и частные зубья. Орнаментация гребней представлена поперечными линиями у основания зубцов. Данный вариант гребней наиболее распространен на территории Пермского Предуралья. Трапециевидность некоторых изделий слабо выражена и бока близки к прямоугольным. Вариант 2 – высокие трапециевидные с резко скошенными боками представлен одним изделием. Изделие имеет три поперечные линии вдоль зубцов, что также может являться имитацией накладок. Подобные гребни получили распространение на территории Древней Руси начиная с XII века.

Костяные и роговые гребни встречаются на многих археологических памятниках не только Пермского Предуралья, но и Европы. Некоторые исследователи связывают распространение гребней с их активным использованием на территории Древней Руси и последующим импортом. Распространение общерусских типов гребней обуславливается активными торговыми отношениями [*Флерова,* 2001, с. 44]. Вероятнее всего, форма гребней, привезенных с территории Древней Руси, получала широкое распространение среди мастеров – косторезов. Формы и оформление гребней видоизменялись с течением времени, приходя в более утилитарную и простую в изготовлении вариацию. Простота оформления гребней, вероятно, может свидетельствовать об их утилитарном использовании, но в тоже время не стоит отрицать их сакрального значения. В том числе, гребни имеющие отверстия для привешивания могли использоваться в качестве амулетов в составе костюма [*Белавин, Крыласова,* 2008, с. 352]. Свидетельством наличия собственного производства гребней может служить наличие роговых заготовок, пилочки для прорезки зубьев и циркульных орнаментиров [*Талицкий,* 1951, с. 53]. Данные вещи были необходимы для изготовления гребней из кости и последующей их орнаментации. Костяные и роговые гребни различные по своим размерам и оформлению по сей день представляют большой интерес для исследователя.

Библиографический список

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – С. 603.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Ленинград, Вып.4, 1962. – С. 95 – 108.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. – С.352.

Ленц Г.Т. Гребни городища Анюшкар // Путями средневековых торговцев. Сборник материалов «круглого стола» в рамках Международного (XVI Уральского) археологического совещания. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 58 – 77.

Талицкий М.В. Верхнее Прикамье в X – XIV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. – М.: МИА № 22, 1951. – С. 33 – 96.

Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX – XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – Санкт-Петербург: Алетейя СПю, 2001. – С.352.

BONE COMBS OF RODANOVO SETTLEMENT

M. Shmirina

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
mashah98@mail.ru

Academic supervisor – PhD A. Sarapulov

This paper presents a collection of bone ridges Romanov settlement, obtained during the excavations of MV Talitsky and An Sarapulov. The article is devoted to the analysis and typologization of the crests of the settlement.

Keywords: Permian pre-Urals, bone carving, bone, horn, comb.

УДК 902

ПРЕДМЕТЫ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВОГО ОБРАЩЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

А.К. Щепина

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
schepinaalina77@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

В данной статье говорится о предметах денежно-весового обращения из памятников Нижнего Прикамья домонгольского и золотоордынского периода как о составной части экономики и социальных отношений. Предметом исследования являются процессы становления и развития внутренней и внешней торговли и товарно-денежных отношений, монетное обращение, денежно-весовая система и их взаимодействие в товарном производстве.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, Волжская Болгария, экономические отношения, средства денежного обращения, этапы торговли, «серебряный кризис», дирхемы, куфическая монета, клады, «безмонетный» период.

Важной и сложной для изучения областью экономических отношений Нижнего Прикамья является развитие земледелия, скотоводства, ремесленных производств, т.е. в целом развитие экономики государства, которая в свою очередь не могла бы функционировать без такой детали, как денежные средства.

Образование первоначальных форм обмена и местных средств денежного обращения относится к IV-VII вв. В этот период, связанный с проживанием на территории Поволжья и Прикамья именьковских племен, обмен носит в основном меновой характер, так как местные племена не были настолько развиты, чтобы можно было говорить о сложившейся торговле, поэтому, в роли средства обращения используется скот («мал»). Так же на этой территории распространяется и большое количество сасанидских драхм (4.25 г), а также римские, византийские монет, латунные слитки [*Валеев,* 1995 с. 33-35].

В Прикамье, несмотря на преобладание натуральных отношений, не исключались и товарные. Отделение ремесла от сельского хозяйства в первой половине X в. оказало решающее влияние на развитие внутреннего рынка, что в свою очередь привело к увеличению товарооборота в городе, а уже во второй половине домонгольского периода и в золотоордынское время ускорило появление и стремительное развитие денег.

Историю торговли Волжской Болгарии можно разделить на три этапа. Первый этап берет начало в IX в. и продолжается до XI в. Второй период же включает в себя «безмонетный» этап товарно-денежных отношений, наступление которого М. Валеев связывает с началом «серебряного кризиса» на Востоке. Данное название является говорящим, так как в странах Ближнего Востока и Средней Азии истощились серебряные рудники в персидском Бадахшане. Вследствие этого на просторах Средней Азии в этот период ходило множество так называемых «чёрных» дирхемов. Они сохраняли облик поздних монет династии Сасанидов: различием был схематичный профиль шахиншаха. В отличие от серебряных дирхемов их называли дирхемы «мусеяби», «мухаммади», «гитрифи» и т.п. [*Федеров-Давыдов,* 1985, с. 39]. Особенность заключалась в том, что в VIII-IX вв. их делали многослойными: внутри серебра помещалась

© Щепина А.К., 2020

медная пластина. После данного периода чеканка монет продолжается, но это происходит уже в Улус Джучи.

В 70-80-х гг. VIII в. внутренний рынок был готов, и возникла потребность в металлической монете, появляется куфическая монета. Куфические монеты, участвующие в товарноденежном обращении болгар, можно условно разделить на два крупных типа: арабские монеты, которые в основном имели обращение в конце VIII–IX вв., и саманидские монеты, обращение которых зафиксировано в X в. [*Валеев,* 2009, с. 36-37]. Одним из древнейших кладов, найденных в Среднем Поволжье и в целом Восточной Европе, является клад около с. Альметьево, в 20 км. от Билярска. В нем более 150 дирхемов VIII-IX вв., которые хранятся в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа [*Кулешев,* 2012, с. 220].

Они выступали преимущественно в роли товара во внешней торговле Волжской Болгарии с восточными странами, а уже в X в. происходит резкое увеличение куфических дирхемов, которые обменивались на другие виды товаров,таким образом, происходит окончательный переход к денежно-вещевой торговле [*Валеев,* 1995, с. 87-100].

В связи с нехваткой денег в XI-XII вв. и наступлением «серебряного кризиса», население Волжской Болгарии прекращает чеканку болгарских монет и подражаний. Монеты заменяют вначале кусочки серебра, а впоследствии и серебряные слитки, называемые «саумами». Приблизительно в то же время в археологических памятниках появляются кусочки серебра самых различных форм. Полный переход к весовому приему серебра приводит к широкому распространению весов и весовых гирек. Происходит определенная унификация торгового инструментария, необходимая для удобства торговых платежей. Впоследствии появляется новый этап в экономике Волжской Болгарии, называемый – безмонетным периодом. Начали использоваться в качестве денежного эквивалента разнообразные предметы быта, украшения и меха. В местности, где леса занимали большую часть территории, меха белки, куницы и соболя были одними из приоритетных средств торгового обмена. Поэтому болгарские купцы получали огромные доходы от посредничества в торговле мехами пушных животных. Например, шкурку соболя можно было купить на севере по цене 1 дирхема или обменять её на одну стеклянную зелёную бусину, а в Калькутте шубка из этого меха могла стоить до 400 динаров, цены же на изделия из меха горностая достигали 1000 динаров [*Нигамаев,* 2007, с. 31]. «Динар» в XIII-XIV вв. - крупная монета из серебра в Иране и Средней Азии. Кроме пушнины в торговом обороте имелись бусы, которые являлись не только большой статьёй болгарского экспорта в Приуральский регион, но и служили мелкими предметами купли-продажи. В Елабужском доме купца Новикова помимо 17 гривен было найдено и 4 серебряные серьги, в строении одной из которых присутствует позолоченная бусина. Особую ценность представляли глазчатые, хрустальные, янтарные бусины, а также серебряные пронизки; менее всего оценивались изделия из стекла. Бусина из зеленого стекла приравнивалась к одному дирхему, трем граммам серебра или одной шкурке куницы, по Ибн Фадлану [*Нигамаев,* 2005, с. 26].

Можно предположить, что в «безмонетный» период в роли денег выступали шиферные пряслица днепровского происхождения. На территории Билярского городища их найдено более 150. При этом шиферные пряслица здесь часто встречаются, вместе с находками гирек и весов [*Валеев,* 2009, с. 109]. В ходе археологических раскопок на Кирменском городище в 1995–2013 гг. обнаружено 5 шиферных пряслиц. Из средневековой Алабуги происходит 4 шиферные пряслица. Одно шиферное пряслице стоило столько же, сколько «глазчатая» бусинка (полдирхема).

После монгольского нашествия Нижнее Прикамье в качестве одной из областей входит в состав Правого крыла Улуса Джучи и в Болгаре в 40 - начале 50-х гг. XIII в. начинается чеканка джучидских монет (серебряных дангов и медных пулов). Ярким показателем развитых товарно-денежных отношений в данный период является широкое распространение монет на территории Среднего Поволжья, о чем ясно свидетельствуют клады и находки монет. На территории Нижнего Прикамья найдено более 110 кладов, а в целом в Среднем Поволжье и Приуралье - более 150 кладов и более 130 находок джучидских монет.

Таким образом, археологические находки свидетельствуют о широко развитой внутренней торговле Прикамья, имеющей выход и на внешнюю торговлю, обширном ассортименте товаров, быстром усвоении производства новых форм изделий. Процесс

зарождения торговли и товарно-денежных отношений на территории Среднего Поволжья и Прикамья, начавшийся до прихода булгарских племен, значительно усилился после их прихода и, начиная с IX в. идет активное вовлечение болгар в трансъевропейскую торговлю. Если в период X - начала XI вв. обмен с городом был еще недостаточно развитым, а потребности села в деньгах и городских ремесленных товарах были невелики, то во второй половине XI – начале XIV вв. наличие кладов, серебряных слитков, джучидских монет, серебряных дангов и медных пулов в городах и на селе свидетельствуют о расширении товарно-денежных отношений в Среднем Поволжье и Прикамье.

Библиографический список

Валеев Р.М. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань: Фест, 1995. 158 с.
Валеев. Р.М. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX – начале XV веков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2009. 529 с.
Кулешов В.С. Косплекс Умаййадских монет Элмедского клада и его выдающееся историко-культурное значение» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», 2012. С. 421
Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы: Своеобразие материальной культуры населения. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 228 с.
Нигамаев А.З. Ранняя история Елабуги. Исторический очерк. - Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2007. 176 с.
Федоров-Давыдов Г.А. Монеты - свидетели прошлого. Популярная нумизматика. М.: Изд-во Московского университета, 1985. 176 с.

MONEY-WEIGHT TREATMENT FROM MONUMENTS OF LOWER KAMAKIA

A. Schepina
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
Schepinaalina77@gmail.com

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

This article refers to the objects of monetary circulation, as an integral part of the economy and social relations, from the Monuments of the Lower Prikamye in the pre-Mongol and Golden Horde periods. The subject of this research is the processes of formation and development of domestic and foreign trade and commodity-money relations, monetary circulation, monetary system and their interaction in commodity production.

Keywords: Lower Prikamye, Volga Bulgaria, economic relations, monetary means, stages of trade, the “silver crisis”, dirhams, Kufic coin, treasures, “non-coin” period.

УДК 902

ТИПОЛОГИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ X - XIV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОРОМАШКИНСКОГО И КИРМЕНСКОГО ГОРОДИЩ)

Е.В. Яровиков
Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
evgeniiyarovikov@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

© Яровиков Е.В., 2020

В данной статье рассмотрен вопрос о типологии наконечников стрел, обнаруженных на памятниках Нижнего Прикамья. Приводится классификация наконечников на примере материалов из Староромашкинского и Кирменского городищ. Задача состоит в описании характеристик основных типов наконечников стрел, бытовавших в период X-XIV вв.

Ключевые слова: Нижнее Прикамье, Кирменское городище, Староромашкинское городище, типология, метательное вооружение, наконечники стрел, форма пера.

Наконечники стрел как вид метательного вооружения является не только одним из маркеров, определяющих этнокультурную принадлежность данного общества, но и показателем межкультурных контактов, рассказывающим о страницах военной истории того или иного народа. В период средневековья наконечники становятся все более разнообразными, это справедливо отнести и к населению Волжской Болгарии.

Особое значение в военном деле волжских болгар имело метательное вооружение. Это связанно с кочевнической тактикой ведения боя, которая была свойственна болгарам, не смотря на оседлый образ жизни [*Измайлов,* 2012]. Характер и эволюция оружия дальнего боя, игравшего первостепенную роль при такой военной традиции, отображаются в искусстве создания наконечников стрел. Именно с помощью данного материала возможно определение уровня развития болгарского общества в домонгольский период, а также после завоевания и вхождения в состав Улуса Джучи.

Кирменское городище расположено на правобережье Камы на высоком мысу р. Кирменки бассейна р. Омарки. Оно представляет собой памятник домонгольской и золотоордынской эпох. Время существования Кирменского городища определяется с начала XI в. по конец XIV в. Кирмени упоминаются в русских летописях под 1396 г. среди городов, взятых войсками Юрия Дмитриевича: Болгары, Жюкотин (Джукетау) и Казань. Данный памятник неоднократно изучался Елабужской археологической экспедицией (под рук. А.З. Нигамаева).

Староромашкинское городище, находящееся на юго-востоке Чистопольского района, на протяжении нескольких лет также исследовалось Елабужской археологической экспедицией. Комплекс является остатками болгарского города, уничтоженного во время монгольского завоевания в 1236 г. Описываемый памятник находится на левобережье Камы в бассейне р. Толкиш.

На данных памятниках встречаются наконечники стрел, выполненные из железа, а также из кости (костяные наконечники на территории Прикамья полностью вытисняются железными позднее). Установление типологии наконечников облегчается возможностью определить время существования Кирменского и Староромашкинского городищ иными датирующими материалами.

Железные наконечники стрел Нижнего Прикамья по форме насада преимущественно относятся к черешковым, то есть крепятся в теле древка (II отдел по классификации А.Ф. Медведева [*Медведев,* 1966, с. 41]). Повсеместно в период средневековья встречаются 2 группы черешковых наконечников стрел: плоские и граненые (бронебойные).

Плоские наконечники стрел использовались как для поражения легко защищенного противника, так и для охоты. Типичными являются наконечники с круглым в сечении черешком, встречаются с упором и без него. В Староромашкино и Кирменях в основном бытовали килевидные и ромбовидные. Также были найдены двушипные, характерные для запада Руси в домонгольский период. Среди обнаруженных килевидных наконечников встречаются вытянутые с наибольшим расширением в средней трети длины пера (тип 33 по классификации А.Ф. Медведева [*Медведев,* 1966, с. 45]; длина 110 мм, длина пера 58 мм, ширина 12 мм, значение пропорции ширины пера к его длине близко к 1:5). У ромбовидных, в свою очередь, расширение в середине длины пера (тип 42 [*Медведев,* 1966, с. 48]). По типологии А.Ф. Медведева можно определить один экземпляр как 31 тип, то есть плоский двушипный наконечник с короткими шипами без упора, с заостренным к низу черешком (длина 90 мм, длина пера 55 мм, ширина пера 20 мм) [*Медведев,* 1966, с. 45].

Бронебойные наконечники стрел в основном распространены четырехгранные, имеющие в сечении вид ромба или четырехугольника. Они применялись для борьбы с доспехами, почему и получили такое название. Более широкому их применению способствовала возможность с

помощью такого наконечника пробить кольчугу или даже легкий пластинчатый доспех противника [*Руденко,* 2003, с. 12]. Острие бронебойных наконечников обыкновенно узкое. Среди граненых наконечников широко представлены пирамидальные, с квадратным в сечении черешком. По материалам из Староромашкино и Кирменей боевая головка имеет средние пропорции 1:4.

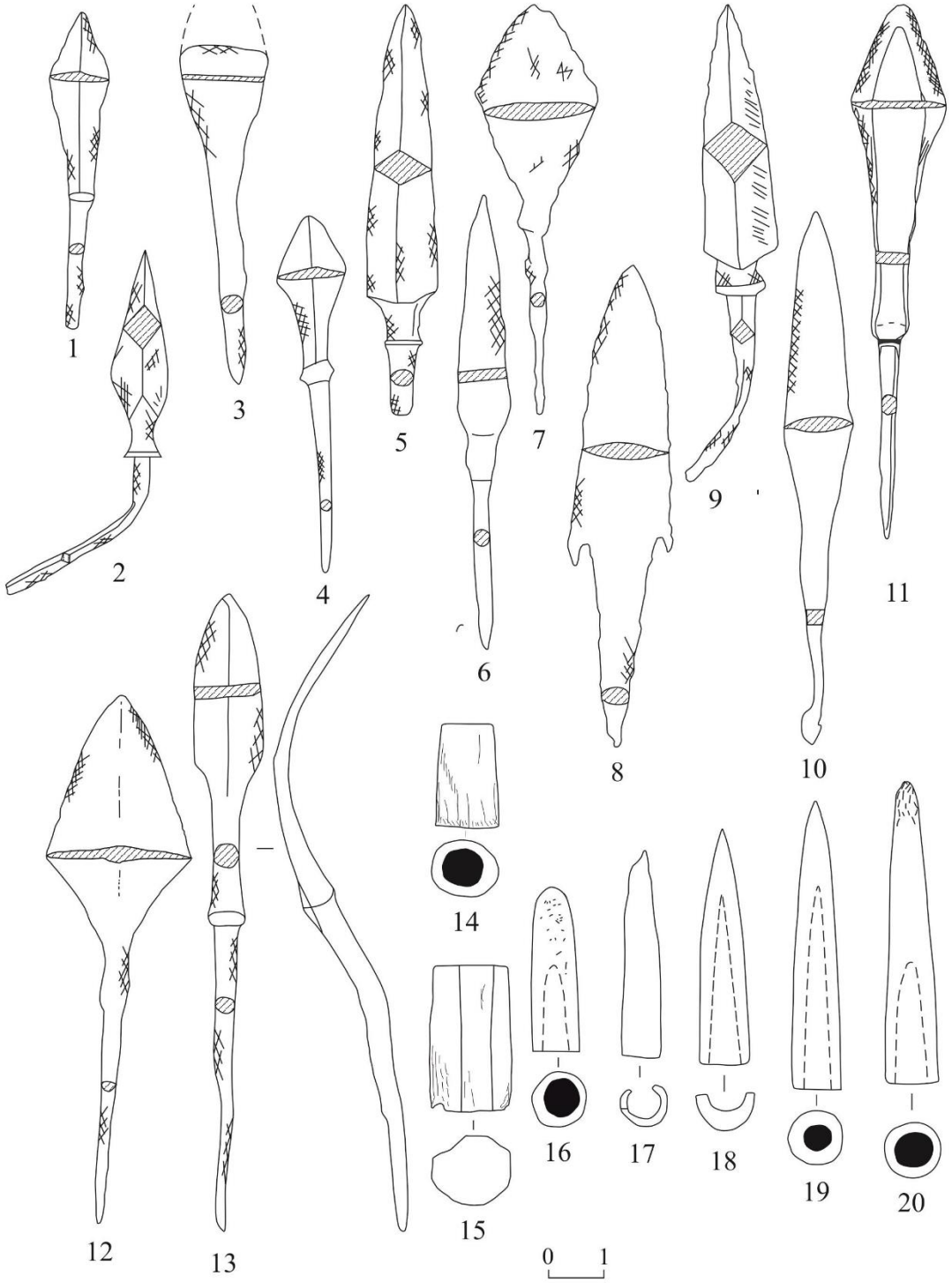


Рис. 1. Наконечники стрел из Староромашкинского городища

Большое распространение в Волжской Болгарии в домонгольский и золотоордынский период получили костяные наконечники, предназначавшиеся для поражения незащищённого

противника и охоты на пушного зверя в лесах. Костяные наконечники, в отличие от железных, преимущественно втульчатые. Такого рода наконечников стрел повсеместно исчезают в период X-XIV вв., за исключением Волжской Болгарии, где они еще употреблялись. Особое место среди них занимают пулевидные конические наконечники длиной от 35 до 60 мм, внешний диаметр втулки 9-10 мм.

В период с X по XIV вв. практически отсутствуют типы железных наконечников относящиеся к трехлопастным. На Староромашкинском и Кирменском городищах они не обнаружены, так как время их использования ограничивается X-ым в. Характеристика типов наконечников стрел, обнаруженных на данных памятниках, позволяет говорить о том, что наконечники имеют свою специфику в данном регионе. По конструкции преобладают сплошные наконечники, изготовленные путем ковки. Все наконечники стрел, обнаруженные на Староромашкинском и Кирменском городищах, сравнительно не большого размера, а значит и не столь значительного веса, за исключением тех, что были частью стрел самострелов и арбалетов.

Библиографический список

Измайлов И.Л. Средневековое булгарское вооружение и военное дело: факты и заблуждения. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2012. С. 254-255.

Медведев А.Ф. Луки и стрелы, самострелы. Археология СССР. Свод археологических источников СССР. / Под общей редакцией академика Рыбакова Б.А. Вып. El-36. Институт археологии АН СССР. М.: Наука, 1966, 184 с.

Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Заман, 2003, 512 с.

TYPOLOGY OF TIPS OF ARROWHEADS FROM MONUMENTS OF THE LOWER KAMA REGION OF THE X-XIV CENTURY. (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE STAROROMASHKINO AND KIRMEN HILLFORTS)

E. Yarovikov

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
evgeniiyarovikov@mail.ru

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

This article discusses the typology of arrowheads found on the monuments of the Lower Kama region. The classification of tips is given on the example of materials from the Staroromashkino and Kirmen fortifications. The task is to describe the characteristics of the main types of arrowheads that existed during the X-XIV centuries.

Keywords: Lower Kama, Kirmen hillfort, Staroromashkino hillfort, typology, missile weapons, arrowheads, pen shape.

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

УДК 902.01

БУСЫ С НАКЛАДНЫМИ НИТЯМИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА[1]

В.И. Близнюкова
Санкт-Петербургский Государственный Университет, Санкт-Петербург
Veronica_nika97@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. В.Н. Седых.

В данной статье представлены предварительные результаты исследований морфологических и технологических особенностей репрезентативной выборки коллекции стеклянных изделий Болгарского городища, происходящих из раскопов № 192 (2015 – 2019 гг.), № 179 (2015 – 2016 гг.) под руководством В.Ю. Коваля и Д.Ю. Бадеева. Для атрибуции материала была использована принятая М.Д. Полубояриновой схема, за основу которой взят способ изготовления. Анализируется один из самых представительных типов болгарской коллекции – бусы с накладной нитью. Разделение по способу орнаментации бус и приведённый круг аналогий позволили определить предполагаемую территорию распространения и время бытования находок.

Ключевые слова: Болгар, домонгольский, золотоордынский, Русь, Средняя Азия, стеклоделие, торговля, экспорт, производство.

Стеклоделие – это особый вид ремесла городской культуры, возникновение которого возможно только при определённом уровне развития материального производства, наличии квалифицированных специалистов, высокой степени международной торговли. Данный вид ремесла является неким индикатором социального статуса местности и международной торговли. Такая мастерская по изготовлению стеклянных бус и перстней была открыта на территории Болгарского городища [*Полубояринова*, 2006].

Данная работа посвящена одной из самых представительных групп бус – тёмные круглые в поперечном сечении с накладной нитью светлого цвета. В рамках настоящего исследования проведено сравнение изученной выборки стеклянных изделий Болгарского городища (Р. № 192 2015-2019 гг., Р. № 179 2015-2016 гг.). В данной работе предпринята попытка проследить динамику изменения одной категории бус в двух хронологических периодах, а также определить территорию распространения бус, произведённых в болгарской мастерской.

Для решения данной проблемы были выделены и проанализированы все категории бус с накладной нитью, морфологические особенности которых стали ясны для автора только после атрибуции внушительной коллекции стеклянных изделий.

В морфологии стеклянных бус Болгара М.Д. Полубояринова выделяет несколько типов данной группы - круглых в поперечном сечении: шарообразные, зонные, эллипсоидные, многочастные, усечённо-конические, цилиндрические, овальные с выпуклыми валиками у отверстий, бусы овальные без валиков и уплощённых в поперечном сечении: дисковидные, рыбовидные [*Полубояринова,* 1988, С. 172-174]. В данной работе мы разделили бусы не столько по типам, сколько по способу нанесения орнамента и проследили хронологические особенности благодаря такому делению. Темная, чаще всего чёрная бусина обвита тонкой нитью яркого цвета (зачастую белого). Нить наложена по телу бусины, как правило, от одного отверстия до другого. Иногда её укладывали всего в 2-3 оборота – ровным ободком у отверстий и волной по средней части бусины. Очень редко нить опоясывает бусину всего один раз. Чаще

[1] Благодарю В.Ю. Коваля и Д.Ю. Бадеева за предоставленный материал.

© *Близнюкова В.И., 2020*

всего обвивающая спираль покрывает бусину почти сплошь; в этом случае нить клали, видимо, ровно, а после остриём проводили поперёк узора несколько бороздок, как бы «вздёргивая» нити через равные промежутки. В некоторых случаях бороздки сохранялись. Иногда нить укладывали просто волною. В подавляющем большинстве случаев узор не был рельефным – нити вдавливались в тело бусины, а поверхность, вероятно, подвергалась огневой полировке [*Полубояринова*, 1988, С. 172].

В своей работе, посвящённой Белоозеру, С.Д. Захаров разделяет бусы с накладными нитями стекла по разновидности декора на шесть подотделов: бусы с петлевидным декором, однократной поперечной волной, многократной продольной волной, однократным и многократным зигзагом (ободки), однократным и многократным фестоном (ободки), многократной (спиральной) линией [*Захаров,* 2004, Табл. 55]. Исследователь отмечает, что данное деление носит условный характер, поскольку на некоторых экз. представленные разновидности декора сосуществует. Несмотря на это, подобное деление является необходимым при работе с большим объёмом материала.

Автором данной работы так же был выделен ещё один подтип, не описанный ранее ни одним исследователем – переходный тип от зонных к бочонковидным с одной тонкой спиралью. Особенностью типа является спиральная нить, образующая рельефный зигзагообразный орнамент на тулове бусины с ярко выраженным «хвостиком», уходящим в её канал. Б*о*льшее количество данного подтипа мы обнаружили в коллекции Р. №192 2016 г. – 74 экз. (2 % от общего количества), что указывает на преднамеренный характер выполнения декора, а не на производственный брак [*Близнюкова*, 2019, С. 136].

Бусы с накладными нитями присутствуют на широкой территории средневековых памятников, начиная с домонгольского периода. Бусы со спиральной нитью в Саркеле – Белой Веже происходят из слоя второй половины X – конца XI в. [*Львова*, 1959, С. 329]; в Белоозере в слое X – начала XI в. [*Захаров*, 2004, С. 149]; в Биляре в слоях XII – начала XIII в. [*Валиулина*, 2005, С. 96]. В Новгороде встречаются с XII до XIV в., причём 70% находок приходится на XII век, классический вариант данной группы по материалам Новгорода датируется к. XI – XII в. [*Носов*, 2017, С. 39]. Малочисленны находки данного типа на Торецком городском поселении XV в. [*Валиулина*, 2013, С.22]. Мне известны такие бусы со среднеазиатского памятника Тараз в слоях XI – XIII в. Находку такой бусины на Тимерёвском поселении, авторы датируют золотоордынским временем [*Седых, Френкель*, 2012, С. 94]. Многочисленны находки данного типа на всех памятниках Золотой Орды. В позднем Средневековье эти бусы были найдены, кроме Поволжья и Прикамья, в Сибири и Средней Азии. А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров датируют западносибирские находки со второй половины XIII – XIV в. до конца XVI в. [*Зыков, Кокшаров*, 2001, С.191].

Наибольшее распространение эти бусы получили в золотоордынский период [Бусятская, 1976]. В Болгаре бусы со спиральной нитью являются одним из основных типов продукции мастерской XIV в. Об этом свидетельствуют многочисленные находки бракованных изделий, стеклянные глыбки и шарики темного цвета со светлой нитью, стеклянные нити светлого цвета, а так же большое количество разновидностей самих бус с накладными нитями, которые не были встречены ни на одном памятнике.

Мы можем предположить, что бусы с накладной нитью классического для Болгара варианта – гладкая спиральная нить, наложенная на тулово бусины от одного отверстия до другого - были экспортированы на территорию Руси. А находки домонгольского периода имеют среднеазиатское происхождение, где традиция производства подобных бус бытовала ранее.

Дальнейшее сравнение бус с накладной нитью по технологическим и морфологическим различиям или сходствам с подобными находками на территории русских памятников позволит наиболее уверенно делать выводы об их болгарском происхождении, что в свою очередь, даст возможность чётко определить продукцию стеклоделательной мастерской Болгарского городища 30 – 40 гг. XIV в.

Библиографический список

Близнюкова В.И. Статистический анализ стеклянных бус Болгарского городища XIV – XV веков (раскоп № 192 2016 года) // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к

обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых учёных. – М.: ИА РАН, 2019. – С.135 – 136.
Бусятская Н.Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII – XV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. – М.: Наука, 1976. – С. 38–72.
Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии: по материалам Билярского городища. – Казань: Казан.гос. ун-т, 2005. – 278 с.
Валиулина С.И. Стеклянные изделия Торецкого поселения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 3, ч. 1. – С. 20–29.
Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: «Индрик», 2004. 592 с.
Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. – 320 с.
Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археол. экспедиции. – 1959. – Т. 1. – С. 307–332. (Материалы и исследования по археологии. № 75).
Носов, Е.Н. Рюриково городище. Новые этапы исследований / Е. Н. Носов, А. В. Плохов, Н. В. Хвощинская. – СПб. :ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 288 с. [текст, ил.], 32 с. [вкл.]. – (Труды ИИМК РАН ; т. XLIX).
Полубояринова М.Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 151–219.
Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // Российская археология. – 2006. – № 4. – С. 152–159.
Седых В.Н., Френкель Я. В. Результаты археометрических анализов стеклянных изделий XII–XIII вв. из раскопок Тимерево // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2012. Вып. 4. С. 77–104.

BEADS WITH OVERHEAD THREADS OF THE BULGARIAN SETTLEMEN

V. I. Bliznyukova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg
Veronica_nika97@mail.ru

Academic supervisor – PhD V. Sedykh

This article presents preliminary results of the morphological and technological features of a representative sample of the collection of glass products of the Bulgarian settlement from excavation sites No. 192 (2015 - 2019), No. 179 (2015 - 2016) under the direction of V.Y. Koval and D.Y. Badeev. For material attribution, the accepted M.D. Polyboyarinova's scheme, which is based on a manufacturing method. One of the most representative types of the Bulgarian collection is analyzed - beads with laid on thread. The separation according to the method of bead ornamentation and bring over range of distribution and the time existence of the finds.

Keywords: Bulgur, pre-Mongolian, Golden Horde, Ancient Rus, Central Asia, glasswork, trade, export, production.

УДК 902

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МАВЗОЛЕЕВ

Е.Ю. Зленко

Казанский федеральный университет, Казань
Elenazlenko6998@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Л.А. Вязов

© Зленко Е.Ю., 2020

Статья посвящена изучению монументальных построек, их генезису и распространению, с применением ГИС-методов. Основными источниками для исследования являются работы, посвященные классификациям золотоордынским мавзолеев, в которых дается характеристика их архитектурным особенностям.

Ключевые слова: археология, архитектура, Золотая Орда, Средняя Азия, мавзолеи, классификация, монументальные постройки.

Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть формообразующие и структурно-композиционные решения по географическим и хронологическим особенностям распространения золотоордынских мавзолеев.

Государство Улус Джучи, более известное как Золотая Орда, складывается в середине XIII века, охватывая такие территории как Волжская Булгария, Кавказ, Крым, Казахстан, Поволжье, Подонье и Приднестровье.

Такой широкий территориальный размах не мог не оказать влияние на архитектурные и строительные нормы и правила построек. Средняя Азия и Кавказ остаются основными источниками заимствования, начиная от декорированных элементов убранства и заканчивая строительными технологиями. Даже сейчас на территории современного Татарстана при проектировании специалисты опираются на традиции общемусульманского зодчества.

Считается, что понятие «мавзолей» возникло примерно в IV веке до н.э. Первая монументальная постройка, получившая подобное название, это Галикарнасский мавзолей. Данное сооружение является надгробным памятником карийского правителя Мавсола, созданное по приказу его супруги в городе Галикарнасе (современная Турция). Несмотря на то, что мавзолей выполнен в классическом архитектурном стиле есть несколько моментов, которые позволяют нам выделять и данную постройку из ряда подобных.

Многие исследователи, такие как Л.Т. Яблонский или Д.В. Васильев, рассматривали мавзолеи не как группу монументальных построек, а как один из видов надмогильных сооружений [*Васильев*, 2007, с. 55]. Поэтому многие архитектурные элементы были упущены или не приняты во внимание.

Наиболее полная классификация мавзолеев была сделана Э.Д. Зиливинской [*Зиливинская,* 2014, с. 142]. Разрабатывая данную типологию Эмма Давидовна взяла за основу исследования Л.Ю. Маньковской, где дана типология мавзолеев для Средней Азии. В данной статье будет использована не только эта классификация, но и классификация С.Г. Хмельницкого [*Хмельницкий*, 1996].

Все золотоордынские мавзолеи произошли от двух архитектурно-пространственных форм: кубический и башенный тип. Кубические, в свою очередь, делились на портальные и центрические мавзолеи. Портальные постройки подразумевали собой выделение одного фасада орнаментацией или высотой архитектурного элемента, который называется «пештак». Центрические имеют одинаковые фасады. Некоторое время считалось, что центрические мавзолеи являются наиболее ранними и портальные являются не более, чем определенная стадия эволюции первого типа сооружений [*Хмельницкий*, 1996, с. 121]. Но открытие портального мавзолея в ранний период не подтверждает данное утверждение. Одновременное существование данных формообразующих видов говорит о градостроительных принципах, которые также учитывались при строительстве культовых построек. Мы можем говорить о том, что зодчие продумывали как здание будет смотреться с разных сторон и как лучше его выделить, если оно будет находится в общей застройке. Это, кстати, один из самых обыденных выделений сооружений в класс культовых построек. Следовательно, мы можем говорить об изначальном сосуществовании двух типов построек и осознанных подходах к планировочным структурам города, в которые располагали мавзолеи.

Сложным типологическим видом является так называемый совмещенный мавзолей, который совмещает в себе общие признаки центрического и портального мавзолея. Таковой является Черная палата, расположенная в Болгаре. Изначально данная постройка была выполнена как центрический мавзолей и впоследствии три входа были перекрыты, а южная сторона стала выделяться в некую форму пештака. Подобные сооружения требуют более тщательного изучения, так как остается вопрос, является ли данный тип некой формой эволюции или не более чем необходимостью, вызванной окружающей застройкой.

Говоря о географических особенностях и определенной преемственности можно отметить строительный материал, который применялся во всем золотоордынском зодчестве. Ранние мавзолеи Средней Азии строились исключительно из обожженного и сырцового кирпича, в то время как, например, в Болгаре, где мавзолеи среднеазиатского типа, применяется каменная панцирная кладка. Исследователи относят это к армяно-малоазийскому влиянию на строительство памятников [*Зиливинская*, 2014, с. 162].

Также следует отметить особенности формообразования построек. Основной момент состоит в том, что многие исследователи объясняют это культурными и этническими заимствования. Но в архитектуре форма и функция здания являются не связанными между собой структурами, лишь в редких, индивидуальных случаях. Например, та же центрическая многокамерная система, которая использовалась в строительстве мавзолеев, применялась и в мечетях. Это показывает нам, насколько устойчива форма пространственных структур в сравнении с функцией.

Основная задача в изучении хронологических и географических особенностей монументальной архитектуры Золотой Орды состоит в возможности дальнейшей разработки и дополнения классификации мавзолеев. Это является важным моментом, так как многие выводы, на наш взгляд, сделанные в вышеуказанных классификациях являются спорными. Например, отнесение несохранившихся построек к определенным группам. По тем же сохранившимся письменным и графическим источникам, благодаря которым были изучены мавзолеи Маджара, крупнейшего золотоордынского города Северного Кавказа, мы можем рассмотреть лишь форму. Какие-то более детальные планировочно-композитные решения и структуры выявить почти невозможно.

Еще один интересный территориальный признак состоит в том, что в ранних мавзолеях Средней Азии форма здания повторяет форму фундамента. В вышеуказанном Маджаре или в Болгаре постройка, имея квадратный фундамент, обладает совершенно иным количество углов. Например, Черная палата в Болгаре является квадратной по первым трем ярусам, а по четвертому восьмигранной призмой. То есть сама форма поздних постройках была совмещением двух геометрических фигур. Из этого мы можем сделать вывод, что пространственная композиция мавзолеев трансформировалась не только по индивидуальным особенностям, а также и по определенным тенденциям, которые развивались повсеместно.

Основной момент в изучении хронологических аспектов монументальных построек является то, что несмотря на известные формообразующие геометрические структуры не совсем ясна их эволюция. Если говорить о тех же портальных и центрических мавзолеях, которые сосуществовали в одни время не совсем ясно, как изменялась их пространственная структура и изменялась ли она вообще. Возможно, архитектура мавзолеев претерпевала не более, чем локальные, территориальные изменения, а общая концепция не менялась.

Для анализа пространственных и хронологических особенностей золотоордынских мавзолеев был разработан и создан ГИС-проект и сформирована база данных, в которую вошли около сотни построек. Для описания построек в базе данных использовались классификации Л.Т. Яблонского, Д.В. Васильева, Э.Д. Зиливинской и С. Хмельницкого.

Таким образом, в данном исследовании принципиальной задачей является рассмотрение формообразующих и структурно-композиционных решений мавзолеев, с целью выявления их географических и хронологических особенностей. Это поможет нам лучше рассмотреть и отдельные элементы, такие как пештак и, например, какие-либо декоративные моменты. Следовательно, на основе сделанной базы данных мы можем говорить об особенностях распространения мавзолеев и их изменениях на территории Золотой Орды.

Библиографический список

Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчество // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. 149 с.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007. 170 с.

Всеобщая история архитектуры в 12 томах / Том 8: Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI—XIX вв. / Под редакцией Ю. С. Яралова.— Москва : Издательство литературы по строительству, 1969. 491 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казать: «Отечество», 2014. 448 с.
Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII века// Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. 83-92.
Маньковская Л.Ю. Формообразование и типология зодчества Средней Азии IX-XX вв. Ташкент. 2014. 496 с.
Хмельницкий С.Г. Между арабами и трюками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин-Рига, 1996. 341 с.

GEOGRAPHIC AND CHRONOLOGICAL FEATURES OF THE COLDEN HORDE`S ARCHITECTURE

E. Zlenko
Kazan Federal University, Kazan
Elenazlenko6998@mail.ru

Academic supervisor – PhD L. Vyazov

The article is devoted to the research of monumental buildings, their genesis and distribution using GIS methods. The main sources for investigation are research works devoted to the classifications of the Golden Horde mausoleums, where architectural features are widely represented.

Keywords: archeology, architecture, Golden Horde, Central Asia, mausoleums, classification, monumental buildings.

УДК 902

ПОСЕЛЕНИЕ «ТУМАК-ТУБЕ» В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

О.Л. Зяблов
Астраханский государственный университет, Астрахань
zyablov.olegik@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.В. Васильев

Анализ погребений золотоордынского поселения Тумак-Тубе позволяет сделать вывод о глубоком укоренении традиций ислама у населения дельты Волги ещё с домонгольского времени. Привлечённые данные сравнительного краниологического анализа позволяют предположить, что население, оставившее данные погребения, антропологически близкое некоторым этническим группам хазарской эпохи, представляло собой население области Саксин, существовавшей в дельте Волги в XI-XIII вв. Это население в последующем стало составной частью золотоордынского этноса.

Ключевые слова: Саксин, Золотая Орда, Тумак-Тубе, поселение, погребение, могильник.

Поселение расположено на одноимённом бэровском бугре в дельте Волги, в 10 км южнее г. Астрахани. Исследования на поселении проводились в 1969 г. экспедицией под руководством Е.В. Шнайдштейн. Ею были исследованы многочисленные захоронения, находившиеся под угрозой уничтожения карьером кирпичного завода на соседнем бугре Хан-Тюбе (или Кан-Тюбе), расположенном в 500 м восточнее. В 1991 году раскопки поселения «Тумак-Тюбе» были продолжены экспедицией Госдирекции охраны памятников истории и культуры Астраханской области под руководством С.А. Котенькова. Исследования проводились на вершине бугра, частично разрушенной карьером. В ходе раскопок было исследовано 15

© Зяблов О.Л., 2020

захоронений, 4 хозяйственных ямы и землянка с системой отопления в виде тандыра и канов, встроенных в лежанку-суфу.

Поселение Тумак-Тюбе является небольшим периферийным населённым пунктом золотоордынского времени. Существует любопытная версия интерпретации данного комплекса поселения и могильников. А.В. Шевченко, рассматривая некоторые особенности краниологических характеристик серии черепов с грунтового могильника Хан-Тюбе, обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов, относившихся, по мнению автора раскопок Е.В. Шнайдштейн, к XIV в., с показателями половецких черепов. Зато прослеживалось сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и – особенно – на могильнике хазарского Саркела. На основании этого А.В. Шевченко предложил передатировать могильник более ранним временем и предположил, что антропологические характеристики и некоторые черты погребального обряда, отличающиеся от типично золотоордынских и мусульманских, сохранились с хазарских времён у населения города Саксин.

У нас нет серьёзных оснований передатировать могильник и поселение, тем более что раскопки на поселении Тумак-Тюбе выявили типично золотоордынские материалы. Однако даже если предположить существование в данном регионе исламизированного населения с домонгольских времён, то этот фактор может только расширить наши представления о распространении мусульманства в Нижнем Поволжье в золотоордынское время.

В отчете С.А. Котенькова представлено 4 хозяйственные ямы. Заполнение ям представляло собой светло-зеленую супесь с фрагментами керамики (фрагменты сероглиняных, красноглиняных гончарных сосудов, фрагменты кашинных поливных сосудов) и остатками органики (кости рыб и баранов).

Также в отчете присутствует землянка. Она была полуразрушена земляными работами с юго- восточной стороны. Имела подквадратную форму. Вход не сохранился, предположительно находился с юго-восточной стороны. Имела размеры 335×375 см. Представляла собой яму с максимальной глубиной 38 см. Вдоль северо- восточной стены располагается суфа, выполненная из сырцовых кирпичей и отштукатурена глинистым раствором. После снятия верхнего слоя глины открылся тандыр – круглая печь и каны. Каких-либо конструктивных элементов стен и крыши землянки не обнаружено.

В отчете С.А. Котенькова представлено 15 погребений. Все эти захоронения – индивидуальные, без надмогильных сооружений. Практически все погребённые ориентированы головами в западном направлении. К ним относятся погребения № 1, 2, 3, 7, 9, 10, 13, 14, 15. Остальные погребения частично разрушены землеройной техникой.

Большая часть погребённых лежали в положении вытянуто на спине. Только в погребениях№№1, 8 покойные были уложены на спину с выраженным доворотом на правый бок, в погребении № 9 с выраженным доворотом на левый бок. По сравнению с могильниками Селитренного городища, где положение покойника с доворотом вправо является доминирующим (что естественно для городского некрополя мусульманского города), на могильниках поселения Тумак-Тюбе абсолютно доминирует «нейтральное» положение покойного на спине. А.В. Шевченко объясняет этот факт тем, что в дельте Волги с хазарских времён сохранились погребальные традиции иудаизма. Особенно интересно это наблюдение выглядит при сопоставлении с распределением положений рук погребённого. В погребениях № 1, 10, 11, 15 руки погребённых были сложены на животе. В погребениях № 7, 13 руки покойных были вытянуты. В погребении № 2 правая рука покойного была вытянута, кисть левой находилась в области живота. В погребении № 9 левая рука покойного была вытянута и уложена ладонью вниз, правая рука согнута в локте. В погребении № 14 кисти рук были сложены на груди. Подобное расположение рук покойного действительно не вполне соответствует традициям мусульманского погребального обряда. Таким образом, среди погребений с руками на животе встречаются как в целом мусульманские, так и с пережитками доисламских традиций. Обычно скрещивание рук на животе трактуется как признак принадлежности погребенного либо к христианству, либо к иудаизму.

Ноги покойных в большинстве погребений были вытянуты. В погребениях № 2, 10, 13 ноги покойных были согнуты вправо. Такое положение соответствует «канонической» мусульманской позе погребённого.

Основу составляют погребения с мусульманскими признаками (их большинство, но обряд в них унифицирован, и описываются они небольшим количеством признаков), а также признаками погребений с отклонениями от мусульманского погребального обряда – с доворотом вправо, на правом боку, с инвентарём.

Библиографический список

Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2009. 206 с.
Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2007. 175 с.
Шевченко А.В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л.: «Наука», 1980. С. 139-168
Викторин В.М., Васильев Д.В., Идрисов Э.Ш., Имашева М.М. Село Татарская Башмаковка – археология и этнография. К истории золотоордынского наследия в Нижнем Поволжье // Золотоордынское обозрение. Том 7. №1. 2019 С. 90-114.
Котеньков С.А. Отчёт об археологических раскопках на городище «Тумак-Тюбе» в 1991 году. // Архив ИА РАН.

TUMAK-TUBE SETTLEMENT IN THE VOLGA DELTA

O. Zyablov
Astrakhan State University, Astrakhan
zyablov.olegik@mail.ru

Academic supervisor – PhD D. Vasiliev

An analysis of the burials of the Tumak-Tube settlement allows us to conclude that the traditions of Islam have deeply rooted in the population of the Volga delta since pre-Mongol time. The data of comparative craniological analysis suggest that the population that left the burial data, anthropologically close to some ethnic groups of the Khazar era, was a population of the Saksin region, which existed in the Volga delta in the XI-XIII centuries. This population subsequently became an integral part of the Golden Horde ethnic group.

Keywords: Saksin, Golden Horde, Tumak-Tube, settlement, burial, burial ground.

УДК 902

ТЕХНОЛОГИЯ ШТАМПОВКИ НА ПРИМЕРЕ ПЛАСТИНЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОШАЧЬИХ

Е.А. Кройтор
Казанский федеральный университет, Казань
kroitor.lena@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. С.И. Валиулина

В статье рассматривается технология средневекового штампа на примере пластинчатых браслетов с изображением кошачьих, бытовавших в период Золотой Орды. Приводятся все известные на данный момент штампованные изделия, исследуются особенности их производства.

Ключевые слова: штамп, матрица, пластинчатые браслеты, ювелирное искусство, Золотая Орда, булгары.

Пластинчатые браслеты с изображением кошачьих уже давно стали своеобразными маркерами ювелирного искусства периода Золотой Орды. Простота форм и элегантность

рисунка не смогла оставить равнодушными многих исследователей. Одним из первых к данной теме обратился Н.Ф. Калинин считая их примером преемственности «булгарского звериного стиля», затем вопросом датировки изделий занимались А.С. Гущин и А.П. Смирнов. Уже в 1980-х г. Г.Ф. Поляковой была разработана типология изделий с Болгарского городища. Также весомый вклад в изучение темы был внесен М.Г. Краморовским его исследованием генезиса декора и локализации. Заключительной работой, где был обобщен опыт предшественников и опубликованы последние материалы, стала двухтомная монография К.А. Руденко «Булгарское серебро».

Казалось бы, тема исчерпана. Тем не менее, новые находки обусловили необходимость отдельного изучения материалов посвященных узкой группе штампованных браслетов.

Приемы обработки цветных металлов при помощи штампов и матриц широко использовались булгарскими мастерами и применялись для серийного изготовления орнаментированных украшений [*Кузьминых, Семыкин,* 2006, с. 269]. Штампы отливались из бронзы в особых формах. Основой для изделий служили заготовки из меди и серебра. Заготовка предварительно вырезалась ножницами или вырубалась зубилом по форме самой матрицы, но с небольшим напуском. Затем ее укладывали на свинцовую пластину, расположенную на деревянной наковальне. Матрица устанавливалась на заготовку. Для предохранения матрицы от деформации клалась железная пластина. Однократным ударом молотом или кувалдой на заготовку наносилось выпуклое рельефное изображение.

В 1978 г. Г.А. Федоровым-Давыдовым была опубликована статья «Браслет с надписью с Селитренного городища» [*Федоров-Давыдов,* 1978]. В ней он подробно разобрал технологию производства данного изделия.

Фрагмент браслета 4 см. в длину выполнен из узкой пластины, вырезанной из плоского откованного предмета (рис. 1, *6*). Штамповкой 4 матрицами был нанесен орнамент с «львиной» личиной и благопожелательная надпись. Об этом свидетельствуют изъяны в местах стыка штампов. В надписи допущены некоторые неточности и усложнения. Края браслета декорированы точечным рельефным орнаментом. Исходя из описания Федорова-Давыдова, данный элемент наносился отдельно пуансоном, но в линии стыка можно видеть, что кружки съехали вместе с рисунком матрицы. Также есть плохо пропечатанные участки, которые не могли быть допущены при работе пуансоном. Морда кошачьего была нанесена последней.

С внутренней стороны имеются насечки в виде листьев и полос расположенные бессистемно. Г.А. Федоров-Давыдов считает эти детали элементом орнамента и отмечает их присутствие на оборотной стороне. Не безосновательным будет предположение, что подобное явление может свидетельствовать о вторичном использовании материала.

Изделие выполнено весьма грубо, края браслета не обработаны, стыки чеканов сделаны неаккуратно, поврежден нос кошачьей морды. В совокупности факты говорят о том, что браслет мог быть пробным. В статье Г.А. Федорова-Давыдова приведен полный химический состав металла и отмечено, что все операции были проделаны в холодном состоянии и сопровождались промежуточными отжигами металла.

Фрагмент второго браслета был найден на Лаишевском втором селище (рис. 1, *2*). Сохранилась всего часть изделия. Длинна 3,2 см, ширина 1,2 см, толщина 0,1 см. Браслет выполнен из тонкой медной пластины. Имеется трапециевидный в сечении валик, расположенный в середине, края обрамляют по две объемные полосы. Подобно браслету с Селитренного городища, первым этапом был выполнен основной рельеф изделия. Несмотря на довольно тонкий рисунок, мастер сумел искусно совместить оттиски. Места стыка выдает еле видимый нахлест в виде елочки. С лицевой стороны присутствуют изъяны диагональных ответвлений. На оборотной стороне им соответствуют излом и углубление, что свидетельствует о попадании инородных объектов, вызвавших искажение рисунка, под заготовку в момент процесса штамповки. Заключительным этапом стало перепечатывание кошачьей морды квадратным чеканом со стороной 1,1 см. Верхняя часть изображения отштампована нечетко, с правой стороны виден двойной след. Края изделия сильно уплощены, отсутствуют следы доработки напильником.

Также к штампованным изделиям с Лаишевского селища, может относиться серебряный фрагмент браслета из публикации Руденко (рис. 1, *1*). К сожалению, на сегодняшний день непосредственная работа с находкой не представляется возможной.

Рис. 1 1. Лаишевское селище (по К.А. Руденко, 2015); 2. Лаишевское селище (МЛК Инв. №0489); 3. Многослойное поселение Утюж I (АКМ коллекция Утюж I 2007г.); 4. Болгар (БГИАЗ. Инв. 56 № 65); 5. Болгар (БГИАЗ. Инв. 145 № 3); 6. Селитренное городище (по Г.А. Федорову-Давыдову, 1978)

Не менее примечательный предмет был обнаружен на многослойном поселении Утюж I (рис. 1, *3*). Фрагмент медного браслета, выделяется из общего ряда известных изделий нетипичным поворотом кошачьей морды в противоположную от конца браслета сторону. Длинна составляет 4,1см, ширина 0.8 см, толщина 0,1 см. Сохранился изгиб, благодаря которому можно измерить примерный диаметр находки. Он не превышает 2 см. На межбровье виден след от гвоздя после попытки сделать отверстие, чтобы утянуть браслет нитью. Такая миниатюрность может объясняться тем, что изделие было рассчитано на ребенка.

В технологическом плане, от Лаишевского браслета его отличает очень тонкий низкий рельеф, высокая художественная проработка морды и наличие окалины от плавки металла.

Изделие выполнено с невероятной точностью штампа. Места стыков видны при сильном увеличении. Столь тонкое изделие, не могло быть выполнено с помощью молота, скорее всего в работе использовался небольшой ювелирный молоток.

Технология штамповки упоминается в очерке Г.Ф. Поляковой «Изделия из цветных и драгоценных металлов» [*Полякова,* 1996]. Выделенный автором подтип B-IV-1б с арабскими надписями на корпусе составляют 11 браслетов. Говорится, что надпись на одном из них расположена в виде «клейма» в центре корпуса, на остальных рисунок идет сплошной полосой.

Далее в сборнике некоторые изделия рассматриваются подробнее. [*Мухаметшин; Хакимзянов,* 1996]. Внимание авторов обращено на браслет с «узлами счастья» и «львиными мордами» (БГИАЗ. Инв. 24 № 758). В центре изделия изображена сильно стилизованная в растительном орнаменте надпись: «Именем Аллаха». Стоит также отметить, что применение штампов с растительными узорами было распространено у булгарских мастеров.

Еще два браслета рассматриваемые авторами ценны не только с технологической точки зрения, но в качестве предметов с четкой датировкой. Так, на львиноголовом браслете (рис. 1, *4*) имеется штампованная надпись, соответствующая по современному летоисчислению 1217 г.

Дата на латунном браслете (рис. 1, *5*) соответствует 1380 г. Надпись нанесена редким монетным чеканом Тохтамыш хана, что говорит в пользу штамповки по принципу монетной чеканки без нагревания. По мнению авторов, пластина служила для пробного штампа с ошибочно написанным штемпелем.

Исходя из приведённых выше примеров, можно сделать вывод о наличии в золотоордынское время штамповочного производства. Тем не менее, соотношение количества штампованных браслетов к гравированным и литым остаётся ничтожно малым (примерно 9% от общего числа находок). Вероятно, это объясняется сложностью изготовления и трудозатратами на создание большого количества матриц при условии быстрой изнашиваемости. Кроме того, 15 из 18 рассмотренных браслетов имеют арабографические надписи. Этот факт также может говорить о попытке упрощения производства именно текстовых изделий.

Библиографический список

Вискалин А.В., Мясников Н.С. Этнокультурная ситуация на западной границе Волжской Болгарии в золотоордынское время (по материалам археологических исследований многослойного поселения Утюж I) // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 132.

Калинин Н.Ф. К вопросу о происхождении казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. 161 с.

Крамаровский М.Г. Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // Сообщения Государственного Эрмитажа. [Вып.] XLIII. Ленинград: Аврора, 1978. С. 46.

Кузьминых С.В., Семыкин Ю.А. Цветная металлообработка // История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 960.

Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 258.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов Город // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. С. 258.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Том II. Казань: Заман, 2015. 318 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Браслет с надписью с Селитренного городища // СА №2. М.: Наука, 1978. С. 286.

STAMPING TECHNOLOGY ON THE EXAMPLE OF FELINE LAMELLAR BRACELETS

E. Kroitor

Kazan (Volga) Federal University, Kazan
kroitor.lena@mail.ru

Academic supervisor - PhD. S. Valiulina

The article discusses the technology of a medieval stamp on the example of lamellar bracelets depicting feline cats that existed during the Golden Horde. The paper presents all currently known stamped products, explores the features of their production.

Keywords: stamp, matrix, plate bracelets, jewelry, Golden Horde, Bulgars.

УДК 902

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА №2 1966 Г.

А.Э. Купер
Казанский федеральный университет, Казань
jelanderjus@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. С.И. Валиулина

В статье вводится в научный оборот и анализируется новый, до сих пор не исследованный археологический материал – поливная керамика Царевского городища с раскопа №2 1966 г.

Ключевые слова: поливная керамика, Золотая Орда, Царевское городище.

Царевское городище расположено на надпойменной террасе левого берега р. Ахтубы около с. Царев Волгоградской области. Традиционно Царевское городище связывают со второй столицей Улуса Джучи – городом Сарай-Берке.

Раскоп 2 был начат в 1963 году отрядом Казанского государственного университета, входившего в состав Поволжской археологической экспедицией во главе с И.С. Вайнером. Сейчас находки находятся на хранении в археологическом музее Казанского Федерального Университета. Группа находок поливной керамики со 2 раскопа, продолженного в 1966 году, все еще остается неопубликованной. Целью данной работы является введение в научный оборот нового, до сих пор не проанализированного археологического материала – поливной керамики Царевского городища с раскопа № 2 1966 г.

Для написания статьи была сформирована выборка в 73 единицы. Анализ керамического комплекса проводится на основе классификаций поливной керамики Н.М. Булатова, также частично привлекается классификация керамики В.Ю. Коваля. Среди фрагментов керамики данной выборки по составу формовочной массы мы выделили три класса: фрагменты красноглиняной керамики, фрагменты кашинной керамики и один фрагмент китайского селадона.

Класс 1. Красноглиняная керамика

Самая массовая группа – красноглиняная керамика (керамика из ожелезнённой красножгущейся глины) [*Коваль,* 2010]. Наличие красноглиняной керамики как массового материала - характерная черта для всех золотоордынских памятников. Примечательно, что самый распространенный тип глазурованной посуды в средневековье – красноглиняная керамика с зелёной поливой [*Булатов,* 1976]. Наша выборка показала аналогичный результат: из 73 фрагментов выборки 58 фрагментов красноглиняной керамики имеют зеленую глазурь.

Группа 1. Зеленые поливы.

Тип 1. Керамика с зеленой поливой без ангобной подгрунтовки – 8 фр. Зеленая прозрачная полива выглядит на фоне красной неангобированной поверхности черепка как темно-коричневая, с зеленым отливом. Покрытие красноглиняных керамических сосудов зеленой глазурью без ангобирования – прием, получивший популярность в средневековых мастерских задолго до возникновения золотоордынских городов. Изделия, сделанные при помощи такого приема, известны в Маргиане (Средняя Азия) и в коллекциях Херсонесской поливной посуды Крыма. Н.М. Булатов объясняет отсутствие подглазурного ангобирования трудоемкостью процесса и возможностью того, что керамика пришла в XIV век из X - XI веков, так как в этот период керамика с зеленой поливой без ангобной подгрунтовки бытовала на территории, впоследствии вошедшей в состав Улуса Джучи. Аналогичные неангобированные фрагменты встречаются на городищах Азак и Саркел-Белая Вежа *[Булатов,* 1976, с.78].

Тип 2. Керамика с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке – 24 фр. Н.М. Булатов называет этот тип керамики самым массовым типом поливной посуды на золотоордынских городищах [*Булатов,* 1976, с. 81]. Ангобная подгрунтовка создавала светлый фон для зеленой прозрачной поливы, за счет чего изделие было светло-зеленого или насыщенного озелененого цвета.

Тип 3. Керамика с пятнистой зеленой глазурью по ангобной подгрунтовке – 10 фр. Пятнистость зеленой поливы достигалась путем обрызгивания поверхности сосуда перед глазурованием красящим окислом, окисью меди. Зеленая глазурь, попадая на капли окиси меди, приобретала буро-зеленый оттенок, в результате чего поверхность сосуда украшалась темными расплывчатыми пятнами. Аналогичные фрагменты фигурируют в материалах Саркела – Белой Вежи и средневекового Крыма и считаются импортом. Также аналогии находятся среди поливной керамики Средней Азии [*Булатов,* 1976, с. 84].

Тип 4. Керамика с рельефным орнаментом под прозрачной поливой – 11 фр. Рельефный орнамент наносился при помощи техники «сграффито», заключавшейся в процарапывании (гравировке) рисунка по слою сырого белого ангоба заостренной палочкой, в результате чего обнажавшаяся красная основа резко контрастировала с белым фоном. Под окрашенной зеленым цветом глазурью красный цвет глины приобретал более тёмный оттенок (темно-коричневый) [*Коваль*, 2010, с. 122]. На 4 фр. присутствует сочетание тонких и толстых линий. Использование толстых (более 1 мм) линий при исполнении рисунка “сграффито” является хронологическим признаком полумайолики XIII – XV вв., хотя самые ранние ее образцы известны уже в XII в. Производилась такая керамика в Византии и странах с провинциально-византийской культурой (Крым, Закавказье, Сирия и т. д.) [*Коваль*, 2010, с. 122].

Тип 5. Керамика с зеленой поливой, орнаментированная в технике «резерва» (часть ангоба с поверхности снимается, что дает темный фон для рисунка) – 2 фр. Техника «резерва» заключается в снятии части ангоба с поверхности. Это создавало тёмный фон для рисунка, который наносился на светлую ангобированную часть. Такой тип керамики был распространён в Византии, Херсонесе, на Руси и в Северном Кавказе до монгольского нашествия [*Булатов,* 1976, с. 90].

Тип 6. Керамика, украшенная гравировкой и частичной оранжевой подцветкой поливой - 3 фр. одного блюда с росписью растительными мотивами. В классификации В.Ю. Коваля похожий тип керамики называется «полумайолика «сграффито» с полихромной (зеленой и желто-коричневой) подцветкой рисунка». Н.М. Булатов говорит о том, что такое сочетание росписи на керамических изделиях встречается в поливной керамике средневекового Крыма и Средней Азии. Подобные фрагменты встречаются на Царевском, Маджарском и Азовском городищах. [*Булатов,* 1976, с. 94].

Группа 2. Желтые поливы

В данной выборке желтые поливы представлены одним типом: полумайолика «сграффито» с монохромной желто-коричневой подцветкой - 8 фр. Такая керамика составляет одну из разновидностей византийской «зевксипповой» полумайолики, которая получила распространение в Византии в конце XII – первой половине XIII в. Многочисленные образцы этой керамики известны в Херсонесе. Место производства таких сосудов не установлено, но скорее всего изделия столь высокого класса производились в Константинополе [*Коваль*, 2010, с. 123].

Группа 3. Заготовки под поливную керамику с гравировкой по ангобу – 3 фрагмента. Заготовки являются признаком местного производства. Также 2 фрагмента зеленой поливной керамики с ангобной подгрунтовкой имеют брак – кривые налепы, что также может свидетельствовать о местном производстве.

Класс 2. Кашин. Кашинная керамика в данной выборке представлена 3 фр. Основная масса кашинной керамики в золотоордынских городах была местного производства. (*Булатов,* 1968, с. 95)

Группа 1. Кашинная керамика с бесцветной поливой

1 фр. сероватого мелкопористого кашина, белая опаковая полива, с надглазурной полихромной (белый, синий и зеленый цвета) росписью и подглазурным рельефом. Эта керамика является результатом влияния иранской керамик и «минаи» [*Булатов*, 1968, с. 106]. Отличие здесь наблюдается в технике нанесения орнамента. Но некоторые детали орнамента настолько сходны с деталями орнаментации керамики «минаи», что это дало основание Э.К. Кверфельд считать эту керамику привозной из Ирана. Однако анализы составов полив с этой керамики показывают, что глазури, применяемые для покрытия сосудов этого типа, не выходят за пределы общераспространенных в золотоордынских городах классов бессвинцовых стекол,

нанесенных на кашин красноватого цвета, столь характерного для Царевского и Селитренного городищ. Отличие здесь наблюдается в технике нанесения орнамента. Опаковая керамика покрывалась поливами того же состава, что и керамика с бесцветной поливой и подглазурной росписью. Чтобы получить глухую глазурь белого цвета, применялась преимущественно содовая полива. [*Булатов*, 1968, с. 105].

1 фр. кашина с полихромной подглазурной росписью синим и черным цветом на белом фоне (растительный мотив). Н.М. Булатов писал, что данный тип кашинной керамики является самым распространенным на золотоордынских городищах [*Булатов*, 1968, с. 99].

Группа 2 Кашинная керамика с бирюзовой поливой.

1 фр. керамики с бирюзовой поливой без росписи с рельефом. Рельеф создавался путем утолщения слоя кашина при формовке сосуда в формах. Аналогии встречаются в керамическом комплексе средневекового Хорезма [*Булатов*, 1968, с. 104].

Группа 3. Селадоны

1 фр. недекорированного селадона нежно-зеленого света. Селадонами традиционно называют род керамических изделий, изготавливавшихся в Китае с X по XVIII вв, отличавшихся серым цветом своей плотной фарфоровой массы и нежно зеленой прозрачной глазурью. Селадоны изготавливались в разных частях Китая и Корее. В монгольский период (эпоха Юань) селадоны широко импортировались в золотоордынские центры Поволжья, Иран, Среднюю Азию и Египет [*Коваль,* 2010, с. 134].

Таким образом, мы видим свидетельства международных связей Золотой Орды, а также следы местного производства.

Библиографический список

Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (по материалам Царевского, Селитренного, и Маджарского городищ) // СА №4 М.: Наука, 1968. С. 95-109.

Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья М.: Наука, 1976. С. 73-107.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. Конец XI-XVII век М.: Наука, 2010 269 с.

GLAZES CERAMICS OF TSAREVSKY HILLFORT BASED ON MATERIALS FROM EXCAVATION SITE № 2 OF 1966

A. Cooper

Kazan Federal University, Kazan
jelanderjus@gmail.com

Academic supervisor – PhD S. Valiulina

The article introduces into scientific circulation and analyzes a new archeological material – glazed ceramics of Tsarevsky hillfort from excavation site № 2 of 1996

Keywords: Glazed ceramics, Golder Horse, Tsarevsky hillfort.

УДК 904

ДИАНОВО: ВЫЯВЛЕНИЕ НОВОГО ПАМЯТНИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Е.А. Тельминова
Курганский государственный университет, Курган
len-kuun@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.Н. Маслюженко

В статье говорится о сложностях изучения золотоордынского периода в Среднем Притоболье из-за недостатка материальных и письменных источников. Археологические находки, относящиеся к этому периоду, чаще всего носят случайный (кладовый) характер. Именно таким образом была получена коллекция археологических артефактов, найденных на в районе деревни Дианово Белозерского района Курганской области. Они могут стать основой для выявления первого в регионе археологического объекта золотоордынского времени и помочь в изучении этой на территории Среднего Притоболья.

Ключевые слова: Среднее Притоболье, Дианово, золотоордынская эпоха, наконечник стрелы.

К сожалению, эпоха средневековья является одним из наиболее крупных «белых» пятен в истории и археологии Среднего Притоболья. Возможной причиной слабой изученности нашего региона является ограниченность источниковой базы. Если ранние этапы этой эпохи могут быть реконструированы преимущественно на основании археологических памятников, то уже после вхождения в начале XIII века в состав Монгольской империи и сформировавшегося на ее основе в 1269 году Улуса Джучи (Золотой Орды) появляется возможность проводить сравнение данных археологических исследований с письменными документами, особенно связанных с деятельность местной династии Шибанидов, чей основатель Шибан был сыном Джучи и внуком Чингисхана. Письменные документы позволили восстановить контекст политической и этнической истории, но только в последние годы началась работа по выявлению собственно археологических памятников и маркеров их отнесения к монгольской и золотоордынской эпохам. Чаще всего такими маркерами выступают зеркала или монеты, находки которых носят характер обнаружения случайных кладов [*Маслюженко, Ханов,* 2016, с.69-76; *Маслюженко, Чореф,* 2017, с.175-189].

В 2016-2017 гг. в археологическую лабораторию КГУ обратились специалисты по изучению т.н. «битвы за Тобол», которая являлась одним из крупнейших военных столкновений Гражданской войны в Западной Сибири. В ходе изучения крупного укрепленного района этого времени в районе д. Дианово Белозерского района Курганской области ими вместе с артефактами этого времени были обнаружены не характерные для XX века предметы. Выезд на место находок показал почти полную разрушенность предшествующих культурных слоев в результате строительства блиндажей, окопов и иных укрепленных пунктов в 1918-1919 гг. В результате, место конкретной находки не всегда может быть точно установлено, что затрудняет введение артефакта в археологический контекст. Однако, нахождение на одной территории многочисленных наконечников стрел и иных предметов однозначно позволяет говорить о расположении здесь населенного пункта XIII-XIV вв. В основном были найдены именно наконечники стрел, причем их очень трудно типологически отделить от наконечников предмонгольского времени в силу традиционности этого предмета для местных кочевников.

Именно поэтому хочется обратить внимание на те наконечники стрел, которые были переданы в археологическую лабораторию университета. Они часто выделяются из массы археологических материалов тем, что являются материалом для определения времени бытования поселений, где при раскопках не выявлены нумизматические или иные датирующие находки, а также в том случае, когда собирается подъемный материал из разрушенного культурного слоя. Наконечники стрел являются также источником для реконструкции комплекса вооружения и развития приемов военных действий практически всей средневековой эпохи.

В наибольшей степени наконечники стрел этой эпохи сделаны из железа [*Руденко,* 2003, с. 13]. И в фондах хранения они как правило не составляют отдельных коллекций, а являются частью собрания того или иного археологического памятника, например, как в археологической лаборатории КГУ представлена коллекция артефактов с разведок деревни Дианово, и в эту коллекцию входит несколько наконечников стрел эпохи средневековья и вот описание некоторых из них:

Наконечник. Дротовый, прямоугольного сечения, с упором. Перо плоское, ромбической формы. Шейка коническая короткая. Черешок круглого сечения. Длина наконечника 65 мм, ширина 14 мм. Коррозия. Небольшая часть пера утрачена. Сохранность удовлетворительная. Использовался в качестве охотничьего и боевого средства. Если говорить о датировке наконечника, то, имеется в виду, конечно же, время отложения его в культурном слое, а не время и место его изготовления, исходя из этого можно предположить, что данный тип наконечника датируется по аналогиям XI-XII вв., так как некоторые разновидности этого типа употреблялись в Восточной Европе задолго до монгольского нашествия [*Медведев,* 1968, с. 53].

Наконечник. Дротовый, прямоугольного сечения, с упором. Перо треугольной формы (вильчатый срезень). Черешок круглого сечения. Длинна наконечника 73 мм, ширина 20 мм. Сохранность удовлетворительная. Использовался в качестве охотничьего средства. Такой наконечник относится к типу BVI по Г.А. Федорову-Давыдову. Стрелы данного типа известны в предмонгольских русских памятниках, в комплексах XI-XII вв. на Северном Кавказе, а также в Венгрии [*Федоров-Давыдов,* 1966, с. 28].

Наконечник. Дротовый, прямоугольного сечения, с упором. Наконечник имеет черешок квадратного сечения. Перо ромбической формы прямоугольного в нижней части и линзовидного в верхней части сечения. Шейка призматическая граненая, уплощенная в верхней части при переходе к перу. Длина 130 мм, ширина 17 мм. Коррозия. Возможно, небольшая часть пера утрачена. Использовался в качестве охотничьего и боевого средства. Наибольшую близость они обнаруживают с материалами археологических памятников, которые датируются IX-XIII вв. (до конца XVI в), поэтому условной датой можно считать это время. [*Руденко,* 2003, с. 394]

Наконечник. Дротовый, прямоугольного сечения, с упором. Перо плоское, ромбической формы. Коррозия. Сохранность удовлетворительная. Использовался в качестве охотничьего и боевого (?) средства. Аналогичный ему датируется по материалам памятника Западного Закамья X-XIII в. [*Руденко,* 1997].

Наконечник. Дротовый, прямоугольного сечения, с упором. Перо плоское, имеет фигурную форму. Коррозирован. Сохранность удовлетворительная. Использовался в качестве охотничьего и боевого средства. Данный наконечник относится к типу BXIII по Г.А. Федорову-Давыдову, аналоги которых увязываются со второй половиной XIII – XIV в. [*Адамов,* 2002. с. 15; *Федоров-Давыдов,* 1966. с. 27-28].

Несмотря на более ранние аналоги большинства наконечников, следует обратить внимание, что вместе с ними найдены фрагменты четырех чугунных котлов. Есть веские основания считать, что чугунные предметы были привнесены в наш регион из Средней Азии или Поволжья как составная часть материальной культуры Золотой Орды [*Рязанов,* 2008, с. 167], где они изготавливались в XIII – первой половине XIV вв.

Именно на основании этого и большинство наконечников стрел можно относить к золотоордынской эпохе, а также говорить о возможном выявлении у д. Дианово Белозерского района Курганской области нового памятника археологии этого времени.

Библиографический список

Адамов А.А. Тюркские древности Новосибирского Приобья / А. А. Адамов // Тюркские народы: материалы V Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 12–16

Маслюженко Д.Н., Ханов С.А. Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2016. С.69-76.

Маслюженко Д.Н., Чореф М.Ю. Новые находки монет золотоордынского времени на территории Курганской области // Поволжская археология. № 4 (22). 2017. С.175-189.
Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы и самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Е1–36. М.,
1968. 183 с.
Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII-XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: «Заман», 2003. 512 с.
Рязанов С.В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-2 (60). С. 159-167
Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. - М.: МГУ, 1966. - 275 с.

DIANOVA: IDENTIFICATION OF A NEW MONUMENT OF THE GOLDEN HORDE TIME IN THE MIDDLE PRITOBOLYE

E. Telminova

Kurgan state University, Kurgan
len-kuun@mail.ru

Academic supervisor – PhD D. Masliuzhenko

The article tells us about difficulties of studying The Golden Horde times caused by lack of material and written sources, findings of that period often random. Archeological artefacts collection was discovered exactly this way in Dianovo village, Belozersky district, Kurgan Oblast. They may become the base for uncovering the first treasure of The Golden Horde times on this territory and help to study this period on the Middle Pritobolye territory.

Keywords: The Middle Pritobolye, Dianovo, the Golden Horde, the arrowhead.

УДК 902

ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ КОННОГО ВОИНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

А.И. Шамгунов

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
istorik.543@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

Данная статья рассматривает некоторые элементы военного снаряжения конного воина Золотой Орды. В ней показывается значимость каждого отдельного элемента снаряжения, важность его взаимосвязи с другими элементами, создающими настоящую систему для надёжной защиты и успешного нападения.

Ключевые слова: Золотая Орда, военное снаряжение, конный воин, элемент, бой, система, верховое животное.

Снаряжение воина – одно из основных составляющих его шансов на победу в бою. Чем удобнее, практичнее, качественнее те или иные доспехи или виды снаряжения, тем выше вероятность того, что носитель всего вышеперечисленного сможет выжить в схватке и одержать верх над противником. В данной статье были рассмотрены элементы снаряжения золотоордынского конного воина. Вот примеры снаряжения боевого коня:

Удила, являющиеся частью узды, применяемые в качестве управления верховым животным с помощью поводьев. Их звенья имеют прямую форму и незначительно различаются по длине, разница которых составляет 1,1 см, а касательно стрежней – те сужались к месту

соединения, осуществляющееся соединением колец меньшего диаметра. На территории изученного Кирменского городища было найдено двое удил.

Кольца, которые являлись частью удил типа 1 с другими, подвижными, кольцами. Сечение имеет круглую форму, разница между ними составляет 0,8 см. Некоторые имеют в наличии солярный орнамент, из чего можно предположить, что пережитки язычества остались в описываемых элементах и после принятия ислама. Ременной соединитель, из образцов которого стоит отметить тройник или соединитель ремней типа 2б, датируемый X-XII вв., истоки которого находятся в памятниках Южного Урала и Западной Сибири. Колчанный крюк, относящийся к типу простых крючков с подвижным колечком, вид пластины которого был шириной 9 мм. и толщиной 4 мм. Верхняя часть пластинки оканчивается петлёй для продевания колечка, а нижняя – крючком с завершением в виде шарика. Колчанные крюки этого типа были широко распространены на территории Восточной Европы, Сибири, и известны как в домонгольское, так и в золотоордынское время. Стремена, являющиеся одной из главных частей, которые входили в состав седла. Они являются упорами для ног при использовании верхового животного, также в них возникает необходимость при вставании с седла и других манёврах, связанных с ним, являющихся частью верхового рукопашного боя. С данным явлением связано существование ряда гипотез, может быть, количество конных воинов уступало в количестве обычным пехотинцам. Население же Керменчука могло использовать мягкие сёдла без стремян, но, это могли быть петли, сделанные из органических материалов, но не стоит упускать из виду и то, что стремена из органических материалов существовали совместно с металлическими. [*Измайлов*, 2019, с. 128]

Сёдла, имевшие высокие луки и весящие до 4 килограмм, для предотвращения намокания во время дождя смазывались овечьим жиром. [*Тарнбул*, 2003, с. 26]

Переходя от снаряжения коня к снаряжения и воина, стоит отметить, что виды доспехов, используемых наездниками ордынцев, несмотря на свою простоту и лёгкость изготовления, были исключительно отличного качества, с помощью них была разбита не одна армия, сами же ордынцы приспособились к ним как нельзя лучше, что принесло им неоспоримую военную славу, страх и уважение остальных государств и армий.

Защитное снаряжение самого конного воина выглядело следующим образом:

Железный монгольский доспех, описанный у Плано Карпини, собирающийся из четырёх отдельных заготовок,соединяющихся пряжками, чья длина доходила от плеч до кистей и от шеи до бедра.

Панцирные пластинки, найденные на территории дворцов Восточного Забайкалья. При изготовлении панциря детали крепились либо ламинарным способом, либо связывались шнурками.

Шлем, бывший лёгким и кожаным, имевший прочный назатыльник, предохранявший от ударов сабли шею. [*Карасенко*, 2016, с. 40-59]

Таким образом, в данной статье показывается, насколько важен каждый элемент, как все перечисленные частицы дополняют друг друга, создавая при этом полноценную систему, которая предоставляет воину верхом почти все возможности для того, чтобы остаться в живых, в самом же бою эффективность описанного снаряжения уже зависела от способностей и умений всадника, применявшего это снаряжение. На поле все перечисленные элементы дополнял высокий боевой дух, превосходные навыки ведения боя, верховым животным и самим снаряжением, что делало из ордынского наездника грозную и непобедимую силу.

Библиографический список

Измайлов Д.Э. Элементы средневекового конного снаряжения из фонда музея археологии и истории Татарстана (постановка проблемы) // LI Урало-Поволжская археологическая конференция, Курганский государственный университет, 2019. С. 237.

Карасенко А.С. Характеристика вооружения монголо-татарских воск в период вторжения и пребывания их на русских землях в XIII-XIV вв. // НИУ «Бел ГУ », 2016. С. 117.

Тарнбул С. Армия Монгольской империи. М.: АСТ, 2003. 48 с.

MILITARY EQUIPMENT MOUNTED WARRIOR OF THE GOLDEN HORDE

A. Shamgunov

Naberezhnye Chelny state pedagogical University, Naberezhnye Chelny
istorik.543@gmail.com

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

This short article is written for the purpose of introducing the reader to some elements of the military equipment of the mounted warrior of the Golden Horde. In it, I would like to show how each individual, seemingly insignificant element is important to the rider.

Keywords: Golden Horde, military equipment, mounted warrior, element, combat, system, mount animal.

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ»

УДК 904, 908, 94

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФОРТИФИКАЦИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

М.А. Буевич

Самарский национальный исследовательский университет, Самара
Buevichm64mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. Э.Л. Дубман

Доклад посвящен рассмотрению истории изучения фортификации начала XVIII века на территории Самарской области, а именно Самарской, Алексеевской и Сергиевской крепостей, а также укреплений Новой Закамской линии. По итогам работы можно прийти к выводу, что данные сооружения изучены крайне мало, и что изучение их, в значительной степени археологическое, необходимо продолжать.

Ключевые слова: история изучения, фортификация, Самарская крепость, Новая Закамская линия.

Фортификационные сооружения первой трети XVIII в. в Самарской области представлены рядом объектов: это Самарская, Сергиевская и Алексеевская крепости и укрепления, так или иначе входящие в Новую Закамскую линию.

На протяжении конца XVI – начала XVIII в. крепость Самара играла роль пограничного пункта на Волге с прилежащей к ней освоенной территорией Самарской Луки. При этом земли на левом берегу Волги оставались, в основном, незаселенными, за исключением округи Самарской крепости. В самом конце XVII – начале XVIII в., с появлением необходимости колонизации этих земель и защиты оседлого земледельческого и промышленного населения, система укреплений здесь была усилена новыми укреплениями (Алексеевская крепость, а также Сергиевская с серными заводами и системой редутов, идущих от нее вдоль правого берега Сока до Волги). Деревянно-земляная крепость Самары, выгоревшая в пожаре 1703 г., была заменена земляной. Однако переселенное сюда население продолжало подвергаться набегам кочевников с юго-востока, в связи с чем в 1731–1736 гг. здесь создается т.н. Новая Закамская линия укреплений, состоявшая из вала, рва и засек, усиленных во многих местах крепостями, фельдшанцами и редутами. Линия начиналась от Алексеевска на р. Самаре. Ее планировалось довести до Мензелинска, однако линия укреплений завершается на р. Кичуй. В середине – начале второй половине 1730-х гг. в связи со строительством новой Самарской (Оренбургской) линии укрепления Новой Закамской потеряли свое значение и были заброшены.

История этих сооружений слабо освещена в работах историков. Самарская крепость описывалась деятелями Оренбургской экспедиции, например, П.И. Рычковым, в его «Топографии Оренбургской губернии» (1762 г.), где автор приводит основные сведения о системе укреплений и ее состоянии [*Рычков*, 1887]. Наиболее подробные сведения о Самарской крепости, ее укреплениях, роли и, в частности, проектах перестройки приводит Ф.Ф. Ласковский в своих «Материалах для истории инженерного искусства в России» (1856–1865 гг.), фундаментальном труде об истории фортификации в России до конца XVIII в. [*Ласковский*, 1865]. Из современных исторических исследований это статья А.К. Ширманова

© Буевич М.А., 2020

«Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI–XVIII веках» (1971 г.), где помимо истории крепости приводится подробная реконструкция системы укреплений [*Ширманов*, 1971], а также книга Р.Г. Букановой «Города-крепости юго-востока России в XVIII веке» (1997 г.), исследование, хотя и посвященное освоению Башкирии, но в значительной степени касающееся укреплений Самарского края [*Буканова*, 1997].

Новой Закамской линии повезло несколько больше. Лично осмотрели и описали укрепления сотрудники Оренбургской экспедиции П.И. Рычков (1762 г.) [*Рычков*, 1887] и его сын Н.П. Рычков (1770 г.) [*Рычков*, 1770], а также историк и офицер Генштаба М.И. Иванин, составивший первое специальное исследование по данной теме [*Иванин*, 1857]. Довольно подробное описание укреплений, истории их создания содержится в упоминавшемся труде Ф.Ф. Ласковского [*Ласковский*, 1865]. Далее до конца XX в. об укреплениях писали многие историки, однако их работы ограничивались лишь повторением уже известного материала. Подобная ситуация прерывается с началом исследований преподавателя Пензенского педагогического института В.И. Лебедева, лично осмотревшего и глубоко изучившего засечные черты XVI–XVIII вв. в Поволжье (1986 г.) [*Лебедев*, 2006]. Также о Новой Закамской линии пишут Р.Г. Буканова [*Буканова*, 1997], достаточно подробно рассматривая конструктивные особенности и гарнизоны линии, и Ю.Н. Смирнов, в своей монографии об Оренбургской экспедиции (1997 г.), в которой приведены интересные сведения о строительстве и значении укреплений [*Смирнов*, 1997]. Наиболее полной и подробной является монография Э.Л. Дубмана «Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство» (2005 г.). Его работа основана на значительном массиве архивных материалов и в ней подробно излагаются предыстория, строительство, судьба и значение данных укреплений [*Дубман,* 2005].

С началом XXI в. значительный вклад в изучение данных укреплений внесли археологические раскопки. Так, на Новой Закамской линии это работы 2001 г. под руководством П.П. Барынкина [*Дубман*, 2005, с. 189-193], в результате которых были получены данные об особенностях конструкции и стратиграфии укреплений, а также охранно-спасательных работ 2017 г. под руководством М.А. Турецкого на территории с. Красный Яр, результатом которых стало обнаружение остатков вала и рва, относящихся к укреплениям поселения ландмилиции – гарнизона линии [*Турецкий*, 2017]. В 2018 г. обследование Красноярской крепости и частичные раскопки проводили Д.А. Сташенков и М.А. Турецкий. На территории Хлебной площади в г. Самара раскопки происходили в 2013 г. (руководитель – Н.А. Лифанов) [*Лифанов*, 2013], 2014 г. (руководитель – П.Ф. Кузнецов) [*Кузнецов*, 2014] и 2017-2019 гг. (саратовские археологи, руководитель – Д.Д. Шмелев) [*Шмелев,* 2017]. Результатом первых двух экспедиций стало обнаружение и изучение массовых находок и остатков деревянных конструкций, датируемых началом XVIII в. Последние, очевидно, относятся к сооружениям Самарской земляной крепости либо зданиям, находившимся под защитой ее укреплений. К сожалению, дальнейшее изучение данного участка крепости является невозможным.

Таким образом, продолжение исследований, в том числе археологических, видится необходимым для более полного изучения данных укреплений, сыгравших в свое время немаловажную роль в присоединении к Российскому государству территорий Среднего Поволжья и их освоении.

Библиографический список

Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: «КИТАП», 1997.256 с.

Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 196с.

Иванин М.И. Описание Закамских линий//Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч.1. Кн. 2.

Кузнецов П.Ф. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Самара на территории выявленного объекта археологического наследия «Территория крепости 1706г.», на участке, ограниченном ул. Водников, ул. Крупской,ул. Князя Григория Засекина, по Открытому листу № 708 от 30 июня 2014 г.в 2014 г. Самара, 2016. 279 с.

Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. СПб, 1865. 3066 с.

Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.
Лифанов Н.А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок на территории городского округа Самара в границах ул.Водников, ул.Крупской, ул. князя Григория Засекина (объект культурного наследия регионального значения«Крепость и город Самара») в 2013г.по Открытому листу №1190 от 21 августа 2013 г. Самара, 2014. 135 с.
Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770гг. СПб, 1770. 202 с.
Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 437 с.
Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 190 с.
Турецкий М.А. Технический отчет о результатах проведения охранно-спасательного археологического обследования земельного участка, отводимого под объект «Проект планировки территории под объекты жилой застройки, социальной и инженерной инфраструктуры, расположенные на территории с. Красный Яр (с.п. Красный Яр), в границах земельных участков с кадастровыми номерами: 63:26:1903016:251, 63:26:1903016:257» в муниципальном районе Красноярский Самарской области в 2017 г. по Открытому листу №1547. 103 с.
Шмелев Д.Д. Технический отчет о выполненных археологических работах (раскопках) на объекте археологического наследия поселении «Старая Самара. Деревянные сооружения», возведенные не позднее середины XIX века», расположенного по адресу: г. Самара, Самарский район, площадь Хлебная». Саратов, 2017. 347 с.
Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI-XVIII веках// Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971.3-23 с.

HISTORY OF THE INVESTIGATION OF FORTIFICATION OF THE EARLY18th CENTURY IN THE SAMARA REGION

M. Buevich

Samara University, Samara
Buevichm64@mail.ru

Academic supervisor – professor E. Dubman

The article is devoted to the history of studying the fortification of the early18th century in the Samara region, namely Samara, Alekseevskaya and Sergievskaya fortresses, as well as fortifications of The Novaya Zakamskaya line. According to the results of the work, it can be concluded that these structures have been studied very little, and that the study of them, to a large extent archaeological, it is necessary to continue.

Keywords: history of study, fortification, Samara fortress, Novaya Zakamskaya line.

УДК 902/908

СЕЛИЩЕ ЛУЧИНЫ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

К.А. Девятова

Вятский государственный университет
devyatova_kseniya@mail.ru

Научный руководитель – А.О. Кайсин

Статья обобщает итоги исследований селища Лучины XVIII – первой половины XX вв., располагающегося в Слободском районе Кировской области. Археологические исследования данного селища осуществлялись в 2017–2019 гг. В статье рассматриваются письменные

© Девятова К.А., 2020

источники, содержащие информацию о селище, а также описаны находки, характеризующие быт местного населения.

Ключевые слова: археология, селище Лучины, письменные источники, Слободкой район, Кировская область.

Слободской район – муниципальный район на севере центральной части Кировской области. Селище Лучины впервые было обнаружено в мае 2017 г. сотрудниками «Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области» в результате археологической разведки по маршруту прокладки ВОЛС. Обследованию подверглась местность на территории Слободского и Юрьянского районов, между деревнями Подгорена и Подгорцы. В ходе обследования территории урочища было найдено большое количество фрагментов гончарной керамики XVIII–XIX в. и обломки дореволюционных кирпичей.

В 2017 г. было заложено 8 шурфов. В результате археологических исследований удалось выяснить, что культурный слой составляет 0,2–0,45 м. [*Археологическая разведка*, Электронный ресурс]

Впервые о селище упоминается в 1710 г. в «Переписной книге города Хлынова и Вятского (Хлыновского) уезда переписи стольника Степана Даниловича Траханиотова», именуется как «Полдеревни, что была пустошь Шиловская». В 1710 году там насчитывался один двор, на котором проживало 3 человека. [*Переписная книга* 1710 г.]

По «Спискам населенных мест Вятской губернии 1859–1873 гг.» числилась пустошью Шиловской (Лучины). Было в ней 3 двора с числом жителей 25 человек (11 мужчин, 14 женщин). Деревня находилась на Ношульской проселочной дороге. [*Списки населенных мест* 1859–1873 гг.]

Далее в «Списках населенных мест Вятской губернии по переписи населения 1926 г.» деревня носит название Лучины. На 1926 г. в деревне числилось 13 крестьянских хозяйств, в которых проживало всего 56 человек (23 мужчин, 33 женщин). [Перепись населения 1926 г.]. Уже во второй половине XX в. д. Лучины прекратила свое существование.

Селище Лучины расположено на водораздельном участке в 900 м. к востоку от с. Бобино Слободского района Кировской области. В 2019 г. археологические раскопки этого селища были проведены впервые. Общая площадь исследований составила 24 м^2. Мощность исследовательский напластований составила до 66 см (в ямах – до 73 см). Основным слоем является темно-коричневый суглинок, который насыщен вещественным материалом.

В результате археологических раскопок селища Лучины в 2019 г. было обнаружено 153 находки. Были найдены фрагменты глиняной посуды (фрагменты венчика, стенок), фрагменты костей животных. Выявленный массовый материал датируется XVIII–XIX вв.

Фрагменты керамики представляет собой поздние образцы гончарного производства, которые можно разделить на три категории:

1) Русская сероглиняная керамика, встречающаяся в местных слоях с XVII по XIX в. Общее количество фрагментов – 23.

2) Красноглиняная посуда, не лощёная, достаточно часто встречающаяся в городских и сельских слоях XIX в. Общее количество фрагментов – 5.

3) Поливная, обычно имевшая зеленый цвет. Полива светло-зеленая, реже – желтая, очень редко – коричневая. Она была популярна в регионе на рубеже XIX–XX вв.Общее количество фрагментов – 49.

В ходе раскопок была обнаружена 51 индивидуальная находка. Наиболее часто встречаемым материалом, обнаруженным в результате работ, являлись гвозди кованые – 27 ед., фрагменты конской упряжи – 7 ед., монеты – 4 ед. и изделия из железа – 4 ед. Выявленный индивидуальный материал датируется XVIII–XIX вв., за исключением двух серебряных монет (10 коп. 1901 г. и 20 коп. 1923 г.) [*Старков,* 2019].

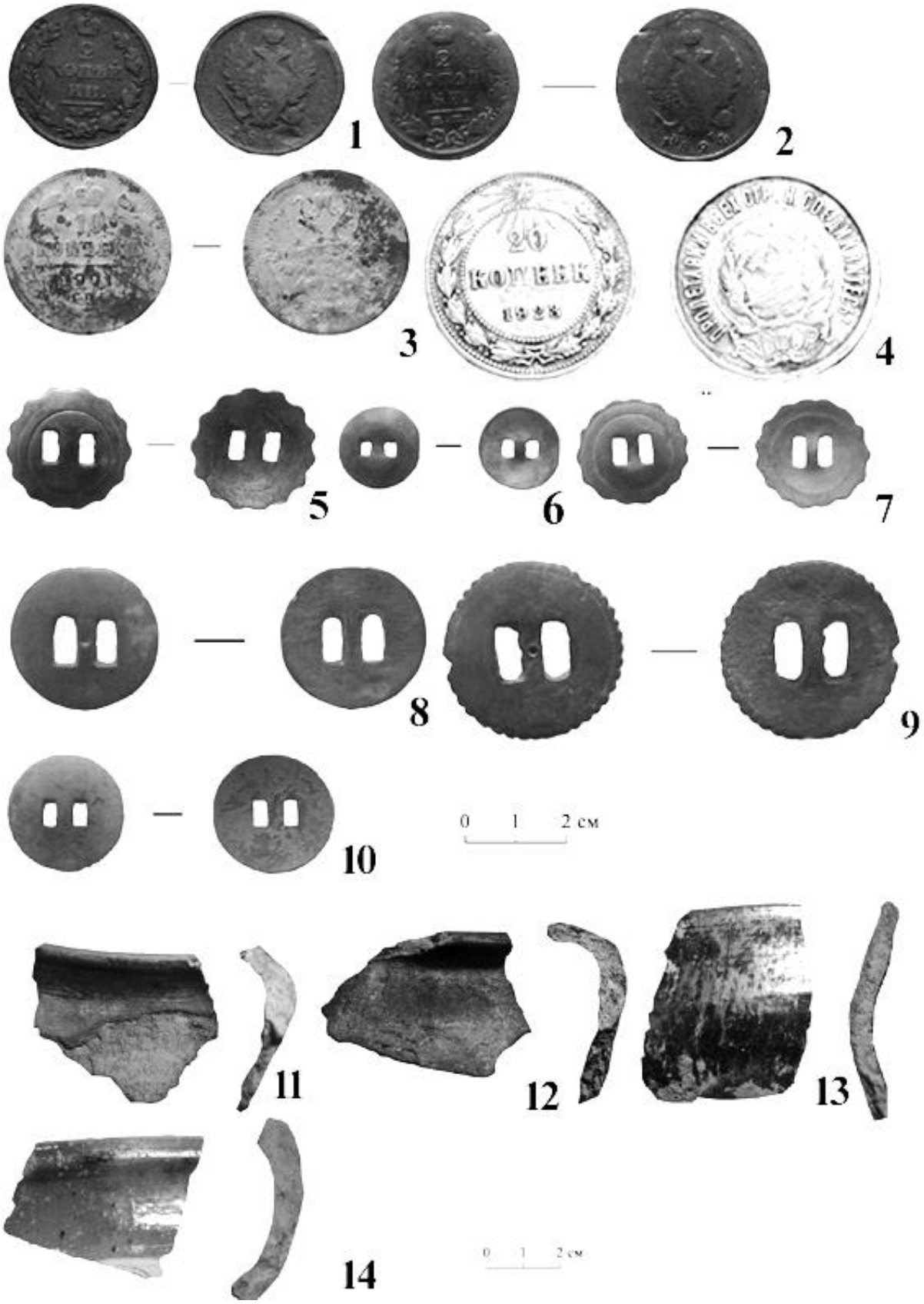


Рисунок 1. 1 – монета 2 коп. (1818 г.); 2 – монета 2 коп. (1824 г.); 3 - монета 10 коп. (1901 г.); 4 – монета 20 коп. (1923 г.); 5–10 фрагменты конской упряжи; 11–14 фрагменты венчиков.

В ходе работ на селище Лучины было обнаружено 4 монеты XIX–XX вв.

2 копейки 1818 года. Выпуск – Екатеринбургский монетный двор. На монете присутствуют инициалы минцмейстера Франца Германа.

2 копейки 1824 г. Выпуск – Екатеринбургский монетный двор. На монете присутствуют инициалы минцмейстера Петра Грамматчикова.

10 копеек 1901 г. Выпуск – Санкт-Петербургский монетный двор. На монете присутствуют инициалы минцмейстера Александра Редько.

20 коп. 1923 г. Выпуск – Петроградский монетный двор.

Фрагменты конской упряжи представляют собой литые и штампованные из бронзовых сплавов бляхи – пуговицы, круглой формы, с гладким или зубчатым краем. Ими обшивались ремни, седла и другие части упряжи. Диаметр найденных блях от 1,5 см до 3 см.

Гвозди кованые. Конструкция гвоздя состоит из трех элементов, соединенных между собой. Первый элемент – это жало в форме конуса или правильной пирамиды. Второй элемент – тело гвоздя, третий – шляпка. Все кованые гвозди можно поделить на две большие категории трехгранные (11 ед.) от 3 до 7 см и четырехгранные (16 ед.) от 3 до 14 см.

В результате проведенных археологических полевых исследований на территории бывшей д. Лучины Слободского района Кировской области можно сделать следующие выводы:

1. Основным слоем является темно-коричневый суглинок, который насыщен вещественным материалом.

2. Выявленный вещественный материал вполне типичен для селищ Нового времени и датируется XVIII–XIX вв., что укладывается в датировки памятника. За исключением 2 серебряных монет (монета номиналом 10 коп. 1901 г. и монета номиналом 20 коп. 1923 г.).

3. Анализ вещественного материала и его распространение позволили определить, что заложенный раскоп затронул хозяйственную постройку.

4. В ходе визуального осмотра всей территории памятника следов несанкционированных работ обнаружено не было.

Таким образом, материалы настоящего исследования являются ценным источником для изучения истории Слободского района Кировской области и позволяют определить план дальнейших работ на данном памятнике археологии на следующий полевой сезон.

Коллекция материалов, полученных в результате археологических раскопок, была передана на хранение в музейные фонды НИ археологической лаборатории ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет».

Библиографический список

Археологическая разведка на территории Слободского и Юрьянского районов Кировской области [Электронный ресурс] URL: http://okn43.ru (дата обращения: 18.10.2019)

Переписная книга 1710 г. города Хлынова и Вятского уезда переписи стольника Степана Даниловича Траханиотова // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 1077 об.

Перепись населения 1926 г. Вып. VIII. Список населенных мест Вятской губернии. Вятский уезд. Вятка, 1927. С. 17.

Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859-1873 гг. Т. X. Вятская губерния. СПб, 1876. С. 35.

Старков Р.Л. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «селище Лучины, XVIII–XIXвв.» на территории бывш. дер. Лучины Слободского района Кировской области// Фонды НИ археологической лаборатории ВятГУ.

THE SETTLEMENT LUCHINY ACCORDING TO WRITTEN SOURCES AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

K.Devyatova

Vyatka State University, Kirov
devyatova_kseniya@mail.ru

Academic supervisor – A. Kaisin

The article summarizes the results of studies of the settlement Luchiny18 - early20th centuries, located in the Sloboda district Kirov region. Archaeological research of this settlement was carried out in 2017–2019. The article discusses written sources containing information about the village, as well as describes the artefacts that characterize the life of the local population.

Keywords: archaeology, settlement Luchiny, written sources, Slobodka district, Kirov.

УДК 902.2

ДОБЫЧА МЕДИСТЫХ ПЕСЧАНИКОВ НАСЕЛЕНИЕМ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛЕДНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В.Ю. Кельсин, А.М. Емельянов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь
kelsinv@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. Г.П.Головчанский

Предметом исследования являются рудники, связанные с добычей медистых песчаников. На основе анализа письменных и археологических источников выдвигается теория о связи нового памятника археологии «Дурино I, рудник» с деятельностью Пыскорского медеплавильного завода. Прикамье богато месторождениями медистых песчаников. Археологами обнаружено большое количество предметов, связанных с медеплавильным производством. Среди них обломок тигля для плавки меди, очаги для плавки меди, обломки руды, литники и т.д. Однако места добычи медной руды систематическому изучению не подвергались до сих пор.

Ключевые слова: рудники, население Верхнего Прикамья, Пыскорский медеплавильный завод, медистый песчаник,

Медистые песчаники Прикамья распространены в виде полосы, тянущейся вдоль западного склона Урала. Вполть до середины XVIII века эта горная порода являлась основным источником меди в России. Медные руды локализованы среди нижних горизонтов уфимского яруса (шешминская свита) [*Чайковский, Харитонов,* 2009].

В промышленных масштабах в Верхнем Прикамье медистые песчаник стали добывать в нач. XVII века. Первое значительное месторождение медистого песчаника в Русском государстве было обнаружено в 1617 году строгановским холопом Яковом Литвиновым в Григоровой горе вблизи города Соликамска. Центром медной индустрии стал Пыскорский медеплавильный завод, построенный к 1635 г. близ Пыскора. Завод в основном использовал руду с Григорьевского и Кужгортского рудников. Однако, запасы данных рудников быстро скудели, а производственные мощности медеплавильных заводов росли. Отчего периодически предпринимались попытки поиска новых месторождений. Так, сохранился чертеж от 17 июля 1807 г. двух рудников на реке Толыч, переданных Пыскорскому заводу [*Бушмакина, Корчагин,* 2018]. Данные рудники находятся в непосредственной близи к Дурино I, рудник, менее 2 км. Оба объекта располагаются в пределах 20 км от завода, что соответствует средней дистанции между территорией добычи руды и местом её переплавки в XVIII-XIX в. [*Харитонов,* 2011]. Пыскорский завод окончательно завершил свое существование в 1829г. в связи с истощением рудников. Перед закрытием были осуществлены безуспешные поиски новых месторождений.

В октябре 2019 г. отрядом КАЭ ПГНИУ, в процессе разведочных работ в г. Березники, Пермский край, был обнаружен объект археологического наследия, получивший название «Дурино I, рудник». в 580 м к юго-востоку от р. Толыч и 890 м к западу от р. Коновалиха, на ровной, с небольшим уклоном к северо-западу, заросшей смешанным лесом площадке. Участок, занятый объектом, подпрямоугольный в плане, общей площадью 32842 кв.м.

© Кельсин В.Ю., Емельянов А.М., 2020

Площадка характеризуется большим количеством задернованных ям-впадин и траншей. Ямы-впадины почти круглые в плане глубокие котлованы средним диаметром 2,5 м, глубиной 0,3 – 1 м от поверхности земли. В своей массе ямы-впадины окольцованы отвалами. Обращаясь к характеру обнаруженных выработок, стоит заметить схожесть с древними горными рудниками Чечулихинского Салаирского прииска [*Савельева, Герман,* 2014]. Подобные выработки относятся к типу разносов – наземных неглубоких выработок.

Для определения характера ям-впадин и определения их назначения был разбит Шурф № 4 (4х4м.). Уже в слое подзола были обнаружены фрагменты горной пароды. Методика добычи руды привела к последующему осыпанию верхних слоев внутрь, что хорошо видно в стратиграфии. Проходчики, вероятно, подрывались в стенки, в те места, куда уходила жила медистого песчаника. Впоследствии своды обрушились, и таким образом, сохранившиеся участки подзола оказались на сравнительно большой глубине. – до 1 м. В шурфе были найдены многочисленные фрагменты поднятого с глубины песчаника и медистого песчаника. Шурф был законсервирован на слое, связанном с горной породой. Шурфы, разбитые между ямами-впадинами, не содержат признаков культурного слоя и археологических предметов, что можно объяснить характером самого археологического объекта. На территории рудников не было долговременных поселений; деятельность человека возможно зафиксировать только в карьерах и ямах самих разработок. На основании письменных источников и геоморфологии объекта, к Выявленный памятник является рудными выработками Пыскорского медеплавильного завода, и имеет хронологические границы XVIII – первая половина XIX в.

Учитывая слабую археологическую изученность горнозаводской промышленности Верхнего Прикамья, последующие изучение данного объекта и его связей с Пыскорским медеплавильным заводом сможет пролить свет на ранее неизвестные факты о рудном промысле в целом, быте горняков, технологиях добычи, а также способствовать развитию индустриальной археологии.

Библиографический список

Бушмакина Ю.В., Корчагин П.А. Рудники Пыскорского медеплавильного завода. Усолье, 2018. 158 с.
Савельева А.С., Герман П.В. Древние горные выработки Чечулихинского Салаирского прииска. Вестник Кемеровского государственного университета. 2014; С.87-92.
Харитонов Т. Пермская медь и ее истоки. [Электронный ресурс] URL: https://uraloved.ru/geologiya/uralskaya-med/istoriya-permskoy-medi (дата обращения: 20.10.2019).
Чайковский И.И., Харитонов Т.В. Медистые месторождения. В кн. Геологические памятники Пермского края. Энциклопедия. Пермь, «Книжный двор», 2009. 248 с.

EXTRACTION OF THE COPPER SANDSTONES BY THE POPULATION OF THE UPPER KAMA REGION ON THE BASIS OF THE LATEST ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

V.Kelsin, A. Emelyanov

Perm state national research University, Perm
kelsinv@gmail.com

Academic supervisor– PhD G. Golovchansky

The subject of research are mines associated with the extraction of copper sandstones. On the basis of the analysis of written and archaeological sources the theory is put forward of the connection of the new archaeological monument "Durino I, mine" with the activities of the Pyskor copper smelter. The Kama region is rich in deposits of copper sandstones. Archaeologists have discovered many things associated to copper smelting. Among them are a crucible chip for melting copper, foci for melting copper, fragments of ore, sprues, etc. However, the extraction of copper ore has not been systematically studied until now.

Keywords: mines, population of the Upper Kama region, Pyskor copper-smelter, copper Sandstone.

УДК 902/904(571)

СЕВЕРНОЕ ВЛИЯНИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ БАРАБИНСКИХ ТАТАР

И.В. Рюмин
Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск
irv12345@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. И.А Дураков

В статье автор рассматривает влияние таежных народов юго-западной Сибири на погребальный обряд барабинских татар в период позднего средневековья и раннего нового времени. Анализируются такие иннокультурные проявления, как погребения в лодках и в ямах в форме лодок, следы тризны в курганных насыпях, человеческие жертвоприношения, погребальный инвентарь. Среди последнего выделяются хантыйские изделия, характеризующиеся наличием солярной символики, и селькупские предметы вооружения. Особое внимание уделяется этнографическим параллелям, так как материальная культура сибирских народов обладает большой устойчивостью. Делается вывод о многокомпонентности этнического состава барабинской лесостепи в эпоху нового времени.

Ключевые слова: Археология, средневековье, барабинские татары, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь, погребальный обряд, иннокультурное влияние.

Погребальный обряд как сложное многогранное явление несет в себе черты изменений, происходящих в обществе. Эта связь находит свое отражение в материальной культуре в виде артефактов, которые, в свою очередь, позволяют получить представление об идеологии и социальном устройстве общества, об его духовной жизни, что является особенно актуальным в условиях отсутствия или недостатка иных источников. Последняя ситуация как раз относится к вопросу изучения барабинских татар – одной из групп сибирских татар, населяющей территорию Барабинской низменности начиная, по меньшей мере, с XVII в. н. э.

Исследования в данном направлении особенно активно проводились в 70-90-хх годах прошлого столетия новосибирскими учеными. Результатом многолетних раскопок стало исследование таких некрополей эпохи позднего средневековья и раннего нового времени, как Абрамово-4, Абрамово-10, Заречно-Убинское, Малый Чуланкуль-1, Преображенка-3 и Сопка-2/14. Погребальный обряд населения, оставившего данные памятники, оказался крайне неоднородным: на одном и том же могильнике сочетаются элементы как местные, барабинские, так и иннокультурные, что является свидетельством нахождения барабинских татар на периферии зон культурных контактов и значительном внешнем влиянии, оказываемом на них.

Обратимся к материалам Абрамово-10. Погребение № 48 имеет могильную яму, по своей форме напоминающей лодку. На территории Новосибирского Приобья подобные захоронения присутствуют в могильнике Крохалевка-5 и датированы монгольским временем [*Марченко, Гришин, Понедельченко,* 2017]. Одно из таких захоронений кургана 75 содержит носовую часть лодки-долбленки в виде массивного деревянного клина. Лодки подобной конструкции реконструируются по этнографическим источникам и связываются с угорскими народами [*Лукина,* 1985, с. 86]. В Нижнем Приобье калданка появилась не позднее XII в. [*Литвиненко*, 2005, с. 90], и не изменила своей конструкции вплоть до этнографической современности. Она представляла собой составную лодку: на долбленую центральную часть нашивались дополнительные борта. Изготавливалась, как правило, из осины или кедра, зачастую для дна-основы и нашитых бортов использовался разный материал [*Лукина*, 1985, с. 89].

Замещение предмета (лодки) его подобием (формой могилы) можно объяснить географическим фактором: на территории лесостепной зоны отсутствует кедр, обычно используемый для изготовления центральной части калданок. Вероятно, пришлое с севера население принесло с собой какое-то количество лодок, одна из которых и находилась в

© Рюмин И.В., 2020

Кротово-15. В остальных же случаях население было вынуждено прибегнуть к имитации. Ведь в погребальном обряде первостепенное значение имеет семантика предметов материальной культуры, а не их практическая составляющая. Следовательно, могила в форме лодки, по представлениям о загробном мире, была столько же полезна покойнику при инициации, сколько и лодка настоящая.

В кургане 5 могильника Малый Чуланкуль-1 прослеживаются элементы ритуального убийства, не характерные для тюркских народов. В то время как случаи человеческих жертвоприношений зафиксированы у остяков даже в XVI-XVII вв. [*Бахрушин*, 1955]. Ритуальное убийство включало в себя отчленение конечностей по эпифизам берцовой или большой лучевой кости, отрубались кисти рук и стопы ног. Шейные позвонки погребенных находились в неестественном положении и были существенно повреждены, что может свидетельствовать о насильственной смерти через удушение. Между ребер и поясничных позвонков встречались глубоко вошедшие наконечники стрел.

В женском погребении №64 Абрамово-10 был обнаружен специфический скобель с деревянной рукоятью. Скобели данного типа относятся к женским орудиям труда и известны только у васюганских хантов [*Кулемзин, Лукина,* с. 77]. Из этого же погребения происходят круглые бляшки с солярной символикой. Такие же бляшки были найдены в южнохантыйском могильнике Кыштовка-2 [*Молодин,* 1979]. Из этого же некрополя происходят аналогии серебряному изображению птички с распростертыми крыльями на колчане из погребения №46 Абрамово-10. Данная фигурка сильно стилизована и декорирована вставками цветных камней. Вся поверхность изделия покрыта гравированными линиями, образующими радиальные узоры.

К предметам таежного происхождения относятся и сложные селькупские луки, отличающиеся отсутствием усиливающих костяных деталей. По Остяцкому эпосу было выявлено, что кибить подвергалась интенсивной смоловке, благодаря чему эти артефакты хорошо сохранились до наших дней [*Пелих,* 1972, с. 19]. Луки подобной конструкции являются наиболее оптимальными для районов с резкими температурными перепадами, с крайне холодным и влажным климатом [*Медведев,* 1966, с. 14]. Стоит отметить, что указанный выше колчан с изображением птицы из Абрамово-10 обнаружен вместе с таким оружием. С этого могильника интересен лук с металлической скобой, петлеобразно охватывающей верхнюю часть рукояти. Подобные луки относятся к западносибирскому типу таежной полосы [*Симченко,* 1976, с. 133].

Другим связующим с таежным миром признаками является «наземное захоронение» – погребение на материке и деревянные обкладки. Деревянные обкладки известны в Причулымье, по мнению исследователя они связаны с погребальной практикой селькупов [*Дульзон,* 1955]. Сосуд на уровне материка погребения №58 Абрамово-10 подобен найденным в селькупских могильниках [*Могильников,* 1988, с. 351].

Письменные источники раннего нового времени свидетельствуют о проникновении южных групп хантов в северную часть Барабинской лесостепи. Сюда же из районов Томского Приобья проникают селькупские группы. Таким образом, самодийские народы оказывают влияние на тюркоязычное южное население [*Молодин, Соболев, Соловьев,* 1990]. По мнению исследователей, элементы погребальной обрядности барабинских татар говорят о сочетании традиций, в первую очередь, тюркского местного компонента, а затем самодийского и угорского.

Таким образом, влияние северных народов, а именно самодийцев (селькупов) и обских угров (хантов и манси), оказалось существенным. Оно проявилось в следующих элементах погребального обряда, прослеженных на памятниках барабинских татар: появлении погребений в форме лодки, человеческих жертвоприношений, предметов, характерных для угров и самодийцев. Большая часть таких артефактов обнаружена в Абрамово-10. Это подтверждает тезис исследователей о многокомпонентности этнического состава населения, оставившего данный могильник [*Молодин, Соболев, Соловьёв,* 1990]. В пользу данного суждения говорит наличие погребений, совершенных по хантыйскому обряду, а также нахождение селькупских сосудов.

Библиографический список:

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Научные труды. Т. III. М.: АН СССР, 1955. 151 с.
Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI-XVIII вв. у с. Молчанова на Оби // Учен. Зап. ТГПИ. Т. 13-14. Томск, 1955.
Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX в. Томск, 1977. 208 с.
Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985. 364 с.
Литвиненко М.Н. Время возникновения лодок «калданок» // Материалы XIII Зап.-Сиб. археол.-геогр. конф. Томск, 2005. С. 89-90.
Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. М., 1966. 182 с.
Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: Фино-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. 512 с.
Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.
Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 183 с.
Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Понедельченко Л.О. Погребальные комплексы монгольского времени // Сессия ИАЭТ СО РАН. Т. XXIII. Новосибирск, 2017. С. 349–353.
Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.
Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Азии. М., 1976. 311 с.

NOTHERN INVASION IN THE BURIAL RITUAL ON THE BARABA'S TATAR

I. Riumin

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk
irv12345@mail.ru

Academic supervisor - PhD I. Durakov

In the article, the author considers the influence of the taiga peoples of southwestern Siberia on the funeral rite of the Baraba's Tatars in the late Middle Ages and early Modern. Analyzed are such cultural manifestations as burials in boats and in pits in the form of boats, traces of trident in burial mounds, human sacrifices, and funerary equipment. Among the latter, Khanty items are distinguished, characterized by the presence of solar symbols, and Selkup weapons. Particular attention is paid to ethnographic parallels, since the material culture of the Siberian peoples is very stable. Conclusions are drawn about the multicomponent ethnic composition of the Baraba forest-steppe in the era of modern times.

Keywords: Archeology, the Middle Ages, the Baraba's Tatars, the Baraba forest-steppe, Western Siberia, the funeral rite, the foreign cultural influence.

УДК 902/904

СПЕЦИФИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДКОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Л.А. Садыкова

Тюменский государственный университет, Тюмень
luciya75@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Ткачёв

В данной работе представлены особенности и результаты археологического изучения городков позднего средневековья на территории севера Западной Сибири. Основное внимание уделяется общим тенденциям в процессе накопления археологических данных о русских городках.

Ключевые слова. Специфика, русская археология, археология города, острог, Мангазея, Старотуруханск, Надым, Березов, Обдорск, Сибирь.

В последние годы активно обсуждается процесс освоения Арктики. Содержание периода не может быть раскрыто без изучения его начального этапа, связанного с основанием и развитием городков и острогов. Так возникла необходимость реконструкции историко-культурных особенностей русского позднесредневекового города Сибири в археолого-историческом контексте. С 1920-х гг. все проводимые на севере Западной Сибири археологические исследования разворачивались в русле парадигмы «северной героики», т.е. работы небольших групп археологов, которые действовали на свой страх и риск. Так В.Н. Чернецовым в 1946 г. сделано первое обобщение древностей севера Западной Сибири. Эпоха «больших проектов» (1990-2000-е гг.) характеризуется масштабными обследованиями территории, многолетними раскопками памятников, публикациями археологических источников. [*Федорова,* 2016].

Начало изучения средневекового периода севера Западной Сибири можно связывать с серединой XIX века. Первым памятником эпохи позднего средневековья было городище Мангазея, место положения установила в 1862-1864 гг. экспедиция Ю.И. Кушелевского [*Брусницына*, 2000]. Первую попытку изучения Мангазеи предпринял в августе 1914 г. И.Н. Шухов, биолог из г. Омска. Путешествуя по р. Таз, он побывал на месте Мангазейского городища и произвел первые раскопки. Первыми археологами, побывавшими на руинах Мангазеи, были В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская. Осенью 1946 г. они добрались до городища. Ученые ограничились составлением полевой карты и сбором подъемного материала – гончарной керамики и обломков различных бытовых предметов. Планомерные раскопки начались в 1968 г. и продолжались на протяжении четырех полевых сезонов. Раскопки Мангазеи вела археологическая экспедиция Арктического и антарктического научно-исследовательского института под руководством М.И. Белова, в состав которой входили сотрудники Института археологии АН СССР О.В. Освянников и В.Ф. Старков [*Низовский,* 2002]. Сведения об облике поморского Тазовского городка были получены ими при раскопках Мангазеи в 1968-1973, 1980, 1981 гг. На исследованной площади городища были вскрыты остатки пяти построек этого поселения, домангазейский возраст которых подтверждается как стратиграфией, так и данными дендрохронологического анализа. Возраст этих сооружений лежит в пределах от 1572 до 1594 гг. [*Старков,* 1998].

В 1593 г. была основан город Березов. Первая попытка обнаружения остатков Березовской крепости была предпринята в 2004 г. экспедицией НПМП «Волот» (г. Екатеринбург) под руководством А.В. Ермоленко. Обозначены фрагменты нескольких досок и бревен «неких сооружений», линза кирпичной крошки и битого кирпича и скопление кирпичной гальки. По мнению автора раскопок, это остатки «сооружений Березовской крепости, погибшей в пожаре начала XIX века». Так, сооружения конца XVI-XVIII вв. выявить не удалось, хотя некоторые находки (например, сапожные подковки и судовые скобки) могли относиться и к этому времени [*Визгалов, Пархимович,* 2008].

Первые стационарные раскопки Обдорского острога проведены в 1946 г. В.Н. Чернецовым, исследованная площадь составила 40 м^2. В 1938 г. экспедиция Омского областного музея в составе А.Ф. Палашенкова, Д.С. Суслова и Г.П. Белозерова произвела сбор археологических материалов. Обнаружена керамика, в т.ч. орнаментированная, точильные бруски, поделки из кости и мелкие поделки из железа позднего происхождения. В 1946 г. небольшие разведочные работы на Обдорском холме провела экспедиция под руководством В.Н. Чернецова. Памятник получил название стоянка Салехард I [ООО «Северная археология-1», 2017].

В 2004-2005 гг. на территории Обдорского городка были проведены археологические раскопки экспедицией НПО «Северная археология-1» под руководством О.В. Кардаша. Найдены остатки жилых построек и сооружений, изделия из металла, бересты, рога и кости животных. Обнаружены остатки дома размером 8×8 м с центральным очагом и связанные с ним

сооружения и укрепления. Время функционирования предварительно определено в пределах XVI-XVIII вв. [ООО «НПО «Северная археология-1», 2017].

С 1998 г. ведутся раскопки в Надымском городке, под руководством О.В. Кардаша. В коллекции более 15 000 предметов, представляющих около 250 категорий вещей. Городок основан в конце XII в. и существовал до 1731 г. В XVII-XVIII вв. он был резиденцией вождя военно-политического объединения нескольких территориальных общин, которое в официальных документах XVII в. именовалось Большая Карачея. На сегодня это комплекс, наиболее полно представляющий материальную культуру аборигенов севера Западной Сибири конца XV – первой трети XVIII вв. [*Кардаш,* 2009].

Начиная с 2007 г. сотрудники НПО «Северная археология-1» организовывают комплексные исследования Старотуруханска. В 2013 г. экспедиция прошла на месте предполагаемого расположения Туруханского кремля. Археологи обнаружили руины жилого дома конца XVIII века. Большинство находок было обнаружено во время раскопа нижнего слоя. В основном это вещи XVII века. Руководитель раскопок М.А. Рудковская отмечает, что найденные во время экспедиции костяные гребешки, расчески и заготовки изделий подтверждают развитие в Новой Мангазее местного косторезного производства из ископаемого бивня мамонта. Из всех находок самой уникальной, по мнению археологов, стала берестяная грамота на древнерусском языке. Обнаруженная реликвия является первой берестяной грамотой, датирующейся концом XVII века, найденной в Енисейском крае [*Темина,* 2013].

Археологической экспедицией ИПОС СО РАН в 2005 г. в ходе полевых работ на левобережье Енисея открыто и частично исследовано поселение-острожек Большая Хета. В раскопе и на склоне мыса собраны разнообразные материалы (изделия из железа, меди, стекла, кости), характеризующие многие стороны жизнедеятельности русского населения. Время существования поселения Большая Хета охватывает XVII – начало XIX в. [*Ткачев, Багашев, Волков,* 2006].

Таким образом, север Западной Сибири остается малоизученным. Однако, комплексное исследование территорий, включающее выявление и анализ памятников археологии, культуры аборигенного населения пополняют информационную базу уже сегодня. Исследования сосредоточены на периоде позднего Средневековья и нового времени, связанном с историей современного населения региона. Начато систематическое изучение русских северных городов и острогов XVI-XVIII вв.: Мангазеи, Берёзова, Старотуруханска. Параллельно ведутся раскопки таких поселений коренного населения, как Надымский, Обдорский городок, планируется дальнейшее изучение Хетского острожка.

Библиографический список

Брусницына. А.Г. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г.». Салехард, 2000. С. 32-48

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища [Электронный ресурс] URL:http://ostrog.ucoz.ru/publ/v/vizgalov_g_p_parkhimovich_s_g/arkheologicheskie_issledovanija_berezovskogo_gorodishha/90-1-0-135 (Дата обращения: 28.10.19)

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург-Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2009. — 360 с.

Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Том II. Россия и Северо-Восточный проход. [Электронный ресурс] URL: https://statehistory.ru/books/Vadim-Starkov_Ocherki-istorii-osvoeniya-Arktiki--Tom-II--Rossiya-i-Severo-Vostochnyy-prokhod-/8 (Дата обращения 30.10.19)

Статья ООО «НПО «Северная археология-1» Раскопки Полуйского городка [Электронный ресурс] URL: http://археологиясевера.рф/ (Дата обращения 30.10.19)

Темина А. Берестяные грамоты России, Озерск, 2013 [Электронный ресурс] URL: http://ozersk74.com/index.php?newsid=15495 (Дата обращения 30.10.19)

Ткачев А. А., Багашев А. Н., Волков Е. Н. Поселение русских землепроходцев Большая Хета в Красноярском Приполярье [Электронный ресурс] URL: http://ipdn.ru/_private/C_100-109-Tkachev-Bagashev-Volkov.pdf (Дата обращения 30.10.19)

Низовский А.Ю. 100 Великих археологических открытий [Электронный ресурс] URL: https://document.wikireading.ru/14974 (Дата обращения 28.10.19)

Федорова Н. В. История археологического изучения Ямальской Арктики в XX–XXI вв. [Электронный ресурс] URL:http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_4(53)_2016_Fedorova.pdf (Дата обращения: 28.10.19)

SPECIFICITY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF SETTLEMENTS OF THE LATE MIDDLE AGES IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

L.Sadykova
Tyumen state University, Tyumen
luciya75@gmail.com

Academic supervisor – PhD A. Tkachev

This article presents the features and results of the archaeological research of the settlements at the late Middle Ages in the North of Western Siberia. The main attention is paid to general trends in the accumulation of archaeological data on Russian settlements.

Keywords. Specifics, archaeological data, settlements, Mangazeia, Staroturuhansk, Nadym, Berezov, Obdorsk, Siberia

УДК 902.01

ЗАМКИ И КЛЮЧИ ТОРЕЦКОГО ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Н.А. Тюрикова
Казанский федеральный университет, Казань
natasha.tyrikova48@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. С.И. Валиулина

В статье рассматривается типология замков и ключей с Торецкого городского поселения XV в. Нами выявлена определенная закономерность бытования изделий и прослежены особенности ремесленного производства на поселении.

Ключевые слова: замки, ключи, Торецкое городское поселение, XV в.

Торецкое городское поселение – уникальный средневековый памятник XV в., расположенный в 3,5 км к северо-западу от с.Билярска (Алексеевский район Республики Татарстан), большей частью на правой стороне Торецкого ручья. Памятник изучается с 1998 года экспедицией Казанского федерального университета под руководством С.И. Валиулиной. Археологические исследования поселения позволили выявить его торгово-ремесленный характер, исследованы ряд мастерских: кузнечная, меднолитейная в восточной части памятника, бронзолитейная и ювелирная в центральной на западной окраине и гончарная мастерская в северной части, а также мастерская кузнеца-замочника на северо-западе [*Валиулина,* 2009]. Широкий объем выпускаемых изделий свидетельствует о производстве на внешний рынок. Одной из категорий предметов кузнечной продукции, имеющей большое значение в датировании памятника, выступает замки и ключи.

Классификацию замков и ключей впервые выполнил Б.А.Колчин на основе новгородских древностей: четкая стратиграфия средневекового Новгорода и хорошая сохранность находок позволила выявить временные особенности каждого типа изделий [*Колчин,* 1982]. Именно эта работа взята нами за основу типологии торецких замков и ключей. Главным конструктивным элементом замков является система расходящихся пружин, которая фиксировала разные положения рабочей части замка (дужки или засова): с течением времени менялась лишь форма

© Тюрикова Н.А., 2020

корпуса и дужки. Технологические пружинные замки подразделяются на съемные (навесные) и неподвижные (внутренние). Съемные замки постепенно менялись, что прослеживается по усложнению дужки, корпуса и самого ключа. Именно по этим элементам определяется тип замка. Изучение такого рода источника позволяет не только уточнить датировку памятника, как говорилось раннее, но и проследить особенности ремесленной деятельности населения.

На территории Торецкого городского поселения обнаружено 99 изделий, но при этом определить тип замка возможно лишь у 53 экземпляра. В основном преобладает тип Е по Б.А.Колчину (28 экземпляров) – это видоизмененный во внешней форме дужки и корпуса тип Д с лабиринтообразным отверстием для ключа. У замков типа Е отсутствует малый цилиндр, который заменяется двумя проушинами, выступающими из большого корпуса. Видоизменяется форма дужки: она приобретает форму прямого стержня, на конце которого находится пружинный механизм. Данный тип датируется в основном XV в., но встречается и в слоях XVI в. Аналогичные изделия происходят из смешанной коллекции Болгарского городища (тип AI6 по Л.Л.Савченковой), встречаются также на городище Городок, находящегося к юго-западу от нижегородского кремля, и на территории Тверского кремля [*Грибов,* 2018, *Лапшин,* 2009; Савченкова, 1996].

Тип Д (17 экземпляров) также довольно часто встречается в кузнечной коллекции изделий средневекового памятника. Характерным является, как и в типе Е, появление лабиринтообразного отверстия для ключа, но все же форма замка остается прежней классической формы. Ключ же изготавливался в виде стержня, спаянного из нескольких прямых пластин, в сечение имел фигуру как ключевая скважина цилиндра. Появляется данный тип в начале XIVв. и продолжает существовать одновременно с типом Е, но постепенно выходит из употребления.

На Торецком городском поселении известны замки типа Г (8 экземпляров). Цилиндрический замок с усложненным механизмом защиты ключевого отверстия с помощью вертикальных предохранительных щитков. Появляется данный тип в XIII в., но продолжает существовать и в XV в. Эти изделия характерны для многих средневековых памятников: встречаются и на территории Новгорода, Твери, и на территории средневолжских городов.

На поселении обнаружен смешанный тип, который можно интерпретировать по Б.А.Колчину как индивидуальную форму замка: пружинный цилиндрический замок с круглым отверстием для ключа в нижнем донце в маленькое круглое отверстие. Механизм запирания замка состоял во ввинчивании ключа в отверстие, а затем в продвижении ключа вверх и сжатия пружины.

На памятнике встречается характерный для Среднего Поволжья тип замка в виде фигурок животных. Как правило, замки были в форме собачек, лошадок, бычков или коровок и функционировали на сундуках. Один из таких замков найден на Торецком поселении и аналогичен изделиям ордынского времени: это бронзовые изделия с циркульным орнаментом на поверхности. Такие замочки найдены на территории Болгарского, Увекского и Селитренного городища. Однако найден замочек из железа, формой похожий на коробочку, и без орнамента на поверхности. Железные замки в форме животных встречаются на Болгарском городище [*Савченкова,* 1996, с.43]. Активное производство зооморфного типа замков из бронзы ведется и в золотоордынское время, а изделия из железа – это вариант позднего изготовления.

Внутренние (неподвижные) замки также встречаются на территории Торецого поселения. По конструкции напоминает цельнометаллическое изделие для сундука: квадратная форма с острыми выступающими углами, небольшого размера (5х5см), вероятнее всего, для отпирания использовалась не система задвижки, а специальный ключ. Аналогичный тип встречается на территории Новгорода уже в XIII в., а также в поздних слоях XIVв. Тверского кремля [*Грибов,* 2018, с.125; *Лапшин,* 2009, с.93].

Найденные на поселении ключи от цилиндрических замков соотносятся с описанными выше типами замков: встречаются ключи типа Е и типа Д, а также для неподвижных замков. Круг аналогий, включающий в себя территорию Болгарского городища, городища Городок, Тверского кремля, Новгорода, отражает определенную дату бытования изделий – это конец XIV в. – середина XVв. [*Грибов*, 2018; *Колчин*, 1997; *Лапшин,* 2009; *Савченкова,* 1996].

Замки и ключи представляют собой большую часть бытовой культуры средневекового города. Характерной чертой изделий является массовость и некая стандартизация. Однако трудоемкость процесса производства выделяет замки и ключи среди других предметов кузнечного ремесла. Большое количество кузнечных изделий на Торецком поселении связано с существованием мастерской на его территории и с вероятным вывозом продукции на внешний рынок. Продукция не отличалась особыми уникальными формами, а совпадала с бытовавшими в XV в. видами ключей и замков.

Таким образом, типология замков и ключей любого археологического памятника позволяет прояснить вопросы его датировки, а также особенности ремесленной деятельности населения.

Библиографический список

Валиулина С.И. Балынгузское (Торецкое) городское поселение раннего Казанского ханства // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С.437-440.
Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. 592 с.
Колчин Б.А. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. М.: Наука,1982. 335 с.
*Лапшин В.В.*Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология. // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. С. 6-88.
Хорошев А.С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Археология. Древняя Русь: Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 14-17.

LOCKS AND KEYS OF TORETSKY URBAN SETTLEMENT

N. Tyurikova
Kazan Federal University, Kazan
natasha.tyrikova48@gmail.com

Academic supervisor – PhD S. Valiulina

The article elaborates on a typology of locks and keys from the Toretsky urban settlement of the 15th century. As a result of the research, a certain regularity of household products was revealed and the features of handicraft production in the settlement were traced.

Keywords: locks, keys, Toretskoye urban settlement, XV century.

УДК 902.26

ЛАНДШАФТНЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЙ XVI - XIX ВВ. ВАВОЖСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Е.В. Шуравин
Удмуртский государственный университет, Ижевск
izhenyash@gmail.ru

Научные руководители – к.г.н. А.А. Кашин, к.и.н. Е.М. Черных

Охарактеризованы ландшафтные факторы (рельеф, почвы и речная сеть), оказавшие влияние на систему расселения удмуртов в XVI-XIX вв.

© Шуравин Е.В., 2020

*Ключевые слова***:** ландшафт, ландшафтная археология, поселения, Удмуртская Республика, Вавожский район.

По археологическим источникам самые ранние свидетельства освоения территории района относят к эпохе мезолита [*Гусенцова*, 1993]. Однако в историческое время заселение территории приходится на период после XV в.

Поселения, возникшие в этот период, представляют собой большой интерес для изучения системы расселения, прежде всего удмуртов. Основу настоящего исследования составили следующие виды источников: письменные (Ландратская перепись, данные ревизий), картографические (карты Делиля, планы Генерального межевания, карты XIX в.) и археологические. Изучаемые поселения можно разделить на два блока: 1) существующие населенные пункты, дата основания которых зафиксирована документами XVIII в. (от 19 до 25 поселений по письменным и картографическим источникам); 2) исчезнувшие деревни («вужгурты» – с удм. «старые деревни»), являющиеся объектами археологии XV-XVIII вв. Комплексное источниковедение позволяет детально раскрыть особенности освоения данной территории. Поскольку в традиционном обществе зависимость человека от природы была практически безусловной, важно рассмотреть данный вопрос с точки зрения ландшафтного анализа.

Поселения локализованы в географическом пространстве. Но, выбирая место обитания, человек пытается найти наиболее комфортные условия для своего проживания. Рельеф, близость водных ресурсов, почвы, климат, флора и фауна – все это оказывает свое воздействие на выбор места. То есть природа является ключевым фактором в системе расселения, и поэтому поселения с древности и вплоть до индустриальной эпохи неразрывно связаны с ландшафтом. Изучение особенностей ландшафтов позволяет выделять перспективные места для поиска новых объектов археологии.

Природным ландшафтом называют территорию, однородную по происхождению и включающую в себя совокупность компонентов: геологическое строение, рельеф, почвенно-растительный покров, гидрологическую сеть и т.д. [*Исаченко,* 1991] Эти компоненты оказывают влияние как на материальную, так и на духовную культуру общества или отдельного социума.

Целью данного исследования является анализ влияния ландшафтных факторов на систему расселения в границах одного из районов Удмуртской Республики. Хронологические рамки исследования определяются состоянием источников – XVI-XIX вв.

«Вужгурты» составляют практически половину археологических памятников района (21 из 57). Количественный фактор и комплексный подход определяют перспективность выбранной территории для изучения системы расселения удмуртов. Анализ ряда исторических карт позволяет сказать, что одной из характерных особенностей удмуртских вужгуртов является их мобильность. По какой-либо причине поселение могло «перемещаться» с одного место на другое. Такой причиной могло быть и неудачное географическое положение.

Вавожский район расположен на юго-западе Удмуртии, в северо-западной части Можгинской возвышенности, расчлененной долиной р. Валы. Особенностью территории является то, что она находится на стыке нескольких физическо-географических районов – Центрально-Удмуртского, Можгинского и Привятского [*Кашин, Стурман*, 2012]. Данные районы на изучаемой территории включают 6 ландшафтов, на 5-и из которых локализованы «вужгурты»: Увинский (6), Пургинско-Мужвайский (0), Ныльгинский (1), Кельвайский (3), Люгинский (2) и Седмурчинский (7).

Долина Валы делит район на две части (правобережную и левобережную), которые отличаются между собой по деталям строения рельефа. На правом берегу расположены низменные Увинский и Пургинско-Мужвайский ландшафты, для которых характерны высокий процент залесённости (>75% и 70% соответственно), выровненный, слабо расчленённый рельеф, обилие болот и неплодородные сильноподзолистые почвы на песчаных грунтах. К правобережью Валы относится также Ныльгинский ландшафт (восточная часть района), имеющий более низкий процент зелесённости (40%) и уже средние показатели расчлененности рельефа. Левобережье Валы характеризуют Седмурчинский, Люгинский и Кельвайский

ландшафты, характерной особенностью которых являются выровненный тип рельефа и низкий процент лесов (кроме Люгинского).

Отличия левобережья от правобережья заключаются в неодинаковом расчленении рельефа из-за ассиметричного строения склонов долины р. Валы [*Вавожский район*, 2004]. Морфологически четко на левом берегу выделяются поверхности пойменных террас, на которых располагаются котловины старичных озер, ложбины староречий, а также заливные луга, пригодные для пастбищных угодий и сенокоса. На надпойменных террасах расположена большая часть поселений района, в том числе и «вужгуртов». Рельеф на надпойменных террасах слабо расчленен и выровнен, что в условиях оптимальной увлажненности, в отличие от северных районов, не приводит к заболачиванию местности и подходит для формирования больших угодий. Поверхность первой надпойменной террасы не всегда обособляется от поверхности высокой поймы. Вторая надпойменная терраса наиболее четко выражена на левом берегу Валы и имеет ширину 1,5-3 км. На правобережье вторая надпойменная терраса встречается фрагментарно. Главной её особенностью является то, что поверхность террасы в некоторых местах осложнена рельефом материковых дюн с очень неплодородными почвами. Однако, даже здесь известно небольшое количество поселений (Гуляево, Лыстем и 3 «вужгурта»), которые издавна были ориентированы на ведение лесного хозяйства. Эоловые формы рельефа способствовали произрастанию на такой территории высокобонитетных сосновых лесов («корабельных рощ»).

Речную систему района формирует р. Вала. Речной бассейн составляют относительно крупные притоки: рр. Ува, Какмож, Инга, Пижил (правые притоки) и рр. Лумпо, Кылт, Седмурча (левые притоки). Суммарная протяженность речной сети составляет 522,4 км и густоту – 0,31 км/кв. км, что является не самым высоким показателем. При освоении территорий в прошлом, в условиях высокой залесённости, река должна была служить главной транспортной артерией. Валу характеризует очень высокая степень извилистости, что способствует наличию большого количества удобных для проживания территорий с доступом к воде. Интересной особенностью является и то, что большая часть сохранившихся до нашего времени поселений расположена на притоках Валы, в то время как 9 «вужгуртов» находятся в долине реки. Возможно, на начальном этапе освоения именно долина Валы была той самой дорогой, по которой шло заселение территории. И лишь затем группы продвигались вверх по притокам, в глубь водоразделов.

Одним из важных факторов для выбора места поселения человека является качество почв. На большей части района распространены дерново-подзолистые почвы (68,3% от обследованной площади района). На 5 из 6 ландшафтах расположены крайне неплодородные дерново-сильноподзолистые и сильноподзолистые почвы, которые не благоприятны для развития сельского хозяйства. Однако, как по археологическим, так и по письменным источникам на этой территории расположено достаточно большое количество поселений. Это объясняется тем, что поселения здесь расположены на пойменных и надпойменных террасах, на которых распространены более плодородные аллювиальные дерновые почвы (9,4% от обследованной площади района) Отдельно выделяется Кельвайский ландшафт, на котором помимо дерново-подзолистых почв большой процент занимают более плодородные серые лесные почвы, пригодные для развития сельского хозяйства. На картографических источниках конца XVIII – второй половины XIX в. в границах Кельвайского ландшафта зафиксировано большое количество деревень и починков, что говорит о значительном влиянии фактора качества почв на процессы заселения.

Итак, для данного этапа анализа одними из главных ландшафтных факторов, влияющих на выбор места поселений, являлись качество почв, близость к воде, выровненный рельеф. Вероятно, первоначальное заселение территории по р. Вале, происходило на более плодородных почвах, расположенных на пойменных и надпойменных террасах. Однако в условиях недостатка таких территорий и в окружении неплодородных дерново-сильноподзолистых почв, происходило продвижение на террасы притоков Валы, где расположены, как и более пригодные почвы для земледелия с удобным рельефом, так и источники воды.

Библиографический список

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья // Ижевск: изд-во Удмурт. ун-та, 1993. 240 с.

Исаченко А.Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование: Учеб. – М.: Высш. Шк., 1991. – 366 с.

Кашин А.А., Пермяков М.А., Тимерханова М.М. Удмуртия в ландшафтном измерении: природа, культура, этносы: науч.-попул. Монография // Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. [Электронный ресурс] – 2 ГБ.

Кашин А.А., Стурман В.И. Уточненная схема физико-географического районирования и количественная характеристика ландшафтов Удмуртии // Ижевск: «Вестник Удмуртского университета», 2012. С. 104-114.

Вавожский район: природа, экология, история и хозяйство // Отв. Редактор И.И. Рысин. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 440 с.

LANDSCAPE FACTORS IN THE FORMATION OF THE SETTLEMENT SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF SETTLEMENTS OF THE 16TH-19TH CENTURIES OF THE VAVOZHSKY DISTRICT OF THE UDMURT REPUBLIC)

E. Shuravin

Udmurt State University, Izhevsk
izhenyash@gmail.ru

Academic supervisors – PhD A. Kashin, PhD E. Chernykh

Characterization of landscape factors (relief, soil and river system) that influenced the Udmurt settlement system in the 16th-19th centuries.

*Keywords***:** landscape, landscape archeology, settlements, Udmurt Republic, Vavozhsky District.

УДК 902.22

ПОХОД ЕРМАКА НА УРАЛЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Е.А. Яковлева

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
yakovleva-evfimiya@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. С.Ф. Кокшаров

Работа рассматривает подробности пребывания дружины Ермака на Урале по пути в Сибирь. Для полноты исследования, помимо данные письменных и археологических источников, используются данные топонимики. Основное внимание уделено археологическим памятникам открытым по Тагильскому волоку. Автор наметил перспективные участки исследований в районе притоков рр. Тагил, Серебрянка и Баранча.

Ключевые слова: Ермак, Урал, колонизация Сибири, Тагильский волок, стоянки Ермака, река Тагил.

Одной из главных страниц освоения русскими Сибири является поход Ермака. Но многие вопросы этого периода, особенно его начала, изучены и ещё недостаточно, даже несмотря на

© Яковлева Е.А., 2020

огромную значимость события в отечественной истории. Изучение деталей и нюансов этого похода, как активного этапа русской колонизации Сибири, позволит лучше понять многие детали пребывания дружины Ермака на Урале. Обращаясь к данной теме, историки традиционно оперируют данными письменных и археологических источников.

По итогу изучения литературы и источников по данной проблеме можно сделать следующий вывод. Летописи, являющиеся основным, но не главным, источником о походе, содержат отрывочную информацию и требуют критического подхода (например, Кунгурская летопись) [*Сибирские летописи,* 1907, с. 313]. Многие историки, склонны разделять точку зрения академика Г.Ф. Миллера, который собирал и анализировал разрозненные источники по истории Сибири [*Миллер*, 1999]. Иной взгляд на вопрос о стоянках Ермака на Урале и вообще о походе изложен в исследовании Р.Г. Скрынникова, который склонен считать, что казаки надолго не задержались в горах. Они достаточно быстро, до наступления ледостава и заморозков, продвинулись на восток и взяли столицу Сибири [*Скрынников*, 1986].

Для того, чтобы расширить представление о теме необходимо обратиться к археологическим источникам. К этим материалам обращались О.Н. Бадер, А.И. Рассадович и Ю.Б. Сериков, нижнетагильские краеведы и археологи гг. Екатеринбурга и Тюмени [*Кипарисова,* 1956; *Бадер* 1953, 1977, *Матвеева* и др., 2018]. Изыскания опиралась на исторические данные Г.Ф. Миллера, поэтому долгие годы считалось, что зимовье Ермака было найдено. По инициативе О.Н. Бадера, Ю.Б. Сериков повторно исследовал Тагильский волок, после чего пришел к выводу, что данная версия маловероятна [*Сериков* 1978, 1989]. Вместе с тем им были открыты и другие кратковременные стоянки русских военных отрядов на р. Баранча.

Стоянка Баранча I располагается на правом берегу одноименной реки в 1,5 км выше устья. Находится на двухметровом мысе, занимает площадь 600 м^2. На распаханном мысу было собрано ~500 находок, представленных в основном керамикой. Другая стоянка – Евстюнха III – находится на правом берегу р. Баранчи при впадении её в р. Тагил. В раскопе площадью 52 м^2 выявлены три культурных слоя, датированные мезолитом, ранним железным веком и русским средневековьем. В рамках изучаемой темы интересуют, конечно, находки верхнего слоя. Он разделен на ранний и поздний. К позднему относится сосуд, три стеклянных стопки и нательный крестик, слой датирован серединой XIX в. Ранний комплекс включает сосуды из красной и серой глины, стекло, железные изделия (кованные гвозди, тонкие полости железа, прут с кольцами и фрагменты различных изделий).

Таким образом, версия о том, что дружина оставалась на Тагильском волоке на зимовку не подтверждается, но попадает под сомнение и принадлежность найденных стоянок отряду Ермака, так как в период с 1581 по 1597 (с похода Ермака до открытия Барановской дороги, после чего Тагильский волок был заброшен) минимум три отряда могло пересечь волок [*Вершинин*, 2018].

В поиске альтернативных мест стоянок легендарного казацкого атамана следует обратиться к топонимике. По Строгановской летописи [*Сибирские летописи,* 1907, с.120] места зимовки на Кокуй-городке до реки Жеравли расстояние 25 поприщ. Одно поприще насчитывало 750 саженей, которая, в свою очередь, составляет 2 метра 16 сантиметров. Если предположить, что летописец использовал подобное измерение, то расстояние между рекой Жеравли и Кокуем должно составлять 40,5 км.

На современной же карте р. Журавлик, с которой многие соотносят летописную Жеравли, с южной стороны принимает устье Кокуя. Отсюда предположение: летописная река Жеравли не соответствует современной Журавлику, о чем уже говорил Ю.Б. Сериков, подтверждая это археологическими находками [*Гусельникова,* 2001].

Однако такой вариант рассуждений вполне допустим, так как р. Журавлик носила ещё и мансийское название Колыхтан. До сих пор у Серебрянки есть приток, носящий такое же название – Клыктан, который находится он чуть дальше развилки Журавлика и Кокуя. Тот факт, что обе реки имеют одно название, вынуждает рассмотреть маршрут казаков с учетом этого факта. Но в летописи сказано: «И с того места возились казаки за волок 25 поприщ на реку ж, зовомую Жеравли, и по той реце поидоша вниз и вышед на Тагил реку». Один из

притоков р. Баранча носит название Журавлик, но он узкий и находится дальше более удобного для переправы широкого притока – Ак-тай.

По мнению Ю.Б. Серикова, вариант перемещения казаков по такому притоку мог иметь место, но в таком случае на Ак-тай отряд мог попасть с Межевой Утки. Из Бузуновской же летописи [*Сибирские летописи*, 1907, с. 297-298] видно, что казаки зазимовали после волока у рр. Журавль и Петух. Однако сейчас не сохранилось притоков Баранчи или Тагила с названием Петух. Тем более, что данный топоним встречается лишь в одном источнике. Но всё же этот вариант необходимо учитывать в процессе дальнейших исследований.

Таким образом, можно сделать вывод, что археологические исследования стоит направить на поиск временных стоянок в районе притоков рр. Баранчи и Серебрянки.

Библиографический список

Бадер О.Н. По следам Ермака //. Вокруг Света. 1977. № 9. [Электронный ресурс] / Электронный архив журнала «Вокруг Света». URL.: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5545/

Бадер О.Н. Археологические памятники Тагильского края // Ученые записки Молотовского университета им. А.М. Горького. Т 8. 1953. Вып. 2, с. 315-318.

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.

Гусельникова М.Л. Матвеев А.К. Топонимические поиски: об одной образной семантической модели гидронимии Северного и Среднего Урала. С. 106-116 / [Электронный ресурс] электронный архив Уральского университета. URL.: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/26012/1/ei_2001_13.pdf

Кипарисова Н.П. Новые данные об археологических памятниках тагильского края // Ученые записки Молотовского государственного университета им. А.М. Горького. Т 11. 1956. №3. С. 113-124.

Матвеева Н.П., Якимов А.С., Ларина Н.С., Агафонов Л.И. Стоянка сибирских первопроходцев на Карачинском острове (Нижнее Притоболье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 1. С. 108-116.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т 1. М.: Восточная литература, 1999. 630 с.

Сериков Ю.Б. В поисках исчезнувшего зимовья // Вокруг света. 1978. Вып. № 3 [Электронный ресурс] / Электронный архив журнала «Вокруг Света». URL.: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5651/

Сериков Ю.Б. Некоторые проблемы изучения сибирского похода Ермака (по материалам археологических раскопок) // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 26-35.

Сибирские летописи. / Подготовил к изд. Л.Н. Майков. СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1907. 395 с.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1986. 319 с.

ERMAK'S CAMPAIGN IN THE URALS: PERSPECTIVE ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES

E.A. Yakovleva

Ural Federal University, Yekaterinburg
yakovleva-evfimiya@mail.ru

Academic supervisor - PhD S. Koksharov

The work examines the details of the stay of Ermak's squad in the Urals. For completeness of the study, in addition to the data of written and archaeological sources, toponymic data are used. The main attention is paid to the open archaeological monuments on the territory of Tagil portage. The article contains a conclusion about the prospective area is a tributary of the Tagil, Serebryanka and Barancha Rivers.

Keywords: Ermak, Ural, colonization of Siberia, the Tagil portage, sites of Yermak, Tagil River.

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ГОРОДА»

УДК 902/908

ВАРИАНТ МОДЕЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И МОЩНОСТИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДА КИРОВА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

А.М. Борисова, М.К. Глазырина
Вятский государственный университет, Киров
E-mail: annalein8321@gmail.com, rita_glazyrina1999@mail.ru

Научный руководитель – А.О. Кайсин

История археологического изучения города Кирова насчитывает около 80-ти лет. Сбор, систематизация и обобщение материалов археологических раскопок, шурфовок, наблюдений, письменных источников, картографирование полученных данных дали возможность построения модели распространения и мощности культурного слоя, с последующей реконструкцией этапов освоения городской территории.

*Ключевые слова***:** модель, культурный слой, топография, Хлыновский Кремль.

История археологического изучения г. Кирова насчитывает несколько десятилетий. Сбор, систематизация и обобщение материалов археологических раскопок, шурфовок, наблюдений, письменных источников, картографирование полученных данных дали возможность для построения модели распространения и мощности культурного слоя и реконструкции этапов освоения городской территории.

За основу нами взят опыт археологов Старой Руссы [*Торопова и др.,* 2011. С. 66-70]. При построении модели распространения и мощности культурного слоя учитывалась ее условность и схематичность в связи с тем, что исходные данные далеко не полные и существуют определенные сложности при реконструкции зон вдоль берегов рек. Также без предварительных археологических исследований невозможно реконструировать участки вокруг средневековых храмов, которые большей частью разрушены. Мощность культурного слоя на таких участках, скорее всего, меньше, чем на территории с обычной средневековой застройкой.

Для построения модели были обработаны результаты археологических работ 1935–2019 гг., у некоторых объектов отсутствует информация по площади или мощности [*Кайсин и др.,* 2019. С. 152-154]. Обработано 122 объекта, у каждого из них были определены координатные точки в системе GPS.

На иллюстрации мы видим распределение мощности залегания культурного слоя в различных частях города. Наиболее глубокий культурный слой фиксируется на территории Кремля и по укреплениям посада. Географические изменения рельефа местности приводят к уменьшению мощности залегания культурного слоя на территории оврага Засора и Раздерихинском овраге. Кроме этого, неглубокий культурный слой фиксируется на территориях с более поздней застройкой и на территории бывших слободок города Хлынова/Вятки.

На месте первоначального поселения ушкуйников, на крутом западном берегу реки Вятки образовался хорошо укрепленный административный, церковный и общественный центр города – кремль.

Археологическое изучение данной территории началось в 1935 г. во время строительства

© Борисова А.М., Глазырина М.К., 2020

домов №№ 1 и 2 по ул. Коммуны. Здесь производились археологические наблюдения М.П. Грязновым. Следующие исследования в данном районе были проведены в 1956–1958 гг., когда Л.П. Гуссаковский заложил на территории Хлыновского кремля два раскопа и шесть шурфов [*Гуссаковский*, 1957. С. 1–29; 1958. С. 1–7; 1959. С. 1–18]. Мощность культурного слоя в этом районе 1,7–3,35 м.

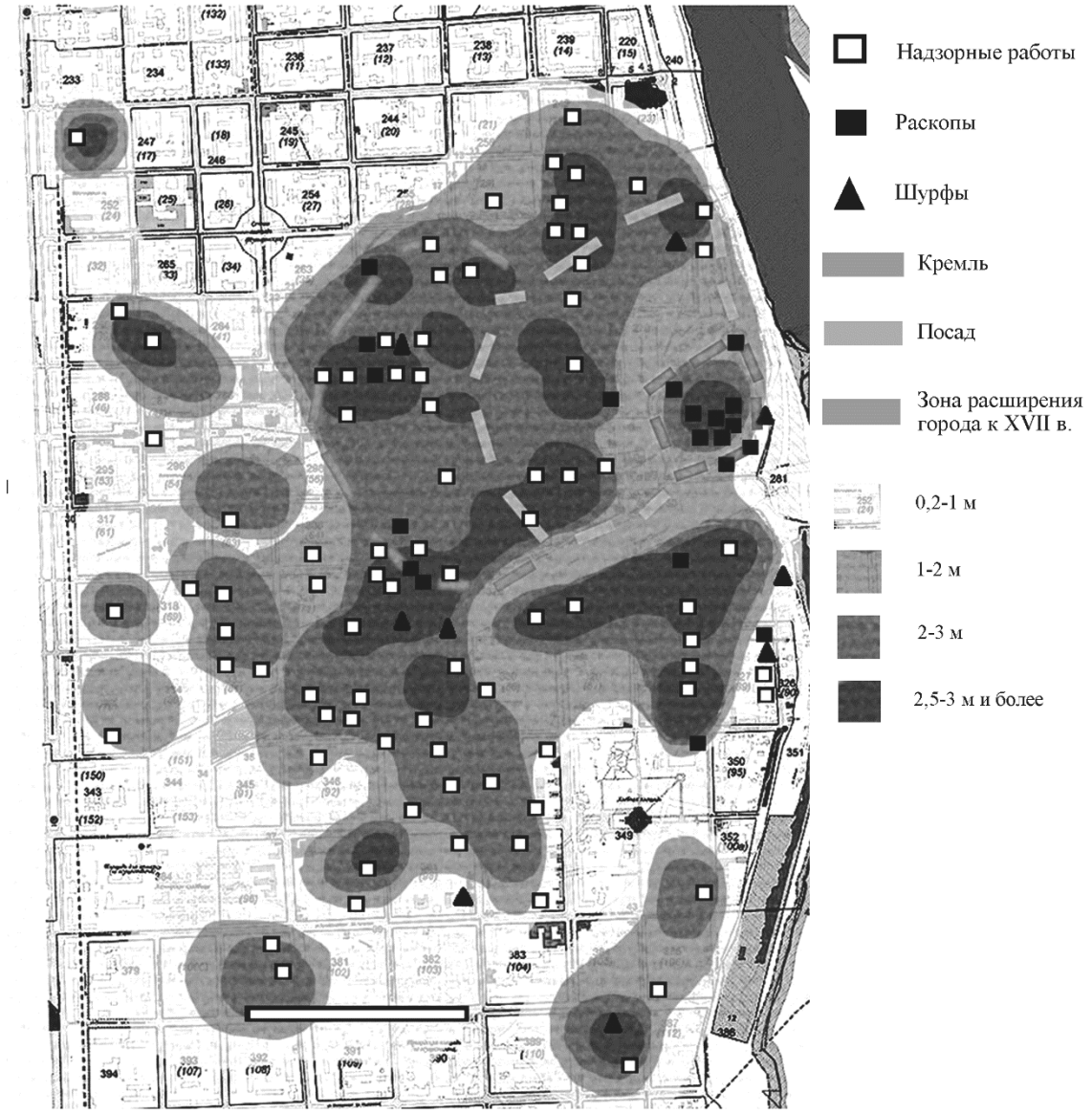


Рис. 1. Распространение мощности культурного слоя на территории г. Кирова.

В 1983 г. во время прокладки траншеи водопровода по ул. Московской Л.Д. Макарову удалось проследить разрез кремлевского вала и слоя Хлыновского городища. В 1990 г. под его же руководством проведены раскопки на территории Хлыновского городища. К югу от городского Дворца пионеров был заложен раскоп. Мощность напластований 4–6 м.

В 2013 г. на территории Хлыновского кремля были проведены археологические раскопки под руководством С.Е. Перевощикова и А.Л. Кряжевских. В 2015 г. под руководством Р.В. Матвеева был заложен раскоп в юго-восточной части Хлыновского кремля [*Кайсин и др.,* 2019. С. 152].

В начале второй половины XVII в. посад получил новые границы, расширившись к западу до современной Театральной площади. Система укреплений города представляла собой тип подковообразных укреплений массовых переселений, защищенная естественным рельефом

– крутыми берегами реки Вятки и Засорного оврага [*Тинский,* 1976. С. 35]. Первые полноценные археологические исследования на территории посада Хлынова-Вятки произвел М.П. Грязнов в 1935 г. на месте бывшего приходского кладбища Воскресенского собора [*Онуфриенко*, 2018. С. 465].

Следующее археологическое обследование территории посада производилось в 1956–1959 гг. Л.П. Гуссаковским, во время его масштабных работ в исторической части г. Кирова.

В 1983 г. Л.Д. Макаров проследил стратиграфию культурных напластований посада во время изучения траншеи, выкопанной на ул. Большевиков. Мощность напластований 2,5–2,7 м. В 1986 г. В.В. Ванчиков при прокладке траншеи по ул. Дрелевского зафиксировал стратиграфию посадских напластований. Культурный слой мощностью 1,4–2 м [*Ванчиков,* 1986. С. 1–2]. В 1990–2000-х гг. регулярные исследования культурного слоя посада предпринимались Е.А. Кошелевой, Н.А. Ханом, Т.А. Медведевой.

С 2000 г. Е.А. Кошелева приступила к охранным археологическим исследованиям посадских укреплений. В 2000 г. проводились раскопки по ул. Володарского, 84, в результате чего была вскрыта подошва вала и выполнен разрез рва. Общая его глубина составила около 3 м [*Кошелева*, 2006. С. 80].

Раскопки 2002, 2003, 2005 и 2006 гг. производились также в районе прохождения посадских укреплений. При этом исследована территория, прилегающая к Ильинской и Никитской проезжим башням [*Кошелева*, 2006. С. 81].

В 2009 г. А.Л. Кряжевских изучена стратиграфия стенок котлована, вырытого на территории Александровского сада вблизи здания присутственных мест XIX в. При этом было выявлено, что мощность культурного слоя в данном районе 0,7–1,5 м [*Кряжевских*, 2009. С. 100–104].

В 2011 г. проводились работы на месте приходского кладбища при Покровской церкви [*Кряжевских*, 2014. С. 115]. Соотнесение данных этих работ и работ 1986 г. позволяют говорить об обнаружении южной границы приходского кладбища Покровской церкви, так как южная граница котлована соприкасалась с траншей 1986 г., в которой костных останков обнаружено не было.

В 2012 г. А.Л. Кряжевских проводились археологические раскопки в двух районах исторической части г. Кирова – по ул. Дрелевского, 9а и на территории парка «Аполло». В настоящее время археологическое изучение посадской части города связано с современной точечной перестройкой города.

Археологическое изучение слободок можно проследить лишь на примере Заоградной монастырской слободки, так как остальные слободки сильно подверглись перестройке, и культурный слой сильно пострадал. В 1580 г. на южном берегу Засорного оврага, где было одно из городских кладбищ и стояли две деревянные церковки, монах Трифон положил начало новому Успенскому мужскому монастырю. Монастырь обследовался археологами единожды в 1989–1991 гг., в момент реставрации [*Сенникова* и др., 2018. С. 61].

В результате данных исследований мы можем сказать, что залегание культурного слоя совпадает с застройкой города Хлынова/Вятки/Кирова. Дальнейшее развитие темы видится нам в математическом обосновании построения модели и создания базы данных по археологической изученности города Кирова.

Библиографический список

Ванчиков В.В. Отчет об археологическом исследовании траншеи по улице Дрелевского в г. Кирове в 1989 году. Киров. 1986. // Фонды КОКМ. Инв. № 18113/66 н.в. 14 с.

Гуссаковский Л.П. Отчет об археологических исследованиях в городе Кирове, Кировской области в 1957 г. // Фонды КОКМ. Инв. № Р-1/1922а. 29 с.

Гуссаковский Л.П. Отчет об археологических раскопках на территории г. Кирова и Кировской области. 1958 год. // Фонды КОКМ. Инв. № Р-1/1922б. 7 с.

Гуссаковский Л.П. Отчет об археологических раскопках в г. Кирове в 1959 г. // Фонды КОКМ. Инв. № Р-1/1922в. 8 с.

Кайсин А.О., Борисова А.М., Глазырина М.К. Некоторые итоги археологического изучения исторической части города Кирова в XX – начале XXI века. // Новые материалы и методы археологического

исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. М., 2019. С. 152–154.
Кошелева Е.А. Некоторые аспекты охранных археологических исследований в исторической части г. Кирова. // Музей на рубеже веков: история, состояние, перспективы: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Киров. 2006. С. 80–83.
Кряжевских А.Л. Отчет об археологической разведке по территории Слободского района Кировской области и Первомайского района г. Кирова в 2009 г. Т. 1 // Научный архив КОГАУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области». Рукопись. 145 с.
Кряжевских А.Л. Результаты археологических исследований в Кирове 2009–2011 г. // Вятский исторический сборник 2014 г. Киров. 2014. С. 113–122.
Онуфриенко Ю.А. Топография кладбищ на территории Хлынова-Вятки в XVII–XVIII вв. // Урало-Поволжская археологическая конференция молодых ученых: Материалы всероссийской (с международным участием) конференции. Самара. 2018. С. 465–469.
Сенникова Л.А., Кайсин А.О., Онуфриенко Ю.А., Жилина М.В., Борисова А.М. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря. // Вестник гуманитарного образования. 2018. №1. С. 61–71.
Тинский А.Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII–XIX веках. Киров. 1976. 228 с.
Торопова Е.В., Воронков Е.В. Модель распространения культурного слоя Старой Руссы. // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. №63. С. 66–70.

VARIANT OF THE MODEL OF DISTRIBUTION AND CAPACITY OF THE CULTURAL LAYER OF THE CITY OF KIROV ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL WORKS

A. Borisova, M. Glazyrina

Vyatka State University, Kirov
annalein8321@gmail.com
rita_glazyrina1999@mail.ru

Academic supervisor – A. Kaisin

The history of archeological study of the city of Kirov has about 80 years. Collection, systematization and generalization of archaeological excavations, pits, observations, written sources, mapping of the data made it possible to build a model of the distribution and power of the cultural layer, followed by reconstruction of the stages of development of the urban territory.

*Keywords***:** model, occupation layer, topography, Hlynovsk kremlin.

УДК 902/908

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ФАРФОРА И ФАЯНСА НА ОСНОВЕ ОХРАННЫХ РАБОТ ПО УЛИЦЕ ГЕРЦЕНА, 26 В Г. КИРОВЕ

А.С. Евшин

Вятский государственный университет, Киров
yevshin99@mail.ru

Научный руководитель – А.О. Кайсин

Статья содержит описание археологической коллекции фарфора и фаянса на основе археологических работ по улице Герцена, 26 в г. Кирове. По территории раскопа площадью 112 м^{2}проходила линия посадских укреплений XVII века. Археологические раскопки на

© Евшин А.С., 2020

данном участке проводились в 2006 году под руководством Е.А. Кошелевой. Коллекция фарфоровых и фаянсовых изделий насчитывает 52фрагмента.Была выявлена продукция производства М.М. Куринова, Я.Г. Храпунова, И.Е. Кузнецова, М С. Кузнецова, братьев Чекановых, А.К. Чеканова, А.Ф. Шурова. Все датированные клейма относятся ко второй половине XIX – началу XX в.

Ключевые слова: морфология, фарфор, фаянс, клеймо, декор, археологическая коллекция.

Охранные археологические раскопки по адресу улица Герцена, 26 производились под руководством Е.А. Кошелевой в 2006 году[1]. Общая вскрытая площадь раскопа составила 112 м^2. Археологические работы проводились в непосредственной близости от Никитской башни, которая была уничтожена пожаром в 1700 году [*Тинский,* 1976]. На данном раскопе, также, как и на раскопе по улице Герцена, 28, был обнаружен внутренний ров посадских укрепленийXVII века, который со временем после пожара стали заполнять мусором [*Кошелева*, 2005]. В связи с этим анализ археологической коллекции фарфора и фаянса из раскопок по улице Герцена, 26 связан с уже аналогичной работой по анализу фарфора и фаянса из раскопок по улице Герцена, 28 [*Евшин*, 2019].

Коллекция из раскопок по улице Герцена, 26 насчитывает 52 фрагмента фарфора (21) и фаянса (31). При описании использовался конструктивно-морфологический подход, разработанный Ю.Л. Щаповой [*Щапова,* 1991].

Анализ фарфоровой продукции с раскопа по улице Герцена, 26.

Завод М.М. Куринова (1858–1918 гг.).

На раскопе найдено 8 фрагментов посуды Михаила Куринова конца XIX – начала XX вв: 7 чайных блюдец, 1 чайная чашка (рис. 1, *1*). Растительный полихромный декор фрагментарно сохранился на трёх блюдцах и чашке. На других трёх блюдцах декор представлен обводкой, а на одном блюдце декор отсутствует. Клейма, в связи с надглазурным нанесением, в большинстве своём потеряли свой цвет и видны только при переливании света на изделиях. Всего выявлено 3 разновидности клейм: с пчелой (фирменный знак предприятия) – 4 ед., со звездой – 1 ед., и клеймо без рисунка с надписью «Ф.М. Куринова» – 3 ед. (рис. 1,*1*).

Завод Я.Г. Храпунова-Нового (начало 1850-х – 1918 гг.).

Коллекция насчитывает 9 фрагментов фарфора данного производителя 2-ой половины XIX–начала XX в: 6 чайных блюдец и 3 чашки. Растительный декор фрагментарно сохранился на четырёх блюдцах и одной чашке. На одном фрагменте растительный декор имеет надглазурное нанесение и на данный момент плохо просматривается (рис. 1, *2,з1*). Также на трёх других прослеживается монохромная обводка. На одной чашке красочный декор отсутствует, но имеются рельефные декоративные выступы (рис. 1,*2, а1*). Все изделия имеют однотипные подглазурные клейма с надписью «Фабрики Я.Г. Храпуного-Новаго» со стилизованно-растительным декором в верхней части клейма (рис. 1, *2*). На чашках клейма нанесены черной краской, а на блюдцах выявлены клейма только синего цвета.

Оставшиеся производители фарфоровой продукции.

Кроме уже представленной фарфоровой продукции, выявлены фрагменты с клеймами заводов М.С. Кузнецова (3 фрагмента) и И.Е.Кузнецова (1 фрагмент). Датировка клейм данных производителей представлена в Таблице 1.

Анализ фаянсовой продукции с раскопа по улице Герцена, 26.

Завод братьев Чекановых (1846–1864 гг.).

Фаянсовая продукция производителей из Екатеринбурга в данной выборке представлена тремя фрагментами тарелок и одним фрагментом глубокой тарелки (рис 1, *5*). На посуду нанесен полихромный декор красного и чёрного цветов, соответствующий на трёх изделиях цвету клейм. На одной тарелке нанесены два вида клейм: подглазурное и вдавленное в форму (Рис. 1,*5,г1*). Все клейма датируются временем существования завода в связи с отсутствием развёрнутой информации о деятельности завода в научной литературе.

Завод А.К. Чеканова (1864–1912 гг.).

[1] Автор выражает благодарность к.и.н. Л. А. Сенниковой, научному сотруднику КОКМ за возможность работы с коллекцией.

После 1864 года на клеймах указывается, что фабрика на реке Исети числится за одним из братьев Чекановых, Александром и его сыном (рис. 1, *6*) [*Серебренников Н.Н.*, 1926]. Продукция А.К. Чеканова представлена 5 фрагментами: 4 тарелки и 1 глубокая тарелка (рис. 1,*6*). На посуду нанесен полихромный растительный и пейзажный декор красного и чёрного цветов, соответствующий цвету клейм. На двух фрагментах тарелки имеется нанесение двух видов клейм: подглазурного и вдавленного в форму.

Завод А.Ф. Шурова (2 половина XIX в. – 1910 г.).

Предприятие, располагавшееся в Екатеринбурге, перешло к А.Ф. Шурову от тестя, С.П. Афонина. В связи с неустановленной датой смерти последнего, невозможно сказать о точной дате, когда во главе предприятия встал Андриян Федулович. Данная выборка представлена 4 фрагментами фаянса А.Ф. Шурова: 1 глубокая тарелка и 3 тарелки (рис. 1,*7*). На трёх тарелках с монохромным растительным и пейзажным декором нанесены клейма с изображением лицевой и оборотной стороны медали «За трудолюбие и искусство» 1887 г. Данное изображение позволяет говорить о более узкой временной границе производства изделий с 1887–1910 гг.

Оставшиеся производители фаянсовой продукции.

Кроме уже представленной фаянсовой продукции выявлены фрагменты с клеймами заводов М.С. Кузнецова (4 фрагмента) и И.Е. Кузнецова (2 фрагмента). Датировка клейм данных производителей представлена в Таблице 2.

Фрагменты без клейм.

На раскопе найдено 12 фаянсовых фрагментов без клейм: 8 глубоких тарелок, 2 тарелки, 1 помадная банка, 1 крышка супницы (рис. 1, *10*). На шести фрагментах глубоких тарелок и крышке супницы обнаружен полихромный декор, используемый производителями из Екатеринбурга: братьями Чекановыми и А.Ф. Шуровым (рис 1,*10 д, е, ж, з, и*). Данные фрагменты относятся ко второй половине XIX – началу XXв.

Таким образом, при проведении охранных археологических работ по улице Герцена, 26 на основе морфологического анализа было атрибутированно 47 фрагментов (90,38 %) из 52 найденных. Была выявлена фарфоровая продукция производства М.М. Куринова, Я.Г. Храпунова, И.Е. Кузнецова, М.С. Кузнецова. Также была выявлена фаянсовая продукция производства братьев Чекановых, А.К. Чеканова, А.Ф. Шурова, М.С. Кузнецова, И.Е. Кузнецова. Все датированные клейма (40) относятся ко второй половине XIX – началу XX в.

Библиографический список.

Евшин А.С. Морфологическое описание археологической коллекции фарфора и фаянса на основе материала охранных работ по улице Герцена, 28 в г. Кирове // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019) [Электронный ресурс]: сб. ст.: XIX Всерос. науч.-практ. конф., 1–26 апр. 2019 г.: в 4 т. – Киров, 2019. С. 242–254.

Кошелева Е.А. Заключение по охранным археологическим исследованиям проводимых в 2005 году на месте строительства дома по адресу: ул. Герцена, 28 в г. Кирове / Фонды НИ археологической лаборатории ВятГУ.

Серебренников Н.Н. Уральский фарфор и фаянс XIX в. 2-я типография «Промкомбината», 1926. 27 с.

Тинский А.Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII – XIX веках. Киров, 1976. 228 с.

Щапова Ю.Л. Археология и морфология // Советская Археология, 1991. №2. С. 120–130.

THE COLLECTION OF PORCELAIN AND FAIENCE ON THE BASIS OF SALVAGE EXCAVATIONS IN KIROV, HERZENSTREET, 26

A. Evshin

Vyatka State University, Kirov
yevshin99@mail.ru

Academic supervisor – A. Kaisin

The article includes the description of the archaeological collection of porcelain and faience on the basis of salvage excavations in Kirov, Herzenstreet, 26. The line of townsman fortification of the 17th century was spread on the area of excavation sized 122 square metres. Archaeological excavations on this area were held under the leadership of E.A. Kosheleva in 2006. There are 52 fragments in this collection

of porcelain and faience. The goods produced by M.M Kurinov, Y.G. Khrapunov, I.E. Kuznetsov, M.S. Kuznetsov, Chekanov brothers, A.K. Chekanov, A.F.Shurov were elicited. All the dated markings are related to the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

Keywords: morphology, porcelain, faience, markings, décor, archaeological collection.

Табл.1. Распределение фарфоровых фрагментов по анализу клейм на раскопе по ул. Герцена, 26

Завод	Место расположения	Назначение	Кол-во		Время производства
М.М. Куринова	Московская губерния, д. Речицы	1 чашка 7 блюдец	8		(8) конец XIX в. – 1918 г.
Я.Г. Храпунова	Московская губерния, д. Кузяево	3 чашки 6 блюдец	9		(9) 2-я пол. XIX в.– 1918 г.
М.С. Кузнецова	Владимирская губерния, д. Ликино в пустоши Дулёво	1 блюдце	1	3	(1) нач. XX в. – сер. 1910-х гг.
	Московская губерния, п. Вербилки	1 чашка 1 блюдце	2		(2) 1892–1918 гг.
И.Е. Кузнецова	Новгородская губерния, близ ст. Волхов	1	1		(1) 1878–1880-е гг.
Всего			21		–

Табл. 2. Распределение фаянсовых фрагментов по анализу клейм на раскопе по ул. Герцена, 26

Заводы	Место расположения	Назначение	Кол-во	Время производства
Братьев Чекановых	Екатеринбург	1 глубокая тарелка 3 тарелки	4	(4) 1846–1864 гг.
А.К.Чеканова	Екатеринбург	1 глубокая тарелка 4 тарелки	5	(5) 1864–1912 гг.
А.Ф. Шурова	Екатеринбург	1 глубокая тарелка 3 тарелки	4	(1) 2 пол. XIX в. – 1910 г. (3) 1887–1910 гг.
И.Е. Кузнецова	Новгородская губерния, близ ст. Волхов	1 фруктовница 1 блюдце	2	(1) 1878–1880-е (1) 1890–1913 гг.
М.С. Кузнецова	Тверская губерния, с. Кузнецово	1 менажница 1 глубокая тарелка 2	4	(3) 1880–1890-е гг. (1) 1880–1889 гг.
Фрагменты без клейм		1 помадная банка 1 крышка супницы 2 тарелки 8 глубоких тарелок	12	–
Всего			31	–

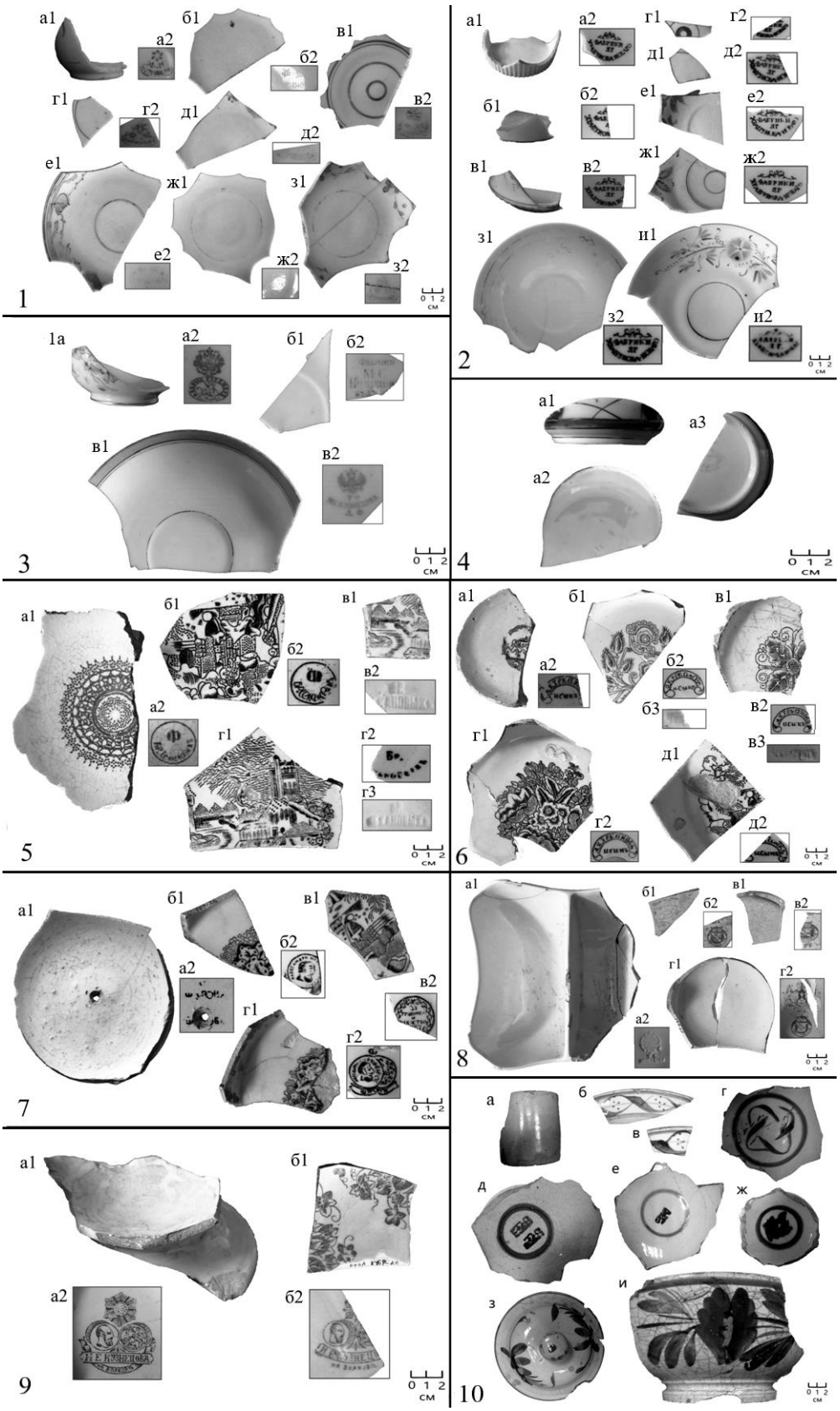


Рис. 1. Фрагменты посуды. Фарфор: 1 – с клеймами М. М. Куринова; 2 – с клеймами Я. Г. Храпунова-Нового; 3 – с клеймами М. С. Кузнецова; 4 – с клеймом И. Е. Кузнецова близ станции Волхов. Фаянс: 5 – с клеймами братьев Чекановых; 6 – с клеймами А. К. Чеканова; 7 – с клеймами А. Ф. Шурова; 8 – с клеймами М. С. Кузнецова; 9 – с клеймами И. Е. Кузнецова; 10 – без клейм.

УДК 904:72

ЛАНДШАФТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В САРАПУЛЕ В XVIII - XIX ВВ.

Д.А. Калугина
Удмуртский государственный университет, Ижевск
daryakalugina96@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. С.А. Перевозчикова

В данной статье рассмотрены проблемы ландшафтных преобразований в городе Сарапуле Среднего Прикамья, связанные с перепланировкой исторического центра в XVII-XIX вв. В результате анализа археологических, письменных и картографических материалов, воссоздается полная картина топографических изменений в этот период. Городские улицы перестроены по красной линии, большая часть водоемов засыпана, резкие обрывы мысовой части снивелированы для дальнейшей застройки.

Ключевые слова: Сарапул, Сарапульское поселение, топография.

Сарапул – один из первых городов в Среднем Прикамье, который образовали в период русской колонизации в середине XVI в. Русские начали активно осваивать данную территорию. Появилась необходимость строительства укрепленных мест на Каме для охраны и управления новыми границами. Прибывшие из верховьев Камы, частью из Казани и Вятки, поселенцы основали в северной части территории «село Вознесенское, что на Сарапуле» [*Блинов,* 1887]. Для первопоселенцев эта местность обладала большими преимуществами. Необходимой питьевой водой поселян обеспечивали реки Кама, Юрманка и Вонявка, а также озера Сырое, Большое и Малое (рис. 1, *А*). В качестве естественной преграды от набегов иноплеменников выступал холмисто-овражный ландшафт местности. Старцева гора в северной части села ограждала от холодных северных ветров. Богатство природных ресурсов обеспечивало селян всем необходимым для жизни.

Первой осваивается низменная и прибрежная часть - в устье р. Юрманка. В 1733 г. появляется первое упоминание деревянной крепости в селе, составленное участниками Великой Северной экспедиции Санкт-Петербургской Академии наук Г.Ф. Миллером, И.Г. Гмелиным. Капитан Рычков в журнале путешествий упоминает 3 деревянные церкви внутри деревянного замка [*Гришкина*, 2006]. На более поздних картах XVIII в. есть зарисовки этих церквей на высоком мысу, друг за другом вдоль южной границы обрыва. Археологическими раскопками остатки крепости пока не выявлены в силу ограниченности масштабов работ и сплошной застройки центра города. С конца XVI до XVIII в. в центре села функционировало первое кладбище, которое частично было исследовано в 2017 г. Кладбище находилось на краю террасы, скорее всего, внутри крепости, и «распространялось» от восточной стены к церквям [*Перевозчикова*, 2017]. Село в этот период занимало берег Камы от речки Юрманки на севере до оз. Большое - на юге. На западе селяне освоили мысовую часть. Застройка была свободная, без четкого государственного плана, с учетом ландшафтных особенностей территории.

В 1784 г. Екатерина II утверждает генеральный план города, по которому его улицы перестраивались по красной линии. На плане были обозначены 3 улицы, параллельных Каме (Больше-Покровская, Вятская, Троицкая) и 10 – перпендикулярных ей (Вознесенская, Богоявленская, Сарапульская, Нагорная, Мало-Покровская, Никольская, Тихоновская) [*Андреева*, 2013]. На главной площади уже произошли значительные изменения: крепость потеряла свое значение и со временем разрушилась, первое кладбище закрыли, а людей стали хоронить в южной части города. Однако данная территория не потеряла своего значения как центра города. Она стала главной площадью, являвшейся сосредоточением торговли. Ранее здесь уже была построена Вознесенская церковь, а в 1776 г. на ее месте возводится Вознесенский собор. В первой половине XIX в. с южной и восточной стороны к собору

© Калугина Д.А., 2020

пристроены одноэтажные каменные торговые ряды [*Курочкин*, 2017]. Множественные холмы и овраги мешали исполнению данного проекта. Для застройки главных улиц и обустройства Соборной площади потребовалась нивелировка северного и южного склона. Это хорошо видно по результатам раскопок в Сарапуле в 2017 г. на территории старого кладбища. Были выявлены лишь основания могил с остатками костяков - на глубине 40 см от современной поверхности, сразу же под асфальтом. Между могил были найдены разрозненные человеческие кости из разрушенных погребений [*Перевозчикова*, 2017].

На старых картах по северной стороне на краю мыса указаны 4 постройки: одноэтажный дом Дуровых, усадьба Ижболдиных, две – неопределенного назначения. С западной стороны на картах XVIII в. изображен овраг, образованный притоком р. Юрманки. Он затруднял строительство на этой территории, поэтому до середины XIX в. здесь идет засыпка оврага. Южная сторона тоже была освоена лишь частично из-за резкого обрыва мыса. Небольшие торговые лавки стояли на краю. На восточной прибрежной части построены 3 деревянные торговые лавки, стоявшие перпендикулярно р. Каме, в них располагались хлебные ряды.

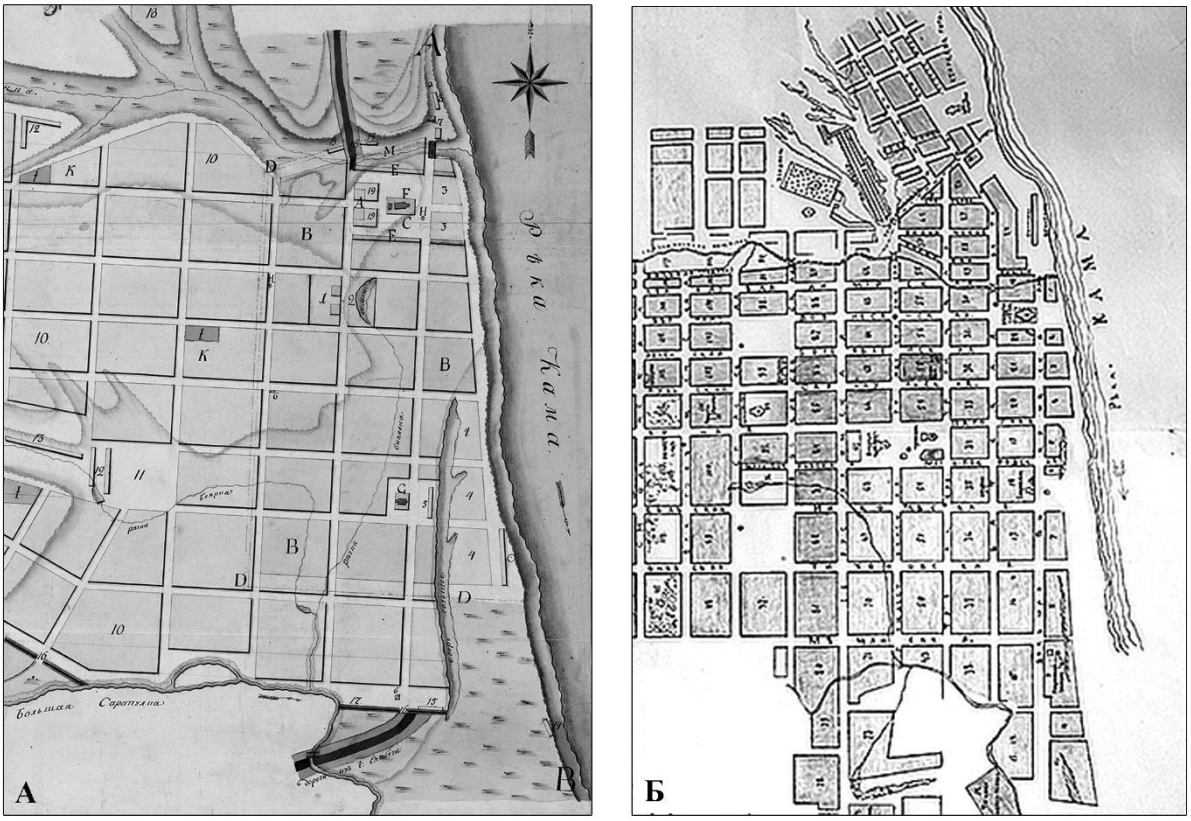


Рис. 1. Изменения ландшафта в исторической части Сарапула по картам 1806 г. (А) и 1893 г. (Б)

На набережной располагались торговые склады сарапульских купцов. Несколько хлебных пристаней на берегу Камы отмечены на старых картах. По улице Вятской (совр. ул. Раскольникова) не было значительных изменений, поэтому она быстро осваивается купцами и приобретает статус центральной улицы [*Решетников*, 2008]. Застройка большинства перпендикулярных улиц до середины XIX в. затруднена, так как там еще сохранялись русла озер и рек города, и сначала требовалось их засыпать.

Город рос и развивался быстрее, чем это предусматривал план 1784 г., поэтому в 1812 г. архитектор В.И. Гесте составил новый проект [*Андреева*, 2013]. На нем внутри кварталов были намечены не только жилые дома, но и искусственные огороды, зеленые насаждения. Основной недостаток данного плана был в том, что он не учитывал особенности рельефа местности. Однако территория города еще не была подготовлена для застройки по четким линиям. Но все

же именно план В.И. Гесте 1812 г. стал определяющим в развитии города Сарапула вплоть до 1845 г.

По старым картам и археологическим данным к середине XIX в. заметно значительное изменение ландшафта города. Но все же, в некоторых местах сохраняется переход от низинной к возвышенной части города. Восточная сторона склона Соборной площади все также имеет резкий перепад рельефа. На плане 1845 г. заметна засыпка водных артерий города: р. Вонявка становится на половину меньше и теперь доходит лишь до ул. Мало-Покровской.

На плане в южной части города была отмечена и вторая площадь – Покровская с одноименной церковью. Для ее обустройства был частично засыпан берег оз. Большое. К середине XIX в. озеро разделяется на две половины. Во время проведения археологического исследования в 2018 г. на ул. Больше-Покровской, 29 (совр. ул. Труда, 17) была зафиксирована верхняя мысовая граница к озеру Большое [*Перевозчикова*, 2018], что позволяет уточнить старые карты. Сохранившиеся озера на данном этапе еще продолжали мешать застройке перпендикулярных улиц. В это время на центральной площади полностью снивелирован овраг с западной стороны, улица Вознесенская становится одной из главных и престижных в городе [*Решетников,* 2008].

Таким образом, выбранная для освоения первопоселенцами территория к концу XVIII в. начинает подвергаться серьезным изменениям в соответствии с генеральными планами. Чтобы подчинить улицы определенной планировочной структуре, их подвергают выпрямлению и расширению. Первый план города 1784 г. учитывал местные особенности ландшафта, поэтому заметны небольшие отступления от государственных предписаний. Планиграфия города приобрела свой неповторимый облик. Потребовалось много ландшафтных изменений, которые требовали времени, чтобы воплотить их в жизни, а также больших материальных вложений. Лишь к началу XX в. на картах Сарапула практически не осталось озер и рек (рис. 1, *Б*). Крутые склоны и берега максимально возможно снивелированы для строительства зданий.

Библиографический список

Андреева Е.А. История градостроительства городов Вятской губернии (конец XVIII – начало XX вв.). // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. М. 2013. №4. С. 5-17.

Блинов Н.Н. Историко-статистическое описание города Сарапула и его уезда. - Сарапул: Типолитография А.Л. Пойловой, 1887. 62 с.

Гришкина М.В., Берестова Е.М. Колонизационные процессы расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в 16 – первой половине 18 века. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2006. 82 с.

Курочкин М.В. Сарапульский классицизм. Архитектура Прикамья: монография Ижевск: «Удмуртский ун-т», 2017. 62 с.

Перевозчикова С.А. Отчет об археологических полевых работах (археологические наблюдения), проведенных в г. Сарапул (ул. Труда, 17) Удмуртской Республики осенью 2018 года // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 701.

Перевозчикова С.А. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на выявленных объектах археологического наследия «Сарапульское поселение» и «Сарапульский могильник» при строительстве объекта «Туристско-рекреационный кластер «Камский берег». Удмуртская Республика. 1 очередь г. Сарапул» в 2017 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 701.

Решетников, Н. Л. Топография старого Сарапула / Н. Л. Решетников. - Сарапул: «Сарапул», 2008. 222 с.

LANDSCAPE TRANSFORMATIONS IN SARAPUL IN THE 18-19TH CENTURIES

D. Kalugina

Udmurt state University, Izhevsk
daryakalugina96@yandex.ru

Academic supervisor – PhD S. Perevozchikova

This article describes the problems of landscape transformations in the city Sarapul, associated with the redevelopment of the historical center at the end of the 18-19th centuries. As a result of the analysis of

archaeological, written and cartographic materials could be reconstructered a full picture of topographic changes in this period. The city streets were rebuilt along the red line, most of the reservoirs were filled in, the sharp cliffs of the Cape part were demolished for further development.

Keywords: Sarapul, Sarapul settlement, topography.

УДК 904

НЕАТРИБУТИРОВАННЫЕ КЛЕЙМА ФАРФОРОВЫХ И ФАЯНСОВЫХ ЗАВОДОВ ИЗ РАСКОПА ГОРОДСКИХ УСАДЕБ НА УЛ. КУЙБЫШЕВА, 21-23 Г.КУРГАНА: ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКИ

К.Н. Мергенева, Г.Н. Сауков
Курганский государственный университет, Курган
mergeneva99@mail.ru
saukow@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. Д.Н. Маслюженко

В статье атрибутируются и вводятся в научный оборот клейма российских фарфоровых и фаянсовых заводов XIX – нач. XX вв., полученные в ходе исследования археологического памятника «Культурный слой г. Кургана». Некоторые клейма уральских предприятий публикуются впервые и на основе первоисточников уточняются их датировки.

Ключевые слова: археология нового времени, городская археология, датировка клейм, фарфор, фаянс.

Археологический памятник «Культурный слой г. Кургана» был выделен в 2005 г. и с 2009 г. начались ежегодные археологические раскопки на территории городских усадеб сер. XVIII – нач. XX в., расположенных в границах выявленного объекта культурного наследия [*Маслюженко и др*. 2017]. Так, в 2016 г. в результате раскопок, проводившихся на границе участков ул. Куйбышева, 21-23, была получена коллекция фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды – 1783 ед. Из них 20 с клеймами заводов, из которых 10 были атрибутированы как марки отечественных производителей и датированы 1850-ми – 1930-ми гг. Оставшиеся 10 клейм на первом этапе исследования идентифицировать не удалось [*Мергенева*, 2019]. При повторном анализе коллекции было обнаружено ещё 1 неизвестное клеймо. Однако дальнейшее их изучение, привлечение первоисточников и сравнение с археологическими материалами из публикаций других исследователей дали положительные результаты – большинство из них на данный момент надёжно атрибутированы.

Первые два одинаковых, штампованных, подглазурных клейма чёрного цвета в виде соцветий, буквой «Ф» и надписью ниже в ленте: «СИМОНА АФОНИНА», были найдены в X объекте, представлявшем собой остатки погреба, с зафиксированным по центру вкопом. С обратной стороны фрагментов присутствуют растительные орнаменты (рис. 1). Клейма имеют высокую степень сохранности, рисунок чёткий, хорошо пропечатанный. В ходе реконструкции удалось установить, что они были нанесены на фаянсовые блюда диаметром 25 см. В этом же объекте было найдено вдавленное в тесто клеймо с надписью «АФОНИНА». Клеймо слабо пропечатано, фрагмент не орнаментирован.

В V объекте, представлявшем собой остатки мусорной ямы, было обнаружено ещё одно вдавленное в тесто клеймо с надписью «АФОНИНА» (рис. 2). С обратной стороны находка орнаментирована голубым геометрическим узором ручной росписи. Подобный фрагмент был найден в г. Кирове в 2005 г., но не был атрибутирован из-за отсутствия клейма [*Евшин*, 2019, с. 251]. Похожие неатрибутированные экземпляры находятся в коллекциях Пермского и Томского

© Мергенева К.Н., Сауков Г.Н., 2020

областных краеведческих музеев, №№ в Госкаталоге музейного фонда РФ: 16843928 и 13015949 соответственно [ГКМФ РФ].

Все эти клейма отсутствуют в специальной литературе и публикуются впервые. Они атрибутированы как клейма фабрики С.П. Афонина (г. Екатеринбург, Пермская губ.). Сбыт изделий производился «на Ирбитской ярмарке и в ближайших городах Сибири» [*Мозель*, 1864, с. 350]. Основанная в 1839 г. фабрика впоследствии перешла к А.Ф. Шурову [*Каталог*, 1887]. Есть и другие возможные даты основания: 1840 г. [*Орлов*, 1894] и 1845 г. [*Перечень*, 1897]. Резолюцией Екатеринбургского окружного суда от 06.11.1879. было утверждено к исполнению завещание некоего Афонина [*ЕН*, 1879, с. 227], а в газетном объявлении от 22.04.1881. уже речь идёт о «фаянсовом заведении наследников Афонина» и упоминается имя Андриана Федуловича Шурова [*ЕН*, 1881, с. 222]. В июле 1884 г. он однозначно называется «фабрикантом фаянсовых изделий» и отмечается преемственная связь с фабрикой Афонина [*ЕН*, 1884, с. 466]. Таким образом, нижняя граница клейм Афонина: не ранее 1839 г. и не позднее 1845 г., а верхняя: не ранее 1879 г. и не позднее 1884 г.

Ещё одной находкой в X объекте стало фрагментированное вдавленное в тесто с нечётким контуром букв клеймо с надписью «БР. ПЕРМЕКОВЫ…» в одну строку (рис. 3). Орнамент на обратной стороне фрагмента отсутствует. Клеймо атрибутировано как принадлежащее фабрике братьев К.А. и А.А. Пермяковых (с. Уктус, Пермская губ.). Столовая и кухонная посуда сбывалась в г. Екатеринбурге и на ярмарках: Ирбитской, Ишимской, Камышловской, Крестовской, Тюменской, Челябинской и Шадринской [*Каталог*, 1887].

В Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится тарелка с чёрной подглазурной маркой братьев Пермяковых и вдавленной в тесто надписью «ПЕРМЯКОВЫ» [ГКМФ РФ, №3494237]. Вдавленное клеймо, найденное в г. Кургане, отличается от тобольского и, таким образом, публикуется впервые.

Принадлежавшая в 1887 г. братьям Пермяковым фабрика [*Каталог*, 1887] по данным за 1884 г. числилась за Е.Ф. Пермяковой [*Орлов*, 1887], а уже в 1890 г. каждый из братьев владел собственной фабрикой [*Орлов*, 1894]. Таким образом, клеймо фабрики братьев Пермяковых можно датировать периодом: не ранее 1885 г. и не позднее 1890 г.

Также в X объекте раскопа был обнаружен фрагмент клейма с надписью «БР.» и ниже: «…НОВЫХЪ». Клеймо, вдавленное в тесто, имеет ярко выраженный контур букв. Обратная сторона фрагмента не орнаментирована. Там же было найдено вдавленное клеймо с надписью «БР.» и ниже по центру: «…ЕКАНОВЫХЪ» (рис. 4). Находка не орнаментирована, клеймо слабо пропечатано. В V объекте было обнаружено фрагментированное, вдавленное в тесто клеймо с надписью «…Р.» и ниже: «…ОВЫХ». Клеймо нечёткое, имеет размытые края букв.

Клейма идентичны и атрибутированы как принадлежащие фабрике братьев Чекановых (г. Екатеринбург, Пермская губ.). Похожие имеются в коллекции г. Кирова [*Евшин*, 2019]. Продукция: тарелки, миски, банки и пр. сбывалась «в г. Екатеринбурге и др. местах» [*Каталог*, 1887], а также на Ишимской и Абатской ярмарках Тобольской губ. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, Л. 70].

Клеймо братьев Чекановых, по упоминаниям об их совместной предпринимательской деятельности, достоверно можно датировать 1877-1890 гг. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, Л. 70; *Орлов*, 1894], а шире, по упоминаниям предыдущего и последующих владельцев семейного предприятия – не ранее 1860 г. и не позднее 1895 г. [*Мозель*, 1864; *Перечень*, 1897].

В I объекте, который представлял собой остатки погреба, был найден неорнаментированный фрагмент фаянсовой тарелки с подглазурным штампованным подпрямоугольной формы клеймом красного цвета в виде аверса и реверса медали, ниже двуглавого орла с лентой по периметру и надписью в ней: «ФАБРИКИ М.С. … ВЪ …». Клеймо атрибутировано как принадлежащее фабрике М.С. Кузнецова (с. Кузнецово, Тверская губ.) и датируется 1872-1889 гг. [*Дулькина*, 2003, с. 191].

Кроме клейм уральских производителей, в X объекте был найден неорнаментированный фрагмент фарфоровой кружки с подглазурным штампованным клеймом в виде круга с надписью внутри: «РСФСР·ДМИТРОВСК…», под кругом: «СТ. ВЕРБИЛКИ», над кругом: «Т.2». Клеймо имеет низкую степень сохранности: края нечёткие, контур букв размыт. Оно

атрибутировано как клеймо Дмитровской фарфоровой фабрики (ст. Вербилки, Московская обл.) и датировано 1934-1940 гг. [*Пелинский*, 2012].

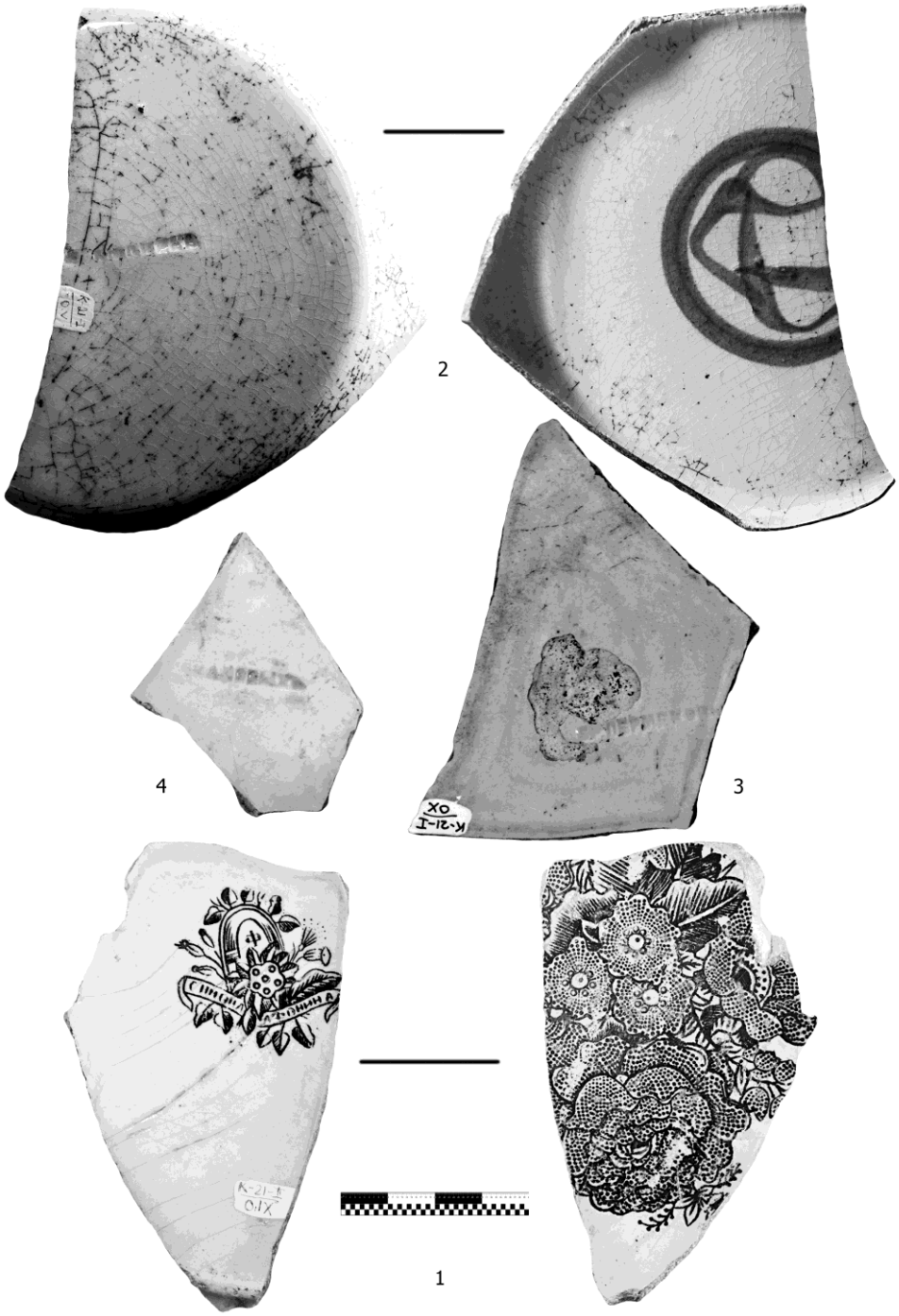


Рис. 1. Атрибутированные клейма с раскопа на ул. Куйбышева 21-23: 1, 2 – фабрика С.П. Афонина; 3 – фабрика братьев Пермяковых; 4- фабрика братьев Чекановых.

В этом же объекте был обнаружен неорнаментированный фарфоровый фрагмент, представляющий собой донце горчичницы или солонки с надглазурным синим клеймом овальной формы. Края и контур букв размыты, надпись, кроме цифры «2» в центре, не читается. Клеймо принадлежит Фарфорово-фаянсовой фабрике «Коминтерн» (ст. Волхов, Новгородская обл.) и датировано 1934-1941 гг. [*Пелинский*, 2012].

Там же был найден неорнаментированный фрагмент фарфоровой кружки с клеймом в виде чаши с аббревиатурой в круге «УФТ». Клеймо надглазурное, зелёного цвета, атрибутировано как принадлежащее Полонскому фарфоровому заводу (г. Полонное, УССР) и датировано 1945-1953 гг. [*Пелинский*, 2012].

Таким образом, благодаря атрибуции и уточнению датировок клейм из раскопа на ул. Куйбышева, 21-23 получена новая информация как о более широкой географии, так и хронологии торговых связей г. Кургана. Кроме того, введение в научный оборот новых клейм уральских производителей фаянса и уточнение их датировок поможет в дальнейшем более точно датировать культурный слой при проведении археологических исследований в регионе.

Библиографический список

ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске», Ф.И-417. Оп. 1. Д. 642.
Государственный каталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс].URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 26.10.19).
Дулькина Т.И. Марки российского фарфора и фаянса. 1750-1960. М.: Изд-во И. Касаткиной, 2003. 422 с.
Евшин А.С. Морфологическое описание археологической коллекции фарфора и фаянса на основе материала охранных работ по улице Герцена, 28 в г. Кирове // Общество. Наука. Инновации (НПК-2019): сб. ст. XIX Всерос. науч.-практ. конф. в 4 т., эл. рес. Т. 3. Киров: ВятГУ, 2019. С. 242-254.
Екатеринбургская неделя. 1879. №17. С. 227.
Екатеринбургская неделя. 1881. №15. С. 222.
Екатеринбургская неделя. 1884. №26. С. 466.
Каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г. УОЛЕ в г. Екатеринбурге. Екатеринбург: Тип. «Екатеринбургской недели», 1888. 340 с.
Маслюженко Д.Н., Новиков И.К., Первухина А.А. Археологический памятник «Культурный слой города Кургана»: основные итоги изучения // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. Омск: ИД «Наука», 2017. С. 303-307.
Мергенева К.Н. Анализ коллекции фарфоровых и фаянсовых изделий из раскопа городских усадеб на ул. Куйбышева, 21-23 города Кургана //LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция.Мат-лы всерос. (с междунар. участ.) конф. студ., аспир. и мол. уч. Курган: КГУ, 2019. С. 203-206.
Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Т. 18: Пермская губерния. ч. 2. СПб.:ГУ Генштаба,1864.746 с.
Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. 3-е изд. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. XVI, 827 с.
Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского.2-е изд. СПб.: Тип. Р. Голике, 1887. XIV, 824 с.
Пелинский И.А., Сафонова М.А. Советский фарфор 1917-1991. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ИД «Любимая книга», 2012. 512 с.
Перечень фабрик и заводов. Фабрично-заводская промышленность России. СПб.: Тип. И.А. Ефрона, 1897. 64, 2, VI, 1050с.

UNATTRIBUTED STAMPS OF PORCELAIN AND FAIENCE FACTORIES FROM EXCAVATIONS OF CITY ESTATES ON KUIBYSHEV STREET, 21-23 KURGAN: QUESTIONS OF INTERPRETATION AND DATING

K. Mergeneva, G. Saukov

Kurgan state University, Kurgan
mergeneva99@mail.ru
saukow@mail.ru

Academic supervisor– PhD D. Masliuzhenko

In the article the author tries to attribute and introduce for scientific use the stamps of Russian porcelain and faience factories of the 19-early 20th centuries, obtained in the study of the archaeological monument «cultural layer of the Kurgan». Some stamps of the Ural enterprises are published for the first time and on the basis of primary sources their Dating is specified.

Keywords: archaeology of modern times, urban archaeology, dating of stamps, porcelain, faience.

УДК 903.23

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС Г. САРАПУЛА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2017–2019 гг.)

М.А. Михайлова

Удмуртский государственный университет, Ижевск
marisha.mixajlova10@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. С.А. Перевозчикова

В статье дается краткая характеристика керамического материала, полученного при раскопках исторической части г. Сарапул Удмуртской Республики в 2017-2019 гг. Удмуртским госуниверситетом. Керамический материал представлен поливной и неполивной посудой XVII – начала XX в.: горшками, крынками, мисками, корчагами и другими типами.

Ключевые слова: городская археология, Удмуртская Республика, Сарапул, типология, керамическая посуда, поливная посуда, круговая керамика.

Сарапул – один из старейших городов Прикамья. Впервые как место поселения упоминается в Переписной книге 1596 г. [*Блинов*, 1887]. В дозорной книге 1621 г. назван селом Вознесенским с перечислением 132 дворов. В 1740 г. село переименовано в дворцовую слободу Сарапул. После проведения Екатериной II административной реформы слобода получает статус города и становится центром уезда в составе Вятского наместничества [*Грязев*, 2017]. В 1784 г. утвержден первый генеральный план города, по которому территория Сарапула простиралась от реки Юрманки до реки Сарапулки, включая 3 улицы, располагавшиеся параллельно Каме и 10 – перпендикулярно. Этими улицами в настоящее время и определяется облик исторического центра [*Перевозчикова*, 2017].

С середины 1980-х гг. регулярный археологический надзор за земляными работами в городе вел научный сотрудник музея Н.Л. Решетников. Тогда же территория исторического центра была выделена в качестве самостоятельного памятника археологии как Сарапульское поселение XVI–XVIII вв.

С 2009 г. разрабатывается программа поддержки развития Сарапула как моногорода. В 2016 г. начались строительные работы на набережной. В 2017–2019 гг. сотрудниками Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под руководством С.А. Перевозчиковой проводились спасательные археологические раскопки в исторической части г. Сарапула [*Перевозчикова*, 2017, 2018]. В ходе проведенных работ были частично изучены Сарапульские поселение и I могильник.

Находки с раскопок представлены предметами бытового и культового назначения: фрагменты фаянсовой и фарфоровой, стеклянной, керамической и железной посуды, монеты, изразцы и т.д. Находки укладываются в рамки XVII – начала XX в. Самую массовую часть составляют фрагменты глиняной посуды.

Всего было найдено 543 фрагмента круговой керамики, изготовленных преимущественно из серожгущихся глин с незначительной примесью мелкого песка, иногда отмечаются включения гальки и бурого железняка. В силу чего численно преобладают фрагменты серого, темно-серого и черного цвета (396 фр. – 72,9%). Красножгущаяся керамика менее представительна (100 фр. – 18,4%), в тесте также содержит небольшую примесь мелкого песка. Ее цветовая гамма: от коричневого до темно-коричневого цвета.

В подавляющей массе представлены фрагменты горшков (359 фр. – 66,1%) и корчаг (52 фр. – 9,6%), различающихся оформлением горловины и размерами. Имеются также носик умывальника, выполненный в зооморфном стиле, фрагменты сосудов типа классической крынки (23 фр. – 4,2%) или кувшина (35 фр. – 6,4%), миски (52 фр. – 9,6%). Кроме этого, в

© Михайлова М.А., 2020

коллекции находятся фрагменты кружек и цветочных горшков (по 7 фр. – 1,3%), грузил, банок и помадницы (по 2 фр. – 0,4%), глиняных ручек (3 фр. – 0,6%).

Доля орнаментированных фрагментов составляет 15,7% (85 фр.) от общего числа всех фрагментов. Чаще всего керамика украшена линиями каннелюров и косой/прямой волной. Выделяются также линия косых насечек по венчику, геометрический орнамент в виде ряда квадратов контрастной поливы по стенке, зигзагообразный узор. Отмечается также использование нескольких цветов краски в виде декора.

На внешней поверхности ряда фрагментов (15,8%) отмечен нагар, как правило, незначительный. Часть фрагментов (29 фр. – 5,3%) имеет пористую структуру, что говорит о сильной вторичной термической обработке керамики. Общая толщина стенок фрагментов колеблется от 0,4 до 6,5 см.

Достаточно многочисленны фрагменты днищ, скорее всего, происходящие также от разноразмерных горшков. Практически у всех отмечено использование подсыпки мелким песком, за исключением полосы вдоль края, где читается срезание сосуда после изготовления с круга струной или нитью. Отмечаются редкие особенности в оформлении днищ: подрезание края днища с последующим его заглаживанием, простая подрезка ножом, сглаживание закраины, дающее эффект орнаментации косыми насечками, закраина, неглубокий желобок. Встречена орнаментация придонной части сосудов: один украшен своеобразной косой сеткой из желобков, проведенных, скорее всего, пальцем, и нарезок ножом, нечетким каннелюром, достаточно широким каннелюром и наклоненными вправо насечками. По оформлению венчиков и днищ удалось выделить 214 сосудов. Диаметр дна восстанавливается в 47 случаях, он колеблется в интервале от 9 до 29 см. Возможно, что сосуды с диаметром дна свыше 20 см относятся к категории корчаг [Перевозчикова, отчет за 2017 г.].

Интересны 2 фрагмента днища, предположительно, крынок или горшков. На одном из горшков сохранилась часть овального клейма «? фабрика И.Е. Кузнецова». Скорее всего, сосуд был изготовлен на Чудовском заводе (р. Волхов), где И.Е. Кузнецов первоначально производил глиняную посуду.

Неполивная керамика представлена 351 фрагментом (64,6% от общего числа всей керамики). По оформлению горловины выделяются группы горшкообразных сосудов с блоковидной горловиной разной степени отогнутости, с усеченноконической, с цилиндрической, с раструбообразной горловиной, с низкой шейкой и крутым венчиком. Почти внутри каждой группы удается проследить разделение на сосуды с простым округлым/слегка приостренным; с округлым/овальным, утолщенным снаружи; с «клювовидным»; с желобком на внутренней стороне; со скошенным наружу; с уплощенным венчиками. Среди неполивных мисок (рассматриваются все сосуды без шейки) выделяются открытые со скошенным внутрь венчиком, высокие открытые с коническим туловом, высокие закрытые чаши с горизонтальным венчиком с наплывом на внутренней стороне и сосуды с высоким прямым плечом.

К поливной керамике можно отнести 192 фрагмента (35,4% от общего числа всей керамики). Используемая полива чаще всего бесцветная (83 фр. – 15,3%). Имеются также фрагменты с поливой коричневого (23 фр. - 4,2%), красного (22 фр. – 4%), зеленого и оливкового (58 фр. – 10,7%), серого и белого (по 7 фр. – 1,3%), черного (3 фр. – 0,6%) и желтого (2 фр. – 0,4%) цветов.

В изготовлении поливных горшков удается проследить 4 основных оформления: как правило, поливные горшки характеризуются простым округлым или приостренным венчиками, низкой/крайне низкой блоковидной горловиной. Отмечается также раздутое тулово некоторых сосудов. Поливные крынки характеризуются высокой цилиндрической/блоковидной горловиной со слабораздутым туловом. Максимальный размер части сосудов приходится на верхнюю часть. Миски делятся на чаши усеченноконической формы, с невысоким плечом и слегка прикрытые/открытые за счет венчика, закрытой формы с высоким плечом и округлым венчиком.

Культурный слой в исторической части г. Сарапул (Сарапульское поселение) датируется концом XVI – началом XX в. Коллекция посуды, полученная в результате раскопок 2017–2019

гг., поможет в дальнейшем выделить более узкие хронологические этапы бытования русской посуды в Удмуртии.

Библиографический список

Блинов Н.Н. Историко-статистическое описание города Сарапула и его уезда. Сарапул: Типолитография А. Л. Пойловой, 1887. 58 с.
Грязев Г.Г. Сарапул. Жемчужина Камского берега: Книга для чтения по краеведению. - Ижевск: Удмуртия, 2017. - 64 с.
Перевозчикова С.А. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ на выявленных объектах археологического наследия «Сарапульский I могильник» и «Сарапульское поселение» при строительстве объекта «Туристско-рекреационный кластер «Камский берег». – Ижевск, 2017. – 113 с.
Перевозчикова, С.А. Отчет об археологических полевых работах (археологические наблюдения), проведенных в г. Сарапул (ул. Труда, 17) Удмуртской Республики осенью 2018 года. – Ижевск, 2018. – 88 с.

CERAMIC COMPLEX IN THE CITY OF SARAPUL OF THE UDMURT REPUBLIC (ON THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATION OF 2017–2019)

M. Mikhailova
Udmurt state University, Izhevsk
marisha.mixajlova10@gmail.com

Academic supervisor- PhD S. Perevozchikova

The article gives a brief description of the ceramic material obtained during the excavations of the historical part of Sarapul of the Udmurt Republic in 2017-2019 by the Udmurt state University. Ceramic material is represented by watering and non-watering dishes of the XVII-early XX century.

Keywords: urban archeology, Udmurt Republic, Sarapul, typology, ceramic tableware, watering ware, circular ceramics.

УДК 902(470.342)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ Г. КИРОВА

Ю.А. Онуфриенко
Вятский государственный университет, Киров
yuliyaonufrienko@mail.ru

Научный руководитель – А.О. Кайсин

Аннотация. Статья посвящена итогам археологического изучения некоторых погребальных памятниковна территории современного г. Кирова. В ней рассматриваются особенности погребальных памятников, их информативная ценность и приводятся результаты археологического изучения. Были рассмотрены следующие могильники на территории г. Кирова: Хлыновский I могильник, Хлыновский II могильник, кладбище при Воскресенском соборе, кладбище при Вознесенской церкви, а также кладбище при Предтеченской церкви.

Ключевые слова. Могильник, кладбище, погребения, церковь, Киров, Вятка.

Одним из видов археологических объектов является кладбище. Оно позволяет определить социологический срез общества, половозрастной состав населения, даёт информацию о материальной и духовной культуре людей, различных демографических и даже

© Онуфриенко Ю.А., 2020

этнических аспектах общества в целом. Кладбище является важным объектом изучения исторической повседневности.

В ходе работы были рассмотрены следующие погребальные памятники:

Хлыновский I могильник. Он располагался на территории Вятского Успенского Трифонова монастыря. Общее количество погребений, выявленных в разное время на могильнике, составляет более 60. Первые погребения на памятнике были зафиксированы в 1981 г. Л.Д. Макаровым во время осмотра траншеи, пересекавшей двор монастыря от Успенского собора к Братскому корпусу. При этом в ней выявлен разрез могильных ям, имевших глубину от 1,2 до 2 м. [*Кряжевских*, 2019, с. 159].

В 1989–1991 гг. на территории монастыря проводились реставрационные работы, в ходе которых сотрудники сектора археологии Кировского областного краеведческого музея под руководством Л.А. Сенниковой осуществляли археологические наблюдения за земляными работами. Особенностью выявленных захоронений являются повсеместные взаимные нарушения могильных ям, которые были изучены лишь частично в разрезах коммуникационных траншей. Также выявлены два вида ориентации захоронений (запад–восток и север–юг), которые, вероятно, связаны с погребением различных этнических групп (русского и финно-угорского населения). [*Сенникова* и др., 2018, с. 64]. Можно предположить, что кладбище перестало функционировать в начале XVI в., а появление некрополя в данном месте можно отнести к началу основания города Хлынова в конце XIV в.

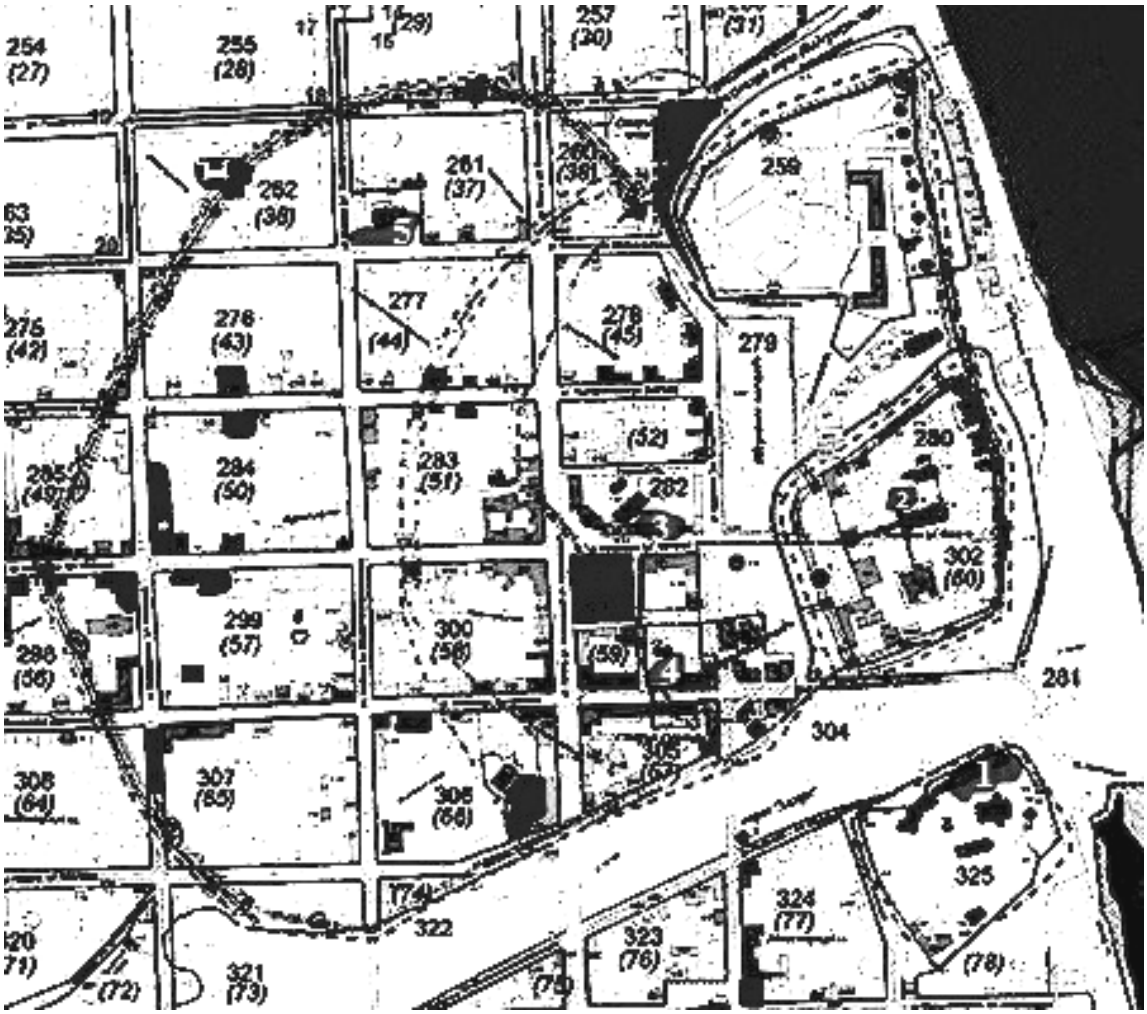


Рисунок 1. Примерные границы некоторых погребальных памятников на территории г. Кирова: 1 – Хлыновский могильник I; 2 – Хлыновский могильник II; 3 – приходское кладбище при Воскресенском соборе; 4 – приходское кладбище при Вознесенском соборе; 5 – приходское кладбище при церкви Иоанна Предтечи.

Хлыновский II могильник. Он находился на территории Хлыновского кремля к югу и юго-западу от бывшего Богоявленского собора. Погребения были обнаружены Л.П. Гуссаковским во время исследований на территории кремля в 1956–1958 гг.

В ходе работ Л.П. Гуссаковского были выявлены 25 погребений, пять из которых оказались детскими. Обнаруженные костяки имели ориентировку головой на запад–юго-запад и запад–северо-запад, во всех случаях присутствуют остатки деревянных гробов. Умершие лежали вытянуто на спине, глубина могильных ям варьировалась от 0,5 до 1 м. В пяти детских погребениях выявлены медные нательные крестики конца XVI–XVII вв. [*Кряжевских*, 2019, с. 160]. Еще в двух детских захоронениях выявлено по два железных гвоздя, которые Л.А. Сенникова относит к погребальному (жертвенному) комплексу [*Сенникова*, 2009, с. 150–151].

В 1983 г. во время исследования траншеи водопровода, проложенной в том числе по территории Хлыновского кремля, Л.Д. Макаров зафиксировал следы еще шести погребений глубиной от 0,25 до 1 м. Погребенные в них располагались головой на запад [*Макаров*, 1999, с. 54].

В 1935 г. на месте бывшего приходского **кладбища Воскресенского собора** Хлыновского кремля началось строительство Центральной гостиницы. Во время земляных работ для фундамента планируемого здания, рабочими были обнаружены человеческие останки. Раскопками на данной территории руководил, находившийся на Вятке в ссылке 1934–1937 гг. археолог М.П.Грязнов.

На месте раскопа было собрано значительное количество человеческих костей с кладбища, разрушенного строительными работами. Будучи антропологом, М.П. Грязнов провёл половозрастное определение умерших, краниометрический анализ 109 черепов и остеологическое исследование костей посткраниального скелета. Были обнаружены останки 136 человек: женщин – 40, в возрасте от 18 – старческого; мужчин– 43, в возрасте от 14 – 60; детей – 31, в возрасте от 0–3 мес. – 14; у 22 человек, находившихся в возрасте от 20–60 лет, пол определить не удалось. [*Онуфриенко*, 2018, с. 467].

Совместно с ленинградским антропологом Д.Г. Рохлиным, М.П. Грязнов провёл патологоанатомический анализ костей, который выявил процент серьёзных заболеваний и механических травм. Причинами болезней он считал тесноту и антисанитарное состояние жилищ, отсутствие медицинской помощи [Макаров, 1999, с. 49].

В 1997 г. проводились надзорные работы Кировского областного краеведческого музея во время прокладки водопровода на территории кладбища Воскресенского собора, где были обнаружены 12 нательных крестов, которые в настоящее время хранятся в фондах Кировского областного краеведческого музея. Временные рамки данных нательных крестов XVIII – первая половина XIX вв. [*Глушкова*, 2016, с. 173].

На месте **приходского кладбища при Вознесенском соборе** в 2011 г. НПЦ по охране объектов культурного наследия проводил охранные работы. На этом месте были выявлены 4 могильные ямы, а также удалось обнаружить останки 9–10 человек. Археологические работы включали в себя лишь зачистку стенок котлована и фиксацию находок в них. Погребения ориентированы по линии восток–запад и фиксируются на глубине 2,4–2,7 м от уровня современной дневной поверхности. При этом они прорезают темно-коричневый гумусированный культурный слой, образовавшийся на месте городского торга. В одном из захоронений обнаружены фрагменты медного крестика, в другом – остатки одежды, покрывающей кости, наподобие грубого холста. [*Кряжевских*, 2014, с.115].

В период реставрации церкви **Рождества Иоанна Предтечи** Кировским государственным объединенным историко-архитектурным и литературным музеем проводились работы по археологическому надзору. Исследования проводились под руководством Е.А. Кошелевой. С южной стороны церкви вплотную к стене был заложен шурф-траншея с целью обследования фундамента. В траншее были найден наперсный крест конца XVI – начала XVII вв., а также два нательных креста более позднего периода, что косвенно подтверждает факт существования приходского кладбища вокруг Предтеченской церкви на протяжении XVIII в. Это позволяет включить данную территорию в одну из перспективных для изучения погребальных памятников на территории современного г. Кирова. [*Кайсин* и др., 2019].

В настоящее время ни один из погребальных памятников позднего Средневековья и Нового времени на территории современного г. Кирова не сохранился в своем первоначальном виде. Большинство в настоящее время застроено разновременными постройками. Находки, полученные при раскопках погребений, представляют собой важную информацию для воссоздания образа жизни людей, позволяют определить временные рамки данных объектов и частично восстановить историческую топографию города.

Библиографический список

Глушкова А.В. Культовая пластика с кладбища Воскресенской церкви г. Вятки // Сборник материалов VII Межрегиональной церковно-научной конференции, посвященной 1000-летию подвига святых князей Бориса и Глеба. Киров: Лобань,2016. С.173–177.
Кайсин А.О., Глазырина М.К., Старков Р.Л. Археологические работы при реставрации церкви Рождества Иоанна Предтечи в городе Кирове // Вестник гуманитарного образования. 2019. №2 (в печати).
Кряжевских А.Л. Результаты археологических исследований в Кирове 2009-2011 г. // Вятский исторический сборник 2014г. Киров: Герценка, 2014. С. 113-122.
Кряжевских А.Л. история изучения и перспективы дальнейшего исследования погребальных памятников позднего средневековья и нового времени на территории г. Хлынова-Вятки//Теория и практика археологических исследований. 2019. №1. С. 157–168.
Макаров Л.Д. История археологического изучения г. Вятки (Хлынова) // Европейский Север в культурно-историческом процессе (К 625-летию города Кирова): материалы междунар. конф. (Отв. ред. В. В. Низов). Киров, 1999. С. 48–57.
Онуфриенко Ю.А. Топография кладбищ на территории Хлынова-Вятки в XVII–XVIII вв. // L Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара: Самарский университет, 2018. С. 465–469.
Сенникова Л.А. Захоронения позднего средневековья на Вятской земле // Музеи – хранители культурного наследия: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Киров, 2009. С. 145–154.
Сенникова Л.А., Кайсин А.О., Онуфриенко Ю.А., Жилина М.В., Борисова А.М. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря // Вестник гуманитарного образования. 2018. №1. С. 64–75.

SOME RESULTS OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF FUNERARY MONUMENTS IN THE CITY KIROV

J. Onufrienko
Vyatka State University, Kirov
yuliyaonufrienko@mail.ru

Academic supervisor – A. Kaisin

The article is devoted to the results of archaeological research of some funerary monuments in the territory of the modern city of Kirov. It examines the features of funerary monuments, their informative value, and presents the results of their archaeological study. The following burial grounds were examined on the territory of Kirov: the Hlynovsky I burial ground, the Hlynovsky II burial ground, the cemetery at the Resurrection Cathedral, the cemetery at the Ascension Church, as well as a cemetery at the Baptist Church.

Keywords: Burial ground, cemetery, burial, church, Kirov, Vyatka.

УДК 903

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Р.А. Памеев
Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
1866rodion@gmail.com

Научный руководитель – П.С. Данилов

Статья посвящена археологическому изучению оборонительной системы Царевококшайска. В результате раскопок на территории г. Йошкар-Ола были получены сведения о второй оборонительной линии города. Крепостные сооружения имели разную мощность на разных участках оборонительной линии. Обнаружено расхождение письменных источников с археологическими данными.

Ключевые слова: оборонительные сооружения, Царевококшайск, XVII век, тын, посад, ров, вал, острог.

По материалам археологических раскопок, которые проводились в 2008–2009 гг. и в 2013 г., можно представить, что из себя представляла вторая линия укреплений Царевококшайска. Вторая линия укреплений была построена после того, как в январе 1609 г. город был взят повстанцами [*Тарасова, Иванов, Шомина, Лаптева*, 1994], и предназначалась в первую очередь для защиты посада, который сформировался вокруг кремля. В 1628 г. уже упоминается вторая линия укреплений [*Иванов*, 2011, с.333-339], т.е. она была построена в период между 1609 и 1625 гг.

В статье Г.Л. Ласточкина «О местоположении русской крепости на Кокшаге-реке (к постановке проблемы)» автор на основании составленного им топоплана проводит расчеты, согласно которым периметр второй линии укреплений должен составлять 672,3 метра [*Ласточкин*, 2009]. В 1696 г. в городе произошел пожар, во время которого деревянные укрепления были уничтожены, после этого они уже не восстанавливались [*Иванов*, 2011], так как необходимость в укреплениях отпала. Со временем ров постепенно оплывал, хотя и сохранился в некоторых частях города вплоть до конца XX века. Вал был снивелирован.

Письменные источники могут дать нам общее представление бо оборонительных сооружениях посада, хотя зачастую при их написании использовались косвенные данные [*Воробьева, Данилов, Зеленеев Ал.Ю., Зеленеев Ю.А., Калыгина, Коновалова, Филиппова*, 2014]. Можно подставить под сомнение данные о конструкции оборонительных сооружений, т.к. все источники, содержащие эти данные, были написаны уже после пожара 1696 года. Поэтому наиболее объективное представление о оборонительных сооружениях царевококшайского посада можно составить лишь при использовании археологических данных так как они дополняют и уточняют письменные источники.

Во время раскопок 2008 и 2009 гг. вторая линия укреплений была обнаружена и разрезана двумя раскопами шириной 3 м, находящихся друг от друга в 100 м. Раскоп проходил по западной стене оборонительной линии [*Зеленеев*, 2008; *Зеленеев*, 2009].

В 2013 г. с целью определения границ археологических объектов на территории города была проведена шурфовка, в ходе которой был обнаружен участок рва второй линии укреплений посада Царевококшайска [*Филиппова*, 2013].

Ширина рва колеблется от 6 на северном участке и до 10 м на южном, глубина от 160 до 250 см соответственно [Археологическое изучение Йошкар-Олы, 2014, с. 41, 49]. При раскопках в 2008 г. на дне рва была обнаружена деревянная конструкция, предназначенная для укрепления стенок рва. Она состояла из двух рядов плашек, упиравшие в пазы бревна-основания. Плашки были установлены под углом 60° по отношению друг к другу. Еще одно бревно находилось между плашками [*Зеленеев*, 2010]. При раскопках в 2009 г. была найдена подобная конструкция и на южном участке рва. На некоторых участках материкового склона

© Памеев Р.А., 2020

рва склон резко обрывается и образует ступеньки. Материковое дно рва в самых глубоких точках представлено желтым песок с ортзандами [*Зеленеев*, 2009].

Данные шурфовки в 2013 г. позволили выявить восточный склон рва, который был прослежен в двух шурфах. Также были подтверждены результаты раскопок 2008-2009 гг. [*Воробьева, Данилов, Зеленеев Ал.Ю., Зеленеев Ю.А., Калыгина, Коновалова, Филиппова*, 2014].

Вал представлен прослойкой светло-коричневого суглинка [*Зеленеев*, 2008]. На всей заострожной территории находится слой глины, который, скорее всего, возник из-за нивелировки вала.

Сама крепостная стена, которая представлена тыном, имеет разную конструкцию на разных участках оборонительной линии. Различие конструкции состоит в разном количестве рядов частокола. Так остатки крепостной стены, обнаруженные в 2009 году, представляли из себя стену в два ряда столбов, углубленных в материк, пространство между которыми было заполнено светло-коричневым суглинком с включением темно-серой гуммированной супеси, печиной и древесным тленом [*Зеленеев*, 2009].

При сопоставлении археологических данных и письменных источников относительно устройства оборонительных стен, выявляется расхождение. В ряде источников указывается на то, что острог был рублен в тарасы [*Тарасова, Иванов, Шомина, Лаптева*, 1994; *Иванов*, 2011]. «Тараса или тарасы – это система деревянных крепостных стен, при которой две параллельные стены через некоторые промежутки соединялись врубленными в них поперечными стенками, а образовавшиеся таким образом клетки засыпались землей и камнями» [*Крадин*, 1988, с. 10]. Наличие такой конструкции не подтверждается, так как обнаруженные ряды тына между собой ничем не соединялись, а просто были заполнены суглинком.

На основании археологического исследования можно предположить, что внутренний ряд частокола — это «полати», которые служили для подпорки внешней стены и позволяли стрелять над её верхней частью [*Крадин*, 1988].

Библиографический список

Воробьева Е.Е., Данилов П.С., Зеленеев Ал.Ю., Зеленеев Ю.А., Калыгина Ж.С., Коновалова Л.П., Филиппова Е.Е. Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города). *Йошкар-Ола*: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2014. 180 с.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических раскопках в Йошкар-Оле в 2008 году // Архив УНАЭЦ МарГУ

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических раскопках в Йошкар-Оле в 2009 году // Архив УНАЭЦ МарГУ

Зеленеев Ю.А. Укрепления Царевококшайского посада // Актуальные проблемы политической и социально-экономической истории Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 2010. С. 43-47.

Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII вв. Очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола, 2011. 440 с.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 190 с.

Ласточкин Г.Л. О местоположении русской крепости на Кокшаге-реке (к постановке проблемы) // Города Среднего Поволжья: история и современность. Йошкар-Ола, 2009. С. 56-67.

Тарасова В.М., Иванов А.Г., Шомина В.П., Лаптева Г.А. Йошкар-Ола. 1584-1991 гг.: документы и материалы по истории города. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994.352 с.

Филиппова Е.Е. Отчет по исследованию границы исторической охранной зоны Йошкар-Олы в 2013 году // Архив УНАЭЦ МарГУ.

DEFENSIVE STRUCTURES OF TSARYOVOKOKSHAYSK BY ARCHAEOLOGICAL DATA

R. Pameev

Mari State University, Yoshkar Ola
1866rodion@gmail.com

Academic supervisor – P. Danilov

This article is devoted to the archeological study of the defense system of Tsarevokokshaysk. The information about the second defensive line of the town was obtained as a result of excavations on the

territory of Yoshkar-Ola. The fortifications had different capacity in different parts of the defensive line. The discrepancy between written sources and archeological data was discovered.

Keywords: defensive structures, Tsaryovokokshaysk, XVII century, lath fence, posad, ditch, rampart, ostrog.

УДК 902/908

АРХЕОЛОГИЯ ДЕТСТВА: НАХОДКИ ГЛИНЯНЫХ ИГРУШЕК НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА КИРОВА

А.Э. Стародубцев

Вятский государственный университет, Киров
presdubtsev@gmail.com

Научный руководитель – А.О. Кайсин

В статье проанализирована информация о находках детских игрушек на археологических раскопках города Кирова. Вятка с давних времен была известна как место изготовления изделий из глины. Наиболее известными образцами вятской глины являются глиняные игрушки слободы Дымково. Упоминания о ней фигурируют в письменных источниках XIX в., однако находки археологов подтверждают более древнее происхождение этого промысла. О масштабах распространения продукции этого промысла на разных этапах существования города Кирова могут сказать археологические находки. Их анализ и типология могут дать информацию о развитии и распространенности дымковской игрушки в разные временные периоды.

Ключевые слова: Археология, игрушка, глина, Киров, Вятка. Дымково, находки, фигурки.

Промыслы, связанные с керамикой, издавна развиты в России. Помимо практичных керамических изделий, были популярны игрушки из глины.

В настоящее время достоверно не установлено, когда именно начали выпускать первые глиняные игрушки в слободе Дымково. Одно из первых упоминаний о Дымково относится к 1582 г., а появление дымковской игрушки большинство специалистов относят к началу XIX в. [*Луппов П.Н.*, 1958, с. 165]. Происхождение глиняной игрушки обычно связывают с местным вятским праздником – Свистопляской. Праздник проводился в Вятке ежегодно в четвертую субботу после Пасхи. Именно к нему приурочивали производство и массовую продажу глиняных игрушек, свистулек, а также глиняных шаров.

Согласно самой распространённой версии о происхождении Свистопляски, праздник связывают с полулегендарным побоищем хлыновских жителей с устюжанами, состоявшемся, по разным источникам, в XIV–XV вв. В память о погибших в битве воинах стали проводить поминальные службы, переросшие со временем в народные гуляния. Довольно подробно описали этот праздник Н. П. Рычков в конце XVIII в. [*Рычков*, 1892. С. 322–323] и сосланный в Вятку в 1811 г. генерал-майор Н. З. Хитрово [*Хитрово*, 1892. С. 328–329]. Одним из непременных атрибутов Свистопляски было катание со склона Раздерихинского оврага глиняных шаров или «шарышей», которые изготавливались специально к празднику и там же продавались. При этом П.В. Алабин и А.И. Деньшин относят производство «шарышей» к более раннему периоду, чем саму дымковскую игрушку [*Алабин*, 1865, С. 5; *Деньшин*, 1926. С. 208].

В соответствии с другой точкой зрения на появление Свистопляски, она является одним из древних языческих славянских весенних праздников. В частности, В.Ф. Кудрявцев и Д.К. Зеленин высказывали мнение, что Свистопляска – «остаток времён язычества» и имеет сходство с семиком – древним праздником, означавшим наступление лета и посвящённым культу растительности [*Кудрявцев*, 1896, С. 227; *Зеленин,* 1904, С. 145].

© Стародубцев А.Э., 2020

Наряду с «шарышами», вероятно древними глиняными изделиями являются и свистульки, которые изготавливались, как правило, всегда в форме животного или птицы. Среди них количественно первое место занимают фигурки уточек и уток – «крылаток». Также многочисленны фигурки коней – одноглавых или двуглавых. Только две разновидности дымковских свистулек передают человеческие образы: это всадник (на одноглавом или двуглавом коне) и так называемый «гуляющий кавалер» (дама) [*Богуславская*, 1988. С. 42].

Таблица 1. Распределение игрушек по типам и месту нахождения

Тип игрушки	Количество	%	Место находок
Зооморфные (животные)	7	17,1%	сл. Дымково; Киров ул. Свободы 47-а, ул. Герцена 26
Зооморфные (птицы)	3	7,3%	сл. Дымково; Киров ул. Свободы 47-а
Антропоморфные	14	34,1%	сл. Дымково; Киров ул. Володарского, 87
Свистульки	6	14,7%	сл. Дымково; Киров ул. Свободы 47-а
Неопределенные фрагменты	11	26,8%	сл. Дымково; Киров ул. Свободы 47-а
Всего	41	100%	

За время археологических исследований на территории г. Кирова было обнаружено достаточно много дымковских игрушек и их фрагментов. В их внешнем виде можно отследить определенное сходство с основными формами глиняной игрушки, которыми пользовались мастера дымковской игрушки при их создании.

В августе 2007 года в ходе раскопок в посадской части г. Кирова на Свободы 47а под руководством Е.А. Кошелевой было обнаружено 6 фрагментов глиняных игрушек, из которых 2 антропоморфные, 2 зооморфные, 1 зооморфный (птичий), 1 не определён. [*Кошелева*, 2007. С 7.]. В мае 2011 г. в ходе археологической разведки на территории слободы Дымково г. Кирова под руководством А. Л. Кряжевских было найдено большое количество различных фрагментов глиняных игрушек в шурфах и в качестве подъемного материала [*Кряжевских*, 2011. С. 26]. Всего обнаружено 36 фрагментов, из них 16 антропоморфных фигурок, 13 зооморфных и 7 фрагментов, определить принадлежность которых не удалось.

Всего найдено 42 фрагмента и археологически целых форм (см. Таблицу 1). Пользуясь классификацией, предложенной А.С. Хорошевым для классификации новгородских находок игрушек, все находки можно отнести к 2 группам: изобразительные (декоративные зооморфные и антропоморфные игрушки) и игрушки-забавы (свистульки) [*Хорошев*, 1998. С. 82–95.].

Все они, вероятнее всего, являются бракованным материалом, так как они не окрашены и не побелены. В представленных фрагментах преобладают антропоморфные формы и фрагменты свистулек, присутствует некоторое количество зооморфных фигур, а также примерно ¼ от всего количества составляют неопределенные фрагменты. В формах антропоморфных фигур преобладают женские фигуры «барынь», однако есть и мужские фигуры, такие как «кавалеры», а также, вероятно, мужская фигура в головном уборе, напоминающем картуз. В зооморфных фигурах основная часть относится к фигурам коней и уток (в основном фрагменты голов). Свистульки в большинстве представлены вполне рабочими образцами, которые, вероятнее всего были выполнены в форме птиц.

Преобладание декоративных форм дымковской игрушки, некоторые элементы одежды на антропоморфных фигурах и малое количество фигурок уток, популярных в раннее время производства дымки, указывает на поздний характер производства этих игрушек.

Тем не менее, среди этих находок присутствуют образцы, не являющиеся фрагментами дымковской игрушки, к примеру, находка, сделанная в 2003 г. во время раскопок на улице Володарского 87. Эта находка датируется XVIII в. и является глиняной свистулькой. Первоначально она была окрашена в зеленый цвет и по своей форме не походит на другие образцы дымковской игрушки. По форме можно предположить, что это была зооморфная фигура, однако форма не соответствует соответствующим формам дымковской игрушки. Ещё одной фигурой с не характерной для дымки формой является фрагмент антропоморфной фигуры, найденной на улице Свободы 47-а.

Таким образом, по найденным находкам можно сделать вывод, что ко 2-ой половине XIX в. сложились основные формы дымковской игрушки, которые производят мастера лепки в настоящее время. Однако, вместе с тем, одна из самых старых форм игрушки – утка-свистулька практически перестала производиться дымковскими мастерами.

Библиографический список

Алабин П.В. Заметка относительно древностей Вятского края//Вятские губернские ведомости, 1865. № 57. С 5.

Богуславская И.Я. Дымковская игрушка. Л. 1988. 346 с.

Василенко В.М. Народное искусство первой половины XIX века// История русского искусства, том 8, кн. 2. М. «Наука». 1964. с 363, 595.

Деньшин А.И. Вятские старинные глиняные игрушки. Вятка. 1926. С 208.

Зеленин Д.К. Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев. 1904. С 180.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1983. 220 с.

Кошелева Е.А. Отчёт об археологических охранно-спасательных исследованиях, в городе Кирове на ул. Свободы, 47-а в 2007 году // Фонды НИ археологической лаборатории ВятГУ, 2007.

Кряжевских А.Л. Отчет о результатах археологического обследования участков строительства объекта «Распределительный газопровод в слободе Дымково Первомайского района г. Кирова» // Архив КОГАУК «НПЦ по охране объектов культурного наследия Кировской области», 2011.

Кудрявцев В.Ф. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края // Календарь Вятской губернии на 1897 г. Вятка. 1896. С. 145.

Луппов П.Н. История города Вятки. Киров. 1958. 237 с.

Рычков Н.П. Из «Дневных Записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства (1770–1772) // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка. 1892. С. 322–323.

Хитрово Н.З. Отрывок из журнала, писанного в Вятке в 1811 году Н. Хитрово // Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка. 1892. С. 328-329.

Хорошев А.С. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // Новгород и Новгородская земля: история и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 27-29 января 1998). Вып. 12. Новгород, 1998. С. 82–95.

ARCHEOLOGY OF CHILDHOOD: FINDS OF CLAY TOYS IN THE TERRITORY OF THE CITY OF KIROV

A. Starodubtsev

Vyatka State University, Kirov
presdubtsev@gmail.com

Academic supervisor – A. Kaysin

The article describs archeology finds in Kirov. Vyatka has always been known as a place for making clay products. The most famous examples clay products of Vyatka are clay toys from village of Dymkovo. Mention of it appears in written sources of the 19th century, but archeological founds confirms the more ancient origin of this craft. Archeological founds of dymkovo toys could show us more information about the distribution of the products at different stages of the city Kirov. Their analysis and

typologization can provide information on the development and prevalence of the Dymkovo toy at different time periods.

Keywords: Archeology, toy, clay, Kirov, Vyatka, Dymkovo, founds, figurines.

УДК 902

КЕРАМИКА ЦАРЕВОКОКШАЙСКА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА 2019 ГОДА

А.А. Червякова

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
annachervyakova96@mail.ru

Научный руководитель – П.С. Данилов

Данная работа посвящена изучению царевококшайской керамики по материалам раскопа полевого сезона 2019 года. Полученные результаты позволяют проследить типологию групп керамики с данной территории.

Ключевые слова: Царевококшайск, керамика, группы, группы керамики, классификация, археологические исследования, полевой сезон.

Уездный город Царевококшайск был образован в 1584 году и просуществовал под данным названием вплоть до 1919 года. Бытует предположение, что город был изначально назван как «Царёв город» или же ещё проще «Царёв». Основателем считается воевода из княжеского рода Ноготковых-Оболенских И.А. Оболенский-Ноготков. [*Иванов,* 2011]. Данный город являлся административным центром Царевококшайского уезда. Из топографических данных следует, что данный уезд занимал территорию северо-запада и северо-востока Казанской губернии. Точность изменений в связи с планировкой города за прошедшие 100 лет можно проследить на представленной карте. (Рис. 1).

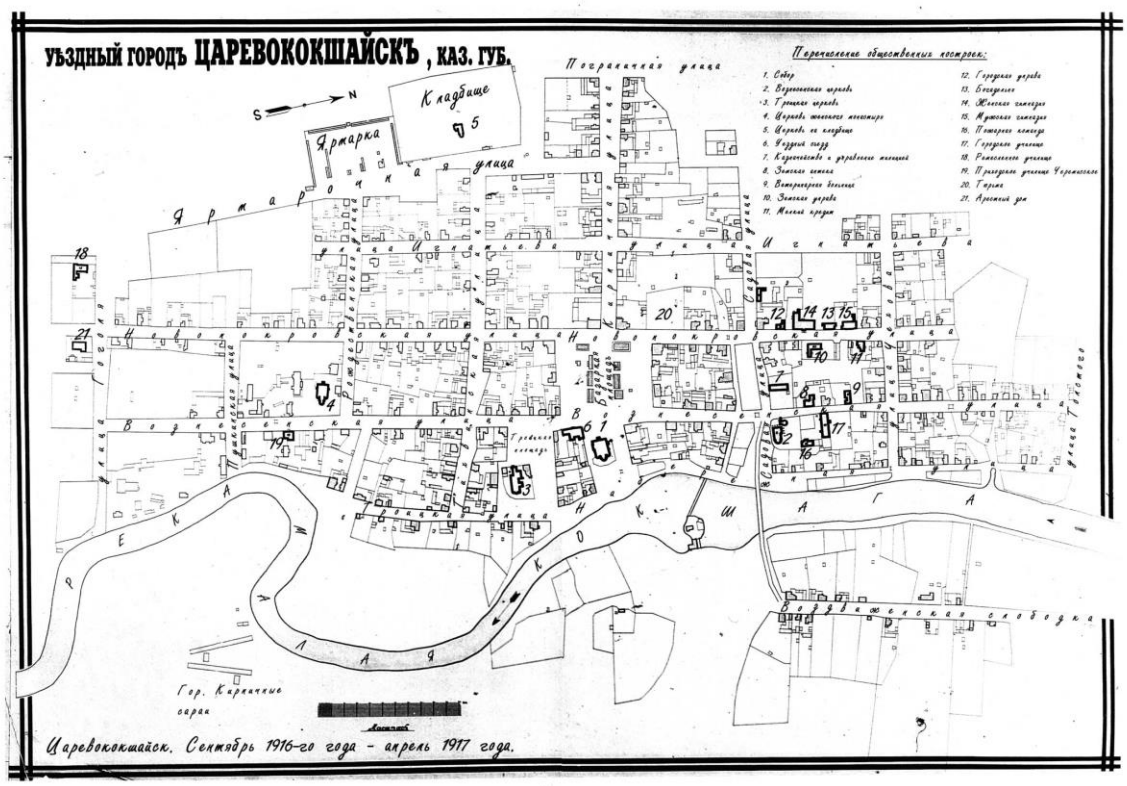
Следует отметить, что наиболее важное значение для археологических исследований имеет описание сооружений города для воссоздания целостности картины облика Царевококшайска. [*Воробьёва и др.*2014].

В 2008-2013 годах Учебно-научным археолого-этнологическим центром (на то время центром археолого-этнологических исследований) были проведены подобные исследования что и в 2019 году, направленные на охранные работы. В 2009 году совместной экспедицией ИА РАН и Поволжской археологической экспедицией были проведены исследования культурно-исторического комплекса «Царевококшайский кремль» [*Зеленеев,* 2009], аналогичные работы проводились и в 2019 году в связи с постройкой жилого комплекса рядом с территорией кремля. На протяжении долгих столетий Царевококшайск (современная Йошкар-Ола) подвергался постоянной хозяйственной деятельности со стороны человека.

Раскоп проводился по пластам в 20 см. Также была проведена промежуточная зачистка после снятия каждого пласта с выявлением пятен ям и траншей. Производилась фиксация каждой ситуации (фотофиксация, зарисовка, нивелировка). Зачистка материка была в два этапа. Первый этап — это выявление тех же пятен ям и по наличию траншей на предматериковом слое и вторым этапом была уже финальная зачистка.

В ходе раскопок было найдено и обработано множество массового материала (кости, керамика, стекло, железо). Обработка керамического материала была произведена по пластам (либо по ямам) и квадратам. По результатам исследований при обработке было выделено несколько групп керамики. За основу была взята классификация В.И Гордеева и Ю.А Павленко. [*Гордеев, Павленко,* 2004].

© Червякова А.А., 2020



При классификации материала, были выделены следующие группы керамики по цвету черепка, обжигу и способу дополнительной обработки поверхности.

1. Сероглиняная керамика.

На данный момент представлена 2840 фрагментами (35% от общего числа обработанной керамики). Подразделяется на следующие подгруппы: на поливную (полива зелёного цвета) и на неполивную. Тесто обычно плотное, с примесью песка, внешняя поверхность черепка шероховатая. Сам черепок в изломе серого цвета.

2. Красноглиняная керамика.

На данный момент представлена 3058 фрагментами (36% от общего числа обработанной керамики). Тесто хорошо промешано, плотное, обжиг качественный. Черепок в изломе кирпично-красного или красного цвета.

3. Буроглиняная керамика.

На данный момент представлена 756 фрагментами (9% от общего числа обработанной керамики). Тесто плотное, поверхность шероховатая. Черепок в изломе красно-бурого цвета, иногда с серой прослойкой, обжиг обычно неравномерный.

4. Белоглиняная керамика.

На данный момент представлена 21 фрагментами (0,2% от общего числа обработанной керамики). Представлена единичными фрагментами. Тесто с примесью песка, обжиг равномерный, черепок на изломе белого цвета.

5.Чернолощеная керамика.

На данный момент представлена 266 фрагментами (3% от общего числа обработанной керамики). Тонкое тесто, черепок в изломе серого цвета, так же имеется примесь мелкого песка. Поверхность блестяще-чёрного цвета. Лощение уплотняет поверхность черепка, делает его менее водопроницаемым и более прочным.

6. Поздняя поливная керамика.

Изделия, выполненные из красной глины, покрывались поливой зелёного или коричнево-красной поливой. А изделия из белой глины покрыты жёлто-салатовой или зелёной поливой.

7. Фаянс и фарфор.

На данный момент представлена 94 фрагментами (1% от общего числа обработанной керамики). Выносится как отдельная группа керамических изделий. Нужно заметить, фарфор отличается от фаянса меньшим количеством глины и большим количеством кварца и шпата.

Так же на сколах после долгого залегания в почве у фаянса бежевый цвет, у фарфора он остаётся белого цвета.

8. Ошлакованная керамика.

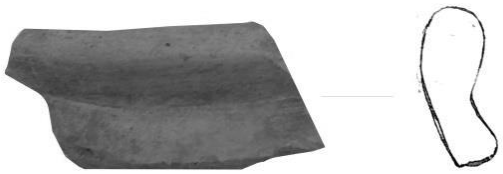
На данный момент представлена 79 фрагментами (1% от общего числа обработанной керамики). В данной группе содержится либо керамика с какими-либо дефектами, полученными при обжиге, либо пережжённая керамика.

Статистика групп керамики будет дополнена по окончанию камеральной обработки массового материала.

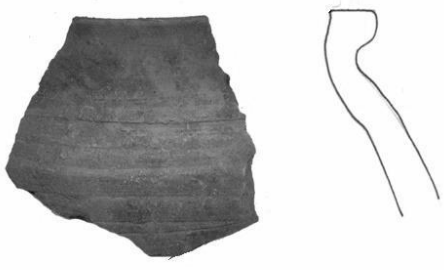
Помимо групп керамики были выделены типы венчиков:

Тип 1. Венчик отогнут наружу, скруглен по верхнему краю.

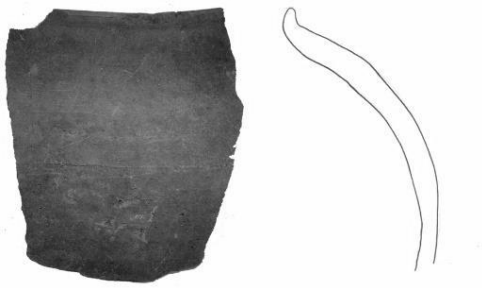
Тип 2. Венчик отогнут наружу, с округлым валиком на внешней стороне.



Тип 3. Горизонтальный венчик отогнут вниз.



Тип 4. Вертикально поставленный венчик, срезан по верхнему краю.



Тип 5. Вертикально поставленный венчик, отогнутый наружу и вниз.

Тип 6. Венчик подтреугольной в профиле формы, с утолщением края с внутренней стороны. На внешней стороне под венчиком могут проходить тонкие врезные линии.

Данные типы присутствуют практически во всех керамических группах. Вся керамика круговая, гончарная.

Как отмечают авторы [*Гордеев, Павленко,* 2004, с.179] наиболее схожа керамика Царевококшайска, Козьмодемьянска и Чебоксар. Керамика Царевококшайска датируется приблизительно XVIII-XIX веком по найденым монетам на данном раскопе.

Таким образом, материал, полученный в ходе археологических исследований, весьма разнообразен. Камеральная обработка будет продолжена в виду большого количества керамики. Исходя из этого, данное гончарное ремесло было направлено на изготовление керамических изделий сугубо бытового характера.

Библиографический список

Иванов А. Г. Царевококшайск в конце XVI-XVIII веков // Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2011. 10 с.
Воробьёва Е. Е., Данилов П. С., Зеленеев А. Ю., Зеленеев Ю. А., Калыгина Ж. С., Коновалова Л. П., Филиппова Е. Е. Археологическое изучение Йошкар-Олы – Царевококшайска (к 430-летию города) // Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2014. 16 с.
Зеленеев Ю.А. Отчёт о раскопках на месте воссоздания культурно-исторического комплекса «Царевококшайский кремль» (г. Йошкар-Ола, пл. Революции) в 2009 г. // Архив ИА РАН.
Гордеев В. И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. Монография // Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2004. 179 с.

CERAMICS OF TSAREVOKOKSHAISK BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE 2019 FIELD SEASON

A.Chervyakova

Mary State University, Yoshkar Ola
annachervyakova96@mail.ru

Academic supervisor – P. Danilov

This work is devoted to the study of tsarevokokshaysk ceramics based on the materials of the excavation of the 2019 field season. The obtained results allow us to trace the typology of ceramic groups from this territory.

Keywords: Tsarevokokshaysk, ceramics, groups, groups of ceramics, classification, archaeological research, field season.

СЕКЦИЯ «ОХРАНА И СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

УДК 902/904

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ВОСТОЧНОМ ПРЕДКАМЬЕ

К.М. Бакумцев

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
cisovkirill@bk.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

В статье рассматривается проблема разрушения археологических памятников, так называемыми, чёрными копателями. Значимость данной проблемы заключается в сохранении памятников археологии Восточного Предкамья.

Ключевые слова: Восточное Предкамье, археологическое наследие, законодательство РФ, историческое самосознание, сохранение памятника.

Предпринимаемые государством попытки взять под защиту памятники археологии, как показывает развитие событий последних лет, не совсем результативны. По словам Д.С.Лихачева: «Мы не видим смысла полемизировать с теми, кто всерьёз пытается доказать, что помимо научных раскопок возможна альтернативная любительская археология, ветвь краеведения, проводящая раскопки на небольшой глубине и готовая частично делиться своей добычей с профессионалами» [*Лихачев,* 1982]. Это было бы странно хотя бы потому, что согласно законодательству РФ объекты археологического наследия - движимые или недвижимые - являются государственной собственностью (статья 49 73-ФЗ «Особенности владения, пользования и распоряжения объектом археологического наследия и земельным участком или водным объектом, в пределах которых располагается объект археологического наследия») [Федеральный закон №73-ФЗ]. А за раскопки их без открытого листа предусмотрена административная и уголовная ответственность. Согласно статье 36 того же закона, в ходе проведения изыскательских, земляных, строительных и иных работ, в случае обнаружения объекта культурного наследия, лицо, проводящее указанные работы обязано незамедлительно остановить их.

Нередки случаи, когда чёрные копатели идут против закона. К примеру, согласно материалам дела Верховного суда Татарстана от 17 декабря 2015 года, была приговорена к лишению свободы от 2-х до 2.5 лет группа кладоискателей, ведших незаконные раскопки в Алексеевском, Алькеевском, Лаишевском, Чистопольском района. Черные копатели были задержаны в июле 2014 г. с поличным во время проведения очередной раскопки на Новоалексеевсом селище. Ко всему этому, объекты археологического наследия подвергают разрушению и строительные работы на территории Восточного Предкамья. Вдобавок, осуществлять четкий контроль памятников вблизи Нижнекамского водохранилища чрезвычайно трудно, потому что многие территории данной зоны труднодосягаемые и малозаселенные.

В свою очередь, черные копатели вырывают из «памяти» как можно больше ценных вещей и монет, чтобы продать или сохранить в качестве личной коллекции. Но их действия влекут глобальные изменения уже и так разрушающихся памятников [*Макаров,* 2019]. В итоге, памятники старины, в большинстве своем, теряют свою значимость для исследователя, ведь он

© Бакумцев К.М., 2020

уже не сможет воссоздать полную картину былого времени. На сегодняшний день рост расхищенных памятников только увеличивается. За 9 месяцев 2019 г. ущерб от действий черных копателей составил 23 млн. рублей. И только с начала года было выявлено 128 нарушений в сфере недропользования. К счастью, как показывает развитие событий нескольких лет, интенсивно строятся историко-культурные музеи-заповедники, обеспечивающие сохранность объекта археологического наследия.

Подлинный любитель истории в этой ситуации должен не искать возможности обойти закон, отговариваясь тем, что любительские раскопки возможны в небольших масштабах, на малой глубине, а подумать о том, что он может сделать для того, чтобы остановить волну грабежей. Первый шаг - не участвовать в них самому. Мы считаем, что та часть «любителей металлодетекции», которой действительно движет интерес к прошлому, должна найти в себе силы передать свои коллекции в государственные музейные хранилища, по возможности, снабдив их документацией о месте и условиях находки, и поискать иные, «неразрушительные» формы реализации высокого увлечения историей.

На сегодняшний день предпринятые меры по сохранению археологических памятников оставляют желать только лучшего. Нынешнее отношение к ним совершенно далеко от общепринятых международных принципов сохранения культурного наследия. Памятники истории и археологии «зовут о помощи» исследователя, по своему большинству, ранимые, вызывают беспокойство. Только одним Нижнекамским водохранилищем под пластами метровых вод оказались затопленными сотни памятников. В последнее время поступает много сведений о разрушающихся памятников, оказавшихся в затоплении. Более того, встаёт вопрос о повышении уровня данного водохранилища на 5 м [*Валеев,* 2019]. Этот вариант приведет к затоплению десятков тысяч гектаров хозяйственных угодий, кроме того, возможны экологические ущербы. К сожалению, из-за отсутствия средств археологические работы на данной территории практически не ведутся. Ко всему этому глобальный отпечаток накладывают широкомасштабные работы, связанные со строительством заводов, городов и т.д. Следует упомянуть, что детальному археологическому исследованию специалистами не были подвергнуты многие районы Восточного Предкамья.

Подытожив всё вышесказанное, следует отметить, что археологическое наследие указанной территории находится на грани уничтожения. И если после ее уничтожения не останется ни следа, то и память о прошлом, и вся история наших предков будут утеряны. Как мы уже и отметили, всю важность сохранения, воссоздания точного очерка памятника следует прививать детям с начала школьного образования. Практика показывает, что экстренно требуется предпринять меры по повторному обследованию археологических памятников Восточного Предкамья. Ко всему этому, акцент следует сделать и на труднодосягаемые водоразделы. Нужно провести просмотр аэрофотоснимков данного региона. Наконец, археологические памятники следует включить в Земельный кадастр Республики Татарстан.

Библиографический список

Валеев Р.М. Археологическое наследие Татарстана и проблемы его изучения и сохранения [Электронный ресурс] URL: http://archaeologie.pro/ru/archive/28/557/ (дата обращения: 21.10.2019).

Лихачев Д.С. Экология культуры // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вып. 2. М., 1982. С. 10-16.

Макаров Н.А. Грабительские раскопки [Электронный ресурс] URL: https://old.archaeolog.ru/index.php?id=130 (дата обращения: 22.10.2019).

Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронной ресурс] URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25062002-n-73-fz-ob/ (дата обращения: 05.10.2019).

TO THE PROBLEM OF PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE MONUMENTS IN THE EASTERN CASTLE

K. Bakumtzev

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
cisovkirill@bk.ru

Academic supervisor — PhD A. Nigamaev

The article discusses the problems of the destruction of archaeological sites, the so-called black diggers. The significance of this problem lies in the preservation of the archeology of the eastern Prikamye.

Keywords: Eastern Ciscaucasia, archaeological heritage, legislation of the Russian Federation, historical identity, preservation of the monument.

УДК 372.893

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ

Н.А. Заикина

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа
natalizaikina1110@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. В.А. Иванов

Статья посвящается проблеме изучения региональной археологии в школьном историческом образовании. Анализируются представления об археологическом наследии Республики Башкортостан. Подтверждается важность применения регионального компонента для формирования у учащихся целостного представления об историческом процессе.

Ключевые слова: археологическое наследие, Башкортостан, методика преподавания истории, региональная археология.

На современном этапе развития человеческого сообщества важнейшее значение приобретают вопросы, связанные с выявлением, изучением, охраной и использованием археологического наследия. Многие ученые и педагоги отмечают значение археологического наследия для формирования ценностной системы школьников с целью бережного отношения к традициям предшествующих поколений.

Мировой опыт сохранения археологического наследия насчитывает несколько столетий [*Проценко*, 2014]. Однако реальное состояние объектов археологического наследия, составляющих бесценный фонд историко-культурного наследия и необходимых для научного изучения истории и культуры края, в Республике Башкортостан требует тщательного внимания [*Обыденнов*, 2012, с. 770]. Благодаря улучшению экономической ситуации в республике и появлению частных инвесторов объекты археологического наследия оказались в зоне активного хозяйственного преобразования [*Бахшиев*, 2015, с. 71]. На сегодняшний день необходимо понимать то, что археологическое наследие может выступать как эффективное средство социокультурного развития территории региона.

Не каждая страна, даже находясь в центре мировых цивилизаций, столь насыщена памятниками древности, как Республика Башкортостан [*Иванов*, 1994]. Башкортостан представляет собой историческую родину формирования и развития башкирского народа в горно-лесных районах Южного Урала с обширными прилегающими степями с юга, востока, запада [*Мажитов,* 2011]. Богатая и разнообразная природа Башкортостана и народы, населяющие его территорию, с давних пор привлекали внимание исследователей. Повышенный интерес к краю был вызван его географическим положением и богатством природных ресурсов. Уникальные природные условия и факторы способствовали развитию разнообразных традиционных занятий башкир в ходе их этнической истории, происходившей на данном обширном пространстве [*Кульшарипов,* 2009, с. 20].

© Заикина Н.А., 2020

Системность в преподавании региональной истории может быть обеспечена в курсах отечественной истории и истории Башкортостана интегративным рассмотрением общих процессов, затронувших всю Россию, либо синхронно-параллельным рассмотрением специфических для региона процессов и событий [*Антонов,* 2003, с. 248]. Следовательно, региональная археология выступает как одно из самых эффективных направлений в историко-краеведческой работе со школьниками. Археологию логично рассматривать как вспомогательную науку по отношению к истории. Вместе с тем принцип историзма не замыкает связи на истории, а расширяет кругозор и усиливает эвристические возможности всякой науки об обществе и культуре в их развитии, в том числе и в археологии [*Клейн,* 1993 с. 141-142]. Информация, заключенная в археологических источниках, может обеспечить познание важнейших структур и процессов прошлой действительности и предоставить знание таких сторон прошлого, которые были недоступны наблюдению и пониманию самих людей того времени [*Клейн*, 1978, с. 81]. Задача исторического познания в археологии заключается в том, чтобы воспроизвести прошлую историческую действительность, реализованную в конкретных обществах прошлого, что, в свою очередь, создает картину конкретно-исторической неповторимости форм протекания исторического процесса в каждом отдельном обществе прошлого [*Генинг,* 1985, с. 53].

Региональное историческое образование предполагает изучение человека в локальном историко-культурном пространстве. Отличительной особенностью современной школы является многоуровневое рассмотрение истории государства, населяющих его народов, и утверждение в сознании учащихся исторических связей своего народа с предшествующей жизнью России. Данное обстоятельство способствует осознанию школьником социальной идентичности, развитию интереса к прошлому и настоящему родной страны.

Примером того, что изучение истории региона как неотъемлемой составной части истории нашей страны необходимо для каждого школьника, выступает учебное пособие «Россия – Башкортостан: общность исторических судеб» [*Обыденнова*, 2017]. Система вопросов и заданий к каждому параграфу поможет ученикам лучше усвоить материал по истории родного края, сформировать навыки исследовательской и проектной деятельности, осознать тесную взаимосвязь истории Башкортостана с историей России.

Представим примерное задание из данного учебного пособия в рамках проведения урока по региональной истории «Наш край в древности».

Задание. Используйте текст учебника и картосхему, составьте таблицу «Племена Южного Урала в первой половине I тыс. н.э.».

Название племен по археологической культуре	Географическое положение	Тип хозяйства	Обряд захоронения	Конструкция жилища	Этническая принадлежность

Вопросы. Что было общего между племенами, обитавшими в I тыс. н.э. на Южном Урале? Каковы были между ними различия? Насколько можно проследить связь между ними?

В дополнение можно представить задание из учебного пособия «История России. Республика Башкортостан» для учащихся общеобразовательных организаций [*Бурангулов, Мухаметова,* 2017].

Задание. Расскажите, какие орудия труда и из каких металлов изготавливались в древности на территории Южного Урала. (Используйте данные из археологических раскопок на территории края).

Археологическое наследие Республики Башкортостан с его качественным и количественным разнообразием необходимо рассматривать в качестве дополнительного перспективного ресурса для развития региона. Вместе с тем при организации работы учащихся по охране памятников истории и культуры важно помнить, что следует сохранять не только уже известные археологические памятники, но и те, которые могут быть выявлены во время земляных работ на территории города или района [*Кольцов,* 2009, с. 126].

Таким образом, в условиях реформирования школьного образования, перехода к ФГОС нового поколения применение археологического компонента является актуальной проблемой в

школьном курсе истории. Изучение региональной археологии способствует формированию уважительного отношения учащихся к истории родного края и пониманию того, что необходимо бережно относится к археологическому наследию. Следовательно, реализация регионального исторического образования должна быть направлена на духовно-нравственное развитие и гражданско-патриотическое воспитание личности учащегося.

Библиографический список

Антонов В.М. Национально-региональный компонент по истории: системный подход к его изучению в школе // Историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 2003. № 7. С. 248-252.
Бахшиев И.И. Сохранение археологического наследия в Республике Башкортостан // Федерализм. Москва, 2015. № 1(77). С. 69-78.
Бурангулов Б.В., Мухаметова И.И. История России: Республика Башкортостан: учебное пособие к учебнику Е.В. Пчелова, П.В. Лукина «История России с древнейших времен до начала XVI века» для 6 класса общеобразовательных организаций. М.: ООО «Русское слово-учебник», 2017. 120 с.
Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры (АК) // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 50-74.
Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.: ТОО «Грань»: Уфа, 1994. 144 с.
Клейн Л.С. Археологические источники. Учебное пособие. Л.: Издательство ЛГУ,1978. 119 с.
Клейн Л.С. Историзм в археологии // Археологические вести. СПб., 1993. №2. С. 135-144.
Кольцов П.В. Использование археологического материала в общеобразовательных учреждениях // Вестник ИКИАТ. Элиста, 2009. Вып. 1. С. 123-126.
Кульшарипов М.М. История башкирского народа в 7 Т. / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. М.: Наука, 2009. Т. 1. 400 с.
Мажитов Н.А. К вопросу о происхождении башкирского народа // Проблемы востоковедения. Уфа, 2011. №3(53). С. 20-32.
Обыденнов М.Ф. Роль научной общественности в сохранении археологического наследия Башкортостана // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2012. Вып. 1(I). Т. 17. С. 770-772.
Обыденнова Г.Т. Россия – Башкортостан: общность исторических судеб (История России через историю регионов). Учебное пособие / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова. М.: ООО «Интеграция: образование и наука», 2017. 276 с.
Проценко А.С. Изучение и сохранение объектов культурного наследия Республики Башкортостан (опыт экспедиции Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы) // Ватандаш. Уфа, 2014. № 6(213). С. 191-194.

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS OF ITS USING IN TEACHING HISTORY

N. Zaikina

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa
natalizaikina1110@mail.ru

Academic supervisor – professor V. Ivanov

The article is *dedicated* to the problem of studying regional archaeology in school historical education. Views about archaeological heritage of the Republic of Bashkortostan are analyzed. The importance of using regional component is confirmed for formation of holistic view about historical process at students.

Keywords: archaeological heritage, Bashkortostan, History teaching methodology, regional archaeology.

УДК 379.851

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТЮМЕНСКОЙ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.А. Куценко
Тюменский государственный университет, Тюмень
ekutsenko65@yandex.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Ткачёв

В статье проводится анализ историко-культурных объектов Ямало-Ненецкого автономного округа и их возможное использование в туристской индустрии. Рассмотрены существующие проблемы и мероприятия, влияющие на сохранение культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: культурное-историческое наследие, Арктика, археология, туризм.

Культурно-историческое наследие – это совокупность всех материальных и духовных культурных достижений общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти. Объекты культурно-исторического наследия можно подразделить на несколько категорий. Первая – это памятники истории, которые представляют собой здания, памятные места и предметы, связанные с ключевыми историческими событиями, а также с развитием науки и техники, культуры и быта народов. Вторая категория – памятники искусства, включающие произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и иных видов искусств. Третья категория – памятники археологии, к которым относят городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, дорог, древние места захоронений, наскальные изображения.

Арктика Российской Федерации обладает особенностями, которые определяют специфику использования ее культурно-исторического наследия в туристской индустрии, среди них – удаленность и труднодоступность многих территорий, суровость арктического климата, наличие вечной мерзлоты, слабая диверсификация экономики и регламентированное посещение для иностранных граждан.

Специфика культурно-исторического наследия российской Арктики характеризуется тем, что значительная часть объектов относится к объектам археологии, большая часть из которых обладает слабой аттрактивностью с точки зрения туризма. Кроме того, часть объектов историко-культурного наследия арктических территорий обладает культурной ценностью, но лишь в масштабах локальной территории или отдельного региона [*Гусев и др.,* 2015, с. 3].

Первая организация, обратившая внимание на проблему сохранения историко-культурного наследия Арктики, стала Морская Комплексная Арктическая Экспедиция (МАКЭ). Это культурологическая организация при Институте Наследования им. академика Д.С. Лихачева. Она осуществляет свою деятельность с 1986 года, основными направлениями которой являются: обнаружение, изучение и сохранение исторических объектов.

Археологические объекты подвержены влиянию естественных и антропогенных факторов. Причем если антропогенные факторы можно регулировать на законодательном уровне, то воздействие естественных факторов не поддается контролю. Кроме того, естественные факторы особенно разрушительны. Главным образом к ним относят водную и ветровую эрозию, обвалы берегов водоемов. Также охране объектов культурно-исторического наследия угрожают грабительские раскопки, которые особенно влияют на общественно-культурную жизнь России.

На законодательном уровне принимают меры по борьбе с грабительскими раскопками. На сегодняшний день установлена уголовная ответственность за незаконный поиск и изъятие из мест залегания археологических предметов. Административная ответственность предусмотрена за незаконный оборот археологических предметов, вводятся ограничения на

© Куценко Е.А., 2020

использование поискового оборудования в целях поиска объектов археологического наследия и археологических предметов [*Гусев и др.,* 2015, с.6].

Ямало-Ненецкий автономный округ обладает огромным потенциалом для развития историко-культурного и этнографического туризма. Сегодня на территории округа развивается только этнографический туризм. Маршруты предполагают проживание в семье, что способствует ознакомлению с бытом и культурными традициями. Особенным спросом среди российских туристов и зарубежных гостей пользуются туры «Салехард-Лаборовая», «Зимнее кочевье», «Летнее кочевье», потому что они позволяют погрузиться в жизнь чума, традиции кочевников. На фактории Лаборовой привлекает туристов этнопедагогическое стойбище. Здесь работает одна на всю Россию ненецкая национальная школа, где дети осваивают несколько программ: «Выживание в тундре в экстремальных условиях», «Женщина – хранительница очага», «Будущие оленеводы или жизнь в дороге предков» в рамках этнокультурного и этнопедагогического направлений [*Этнографические туры*].

В ЯНАО также имеются историко-культурные объекты, достойные внимания, с помощью которых возможно перспективное развитие историко-культурного туризма. Однако на настоящее время он выпадает из существующего туристического бизнеса, это явление можно связать с недостаточной осведомленностью туристов как в России, так и на международном уровне.

Историко-культурный объект, достойный внимания – Обдорский острог в Салехарде. Он представляет собой современный историко-культурный комплекс, реконструирующий облик древней крепости. Построен по древней технологии без единого гвоздя. Крепость четырехугольная, огорожена стоячим тыном с 2 смотровыми и 2 проезжими башнями [*Обдорский острог*].

Археологический памятник «Городище Усть-Полуй» обладает рядом признаков, не свойственных другим объектам археологического наследия северо-западной части Сибири. Особую значимость памятнику придает наличие следов металлообрабатывающего производства и ритуальной деятельности. На основе проведенных исследований были выделены группы массовых предметов: украшения и принадлежности костюма; предметы вооружения (наконечники стрел разнообразной формы из кости и бронзы, костяные накладки на лук); орудия по обработке шкур и кожи [*Городище Усть-Полуй*].

В «Музейно-выставочном комплексе имени И.С. Шемановского» представлено археологическое собрание уникальных изделий, иллюстрирующих повседневную жизнь человека Севера от эпохи мезолита до Нового времени. Из древнейших памятников выделяется поселение Горный Самотнёл-1, относящийся к переходному периоду от эпохи камня к эпохе бронзы. Среди находок имеются богато орнаментированные керамические сосуды, а также сенсационные для этого времени изделия из бересты и рыболовная сеть из органических волокон. К эпохе средневековья относятся находки городищ Ярте-6, Бухта Находка и поселения Тиутей-Сале, которые отражают материальную культуру средневековых оленеводов ямальской тундры: предметы упряжи, многочисленные изделия из кости и рога, а также артефакты из ткани и бересты [*Археологическая коллекция*].

На настоящий момент имеется значительный историко-культурный потенциал ЯНАО, но туризм по данному направлению не представлен. Стоит отметить, что в государственной программе ЯНАО «Развитие туризма, повышение эффективности реализации молодежной политики, организация отдыха и оздоровления детей и молодежи на 2014-2020 годы» не упоминается развитие историко-культурного туризма. В основном местные органы власти стремятся развить этнографический, экстремальный виды туризма [*Госпрограмма ЯНАО по развитию туризма*].

Наиболее значимые проблемы, имеющиеся в регионе в туристской отрасли, подразделяются на административно-правовые и инфраструктурные. Среди административно-правовых выделяются такие, как недостаток высококвалифицированных кадров в туристской индустрии и низкая инвестиционная активность. К инфраструктурным относят недостаточное развитие транспортной и информационной инфраструктур, недостаточное количество предприятий сервисной инфраструктуры, слабая информационная освещенность туристского потенциала ЯНАО [*Этнографические туры*].

Для того, чтобы историко-культурные объекты ЯНАО пользовались спросом, необходимо провести комплекс мер. Следует обеспечить рекламно-информационное продвижение историко-культурных объектов региона на международном и внутреннем туристских рынках. Для этого требуется разработать отдельный раздел на информационном портале «Visit Yamal» с кратким описанием имеющихся объектов. Для популяризации этого вида туризма на всех уровнях нужно проводить форумы, на которых российские туроператоры будут представлять историко-культурный потенциал региона. Стоит привлечь специалистов в сфере маркетинга для создания информационных листовок об историко-культурных объектах ЯНАО. Изучив опыт зарубежных коллег, российским туроператорам следует разработать такой турпродукт, который сочетал бы в себе несколько видов туризма, но при этом внимание должно акцентироваться на историко-культурных объектах.

Библиографический список

Гусев С.В., Загорулько А.В., Волков И.В., Лопан О.В. Состояние объектов археологического наследия в Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс] URL: http://nasledie-journal.ru/ru/journals/103.html (дата обращения: 15.10.2019).

Археологическая коллекция [Электронный ресурс] URL: https://mvk.yanao.ru/kollektsii/arkheologicheskaya/ (дата обращения: 25.10.2019).

Городище Усть-Полуй [Электронный ресурс] URL: https://rulandinfo.ru/tours/231/799/ (дата обращения: 25.10.2019).

Государственная программа ЯНАО «Развитие туризма, повышение эффективности реализации молодежной политики, организации отдыха и оздоровления детей и молодежи на 2014-2020 годы» [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=163102011&page=1&rdk=0&intelsearch=%CA%EE%ED%F6%E5%EF%F6%E8%E8+%E4%EE%EB%E3%EE%F1%F0%EE%F7%ED%EE%E3%EE+%F1%EE%F6%E8%E0%EB%FC%ED%EE%FD%EA%EE%ED%EE%EC%E8%F7%E5%F1%EA%EE%E3%EE+%F0%E0%E7%E2%E8%F2%E8%FF+%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9+%EF%E5%F0%E8%EE%E4+++&link_id=16#I0 (дата обращения: 25.10.2019).

Обдорский острог [Электронный ресурс] URL: http://ostrog.yanao.ru/ (дата обращения: 25.10.2019).

Этнографические туры [Электронный ресурс] URL: http://visityamal.ru/chem-zanyatsya/tury-po-yamalu/?arrFilter2_ff%5BSECTION_ID%5D=6&arrFilter2_pf%5BORGANISATION%5D=&set_filter=%D0%9D%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8&PAGEN_1=2 (дата обращения: 25.10.2019).

PRESERVATION OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF THE RUSSIAN ARCTIC: PROBLEMS AND PROSPECTS

E. Kutsenko

Tyumen State Univeristy, Tyumen
ekutsenko65@yandex.ru

Academic supervisor – PhD A. Tkachev

The article analyzes the historical and cultural objects of YANAO and their possible use in the tourism industry. The problems and activities affecting the preservation of cultural and historical heritage were considered.

Keywords: cultural and historical heritage, the Arctic, archaeology.

УДК 902.7.025

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ ТАКТАЛАЧУКСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Я.Ф. Хабетдинова

Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны
Habedtinova191101@gmail.com

Научный руководитель – к.и.н. А.З. Нигамаев

Во все времена археологическое наследие - материализованное доказательство культурного богатства - показатель глубины культурной и духовной жизни народа. Изучение и сохранение национальной исторической памяти в век стремительного промышленного роста обретает необходимость на государственном уровне. Планомерные исследования на Такталачукском комплексе памятников начались во второй половине XX в. Несмотря на немалые старания и большой объём находок, исследования всё ещё имеют место быть. Поэтому необходимо приложить усилия, средства для продолжения изучения и сохранения памятников малой Родины.

Ключевые слова: археологическое наследие, Такталачукский комплекс памятников, мусульманские погребения, украшения.

Решение любых задач современного развития немыслимо без изучения и сохранения археологического наследия. Глобальная культурная политика нацелена на обеспечение физической сохранности археологических памятников на уровне государств и местных властей. В век стремительного промышленного роста необходимо более тщательно охранять археологическое наследие, поскольку оно является доказательством культурного богатства национальной исторической памяти.

Для современного Татарстана плодотворное изучение и всестороннее использование памятников культурного наследия имеет особое значение, поскольку мы переживаем принципиальные социальные, экономические, духовные перемены. Изучение и сохранение культурного наследия является необходимым условием предупреждения процесса разрушения и уничтожения национального богатства Татарстана. Освоение исторического наследия способствует сохранению духовности народа, в противном случае подлинная культура уступает место ложным ценностям.

Комплекс Такталачукских памятников расположен в 800 м. к юго-западу от деревни Уразаево и 2 км к востоку от села Такталачук на мысу коренной террасы левого берега р. Белая. Огромную часть занимает городище, которое находится в северной части села на мысу коренной террасы, разделяющей левобережье рек Белая и Шабыз. Самую высокую часть мыса занимает убежище с площадкой, изрытой кладоискателями [*Казаков*, 1987, с. 58-59].

Такталачукский комплекс памятников является смесью разных культур: пьяноборская, кушнаренковская, болгарская, черкаскульская. Наиболее интересной для исследований является последняя. Учитывая преобладание «средневековости» в археологии Камско-Уральского региона, её не причисляют к местным; некоторые исследователи связывают это с переселившимися в VI в. в Приуралье западносибирскими этническими группами [*Казаков*, 1978, с. 9].

Эпоху наиболее плодотворных исследований этих мест здесь начал в 1956 г. А.П. Шокуров. Затем его дело продолжил в 1958 г. В.Ф. Генинг. Всё же наиболее глубинное изучение в 1960-1990-ые гг. провёл Е.П. Казаков, чьи труды дают нам наиболее чёткое представление о Такталачукском наследии.

В 1956 году А.П. Шокуровым после планомерных исследований обнаружено большое пьяноборское селище и могильник, на котором в 1958 г. В.Ф. Генингом изучено два мусульманских погребения. В 1969-1972 гг., 1976-1979 гг. Е.П. Казаковым на памятнике

© Хабетдинова Я.Ф., 2020

вскрыто и исследовано более 350 погребений различных эпох, среди которых 5 срубных, более 60 черкаскульских, 11 кушнаренковских и 274 мусульманских [*Казаков*, 1987, с. 58].

Срубные погребения со скорченными костяками, имеющими северную ориентацию, сопровождались сосудами; черкаскульские с несколькими скорченными костяками; ориентированными головой в восточном направлении могильники содержали сосуды с примесью раковины в тесте, кремневые наконечники стрел, бронзовые ножи и другие изделия. В сильно разрушенных грабителями кушнаренковских погребениях с костяками, имеющими северную ориентацию и искусственную деформацию черепов, обнаружены предметы вооружения, орудия труда, украшения, сосуды и т.д.

Мусульманские погребения почти полностью вскрытого некрополя XII - XVII вв., как и погребения могильника содержали заметные языческие следы на них, например, лица погребенных могли быть обращены вверх или на север; еще одним нарушением мусульманской обрядности является сопровождение погребений вещевым материалом: височные украшения, бусы, перстни, монеты ханов Узбека и Джанибека. Многие из украшений были изготовлены ремесленниками Волжской Болгарии. Исходя из некоторых элементов обрядности, например, небольшая глубина могил, отклонение погребенных от западной ориентировки к югу, Е.П. Казаков считает, что культурой Такталачукский комплекс близок к раннемусульманским могильникам волжских болгар второй половины X в. и может называться раннемусульманским некрополем данного региона [*Хакимов, Хайрутдинов, Старостин, Казаков, Хузин,* 2001, с. 221-223].

На сегодняшний день большая часть обнаруженных артефактов утрачена. Некоторые из них представлены в музее с. Такталачук и в фондах краеведческого музея Актаныша, часть найденных предметов находится в фонде Национального музея РТ. Сфера археологии Актанышского района подчинена федеральным законам РФ, которые хоть и предусматривают довольно-таки большой спектр юридических событий, однако всё ещё находятся на стадии развития. Таким является Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ (ред. от 18.07.2019) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Крайне важна статья №40 «Сохранение объекта культурного наследия». Такого рода документ является правовой основой любых дел в сфере археологии РТ и РФ и несёт в себе гарантию государства на реализацию конституционного права каждого на доступ к культурным ценностям. [*Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»*]

Исходя из выше обговорённого, можно сказать, что на сегодняшний день судьба артефактов Такталачукского комплекса находится под меньшей угрозой. Проблема изучения объектов, несмотря на успешные и продуктивные попытки именитых археологов всё еще существует. Однако более остро стоит вопрос о сохранении добытых предметов для дальнейших исследований этой местности. Необходимо тщательное обсуждение положения дел и принятие мер, чтобы история этого места была хорошо изучена и представлена миру, явив ценные знания всем желающим и интересующимся.

Библиографический список

Казаков Е.П. Памятники Болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 536 с.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань: Татарское книжное издательство, 1987. 240 с.

Старостин П.Н., Хакимов Р.С., Хайрутдинов Казаков Е.П., Хузин Ф.Ш. Очерки по археологии Татарстана. Казань: Школа, 2001. 256 с.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 30.10.19).

THE PROBLEM OF STUDYING, PRESERVING THE TAKTALACHUCH ARCHAEOLOGICAL COMPLEX

Y. Khabetdinova

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny
Habedtinova191101@gmail.com

Academic supervisor - PhD A. Nigamaev

At all times, the archaeological heritage - a materialized evidence of cultural wealth - is an indicator of the depth of the cultural and spiritual life of the people. The study and preservation of national historical memory in an age of rapid industrial growth becomes necessary at the state level. Systematic studies at the Taktalachuk complex of monuments began in the second half of the 20th century. Despite considerable efforts and a large volume of finds, research is still taking place. Therefore, it is necessary to make efforts, means to continue the study and preservation of the monuments of the small Motherland.

Keywords: archaeological heritage, Taktalachuk complex of monuments, Muslim burials, jewelry.

СЕКЦИЯ «ЭТНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

УДК 902/904

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЮЖНЫХ ХАНТЫ

К.И. Ахтямова
Тюменский государственный университет, Тюмень
akhtyamovakarina@mail.ru

Научный руководитель – к.и.н. А.А. Ткачёв

Данное исследование посвящено погребальному обряду, на основе имеющихся материалов охарактеризован погребальный обряд южных ханты, а также проведено сравнение с другими группами ханты.

Ключевые слова: ханты, погребальный обряд, остяки, могильник, обские угры.

Ханты – один их коренных малочисленных народов Сибири, широко расселившихся в бассейне Средней и нижней Оби. По отношению к народу ханты в документах царской администрации и в старой научной литературе использовался термин «остяки». Происхождение термина «остяк» имеет разные объяснения. Одни выводят его из татарского *истек, уштяк, иштек*, что означает «дикий», «невежественный», «непокорный» [*Успенская*, 2007, с. 155-156]. Содержание этих понятий носило явно пренебрежительный оттенок по отношению к народу с его самобытной архаической культурой. Существует и другая точка зрения на происхождение данного этнонима, изложенная, в частности, З.П. Соколовой. Слово «остяк» выводится из самоназвания Ас-ях «обские люди» (Ас – Обь, ях – люди). Помимо этого официального этнического наименования исследуемый народ имеет еще несколько названий. Так, в научном мире родственные народы ханты и манси издавна известны под общим названием «обские угры». По наиболее общей классификации специалисты разделяют хантыйский народ на три большие группы: северные, восточные, южные [*Успенская*, 2007, с. 155-156].

На сегодняшний день южные ханты не сохранились, они ассимилированы сибирскими татарами и русскими. Соответственно, об их истории нам могут рассказать только археологические памятники, вещественные и археологические источники, переписи и карты. На сегодняшний день исследован только один погребальный объект, который соотносится с периодом существования этой группы населения – Алымский могильник.

Памятник расположен в Уватском районе Тюменской области на левом берегу р. Иртыш, в 2,5 км к востоку от деревни Алымка. Погребальная площадка могильника ограничена с юга берегом р. Иртыш; с запада – нешироким логом. Береговая терраса реки и восточный берег лога застроены жилыми домами деревни Трошино, большая часть из которых заброшена. Северная часть могильника, вероятно, была потревожена деревенской застройкой [*Ткачева*, 2001, стр. 12-13].

Могильник оставлен аборигенным населением, обитавшим в период позднего средневековья на стойбище «Юрты Алымские». Основная часть погребальной площадки была разрушена при сооружении плотины, отсыпке дороги и распашке берегового участка. На 2002 г. непотревоженный участок составлял не более 1-1,5 м^2, причем основная часть археологического объекта была занята огородами. В древности погребальная площадка составляла не менее 12-15 тыс. м^2, Могильник располагался на песчаной дюне, возвышающейся

© Ахтямова К.И., 2020

на 2-3 метра над уровнем береговой террасы [*Ткачева*, 2002 стр. 6]. За три полевых сезона вскрыто 451 м^2 погребальной площадки и выявлено 22 грунтовых ямы, основная масса изученных захоронений концентрируется в северной и восточной частях раскопа [*Ткачева*, 2003 стр. 8].

Практически все могилы представляют собой грунтовые ямы глубиной от 30 до 60 см. Во всех захоронениях удалось определить положение умерших, они лежали в вытянутом положении на спине.

Погребения делятся на две группы по половому признаку. В первую группу входят могилы № 1-5, 8-9, 11, 19, 22. Данные могилы принадлежат представительницам женского пола. Удалось определить ориентир головы, ориентир на север встречается в двух погребениях, на С-В – в одном, на ССЗ встречается в пяти захоронениях. Две могилы ориентированы С-Ю, 6 – на ССЗ-ЮЮВ, 3 могилы-вытянуты по линии С-З – Ю-В. В погребениях 3, 10, 19 материальных остатков не обнаружено.

Во вторую группу входят могилы № 12-17, 20-21, принадлежащие представителям мужского пола. В данной группе встречается ориентировка головы на север в четырех погребениях, на северо-запад в двух. Два погребения имеют направление по линии ССВ – ЮЮЗ, два по линии СЗ – ЮВ, два вытянуты по направлению С – Ю, одно по линии ССЗ – ЮЮВ. В некоторых погребениях удалось установить направление лица, у погребенных в могилах № 14-15 лицо направлено на С-В, у погребенных в могилах № 16, 20 направлено на С-З. К сожалению, ориентир головы, положение тела, направление лица у погребенных в могилах № 12, 17 определить не удалось, вероятнее всего, это связано с тем, что погребения были нарушены вследствие ограбления.

Таким образом, можно сделать вывод, что положение тела у обеих групп совпадает, погребенные были уложены на спину. Ориентир головы и у первой, и у второй группы встречается в разных направлениях, в первой группе преобладает ориентир головы – на ССЗ, во второй – на север. Ориентация могильной ямы также разнится, в первой группе чаще встречается направление ССЗ-ЮЮВ, во второй группе С-Ю. В первой группе мы не зафиксировали направление лица погребенных, так как его не удалось установить, во второй группе в нескольких погребениях оно установлено. Вероятно, это связано с ограблением могил. В двух случаях направление лица зафиксировано на С-В (мог. №14-15), в двух случаях на С-З (мог. № 16, 20), в одном случае лицо направлено на запад (мог. № 21).

По данным В.Н. Чернецова, «*Ис, исхор*» – «тень», после смерти человека идет в загробный мир [*Чернецов*, 1959, с. 155]. Подземный мир находится на севере, именно туда направляются после смерти «души» людей. По мнению пожилых людей народа ханты, «жизнь» после смерти существует. Семья умершего человека заботилась о том, чтобы его душа после смерти обрела покой и не представляла опасность для других. Погребальные обряды были направлены на то, чтобы помочь душам достойно завершить своё существование и избежать участи «вредящих», «бродячих» душ, а также оказать моральную поддержку родственникам, потерявшим близкого человека [*Волдина*, 2016, с.100-103].

Изначально ханты хоронили своих умерших в день смерти или в некоторых случаях на следующий. И.Г. Георги отмечал, что «покойника они хоронили в тот же день, в который он умер, и мужчины погребают мужчин, а женщины женщин» [*Георги*, 1799, с. 86]. Из сообщения В.В. Бартенева: «Время похорон... чаще всего на другой день после смерти» [*Бартенев*, 1895, с. 489]. В дальнейшем эта традиция меняется и умерших начинают погребать на второй или на третий день после смерти, что может объясняться процессами христианизации угорского населения [*Карьялайнен,* 1911, с. 111; *Чернецов*, 1959, с. 152; *Соколова*, 1975, с. 165; *Кулемзин,* 1984, с. 132]. Тело покойника оставалось в доме лишь до тех пор, пока не изготовлен гроб (первые, вторые, третьи или четвертые сутки с момента смерти) [*Чернецов*, 1959, с. 143; *Кулемзин*, 1984, с. 136].

Умершего в гроб укладывали в той одежде, которую он носил при жизни, иногда в новой, на ноги надевали меховую обувь. Остальную одежду в некоторых местах клали с ним, в некоторых – развешивали на деревьях рядом с могилой, а на территории Васюганья уносили в лес в глухое место. Имеются сведения, что ее складывали в надгробное сооружение, но нигде одежду не оставляли в жилище, чтобы не давать повод умершему или его душе вернуться за

ней. В гроб клали вещи, необходимые для продолжения жизни в потустороннем мире, но только те, которыми он пользовался при жизни и которые были его собственными [*Кулемзин,* 1984, с. 136-137]. В.В. Бартенев писал: «...необходимо покойного снарядить так, чтобы он и на том свете не знал нужды» [*Бартенев, Старцев*, 1895, с. 487].

В некоторых хантыйских группах руководствовались представлениями о находящемся на севере нижнем мире и ориентировали покойника ногами на север, «чтобы ему легче было найти дорогу» [*Кулемзин*, 1984, с. 143]. С подобной интерпретацией данного обычая соглашаются В.В. Бартенев [*Бартенев*, 1895, с. 490] и О. Финш [*Финш*, 1882, с. 478]. В других группах ханты также считали, что загробный мир находится на севере, в связи с чем покойника кладут в гроб головой или лицом, обращенным на север [*Старцев*, 1928, с. 120; *Георги*, 1976, с. 86].

В некоторых случаях, например, у населения р. Юган, географическая ориентация могил встречается разная, т.к. представления о загробном мире связывались на данной территории с течением реки, уводящей в мир мертвых. На р. Пиме умерших погребали головой на юг, считая, что мертвый спит, а поскольку «здесь спят головой на север», а в нижнем мире все наоборот, то умершего в соответствии с этим и клали в гроб. На р. Вахе ориентировали головой на восток, т.к. запад считался населенным злыми существами, куда они уводили души умерших людей, в связи с чем погребенных укладывали по ходу предполагаемого движения [*Кулемзин,* 1984, с. 143-144].

Вероятно, у южных ханты отсутствовала строго регламентированная система захоронения своих близких, это проявлялось в разной ориентировке могил и нескольких вариантах направления головы погребенного. Тем не менее, часть элементов погребального обряда одинакова для разных групп ханты – умершего всегда располагали в вытянутом положении лежа на спине.

Библиографический список

Бартенев В.В. Погребальные обычаи обдорских остяков // Живая старина. Вып.3-4. СПб, 1895. С.485-495.

Волдина Т.В. Представления обских угров о «жизни» после смерти // Вестник угроведения. № 2. Ханты – Мансийск, 2016. С. 98-104.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов. вер, обыкновений, жилищ н прочих достопримечательностей. Ч.1-2. СПб. 1776, 1799. 263 с.

Карьялайнен К.Ф. У остяков // Сибирские вопросы. № 30-52. СПб., 1911. С. 122-146.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: ТГУ, 1984. 174 с.

Соколова З.П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов: Полевые исследования Института этнографии за 1974 г. М., 1975. С. 165-174.

Старцев Г. Остяки. Л.: Прибой, 1928. 130 с.

Ткачева Н.А. Отчет об археологической разведке на территории Уватского района Тюменской области в 2000 г. Тюмень, 2001 / Архив ИПОС СО РАН.

Ткачева Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Уватского района Тюменской области в 2001 г. Тюмень, 2002 / Архив ИПОС СО РАН.

Ткачева Н.А. Отчет об археологических исследованиях на территории Тюменской области в 2002 г. Тюмень, 2003 / Архив ИПОС СО РАН.

Успенская С.С. Этническая идентификация народа ханты в фольклоре и традиционных представлениях // Вестник ТГПУ. Вып. 3. Томск, 2007. С. 155-161.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды Института этнографии, нов. серия. Т. 51: Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 114–156.

Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. 540 с.

FUNERAL RITE OF THE SOUTHERN KHANTY

K. Akhtyamova

Tyumen State University, Tyumen
akhtyamovakarina@mail.ru

Supervisor - PhD A.Tkachev

This study is devoted to the funeral rite, on the basis of the materials available to us, we found out how the southern Khanty buried their loved ones, and also compared the funeral rite of the southern Khanty group with others.

Keywords: Khanty, funeral rite, Ostyaks, burial ground, Ob Ugrians.

УДК 902.2

ОБРЯД «ЗАПИРАНИЯ» ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОСЕЛЬСКОГО ТЕРЮХАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

К.Н. Втюрина

Национальный исследовательский Нижегоро́дский госуда́рственный университе́т им. Н.И. Лобаче́вского, Нижний Новгород
kvtyurina@inbox.ru

Научный руководитель – д.и.н. Е.А. Молев

В статье рассматривается охранительный обряд «запирания», который был зафиксирован в двух погребениях XVI-XVII вв. на Старосельском терюханском могильнике. Данный обряд фиксируется по воткнутым в дно могильной ямы железным топорам и известен для финских народов Поволжья с эпохи раннего средневековья.

Ключевые слова: Нижегородская область; мордва-терюхане; грунтовый могильник, погребальный обряд; обряд «запирания»; Поволжье.

В результате планомерно проводимых раскопок могильников финского населения Поволжья удается выявлять всё новые и новые обрядовые комплексы, связанные с каким-либо элементом погребальной традиции. Собрано уже достаточно много данных, связанных с верой в магическую силу железных предметов [*Травкин*, 2019], в частности, топоров, которая проявляется в погребальном охранительном обряде, так называемого «запирания». Авторы статьи обращаются к подобным погребальным комплексам, обнаруженным в ходе раскопок Старосельского терюханского могильника.

Старосельский терюханский грунтовый могильник был впервые обнаружен и обследован археологической экспедицией Дальнеконстантиновского районного музея под руководством Е.В. Четвертакова в 2016 г. [*Четвертаков*, 2016, С. 7-20]. Памятник расположен на длинном пологом мысу правого коренного берега реки Озерка, правого притока р. Кудьма, в 1500 м к юго-востоку от окраины застройки деревни Староселье Дальнеконстантиновского района Нижегородской области.

Во время археологических раскопок в 2018 году была обнаружена могильная яма №3 (рис. 1А), состоявшая из мужского погребения №20, скелет которого находился в анатомическом порядке и вторичного женского погребения №21, которые условно могли составлять одну семейную группу [*Четвертаков*, 2018, С.19-22]. В мужском погребении №20 было зафиксировано прямое свидетельство охранительно-погребальной традиции «запирания» в виде воткнутого в дно могилы топора.

Погребение №20 ,судя по инвентарю, принадлежало мужчине возрастом 30-35 лет. Тело погребенного было вытянуто и лежало на спине. Правая рука согнута, правая ладонь лежит на правом плече. Левая рука лежит на животе погребенного. Череп повернут направо. Ориентировка погребенного – головой на северо-восток.

Сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты: железная заготовка под кресало с кремнем, а также бронзовая застежка с кольцом круглого сечения и с завернутыми перпендикулярно плоскости кольца концами.

Левее черепа погребенного было обнаружено 3 кости пояса передних конечностей домашней курицы (Gallus gallus), а именно фрагменты диафиза большеберцовой кости.

© Втюрина К.Н., 2020

Правее правой согнутой руки погребенного был обнаружен воткнутый лезвием в материковое дно могилы (на 5 см) железный топор с округлым обухом. Обнаруженный топор близок к типу топоров, хорошо известных в различных регионах Восточной Европы (тип 13, вариант 1 по П.Н. Котовичу) и имеет широкую хронологию с VII по XV вв. включительно [*Kotowicz*, 2013, S.60]. По С.В. Святкину [*Святкин*, 1998, С. 64-65] данный топор относится к типу, бытовавшему среди мордвы в период с X по XIV вв. включительно (Группа А, тип 4).

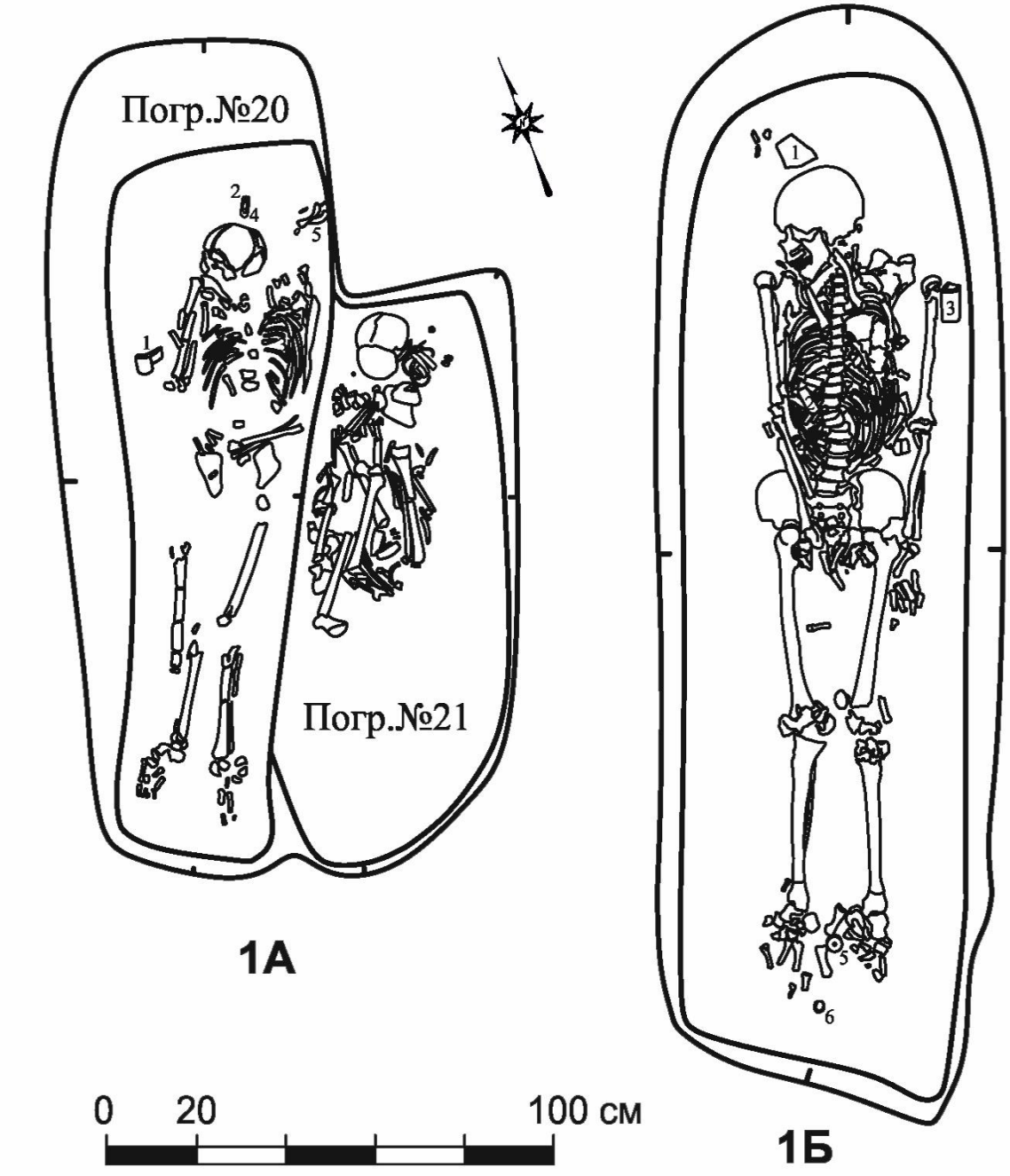


Рис. 1 Старосельский терюханский могильник. Погребения с обрядом «запирания» топором
1А - Погребение №20: 1 – топор железный; 2 – заготовка кресала железная; 3 – застежка-фибула бронзовая; 4 – кремень кресальный; 5 – кости домашней курицы.
1Б – Погребение 2019 г. (пол. № 6): 1 – фрагменты керамического сосуда; 2 – заготовка кресала железная; 3 – топор железный; 4 – застёжка-фибула бронзовая; 5 –пряслице керамическое; 6 – перстень щитковый бронзовый.

Погребение №20 может быть датировано по обнаруженной в смежном женском погребении №21 серебряной монете – московской денге Ивана IV Васильевича, т.е. периодом не раннее XVI века.

Похожий обряд «запирания» с топором был зафиксирован во время археологических раскопок 2019 года на Старосельском могильнике.

Погребение (рис. 1Б), судя по всему, принадлежало мужчине, возрастом 20-25 лет. Тело погребенного было вытянуто и лежало на спине. Правая рука слегка согнута в локте, правая ладонь лежит чуть ниже живота. Левая рука лежит вдоль тела. Череп повернут направо. Ориентировка погребенного – головой на северо-восток.

Сопроводительный инвентарь погребения включал в себя следующие артефакты:

- железная заготовка под кресало, бронзовая застежка с кольцом круглого сечения и с завернутыми перпендикулярно плоскости кольца концами. В ногах погребенного были найдены бронзовый перстень с высоким округлым щитком и цилиндрическое уплощенное с прямыми боками керамическое пряслице.

Топор был воткнут в дно могильной ямы рядом с левой плечевой костью. Он близок к новгородским топорам 3 типа [*Колчин,* 1959, С. 25-30]. Его отличает плоская верхняя площадка за исключением небольшое утолщения в районе носка лезвия. Нижняя площадка имеет правильный подовальный изгиб, проушина топора треугольной формы. Ударная поверхность ровная, прямоугольного сечения. Топоры подобного типа бытовали в Новгороде весь XV век, и перешли в XVI в.

В засыпке погребения были обнаружены фрагменты красноглиняного сосуда с тёмным буровато-рыжим цветом черепков (предположительно широкогорлый кувшин) со сплошным лощением по внешней стороне и кости курицы.

Обнаруженное погребение может быть датировано временем не раннее XVI века, а скорее всего (по наличию керамики со сплошным лощением), периодом XVII века.

Таким образом, авторами статьи была зафиксирована охранительная традиция «запирания» посредством втыкания топора в дно могильной ямы, которое было зафиксировано для погребальных комплексов, датировка которых период XVI-XVII веков. Данный обряд не известен в синхронных по времени мордовских могильников. Обнаруженные погребения имеют ряд общих черт:

- погребенные – мужского пола,
- ориентировка погребений северо-восток,
- череп повернут направо,
- остатки следов жертвоприношения домашней птицы (петуха или курицы)
- обнаружена железная заготовка под кресало в виде плоской прямоугольной пластины, а не само полноценное изделия, как в других изученных мужских погребений.

Для Верхнего Поволжья собрано уже достаточно много данных, связанных с верой в магическую силу железных топоров.

Обычай использовать волшебную силу острого металлического предмета, как показывают археологические данные, уходит корнями в период раннего средневековья. В VII-VIII веках н. э. местное финское население «запирало» покойников под землей воткнутыми в дно могильной ямы топорами, чему служат данные Кочкинскиго могильника Палехского района. На данном могильнике зафиксировано около 6 погребений (п. 4; п.17; п.23; п.24;п.26;п.34) с воткнутыми топорами-кельтами из 34 исследованных Е.Н. Ерофеевой в 1959, 1961-1962 гг. [*Ерофеева*, 1988, С. 99-134], чаще всего они были воткнуты около изголовья покойника и в районе колен.

Также обряд «запирания» характерен для погребального обряда средневековых марийцев.

По данным Т.Б. Никитиной [*Никитина*, 2012, С.155] данный обряд был встречен в 4 погребениях женщин-литейщиц на различных марийских могильниках IX-XI вв. – Веселовский (п.6), Выжумский (п.11), Русенихинский (п.6), Юмский (п.7).

Эти данные говорят о том, что традиция «запирания» топором прослеживается в погребальной традиции народов Поволжья с эпохи раннего средневековья, сохраняется в

различных своих формах на протяжении периода развитого средневековья, но только лишь у мордвы-терюхан доживает до периода XVI-XVII вв.

Обряд «запирания» и статус погребенных довольно-таки сложно интерпретировать для обнаруженных нами погребений на Старосельском терюханском могильнике.

По этнографическим данным известно, что в похоронном цикле мордвы было много магических действий, которые должны были предохранить от смерти, очистить после контакта с покойным. В качестве предохранительных и очистительных предметов использовали золу, а также железные предметы - нож, топор, ножницы. Золу насыпали на лавку, где лежал покойник, сюда же втыкали и нож. Также чертили ножом вокруг умершего, водили по шее, груди и по ногам. Таким образом, считали, что «отрезали смерти голову», чтобы она не могла больше никого поразить из членов семьи покойного. По возвращении участников похорон с кладбища под ноги им бросали косарь [*Харва*, 1952, С.41].

Таким образом, обряд «запирания», известный в погребальной традиции финских народов Поволжья с эпохи раннего Средневековья, был зафиксирован в погребальных комплексах мордвы-терюхан, относящихся к Новому времени. Данный факт свидетельствует о большой степени консерватизма языческих традиций, которые бытовали в среде мордвы-терюхан вплоть до XX века.

Библиографический список

Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Кочкинский грунтовый могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14: Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1998. С. 99-134.

Колчин. Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА Вып. 65. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 7-121.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XIII вв. ветлужско-вятского междуречья // Поволжская археология. Вып. 2. Казань: изд-во АН РТ, 2012. С. 146-165.

Никитина Т.Б. Русенихинский могильник // Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: изд-во АН РТ, 2018. 255 с.

Святкин С.В. Вооружение и военное дело Мордвы в первой половине II тыс. н. э.: дис. канд. ист. наук. Уфа, 1998. 225 с.

Травкин П.Н. Обряд "запирания" в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным [Электронный ресурс] // URL: https://www.gumilev-center.ru/obryad-zapiraniya-v-verhnem-povolzhe-po-arheologicheskim-i-etnograficheskim-dannyim/ (дата обращения: 20.10.2019).

Харва У. Религиозные воззрения мордвы. Хельсинки: Финская академия наук, 1952. 387 с.

Четвертаков Е.В. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. 151 с.

Четвертаков Е.В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 году // Архив ИА РАН. Р-1. 130 с.

Kotowicz P.N. Analiza kolekci toporow sredniowiecznych // Topory sredniowieczne. Lednicy, 2013. 391 s.

THE RITE OF «LOCKING» ACCORDING TO THE STAROSELSKY TERYUHANSKY CEMETERY

K. Vtyurina

National research Nizhny Novgorod state University named N. I. Lobachevskogo, Nizhny Novgorod
kvtyurina@inbox.ru

Academic supervisor - professor E. Molev

The protective rite of locking which was recorded in two burials of XVI-XVII c., on the Staroselsky teryuhansky cemetery is considered in the article. This rite is fixed iron axes driven in the bottom of grave pits and is known for the finnish people of the Volga area since the period of the early middle ages.

Keywords: Nizhny Novgorod Oblast; mordva-teryuhanes; cemetery without mounds; funeral rites; the rite of «locking»; Volga area.

УДК 902

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО БОЛГАР (НА МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЕИ КФУ)

Д.О. Касаева, Р.И. Мухаметов

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Елабуга
dasha.kasaeva1998@gmail.com
thebestmailinyourlife@mail.ru

Научный руководитель – М.С. Купцова

Декоративно-прикладное искусство является одним из самых главных показателей культуры Волжской Болгарии. Благодаря разнообразию орнаментаций и их сочетанию возможно раскрыть многие аспекты в жизни болгар, что до сих пор является интересным предметом исследования для современных ученых.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, культура Волжской Болгарии, орнаменты, орнаментации, художественное искусство.

Полученные в результате многочисленных раскопок материалы несут в себе значимую часть информации о культурной ценности Волжской Болгарии. Благодаря этому изобразительное искусство находится в ряду наиболее ярких предметов изучения культуры этого государства. Оно развивалось на протяжении довольно длительного периода и стало неповторимым в конечном счете. Несмотря на многолетнюю подверженность изучению, культура Волжской Болгарии все еще остается интересным объектом для дальнейших исследований, которые могли бы еще больше раскрыть особенности этого государства. Даже тщательно исследованные предметы со временем могут обрести другое значение под влиянием новой информации, исследованием разных ученых, или новым взглядом на изучаемый предмет. Изучая научные работы известных археологов, можно прийти к выводу, что металлические изделия и наносимые на них узоры, являются одними из самых разнообразных, как по функциональным, так и по внешним характеристикам. Из этого следует, что металлические предметы являются одними из самых интересных для исследователей, так как именно в них проявляется высокая концентрация разнообразия.

Безусловно, орнаментация является одним из самых главных элементов изобразительного искусства. В целом культура востока, как и культура Волжской Болгарии, всегда ассоциируется с изысканностью, тайной, особым художественным вкусом. Ключевую роль в этом играют многочисленные орнаментации, в которых переплетаются растительные, геометрические и зооморфные орнаменты, которые в свою очередь образуют неповторимое художественное творчество. Так, совместно выполненные орнаменты одного или разных типов образуют единую композицию, изучив которые можно сделать выводы о значении предмета, промежутка времени, в котором он выполнен, об интересах владельца предмета и так далее. Эти орнаменты наносились различными инструментами, но в отличие от предметов из других материалов, на металлических они отливались одновременно с изготовлением самого предмета.

Предметы, сделанные из разных материалов, бесспорно, несут в себе наборы разных композиции. Довольно успешно развивалось металлическое производство, и уже имело достаточно хорошую технику, что позволяло мастерам-ремесленникам создавать разнообразные изделия и интересные композиции на них. Наиболее интересные композиции наносились, как правило на золотые и серебряные изделия в силу того, что они является драгоценными предметами, следовательно, и наиболее ценными объектами искусства.

Стоит отметить, что развитие искусства со временем достигло сложности композиций, изысканности и своеобразия. Одновременно использовались геометрические, растительные, зооморфные, каллиграфические мотивы. Необходимо рассмотреть конкретнее перечисленные средства украшения и для легкости восприятия продемонстрировать разнообразие наносимых

© Касаева Д.О., Мухаметов Р.И., 2020

орнаментов на предметы, композиции, которые они представляют собой на примере находок из фондов лаборатории археологии и этнографии ЕИ КФУ.

Наиболее простым орнаментом является геометрический, так как, они всегда состоят лишь из одной простой фигуры. Но несмотря на это он может нести определенный смысл. Например, квадрат – земля, треугольники – горы, свастика – знак четырех стихий или четырех направлений света и так далее. Но те же самые фигуры могли иметь и совершенно другое значение. На примере, рассмотрим костяной гребень из Кирменского городища, на котором изображены кружковые орнаменты. Он представляет собой костяную прямоугольную форму с несколько округленной верхней частью. В нижней половине которого проделаны 15 разрезов, образующих 17 зубцов. Разрезы прямые и аккуратные. Гребень украшен 18 циркульными орнаментами с обеих сторон. Они могли иметь значение идентификации предметов, нести в себе традиционный характер, или же вообще отожествляться с календарем.

Другой большой группой является орнаменты, связанные с образами растительного мира. Растительные орнаменты является очень популярными в плане украшения декоративно-прикладного искусства во всевозможных вариациях. Ремесленники любили изображать разнообразные цветы на своих изделиях. Они отличаются легкостью и графичностью. Так же в орнаментациях изделий многократно встречается большое разнообразие лиственных мотивов [*Баранов, Бугров, Ситдиков,* 2016]. Этим болгары, возможно, хотели подчеркнуть красоту природы, или повысить уровень плодородия поклонением природе через ее составляющие – растения, деревья и так далее. Для примера, рассматривается обломок зеркала периода Улус-Джучи, в центре которого располагается узор, напоминающий солнечный круг, который получил название «солнечное колесо».

Но красота природы не ограничивается лишь растениями. Мир животных занимает важное, часто сакральное место в жизни болгар. Так, животные не только изображались на предметах, но и сами предметы были изготовлены в форме животных. Значительную роль в зооморфных мотивах орнамента занимают изображения коня, лося, оленя, птиц и змей. Так же, как и геометрические фигуры, отдельные взятые животные могут иметь определенный смысл. Например, особые способности змеи – быстрое передвижение и линька могут внушать человеку мысль о его бессмертии, или же, к примеру сова – обладает способностью видеть все вокруг себя, не двигаясь с места, а поворачивая только головой, что можно ассоциировать с мудростью. Например, бронзовый гребень, датирующийся X-XII вв., на рукояти которой изображены конские головки, направленные в противоположные стороны. Оформлена стилизованной растительной композицией, включающий в себя множество орнаментов. Конь, как и во многих тюркских народностях отожествляется с символом урожая, и нередко изображается в предметах туалета и украшения.

Особое место в искусстве украшения играли и каллиграфические орнаменты. Дело в том, что данный орнамент мог тесно быть связан с остальными перечисленными, благодаря обрамлению его растительными, зооморфными мотивами. Этот вид орнаментации сильно распространен в украшениях надгробных камней, или в редких случаях на монетах, и предметах вооружения.

Орнаментации, их композиции использовались очень часто. Свидетельством этому могут служить различные находки, причем не только в Волжской Болгарии [*Старостин,* 2008]. Несмотря на то, что главное предназначение орнаментов – украшение предметов, все же они могут нести и какой-либо смысл или предназначение. Например, круговое изображение тех или иных элементов могло символизировало цикличность, повторяемость и бесконечность жизни. Зооморфные орнаменты могут говорить об определенной почитаемости самих изображенных животных. Геометрические орнаменты могли означать различные природные явления и предметы окружающего мира, например, круг мог означать солнце, квадрат – землю, треугольники – горы. Так, композиция могла нести в себе различные значения в местностях, или же, они могли играть значительную роль в истории того, или иного народа, города. В современности такие композиции могут нам дать ответы на некоторые спорные вопросы [*Мухаметов,* 2018].

В завершении можно сделать вывод о том, что Волжская Болгария имело уникальную культуру, что не является тайной. Но проанализировав культуру, украшения, способы

украшений, можно прийти к мысли о том, что искусство Волжской Болгарии имеет символическую природу [*Валеева,* 2003]. Из этого можно сделать вывод и о жителях этого государства – мышление человека, отношение к миру, окружающей природе, животным, предкам было тоже символическим. Человек пытался изучить и понять сущность окружающего, и показывал все это через искусство. Даже после становления монотеистической религии человек не переставал ни верить, ни менять природу искусства. Благодаря чему появилось уникальная культура, которая зависла между двумя верованиями. Несмотря на доскональную изученность многих предметов, мы верим в то, что можно прийти к разгадкам некоторых тайн, и стать свидетелем многих открытий.

Библиографический список

Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Т.1. Древний Болгар: жизнь города. Казань: Главдизайн, 2016. – 267 с.
Старостин П.Н. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Ин-т археологии РАН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Татарстана. М.: Наука, 2008. – 276 с.
Мухаметов Р.И. Костяные изделия с циркулярными орнаментами из Кирменского городища // Камский торговый путь: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Набережные Челны: Изд-во НГПУ, 2018. – 332 с.
Валеева Д.К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII-XV вв.). Казань: Фикер, 2003. – 240 с.

DECORATIVE AND APPLIED ARTS OF BULGARIANS (ON THE MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL MUSEUM OF EI KFU)

D. Kasaeva, R. Mukhametov

Elabuga Institute of Kazan Federal University
dasha.kasaeva1998@gmail.com
thebestmailinyourlife@mail.ru

Academic supervisor – M. Kuptsova

Arts and crafts is one of the most important indicators of the culture of Volga Bulgaria. Due to the variety of ornaments and their combination, it is possible to reveal many aspects in the life of Bulgarians, which is still an interesting subject of research for modern scientists.

Keywords: arts and crafts, culture of the Volga Bulgaria, ornaments, ornaments, art.

УДК 908

ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО АРЗАМАССКОЙ ОКРУГИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А.И. Кузьмина

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола
angelinakuzmina@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. Ю.А. Зеленеев

В данной статье пойдет речь о развитии гончарного ремесла на территории Арзмасса и арзамасского района Нижегородской области в конце XIX – начале XX века: добыче и обработке глины, формах сосудов, обжиге и т.д.

Ключевые слова: археология, керамика, хозяйство и быт, гончарство, ремесло, история Арзамаса и Арзамасского района.

© Кузьмина А.И., 2020

С XVII века Нижегородское Поволжье стало одним из центров гончарного производства. По всему региону была популярна глиняная посуда из Городца, Юрина, Василевой слободы. Обилие дарового сырья – хорошей глины, дешевого топлива, наличие удобного сбыта, способствовали тому, что многие мужчины в свободное от земледельческого труда время изготавливали глиняную посуду. Активное развитие гончарного ремесла также происходило и в Арзамасском крае [*Варенцова,* 2003, с.10-11].

Арзамасский район, административно-территориальная единица, расположенная на юге Нижегородской области, центром которого является город Арзамас. Изготовлением керамики занимались в Арзамасском уезде в селах Казаково и Забелино, а также в селе Виняево [*Еремеев,* 1992, с.74].

Центры гончарного производства отличаются глиной, которые они используют в своей работе. От качества глины зависит качество продукции, а, следовательно, и спрос на продукцию того или иного села.

Глина добывалась в особых ямах-копях – «глинницах». Одному горшечнику в неделю требовалось около двух возов сырья. Накопанную глину готовили для изделий, проминали ногами и руками [Варенцова, 2003, с.10–11]. Глину брали за территорией села, заготавливали ее, в целях безопасности зимой, так как глиняные ямы были глубокие и могли обрушиться на глинокопа. В труде фольклориста Карпова А.В. «Кустарные промыслы Арзамасского уезда» этот процесс описывается так: «Ямы роют сажени в 4, роют зимой, когда земля замерзнет, из опасения, чтобы земля, обваливаясь, не придавила роющих (что и бывает иногда). На дне глубоких ям выступает вода, которая мешает рыть. Глина привозится позднею осенью и складывается кучками под окнами когда проходишь по Казакову, непременно обратишь внимание на эти кучки. Когда наступает время делать горшки, замерзшую и обледенелую глину приносят в избу и кладут на лежанку (выступ печи, вроде высокого дивана), где она тает и размякает. Потом глину мнут ногами и выбирают из нее сор и камешки» [*Карпов,* 2010, с. 283].

Горшки сушат на грядах, т.е. на жердях, прикрепленных у потолка избы (вот почему в Казакове избы строятся выше, чем обыкновенно). Дня через 3 – 4, когда мастер наделает воз горшков, их обжигают в горне. На обжигание горшков требуется краснолесье; березовые и дубовые дрова слишком жарки для горшечной посуды [*Карпов,* 2010, с. 284].

Работал гончар почти круглый год – приблизительно 265 дней. Производство несколько уменьшалось летом, в разгар полевых работ. Бедному крестьянину не под силу было заниматься горшечным промыслом, так как были необходимы средства для обустройства мастерской [*Варенцова*, 2003, с.10–11]. Однако, из бесед со старожилами, можно узнать, что не все гончары пользовались лошадью для перевозки глины, чаще они таскали её сами на телеге. Горшечню обустраивали по мере возможности: в первую очередь был необходим круг, а шкаф для сушки посуды был не у всех. Горн же был один на несколько семей. Если у мастера не было средств на обустройство горшечни, то он работал в жилой избе.

Он имеется не у всех горшечников, а только у состоятельных; бедные обжигают у них бесплатно (в виде платы остается здесь тепло от нагретого горна, почему при следующем обжиге дров потребуется меньше). Некоторые горшечники устраивали горн сообща человек 5 – 6, и обжигают потом горшки поочередно, сначала метнувши жребий – кому обжигать первому, следовательно, кому больше всех придется истратить дров, чтобы нагреть холодный горн [*Карпов,* 2010, с. 284–285].

В середине XX века в арзамасском районе использовался как ручной круг, так и ножной. Например, в селе Забелино переход от ручного к ножному случился после 1917 года, а в селе Виняево на момент 1961 года, он так и не произошел.

По этнографическим сведения, собранным за XIX в., в Арзамасском крае изготавливались: жаровни, горшки, кувшины, тарелки, сковороды, блюда, кружки, чашки, масленки, опарницы, корчаги для масла и круп, а также «гончарки» – колена для дымовых труб [*Карпов,* 2010, с. 284]. Село Виняево специализировалось так же на игрушках [*Маслова,* 2017, с. 70]. В конце XIX – начале XX века преобладающей была керамика двух типов: белоглиняная поливная и красноглиняная с красно-коричневой (прозрачной) поливой.

Интересно, что в селе Казаково, где делали преимущественно синюю и белую горшечную посуду; крашеная посуда делалась в небольшом количестве, и называлась она там «муравленой». Красили суриком, обмазывая им, разведенным в воде, внутреннюю часть посуды; такая посуда получалась красно-коричневого цвета. Синий же окрас керамика приобретала, если ее на 6 часов засыпали навозом или землей. В Забелино почти вся изготавливаемая посуда была муравленой В Виняеве красили суриком – для окраски внутренней части изделий в желтый цвет, медянкой – для окраски внешней части изделий в зеленый цвет [*Карпов,* 2010, с. 284].

Сбыт товара в каждом селе происходил по-разному, но можно выделить два варианта: продажа оптом скупщику или частная продажа в розницу. Большая часть казаковской горшечной посуды продавалась по окрестным селениям, далеким от базаров, в обмен на хлебные продукты. Горшки продавались также в Арзамасе или самими мастерами рознично, или оптом Арзамасским торговцам горшечным товаром, которых в Арзамасе на момент конца XIX – начала XX века было около 10. Розничная продажа горшков была выгоднее, но не всегда у мастера было время так сбывать горшки . В 1910 году в Казакове было 20 горнов для обжига, гончарным ремесло занимались до 200 человек. Торговля велась в основном не на деньги, а на обмен: на зерно, чечевицу. Возили товары «за лес», т.е. за Ташин завод к Лукоянову, Темникову, в мордву. Возвращались с 18-20 пудами зерна, излишки продавали на базаре [Исторические сведения…, 2017].

О гончарном ремесле «от первого лица» мы можем узнать из писем арзамасских мастеров, написанных в 1961 году, для Комплексного отряда по изучению керамики, под руководством Бобринского А.А. На запрос был получен ответ из пяти сельсоветов района. Два письма дают развернутый ответ на вопросы анкеты, еще три отсылают нас к уже известным центрам гончарного производства.

Упоминание в письмах мест, откуда жители указанных населенных пунктов берут керамические изделия, говорит нам о сложившемся рынке сбыта гончарной продукции. Данные о рынке сбыта 1961 года, частично подтверждают информацию 1870-х гг., предоставленную фольклористом и краеведом А.В. Карповым [*Карпов,* 2010, с. 284].

Наиболее информативными являются письма из сел Виняево и Забелино, где развернутый ответ на вопросы анкет давали сами гончары, а не представители администрации.

Относительно подготовки сырья для гончарного производства авторы письма сообщают следующее: «Залежи глины находятся в земле на глубине от 1 м и больше. Залежи глины слоями: земля – песок – глина. Эта глина имеет синеватый цвет. Залежи её находятся в 8 км от с. Виняева. Местные гончары добывали её ручным способом».

Данная выдержка дает достаточно полную информацию о добыче глины. Ранее были известны места старых глинниц, однако глубина залегания породы была неизвестна. Важна информация и о цвете глины – белая с синеватым окрасом, что говорит о наличии в ней определенных примесей.

Далее в письме идет описание метода приготовления глины: «Глину исщепляют на мелкие кусочки, смачивают водой, сутки дают ей мокнуть, потом разваливают по полу и топчут ногами и прочим. В глину ничего не добавляют». Такое упоминание размягчения глины уже встречалось в разговоре со старожилами Арзамасского района - в деревне Забелино глину месили таким же образом.

Формовка сосуда производилась следующим образом: «Вначале наводят от руки, ибо она очень крепкая, а потом обрабатывают мокрой тряпкой. Обработка деревянным ножом на круге». Других инструментов обработки в письме не упоминается, поэтому здесь мы можем сделать вывод, что виняевские гончары использовали в своем труде самые простые орудия – тряпку и деревянный нож.

Описание горна весьма скудное - на какой объем он рассчитан и сколько он топится. Не упоминается способ укладки посуды, как и чем топится горн. Ни в одном письме не упоминаются варианты различных обжигов, а также послеобжиговой обработки, что свидетельствует о том, что деревенские гончары использовали одну и ту же технику, а свои изделия делали шаблонными, практически без декоративного оформления, так как были ограничены временем и доступностью специального сырья.

В письме из деревни Забелино есть описание процесса изготовления посуды, например, из кома глины местный «гончар или горшешник», как его звали, Петр Алексеевич Аляпин он делал не все изделия - продолговатые делал вналеп. С этой технологией его познакомил отец, и на момент 1961 года он делал так же. Посуду разной формы делали по разной технологии: круглую – вытягивали, продолговатую – налепливали, потом обрабатывали на круге.

Интересный способ проверки пригодности глины описывает Петр Алексеевич: «чтобы узнать, годна она (глина) для изделия или нет, то узнают её так: возьмешь кусочек глины и раскусываешь её зубами, если же на зубах будет много песку, то она плохая, а если его нет или есть в малом количестве, то она хорошая».

В письмах из населенных пунктов есть рисунки горнов, а также ножного (Забелино) и ручного (Виняево) кругов. Инструменты использовали самые обычные – деревянный нож и тряпку.

В конце письма из села Виняево находится дополнительная информация: «Как говорят старые гончары, на проверку глины приезжала комиссия ещё с бывшей Горьковской губернии и ими было выяснено, что эта глина годна на производство фарфора. Залежей глины, по словам наших гончаров, – много». Информация о комиссии впервые встречается в этом письме, ни в одном этнографическом труде об этом ранее не говорилось. При дальнейшем исследовании, было обнаружено, что комиссия, о которой упоминает автор письма это Комиссия по изучению кустарных промыслов России, которые в конце XIX века изучали ряд губерний, в том числе и Нижегородскую.

«Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России…» - источник, необходимый для дальнейшего исследования темы гончарного промысла в арзамасской округе. Изучение отчета комиссии позволит узнать новые данные о местном гончарстве, в первую очередь дать представление о ремесле более раннего периода – середины и конца XIX века. Эта задача и становится первоочередной для исследования.

Библиографический список

Варенцова Л.Ю. Ремесла и промыслы Нижегородского Поволжья в XVI-XIX веках. Методические указания к спецкурсу. – Нижний Новгород: ННГУ, 2003. 40 с.

Еремеев П.В. Арзамасские мастера. - Н.Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1992. 255 с.

Исторические сведения о селе Казакове и др. Арзамасского уезда Нижегородской губернии: [12+] / сост. Ф.С. Корчагин; отв. ред. А.А. Аверина. – Выездное: Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, 2017. 98 с.

Карпов А.В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / А.В. Карпов; ред. – сост. Е.П. Титков, Ю.А. Курдин, А.В. Пряников; науч. Ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. 387 с.

Маслова Е.И. Забытый промысел: изготовление глиняной посуды и свистулек в селе Виняево Арзамасского района//Карповские чтения: сборник статей. Вып.7/Отв. за ред. Ю.А. Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. с. 68–74

POTTERY CRAFTS OF THE ARZAMASS DISTRICT OF THE END OF XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

A. Kuzmina

Mari State University, Yoshkar-Ola
angelinakuzmina@mail.ru

Academic supervisor – professor U. Zeleneev

This article will discuss the development of pottery in the territory of Arzmass and the Arzamas region of the Nizhny Novgorod region in the late XIX - early XX centuries: the extraction and processing of clay, vessel forms, firing, etc.

Keywords: Archeology, ceramic, way of life, pottery, craft, Arzamas history and Arzamas region.

УДК 902

ДИСКУССИЯ О НАЗНАЧЕНИИ КЛЕЙМ НА ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЕ

В.Ю. Неупокоева
Марийский государственный университет, Йошкар-ола
Муромский историко-художественный музей
valya.neupokoeva@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. Ю.А. Зеленеев

В статье речь пойдет о традиции клеймения круговой посуды. Вопросом о назначении знаков на донцах гончарных изделий исследователи занимаются уже более века, но к единому мнению они так и не пришли. В современной науке до сих пор существует несколько точек зрения, но утвердились некоторые общие положения.

Ключевые слова: археология, этнография, керамика, ручной гончарный круг, клейма, гончарные клейма.

Клейма на донцах керамических сосудов появляются вслед за освоением гончарного круга, являясь непременным атрибутом древнерусского гончарного производства примерно со второй половины X века [*Кадиева*, 2007, с. 172] и существуют до широкого распространения ножного гончарного круга.

Вопрос о средневековых гончарных клеймах привлек внимание исследователей одним из первых при изучении славянской круговой керамики. Причем, техника постановки знака на дно сосуда была убедительно объяснена с помощью этнографических данных. При использовании ручного гончарного круга, постановка клейма на сосуд осуществляется так: поверх круга прикрепляется тонкий деревянный кружок меньшего диаметра, на котором может быть вырезано клеймо. Таким образом на дне изделия останется оттиск.

Но проблема назначения клейм обсуждается уже более 150 лет. Этнографические данные не дают однозначного ответа. Так, Б.А. Куфтиным и А.М. Россовой в журнале «Московский краевед» был опубликован очерк промыслов Дмитровского и Воскресенского уездов, где еще в 1924 году сохранялись традиции клеймения посуды, изготовленной на ручном гончарном круге. Гончары продолжали, как и их предки, оставлять на дне сосуда знак в виде креста в круге или колеса, забыв его назначение. Одни горшечники объясняли это фразой «бабы с хрестом любят, этот, говорят, больше наварит», иные же считали это за «отметку мастера», хотя у многих горшечников знак оставался одинаковым [*Куфтин*, 1928, с. 14].

Первым из археологов свои предположения относительно назначения клейм высказал К.П. Тышкевич в 1865 году. Он приписывал этим символам сакральное значение [*Тышкевич*, 1865]. С ним в дискуссию вступил А. Котляревский, связав появление клейм с развитием института частной собственности: «при бедном состоянии хозяйства и простые горшки могли быть предметом спора, и они составляли собственность, требовавшую юридической приметы» [*Котляревский*, 1867, с. 247].

Далее, В.И. Сизов выступил с защитой религиозно-символической теории, основываясь на редкой встречаемости клейм. Для аргументации он приводит данные о гнездовской керамике, где по его подсчетам количество найденных клейменых донцев составляло всего 15% от общего числа [*Сизов*, 1902].

Объединяя массив информации о знаках мастеров и знаках собственности, достаточно аргументированную теорию выдвигает Б.А. Рыбаков в монографии «Ремесло Древней Руси». Известно, что набор знаков на донцах сосудов не очень велик: чаще всего встречаются круги, кресты, колеса, прямоугольники и ключи, но тем не менее, этого достаточно, чтобы обозначить имущество в рамках одного населенного пункта или среди небольшой группы людей. Рыбаков полагает, что основной рисунок знака собственности мог усложняться при переходе имущества по наследству или при разделе семьи [*Рыбаков*, 1948, с. 178]. Он приводит примеры с раскопок могильников, на которых в разновременном контексте встречаются клейма со все более

© Неупокоева В.Ю., 2020

сложным рисунком, прием, чем более ранее клеймо, тем проще рисунок. Исследователь выдвигает рабочую гипотезу о переходе гончарного дела в Древней Руси по наследству. Подтверждая также это фактом, что если в соседних или территориально близких курганных группах встречаются клейма одинаковых начертаний, то при их сравнении неизменно оказывается, что отпечатки клейма на сырой глине сделаны были на разных матрицах [*Рыбаков*, 1948, с. 181]. Но при накоплении материала этот тезис оказался ошибочным.

А.Л. Монгайт, высказываясь о предположениях Рыбакова, утверждает, что правильнее было бы считать, что первоначально все эти знаки имели сакральный смысл, но позднее перестали быть магическими или родовыми знаками, но удержались на клеймах мастеров и поземельных метах до начала XX века [*Монгайт*, 1955, с. 121].

Но если истолкование клейм, как древних магических символов, сохранившихся в позднейшее время, может объяснить сходство их на керамике во всех славянских землях, то как объяснить обилие неклейменой керамики, явно превышающее количество клейменой. Здесь стоит оговориться, что А.В. Арциховский важнейшей причиной такого сходства знаков считал культурное единство славян в средние века [*Арциховский*, 1946, с. 84-90].

Р.Л. Розенфельдт выдвигает предположение, что разнообразие клейм возможно объяснить тем, что они являлись знаками заказчика. Тут же он объясняет и наличие неклейменой посуды: она могла изготавливаться не на заказ, а «на спрос», и именно по этой причине на донцах сосудов нет никаких знаков. В качестве аргументации исследователь приводит информацию, что в небольших городках и особенно сельских поселениях с постоянным контингентом жителей процент клейменой керамики значительно выше, чем в крупных городах [*Розенфельдт*, 1963, с. 126].

Эту версию оспаривает Н.В. Тухтина, приводя примеры, когда один знак собственности при раскопках городищ, встречался на территории разных построек, в разных частях поселения [*Тухтина*, 1960, с. 150-154]. Исследовательница возвращается к магической интерпретации символов на сосудах, как пометок о связи гончара с огненной стихией. Говоря, что и на лепной посуде использовались знаки-обереги, н они могли входить в орнамент, а теперь технологически стало удобнее клеймить посуду.

В.Д. Гупало развивает предположения о магических смыслах знаков на сосудах. Она говорит о том, что с массовым распространением гончарных клейм синхронна христианизация славянских земель [*Гупало*, 2001, с. 31]. Исследовательница излагает любопытную мысль о том, что клейменая посуда являлась праздничной, использовалась дома для узкосемейного священнодейства: употребление пищи во время праздника из посуды, помеченной божественным символом, могло являться своего рода приобщением к святым таинствам.

В последние десятилетия большинство исследователей склоняются к пониманию клейма как знака-оберега [*Лапшин, Бисерова,* 2016, с. 273].

Недавно были опубликованы этнографические заметки А.А. Бобринского, в которых он приводит интересный обряд, который практиковали гончары в пределах Украинской ССР, используя символику огня. При подготовке керамики к обжигу некоторые гончары помещали сосуды в камеру для обжига сначала по углам – если она квадратная, или в центре горна. При этом один или несколько первых сосудов помечали крестом, который выцарапывали на днище или сбоку сосуда. И только после этого помещали в печь остальную посуду. По словам гончаров, так посуда должна хорошо обжечься [*Бобринский*, 2019, с. 13-14].

На сегодняшний день ясно, что в вопросе назначения клейм к единому мнению исследователи так и не пришли. Но многие теории, выдвинутые за прошедшие полтора века, выглядят достаточно логично и привлекательно. Есть вероятность, что справедливыми могут оказаться сразу несколько концепций, ведь нельзя исключать, что мотивов клеймить изделия могло быть несколько. Скажем, повсеместно распространенные знаки-обереги несли сакральный смысл, что очень убедительно подтверждается многими археологами и этнографами. В то же время, бытовали и локальные знаки, находки которых иногда не выходят за пределы не слишком большой территории, либо распространены повсеместно, но встречаются редко: геральдические и буквенные символы, силуэты животных. Они могут оказаться как знаками мастеров, так и знаками заказчиков.

Библиографический список

Арциховский А.В. Культурное единство славян в средние века // Советская этнография. Вып. 1 – М., 1946. С.84-90.
Бобринский А.А. О назначении средневековых гончарных клейм (этнографические заметки) // Вестник «История керамики». Вып. 1 – М.: ИА РАН, 2019. С.12-14.
Гупало В.Д. Раннесредневековые гончарные клейма // Российская археология. Вып. 1 – М.: ИА РАН, 2001. С.27-36.
Кадиева Е.К. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Поволжья. Вып.3. – М.: ИА РАН, 2007. С.172-188.
Котляревский Н.А. Заметки к статье К.П. Тышкевича // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т.1 – М., 1967. С. 242-248.
Куфтин Б.А., Россова М.А. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. Вып. 5. – М., 1928. С. 9-30.
Лапшин А.Г. Бисерова А.В. Гончарные клейма древнего Владимира (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. VI – М.: ИА РАН, 2016. С. 272-287.
Розенфельдт Р.Л. К вопросу о гончарных клеймах // Советская археология. Вып.2, – М., 1963. С. 121-130.
Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. Вып.1: Гнездовский могильник близ Смоленска – СПб, 1902. С.101-111.
Тухтина Н.В. Средневековые славянские гончарные клейма // Труды ГИМ. Вып. 37 – М., 1960. С.148-155.
Тышкевич К.П. Свинцовые оттиски, найденные в р. Буге у Дрогичина // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т.1 – М., 1967. С. 115-124.

DISCUSSION ON APPOINTMENT OF HALLMARKS ON ANCIENT RUSSIAN POTTERWARE

V. Neupokoeva
Mari State University, Yoshkar-Ola
Murom Museum of History and Art
valya.neupokoeva@mail.ru

Academic supervisor – professor Y. Zeleneev

The article will focus on the tradition of branding circular dishes. Researchers have been dealing with the issue of assigning marks on the bottoms of pottery for more than a century, but they have not come to a consensus. In modern science there are still several points of view, but some general points have been established.

Keywords: archeology, ethnography, ceramics, hand pottery wheel, hallmarks, pottery hallmarks.

УДК 393

«ПООБЕДАЙ С НАМИ. ПООБЕДАЕШЬ – УХОДИ» (ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ В ТАТАРСТАНЕ)[1]

Т.И. Собянина

Отдел истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН, Пермь
Пермский Государственный Гуманитарно-Педагогический Университет, Пермь
tanyasobyasha@mail.ru

Научный руководитель – д.и.н. А.В. Черных

В статье на основе полевых материалов рассматривается поминальная обрядность русского населения Чистопольского района Республики Татарстан. Дается описание календарных дней поминовения усопших, а также рассмотрен индивидуальный поминальный цикл. Отдельно рассмотрена трапеза в контексте поминальной обрядности.

Ключевые слова: похороны, поминовение, поминальный обед, обряд.

Поминальная обрядность как целостное явление культуры служит маркером локальных особенностей народа. В данной статье рассмотрена поминальная традиция русского населения Чистопольского района Республики Татарстан.

Основными календарными днями поминовения усопших в данном районе являются Радоница, Троицкая суббота и Дмитриевская суббота [*Александров*, 1997, С. 527]. В эти дни в церкви проводится служба за упокой усопших, а люди посещают кладбище. Радоница, или Родительская – первый вторник после Пасхи. Наиболее почитаемый календарный праздник. За неделю до этого дня люди приводят в порядок территорию кладбища. Заранее красят яйца и пекут куличи, которые приносят на кладбище. «Это вроде как у них тоже Паска, это дань им» (зап. от Завьяловой В.И., 1939 г.р., п. Юлдус). Радоница характеризуется большим количеством поминающих на кладбище: приходят местные жители, приезжают из других районов. В Троицкую субботу также стараются помянуть усопших непосредственно на кладбище. «В Троицкие родители очень много машин приедут. У нас родственники едут на могилки из Казани, из Челнов, из Нижнекамска, из ближних городов» (зап. от Кирсановой А.С., с. Булдырь). В Дмитриевскую же субботу люди редко посещают кладбище, поминовение усопших совержается в храме и дома.

Посещение кладбища в поминальные дни сопровождаются совершением обрядов: крестообразной формой посыпают могилу пшеном или хлебными крошками, которые сметают с поминального стола. «Вот обычно крошки, говорят надо на кладбище нести, для птичек, вот со стола крошки убирают, от пирогов там остаются» (зап. от Брагиной М.И.,1945 г.р., п. Юлдус). Традицией является проведение поминального обеда при могилах. Такой поминальный обед устраивается на специальном столе около могилы и состоит из пирогов, хлеба, компота. Помимо этого существует обычай оставлять угощение для покойного на могиле: конфеты, печенье, выпечку.

Организация и проведение частного поминального цикла начинается со дня похорон. Обычно похороны проводят на третий день после смерти до 12:00 часов. В этот день близкие усопшего дают встречную милостыню людям: впереди похоронной процессии идет человек со специально собранным мешочком и отдает его первому, кто идет навстречу процессии. В этом мешочке лежит тарелка с иголкой и ниткой, деньгами, хлебом, фруктами и свечой. «Встречная милостинка. Хлебушка, конфеты, может быть. Фрукты. Иголку, нитки, деньги – их на тарелочку и платочком завязывали» (зап. от Лазоревой Н.В., 1940 г.р., д. Кубассы). На кладбище в этот день фиксируется обычай повязывать полотенце на крест. Помимо креста, полотенце вешали на угол дома до 40-го дня. Это объясняется верой в то, что «До сорока дней,

[1] «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00117)».

© Собянина Т.И., 2020

якобы душа еще летает. В сорок дней для нее будет суд, куда её определят или в рай или в ад, а до сорока дней вытирается этой тряпочкой» (зап. от Завьяловой В.И., 1939 г.р., п. Юлдус). В день похорон устраивают поминальную трапезу, которую называют «горячий обед». «Похоронят – тут же поминки. Горячий обед. Да. Горячий стол!» (зап. от Трубиловой (Кунгуровой К.А., 1935 г.р., г. Чистополь). На поминальную трапезу принято приглашать душу усопшего. «Я так деда своего: «Пообедай с нами, пообедаешь – уходи» А вот мы остались с дочкой: «Ай-да с нами обедать! Пообедаешь и уходи! К нам больше не приходи!» И оглядываешься…» (зап. от Гоглёнковой А.С., 1934 г.р., д. Булдырь). При этом на поминальный стол обязательно ставили угощение для покойного: стакан с водой или компотом, накрытый хлебом и ложкой. Это угощение ставили до 40-го дня на божницу. На горячий обед приглашались близкие усопшего и исполнители погребального обряда. Состав поминального обеда широк и разнообразен. Блюдом, которое употребляют в первую очередь, является расстоянка, подающаяся с медом. Расстоянка – это дрожжевая хлебная лепешка без начинки. Перед употреблением ее нарезают квадратами. «Лепёшка, только чуть повыше, без начинки. Ее режут на маленькие кусочки квадратиками» (зап. от Завьловой В.И., 1939 г.р., п. Юлдус). Затем обед продолжается супом (чаще всего щи), домашней лапшой с грибами. После лапши подается каша, которая может быть гречневой, пшенной или гороховой. После каши выпивают компот с рыбными, капустными или сладкими пирогами. Последнее обязательное блюдо горячего обеда – твердый фруктовый кисель, который едят ложками. После окончания обеда людям, которые присутствовали на трапезе, выдается милостыня [*Александров*, 1997, С. 524]. «Им полотенце на горячем, женщинам полушалки или там платки» (зап. от Лазоревой Н.В., 1940 г.р., д. Кубассы).

Следующим днем частного цикла поминовения является девятый. В этот день заказывается служба за упокой в церкви, по возможности посещают кладбище. Девятый день также включает в себя организацию и проведение горячего обеда, однако число приглашенных на трапезу меньше, чем в день похорон.

Встречается традиция поминать усопших на двадцатый день после смерти. Семья заказывает службу за упокой усопшего в церкви и устраивает скромный горячий обед только для самых близких. Кладбище в этот день не посещают. «Двадцатый это уж как там… семья уж сидит» (зап. от Трубиловой (Кунгуровой) К. А., 1935 г.р., г.Чистополь).

Важнейший и ключевой поминальный день – сороковой. Особое почитание сороковин связывается с верой в перемещение души покойного на другой свет. Именно поэтому, по словам информантов, в этот день покойный напоминал о себе [*Александров*, 1997, С. 525]. «Ну душа, говорят, улетает. Как проститься приходит душа его. Мотоцикл лежал, всю жизнь лежал. Слышали грохот, но не поняли. Мотоцикл так и стоял» (зап. от Гореловой Л.С., 1941 г.р., д. Средний Толкиш). В сороковой день близкие также заказывают службу по усопшему, организовывают горячий стол и посещают могилу усопшего. Поминальная трапеза схожа с той, которая была в день похорон. Число приглашенных на обед в этот день больше, чем в предыдущие. Приглашаются соседи, родственники покойного и те, кто совершали погребально-поминальный обряд (кто обмывал покойного, изготавливал гроб, копал могилу). Среди выполнения обрядовых действий в сороковины встречается обычай давать тайную милостыню, которая называется «Сорок ложек». Как правило, такая милостыня устраивалась после горячего обеда и состояла из сорока ложек крупы (гороховой, рисовой или гречневой). Милостыню передавали через окно. Роль окна в похоронно-поминальном обрядности крайне важна [*Байбурин*, 1983, С. 141-142]. «А в сорок дней надо сорок ложек крупы. Посуда, какая есть. И вот вроде как унести, тайна она милостынька. Постучишь вроде, чтобы вышли. Сорок ложек крупы там, рисовой или какой, в блюдо тоже чё-то положишь. Постучишь в окошко, ну узнают, раз постучали, значит принесли» (зап. от Лазоревой Н.В., 1940 г.р., д. Кубассы). Те, кто получил тайную милостыню, должны были молиться за душу умершего [*Александров*, 1977, С. 523].

Год со дня смерти покойного заканчивает индивидуальный поминальный цикл. В годины также заказывается служба и устраивается поминальный обед. По возможности посещают кладбище.

Итак, рассмотрев поминальную обрядность русского населения Чистопольского района Республики Татарстан, мы можем говорить о сохранении общерусской системы поминовения усопших. Основные поминальные обряды являются традиционными. Однако имеются свои локальные особенности, которые проявляются в проведении поминальной трапезы, выдачи милостыни и большом количестве суеверий, связанных с загробным миром.

Библиографический список

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – 2-е изд., испр. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.

Материалы экспедиции 2019 г. в Чистопольский район: д. Булдырь, зап от Кирсановой Анны Михайловны, 1940 г.р., Гоглёнковой Анны Сергеевны, 1934 г.р.; д. Кубассы, зап. от Лазоревой Нины Васильевны, 1940 г.р.; д. Средний Толкиш, зап. от Гореловой Людмилы Сергеевны, 1941 г.р.; п. Юлдус, зап. от Завьяловой Валентины Ивановны, 1939 г.р., Брагиной Марии Ивановны., 1945 г.р.; г. Чистополь, зап. от Трубиловой (Кунгуровой) Клавдии Александровны, 1935 г.р.

Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. — М.: Наука, 1997. — 828 с: ил. — (Народы и культуры).

HAVE LUNCH WITH US. HAVE LUNCH-GO AWAY (RUSSIAN FUNERAL RITES IN TATARSTAN)

T. Sobyanina

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
tanyasobyasha@mail.ru

Academic supervisor – professors A. Chernykh

The article considers the funeral rites of the Russian population of the Chistopol district of the Republic of Tatarstan on the basis of field materials. The description of calendar days of remembrance of the dead is given, and also the individual memorial cycle is considered. Separately, the meal is considered in the context of the funeral rites.

Keywords: funeral, commemoration, memorial dinner, ceremony.

УДК 393.05.951

ОБРЯД ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ-ТЕРЮХАН

Е.Ю. Фёдорова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
Jen15352@mail.ru

Научный руководитель – д. филос. н. Ю.С. Обидина

В статье рассматриваются обряды жертвоприношений домашнего скота и птицы у мордвы-терюхан, зафиксированные в период XVI-XVIII вв. На основе этнографических сведений и полевых археологических исследований выстраиваются статистические данные о проводимых обрядах, рассматривается их сущность, проводятся сравнительные аналогии с обрядностью мордвы-эрзи. В результате аналитического исследования выделяются характерные черты обрядов, их сходства и различия.

© Фёдорова Е.Ю., 2020

Ключевые слова: мордва-терюхане, жертвоприношения, животные, курица, погребальный обряд, археология, этнография.

Погребальная традиция мордвы-терюхан эпохи средневековья и нового времени включала в себя многочисленные элементы, среди которых, на основе археологического и этнографического материала, достаточно четко прослеживаются отдельные обряды. Одним из них является обряд жертвоприношения животных при захоронении усопшего. Жертвоприношения домашнего скота и птиц как элемент погребальной традиции мордвы-терюхан рассматриваются на примере захоронений Сарлейского и Старосельского терюханских могильников, где данный обряд фиксируется в период с XVI по XVIII века.

Сарлейский терюханский могильник расположен к северо-востоку от села Сарлей Дальнеконстантиновского района Нижегородской области. Могильник систематически исследовался в период 1926-1927 гг. отрядом Археологической комплексной экспедицией под руководством Е.И. Горюновой [*Горюнова*, 1948, с. 7-65]. Из 42 исследованных захоронений Сарлейского могильника в 12 из них встречаются костные останки животных и птиц.

Старосельский терюханский могильник был впервые обнаружен археологической экспедицией Дальнеконстантиновского районного музея под руководством Е.В. Четвертакова в 2016 г. и исследовался в 2016-2019 гг. Памятник расположен на пологом мысу правого берега р. Озерка, притока р. Кудьма, к юго-востоку от д. Староселье Дальнеконстантиновского района Нижегородской области [*Четвертаков*, 2017]. Из более чем 40 исследованных захоронений могильника следы жертвоприношений встречаются в 10 из них.

Стоит отметить, что все кости животных и птиц, обнаруженные в захоронениях, принадлежат исключительно домашнему скоту, а в случае птичьих костей – курам и петухам. В отличие от погребальной обрядности мордвы-мокши, в которой были распространены жертвоприношения как домашних, так и диких животных, в погребальной традиции терюхан и эрзян не зафиксировано жертвоприношений диких животных [*Беляев*, 1987, с. 82]. Исключение составляют кости ворона или дневного хищника, обнаруженные в единичном случае в мужском погребении №9 Старосельского могильника. На уникальный характер данного жертвоприношения указывает так же расположение костных останков птицы: между бедренными костями погребенного, в то время как во всех остальных зафиксированных случаях кости домашней птицы были обнаружены в районе изголовья погребенных, что определяет одну из характерных черт данного обряда [*Четвертаков*, 2017, с. 21]. Упомянутый обряд приношения в жертву домашней птицы выделяется автором работы из общей традиции жертвоприношения животных у мордвы-терюхан. В первую очередь это объясняется превалирующим количеством погребений с обнаруженными в них костными останками кур над погребениями с останками домашнего скота. Из 22 погребений Сарлейского и Старосельского могильников со следами жертвоприношений в 13 из них зафиксированы кости кур, еще в одном – как уже говорилось выше, дикой птицы. Стоит отметить, что на Старосельском могильнике данный вид жертвоприношений является единственным, для Сарлейского же погребальные комплексы с птичьими костями являются разовыми и не преобладают над общим числом останков животных. Данные погребения с обоих могильников относятся к периоду второй половины XVI-XVIII вв.

Из 14 погребальных комплексов в шести случаях это погребения женщин-терюханок (возраст определен лишь в одном – 30-35 лет), еще в шести – погребения мужчин (возраст от 20 до 35 лет), в двух других случаях погребенными являются дети (10-11 лет). Во всех случаях, за исключением костей дикой птицы, кости курицы или петуха лежали в районе изголовья погребенных: слева или справа от плечевой кости или черепа. Скелеты птиц в каждом погребении представлены фрагментарно – в большинстве случаев это большеберцовые кости; чуть в меньшей мере – плечевые, лучевые и бедренные. В единичных случаях обнаружены локтевая кость, коракоид, кости левого запястья и палец передней конечности.

В этнографических исследованиях по обрядности ближайших соседей терюхан - мордвы-эрзи, есть сведения, будто умершим женщинам «в пазуху кладут куриную голову и ноги для того, чтобы там она для усопшей несла яйца и выводила цыплят» [*Корнишина*, 2000, с. 30-32]. Примечательно, что, исходя из археологических материалов двух рассматриваемых нами терюханских могильников, у терюхан следы куриных жертвоприношений обнаружены не

только в женских, но и в мужских погребениях. Так же, кости черепа были найдены лишь в одном погребении, что свидетельствует о том, что, в отличие от эрзян, терюхане крайне редко клали в могилу куриную голову.

Этот обряд зафиксируется так же этнографом Т.П. Федянович: так, перед погребением усопшего, курицу обезглавливали и бросали либо на улицу, либо в могилу со словами: «Вот тебе на том свете курица» [*Федянович*, 1990, с. 99]. Ее могли также отдать первому встречному еще на пути к месту погребения человека. Сам образ курицы в той или иной мере ассоциировался с загробным миром, о чем свидетельствуют архаичные мордовские поговорки: «Курица кукарекает – к покойнику в доме»; «курица вылетит через дымовое оконце (в бане) – в доме покойник будет» [*Ваганова*, 2013, с. 64].

Говоря об обряде жертвоприношения домашнего скота у мордвы-терюхан, необходимо отметить, что большинство костных останков принадлежит мелкому рогатому скоту, в частности – овце. Следует уточнить, что данный вид жертвоприношений у мордвы-терюхан зафиксирован только на Сарлейском могильнике, на Старосельском ни одно исследованное погребение не содержало в себе костных останков животных. Исключением является яма №1, в заполнении которой обнаружено 2 развала керамических сосудов и челюсть свиньи. По Е.В. Четвертакову, яму №1 можно интерпретировать в качестве прикурганного ровика [*Четвертаков*, 2017, с. 13]. Следы самого кургана зафиксированы не были.

На территории Сарлейского могильника из 12 исследованных погребальных комплексов со следами жертвоприношений 6 содержит кости овцы. В остальных случаях это костные останки коров и кур. Так же, на территории могильника было исследовано 3 кургана, два из которых содержали костяки лошадей, один – костяк овцы. Из общего числа рассматриваемых комплексов можно выделить три грунтовых погребения, в которых кости жертвенных животных располагались особым образом: так, например, в могильной яме погребения №5 на гроб со стороны ног был положен череп коровы, под которым крест-накрест лежали кости ног того же животного. Аналогичным образом кости овец располагались в двух других погребениях, в первом случае – со стороны ног, во втором – в районе головы погребенного. Таким образом, фиксируется определенная традиция жертвоприношения, которая, однако, не просматривается в других грунтовых погребениях, где кости домашнего скота были разбросаны хаотично в засыпной могильной земле в районе ног погребенных, что можно интерпретировать как остатки поминальной пищи. Характерной чертой обряда жертвоприношения животных является то, что все костные останки жертв были обнаружены в нижней части погребений, в районе ног усопшего, в то время как обряд жертвоприношения кур включает в себя положение костей в районе головы погребенного. В курганных же захоронениях фиксируется общая для индоевропейских народов традиция погребения с конем, и в одном случае – с овцой.

Обращаясь к этнографическим материалам мордвы-эрзи, чей погребальный обряд был весьма схож с терюханским, находим, что при захоронении усопшего эрзяне бросали в могилу различные кушанья, чтобы расположить к погребаемому ранее умерших родичей [*Смирнов,* 1895, с. 173]. Имеются свидетельства и о поминальных жертвах: так, после погребения на кладбище закалывали жеребца, шкуру вешали на ветки деревьев, а мясо съедали [*Смирнов,* 1874, с. 165]. Так же, на поминках могли «убить жеребца в память мужчины, корову - в память женщины» [*Гр. П-ов*, 1887, с. 729].

Таким образом, обряд жертвоприношения животных и птиц фиксируется для погребальной традиции мордвы-терюхан по археологическим данным в период со второй половины XVI по XVIII вв., по этнографическим – вплоть до XX в. Следует учитывать, что обряды жертвоприношения домашнего скота и домашней птицы, скорее всего, дифференцированы и являются различными по своему содержанию и смыслу. В целом, данные обряды схожи тем, что проводились в названный период в независимости от пола и возраста погребенных, однако имеют свои отличительные черты. Данные обряды хоть и довольно редки в терюханской погребальной традиции, тем не менее, являются ее яркой чертой.

Библиографический список

Беляев Я.В. Погребальный обряд мордвы мокши в XII-XIV вв. / Вопросы древней истории мордовского народа // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 80. Саранск. 1987, С. 79-84.

Ваганова Е.Н. Фольклор мордвы-мокши: к проблеме бытования народных примет // Финно-угорский мир. Вып.3. Саранск: НИ МГУ им. Огарева, 2013. С. 58-66.
Горюнова Е.И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып. 1. Саранск: Морд. Гос. Изд., 1948. Т. 1. С. 6-55.
Гр. П-ов. Мордовское село Лобаски. История села, верования, обычаи и нравы его жителей до принятия ими христианской веры в 1744 году и после сего до настоящего времени //НЕВ. №13,14. 1887, С. 1343.
Корнишина Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура. Формы бытования. Саранск: МГПИ, 2000.
Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2009. 136 с.
Никонова Л.И., Махалов С.А., Охотина Т.Н. и др. Мордва Саратовской области. Саранск: НИИ гуманитар. Наук при Правительстве РМ, 2013. 252 с.
Седова Л.В. Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтичные образцы житейского опыта. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2009. 336 с.
Смирнов И.Н. Мордва. Казань. 1895. 291 с.
Смирнов И.Н. Мордовское население Пензенской губернии // ПЕВ. № 1. 1874, С. 100-165.
Федянович Т.П. Похоронные и поминальные обряды мордвы // Бытовая культура мордвы. Вып.100. Саранск: Тр. НИИЯЛИЭ,1990. С. 96–125.
Четвертаков Е.В. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году // Архив ИА РАН. Р-1. 151 с.
Четвертаков Е.В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году // Архив ИА РАН. Р-1. 129 с.
Четвертаков Е.В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 году // Архив ИА РАН. Р-1. 130 с.

LIVESTOCK SACRIFICES IN THE BURIAL RITUALS OF MORDVA-TERUKHANE

E. Fedorova

National research Nizhny Novgorod state University named N. I. Lobachevskogo, Nizhny Novgorod
Jen15352@mail.ru

Academic supervisor– professor Y. Obidina

The article considers the ritual of livestock and poultry sacrifices in the rites of mordva-terukhane, prevailing during the XVII-XVIII centuries. Based on ethnographic information and field archaeological research, statistical data is lined up, the essence of the rites is considered, comparative analogies with rituals of Mordva-Erzi are carried out. As a result of an analytical research, the characteristic features of rituals, their similarities and differences are highlighted.

Keywords: Mordva-terukhane, sacrifices, livestock, poultry, funeral rites; archaeology, ethnography.

УДК 392.48

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НИЖНЕЙ КАМЫ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ[1]

Ю.С. Чернышева

научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН; Пермский Государственный Гуманитарно-Педагогический Университет, Пермь
yulyachernysheva99@gmail.com

Научный руководитель – д.и.н. А.В. Черных

В статье рассмотрен начальный этап свадебного обряда русского населения Чистопольского района Республики Татарстан – сватовство и запой. Выявлены особенности проведения данных обрядов. Обозначается существование регламента проведения сватовства. Обряды описан на основе этнографических полевых материалов.

Ключевые слова: свадебная обрядность; сватовство; обряд; тексты сватов.

Сватовство в русской народной свадьбе – особое явление предсвадебного цикла, которое представляет собой публичное предложение девушке и ее родителям молодого человека о замужестве. В настоящей статье мы рассмотрим сватовство русских Чистопольского района Республики Татарстан на основе полевых этнографических материалов 2019 года.

Свадебная обрядность – комплекс обрядово-ритуальных действий, отражающий локальные особенности бытования и региональную специфику народа. Данная обрядность состоит из нескольких циклов (предсвадебный, свадебный, послесвадебный) и довольно продолжительна во времени.

Предсвадебный цикл начинается со сватовства. «Ну тогда как сватали? Захотели родители, свели вот пару» (зап. от Кирсановой А.М., 1940 г.р., д. Булдырь). Сватами могли быть крестные родители жениха и его ближайшие родственники. «Крестные жениха приходили к родителям свататься» (зап. от Кирсановой А. М., 1940 г.р., д. Булдырь). «Берут там или соседей, или крёстных, берут – они идут свататься. Сосватают – потом уже приходят родители, договариваются: всё, когда, как, чё» (зап. от Якимовой Н.В., 1957 г.р., д. Средний Толкиш). Реже встречается вариант, когда идут сватать родители жениха или он сам. «Сватание…как…родители жениха берут, там, кого-то, родственников жениха. Идут к невесте, сватаются, застолье. Всё, договариваются, как свадьбу играть, где играть» (зап. от Кановченко Л.Б., 1962 г.р., д. Фиков Колок). «Он [жених] приходил вот сватать-то меня. Вот он пришел, дядя Никифор, Коля и Лексанлр, старший брат самый. Вот они приходили трое-то» (зап. от Косолаповой П.В., 1930 г.р., д. Кубассы). Как правило, сваты группой приходили в дом невесты. В некоторых случаях их уже ждали, в других сваты появлялись неожиданно. Отношения молодых людей продолжались от полугода до трех лет, после чего парень предупреждал девушку, что отправит к ней сватов. В этом случае родители обычно не препятствовали браку и быстро определялись с датой свадьбы. Однако встречались случаи, когда сваты появлялись в доме неожиданно. При этих обстоятельствах сватов нередко просили подождать ответа какой-то срок или отказывали сразу. «А меня один сватал, а я за него не пошла, потом сестра за него замуж вышла» (зап. от Трубиловой К.А., 1935 г.р., г.Чистополь). Однако бывали случаи, когда невесту отдавали замуж за едва знакомого парня. «Приехали, я вроде не дружила, ничё, сказала потом… чё он неплохой парень, ну и… вроди. Ну, я уже согласилась» (зап. от Станковой А.С., 1932 г.р., д. Русские Сарсазы). Крайне редко встречается ситуация, когда невесту отдавали замуж силой. «А я-то меня… это… увели, я сама-то не знала, недельку с ним дружила. Жених-то у меня учился свой-то. Вот так вот» (зап. от Дарьиной В.В., 1940 г.р., д. Изгары). «Раньше ведь не дружили ничё…«Ага, айда-ка вот эту девку сосватаем, пошли сосватаем!»» (зап. от Храмовой Л.П., 1949 г.р., д. Средний Толкиш).

[1] «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00117)».

© Чернышева Ю.С., 2020

Интересный материал удалось зафиксировать в д. Кубассы, там отмечается особое поведение сватов накануне сватовства. «А вот когда свататься-то пойдут надо стол опутать. Стол опутают, чтобы невесту-то запутать. Да говорили так вот раньше. Опутывать надо стол, да» (зап. от Лазоревой Н.В., 1940 г.р., д. Кубассы). Как правило, подобные ритуалы направлены на удачный исход сватовства. Наиболее подходящим временем для сватовства считались вечер или даже ночь [*Зорин*, 2004, с.51]. Заходя в дом, сваты садились под матицу, что говорило о цели их визита в этот дом. «Под матку садятся, под матку, крестный, крестный, там уже родители» (зап. от Писчанниковой Т.И., 1937 г.р., с. Чистопольские Выселки). В другой трактовке сватам полагалась садиться на пороге и при получении согласия пересаживаться под матку. «Всё, приходят, садятся. Садятся, значит, у порога, всё. Сосватались, нормально, ага. Смотрют – если, например, невеста понравилась, родители встают и садятся под матку – невеста понравилась. А если не понравилась, сидят, ну ладно, может быть, в следующий раз придём, всё и уходим. Вот поэтому и под матку» (зап. от Зотеевой В.Н., 1957 г.р., д. Средний Толкиш). А.К. Байбурин отмечает особую роль матицы в сватовстве [*Байбурин,* 1983, с.145]. Матица делит внутреннее пространство крестьянского дома на две части. То, что сваты садятся под матицу, нарушает границы жилища, поскольку гость заходит в переднюю часть дома, показывая тем самым их намерения войти в семью, стать родственниками.

Существует масса вариаций диалогов между сватами. Как правило, они начинались со слов, косвенно связанных со сватовством. «У вас петушок, у нас курочка, не пора ли загнать в один хлевушок?» (зап. от Храмова М.А., 1941 г.р., д. Средний Толкиш). Очень часто в подобных приговорах встречается упоминание о барашке и овечке, товаре и купце. Такие метафоры распространены повсеместно в районе, причем ни одна из них не является обязательным образцом. Выбор той или иной формы намёка на сватовство не обусловлено территориальным или каким-либо другим фактором и зависит исключительно от случая.

Следующий этап свадьбы, по получении согласия родителей невесты – запой. Запой мог быть сразу, если свататься приходили родители жениха. «Отец-то ставит бутылку на стол и говорит: «Раз она не выходит – согласна наверно. Давай». Зинка меня из чулана [кухни] толкат: «Иди, Панька, иди. Все они вон тебя щас запьют». Нучё…меня за́пили. Я чё» (зап. от Лазоревой Н.В., 1940 г.р., д. Кубассы). «Вот когда сосватались, уже собирают стол. Ну, раз договорились, сразу собирают стол и «запивают», ну, как сказать» (зап. от Матросовой М.Е., 1935 г.р., д. Средний Толкиш). Второй распространенный вариант запоя – через несколько дней после сватовства. В это время родители еще раз подумают, выдавать ли дочь замуж. Назначают день запоя и готовят столы. «Запой у невесты делают, потом идут к жениху, щас вроде только у невесты, всяко. Если только у невесты, то с жениховой стороны припас маленько принесут. Вот если с этой стороны и с той, так вот так бывает. Сосватали» (зап. от Храмовой Л.П., 1949 г.р., д. Средний Толкиш). Зафиксировано интересное свидетельство: запой – день записи брака в сельсовете. А через неделю-две назначают свадьбу. Такой случай скорее исключение, так как о подобных случаях больше не упоминается. После запоя период сватовства можно считать законченным, и начинается другой период предсвадебного цикла – подготовка к свадьбе.

Библиографический список

Материалы экспедиции 2019 г. в Чистопольский район: г. Чистополь, зап. от Трубиловой Клавдии Александровны, 1935 г.р.; д. Булдырь зап. от Кирсановой Анны Михайловны, 1940 г.р.; д. Изгары, зап. от Дарьиной Веры Васильевны, 1940 г.р.; д. Кубассы, зап. от Косолаповой Прасковьи Васильевны, 1940 г.р., Лазоревой Нины Васильевны, 1940 г.р.; д. Средний Толкиш, зап. от Зотеевой Валентины Николаевны, 1957 г.р., родом д. Кубассы этого же района, Якимовой Нины Васильевны, 1957 г.р., родом из д. Четырчи этого же района, Храмовой Лидии Михайловны, 1949 г.р., Храмова Михаила Александровича, 1941 г.р., Матросовой Марии Егоровны, 1935 г.р., родом из д. Малый Толкиш этого же района; д. Фиков Колок, зап. от Кановченко Любовь Борисовны, 1962 г.р.; с. Чистопольские Выселки, зап. от Писчанниковой Тамары Ивановны, 1937 г.р., родом д. Новое Иванаево Новошешминского района.

Байбурин А.К Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука: Ленингр.отд-ние, 1983. 191 с.

Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 248 с.

WEDDING CEREMONY OF THE LOWER KAMA: REGIONAL SPECIFICS AND FEATURES OF EXISTENCE

Y. Chernysheva
Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm
yulyachernysheva99@gmail.com

Academic supervisor – professor A. Chernykh

The article considers the initial stage of the wedding ceremony of the Russian population of the Chistopol district of the Republic of Tatarstan -matchmaking and binge. The features of these rites are revealed. Existence of regulations of carrying out matchmaking is designated. The rites are described on the basis of ethnographic field materials.

Keywords: wedding ceremony; matchmaking; ceremony; texts of matchmakers.

УДК 903.25:391(=11/18) (4/5)

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ РАКОВИН КАУРИ (СЕРЕДИНА II ТЫС. ДО Н.Э. – XIX В. Н.Э.)

В.С. Ясаков
Удмуртский государственный университет, Ижевск
jasakovvictor7@gmail.com

Научный руководитель – д.и.н. Р.Д. Голдина

Находки раковин каури вида Cypraea moneta известны во многих археологических памятниках Евразии. Широко известны случаи их использования в женском костюме и в этнографической литературе. Начиная примерно с середины II тыс. до н.э. каури-монета стали применяться азиатским населением сначала как платежное средство, а затем и как украшение. В данной работе рассмотрен характер использования раковин каури в хозяйственной жизни народов Евразии со II тыс. до н.э. до конца XIX в.

Ключевые слова: Евразия, каури, археологические памятники, украшения, костюм.

Каури (ципреиды, фарфоровые улитки) – насчитывающее около 300 видов семейство морских брюхоногих моллюсков, обитающее в тропических морях и в Средиземном море. Раковины лишь двух видов имели большое значение для племен Евразии – Cypraea annulus и, в особенности, Cypraea moneta.

Для нас наибольший интерес представляет последний вид Cypraea – каури-монета. Длина моллюска – от 10 до 44 мм, обычно около 20–25 мм. Обитает у восточного побережья Африки, южного побережья Азии, Австралии, Новой Зеландии и Америки. Однако, именно в Азии раковины данного вида моллюска стали широко использоваться в хозяйственной деятельности местного населения [*Ершов, Кантор*, 2008, с. 86].

Раковины каури-монета были очень популярны в разные эпохи у разных культур. Этому в частности способствовала их необычная форма с длинным узким отверстием на нижней стороне. В 1930–1940-е гг. среди ученых развернулась дискуссия относительно назначения раковин каури, а также представлений, связанных с их использованием. Ряд исследователей, указывая на сходство нижней части раковин с полузакрытым человеческим глазом, предполагали, что древнее население считало каури амулетами, которые обладали защитными

© Ясаков В.С., 2020

свойствами от сглаза. В противоположность им, другая группа ученых рассматривала раковины каури как символ женственности, плодородия, рождения и достатка [*Столба*, 2007, с. 158–159].

Рассмотрим функциональное назначение раковин каури в середине II тыс. до н.э. – XIX в. н.э.:

1. Раковины каури-монета прежде всего использовались как денежная единица на огромных территориях Азии и Африки. Впервые в качестве денег каури стали применяться в Китае начиная примерно с середины II тыс. до н.э. Со временем они были вытеснены медными монетами, однако в некоторых провинциях как платежное средство раковины каури продержались вплоть до начала XX в.

По примеру Китая, раковины каури стали использовать в качестве денег на многих других территориях – в Корее, Японии, Индии, Таиланде, на Филиппинских островах. Собственно, в Индии раковины каури-монета стали применяться во второй половине I тыс. до н.э. Однако, наибольшего распространения деньги из раковин каури на территории полуострова Индостан достигли в IV–VI вв. и сохранялись в обороте до середины XIX в.

Арабские купцы завезли каури в Западную Африку, а именно – в г. Томбукту (Тимбукту) на р. Нигер. Вскоре здесь данный вид раковин тоже стал использоваться в качестве платежного средства. В связи с распространением работорговли раковины каури-монета распространились по всей Африке.

В небольших количествах каури использовались как денежная единица в Средней Азии и даже в Европе. На территории Азербайджана раковины были в ходу как деньги вплоть до XVII в. Даже на Руси в XII-XIV вв. («безмонетный период») раковины каури использовались как платежное средство, однако фигурировали под другими названиями – ужовки, жерновки или змеиные головки [*Буруковский,* 1977, с. 67–69].

2. Раковины каури-монета могли использоваться в качестве подвесок в ожерелье. В этом случае у раковин прорезалось небольшое отверстие, либо же срезалась вся задняя выступающая спинка [*Русланова*, 2018, с. 144]. Скорее всего, данную функцию выполняли каури, найденные на территории Прикамья (Азелинский, Бирский, Камышлы-Тамакский, Ныргындинский I и Охлебининский могильники) [*Мажитов*, 1968; *Мажитов, Пшеничнюк,* 1968; *Пшеничнюк,* 1968; *Голдина, Красноперов,* 2012].

3. Как украшение нагрудника женщины. В данном контексте раковины каури использовались в основном на территории Башкирии (Урманаевский II, Ново-Сасыкульский, Кушулевский III и Камышлы-Тамакский некрополи) [*Васюткин,* 1982; *Васюткин, Калинин*, 1986; *Красноперов,* 2006; *Мажитов, Пшеничнюк,* 1968].

4. Каури могли исполнять и роль подвески к воинскому ножу. Именно такое применение имела раковина, обнаруженная в погребении 3 кургана 14 Первомайского VII могильника на Нижнем Дону [*Мамонтов,* 2000].

5. Раковины каури-монета использовались для декорирования поясов у населения Верхнеобского бассейна (могильники Новотроицкое-1, 2, Локоть-4а, Камень-2, Быстровка, Новый Шарап-1, 2, Староалейка-2, Фирсово и др.) и Алтая (некрополи Черемшанка-1, Покровский Лог-5 и др.) в период раннего железного века. Согласно исследованиям П.И. Шульги и других авторов, раковины прикреплялись к поясам, становясь тем самым их объемными аппликационными украшениями [*Головченко,* 2015].

6. Как украшение женских костюмов (платья, головные уборы) ряда поволжских народов – мордвы, удмуртов, бесермян, башкир и т.д. Данная практика получила распространение со времен средневековья и продолжала бытовать вплоть до начала XX в. [*Буруковский, Подольская*, 2010].

Таким образом, на протяжении почти четырех тысячелетий раковины каури-монета играли большую роль в хозяйственно-религиозной жизни народов, проживавших на обширных территориях Евразии. Со временем менялось функциональное назначение раковин каури, однако, практически на всем протяжении рассматриваемого хронологического отрезка, данная категория предметов выступала либо в качестве платежного средства, либо в роли украшения одежды (в основном женской). В настоящее время раковины каури стали значительно менее значимы, чем в прошлые времена. Однако, все же они продолжают использоваться любителями экзотики в качестве украшений костюма.

Библиографический список

Буруковский Р.Н. О чём поют ракушки. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1977. 112 с.
Буруковский Р.Н., Подольская М. Заморские ракушки на старинных нарядах [электронный ресурс] // Наш дом – Татарстан. Вып. № 3. 2010. Режим доступа: http://antat.tmweb.ru/zhurnal-nash-dom-tatarstan/32/1908/ (дата обращения 07.11.19).
Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии / С.М. Васюткин // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 125-144.
Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95-122.
Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II-III вв. н.э. на Средней Каме. Материалы и исследования КВАЭ. Т.22. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 364 с.
Головченко Н.Н. Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10: материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Барнаул, 22–23 апр. 2015 г. / отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 33-37.
Ершов В.Е., Кантор Ю.И. Морские раковины. Краткий определитель. М.: Курсив, 2008. 288 с.
Красноперов А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.): дисс. на соиск. уч. степ. к.ист.н. по специальности 07.00.06 археология. Ижевск. 2006 г. 273 с.
Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Москва: «Наука», 1968. 163 с.
Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т.III. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 38-58.
Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 194 с.
Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т.III. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 59-104.
Русланова Р.Р. Бусы Южного Урала по материалам некрополей V-VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.
Столба В.Ф. Каури и прочие амулеты в погребальном обряде некрополя Панское I // Боспорский: феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 157-162.

FUNCTIONAL PURPOSE OF COWRIE SHELLS (MIDDLE II THOUSAND BC - XIX CENTURY AD)

V. Yasakov

Udmurt State University, Izevsk
semks.73@yandex.ru

Academic supervisor - professor R. Goldina

The findings of cowrie shells of the species Cypraea moneta are known in many archaeological sites of Eurasia. Widely known cases their use in feminine costume and in ethnographic literature. Since about the middle of the II Millennium BC cowrie-coin began to be used by the Asian population first as a means of payment, and then as an ornament. In this article, we consider the nature of the use of cowrie shells in the economic life of the peoples of Eurasia from the II Millennium BC to the end of the XIX century AD.

Keywords: Eurasia, kauri, archaeological monuments, ornaments, costume.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Глеб Вячеславович, студент 5 курса ОГПУ, Оренбург
Агеев Александр Валерьевич, студент 2 курса ПГГПУ, Пермь
Ананьин Алексей Владимирович, студент 3 курса КГУ, г. Курган
Андриевский Алексей Александрович, студент 4 курса К(П)ФУ, Казань
Анисимова Екатерина Сергеевна, студентка 4 курса ПГГПУ, Пермь
Асанова Анна Алексеевна, студентка 1 курса УрФУ, Екатеринбург
Астафьева Вера Сергеевна, студентка 4 курса ОГПУ, Оренбург
Астолопов Роман Евгеньевич, студент1 курса СГСПУ, Самара
Афанасьев Владислав Дмитриевич, студент 3 курса КГУ, Курган
Ахтямова Карина Ильдусовна, студентка 4 курса ТюмГУ, Тюмень
Бакумцев Кирилл Максимович, студент *2* курса НГПУ, Набережные Челны
Белых Александра Витальевна, студент 2 курса КГУ, Курган
Битюшкова Анастасия Андреевна, студентка 1 курса магистратуры ВГСПУ, Волгоград
Близнюкова Вероника Игоревна, студент 2 курса магистратуры ИИ СПбГУ, Санкт-Петербург
Борисова Анна Михайловна, студентка 5 курса ВятГУ, Киров
Бородулин Кирилл Игоревич, студент 3 курса СГСПУ, Самара
Бочкарева Арина Дмитриевна, студентка 2 курса ЮУрГУ, Челябинск
Буевич Михаил Алексеевич, студент 3 курса, Самарский университет, Самара
Булакова Екатерина Александровна, аспирант ИИА УрО РАН, Екатеринбург
Булычев Вячеслав Романович, студент 3 курса СГСПУ, Самара
Бурыгин Максим Александрович, студент 5 курса, СГСПУ, Самара
Васючков Егор Олегович, студент 4 курса ЮУрГГПУ, Челябинск
Воронков Станислав Александрович, н.с. Череповецкого музея ареологии, Череповец
Втюрина Ксения Николаевна, студентка 4 курс, НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
Гавриш Ирина Романовна, студентка 4 курса СГСПУ, Самара
Гавриш Кристиан Вячеславович, студентка 2 курса ЧелГУ, Челябинск
Галимов Айнур Ильгизарович, студент 1 курса НГПУ, Набережные Челны
Гарипова Регина Ильнуровна, студентка 2 курса, НГПУ, Набережные Челны
Гилязов Филат Фаритович, студент 2 курса магистратуры СГСПУ, Самара
Глазырина Маргарита Кирилловна, студентка 3 курса ВятГУ, Киров
Гончаренко Юрий Дмитриевич, студент 3 курса АГУ, Астрахань
Грехов Сергей Вадимович, учитель МАОУ СОШ № 1, Кушва
Гюрджоян Катя Гнеловна, студенка 4 курса, ТюмГУ, Тюмень
Давыдов Роман Вячеславович, студентка 2 курса магистратуры, НГУ, Новосибирск
Давыдова Татьяна Сергеевна, студентка 4 курса, НГСПИ РГППУ, Нижний Тагил
Девятова Ксения Алексеевна, студентка 4 курса ВятГУ, Киров
Евшин Андрей Сергеевич, студент 3 курса ВятГУ, Киров
Емельянов Александр Михайлович, студент 4 курса ПГНИУ, Пермь
Ермолович Никита Евгеньевич, студент 4 курса ИИГСО НГПУ, Новосибирск
Жижин Сергей Павлович, студент 2 курса ПГГПУ, Пермь
Загребина Александра Алексеевна., студентка 3 курса УдГУ, Ижевск
Заикина Наталья Андреевна, студенка 5 курса БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа
Зимирев Михаил Олегович, студент 4 курса ПГНИУ, Пермь
Зленко Елена Юрьевна, студентка 3 курса КФУ, Казань

Зограф Алиса Антоновна, студентка 3 курса ТГУ, Томск
Золотарев Дмитрий Павлович, студент 1 курса магистратуры ИГУ, Иркутск
Зюзёв Захар Юрьевич, 10 класс МБУ ДО Полевского городского округа "ЦРТ им. Н.Е. Бобровой", Полевской
Зяблов Олег Леонтьевич, студент 2 курса АГУ, Астрахинь
Иванова Злата Александровна, студентка 4 курса ТюмГУ, Тюмень
Игнатьев Юрий Иванович, студент 5 курса, СГСПУ, Самара
Ирушкина Анастасия Дмитриевна, ПензГУ, Пенза
Исмоилова Айгуль Альбертовна, студентка 1 курса НГПУ, Набережные Черны
Калугина Дарья Андреевна, студентка 1 курса магистратуры УдГУ, Ижевск
Касаева Дарья Олеговна, студентка 4 курса ЕИ КФУ, Елабуга
Кельсин Валерий Юрьевич, студент 4 курса ПГНИУ, Пермь
Ким Игорь Константинович, студент 3 курса СПбГУ, Санкт-Петербург
Киселёв Иван Игоревич 10 класс МБУ ДО Полевского городского округа "ЦРТ им. Н.Е. Бобровой", Полевской
Климова Анна Дмитриевна, студентка 5 курса ЮУрГГПУ, Челябинск
Князева Елизавета Владимировна, студентка 4 курса КФУ, Казань
Козьякова Полина Сергеевна, студентка 4 курса *ПГНИУ, Пермь*
Кокоткина (Акулова) Анастасия Васильевна, ЛРНОО «Археологические исследования»,
Колпакова Татьяна Александровна, студенка 1 курса магистратуры НИУ ВШЭ, Москва
Коновалова Ксения Юрьевна, студентка 4 курса ПГНИУ, Пермь
Косенкова Анастасия Сергеевна, студентка 5 курса СГСПУ, Самара
Кочеткова Екатерина Владимировна, студентка 2 курса, Самарский университет, Самара
Кравцова Юлия Дмитриевна, студентка 1 курса магистратуры ЮФУ, Ростов-на-Дону
Кройтор Елена Александровна, студентка 3 курса КФУ, Казань
Кувакина Наталья Сергеевна, студентка 4 курса ТюмГУ, ИСГН, Тюмень
Кузьмина Ангелина Игоревна, студентка 2 курса магистратуры, МарГУ, Йошкар-Ола
Кузьмина Анна Владимировна, студентка 2 курса ЧГУ, Череповец
Куличков Алексей Александрови ЛРНОО «Археологические исследования»
Купер Алсу Эльдаровна, студентка 4 курса КФУ, Казань,
Курбатова Людмила Александровна, студентка 4 курса СГСПУ, Самара
Куценко Екатерина Александровна, студентка 2 курса ТюмГУ, Тюмень
Латыпова Алсу Рашидовна, студентка 4 курса КФУ, Казань
Лебедева Диана Васильевна, студентка 2 курса магистратуры МарГУ, Йошкар-Ола
Логинов Ярослав Сергеевич, студент 4 курса ОГПУ, Оренбург
Лукинцева Валерия Алексеевна, студентка 2 курса магистратуры СПбГУ, Санкт-Петербург, н.с. Череповецкого музея ареологии, Череповец
Мавлютова Нурия Мухаметовна, студентка 3 курса БГПУ им. М Акмуллы; ИИПО, Уфа
Макарова Юлия Владимировна, студентка 3 курса ЕИ К(П)ФУ, Елабуга
Мамедов Сабир Нарман-оглы, студент 1 курса НГПУ, Набережные Челны
Мартынова Екатерина Витальевна, студентка 2 курса, АГУ, Астрахань
Матвеев Алексей Андреевич, студент 3 курса, АГУ, Астрахань
Мергенева Кристина Николаевна, студентка 3 курса КГУ, Курган
Милованова Мария Павловна, студентка 2 курса магистратуры, МПГУ, Москва
Михайлова Марина Алексеевна, студентка 3 курса, УдГУ, Ижевск
Мордовин Юрий Николаевич, ПензГУ, Пенза
Мухаметов Руслан Илфакович, студент 4 курса, ЕИ КФУ, Елабуга

Надолько Дмитрий Владимирович, студент 3 курса БГПУ им. М Акмуллы; ИИПО, Уфа
Назарова Анастасия Юрьевна, студентка 4 курса ПГГПУ, Пермь
Накарякова Марина Сергеевна, студентка 3 курса ПГГПУ, Пермь
*Неупокоева Валентина Юрьевн*а, студентка 2 курса МарГУ, Йошкар-Ола
Нигметова Мадина Амангильдеевна, 2 курс магистратуры ВолГУ, Волгоград
Никифорова Татьяна Владимировна, студентка 2 курса магистратуры СГСПУ, Самара
Никольская Елизавета Валерьевна, студентка 3 курса ЧелГУ, Челябинск
Нуркенова Алия Жулмагамбетовна, студентка 4 курса ОГПУ, Оренбург
Оболочкова Анастасия Сергеевна, студентка 1 курса магистратуры ВолГУ, Волгоград
Онуфриенко Юлия Андреевна, студентка 4 курса, ВятГУ, Киров
Орлова Елизавета Михайловна, студентка 2 курса ПГНИУ, Пермь
Охотников Егор Сергеевич, студент 4 курса, БашГУ, Уфа
Памеев Родион Александрович, студент 2 курса МарГУ, Йошкар-Ола
Пантелеева Татьяна Юрьевна, студентка 3 курса СГСПУ, Самара
Панчехин Владислав Ярославович, студент 1 курса, УдГУ, Ижевск
Петрова Ольга Павловна, студентка 1 курса магистратуры СГСПУ, г. Самара
Пикоренко Иван Владимирович, студентка 3 курса СГСПУ, Самара
Пимахина Елизавета Сергеевна, студентка 3 курса ОГПУ, Оренбург
Полыгалов Михаил Андреевич, студент 5 курса, ПГГПУ, Пермь
Рахматуллин Салават Хамитович, студент 2 курса НГПУ, Набережные Челны
Ролдугина Светлана Сергеевна, студентка 2 курса магистратуры ВолГУ, Волгоград
Ронжова Светлана Сергеевна, студентка 3 курса Самарский университет, Самара
Савельева Юлия Владимировна, студентка 3 курса КГУ, Курган
Савинов Леонид Николаевич, студент 4 курса БашГу, Уфа
Савко Илья Андреевич, студент 5 курса АлтГПУ, Барнаул
Савченко Леонид Григорьевич, студент 3 курса, БГПУ, Уфа
Сагманова Гульназ Марсовна, студентка 1 курса магистратуры, КФУ, Казань
Садыкова Люция Амировна, студентка 2 курса, ТюмГУ, Тюмень
Самсонова Анастасия Андреевна, студентка 2 курса магистратуры, МарГУ, Йошкар-Ола
Сауков Геннадий Николаевич, студент 2 курса магистратуры КГУ, Курган
Скоробогатова Александра Владимировна, студентка 4 курс СГСПУ, Самара
Слепцова Полина Анатольевна, студентка 3 курса КФУ, Казань
Смертин Андрей Романови, студент 4 курса ПГГПУ, Пермь
Смертин Павел Романович, студент 4 курса ПГГПУ, Пермь
Собянина Татьяна Ивановна, студентка 3 курса ПГГПУ, Пермь
Сомов Анатолий Владимирович, студент 2 курса магистратуры СГСПУ, Самара
Стародубцев Андрей Эдуардович, студентка 3 курса, ВятГУ, Киров
Султанова Мария Викторовна, ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк
Тельминова Елена Андреевна, студентка 3 курса КГУ, Курган
Трушникова Софья Андреевна, студентка 3 курса ЧелГУ, Челябинск
Тюрикова Наталия Александровна, студентка 1 курса, КФУ, Казань
Уварова Кристина Александровна, студентка 5 курса СГСПУ, Самара
Утягулова Римма Римовна, студентка 1 курса магистратуры, КФУ, Казань
Федорова Евгения Юрьевна, студентка 4 курса, НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
Фурлет Владимир Анатольевич, студент 2 курса ПГНИУ, Пермь
Хабетдинова Язиля Фаисовна, студентка 1 курса, НГПУ, Набережные Челны
Халимуллина Лилия Рамилевна, студентка 1 курса магистратуры К(П)ФУ, Казань

Хасанова Гельсина Руслановна, студентка 2 курса, АГУ, Астрахань
Храмцов Михаил Вадимович, студентка 4 курса УрФУ им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
Хурмаев Анвар Альбертович, студентка 4 курс, БашГУ, Уфа
Цыкин Максим Сергеевич, студентка 3 курс, Самарский университет, Самара
Чакилева Юлия Игоревна, студентка 3 курса К(П)ФУ, Казань
Чамара Анастасия Васильевна, студентка 4 курса СГСПУ, Самара
Чекунова Светлана Викторовна, студенка 1 курса магистратуры ВолГУ, Волгоград
Червякова Анна Алексеевна, студентка 2 курса магистратуры МарГУ, Йошкар-Ола
Чернышева Юлия Сергеевна, студентка 3 курса ПГГПУ, Пермь
Шайхутдинова Диана Фаилевна, студентка 4 курса ВятГу, Киров
Шалфеев Павел Сергеевич, студент 2 курса НГПУ, Набережные Челны
Шамгунов Абдуррахим Ильшатович, НГПУ, Набережные Челны
Шарифуллина Дина Талгатовна, студентка 5 курса НГПУ, Набережные Челны
Шельдешова Юлия Владимировна, студентка 2 курса магистратуры АГУ, Астрахань
Шмырина Мария Евгеньевна, студентка 4 курса ПГГПУ, Пермь
Шуравин Евгений Васильевич, студент 1 курса магистратуры УдГУ, Ижевск
Щепина Алина Константиновна., студентка 1 курса НГПУ, Набережные Черны
Юдакова Владислава Станиславовна, студент 4 курса ТюмГУ, Тюмень
Юркина Елизавета Сергеевна, студентка 1 курса магистратуры ЛГПУ им. П.П.Семенова-Тян-Шанского, Липецк
Явная Татьяна Александровна, студентка 2 курс БашГУ, Уфа
Якимова Дарья Алексеевна, студентка 2 курса магистратуры ПГНИУ, Пермь
Яковлев Александр Игоревич, студент 4 курса СГСПУ, Самара
Яровиков Евгений Владимирович, студент 2 курса НГПУ, Набережные Челны
Ясаков Виктор Сергеевич, студент 2 курса магистратуры. УдГУ, Ижевск

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ

Алаева Ирина Павловна к.и.н., с.н.с., и.о. зав. научно-исследовательской лаборатории ЮУрГГПУ, Челябинск

Андреев Константин Михайлович, к.и.н., доцент кафедры отечественной истории и археологии СГСПУ, Самара

Балабанова Мария Афанасьевна, д.и.н., профессор, ВолГУ, Волгорад

Барсуков Евгений Владимирович, старший лаборант музея истории, археологии и этнографии Сибири, старший преподаватель кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ, Томск

Бердникова Наталья Евгеньевна, старший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион», Иркутск

Валиулина Светлана Игоревна, к.и.н., доцент КФУ, Казань

Васильев Дмитрий Викторович, к.и.н., зав. археологической лабораторией АГУ, Астрахань

Вдовченков Евгений Викторович, к.и.н., доцент, зав. кафедрой археологии и истории Древнего мира ЮФУ, Ростов-на-Дону

Воробьева Елена Евгеньевна, к.и.н., доцент КФУ, Казань

Выборнов Александр Алексеевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории и археологии СГСПУ, Самара

Вязов Леонид Александрович, к.и.н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии КФУ, Казань

Голдина Римма Дмитриевна, д.и.н., профессор УдГУ, Ижевск

Головчанский Григорий Петрович, к.и.н., доцент кафедры истории и археологии ПГНИУ, Пермь

Грудочко Иван Валерьевич, к.и.н., научный сотрудник научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ, Челябинск

Данилов Павел Степанович, заместитель начальника УНАЭЦ, Йошкар-Ола

Данич Андрей Владимирович ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ

Демин Михаил Александрович, д.и.н., профессор АлтГПУ, Барнаул

Дубман Эдуард Львович, д.и.н., профессор кафедры Российской истории Самарского университета, Самара

Дураков Игорь Альбертович, к.и.н., доцент ИИГСО НГПУ, Новосибирск

Евгеньев Андрей Александрович, к.и.н., доцент кафедры истории России ОГПУ, Оренбург

Зайцева Ирина Евгеньевна, к.и.н., с.н.с. отдела Средневековой археологии ИА РАН, Москва

Зеленеев Юрий Анатольевич, д.и.н., доцент, начальник центра археолого-этнологических исследований, зав. кафедрой всеобщей истории МарГУ, Йошкар-Ола

Зубов Сергей Эдгардович, к.и.н. директор научно-образовательного центра по археологии и этнографии Самарского университета, Самара

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры Отечественной истории БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа

Кайсин Алексей Олегович, зав. лабораторией археологических исследований ВятГУ, Киров

Кашин Алексей Александрович, к.г.н., доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики УдГУ, Ижевск

Коробкова Елена Алексеевна, старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории и археологии ВолГУ, Волгоград.

Королёв Аркадий Иванович, к.и.н., доцент СГСПУ, Самара

Коршунков Владимир Анатольевич, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории ВятГу, Киров

Корякова Людмила Николаевна, д.и.н., профессор ИИА УрО РАН, Екатеринбург
Косинская Любовь Львовна, к.и.н., доцент кафедры археологии и этнологии, с.н.с. центра археологических исследований УрФУ, Екатеринбург
Косинцев Павел Андреевич, к.б.н., с.н.с. лаборатории палеоэкологии ИЭРиЖ УрО РАН, Пермь
Косорукова Наталья Валентиновна, к.и.н., доцент ЧГУ, Череповец
Котов Вячеслав Георгиевич, к.и.н., с.н.с. УФИЦ РАН, Уфа
Краева Людмила Анатольевна, к.и.н., доцент кафедры истории России ОГПУ, Оренбург
Крыласова Наталья Борисовна, д.и.н., профессор ПГГПУ, Пермь
Купцова Лидия Владимировна, к.и.н., зав. археологической лабораторией ОГПУ, Оренбург
Купцова Мальвина Станиславовна, зав. лабораторией археологии и этнографии ЕИ К(П)ФУ, Елабуга
Лифанов Николай Александрович, к.и.н., с.н.с. научно-исследовательской лаборатории археологии Самарского университета, Самара
Лычагина Евгения Леонидовна, к.и.н., доцент ПГГПУ, Пермь
Мамонтов Владислав Иванович, к.и.н., доцент, профессор кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ВГСПУ, Волгоград
Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент, директор Гуманитарного института КГУ, Курган
Матвеева Наталья Петровна, д.и.н., профессор ТюмГУ, Тюмень
Мингалев Виталий Викторович, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ, Пермь
Молев Евгений Александрович, д.и.н., профессор НГУ им. Н.И. Лобачевского Нижний Новгород
Моряхина Кристина Викторовна, к.и.н., старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии ПГГПУ, Пермь
Мухаметдинов Вадим Ильдарович, инженер учебно-научной археологической лаборатории БашГУ, Уфа
Непомнящая Оксана Викторовна, педагог дополнительного образования МБУ ДО Полевского городского округа "ЦРТ им. Н.Е. Бобровой", Полевской
Непомнящий Александр Викторович, педагог дополнительного образования МБУ ДО Полевского городского округа "ЦРТ им. Н.Е. Бобровой", Полевской;
Нигамаев Альберт Зуфарович, к.и.н., доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ЕИ (филиал) КФУ, Елабуга, доцент кафедры истории и методики её преподавания НГПУ, Набережные Челны
Новиков Игорь Константинович, начальник археологической лаборатории, старший преподаватель КГУ, Курган
Обидина Юлия Сергеевна, д.философ.н., профессор НГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
Обыденнова Гюльнара Талгатовна, д.и.н., профессор БГПУ им. М Акмуллы; ИИПО, Уфа
Осипова Татьяна Вячеславовна, к.и.н., доцент кафедры Всеобщей истории и обществознания ПГУ, Пенза
Перевозчикова Светлана Александровна, к.и.н., старший научный сотрудник УдГУ, Ижевск
Перескоков Михаил Львович, к.и.н., доцент кафедры Истории и археологии ПГНИУ, Пермь
Подосенова Юлия Александровна, к.и.н., доцент ПГНИУ, Пермь
Русланова Рида Раисовна, к.и.н. старший преподаватель кафедры истории РБ, археологии и этнологии БашГу, Уфа
Савельев Никита Сергеевич, к.и.н., доцент БашГу, Уфа;
Сарапулов Алексей Николаевич, к.и.н., доцент ПГГПУ, Пермь

Седых Валерий Никандрович, к.и.н., доцент СПбГУ, Санкт-Петербург
Сериков Юрий Борисович, д.и.н., профессор НГСПИ РГППУ, Нижний Тагил
Смольянинов Роман Викторович, к.и.н., председатель ЛРНОО "Археологические исследования", Липецк
Сташенков Дмитрий Алексеевич, к.и.н., ученый секретарь СОИКМ им. П.В. Алабина, Самара
Ткачев Александр Александрович, к.и.н., старший преподаватель кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков ТюмГУ, Тюмень
Чаиркина Наталья Михайловна, д.и.н., профессор УрФУ, Екатеринбург
Черных Александр Васильевич, д.и.н., профессор ПГГПУ, член-корреспондент РАН, Пермь
Черных Елизавета Михайловна к.и.н., доцент, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии УдГУ, Ижевск
Чурилов Эдуард Викторович, зав. отделом археологии Пермского краеведческого музея, Пермь
Шакиров Зуфар Гумарович, к.и.н., н.с. ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань
Шиманский Евгений Олегович, старший преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран ЧелГУ, Челябинск

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Астраханский государственный университет
АКМ – Алатырский краеведческий музей
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет
АН – Академия наук
БГИАЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГПУ им. М. Акмуллы – Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВятГУ – Вятский государственный университет
ИА – институт археологии
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИГСО НГПУ – Институт истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИЭРиЖ – Институт экологии растений и животных
КарГУ им. Е.А. Букетова – Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
КАЭ – Камская археологическая экспедиция Пермского университета (ПГНИУ)
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция УдГУ
КГУ Курганский государственный университет
КФУ, К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского – Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского"
ЛРНОО – «Археологические исследования» Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования»
МарГУ – Марийский государственный университет
МАЭ – Музей Археологии и Этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МБУ ДО ПГО "ЦРТ им. Н.Е. Бобровой" – Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования Полевского городского округа «Центр развития творчества им. Н.Е. Бобровой»
МЛК – Музей Лаишевского края
МПГУ – Московский педагогический государственный университет
НГПУ – Набережночелнинский государственный педагогический университет
НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
НИНГУ им Н.И. Лобачевского – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
НТГСПИ РГППУ – Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПГУ – Пензенский государственный университет
ПФИЦ – Пермский федеральный исследовательский центр
РАН – Российская академия наук

РТ – Республика Татарстан
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УНАЭЦ – учебно-научный археолого-этнологический центр
УрО – Уральское отделение
УрФУ – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
УФИЦ РАН – Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
ЧГПУ им. И.Я. Яковлева – Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
ЧГУ – Череповецкий государственный университет
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЮУрГУ (НИУ) – Южно-Уральский государственный университет
ЮФУ – Южный федеральный университет

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ…….. 3

ПРОГРАММА НАУЧНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
Всероссийская научно-практическая конференция «LII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК)»…….. 6

О.М. Мельникова
ДЛЯ ЧЕГО АРХЕОЛОГУ ЗНАТЬ ИСТОРИЮ СВОЕЙ НАУКИ……. 8

А.В. Непомнящий, О.В. Непомнящая
ПОТЕНЦИАЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ……. 11

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА»

Р.Е. Астолопов
КЕРАМИКА ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ…….. 14

К.И. Бородулин
КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ КРАСНЫЙ ГОРОДОК: ОДИН КОМПЛЕКС ИЛИ ДВА?..... 16

Ф.Ф. Гилязов, В.Р. Булычев
КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЛГАЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019 ГОДА)……. 19

М.А. Бурыгин
ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ЭПОХИ МЕЗОЛИТА СТОЯНКИ КОЧКАРИ I В 2019 ГОДУ…….. 22

Т.С. Давыдова
КОЛЛЕКЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ С ПАМЯТНИКОВ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА В ФОНДАХ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»……. 24

М.О. Зимирев
РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПАМЯТНИКОВ ХУТОРСКОГО ТИПА КАМСКОГО НЕОЛИТА НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ ХОМУТОВСКОЕ БОЛОТО II…….. 28

А.А. Зограф
УКРАШЕНИЯ ИЗ ЗУБОВ ЖИВОТНЫХ В МАТЕРИАЛАХ ЯЙСКОГО МОГИЛЬНИКА... 30

Д.П. Золотарев
НЕКОТОРЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИКРОРАСЩЕПЛЕНИЯ ФИНАЛЬНОПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА ЧЕРЕМУШНИК I (БАЙКАЛО-ЕНИСЕЙСКАЯ СИБИРЬ) …….. 33

Ю.И. Игнатьев
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ И СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ…… 36

А.В. Кокоткина (Акулова), Е.С. Юркина, А.А. Куличков
КЕРАМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЛЬЯЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ У С. ДОБРОЕ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ……. 38

А.С. Косенкова
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ……. 42

А.В. Кузьмина
КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ОРНАМЕНТОМ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОГОСТИЩЕ 14-15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ…….. 44

Л.А. Курбатова, Т.В. Никифорова
КЕРАМИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АЛГАЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2019 ГОДА…….. 47
В.А. Лукинцева, С.А. Воронков
КАМЕННЫЕ ПЛИТКИ С ОТВЕРСТИЕМ В ЦЕНТРЕ НА ПАМЯТНИКАХ КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ…….. 50
А.Ю. Назарова
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ВОСТОЧНОГО» И «ЗАПАДНОГО» ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «НЕОЛИТ»…… 53
Т.Ю. Пантелеева
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ СОКОЛЬНЫЙ XII (НОВЫЙ ПАМЯТНИК НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)……. 56
И.В. Пикоренко
СТОЯНКА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КУЛЬТУРЫ СОКОЛЬНОЕ XII В ЛЕСНОМ СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ…… 59
А.В. Скоробогатова
ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ…… 62
А.В. Сомов
НОВЫЕ СТОЯНКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА В ЛЕСОСТЕПНОМ ПОВОЛЖЬЕ…….. 64
А.А. Хурмаев
АШЕЛЬСКАЯ СТОЯНКА КУСИМОВО-6 В ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ ХРЕБТА КРЫКТЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 2019 ГОДА…….. 68
А.В. Чамара
ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ НАКОЛЬЧАТОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ…… 72
Е.С. Юркина, А.В. Акулова (Кокоткина), М.В. Султанова
КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ ДОБРОЕ 9 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ (ИССЛЕДОВАНИЯ 2017-2019 ГОДОВ)……. 75
А.И. Яковлев
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПРИКАСПИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТОЯНКИ КУРПЕЖЕ-МОЛЛА И ПОСЕЛЕНИЯ ОРОШАЕМОЕ I……. 79

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА»

А.В. Ананьин
ПРИМЕНЕНИЕ GIS В ИЗУЧЕНИЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ…….. 82
В.Д. Афонасьев
ПОСЕЛЕНИЕ ЗОЛОТОЕ-1 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИТОБОЛЬЕ……. 84
Е.А. Булакова
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ…… 86
Е.О. Васючков
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСТОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ…… 89
С.М. Голобородько
ОГОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ 93
С.В. Грехов
ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО СВЕРЛЕНИЮ КАМНЯ МЕДНОЙ ТРУБКОЙ……... 96
Н.Е. Ермолович
ПРОЯВЛЕНИЕ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ ТРАДИЦИЙ В МАТЕРИАЛАХ САМУСЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ВЕРХНЕЕ ПРИОБЬЕ)……... 98

С.П. Жижин
ГАРИНСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТ. ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО IX……. 100
А.Д. Климова
ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ У НАСЕЛЕНИЯ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛАЯ БЕРЕЗОВАЯ…… 103
Н.С. Кувакина
ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МЕЛКОЙ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИТОБОЛЬЯ…….. 106
А.А. Ларочкин
ПОГРЕБЕНИЯ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ПРИЗНАКАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ). 108
Н.М. Мавлютова, Д.В. Надолько
ТЯТЕР-АРСЛАНОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ II – ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ (МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ)……... 111
М.С. Накарякова
ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ОБРАБОТКИ КАМНЯ В ГАРИНСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО IX)…….. 114
С.Г. Осипов
НЕОРДИНАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ…… 117
О.П. Петрова
ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЗУБОВ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКОВ……... 119
Е.С. Пимахина
ПРОИСХОЖДЕНИЕ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ…….. 122
Ю.В. Савельева
ФАЯНСОВЫЕ БУСЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА)…….. 125
И.А. Савко
ПЕТРОВСКО-АЛАКУЛЬСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПАМЯТНИКАХ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ……. 128
К.А. Уварова
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПРИКАСПИЙСКОЙ И ХВАЛЫНСКОЙ КУЛЬТУР…… 131
М.В. Храмцов
МЕСТО ПЛАСТИНЧАТОЙ ИНДУСТРИИ ЛИПЧИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ В НЕО-ЭНЕОЛИТЕ ЗАУРАЛЬЯ…….. 133
С.В. Чекунова
ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ВОСТОЧНОГО МАНЫЧА)……. 136
Т.А. Явная
КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ УЛАК-1……... 138

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА»

Г.В. Абрамов
ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ VI-IV ВВ. ДО Н.Э…….. 142
А.А. Андриевский
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КЛИМАТА И ЛАНДШАФТА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ……... 146
А.А. Асанова
АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КАРТОГРАФИРОВАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)…….. 149

В.С. Астафьева
ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ РЖВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ К. Ф. СМИРНОВА)…… 151
А.В. Белых
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА "ЗВЕРИНОГОЛОВСКИЙ КУРГАН" В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИТОБОЛЬЕ……. 155
А.А. Битюшкова
ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖИВОТНЫХ НА СОСУДАХ САРМАТСКОГО ПЕРИОДА ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА…….. 157
И.Р. Гавриш
САМАРСКИЕ АКИНАКИ С НАВЕРШИЯМИ В ВИДЕ ГРИФОНОВ В КОНТЕКСТЕ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО ВАРИАНТА СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ… 160
А.А. Загребина
РАССЕЛЕНИЕ ФИННО-ПЕРМСКИХ НАРОДОВ НА ЛЕВОБЕРЕЖНЫХ ПРИТОКАХ СРЕДНЕЙ КАМЫ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (РЖВ)……... 164
З.Ю. Зюзёв
СУДЬБА ИТКУЛЬСКОГО I ГОРОДИЩА……. 166
И.И. Киселёв
АНАЛИЗ ОТТИСКОВ НА КЕРАМИКЕ С ИТКУЛЬСКОГО ГОРОДИЩА…… 170
П.С. Козьякова
НАСЕЛЕНИЕ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ В ФИНАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ВЕРОЯТНОСТНАЯ МОДЕЛЬ РАССЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ КАЧКИНСКО-МУЛЯНСКОГО ПОРЕЧЬЯ……... 173
Т.А. Колпакова
МИКРОСКОПИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КЕРАМИКИ С ГОРОДИЩА КАЛА – УРЫН (ПО МАТЕРИАЛАМ 2017 Г.)……... 175
Ю.Д. Кравцова
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ НИЖНЕГО ДОНА НА ПРИМЕРЕ ФИБУЛ…… 178
Я.С. Логинов
ДИАГОНАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ……... 181
Ю.В. Макарова
АНАНЬИНСКАЯ ПОСУДА ИЗ ЕЛАБУЖСКОГО ГОРОДИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2015 И 2019 ГГ.)…….. 186
М.А. Нигметова
ПОЗДНИЕ САРМАТЫ ЕСАУЛОВСКОГО АКСАЯ……. 188
Е.В. Никольская, С.А. Трушникова
ЗАПАДНЫЕ ИМПОРТЫ В ПОГРЕБЕНИИ КУРГАНА №21 МОГИЛЬНИКА МАГНИТНЫЙ (ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ)……... 191
А.Ж. Нуркенова
ИСТОРИЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЖВ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ…….. 194
А.С. Оболочкова
ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО МОГИЛЬНИК ПЕРЕГРУЗНОЕ I, ПО ДАННЫМ КРАНИОСКОПИИ…… 197
Е.М. Орлова
ПОСТРОЙКА ИЗ РАСКОПА II 2005/2019 НА НИЖНЕЙ ПЛОЩАДКИ ГЛЯДЕНОВСКОГО ГОРОДИЩА……... 200
В.Я. Панчехин
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ ДУБРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА IV-V ВВ. Н.Э…….. 203
С.Х. Рахматуллин
АНАНЬИНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАЗРУШЕННОГО КОМПЛЕКСА БЛИЗ ЕЛАБУГИ 205

С.С. Ролдугина
ВНУТРИГРУППОВАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ ГРУПП АБГАНЕРОВО II-IV)…….. 208
С.С. Ронжова
К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ СТАРОКИРГИЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ…….. 212
Л.Н. Савинов
КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ВОСТОЧНЫХ ПРЕДГОРИЙ ГОРНОГО МАССИВА ИРЕНДЫК-КРЫКТЫ…… 215
Л.Р. Халимуллина
О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ВПН В БАССЕЙНЕ Р. БОЛЬШОЙ ЧЕРЕМШАН. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ……. 217
В.А. Фурлет
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС I ЧЕРНОВСКОГО ГОРОДИЩА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2019 г.)…… 220
Д.Ф. Шайхутдинова
КУЛЬТОВАЯ КОРОПЛАСТИКА БОСПОРА НА ПРИМЕРЕ АНТИЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ КИРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ…… 223
В.С. Юдакова
О ЗАПАДНЫХ КОМПОНЕНТАХ ФОРМИРОВАНИЯ КАШИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ…….. 226
Д.А. Якимова
К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИКИ ПРИКАМЬЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ……. 229

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

А.В. Агеев
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДЕМЁНКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА…….. 233
Е.С. Анисимова
АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ, ОБНАРУЖЕННЫХ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ МОГИЛЬНИКЕ……. 236
А.Д. Бочкарева
ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА IX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ 2019 ГОДА)…….. 239
К.В. Гавриш
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК УЕЛГИ: ИТОГИ 10-ЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ…. 242
А.И. Галимов
НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ ИЗ БОЛГАРСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКАМЬЯ…….. 245
Р.И. Гарипова
БОЛГАРСКИЕ ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ…….. 247
Ю.Д. Гончаренко
ТЕХНИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА СООРУЖЕНИЙ XII – XIV ВЕКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА…… 249
К.Г. Гюрджоян
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КИНТУСОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ТАЗОВСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ…….. 251
Р.В. Давыдов
ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ТОРЕВТИКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ ШИГРЕЙ…….. 254
З.А. Иванова
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПОЛЯРНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ, КАК ФАКТОР ИХ СОХРАННОСТИ…… 258
А.Д. Ирушкина, Ю.Н. Мордовин
НИКОЛЬСКОЕ СЕЛИЩЕ (ПО ИТОГАМ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА 2019 ГОДА)……. 261

А.А. Исмоилова
ПРИКАМСКО-ПРИУРАЛЬСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ…… 263
И.К. Ким
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И СВЯЗИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ IX-X ВВ. НА ПРИМЕРЕ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА…….. 265
Е.В. Князева
ДРЕВНЕРУССКИЙ ИМПОРТ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В IX-XIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕМАРИЙСКИХ МОГИЛЬНИКОВ……... 268
К.Ю. Коновалова
КОМПЛЕКС КОСТНЫХ ОСТАТКОВ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАСКОПОК РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА (2012 г.)…….. 270
Е.В. Кочеткова
КЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ЛУКИ РАННЕХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ……... 274
А.Р. Латыпова
ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ИСКУССТВА САСАНИДСКОГО ИРАНА В ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЕ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО МОГИЛЬНИКА…… 276
С.Н. Мамедов
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И ВОИНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ……... 279
Е.В. Мартынова
«БРОШЕННЫЕ» ЗАХОРОНЕНИЯ XI-XIII ВВ. НА САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ…. 281
А.А. Матвеев
КЕРАМИЧЕСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА…… 284
М.П. Милованова
РЕМЕННАЯ ГАРНИТУРА МОГИЛЬНИКОВ КРУТИКА IX- НАЧАЛА XI ВВ…… 285
Е.С. Охотников
КЛИМАТ И РАСТИТЕЛЬНОСТЬ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ……. 289
М.А. Полыгалов
БАЛЛИСТИКА СТРЕЛ С ЛИСТОВИДНЫМИ НАКОНЕЧНИКАМИ КАК ОДНА ИЗ СТОРОН ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ……... 292
Л.Г. Савченко
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ДРЕВНИХ УГРОВ-МАДЬЯР НА ЮЖНОМ И СРЕДНЕМ УРАЛЕ В ИСТОРИКО-ЛАНДШАФТНОМ КОНТЕКСТЕ: ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИ-ПОЧВОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ……. 295
Г.М. Сагманова
3D ГИС И СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА №230 В БОЛГАРЕ)…….. 300
А.А. Самсонова, Д.В. Лебедева
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОРДОВСКОГО И МАРИЙСКОГО ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ IX-XI ВВ……. 303
П.А. Слепцова
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАНКЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА……... 306
А.Р. Смертин
ДЕРЕВООБРАБАТЫВЮЩИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ НЕВОЛИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ……... 308
П.Р. Смертин
ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЛОМОВАТОВСКОЙ И НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУР……. 313

Р.Р. Утягулова
ПОСУДА С ЛЮСТРОВОЙ РОСПИСЬЮ НА БИЛЯРСКОМ ГОРОДИЩЕ…….... 317
Г.Р. Хасанова
ГЛАЗУРОВАННОЕ БЛЮДО С СЮЖЕТНЫМ РИСУНКОМ ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА…… 319
М.С. Цыкин
РАННЕМАДЬЯРСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ.. 322
Ю.И. Чакилева
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ…….. 325
П.С. Шалфеев
ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОРОДОВ И ВОЕННЫХ КРЕПОСТЕЙ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ ДОМОНГОЛЬСКОЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ…… 328
Д.Т. Шарифуллина
НЕУКРЕПЛЁННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ И ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАКАМЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА……. 330
Ю.В. Шельдешова
ГРАФФИТИ НА КИРПИЧЕ ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА……... 333
М.Е. Шмырина
КОСТЯНЫЕ ГРЕБНИ РОДАНОВА ГОРОДИЩА……. 336
А.К. Щепина
ПРЕДМЕТЫ ДЕНЕЖНО-ВЕСОВОГО ОБРАЩЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ…… 340
Е.В. Яровиков
ТИПОЛОГИЯ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ X-XIV ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОРОМАШКИНСКОГО И КИРМЕНСКОГО ГОРОДИЩ)……. 342

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ»

В.И. Близнюкова
БУСЫ С НАКЛАДНЫМИ НИТЯМИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА…… 346
Е.Ю. Зленко
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МАВЗОЛЕЕВ…… 348
О.Л. Зяблов
ПОСЕЛЕНИЕ «ТУМАК-ТУБЕ» В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ……. 351
Е.А. Кройтор
ТЕХНОЛОГИЯ ШТАМПОВКИ НА ПРИМЕРЕ ПЛАСТИНЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОШАЧЬИХ……. 353
А.Э. Купер
ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА №2 1966 Г…… 357
Е.А. Тельминова
ДИАНОВО: ВЫЯВЛЕНИЕ НОВОГО ПАМЯТНИКА ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ…… 360
А.И. Шамгунов
ВОЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ КОННОГО ВОИНА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ…….. 362

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ»

М.А. Буевич
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФОРТИФИКАЦИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ……. 365
К.А. Девятова
СЕЛИЩЕ ЛУЧИНЫ ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ……. 367
В.Ю. Кельсин, А.М. Емельянов
ДОБЫЧА МЕДИСТЫХ ПЕСЧАНИКОВ НАСЕЛЕНИЕМ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЛЕДНИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ……. 371
И.В. Рюмин
СЕВЕРНОЕ ВЛИЯНИЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ БАРАБИНСКИХ ТАТАР…..…….. 373
Л.А. Садыкова
СПЕЦИФИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДКОВ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ……..….. 375
Н.А. Тюрикова
ЗАМКИ И КЛЮЧИ ТОРЕЦКОГО ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ…….. 378
Е.В. Шуравин
ЛАНДШАФТНЫЕ ФАКТОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЙ XVI-XIX ВВ. ВАВОЖСКОГО РАЙОНА УР)……... 380
Е.А. Яковлева
ПОХОД ЕРМАКА НА УРАЛЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ……. 383

СЕКЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ ГОРОДА»

А.М. Борисова, М.К. Глазырина
ВАРИАНТ МОДЕЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И МОЩНОСТИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ГОРОДА КИРОВА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ……. 386
А.С. Евшин
МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ФАРФОРА И ФАЯНСА НА ОСНОВЕ ОХРАННЫХ РАБОТ ПО УЛИЦЕ ГЕРЦЕНА, 26 В Г. КИРОВЕ…….. 389
Д.А. Калугина
ЛАНДШАФТНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В САРАПУЛЕ В XVIII-XIX ВВ…… 394
К.Н. Мергенева, Г.Н. Сауков
НЕАТРИБУТИРОВАННЫЕ КЛЕЙМА ФАРФОРОВЫХ И ФАЯНСОВЫХ ЗАВОДОВ ИЗ РАСКОПА ГОРОДСКИХ УСАДЕБ НА УЛ. КУЙБЫШЕВА, 21-23 Г.КУРГАНА: ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКИ…….. 397
М.А. Михайлова
КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС Г. САРАПУЛА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2017–2019 гг.)…… 401
Ю.А. Онуфриенко
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ Г. КИРОВА……... 403
Р.А. Памеев
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ……... 406
А.Э. Стародубцев
АРХЕОЛОГИЯ ДЕТСТВА: НАХОДКИ ГЛИНЯНЫХ ИГРУШЕК НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА КИРОВА……. 409
А.А. Червякова
КЕРАМИКА ЦАРЕВОКОКШАЙСКА ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА 2019 ГОДА…… 412

СЕКЦИЯ «ОХРАНА И СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»

К.М. Бакумцев
К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ВОСТОЧНОМ ПРЕДКАМЬЕ…… 416
Н.А. Заикина
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ…….. 418
Е.А. Куценко
СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТЮМЕНСКОЙ АРКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ…… 421
Я.Ф. Хабетдинова
ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ ТАКТАЛАЧУКСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА…… 424

СЕКЦИЯ «ЭТНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

К.И. Ахтямова
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЮЖНЫХ ХАНТЫ…….. 427
К.Н. Втюрина
ОБРЯД «ЗАПИРАНИЯ» ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОСЕЛЬСКОГО ТЕРЮХАНСКОГО МОГИЛЬНИКА…….. 430
Д.О. Касаева, Р.И. Мухаметов
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО БОЛГАР (НА МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЕИ КФУ)…… 434
А.И. Кузьмина
ГОНЧАРНОЕ РЕМЕСЛО АРЗАМАССКОЙ ОКРУГИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА……... 436
В.Ю. Неупокоева
ДИСКУССИЯ О НАЗНАЧЕНИИ КЛЕЙМ НА ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЕ……. 440
Т.И. Собянина
«ПООБЕДАЙ С НАМИ. ПООБЕДАЕШЬ – УХОДИ» (ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ В ТАТАРСТАНЕ)……... 443
Е.Ю. Федорова
ОБРЯД ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ-ТЕРЮХАН……... 445
Ю.С. Чернышева
СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НИЖНЕЙ КАМЫ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ…….. 449
В.С. Ясаков
ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ РАКОВИН КАУРИ (СЕРЕДИНА II ТЫС. ДО Н.Э. – XIX В. Н.Э.)…….. 451

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ……...…… 454

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ……. 458

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ……... 461

Научное издание

LII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных

(УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.)

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Издается в авторской редакции
Компьютерная вёрстка: *М. Л. Перескоков*

Подписано в печать 29.01.2020. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 54,87. Тираж ___ экз. Заказ ___

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография _____
_____